ISSN 2221-2698

сетевой научный журнал

«Арктика и Север»

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

№ 64
2026

Архангельск
DOI: 10.37482/issn2221-2698.2026.64

ISSN 2221-2698
Арктика и Север / Arctic and North. 2026. № 64
© Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2026

Выписка из реестра зарегистрированных средств массовой информации Эл № ФС77-78458 выдана Роскомнадзором (Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций) 8 июня 2020 года.

Журнал индексируется в **РИНЦ (RSCI)** (2018), зарегистрирован в следующих базах данных и поисковых системах: eLIBRARY, Научная электронная библиотека «КиберЛенинка», РУКОНТ, EBSCO Publishing, Directory of Open Access Journals, Global Serials Directory Ulrichsweb, NSD, InfoBase Index, ERIH PLUS, MIAR, OAJI, EuroPub, CrossRef. Журнал включен в Перечень авторитетных научных изданий **(«Белый список»)**, **во 2й квартиль (Q2)** в сводном рейтинге журналов RSCI, а также во **2й квартиль (Q2)** в рейтинге журналов RSCI по тематике OECD 507. Social and Economic Geography.

Издается с 2011 года и выходит в свет не реже 4 раз в год.

В журнале публикуются научные статьи по проблемам Арктики и Севера, актуальные для следующих профессиональных специальностей: 5.2 Экономика; 5.4 Социальные науки; 5.5 Политическая наука.

Учредитель и издатель — Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия).

Почтовый адрес издательства и редакции: 163002, Россия, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17.

Главный редактор — Зайков Константин Сергеевич, доктор исторических наук, профессор.

Все выпуски находятся в свободном доступе (CC BY-SA) на сайте журнала на русском и английском языках. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, декларация об этике размещены на сайте: http://www.arcticandnorth.ru. Все рукописи рецензируются с использованием системы двойного слепого рецензирования. Факт подачи рукописи рассматривается как передача авторских прав на публикацию и размещение статьи в базах данных, что способствует популяризации публикационной активности авторов и отвечает их интересам.

Издательство может не согласиться с точкой зрения авторов.

The mass media registration certificate ЭЛ No. ФС77- 78458 is issued on 8 June 2020 by Roskomnadzor (Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications).

The journal is indexed in the **Russian Science Citation Index (RSCI)** (2018), and is registered in the following databases and search systems: eLIBRARY, Scientific Electronic Library "CyberLeninka", РУКОНТ, EBSCO Publishing, USA (2012), Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013), Global Serials Directory Ulrichsweb, USA (2013), NSD, Norway (2015), InfoBase Index, India (2015), ERIH PLUS, Norway (2016), MIAR, Spain (2016), OAJI (2017), EuroPub, CrossRef. The journal is included in the List of authoritative scientific publications (**"The White List"**), in the List of **Q2** RSCI Journals, and in the List of **Q2** RSCI Journals on the Subject of OECD 507. Social and Economic Geography.

The journal is published since 2011 and issued not less than 4 times a year.

The journal publishes the scientific articles focused on the Arctic and the North relevant for the following professional degrees: 5.2 Economics; 5.4 Social science; 5.5 Political science.

The Founder and Publisher is Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia).

Postal address of the Publisher and Editorial office: Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia.

Editor-in-Chief is Konstantin S. Zaikov, Dr. Sci. (Hist.), Professor.

All issues are available free of charge (CC BY-SA) in Russian and English at the webpage of the journal. Rules and regulations of submission, peer reviews, publication and the Declaration of Ethics are available at http://www.arcticandnorth.ru/en/. All manuscripts are reviewed using double blind peer review system. The fact of submitting manuscripts is considered as the assignment of copyright to publish and to place an article in databases, which contributes to the promotion of the publication activity of the authors and meets their interests.

Publisher may not agree with the authors' point of view.

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

ЛИПИНА С.А., ЛИПИНА А.В., КУПРИКОВ Н.М., АВДОНИНА Н.С. Обеспечение экологической безопасности в Арктике при активизации пространственного развития и судоходства по Северному морскому пути 6
LIPINA S.A., LIPINA A.V., KUPRIKOV N.M., AVDONINA N.S. Ensuring Environmental Safety in the Arctic While Intensifying Spatial Development and Navigation along the Northern Sea Route

ВОПИЛОВСКИЙ С.С. Аквакультура Северо-Запада России: статистика, условия и перспективы развития 28
VOPILOVSKIY S.S. Aquaculture in the North-West of Russia: Statistics, Conditions and Development Prospects

АГАРКОВ С.А., ИВАНОВА М.В. Методология оценки экспортного потенциала арктических минерально-сырьевых ресурсов в новых условиях монополистической конкуренции 42
AGARKOV S.A., IVANOVA M.V. Methodology for Assessing the Export Potential of Arctic Mineral Resources in the New Conditions of Monopolistic Competition

ЛИПИНА С.А., КУПРИКОВ Н.М., ЛИПИНА А.В., КОРТУНОВ Д.С. Методологические и институциональные разрывы в стратегиях развития регионов Арктической зоны Российской Федерации 58
LIPINA S.A., KUPRIKOV N.M., LIPINA A.V., KORTUNOV D.S. Methodological and Institutional Gaps in the Development Strategies of the Russia's Arctic Regions

КОШЕЛЕВ В.М., ЧЕКМАРЕВА Н.В., РОМАНЮК М.А., СУХАРНИКОВА М.А., ФРОЛОВА А.П. Перспективные направления технологической трансформации северного оленеводства в России 77
KOSHELEV V.M., CHEKMAREVA N.V., ROMANYUK M.A., SUKHARNIKOVA M.A., FROLOVA A.P. Promising Directions of Technological Transformation of Northern Reindeer Husbandry in Russia

МУРАЕВ И.Г., СУШКО О.П. Научно-технологический и экономический потенциал Архангельской области. Часть I 94
MURAEV I.G., SUSHKO O.P. Scientific, Technological and Economic Potential of the Arkhangelsk Oblast. Part I

РОМАШЕВА Н.В., ДМИТРИЕВА Д.М., ФАДЕЕВ А.М., ОРДИНА А.А., ЦВЕТКОВА А.А. Ключевые особенности декарбонизации нефтегазовых компаний России в условиях освоения месторождений Севера и Арктики 113
ROMASHEVA N.V., DMITRIEVA D.M., FADEEV A.M., ORDINA A.A., TSVETKOVA A.A. Key Features of Decarbonization in Russia's Oil and Gas Companies in the Context of Northern and Arctic Resource Development

ЦВЕТКОВ А.Ю., ОСИПОВА Е.Э. Ресурсно-логистические возможности для развития промышленного туризма в Российской Арктике 138
TSVETKOV A.Yu., OSIPOVA E.E. Resource and Logistics Opportunities for the Development of Industrial Tourism in the Russian Arctic

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ
POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

ЖУРАВЕЛЬ В.П., ГРИНЯЕВ С.Н. Архипелаг Шпицберген как объект геополитической конкуренции в Арктике. К столетию Договора
ZHURAVEL V.P., GRINYAEV S.N. The Svalbard Archipelago as an Object of Geopolitical Competition in the Arctic. On the Treaty's Centenary 157

ЗАЙКОВ К.С., КОМАРОВ А.А. 200 лет на страже соседства. Российско-норвежская граница: от фронтира к национальному рубежу
ZAIKOV K.S., KOMAROV A.A. 200 Years of Guarding the Neighborship. The Russian-Norwegian Border: From Frontier to National Boundary 174

СОКОЛОВА Ф.Х., ТРУФАНОВА Е.А. Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество: результаты и последствия для России
SOKOLOVA F.H., TRUFANOVA E.A. Barents Euro-Arctic Cooperation: Results and Consequences for Russia 202

ТРУНОВ Ф.О. Сотрудничество Германии с Норвегией, Швецией и Финляндией в сфере безопасности и обороны в середине 2020-х гг.
TRUNOV Ph.O. Germany's Cooperation with Norway, Sweden and Finland in the Field of Security and Defense in the Mid-2020s 229

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ
NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

ЗАДОРИН М.Ю., ЗАЙКОВ К.С. Федеральная и региональные стратегии и программы развития Арктической зоны Российской Федерации в контексте защиты прав на традиционную хозяйственную деятельность аборигенов Севера: актуализация на начало 2026 г.
ZADORIN M.Yu., ZAIKOV K.S. Federal and Regional Development Strategies and Programs of the Russian Arctic in the Context of Protecting the Rights of Indigenous Peoples of the North to Their Traditional Economic Activities: Update for the Beginning of 2026 251

МАНАКОВ А.Г., ВЛАДЫКИН Б.А. Межпереписная динамика коми в регионах России с 1970 г.: тренды и факторы
MANAKOV A.G., VLADYKIN B.A. Intercensal Dynamics of the Komi Population in the Regions of Russia since 1970: Trends and Factors 275

КАРПОВА Г.А., ШМАТКО А.Д., МИХАЙЛОВА А.В. Арктический туризм нового поколения: интеграция креативных индустрий, ИИ и традиционных знаний коренных народов
KARPOVA G.A., SHMATKO A.D., MIKHAILOVA A.V. The New Generation of Arctic Tourism: Integration of Creative Industries, AI and Traditional Knowledge of Indigenous Peoples 292

МОРОЗОВ А.А. Проблемы и значимость развития туризма в Арктике
MOROZOV A.A. Problems and Importance of Tourism Development in the Arctic 314

СТЕПАНОВ В.С. Показатели благосостояния населения и продолжительности жизни для Архангельской области и ряда регионов: анализ, моделирование
STEPANOV V.S. Indicators of Population Welfare and Life Expectancy for the Arkhangelsk Oblast and Several Other Regions: Analysis and Modelling 332

ТИМОШЕНКО Д.С. Российский арктический туризм в эпоху санкционного давления стран «коллективного Запада»: новое окно возможностей для Мурманской области. Часть I 364
TIMOSHENKO D.S. Russian Arctic Tourism in the Era of Sanctions Pressure from the “Collective West”: A New Window of Opportunity for the Murmansk Oblast. Part I

ШАЛТАЕВА Л.А. Культурное сотрудничество как инструмент формирования региональной идентичности в Баренцевом Евро-Арктическом регионе до трансформации многостороннего взаимодействия в 2022 г. 387
SHALTAEVA L.A. Cultural Cooperation as a Tool for Shaping Regional Identity in the Barents Euro-Arctic Region Prior to the Transformation of Multilateral Cooperation in 2022

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ
REVIEWS AND REPORTS

ЗАШИХИНА И.М., ГРИВА О.Е., ЛЭ СЮЙ. Трансформация образа Российской Арктики в сознании студенческой молодёжи КНР: потенциал языковых программ 401
ZASHIKHINA I.M., GRIVA O.E., LE XU. Transforming the Perception of the Russian Arctic among Chinese University Students: The Potential of Language Courses

Редакционный совет 425
Editorial board

Выходные данные 426
Output data

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 6–27.
Научная статья
УДК [504.5+656.6](98)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.6

Обеспечение экологической безопасности в Арктике при активизации пространственного развития и судоходства по Северному морскому пути

Липина Светлана Артуровна [1], доктор экономических наук, профессор
Липина Александра Валерьевна [2], кандидат технических наук, доцент
Куприков Никита Михайлович [3], доктор экономических наук, доцент, старший научный сотрудник
Авдонина Наталья Сергеевна [4]✉, кандидат политических наук, доцент

[1] Всероссийский научно-исследовательский институт охраны окружающей среды «Экология», МКАД, 36 км, влад. 1, стр. 4, Москва, Россия
[1] Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России, ул. Левобережная, 32, стр. 1, Москва, Россия
[2] Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», пр. Ленинский, 4, стр. 1, Москва, Россия
[3] Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Волоколамское ш., 4, Москва, Россия
[4] Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия
[1] s.lipina@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8551-0653
[2] a.v.lipina@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0835-8878
[3] nkuprikov@yandex.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3152-0941
[4] n.avdonina@narfu.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9871-345

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы обеспечения экологической безопасности в Арктике в условиях интенсификации хозяйственной деятельности и роста грузопотока по Северному морскому пути (СМП). Целью исследования является разработка научно-методических рекомендаций по снижению и ликвидации экологических рисков, обеспечивающих баланс между промышленным освоением и сохранением уязвимых арктических экосистем. Методологическую основу работы составили системный подход, анализ нормативно-правовой базы РФ, международных отчётов (AMAP, HELCOM, Арктического совета) и сравнительный анализ практик природопользования в Норвегии, Канаде и странах Балтики. В результате исследования систематизировано 11 групп экологических рисков (климатогенные, эксплуатационные, риски накопленного ущерба), а также разработан комплексный подход к их минимизации. Предложенный комплекс мероприятий объединяет институциональные, технологические и организационные меры, включая совершенствование мониторинга на базе спутниковых систем и БПЛА, внедрение «зеленых» технологий судоходства, ликвидацию накопленного загрязнения и вовлечение коренных народов в процесс принятия решений. Сделан вывод о том, что применение данного подхода позволит повысить эффективность

* © Липина С.А., Липина А.В., Куприков Н.М., Авдонина Н.С., 2026
Для цитирования: Липина С.А., Липина А.В., Куприков Н.М., Авдонина Н.С. Обеспечение экологической безопасности в Арктике при активизации пространственного развития и судоходства по Северному морскому пути // Арктика и Север. 2026; 64: 6–27. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.6
For citation: Lipina S.A., Lipina A.V., Kuprikov N.M., Avdonina N.S. Ensuring Environmental Safety in the Arctic While Intensifying Spatial Development and Navigation along the Northern Sea Route. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 6–27. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.6
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

стратегического планирования, укрепить экологическую безопасность региона и усилить позиции России в Арктике. Результаты имеют практическую значимость для актуализации государственных программ и реализации инфраструктурных проектов.
Ключевые слова: *пространственное развитие, стратегическое планирование, устойчивое развитие, экологические риски, методика управления, комплексная безопасность, экологическая безопасность, Арктика, Северный морской путь*

Ensuring Environmental Safety in the Arctic While Intensifying Spatial Development and Navigation along the Northern Sea Route

Svetlana A. Lipina [1], Dr. Sci. (Econ.), Professor
Alexandra V. Lipina [2], Cand. Sci. (Tech.), Associate Professor
Nikita M. Kuprikov [3], Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Senior Researcher
Natalia S. Avdonina [4]✉, Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor

[1] All-Russian Research Institute of Environmental Protection, MKAD, 36 km, Str. 1, Bld. 4, Moscow, Russia
[1] Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, ul. Levoberezhnaya, 32, Bld. 1, Moscow, Russia
[2] University of Science and Technology MISIS, Leninskiy pr., 4, Bld. 1, Moscow, Russia
[3] Moscow Aviation Institute (National Research University), Volokolamskoe shosse, 4, Moscow, Russia
[4] Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia
[1] s.lipina@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8551-0653
[2] a.v.lipina@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0835-8878
[3] nkuprikov@yandex.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3152-0941
[4] n.avdonina@narfu.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9871-345

Abstract. The article examines current issues related to ensuring environmental safety in the Arctic in the context of intensifying economic activity and growing cargo traffic along the Northern Sea Route (NSR). The aim of the study is to formulate scientific and methodological recommendations for reducing and eliminating environmental risks, ensuring a balance between industrial development and the preservation of vulnerable Arctic ecosystems. The methodological basis of the work comprised a systems approach, an analysis of the Russian regulatory framework and international reports (AMAP, HELCOM, Arctic Council), a comparative analysis of environmental management practices in Norway, Canada, and the Baltic states. As a result of the study, 11 groups of environmental risks (climatogenic, operational, cumulative damage risks) have been systematized, and a comprehensive approach to their minimization has been developed. The proposed methodology integrates institutional, technological, and organizational measures, including improved monitoring using satellite systems and UAVs, implementation of “green” shipping technologies, elimination of accumulated pollution, and involvement of indigenous peoples in decision-making. It was concluded that the application of this approach will improve the effectiveness of strategic planning, strengthen the region’s environmental security and enhance Russia’s position in the Arctic. The results have practical significance for updating government programs and implementing infrastructure projects.
Keywords: *spatial development, strategic planning, sustainable development, environmental risks, management methods, integrated security, environmental safety, Arctic, Northern Sea Route*

Введение

Современный этап освоения Арктики характеризуется интенсификацией хозяйственной деятельности, возобновлением круглогодичного судоходства по Северному морскому пути (СМП) и масштабными инфраструктурными проектами. Эти процессы закреплены в стратегических документах Российской Федерации — «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на

период до 2035 года» и плане развития СМП, которые ставят амбициозные цели по росту грузопотока и комплексному обустройству территорий[1,2]. Однако реализация данных задач происходит в условиях крайне уязвимых арктических экосистем, чья восстановительная способность существенно снижена из-за климатических изменений и накопленного экологического ущерба (Kudryashova, Lipina, Zaikov, 2019)[3]. Теоретическую базу для понимания современных процессов в регионе заложили работы, посвящённые стратегическому развитию российского политического пространства в Арктике (Морозов, Кондраль, 2014), формированию арктической стратегии России как политики нового типа (Подоплекин, Бестужева, 2014), а также региональным аспектам, например, политике Архангельской области (Журавлев, 2012). Важно помнить, что эти процессы опираются на длительную историю регионализации в Северной Европе, истоки становления и динамику развития которой исследуют Ф.Х. Соколова и Е.А. Труфанова (Соколова, Труфанова, 2025).

Парадокс современной ситуации заключается в том, что, несмотря на наличие развёрнутой сети научных институтов (ААНИИ, «Плавучий университет») и совершенствование систем мониторинга (спутниковая группировка, станции Росгидромета), существующие механизмы управления экологическими рисками остаются фрагментарными. Они не в полной мере учитывают синергию таких факторов, как таяние многолетней мерзлоты, рост транзитного судоходства и трансграничный перенос загрязнителей. Анализ литературы показывает, что большинство исследований либо концентрируется на технических аспектах предотвращения разливов, либо носит описательный характер, фиксируя ухудшение состояния окружающей среды. Комплексные методики, соединяющие стратегическое планирование с природоохранными мерами и адаптированные к российским условиям, до настоящего времени не разработаны.

Ключевую роль в научной деятельности в Арктике играет Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт (ААНИИ). Изначально специализировавшийся на организации экспедиций, сегодня институт совмещает их проведение с постоянным мониторингом состояния окружающей среды через сеть стационарных и дрейфующих станций. ААНИИ регулярно проводит морские экспедиции и участвует в международных дискуссиях по данной тематике. В 2012 г. в САФУ стартовал проект «Арктический плавучий университет», объединяющий образовательную программу и междисциплинарные естественно-научные исследования в Арктике. В рамках проекта изучаются актуальные вопросы — от распространения микропластика до изменений климата. Институциональные основы современных исследований, таких как работа ААНИИ и

[1] Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (утверждена Указом Президента РФ от 26 февраля 2020 г. № 74). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972 (дата обращения: 01.10.2025).
[2] Стратегия развития Северного морского пути до 2035 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 апреля 2020 г. № 1097-р). URL: http://government.ru/docs/46171/ (дата обращения: 01.10.2025).
[3] Arctic Council. (2017). Arctic Marine Shipping Assessment Report. URL: https://arctic-council.org/projects/arctic-shipping-status-reports/ (дата обращения: 01.10.2025).

проекта «Арктический плавучий университет», были заложены десятилетиями ранее. Как отмечает А.А. Сабуров, уже в 1920-х гг. в Советской России велась активная работа по планированию и координации арктических научных экспедиций (Сабуров, 2016).

В августе 2022 г. утверждён план развития СМП до 2035 г., который предусматривает создание системы государственного экологического мониторинга акватории под руководством Минприроды и «Росатома». В настоящее время мониторинг охватывает состояние атмосферного воздуха, вод и радиационную обстановку. Кроме того, реализуется федеральный проект «Чистый воздух», его цель — снизить выбросы и улучшить экологию за счёт модернизации энергетики и газификации частного сектора. Результаты фиксируются разветвлённой сетью пунктов наблюдения[4].

Мониторинг качества поверхностных вод ведётся на многочисленных пунктах в Баренцевом и Восточно-Сибирском регионах, где анализируются гидрохимические и гидробиологические показатели, включая состояние фитопланктона, зоопланктона и зообентоса. Радиологический контроль осуществляется на 94 пунктах, что обеспечивает комплексную оценку экологической ситуации.

Таким образом, возникает противоречие между стратегическим курсом на ускоренное пространственное развитие Арктики и необходимостью сохранения её экосистем. Разрешение этого противоречия требует выработки нового подхода, который интегрировал бы требования законодательства, лучшие международные практики и современные технологии мониторинга в единую систему управления рисками.

Научная новизна исследования заключается в систематизации 11 групп экологических рисков Арктики с учётом синергетических эффектов между климатогенными, эксплуатационными и накопленными факторами; в разработке комплексного подхода к снижению рисков, интегрирующего институциональные, технологические и организационные меры, адаптированного к российским правовым и природно-климатическим условиям; в обосновании возможностей и ограничений адаптации международных практик (Норвегия, Канада, HELCOM) для Северного морского пути на основе сравнительного анализа с конкретными количественными показателями.

Целью данной статьи является разработка научно-методических рекомендаций по снижению и ликвидации экологических рисков в Арктике и на акватории Северного морского пути, обеспечивающих баланс между промышленным освоением и сохранением природной среды. Для достижения цели были решены следующие задачи: проведён анализ текущей природоохранной ситуации и стратегических документов, систематизированы ключевые группы рисков, а также предложен комплекс мероприятий по минимизации рисков с учётом российских институциональных условий и международного опыта.

[4] Северный морской путь: что это такое и как он работает сегодня. URL: https://www.rbc.ru/base/10/09/2025/68c075ee9a79472708d42f86 (дата обращения: 20.02.2026).

Материалы и методы

В рамках исследования была проведена комплексная аналитическая работа по изучению и систематизации нормативно-правовых актов, стратегических документов и научно-методических рекомендаций, регламентирующих пространственное развитие Арктического региона и обеспечение экологической безопасности на Северном морском пути (СМП).

На первом этапе проведён нормативно-правовой анализ стратегических документов, определяющих векторы пространственного развития Арктической зоны РФ и регламентирующих требования к экологической безопасности. Эмпирическую базу составили:

- Федеральный закон № 193-ФЗ «Об Арктической зоне Российской Федерации»[5];
- Указ Президента РФ № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года»[6];
- Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года[7];
- Стратегия развития Северного морского пути до 2035 года[8];
- Паспорт национального проекта «Экология»[9].

Целью анализа являлось выявление целевых показателей в области охраны окружающей среды, а также определение существующих пробелов в регулировании, где требуется разработка дополнительных инструментов.

На втором этапе осуществлён сбор и систематизация данных о природоохранных рисках, характерных для Арктического региона. Источниковая база включала:

- научные публикации, посвящённые климатическим изменениям в высоких широтах, антропогенному воздействию и состоянию биоразнообразия;
- отчёты международных организаций: Арктического совета (Arctic Marine Shipping Assessment, 2017)[10], Хельсинкской комиссии (HELCOM, 2018)[11], Программы ООН по

[5] Федеральный закон № 193-ФЗ «Об Арктической зоне Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45677 (дата обращения: 01.10.2025).
[6] Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255 (дата обращения: 01.10.2025).
[7] Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (утверждена Указом Президента РФ от 26 февраля 2020 г. № 74). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972 (дата обращения: 01.10.2025).
[8] Стратегия развития Северного морского пути до 2035 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 апреля 2020 г. № 1097-р). URL: http://government.ru/docs/46171/ (дата обращения: 01.10.2025).
[9] Национальный проект «Экология». URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/ (дата обращения: 01.10.2025).
[10] Arctic Council. 2017. Arctic Marine Shipping Assessment Report. URL: https://arctic-council.org/projects/arctic-shipping-status-reports/ (дата обращения: 01.10.2025).
[11] HELCOM. 2018. Baltic Sea Action Plan. URL: https://helcom.fi/baltic-sea-action-plan/ (дата обращения: 01.10.2025).

окружающей среде (UNDP Arctic Initiative, 2020)[12];

- материалы национальных природоохранных ведомств (Environment Canada [13], Norwegian Maritime Authority [14]), содержащие описание успешных практик адаптивного управления.

Для обработки разнородной информации использовался метод контент-анализа, позволивший выделить повторяющиеся паттерны угроз и структурировать их по источникам возникновения: климатогенные, эксплуатационные (связанные с судоходством и добычей), аккумулированные (историческое загрязнение).

На третьем этапе применён метод сравнительного анализа для изучения международных подходов к минимизации экологических рисков в арктических и субарктических условиях. Рассматривались кейсы Норвегии (внедрение электросудоходства и гибридных технологий), Канады (адаптивные планы управления инфраструктурой), Швеции и Финляндии (ограничение шумового воздействия в Балтийском море как аналог для арктических акваторий). Критериями отбора выступали: наличие документированных результатов, сходство природно-климатических условий и потенциальная применимость в российской институциональной среде.

На четвёртом этапе осуществлён синтез полученных данных, результатом которого стала разработка авторского комплекса мероприятий по снижению экологических рисков. Данный подход представлен в форме классификационной таблицы (табл. 1), где каждый из одиннадцати выделенных типов рисков сопоставлен с перечнем мер, дифференцированных по функциональному признаку:

- институциональные (совершенствование нормативной базы, создание координирующих органов);
- технологические (внедрение инновационных систем мониторинга, очистных сооружений, бесшумного оборудования);
- организационно-подготовительные (обучение кадров, проведение учений, просвещение населения).

Методологической основой исследования послужил системный подход к оценке и управлению экологическими рисками, предусматривающий интеграцию различных уровней планирования — от стратегического до оперативного. При этом учитывались особенности

[12] UNDP Arctic Initiative. 2020. Community Engagement and Environmental Stewardship in the Arctic. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2614/arctic-resilience-forum-2020_web.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

[13] Environment Canada. 2019. Canada’s Adaptation Strategy for the Arctic. URL: https://www.canada.ca/en/services/environment/weather/climatechange/climate-plan/national-adaptation-strategy/action-plan.html (дата обращения: 01.10.2025).

[14] Norwegian Maritime Authority. 2021. Green Shipping Initiatives in Norway. URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/OurWork/Environment/Documents/Air%20pollution/The%20Governments%20action%20plan%20for%20green%20shipping.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

пространственного развития региона, связанные с изменением климатических условий, ростом судоходства по СМП, развитием инфраструктуры и добывающей промышленности. В работе дополнительно использовались методы сравнительного анализа, системного моделирования, а также экспертной оценки, что обеспечило комплексность и объективность полученных результатов.

Применённый подход позволяет учитывать как природные, так и антропогенные факторы, влияющие на состояние экосистемы, и способствует формированию сбалансированных управленческих решений в области пространственного развития и устойчивого освоения Арктического региона.

Обсуждение

Интенсификация хозяйственного освоения Арктики, выражающаяся в беспрецедентном росте грузопотока по Северному морскому пути, формирует принципиально новый контекст для обеспечения экологической безопасности региона. Увеличение объёмов перевозок с 4 млн т в 2014 г. до почти 38 млн т в 2024 г.[15] и стратегическая цель выйти на 70–100 млн т к 2030 г.[16] свидетельствуют о превращении СМП в полноценный транспортный коридор глобального значения. Однако столь масштабная активизация судоходства объективно повышает нагрузку на уязвимые арктические экосистемы, что требует адекватного совершенствования механизмов управления рисками. Предложенный в настоящем исследовании комплекс мероприятий представляет собой попытку дать комплексный ответ на этот вызов, однако её состоятельность необходимо оценить сквозь призму актуальных данных, международного опыта и существующих институциональных ограничений. Важно понимать, что нынешняя интенсификация использования СМП — не изолированное явление, а новый этап длительного историко-геополитического процесса. Исследователи, такие как В.И. Голдин, рассматривают эволюцию от Северо-Восточного прохода к современному Севморпути как процесс, осмысление которого длится тысячелетиями (Голдин, 2024). Более того, сама логика освоения этих пространств, как показано Н.М. Теребихиным, может быть понята через призму «северо-восточного текста» русской геоисториософии и сакральной географии (Теребихин, 2023).

Анализ новейших научных данных подтверждает, что проблема антропогенного воздействия на Арктику не ограничивается прямыми угрозами, связанными с судоходством. Исследования Программы арктического мониторинга и оценки (AMAP) демонстрируют сохранение высоких концентраций стойких органических загрязнителей в популяциях коренного населения Гренландии, канадского Нунавика и прибрежных районов Чукотки (Adlard, Bonefeld-Jørgensen, Dudarev et al., 2024). Этот факт приобретает особую значимость в

[15] Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255 (дата обращения: 01.10.2025).
[16] Там же.

контексте разработанного подхода, поскольку он указывает на наличие как минимум двух взаимосвязанных проблем. Во-первых, несмотря на общее снижение эмиссии «классических» СОЗ, их накопление в трофических цепях продолжает оказывать воздействие на здоровье человека и биоразнообразие. Во-вторых, само существование трансграничного переноса токсикантов подчёркивает недостаточность национальных мер и необходимость координации усилий на международном уровне — даже в условиях, когда политическое взаимодействие существенно осложнено.

Россия, на долю которой приходится значительная часть арктического побережья и населения региона, продолжает реализацию собственной стратегии развития, опираясь на потенциал национальных научных институтов и взаимодействие с дружественными государствами-наблюдателями. В этой связи особую значимость приобретают вопросы информационной безопасности и трансграничного сотрудничества. Как отмечает А.М. Тамицкий, информационная безопасность выступает важнейшим фактором современных международных отношений в Арктике (Тамицкий, 2013; Тамицкий, 2014). Исторический же опыт подобного трансграничного взаимодействия, например, между Норвегией и Россией на Крайнем Севере, подробно рассмотрен В.В. Тевлиной, включая его социально-культурное измерение (Тевлина, 2012).

В этих условиях роль таких сетей, как SAON[17] и AMAP, сохраняющих научный, а не политический характер взаимодействия, становится критически важной. Разработанный комплекс мероприятий учитывает данную реальность: акцент на создании межведомственного координационного центра и совершенствовании национальной системы мониторинга отражает стремление обеспечить суверенитет экологических данных при сохранении возможности их интеграции в международные базы по мере восстановления доверия.

Обращение к международному опыту позволяет верифицировать отдельные положения предложенного комплекса мероприятий и выявить направления для его дальнейшего совершенствования. Норвежская практика электрификации[18] судоходства и создания инфраструктуры берегового электроснабжения портов подтверждает перспективность технологических мер, заложенных в блоки стимулирования экологичных технологий и снижения выбросов в атмосферу. Канадские разработки, в частности методология POLARIS и её дальнейшее развитие в работах Кубата с соавторами[19],

[17] SAON. Sustaining Arctic Observing Networks: Strategic Plan 2022–2030. 2022. URL: https://www.arcticobserving.org (дата обращения: 01.10.2025).

[18] Norwegian Maritime Authority. 2021. Green Shipping Initiatives in Norway. URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/OurWork/Environment/Documents/Air%20pollution/The%20Governments%20action%20plan%20for%20green%20shipping.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

[19] Kubat I., Babaei M.H., Sayed M., Millan J. A framework for integrating life-safety and environmental consequences into conventional Arctic shipping risk models. National Research Council of Canada Publications. 2025. URL: https://publications-cnrc.canada.ca/eng/view/object/?id=2d7abf8f-4002-4204-8817-bdc7aa02f8ba (дата обращения: 01.10.2025).

предлагающих интегрировать в модели риска не только вероятность повреждения судна, но и потенциальные последствия для человеческой жизни и окружающей среды, представляют непосредственный интерес для российской практики планирования рейсов в ледовых условиях. Наконец, стандартизированные подходы HELCOM к мониторингу шумового загрязнения с использованием октавных полос для оценки воздействия на морских млекопитающих могут быть адаптированы при реализации соответствующего блока комплекса мероприятий, поскольку отечественная практика пока не располагает аналогичными регламентами. В целом, как подчёркивает М.М. Паникар, в настоящее время мы наблюдаем процессы глубокой трансформации международного арктического региона и формирования его новых геополитических контуров (Паникар, 2023), что требует гибкости при адаптации любых зарубежных методик.

Особого внимания в рамках обсуждения заслуживает социокультурное измерение экологической безопасности, которое не всегда получает адекватное отражение в технически ориентированных стратегиях. Уникальность Арктического совета заключалась в наделении организаций коренных народов статусом «Постоянных участников», что обеспечивало интеграцию традиционных знаний в процесс принятия решений. В российской практике механизмы такого участия развиты существенно слабее, и предложенный комплекс мероприятий включает блок, направленный на экологическое просвещение, общественные консультации и поддержку инициатив коренных сообществ. Реализация этого блока способна не только повысить легитимность принимаемых решений, но и обеспечить учёт локальных знаний о состоянии окружающей среды, что особенно ценно в условиях ограниченности сети стационарных наблюдений.

Проведённый сравнительный анализ позволяет дать конкретную оценку применимости международных практик в российских условиях. Норвежский опыт электрификации судоходства и внедрения берегового электроснабжения портов демонстрирует снижение выбросов CO_2 на 35–40% в припортовых зонах. Однако его прямая адаптация на Северном морском пути сталкивается с отсутствием береговой электрогенерации в большинстве арктических портов (Мурманск и Архангельск — исключения), а также с необходимостью модернизации судовых энергетических установок. Канадская методология POLARIS, учитывающая не только вероятность повреждения судна, но и последствия для жизни и окружающей среды, позволила снизить аварийность на 22% за пять лет. Для внедрения в России требуется адаптация к национальной ледовой классификации судов и правилам плавания по СМП, что возможно силами профильных научных организаций (ААНИИ, Крыловский центр) в среднесрочной перспективе. Стандарты HELCOM по мониторингу шумового загрязнения с использованием октавных полос технически реализуемы, но пока не подкреплены российскими нормативными актами и не имеют обученного персонала, поэтому их внедрение займёт не менее трёх-пяти лет и потребует создания национального регламента. Таким образом, наиболее высокой степенью

готовности к адаптации обладает канадский подход к интегральной оценке рисков (средний уровень), тогда как норвежские и балтийские практики требуют значительных инфраструктурных и нормативных инвестиций (низкий уровень готовности в краткосрочном горизонте).

При всей обоснованности предложенных мер необходимо отдавать отчёт в ограничениях проведённого исследования. Предлагаемый комплекс мероприятий носит концептуальный характер и требует количественной оценки затрат на реализацию, что предполагает проведение отдельных экономических расчётов. Эффективность таких технологий, как биоремедиация в условиях низких температур, нуждается в эмпирической проверке в натурных условиях Арктики, поскольку лабораторные данные не всегда воспроизводятся в реальной среде. Кроме того, в работе сознательно не проводилось ранжирование рисков по степени опасности и срочности реагирования — это направление может стать предметом дальнейших исследований с применением методов многокритериального анализа.

Учитывая изложенное, можно утверждать, что реализация предлагаемого комплекса мероприятий требует поэтапного подхода. На краткосрочном этапе (1–3 года) первоочередными видятся создание межведомственного координационного центра и обновление нормативной базы в соответствии с требованиями Полярного кодекса. Среднесрочный этап (до 2030 г.) должен быть посвящён развёртыванию полномасштабной системы мониторинга и запуску программ рекультивации наиболее опасных объектов накопленного ущерба. На долгосрочном этапе (до 2035 г. и далее) целесообразно осуществить полный переход судоходства на экологически чистые виды топлива и обеспечить интеграцию российской системы наблюдений в международные исследовательские сети. Ключевым условием успеха на всех этапах выступает межведомственное взаимодействие, привлечение независимой экспертизы и активное участие всех заинтересованных сторон, включая научное сообщество, промышленные предприятия и коренные народы Севера.

Результаты

В ходе исследования были систематизированы экологические риски, сопутствующие активизации хозяйственной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации и на трассах Северного морского пути, а также разработан комплекс мероприятий по их снижению и ликвидации, адаптированный к российским институциональным условиям и природно-климатическим особенностям региона. Реализация масштабных проектов по ликвидации этого ущерба, в частности, очистка арктических территорий, стала важной частью современной государственной политики, императивы которой по освоению территорий Крайнего Севера анализируют М.М. Паникар и А.Е. Шапаров (Паникар, Шапаров, 2016).

На основе анализа научной литературы, международных отчётов, данных государственного мониторинга и экспертных оценок выделено 11 групп рисков, которые были классифицированы по источникам возникновения и механизмам воздействия на экосистемы. Предложенная классификация учитывает не только изолированные угрозы, но и их синергетические эффекты, характерные для полярных регионов.

Современное освоение Арктики сопряжено с воздействием сложного комплекса природных и антропогенных факторов, образующих многокомпонентную систему экологических рисков. В данной системе принято выделять несколько ключевых категорий, каждая из которых характеризуется специфическими источниками опасности и механизмами воздействия на окружающую среду. Климатогенные риски в настоящее время выступают в роли фундаментального драйвера изменений, поскольку трансформация климатических параметров в высоких широтах происходит с максимальной интенсивностью. В частности, рост среднегодовых температур в Арктике превышает среднемировые показатели в два-три раза [20], что ведёт к деградации многолетней мерзлоты, сопровождающейся снижением несущей способности грунтов до 50% на отдельных участках, а также к сокращению площади и толщины ледового покрова. По данным спутникового мониторинга, площадь арктических льдов в сентябре сократилась на 13% за последние двадцать лет, что вносит существенные коррективы в гидрологический режим и повышает частоту опасных явлений, включая штормы и подвижки льда, требуя постоянной корректировки нормативов строительства и эксплуатации инфраструктуры.

Параллельно с климатическими изменениями возрастает давление со стороны эксплуатационных рисков, напрямую связанных с интенсификацией судоходства и промышленной деятельности. Рост грузопотока по Северному морскому пути с 4 млн т в 2015 г. до 34 млн т в 2022 г. пропорционально увеличивает вероятность аварийных ситуаций, среди которых наибольшую опасность представляют разливы тяжёлых видов топлива, способные сохраняться в арктических условиях на протяжении десятилетий[21] (Журавлев, 2012). Судовые двигатели и промышленные объекты эмитируют в атмосферу диоксид серы, оксиды азота и чёрный углерод, осаждение которого на лёд и снег снижает альбедо поверхности и ускоряет таяние. Кроме того, физическое воздействие в виде шумового загрязнения от судовых двигателей и вибрации при ледокольных работах создаёт хронический стресс-фактор для морских млекопитающих, нарушая их коммуникацию, ориентацию и репродуктивные циклы. Увеличение грузопотока и численности вахтового персонала также ведёт к накоплению твёрдых коммунальных и производственных отходов, утилизация которых в условиях отсутствия развитой инфраструктуры крайне затруднена.

[20] AMAP. Arctic Climate Change Update 2021: Key Trends and Impacts. Summary for Policy-makers. Arctic Monitoring and Assessment Programme, Tromsø, Norway. 2021. URL: https://www.amap.no/documents/doc/arctic-climate-change-update-2021-key-trends-and-impacts.-summary-for-policy-makers/3508 (дата обращения: 01.10.2025).
[21] Arctic Council. Arctic Marine Shipping Assessment Report. 2017. URL: https://arctic-council.org/projects/arctic-shipping-status-reports/ (дата обращения: 01.10.2025).

Особую категорию представляют риски накопленного экологического ущерба, обусловленные десятилетиями хозяйственной деятельности в советский и постсоветский периоды. В результате сформировались устойчивые очаги загрязнения в виде брошенных военных объектов, складов горюче-смазочных материалов и несанкционированных свалок, вследствие чего почвы и донные отложения аккумулировали нефтепродукты, тяжёлые металлы и полихлорированные бифенилы в концентрациях, превышающих предельно допустимые в пять-десять раз на локальных участках[22] (Журавлева, Артюшина, Виноградова и др., 2020). Ситуация усугубляется трансграничным переносом, при котором воздушные и морские течения привносят в Арктику стойкие органические загрязнители из промышленных регионов Европы, Азии и Северной Америки. Данные токсиканты накапливаются в трофических цепях, достигая максимальных концентраций в организмах хищников и аборигенного населения, потребляющего традиционную пищу. Социально-экологические риски дополняют общую картину, проявляясь в сокращении биоразнообразия, подрыве ресурсной базы традиционного природопользования, кадровом дефиците и технологической отсталости систем мониторинга.

Важной особенностью арктического региона является высокая степень взаимозависимости различных групп рисков, при которой климатические изменения выступают катализатором, усиливающим негативное воздействие антропогенных факторов. Деградация многолетней мерзлоты снижает устойчивость инфраструктуры, повышая вероятность техногенных аварий и разливов топлива[23] (Kudryashova, Lipina, Zaikov, et al., 2019), а сокращение ледового покрова открывает новые акватории для судоходства, увеличивая нагрузку на ранее нетронутые экосистемы. Повышение температуры вод ускоряет биогеохимические процессы, увеличивая подвижность токсикантов и их поступление в трофические цепи, а таяние ледников и мерзлоты высвобождает законсервированные ранее загрязнители, создавая эффект вторичного загрязнения. Учёт этих взаимосвязей является обязательным условием разработки эффективных управленческих решений, поскольку фрагментарные меры, направленные на изоляцию одного из рисков, не дадут ожидаемого результата без одновременного воздействия на сопряжённые факторы.

Разработанный комплекс мер по снижению и ликвидации экологических рисков представляет собой комплексный инструмент, интегрирующий нормативные, технологические и организационные меры в единую систему управления, структура которой базируется на принципах адаптивного управления и предусматривает дифференциацию

[22] AMAP. Arctic Climate Change Update 2021: Key Trends and Impacts. Summary for Policy-makers. Arctic Monitoring and Assessment Programme, Tromsø, Norway. 2021. URL: https://www.amap.no/documents/doc/arctic-climate-change-update-2021-key-trends-and-impacts.-summary-for-policy-makers/3508 (дата обращения: 01.10.2025).

[23] Росгидромет. Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2021 год. 2022 / под ред. Г.М. Черногаева. Москва: Росгидромет. 219 с. URL: https://www.meteorf.gov.ru/upload/iblock/88f/Обзор%20за%202024%20год_300625.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

мероприятий по функциональному назначению, срокам реализации и уровням ответственности. Такой подход перекликается с современными исследованиями арктической идентичности, где, как показывает С.В. Шачин, анализ истории и современности Севера с позиции диалектической методологии позволяет учитывать сложность и противоречивость процессов развития региона, что является ключевым для выработки гибких управленческих решений (Шачин, 2019). В основе комплекса мероприятий лежит систематизированный перечень мер, сгруппированных по функциональному признаку в одиннадцать блоков, соответствующих определённым группам рисков. Институциональные меры включают совершенствование нормативно-правовой базы, создание координирующих структур и разработку стандартов, гармонизированных с международными требованиями Полярного кодекса IMO[24] и рекомендациями HELCOM. Технологические меры направлены на внедрение систем непрерывного мониторинга с использованием спутниковой группировки, дронов и автоматических буйковых станций, применение очистных технологий на основе биоремедиации и фиторемедиации, а также переход на экологически чистые виды топлива. Организационно-подготовительные меры предусматривают обучение персонала, проведение регулярных учений, экологическое просвещение населения и создание механизмов вовлечения коренных народов в процессы принятия решений, что в совокупности обеспечивает необходимый уровень информационной открытости и готовности к чрезвычайным ситуациям.

В табл. 1 для каждой группы рисков меры перечислены в порядке убывания их приоритетности: от институциональных (нормативно-правовое обеспечение) через технологические (системы мониторинга и очистки) к организационно-подготовительным (обучение, учения, просвещение). Ранжирование основано на экспертной оценке авторов с учётом сроков реализации (краткосрочные — институциональные, среднесрочные — технологические, долгосрочные — организационные) и степени влияния на снижение риска.

Таблица 1

Мероприятия по реализации научно-методических рекомендаций по снижению экологических рисков в Арктике и на СМП

№№	Экологические риски	Меры по порядку и значимости
1	Мониторинг и адаптация к климатическим изменениям	• анализ существующих систем мониторинга в России (например, Росгидромет, ФГБУ «Арктический и антарктический научно-исследовательский институт»); • разработка требований к расширению сети автоматизированных станций и включению спутниковых данных с учётом интеграции с международными платформами (например, Arctic Observing Network); • создание межведомственного координационного центра по мониторингу

[24] IMO. International Code for Ships Operating in Polar Waters (Polar Code). London: International Maritime Organization. 2015. URL: https://www.imo.org/en/ourwork/safety/pages/polar-code.aspx (дата обращения: 01.10.2025).

		климата, объединяющего данные различных организаций; • внедрение адаптивного управления через регулярное обновление нормативов и стандартов с учётом новых климатических сценариев; • обучение кадров и подготовка специалистов для работы с современными технологиями мониторинга
2	Предотвращение и ликвидация разливов топлива	• обновление нормативной базы (например, Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды») с учётом международных стандартов IMO MARPOL; • разработка и апробация технологий биоремедиации и сорбентов, адаптированных к арктическим условиям, совместно с ведущими научными центрами; • создание региональных аварийно-спасательных подразделений, оснащённых специализированным оборудованием; • организация регулярных учений совместно с частным сектором и военными формированиями; • внедрение системы спутникового и дронового мониторинга для оперативного обнаружения инцидентов
3	Снижение выбросов загрязняющих веществ в атмосферу	• разработка стимулирующих механизмов для перехода на СПГ и альтернативные виды топлива (налоговые льготы, субсидии); • ужесточение контроля и мониторинга выбросов через установку систем автоматизированного контроля на судах и промышленных объектах; • модернизация портовой инфраструктуры для приёма и обработки судового топлива с минимальными выбросами; • проведение научных исследований по оценке воздействия и разработке локальных норм выбросов
4	Устранение накопленного фонового загрязнения	• картирование загрязнённых территорий и приоритетное планирование рекультивационных работ; • внедрение инновационных технологий очистки почв и вод (фитотехника, микробиологические методы); • привлечение финансирования через государственные программы и международные гранты (например, Банк БРИКС); • мониторинг эффективности мероприятий с использованием цифровых платформ
5	Минимизация воздействия физических факторов	• разработка и утверждение нормативов по шуму и вибрациям в морской среде с учётом рекомендаций HELCOM и Международной морской организации; • внедрение технологий шумоподавления на судах и промышленном оборудовании; • определение и запрет судоходства в особо

		чувствительных зонах в определённые периоды миграции животных; • просвещение судовладельцев и операторов о необходимости соблюдения данных норм
6	Снижение загрязнения вод и трансграничного переноса токсинов	• разработка и внедрение комплексных программ очистки сточных вод и контроля сбросов; • использование современных технологий очистки и восстановления водных экосистем; • обеспечение прозрачности и доступности данных мониторинга для заинтересованных сторон
7	Управление отходами	• создание региональных центров по обращению с отходами с учётом климатических особенностей; • внедрение системы раздельного сбора и переработки отходов, включая стимулирующие меры для предприятий и населения; • организация образовательных кампаний и тренингов по вопросам обращения с отходами; • мониторинг и отчётность по объёмам и качеству переработанных отходов
8	Борьба с химическим загрязнением и сохранение биоразнообразия	• ужесточение контроля за использованием и утилизацией опасных веществ; • расширение сети особо охраняемых природных территорий и создание буферных зон вокруг ключевых экосистем; • поддержка научных исследований и мониторинга состояния биоразнообразия; • вовлечение местных сообществ в программы по охране природы
9	Повышение экологического образования и общественного участия	• разработка и внедрение образовательных программ в школах и вузах региона; • организация общественных слушаний и консультаций по вопросам экологической политики; • создание платформ для обмена информацией и вовлечения коренных народов и местных жителей; • поддержка инициатив НКО и экологических организаций
10	Совершенствование технологической базы мониторинга и реагирования	• инвестирование в цифровые технологии, включая ИИ и Big Data для анализа экологических данных; • создание единой интегрированной платформы мониторинга с открытым доступом; • обучение персонала работе с современными системами мониторинга и реагирования; • организация оперативных центров для координации действий при экологических инцидентах
11	Стимулирование внедрения экологичных технологий	• разработка государственных программ поддержки инноваций и экологичных технологий; • введение налоговых льгот и субсидий для предприятий, внедряющих «зелёные» технологии;

		• содействие международному сотрудничеству и трансферу технологий; • проведение конкурсов и грантовых программ для инновационных проектов

Предлагаемая система мер по обеспечению экологической безопасности судоходства и хозяйственной деятельности в акватории Северного морского пути базируется на четырёх ключевых направлениях, образующих единый комплекс технологических, нормативных и организационных решений. Базовое значение отводится созданию трёхуровневой системы мониторинга и адаптации к климатическим изменениям, поскольку оперативность и достоверность данных о состоянии окружающей среды определяют эффективность всех последующих природоохранных действий. Эта система включает космический уровень с использованием спутников дистанционного зондирования Земли (серий «Арктика-М» и «Метеор») для контроля ледовой обстановки, температуры поверхности и концентрации загрязнителей в атмосфере, воздушный уровень, реализуемый посредством беспилотных летательных аппаратов для детального обследования локальных участков, а также наземный и морской уровень, опирающийся на расширение сети автоматизированных гидрометеорологических станций и дрейфующих буев. Координацию сбора и обработки данных предлагается возложить на межведомственный центр при Минприроды России с участием Росгидромета, Госкорпорации «Росатом» и научных организаций (ААНИИ, ВНИИ «Экология»), что обеспечит регулярное обновление климатических сценариев и нормативов хозяйственной деятельности.

Вторым направлением является предотвращение и ликвидация разливов топлива, где комплекс мер направлен на снижение вероятности аварий и минимизацию ущерба. Ключевыми элементами здесь выступают внедрение технических стандартов, таких как требование двойного корпуса для всех танкеров и оснащение их системами автоматического контроля утечек, а также создание сети региональных аварийно-спасательных центров в ключевых портах с постоянным дежурством специализированных судов и оборудования. Особое внимание уделяется технологиям ликвидации, включая применение биопрепаратов на основе психрофильных микроорганизмов и сорбентов из торфа, и проведению регулярных межведомственных учений для отработки взаимодействия в условиях полярной ночи и низких температур.

Третий блок мер сосредоточен на снижении выбросов загрязняющих веществ в атмосферу через стимулирование перехода судов и портовой инфраструктуры на экологически чистые виды топлива. Для этого предполагается введение экономических стимулов, включая пониженные ставки портовых сборов для судов на сжиженном природном газе и электродвижении, субсидирование переоборудования и налоговые льготы. Параллельно с этим предлагается ужесточение нормативного регулирования путём ограничения содержания серы в топливе до 0,1% в акватории СМП и обязательной установки скрубберов на судах старше определённого возраста, а также развитие береговой

инфраструктуры для обеспечения судов электричеством во время стоянки.

Завершающим направлением является системное устранение накопленного фонового загрязнения на основе механизмов государственно-частного партнёрства. Работы предполагают проведение инвентаризации и создание цифрового реестра загрязнённых территорий с присвоением каждому объекту класса опасности, применение современных технологий очистки (фиторемедиация, микробиологические препараты, капсулирование отходов) и диверсифицированное финансирование. Финансовую основу должны составить средства федерального бюджета в рамках проекта «Чистая страна», компенсационные средства недропользователей, а также привлечение международных грантов и кредитов через механизмы Зелёного климатического фонда или Банка БРИКС.

Ключевым условием успешной реализации является межведомственное взаимодействие. Предлагается создать при Правительстве РФ постоянно действующую рабочую группу по экологической безопасности Арктики с включением представителей Минприроды, Минтранса, Минвостокразвития, МЧС, Госкорпорации «Росатом», Российской академии наук, общественных организаций коренных малочисленных народов и ассоциаций судовладельцев.

Разработанный комплекс мер может служить основой для актуализации существующих стратегических документов (Стратегия развития АЗРФ, План развития СМП) и формирования новых федеральных и региональных программ в области экологической безопасности Арктики, а также использоваться при разработке проектной документации для конкретных инвестиционных проектов в регионе. Как справедливо отмечается в недавней публикации В.И. Голдина, посвящённой взаимосвязи «Арктика — Регионы», осмысление современных проблем и перспектив невозможно без учёта многообразия региональных аспектов и их интеграции в общую арктическую повестку (Голдин, 2024).

Заключение

Проведённое исследование, направленное на разработку научно-методических рекомендаций по обеспечению экологической безопасности в Арктике и на Северном морском пути в условиях активизации пространственного развития, позволяет сформулировать следующие выводы.

В результате комплексного анализа современного состояния природной среды, стратегических документов Российской Федерации и международных отчётов идентифицировано 11 групп экологических рисков, сопутствующих освоению Арктической зоны. Риски классифицированы по источникам возникновения: климатогенные (деградация многолетней мерзлоты, сокращение ледового покрова, рост частоты опасных гидрометеорологических явлений), эксплуатационные (разливы топлива, выбросы чёрного углерода и парниковых газов, шумовое загрязнение, накопление отходов), риски накопленного ущерба (фоновое загрязнение почв и акваторий, трансграничный перенос

стойких органических загрязнителей и тяжёлых металлов) и социально-экологические (сокращение биоразнообразия, угрозы традиционному природопользованию коренных народов, дефицит квалифицированных кадров и технологическая отсталость систем мониторинга). Установлено, что данные риски характеризуются высокой степенью взаимосвязи и синергетическими эффектами, при которых климатические изменения выступают катализатором, многократно усиливающим негативное воздействие антропогенных факторов.

Анализ актуальных данных (2024–2025 гг.) позволяет выделить ряд ключевых вызовов, требующих научно обоснованного реагирования:

- интенсивный рост грузопотока по Северному морскому пути (38 млн т в 2024 г.) при сохранении значительной доли углеводородных грузов требует совершенствования систем безопасности судоходства и готовности к ликвидации аварийных разливов;
- увеличение интенсивности судоходства актуализирует задачу контроля за техническим состоянием судов и соблюдением природоохранных норм всеми участниками перевозочного процесса;
- проблема использования различных видов судового топлива и их воздействия на арктическую среду требует дальнейшего изучения и выработки оптимальных технических решений с учётом климатических особенностей региона;
- новейшие исследования AMAP и Adlard с соавторами фиксируют наличие длинноцепочечных полифторалкильных соединений (PFAS) в организмах населения Арктики, что требует включения этих веществ в национальные программы мониторинга и развития соответствующих методик контроля.

Развитие системы экологической безопасности в Арктике осуществляется в условиях трансформации международных отношений. При этом сохраняется потенциал для научного взаимодействия через специализированные исследовательские сети (AMAP, SAON) и двусторонние форматы сотрудничества с дружественными государствами. Российская Федерация последовательно реализует суверенную политику в Арктике, опираясь на собственные научные и технологические компетенции, а также развивая партнёрские отношения с заинтересованными странами. В этих особых условиях роль национальных систем мониторинга, их технического переоснащения и интеграции с международными базами данных становится критически важной для обеспечения глобальной экологической безопасности.

Предложен авторский подход снижения и ликвидации экологических рисков (табл. 1), отличающийся интеграцией трёх типов мер: институциональных, технологических и организационно-подготовительных. Предложенный подход базируется на адаптивном принципе, позволяющем корректировать управленческие решения по мере поступления новых данных мониторинга и изменения климатических сценариев.

Проведённый сравнительный анализ подтверждает возможность и целесообразность адаптации успешных международных практик к российским условиям:

- опыт Норвегии по развитию электрификации судоходства и созданию инфраструктуры берегового электроснабжения портов может быть изучен и применён с учётом российской специфики в Мурманске, Архангельске и других ключевых портах СМП;
- методология POLARIS и канадские разработки по интеграции оценки последствий аварий в планирование рейсов представляют интерес для совершенствования российских правил плавания в арктических условиях;
- стандартизированные подходы к мониторингу шумового загрязнения, разработанные HELCOM, могут быть адаптированы в российской практике для защиты морских млекопитающих.

Разработанный комплексный подход представляет собой практический инструмент, который может быть положен в основу реализации целого ряда управленческих и проектных решений на различных уровнях. Прежде всего, его положения способны выступить научно обоснованным фундаментом для актуализации ключевых документов стратегического планирования, таких как «Стратегия развития Арктической зоны до 2035 года» и «План развития Северного морского пути до 2035 года». Это позволит не только декларировать, но и включать в них конкретные измеримые показатели экологической безопасности, а также чётко прописанные механизмы их достижения, что повысит эффективность государственного управления в регионе.

На уровне реализации конкретных инфраструктурных проектов предложенные подходы могут быть использованы при формировании технических заданий и проведении экспертизы. Интеграция комплекса мероприятий в эти процессы гарантирует, что оценка и учёт экологических рисков будут производиться не на финальных стадиях, а уже на этапе проектирования, что значительно снижает потенциальный ущерб и последующие затраты на его ликвидацию. Кроме того, данный подход служит основой для разработки адресных региональных программ, направленных на решение наиболее острых проблем: от организации системы обращения с отходами и рекультивации территорий, накопивших экологический ущерб, до сохранения биоразнообразия, причём с активным применением механизмов государственно-частного партнёрства.

Наконец, не менее важной сферой применения является развитие человеческого капитала. Материалы и выводы, содержащиеся в разработанном подходе, могут быть адаптированы для создания профильных образовательных программ, ориентированных на повышение квалификации специалистов, работающих в арктических условиях. Параллельно с этим открывается возможность для разработки программ экологического просвещения, адресованных местному населению, включая коренные малочисленные народы Севера, что будет способствовать формированию ответственного отношения к окружающей среде и устойчивому развитию региона в целом.

Список источников

Голдин В.И. Арктика — Регионы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024; 24 (5): 143–146. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V383

Голдин В.И. От Северо-Восточного прохода к Северному морскому пути: осмысление сквозь тысячелетие // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024; 24 (4): 32–40. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V359

Журавлев П.С. Арктическая политика Архангельской области // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012; 6: 54–60.

Журавлева Т.В., Артюшина А.В., Виноградова А.А., Воронина Ю.В. Черный углерод в приземной атмосфере вдали от источников эмиссий: сравнение результатов измерений и реанализа MERRA-2 // Оптика атмосферы и океана. 2020; 33 (4): 250–260. https://doi.org/10.15372/AOO20200402

Морозов Н.А., Кондраль Д.П. Арктический вектор стратегического развития политического пространства России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014; 4: 42–51.

Паникар М.М. Процессы трансформации международного арктического региона: новые геополитические контуры // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023; 23 (6): 17–26. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V310

Паникар М.М., Шапаров А.Е. Императивы современной государственной политики стран Арктического региона по освоению территорий Крайнего Севера // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016; 6: 33–44. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.6.33

Подоплекин А.О., Бестужева К.Г. Арктическая стратегия России как политика нового типа: региональный потенциал, вызовы и научное обеспечение // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014; 6: 35–46.

Сабуров А.А. Организация советских арктических исследований в 1920-х годах: планирование и координация научной деятельности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016; 3: 41–48. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.3.41

Соколова Ф.Х., Труфанова Е.А. Процессы регионализации в Северной Европе: истоки становления и динамика развития // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025; 25 (5): 5–20. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V456

Тамицкий А.М. Информационная безопасность арктического региона: вызовы современности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014; S: 63–70.

Тамицкий А.М. Информационная безопасность как фактор международных отношений в Арктическом регионе // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013; 6: 63–70.

Тевлина В.В. Социально-культурное направление в трансграничной политике Норвегии и России на Крайнем Севере // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012; 3: 23–34.

Теребихин Н.М. Северо-Восточный текст русской геоисториософии, геопоэтики и сакральной географии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023; 23 (4): 104–113. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V274

Шачин С.В. К вопросу об арктической идентичности: анализ истории Севера и его современности с позиции диалектической методологии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019; 6: 121–131. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.6.121

Adlard B., Bonefeld-Jørgensen E.C., Dudarev A.A., et al. Levels and trends of persistent organic pollutants in human populations living in the Arctic // International Journal of Circumpolar Health. 2024; 83 (1): 2392405. https://doi.org/10.1080/22423982.2024.2392405

Kudryashova E.V., Lipina S.A., Zaikov K.S., Bocharova L.K., Lipina A.V., Kuprikov M. Yu., Kuprikov N.M. Arctic zone of the Russian Federation: development problems and new management philosophy // The Polar Journal. 2019; 9 (2): 445–458. https://doi.org/10.1080/2154896X.2019.1685173

References

Adlard B., Bonefeld-Jørgensen E.C., Dudarev A.A., et al. Levels and Trends of Persistent Organic Pollutants in Human Populations Living in the Arctic. *International Journal of Circumpolar Health*. 2024; 83 (1): 2392405. https://doi.org/10.1080/22423982.2024.2392405

Goldin V.I. From Northeast Passage to Northern Sea Route: Reflecting Through the Millennium. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2024; 24 (4): 32–40. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V359

Goldin V.I. The Arctic — Regions. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2024; 24 (5): 143–146. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V383

Kudryashova E.V., Lipina S.A., Zaikov K.S., Bocharova L.K., Lipina A.V., Kuprikov M. Yu., Kuprikov N.M. Arctic Zone of the Russian Federation: Development Problems and New Management Philosophy. *The Polar Journal*. 2019; 9 (2): 445–458. https://doi.org/10.1080/2154896X.2019.1685173

Morozov N.A., Kondral D.P. Arctic Vector of Strategic Political Space Development in Russia. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2014; 4: 42–51.

Panikar M.M. The Processes of Transformation of the International Arctic Region: New Geopolitical Contours. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2023; 23 (6): 17–26. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V310

Panikar M.M., Shaparov A.E. Imperatives of the Current State Policy of the Arctic Countries on Far North Development. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2016; 6: 33–44. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.6.33

Podoplekin A.O., Bestuzheva K.G. Russia's Arctic Strategy as a New Type of Policy: Regional Potential, Challenges and Research Support. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2014; 6: 35–46.

Saburov A.A. Organization of Soviet Arctic Research in the 1920s: Planning and Coordination of Scientific Activities. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2016; 3: 41–48. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.3.41

Shachin S.V. On Arctic Identity: An Analysis of the History of the North and Its Present from the Position of Dialectical Methodology. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2019; 6: 121–131. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.6.121

Sokolova F.Kh., Trufanova E.A. Regionalization in Northern Europe: Origins and Development Dynamics. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2025; 25 (5): 5–20. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V456

Tamitsky A.M. Information Security as a Factor of International Relations in the Arctic Region. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2013; 6: 63–70.

Tamitsky A.M. Information Security of the Arctic Region: Modern Challenges. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2014; S: 63–70.

Terebikhin N.M. The North-Eastern Text of Russian Geohistoriosophy, Geopoetics and Sacred Geography. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2023; 23 (4): 104–113. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V274

Tevlina V.V. Sociocultural Area of Trans-Border Policy of Norway and Russia in the Far North. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2012; 3: 23–34.

Zhuravlev P.S. Arctic Policy of the Arkhangelsk Region. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University.*

Series “Humanitarian and Social Sciences”. 2012; 6: 54–60.

Zhuravleva T.B., Artyushina A.V., Vinogradova A.A., Voronina Yu.V. Black Carbon in the Near-Surface Atmosphere Far Away from Emission Sources: Comparison of Measurements and MERRA-2 Reanalysis Data. *Optika Atmosfery i Okeana*. 2020; 33 (4): 250–260. https://doi.org/10.15372/AOO20200402

Статья поступила в редакцию 26.02.2026; принята к публикации 03.06.2026

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 28–41.
Научная статья
УДК [639.2:338.22](470.2)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.28

Аквакультура Северо-Запада России: статистика, условия и перспективы развития

Вопиловский Сергей Симонович [1]✉, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

[1] Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», ул. Ферсмана, 24а, Апатиты, Россия
[1] simonovich.63@yandex.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2873-1425

Аннотация. В исследовании представлены краткие статистические данные по динамике объёмов производства аквакультуры в России, показаны основные сегменты в структуре производства товарной аквакультуры, определена региональная специализация производства аквакультурных объектов в Северо-Западном федеральном округе России. На основании отчётности Росрыболовства отражены ключевые результаты деятельности рыбной отрасли в выполнении Доктрины продовольственной безопасности страны: показатель самообеспеченности рыбой и рыбной продукцией превзошёл 138%, отмечен рост потребления рыбной продукции населением страны в 2024 г. — 23,5 кг в год на человека. Статистический анализ производства продукции товарной аквакультуры рыбной отрасли выделяет Северо-Западный федеральный округ как традиционного лидера по производству аквакультурной продукции, указывает на его региональную специализацию по выращиванию лососёвых видов рыб. Представлены данные о прошедших и текущих непредвиденных обстоятельствах в производстве товарной аквакультуры, а также перспективные направления развития, такие как строительство новых аквакультурных комплексов, выпуск кормов, получение рыбопосадочного материала, расширение акватории для аквакультурных хозяйств и др. Отмечено, что отраслевым сообществом прорабатываются новые инвестиционные проекты, дополнительные меры господдержки, обновляется законодательная база, совершенствуется рыбохозяйственная наука, особое внимание уделяется кадровому обеспечению рыбохозяйственного комплекса России. Представлены исследования и разработки ФГБНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии» («ВНИРО») и его филиалов по повышению качества отечественных рыбных кормов. Рассмотрены проекты по строительству и модернизации заводов и ферм по производству товарной аквакультуры по регионам страны. Обозначена мировая тенденция ведущих зарубежных компаний по развитию производства аквакультуры в долгосрочной перспективе. Подчёркивается весомый вклад рыбоводов Северо-Запада России в производство аквакультурной продукции.

Ключевые слова: *аквакультура, экономика, Северо-Запад России, водные биоресурсы, рыболовство, рыбоводство, рыбопосадочный материал, рыбные корма*

* © Вопиловский С.С., 2026
Для цитирования: Вопиловский С.С. Аквакультура Северо-Запада России: статистика, условия и перспективы развития // Арктика и Север. 2026; 64: 28–41. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.28
For citation: Vopilovskiy S.S. Aquaculture in the North-West of Russia: Statistics, Conditions and Development Prospects. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 28–41. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.28
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

Aquaculture in the North-West of Russia: Statistics, Conditions and Development Prospects

Sergey S. Vopilovskiy [1]✉, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher

[1] Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences", ul. Fersmana, 24a, Apatity, Russia
[1] simonovich.63@yandex.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2873-1425

Abstract. The study presents statistical data on the dynamics of aquaculture production volumes in Russia, identifies the main segments in the structure of commercial aquaculture production, and determines the regional specialization of aquaculture production in the North-Western Federal District of Russia. Based on reports of the Federal Agency for Fisheries, the study highlights key performance indicators of the fisheries sector in implementing the country's Food Security Doctrine, in particular, the self-sufficiency rate for fish and fish products exceeded 138%, an increase in the consumption of fish products by the country's population was recorded in 2024, reaching 23.5 kg per person per year. A statistical analysis of commercial aquaculture production in the fisheries sector identifies the North-Western Federal District as the traditional leader in aquaculture production and indicates its regional specialization in the farming of salmonid species. Data is presented on past and current unforeseen circumstances affecting commercial aquaculture production, as well as promising areas for development, such as the construction of new aquaculture complexes, the production of feed and fish seed, the expansion of water areas for aquaculture farms, etc. It is noted that the industry is working on new investment projects and additional measures of state support, updating the legislative framework, advancing fisheries science, and paying particular attention to staffing within Russia's fisheries sector. The research and developments of the All-Russian Research Institute of Fisheries and Oceanography (VNIRO) and its branches to improve the quality of domestic fish feed are presented. Projects for the construction and modernization of commercial aquaculture plants and farms in the regions of the country are examined. The global trend of leading foreign companies in the long-term development of aquaculture production is outlined. The significant contribution of fish farmers of the North-West of Russia to aquaculture production is emphasized.
Keywords: *aquaculture, economy, North-West Russia, aquatic bioresources, fisheries, fish farming, fish seed, fish feed*

Введение

Рыбная отрасль России системно работает над обеспечением продовольственной безопасности страны в сложившихся политических, экономических и финансовых условиях. Санкционное воздействие недружественных стран, введение экспортных пошлин и прямой отказ от рыбной продукции российских производителей усложняют продуктивную работу рыбохозяйственного комплекса (РХК) (Ершов, 2022). Тем не менее экономические показатели работы РХК за 2024 г. показывают стабильность в добыче и выпуске рыбной продукции, а также своевременную адаптацию к санкционному воздействию. Добыча рыбы и морепродуктов составила более 4,9 млн т, показатель самообеспеченности рыбой и рыбной продукцией превысил 138% при ориентире Доктрины продовольственной безопасности в 85% (Васильев, Лисунова, 2022). Росрыболовство отмечает рост потребления рыбной продукции населением страны, который составил в 2024 г. 23,5 кг в год на человека (+4,4% к уровню 2023 г. — 22,5 кг). Предприятия рыбной отрасли в полном объёме обеспечили внутренний рынок рыбной продукцией и выполнили все обязательства перед зарубежными партнёрами, а современный флот, работающий на промысле, обеспечивает эффективность и экологичность (Вопиловский, 2025).

В рыбном хозяйстве России проводится широкомасштабная реорганизация: создаётся портовая инфраструктура, строятся новейшие рыбопромысловые и научно-исследовательские суда, рыбоперерабатывающие фабрики, транспортные рефрижераторы и др. Реализация инвестиционных программ, направленных на модернизацию РХК, будет определять характер рыбной отрасли на долгосрочную перспективу.

Отечественная аквакультура

В развитии отечественной аквакультуры наблюдается положительная динамика: с 2016 г. показатели производства товарной аквакультуры выросли более чем в два раза (представлено в табл. 1) (Ивашко, Ивашко, 2024).

Таблица 1

Динамика объёмов производства аквакультуры в России[1]

Год	Тыс. т	Отклонение, % текущий год / предыдущий год
2014	159,9	2,8
2015	153,2	-4,2
2016	173,6	13,3
2017	186,5	7,4
2018	204,0	9,4
2019	286,8	40,6
2020	328,6	14,6
2021	356,6	8,5
2022	383,5	16,7
2023	402,0	4,8
2024	380,0	-5,8

По итогам 2024 г. объём производства продукции товарной аквакультуры, включая рыбопосадочный материал, составил 380 тыс. т, что на 22 тыс. т меньше, чем в 2023 г. В 2023 г. объём производства товарной продукции составил 402 тыс. т, это на 18,6 тыс. т (4,8%) больше, чем в 2022 г. (383,5 тыс. т), и это был самый продуктивный год в отечественной аквакультуре (Васильев, Лисунова, 2022). В 2024 г. произошло первое снижение за предыдущие 8 лет. По мнению экспертов, первоочередной причиной является природный фактор. На Северо-Западе России, особенно в Мурманской и Ленинградской областях, неблагоприятные погодные условия и некачественный посадочный материал лососёвых привели к уменьшению производства товарной аквакультуры. Холодная весна и жаркое лето 2024 г. в Северо-Западном округе нарушили определённый температурный режим, который критичен для производства лососёвых — сёмги и форели. Летняя жара и, как следствие, дефицит кислорода спровоцировали болезни рыб. Зависимость от импортного посадочного материала, вакцин, кормов является причиной снижения объёмов производства лососёвых. Рост операционных расходов, возросшая стоимость кредитных средств и другие

[1] Источник: (Ивашко, Ивашко, 2024).

экономические аспекты отрицательно повлияли на производство продукции товарной аквакультуры (Сергеев, Сергеев, 2024).

В перспективе, согласно обновлённой Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплекса России до 2030 года [2], производство товарной аквакультуры в 2025 г. в базовом (оптимистичном) сценарии составит 420 тыс. т, в консервативном (негативном) — 400 тыс. т, а в 2030 г. должно достичь 618 тыс. т и 502 тыс. т в зависимости от сценария.

На текущем этапе предприятия Северо-Запада, занимающиеся товарной аквакультурой, начали работу по строительству новых комплексов, включая выпуск кормов, получение рыбопосадочного материала и расширение акватории для хозяйств (Жукова, 2024). В 2024 г. Министерство сельского хозяйства РФ предложило компенсировать капитальные затраты рыбоводов на создание и модернизацию питомников по выращиванию посадочного материала для разведения лососёвых рыб и морепродуктов. Эта мера направлена на ускорение обеспечения независимости внутреннего рынка от импортной продукции и стимулирование производства отечественного посадочного материала лососёвых и ценных морепродуктов высокого качества. Федеральному агентству по рыболовству в 2025 г. выделены средства в размере более 40,2 млрд руб. (+24,1% к уровню 2024 г. — 32,4 млрд руб.) на искусственное воспроизводство и сохранение водных биоресурсов, финансирование рыбохозяйственной науки, ремонт спасательных судов и др. Правительство РФ окажет поддержку предпринимателям, инвестирующим в разведение лососёвых рыб, которые могут рассчитывать на возмещение до 25% прямых понесённых затрат на создание и обновление питомников. В 2025 г. на эти цели в бюджете зарезервировано 8 млрд руб.

В 2024 г. производство лососёвых заняло второе место в структуре производства российской аквакультуры, тогда как в 2023 г. оно лидировало. Показатель производства снизился по отношению к 2023 г. на 5,8% (табл. 1).

На рис. 1 представлена структура производства аквакультуры в 2023 г.

[2] Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года. № 2567-р от 08.09.2022 г. URL: http://static.government.ru/media/files/G3hzRyrGPbmFAfBFgmEhxTrec694MaHp.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

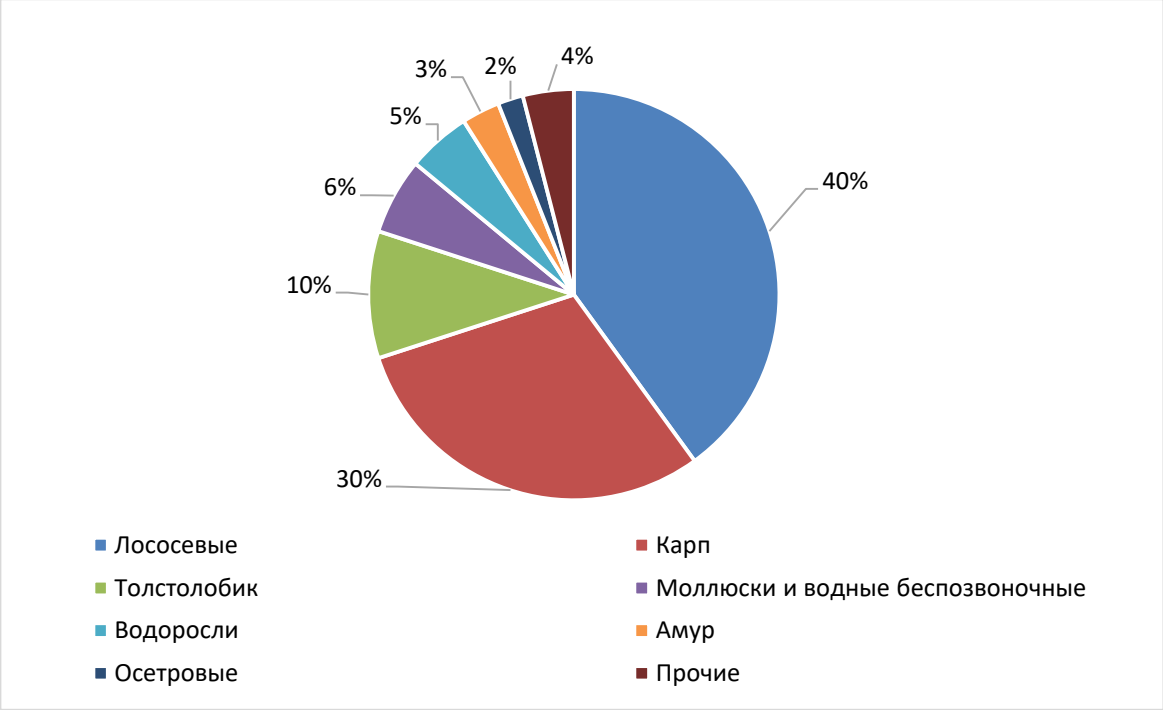

Рис. 1. Структура производства аквакультуры в 2023 г.[3]

На рис. 2 представлены основные сегменты в структуре производства аквакультуры в 2024 г.

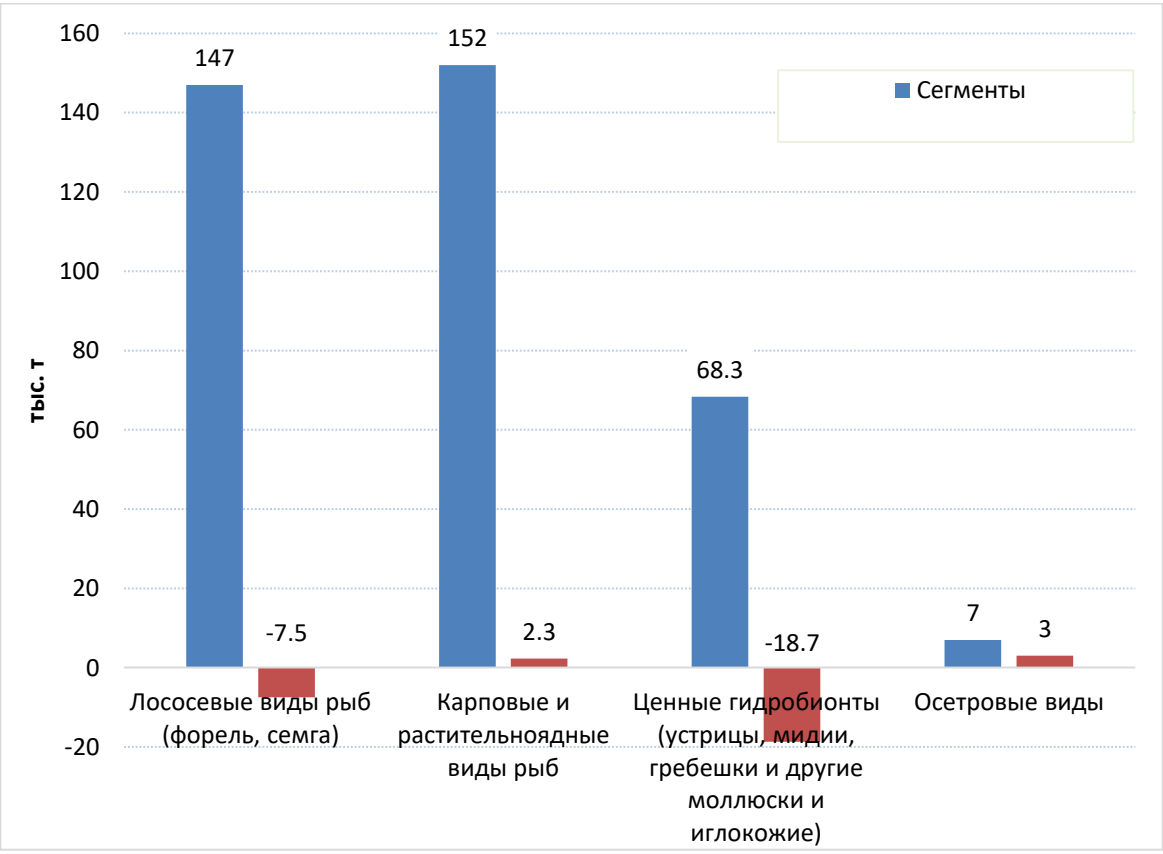

Рис. 2. Основные сегменты в структуре производства аквакультуры в 2024 г.[4]

Развитие отечественного лососеводства имеет большое значение, так как данная

[3] Источник: (Ивашко, Ивашко, 2024).

[4] Коллегия деятельности Федерального Агентства по рыболовству в 2024 году и задачи на 2025 год. URL: https://fish.gov.ru/main-news/2025/03/31/kollegiya-rosrybolovstva-obsudit-itogi-2024-goda-i-zadachi-na-2025-god/ (дата обращения 15.04.2025).

продукция пользуется высоким спросом у населения и этот сегмент последовательно прибавлял в росте, исключение составил 2024 г. (представлено на рис. 3).

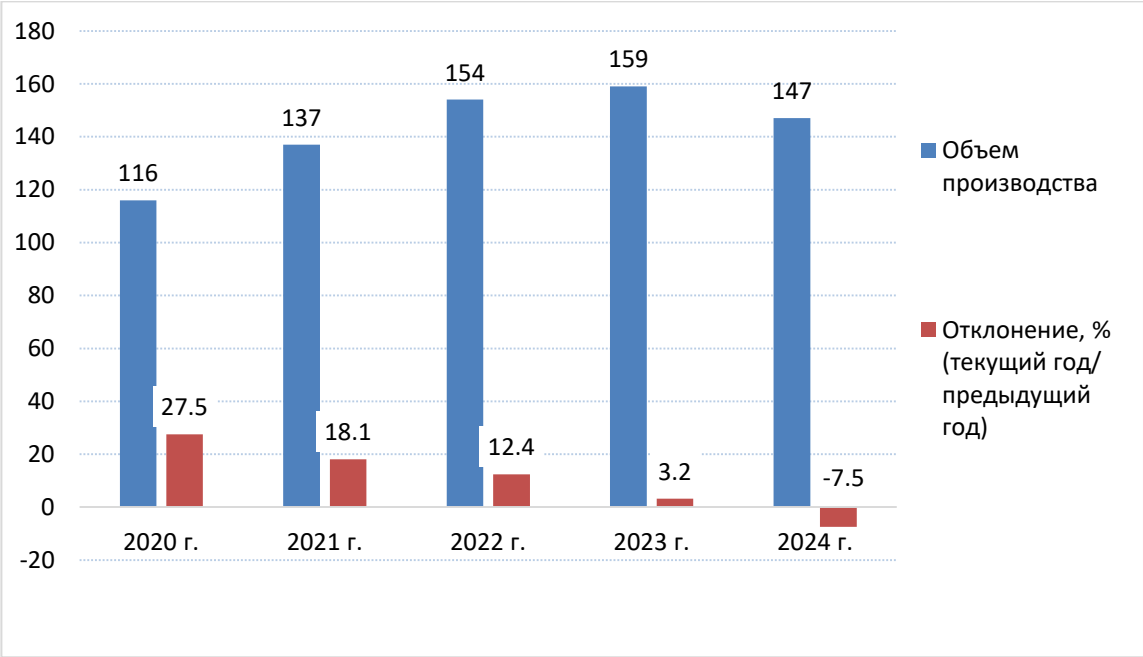

Рис. 3. Динамика производства аквакультурных лососёвых рыб в России (Ивашко, Ивашко, 2024).

В прогнозном горизонте к 2034 г. разведение лососёвых в нашей стране вырастет до 209 тыс. т, импорт составит 75 тыс. т в год против 60 тыс. и 65 тыс. т в 2023 и 2024 гг. соответственно; объём потребления может составить в денежном выражении 450 млрд руб., что в 2,8 раза больше, чем в 2024 г.[5]

Существующая региональная специализация производства аквакультурных объектов показывает, что в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) России ключевой объём производства составляют лососёвые рыбы — 98%: в Мурманской области основная продукция товарного рыбоводства — атлантический лосось, морская форель, радужная форель; в Ленинградской области — 97% радужная форель; в Республике Карелии — 99% форель (Жукова, 2024). По количеству действующих предприятий аквакультуры в СЗФО лидирует Республика Карелия — 98 предприятий, далее Санкт-Петербург — 47, Мурманская область — 26, Вологодская — 15, Архангельская — 10. В табл. 4 представлено производство лососёвых в Российской Федерации.

Северо-Западный ФО в 2024 г. стал традиционным лидером по производству аквакультурной продукции — 103,4 тыс. т, далее Южный ФО — 94,2 тыс. т, Дальневосточный ФО — 93,0 тыс. т.

В сообщении пресс-службы Северо-Западного территориального управления от 17 февраля 2025 г. говорится: «В Северо-Западном территориальном управлении (СЗТУ) в 2024

[5] Аналитики прогнозируют в России сильный рост аквакультуры лососёвых к 2034 году. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2025/03/04/1095749-analitiki-prognoziruyut-silnii-rost-akvakulturi-lososevih (дата обращения: 15.04.2025).

г. выращено 46,03 тыс. т продукции товарной аквакультуры: 32,7 тыс. т товарной рыбы и 13,3 т рыбопосадочного материала. По сравнению с 2023 г. (54,68 тыс. т) объём производства продукции товарной аквакультуры составил 84,2%. СЗТУ в 2024 г. проведено 12 аукционов на право заключения договора пользования рыбоводным участком, по результатам которых в пользование предоставлено 6 рыболовных участков для осуществления аквакультуры общей площадью 184,7 га, как следствие, в доход федерального бюджета перечислено более 52 млн руб. Первый выпуск 2025 г. молоди атлантического лосося (сёмги) в целях выполнения государственного задания по компенсации ущерба, причинённого водным биологическим ресурсам (ВБР), с Невского рыбоводного завода в р. Нева составил 80 000 штук. Молодь атлантического лосося выращена заводским методом от производителей, отловленных в Неве. В 2024 г. в Ладожское озеро выпущено 267 119 экз. палии; в реки бассейна Финского залива — 678 049 экз. атлантического лосося (сёмги); в озера Ленинградской области — 761 338 экз. молоди судака»[6].

Строительство и модернизация объектов по производству рыбных кормов

Актуальность производства отечественных рыбных кормов отмечена в Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса, где определено, что к 2030 г. 90% потребности предприятий в рыбных кормах планируется обеспечить отечественной продукцией. Зависимость российского рынка аквакультуры лососёвых от зарубежных кормов в 2022 г. составляла примерно 90%, но ситуация меняется. За 2024 г. объём производства рыбных кормов для аквакультуры в России составил 100 тыс. т, что на 108,3% больше, чем в 2023 г. (48 тыс. т)[7] — это позволило обеспечить около 25% потребностей российского рынка аквакультурных хозяйств. В 2024 г. отечественными рыбоводами покрыто 15% потребностей российского рынка рыбопосадочного материала лососёвых. По оценке экспертов Центра экономики рынков[8], в среднесрочной перспективе объём спроса на корма может вырасти до 250 тыс. т, из них более 139 тыс. т составят корма для лососёвых и больше 10 тыс. т — для лососёвых и осетровых (одновременно) пород.

Современный тренд развития РХК определяет аквакультуру как ключевое направление для научного сопровождения в области генетики, селекции и разработки новых рецептур рыбных кормов.

ФГБНУ «ВНИРО», его филиалы и образовательные организации высшего образования, связанные с рыбохозяйственной деятельностью страны, ведут научные исследования по повышению качества отечественных рыбных кормов. В частности, учёные ФГБОУ ВО «Калининградского государственного технического университета» (КГТУ) запатентовали

[6] Северо-Западное терупрaвление Росрыболовства об итогах года в аквакультуре. URL: http://aquacultura.org/news/severo-zapadnoe-terupravlenie-rosrybolovstva-ob-itogakh-goda-v-akvakulture/ (дата обращения: 18.04.2025).
[7] Конференция «Агроинвестор: PRO животноводство и корма». 9 апреля 2025 г. URL: https://www.agroinvestor.ru/conference/43474/ (дата обращения: 15.04.2025).
[8] Центр экономики рынков. URL: https://www.agroinvestor.ru/conference/43474/ (дата обращения: 15.04.2025).

уникальную технологию, объединившую сырьевой потенциал морских пространств России от калининградской салаки до камчатского кальмара янтарными хелатными связями. Кафедра химии ФГБОУ ВО «КГТУ» сообщает: «… удалось синтезировать янтарные хелатные (клещевидные) комплексы. Полученные продукты содержат сукцинат-ионы, благодаря этому обладают повышенной биологической и пищевой ценностью, адаптогенными, иммуномоделирующими свойствами. Белковые гидролизаты, полученные таким способом, могут использоваться в широком спектре — от фармацевтических и пищевых, до ветеринарных и кормовых инновационных продуктов»[9].

В Республике Карелии производством рыбных кормов с 2023 г. занимается компания «РусФиш». В новое предприятие, расположенное в Кондопожском районе Карелии, планируется инвестировать 1,6 млрд руб. и создать 89 новых рабочих мест. Выпускаемая продукция позволит рыбоводам республики полностью уйти от импорта кормов. Срок окончания реализации проекта — 2026 г.

В 2024 г. в эксплуатацию введены производства в Нижегородской и Курской областях, их общая мощность оценивается в 18,5 тыс. т специализированных рыбных кормов в год.

В Северной Осетии ООО «Остров Аквакультура» в 2023 г. завершило реализацию первого этапа по созданию форелевого хозяйства. В результате построено 100 бассейнов, производство выпускаемой продукции составило 2,5 тыс. т форели в год. Второй этап проекта находится на стадии проектирования. Планируемый срок окончания реализации инвестпроекта — 2029 г.

В Приморском крае ООО «Возрождение» в 2025 г. планирует ввести в строй завод по производству высококачественных кормов для рыбоводных хозяйств. Выпускаемая мощность завода составит до 16 тыс. т в год кормов оригинальной рецептуры для тихоокеанских лососей, форели, карпа, сома и других гидробионтов. Первые шаги проекта начались с разработки оригинальных рецептур. Были привлечены учёные, инженеры и технологи Передовой инженерной школы «Институт биотехнологии, биоинженерии и пищевых систем» ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» (ДВФУ). В результате в состав рационов вошли специальные компоненты — микроводоросли, гидролизаты и другие (Цицкиева, Бетляева, Маркин, 2024). Все компоненты кормов выращиваются, добываются и производятся в Приморье, за исключением отдельных групп витаминов. Лабораторное тестирование опытных образцов кормов показало, что данные продукты не уступают, а по некоторым параметрам превосходят лучшие российские и зарубежные корма. В планах компании — полностью обеспечить кормами лососёвые рыборазводные заводы Дальнего Востока, в дальнейшем выйти на экспортные рынки.

Одним из перспективных направлений рыбной отрасли является марикультура — вид

[9] Учёные из КГТУ запатентовали уникальную технологию. URL: https://klgtu.ru/media/novosti/uchenye_iz_kgtu_zapatentovali_unikalnuyu_tekhnologiyu/ (дата обращения: 18.04.2025).

аквакультуры, включающий в себя выращивание гидробионтов в контролируемых искусственных условиях. В Приморском крае, на который приходится 95% марикультуры на Дальнем Востоке, проектом краевого бюджета на субсидирование данного вида в 2025 г. предусмотрено более 7,6 млн руб. Лососеводство и марикультура выступают «базовыми флагманами» достижения стратегических показателей российского РХК.

Согласно статистическим сведениям по рыбной промышленности России Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ФГБНУ «ВНИРО»), товарное рыбоводство в 2021 и 2022 гг. составило: (изложено в табл. 2) (Колончин, 2023).

Таблица 2

Товарное рыбоводство[10]

Объекты выращивания	Всего
2021 г.	
Количество предприятий, ед.	1 988
Количество выращенных объектов в том числе:	319 342
Пресноводное производство — количество предприятий, ед. — выращено по видам	 1 854 190 479
Марикультура — количество предприятий, ед. — выращено по видам	 134 128 863
2022 г.	
Количество предприятий, ед.	2 283
Количество выращенных объектов в том числе:	348 187
Пресноводное производство — количество предприятий, ед. — выращено по видам	 2 132 195 039
Марикультура — количество предприятий, ед. — выращено по видам	 151 153 148

Представленные статистические данные демонстрируют возможность их применения для анализа и поиска рекомендаций по повышению эффективности использования товарного рыбоводства.

Производство отечественной аквакультуры гарантирует устойчивое обеспечение населения страны качественной продукцией из водных биоресурсов. Предприятия данной сферы несут экономическую и социальную ответственность — создают новые рабочие места для местного населения, принимают активное участие в социальной жизни и создании соответствующей инфраструктуры. Эта деятельность особенно важна в приграничных регионах России (Хасанова, Скуратова, Мусина, 2024).

Зарубежный тренд

Аквакультура в долгосрочной перспективе может стать основным драйвером

[10] Источник: (Колончин, 2023).

развития мирового рыбного хозяйства — мировое производство аквакультуры растёт примерно на 4% в год. По оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединённых Наций (ФАО), объём выращиваемой рыбы в мире по итогам 2024 г. вырос на 3,3% и превысил 100 млн т (The State of Food and Agriculture, 2024).

Высокий уровень рыбоводства и аквакультуры экспертами ФАО[11] отмечается как успех, поскольку это позволяет, по их мнению, наращивать производство продовольствия из ВБР, не подвергая морскую среду дополнительной нагрузке. Выращивание морепродуктов вместо их вылова даст передышку видам, подвергающимся чрезмерной эксплуатации (Ignaciuk, Ilicic, Asprooth et al., 2021; OECD, 2021).

Тем не менее мировые учёные-исследователи обобщают, что аквакультура практически никогда не производит больше калорий или питательных веществ, чем потребляет, что противоречит утверждению отрасли о том, что крупномасштабное рыбоводство имеет важное значение для обеспечения продовольствием растущего населения Земли. Исследования, проводимые учёными, показывают, что ежегодно 23,4 млн т выловленной в дикой природе мелкой рыбы перерабатывается в рыбную муку и рыбий жир, большая часть которых предназначена для включения в корм для хищных рыб, выращиваемых на фермах и фабриках, таких как лосось, форель, креветки и др. Выращенный лосось потребляет до шести раз больше своего веса дикой рыбы, креветки потребляют до полутора раз больше своего веса дикой рыбы к моменту выхода на рынок (Никандров, Шиндавина, Зинченко и др., 2024). Лосось и креветки являются одними из самых популярных морских животных, выращиваемых на фабриках, среди потребителей в развитых странах. В 2022 г. мировые продажи лосося составили более 21 млрд долл. США. Рынок креветок в 2024 г. предварительно оценивается почти в 74 млрд долл. США.

На том основании, что производство аквакультуры продолжает расти, увеличивается спрос на рыбную муку и рыбий жир.

Компания Cooke (Канада) — один из крупнейших производителей морепродуктов — приобретает перуанского производителя рыбной муки и рыбьего жира Copeinca. Высококачественная рыбная мука и рыбий жир обеспечивают безопасное и полноценное питание для роста и ухода за животными в нескольких отраслях, включая аквакультуру. Copeinca владеет крупнейшей квотой на анчоуса в Перу — 15,9% от общего объёма — и перерабатывает около 21% вылова в стране, что позволяет компании ежегодно производить примерно 200 тыс. т рыбной муки и 23 тыс. т рыбьего жира. Сделка позволит компании Cooke диверсифицировать свою географию и ассортимент, укрепить вертикальную интеграцию как производителя аквакультурных лососёвых.

Японская корпорация Mitsubishi инвестирует в финского производителя

[11] Доклад ФАО: производство продукции рыболовства и аквакультуры в мире достигло исторического максимума. URL: https://www.fao.org/newsroom/detail/fao-report-global-fisheries-and-aquaculture-production-reaches-a-new-record-high/ru (дата обращения: 15.04.2025).

аквакультурных лососёвых Finnforel для расширения площадок по выращиванию форели. Миссия Finnforel — спасать моря и кормить планету. Финская компания выращивает рыбу по собственной концепции, используя усовершенствованную биофильтрацию, позволяющую контролировать все факторы окружающей среды, в которой содержится форель. Концепция включает обработку и упаковку рыбной продукции в районах выращивания, что сводит к минимуму количество участников логистической цепочки и сокращает время транспортировки. Это является гарантией свежести рыбной продукции и снижает её стоимость.

Среди активов в рыбной отрасли Mitsubishi — британская Princes Group, обрабатывающая 30–40% импортируемого в Японию голубого тунца, норвежская аквакультурная компания Cermaq и японская оптовая компания Toyo Reizo.

Мировой вылов водных биологических ресурсов находится в диапазоне 90–92 млн т уже более 10 лет. При этом мировое производство аквакультуры растёт практически на 4% в год, что делает целесообразным инвестирование в данный сегмент рыбной отрасли.

По мнению экспертов, российская рыбная отрасль к 2030 г. способна нарастить мощности и выпускать до 500 тыс. т кормовой муки. Согласно исследованиям ВАРПЭ, потенциал экспорта рыбной муки до 2030 г. может составлять 1,1 млрд долл. США, что более чем в 4 раза выше, чем по итогам 2023 г.

В настоящее время аквакультура становится одной из наиболее быстроразвивающихся отраслей сельского хозяйства России. Тем не менее, несмотря на прогресс, для повышения эффективности деятельности в производстве товарной аквакультуры необходимо осуществить ряд рекомендаций:

- обеспечить здоровый рост и иммунитет водных организмов;
- создать инновационные высокоэнергетические корма, улучшающие пищевую ценность и повышающие иммунитет ценных рыб, на базе российских высших образовательных организаций и институтов Российской академии наук, что приведёт к повышению качества рыбной продукции на рынке;
- отечественным предприятиям на базе российских селекционных достижений нарастить объёмы производства по основным сегментам в аквакультурной структуре. К примеру, в Республике Карелии (СЗФО) за первые три месяца 2025 г. выросли объёмы производства лососёвых (выращено 7,5 тыс. т, что выше результата за аналогичный период 2024 г. на 37,2%), показатели производства осетровых в первом квартале увеличились на 17,5% (выращено 4,3 тыс. т товарной рыбы), в Сахалинской области за январь — март 2025 г. отмечается рост объёма производства морепродуктов — мидий, устриц, гребешков и других моллюсков и иглокожих, а также водорослей (более чем в 14,4 раза выше показателей 1 квартала 2024 г.).

Заключение

Добыча водных биологических ресурсов в России более пяти лет находится в стабильном состоянии и составляет примерно 5 млн т. С 2021 г. снижается общий допустимый улов (ОДУ), устанавливаемый Смешанной Российско-Норвежской комиссией по рыболовству (СРНК) по северной треске в Баренцевом море: 2021 г. — 378 635 т; 2022 г. — 302 605 т; 2023 г. — 241 782 т; 2024 г. — 193 124 т; 2025 г. — 151 436 т. Планируется введение ограничений на промысел трески в двух акваториях Дальнего Востока (речь идёт о весеннем периоде промысла) (Лисиенко, 2024). Ограничение ОДУ скажется на количестве вылова трески и поставках на внутренний рынок и экспорт, уже сегодня треска чрезвычайно дорожает (Вопиловский, 2024). Отмечается растущий спрос — треска остаётся одним из самых востребованных видов белой рыбы на мировом рынке. Следовательно, полезным предложением будет использование компетенций Норвегии, соседствующей с Мурманской и Архангельской областями (СЗФО) и располагающей аналогичными климатическими условиями, в производстве аквакультурной трески. Норвежские фермеры активно развивают данный сектор: в 2024 г. общий объём производства аквакультурной трески достиг 20 тыс. т, а к 2026 г. может вырасти до 32 тыс. т (+60%). На аквакультуру Норвегии будет приходиться около трети всей экспортируемой трески. В прошлом выращивание трески было экономически не выгодным из-за высоких производственных затрат и относительно низких цен на этот вид рыбы на рынке. На текущем этапе ситуация стремительно меняется: сокращается ОДУ, объём предложения трески на мировом рынке последовательно снижается, цены растут. Российская аквакультура трески пока не развита, но есть хороший пример норвежских фермеров, которым могут воспользоваться аквакультурные хозяйства Северного бассейна.

Китайская Народная Республика активизирует усилия по развитию коммерческой аквакультуры тихоокеанской трески (Gadus macrocephalus), рассматривая это направление как перспективное. Технология, созданная китайскими учёными, по полному биологическому циклу выращивания тихоокеанской трески в искусственных условиях признана готовой к коммерциализации.

Продукция товарной аквакультуры в России с 2016 по 2023 гг. показала уверенный рост (табл. 1), что связано с системными исследованиями по развитию данного сегмента. Дальнейшая совместная деятельность представителей рыбохозяйственной науки и рыбоводного сообщества раскрывает стратегические перспективы развития аквакультуры страны: повышение экспортного потенциала, снижение зависимости от импорта, снятие давления на дикие популяции, диверсификация аквакультуры.

Список источников

Васильев А.М., Лисунова Е.А. Доктрина продовольственной безопасности в системе обеспечения населения рыбной продукцией // ЭКО. 2022; 52 (6): 51–66. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-6-51-66

Вопиловский С.С. Воздействие экономических факторов на устойчивость функционирования рыбной отрасли Арктической зоны России // Арктика и Север. 2025; 58: 5–22.

https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.58.5

Вопиловский С.С. Экспортная ориентация российской рыбной продукции — стратегический курс // Рыбное хозяйство. 2024; 6: 8–17. https://doi.org/10.36038/0131-6184-2024-6-8-1

Ершов М.В. Российская экономика в условиях новых санкционных вызовов // Вопросы экономики. 2022; 12: 5–23. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-12-5-23

Жукова Т.В. Финансовое развитие и экономический рост: актуальные вопросы теории и практики исследований // Вопросы экономики. 2024; 12: 29–49. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-12-29-49

Ивашко Е.Е., Ивашко В.С. Статистический анализ отрасли аквакультуры России // Экономические науки. 2024; 11 (240): 164–169. https://doi.org/10.14451/1.240.164

Лисиенко С.В. Треска Западно-Камчатской подзоны: промысловое состояние с 2019 по 2023 годы // Рыбное хозяйство. 2024; 3: 41–45. https://doi.org/10.36038/0131-6184-2024-3-41-45

Никандров В.Я., Шиндавина Н.И., Зинченко А.А., Лукина Ю.Н. Репродуктивный потенциал радужной форели *Oncorhynchus mykiss* и особенности его проявления // Вопросы рыболовства. 2024; 25 (2): 105–110. https://doi.org/10.36038/0234-2774-2024-25-2-105-110

Сергеев Л.И., Сергеев Д.Л. Макроэкономика стоимости продукта рыбной отрасли страны // Вопросы рыболовства. 2024; 25 (2): 129–138. https://doi.org/10.36038/0234-2774-2024-25-2-129-138

Статистические сведения по рыбной промышленности России. Москва: ВНИРО; 2024. 84 с.

Хасанова Л.Н., Скуратова П.Н., Мусина С.А. Эколого-экономическая оценка воздействия объектов аквакультуры на окружающую среду на примере губы Ура Баренцева моря // Рыбное хозяйство. 2024; 4: 43–51. https://doi.org/10.36038/0131-6184-2024-4-43-51

Цицкиева К.Р., Бетляева Ф.Х., Маркин Ю.В. Использование пробиотика «Бацифолин А» при выращивании радужной форели (*Oncorhynchus mykiss*) в условиях интенсивного рыболовства // Рыбное хозяйство. 2024; 6: 83–89. https://doi.org/10.36038/0131-6184-2024-6-83-89

Ignaciuk A., Ilicic J., Asprooth L., Sitko N.J., Bernard A., Maggio G., Tubiello F.N., Mueller M. Progress towards sustainable agriculture — Drivers of change. FAO Agricultural Development Economics Technical Study. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations. 2021; 13: 102. https://doi.org/10.4060/cb7896en

OECD. Agricultural policy monitoring and evaluation 2021: Addressing the challenges facing food systems. Paris: OECD Publishing; 2021. 602 p. https://doi.org/10.1787/2d810e01-en

The State of Food and Agriculture 2024 — Value-driven transformation of agrifood systems. Rome: FAO; 2024. 171 p. https://doi.org/10.4060/cd2616en

References

Ershov M.V. Russian Economy in the Face of New Sanctions Challenges. *Voprosy Ekonomiki*. 2022; 12: 5–23. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-12-5-23

Ignaciuk A., Ilicic J., Asprooth L., Sitko N.J., Bernard A., Maggio G., Tubiello F.N., Mueller M. *Progress towards Sustainable Agriculture — Drivers of Change*. Rome, Food and Agriculture Organization of the United Nations; 2021; 13: 102. https://doi.org/10.4060/cb7896en

Ivashko E.E., Ivashko V.S. Statistical Analysis of the Russian Aquaculture Industry. *Economic Sciences*. 2024; 11 (240): 164–169. https://doi.org/10.14451/1.240.164

Khasanova L.N., Skuratova P.N., Musina S.A. Ecological and Economic Assessment of the Impact of Aquaculture Facilities on the Environment on the Example of the Ura Bay of the Barents Sea. *Fisheries*. 2024; 4: 43–51. https://doi.org/10.36038/0131-6184-2024-4-43-51

Kolonchin K.V., eds. *Statistical Information on the Fishing Industry of Russia*. Moscow, VNIRO Publ.; 2024. 84 p. (In Russ.)

Lisienko S.V. Cod of the West Kamchatka Subzone: Commercial Status from 2019 to 2023. *Fisheries*. 2024; 3: 41–45. https://doi.org/10.36038/0131-6184-2024-3-41-45

Nikandrov V.Ya., Shindavina N.I., Zinchenko A.A., Lukina Yu.N. Reproductive Potential of the Rainbow Trout Oncorhynchus Mykiss and Features of Its Manifestation. *Problems of Fisheries*. 2024; 25 (2): 105–110. https://doi.org/10.36038/0234-2774-2024-25-2-105-110

OECD. *Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2021: Addressing the Challenges Facing Food*

Systems. Paris, OECD Publishing; 2021. 602 p. https://doi.org/10.1787/2d810e01-en

Sergeev L.I., Sergeev D.L. Macroeconomics of the Value of the Product of the Country's Fishing Industry. *Problems of Fisheries*. 2024; 25 (2): 129–138. https://doi.org/10.36038/0234-2774-2024-25-2-129-138

The State of Food and Agriculture 2024 — Value-Driven Transformation of Agrifood Systems. Rome, FAO; 2024. 171 p. https://doi.org/10.4060/cd2616en

Tsitskieva K.R., Betlyaeva F.H, Markin Yu.V. Use of the Probiotic "Bacifolin A" in Growing Rainbow Trout (Oncorhynchus Mykiss) under Intensive Fish Farming Conditions. *Fisheries*. 2024; 6: 83–89. https://doi.org/10.36038/0131-6184-2024-6-83-89

Vasiliev A.M., Lisunova E.A. The Doctrine of Food Security in the System of Providing the Population with Fish Products. *ECO*. 2022; 52 (6): 51–66. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-6-51-66

Vopilovskiy S.S. Export Orientation of Russian Fish Products – Strategic Course. *Fisheries*. 2024; 6: 8–17. https://doi.org/10.36038/0131-6184-2024-6-8-1

Vopilovskiy S.S. Impact of Economic Factors on Sustainability of the Fishing Industry of the Russian Arctic Zone. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2025; 58: 5–22. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.58.5

Zhukova T.V. Financial Development and Economic Growth: Current Issues of Theory and Practice of Research. *Voprosy Ekonomiki*. 2024; 12: 29–49. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-12-29-49

Статья поступила в редакцию 16.04.2025; принята к публикации 25.06.2025

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 42–57.
Научная статья
УДК [338.56:553:339.5](98)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.42

Методология оценки экспортного потенциала арктических минерально-сырьевых ресурсов в новых условиях монополистической конкуренции

Агарков Сергей Анатольевич [1], доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Иванова Медея Владимировна [2]✉, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

[1, 2] Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», ул. Ферсмана, 24а, Апатиты, Россия
[1] agarkovsa@yandex.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3417-0265
[2] mv.ivanova@ksc.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6091-8804

Аннотация. В статье проводится анализ теоретико-методологических подходов к пространственной организации неогеоконвергентного развития экономики Российской Арктики в контексте вызовов постсовременности XXI в., характеризующихся высокой геополитической нестабильностью и разрушением традиционных форм и моделей мирового хозяйства. По нашему мнению, методы оценки, основанные на логарифмической линеаризации уравнения гравитации, страдают от серьёзной неточности спецификации из-за пропущенных переменных, что затрудняет интерпретацию результатов и приводит к несостоятельным оценкам. Напротив, модели, оценённые с использованием расширенной спецификации, которая учитывает арктические торговые барьеры, значительно снижают отклонения, вызванные влиянием факторов многостороннего сопротивления, что повышает достоверность эмпирических оценок и выводов. Применяя наш метод на примере хозяйственного освоения угольных запасов, мы показываем, как с учётом арктических торговых барьеров меняется эластичность торговли по расстоянию, и обнаруживаем, что представленные в государственных документах показатели развития арктической угольной отрасли страдают статистически значимыми неточностями. Показатели эластичности торговли в традиционном уравнении гравитации систематически меньше, чем полученные с помощью логарифмически линеаризованных регрессий, учитывающих арктические торговые барьеры. Данное исследование является продолжением цикла авторских работ, посвящённых Новейшей общей (и специальной) теории неогеоконвергентного развития экономики Российской Арктики.
Ключевые слова: *Арктическая зона, неогеоконвергентный подход, пространственная комплементарность, арктические торговые барьеры, уравнение гравитации*

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках государственного задания Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» в части проведения научно-исследовательских работ Института экономических проблем имени Г.П. Лузина по научной теме: FMEZ-2023-0009, № 123012500051-8 «Стратегическое

* © Агарков С.А., Иванова М.В., 2026
Для цитирования: Агарков С.А., Иванова М.В. Методология оценки экспортного потенциала арктических минерально-сырьевых ресурсов в новых условиях монополистической конкуренции // Арктика и Север. 2026; 64: 42–57. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.42
For citation: Agarkov S.A., Ivanova M.V. Methodology for Assessing the Export Potential of Arctic Mineral Resources in the New Conditions of Monopolistic Competition. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 42–57. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.42
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

планирование развития Арктики в новых геоэкономических и политических условиях».

Methodology for Assessing the Export Potential of Arctic Mineral Resources in the New Conditions of Monopolistic Competition

Sergey A. Agarkov [1], Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher
Medea V. Ivanova [2]✉, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher

[1, 2] Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences", ul. Fersmana, 24a, Apatity, Russia
[1] agarkovsa@yandex.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3417-0265
[2] mv.ivanova@ksc.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6091-8804

Abstract. The article analyzes theoretical and methodological approaches to the spatial organization of neo-geoconvergent development of the Russian Arctic economy in the context of the challenges of 21st-century postmodernity, characterized by high geopolitical instability and the destruction of traditional forms and models of the global economy. Estimation methods based on logarithmic linearization of the gravity equation suffer from serious specification inaccuracy due to omitted variables, which complicates the interpretation of results and leads to unreliable estimates. By contrast, models estimated using an extended specification that accounts for Arctic trade barriers significantly reduce the deviations caused by the influence of multilateral resistance factors, thereby enhancing the reliability of empirical estimates and conclusions. Applying our method to the example of coal reserve development, we demonstrate how the distance elasticity of trade changes when Arctic trade barriers are taken into account and find that the indicators of the Arctic coal industry's development presented in government documents suffer from statistically significant inaccuracies. Trade elasticity coefficients in the traditional gravity equation are systematically lower than those obtained using logarithmically linearized regressions that account for Arctic trade barriers. This study is a continuation of a series of the author's works devoted to the Newest General (and Special) Theory of Neo-Geo-Convergent Development of the Economy of the Russian Arctic.
Keywords: *Arctic zone, neo-geoconvergent approach, spatial complementarity, Arctic trade barriers, gravity equation*

Введение

В настоящее время перед Российской Федерацией стоят непростые вызовы: в условиях нарастающей геополитической энтропии, приводящей к разрушению устоявшихся форм и моделей мирового порядка, всё труднее обеспечивать устойчивый и конкурентоспособный рост национальной экономики, интегрированной в мировые процессы создания стоимости, не уходя в изоляцию.

Для реализации национальных интересов в глобальной системе формирующихся на наших глазах новых мирохозяйственных отношений уже недостаточно просто обладать большими природно-ресурсными запасами, необходимо предлагать привлекательные для мира стратегии, позволяющие на принципах взаимовыгодного коконкурентного сотрудничества (Brandenburger, Nalebuff, 1996) обеспечивать экономический рост и развитие в долгосрочной перспективе. Согласно исследованиям Д. Мура (Moore, 1996), посвящённым принципам конкуренции в эпоху бизнес-экосистем, наиболее эффективными в долгосрочной перспективе являются стратегии, нацеленные не на одностороннее превосходство (так называемая игра с «нулевой суммой», когда победитель получает всё), а на выращивание бизнес-экосистем, в которых сочетаются влияние внешней среды,

конкуренция и эволюция многочисленных заинтересованных сторон. Этот феномен Д. Мур назвал «коэволюцией».

Как справедливо отмечает Л. Зобова, «в современном глобальном мире преимущество имеет не тот, кто производит товары, а тот, кто управляет их потоками, привлекает финансовые ресурсы и высококвалифицированные кадры, а также создаёт и распространяет передовые технологии» (Зобова, 2012). У территорий, способных влиять на глобальные обмены, формируется особая региональная рента, позволяющая более эффективно и диверсифицированно распоряжаться ресурсами, обеспечивать их большую капитализацию и ликвидность.

Будущее мировое экономическое устройство на данный момент остаётся неопределённым. Поэтому место России в новой системе геоэкономических координат во многом будет обусловлено стратегическим выбором и моделью развития национальной экономики в международном разделении труда. Последнее означает, что в переломные, как сейчас, моменты, когда выкристаллизовывается новый экономический порядок, особенно ярко проявляется вариативность и значимость исторического выбора. По нашему мнению, такой выбор должен опираться на прочную научную основу, обладающую методологическим инструментарием с высокой предсказательной силой глобальной экономической динамики. Это позволит не только сформировать модель успешного социально-экономического развития страны, соответствующую образу желаемого будущего России в мире, но и обеспечить достижение стратегических целей глобально конкурентного развития национальной экономики в международной системе разделения труда.

В данном контексте эффективное использование пространственного и ресурсного потенциала Арктической зоны, который выступает одним из ключевых факторов обеспечения долгосрочного устойчивого экономического роста национальной экономики, становится важным элементом государственного стратегирования, требующего соответствующего методологического обеспечения, учитывающего новые реалии современного мира.

Рассматривая экономику Российской Арктики как глобальный миросистемный проект, мы считаем необходимым говорить о неогеоконвергентном развитии арктического экономического пространства, что предполагает гармоничное сочетание высокотехнологичных интернационализированных воспроизводственных циклов добычи минеральных ресурсов с транспортно-логистической деятельностью, обеспечивающей международный транзит, где Северный морской путь выступает как центр сборки интермодальной транспортной логистики международных транспортных коридоров «Запад — Восток», «Север — Юг» (Агарков, 2025).

Таким образом, неогеоконвергентное развитие арктической экономики можно интерпретировать как способность создавать на коконкурентных принципах многоуровневого трансрегионального взаимодействия добавленную стоимость,

пространственно интегрированную в глобальную систему международного и национального разделения труда (Агарков, 2025).

Применительно к теме исследования имеется в виду разработка методологических основ неогеоконвергентной пространственной организации арктической экономики, которая воспроизводит качественно новую мультирегиональную структуру коконкурентных трансрегиональных (транснациональных) рыночных взаимодействий, формирующих пространственно взаимосвязанную добавленную стоимость в международном и национальном разделении труда.

Целью исследования является оценка экспортного потенциала арктических минерально-сырьевых ресурсов в новых условиях монополистической конкуренции.

Разработана расширенная спецификация уравнения гравитации торговли арктических минерально-сырьевых ресурсов, учитывающая арктическую экономико-географическую специфику хозяйствования.

Проведена оценка экспортного потенциала хозяйственного освоения арктических месторождений угля.

Научная новизна исследования заключается в разработке методологических подходов оценки эластичности торговли по расстоянию, учитывающей факторы многостороннего сопротивления, характеризующие барьерные коэффициенты арктической географии и транспортной логистики. Предложенный подход позволяет более корректно оценивать перспективы хозяйственного освоения ресурсного потенциала Арктической зоны и эффекты масштаба роста арктического добывающего производства.

Материалы и методы

Базовой гипотезой исследования является эмпирически подтверждённое утверждение о существовании сильной корреляции между показателями эффекта масштаба экономического роста и доступа рынка и поставщика, которая положена в основу разрабатываемого ***геоконвергентного подхода*** комплементарной пространственной организации арктической экономики, интегрированной в глобальное и национальное пространство создания стоимости (Агарков, 2025).

В основу эмпирического анализа экспортного потенциала арктических энергоресурсов была положена методология аналитической трейд-модели HATM, разработанной для обоснования неогеоконвергентной пространственной организации рыночной экономики Российской Арктики, характеризующая в терминах организованной близости доступа рынка и поставщика свободу торговли арктических минерально-сырьевых ресурсов в N-региональном экономическом (рыночном) пространстве Ω_{ij}^{R} (Агарков, 2025):

$$\mathbf{HATM}: \Omega_{ij}^{N} = \begin{cases} V_{ij}^{R}(S_{z,j}, D_{i,z}) \cong \mathrm{P}(Q_{i,z}^{A}, C_{z,j}) :\Rightarrow (S_{j}^{C} \overset{Walras}{\rightleftharpoons} D_{iz}^{Q}) \\ Q_{iz}^{AN} = V(\mathrm{K}_{ij}^{A}) :\Rightarrow (V_{z}^{\mathrm{K}} \overset{Nash}{\rightleftharpoons} \alpha V_{z}^{R})^{\beta} \mid \vartheta_{ij}^{N} \\ ST(\pi_{0}^{a}) = f_{Q} - f_{E} = 0 \\ EX_{izj}^{\chi} = \mathfrak{M}(\hat{A}_{iz}^{\varepsilon} T_{ij}^{-\eta} \hat{A}_{zj}^{m})^{\psi} \sim \chi_{izj}^{\Omega} \mid f^{a}(T_{ij}) \end{cases}, \quad (1)$$

Аналитическая HATM-модель (1), основанная на теоретической базе НЭГ и Новейшей международной торговли, формализует на принципах многомерной сбалансированности условия конкурентного торгового равновесия арктических сырьевых ресурсов в мультирегиональном экономическом (рыночном) пространстве с монополистической структурой конкуренции. Теоретическое обоснование HATM подробно представлено в работе (Агарков, 2025).

Эмпирическая оценка модели HATM

В данной части исследования мы демонстрируем, как учёт арктических факторов экономической географии и транспортной логистики позволяет создать модель торговой гравитации с гораздо более правдоподобной интерпретацией оценки экспортного потенциала и ожидаемых эффектов масштаба роста арктического добывающего производства.

Наша базовая гипотеза заключается в том, что существующий уровень развития транспортно-логистической инфраструктуры Арктической зоны является сдерживающим фактором развития арктического добывающего производства и арктической экономики в целом. При этом мы утверждаем, что прогнозные оценки экономических эффектов роста арктического добывающего производства (в том числе в рамках Плана развития СМП [1]) должны учитывать характерные для Арктической зоны экономико-географические факторы многостороннего сопротивления. Игнорирование указанных факторов в моделях (спецификациях), используемых для прогнозных оценок потенциала развития арктической экономики, приводит к статистически значимому смещению ожидаемых эффектов роста из-за пропущенных переменных.

Чтобы проверить нашу гипотезу, мы применяем расширенную версию гравитационного уравнения, разработанную в рамках методологии HATM (1), в которой учитываются факторы многостороннего сопротивления, связанные с арктической экономической географией и транспортной логистикой доступа рынка и поставщика, так как традиционные методы оценки страдают от серьёзной неточности из-за пропущенных переменных в спецификациях, что приводит к несостоятельным оценкам. Наш подход,

[1] Распоряжение Правительства РФ от 1 августа 2022 г. № 2115-р «Об утверждении плана развития Северного морского пути на период до 2035 г.». URL: http://government.ru/docs/46171/ (дата обращения: 12.08.2025).

напротив, позволяет избежать этих проблем, что повышает достоверность эмпирических оценок и делает более обоснованной интерпретацию выводов.

В рамках нашего исследования мы опираемся на методологию, предложенную Андерсоном и ван Винкоопом (Anderson, van Wincoop, 2003), интерпретируя широко известное гравитационное уравнение торговли (2), принимая во внимание специфические для Арктической зоны факторы многостороннего сопротивления (арктические торговые барьеры).

$$x_{ij} = \frac{y_i y_j}{d_{ij}^{\eta}} \left(\frac{t_{ij}}{\mathrm{P}_{ij}} \right)^{1-\sigma}, \qquad (2),$$

где x_{ij} – стоимостной объём экспорта из региона (страны) *i* в регион (страну) *j*; y_i, y_j — ВВП региона (страны) i и j; t_{ij} — издержки торговли между регионами (странами) i и j; σ — эластичность замещения между товарами разных стран ($\sigma > 1$); d_{ij} — расстояние между торгующими регионами i и j; η — показатель эластичности торговли по расстоянию; P_{ij} – коэффициентная величина (индекс), характеризует факторы многостороннего сопротивления торговле между регионами (странами) *i* и *j*.

Уравнение гравитации (2) показывает, что двусторонняя торговля между парами стран (регионов) i и j зависит от масштабов их экономик y_i, y_j, расстояния между ними d_{ij}, а также от факторов многостороннего сопротивления (торговых барьеров) P_{ij}, которые влияют на величину удельных издержек t_{ij} международных (межрегиональных) торгово-экономических отношений (Anderson, van Wincoop, 2003). Следуя в этой логике, базовую спецификацию эмпирической гравитационной модели, описывающей экспортный потенциал арктических минерально-сырьевых ресурсов, можно представить в следующей логлинейной форме:

$$\ln E\hat{X}_{izj,t} = \ln A_{ij}^{sm} - \eta_{ij}^{A} \ln T_{ij} + \varepsilon, \qquad (3),$$

где $\ln E\hat{X}_{ij,t}$ — логарифм ожидаемого (планируемого) объёма экспорта арктических сырьевых ресурсов; $\ln A^{sm}$ — логарифм двухстороннего доступа рынка и поставщика характеризует взвешенный по расстоянию суммарный объём производственных мощностей $Q_{i,z}^{A}$ и потребительского спроса $C_{j,z}^{A}$ арктических сырьевых ресурсов, $\ln A^{sm} = \ln(Q_{i,z}^{A} + C_{j,z}^{A}) d_{ij}^{-1}$; d_{ij} — расстояние между торгующими регионами i и j; η_{ij}^{A} — показатель эластичности торговли по расстоянию с учётом факторов многостороннего сопротивления, характеризующих барьерные коэффициенты арктической географии b_G^A и транспортной логистики $b_{L,ij}^{A}$, $\eta_{ij} = 1 + (b_G^A + b_L^A) = 1 + b_{G,L}^{A}$, ε — ошибка расчётов.

Гравитационная модель (3) подразумевает, что чем больше негативное влияние арктических торговых барьеров $b_{G,L}^{A}$, тем выше показатель эластичности торговли по расстоянию η_{ij}^{A}, определяющий величину торговых издержек T_{ij} доступа рынка и поставщика и, соответственно, ниже экспортный потенциал арктических минерально-сырьевых ресурсов (особенно низкомаржинальных, к которым относится уголь, где в цене высока удельная доля транспортных издержек).

В нашем подходе при отсутствии торговых барьеров $b_{G,L}^{A}=0$ показатель эластичности межрегиональной (международной) торговли равен единице ($\eta_{ij}^{A}=1$), что означает, что удельные торговые издержки доступа рынка и поставщика растут пропорционально расстоянию без дополнительных факторов удорожания, влияющих на экспортный потенциал (объём экспорта). Соответственно, торговые барьеры, связанные с арктической географией b_{G}^{A} и транспортной логистикой $b_{L,}^{A}$ доступа рынка и поставщика, увеличивают показатель эластичности торговли по расстоянию $\eta_{ij}^{A}>1$, причём тем больше, чем хуже развита транспортно-коммуникационная (собственная и транзитная) инфраструктура в экономическом пространстве торгующих стран и регионов. Другими словами, влияние факторов торговых барьеров приводит к росту коэффициента эластичности, что усиливает влияние эффекта расстояния на объём экспорта. При этом функциональная зависимость, характеризующая торговые издержки T_{ij} межрегиональных торгово-экономических отношений, неочевидна и зависит от поставленной задачи (см., например, (Redding, Venables, 2004; Bosker, Garretsen, 2010)). Из чего следует, что существует критическая величина удельных затрат трансрегиональной торговли $T_{ij}^{\eta}=\max :\Longrightarrow (\eta_{ij}^{A}\to\infty)$, когда экспорт арктических сырьевых ресурсов становится экономически невыгодным с учётом предельных издержек добычи и транспортировки, которые совокупно характеризуют порог выживаемости компаний (*survival threshold,* ST) в условиях монополистической конкуренции, $ST(\pi_{0}^{a},T_{ij}^{\eta})=0$ (см. систему уравнений 1).

Таким образом, с помощью арктических барьерных коэффициентов мы контролируем удалённость и неоднородность эффекта расстояния доступа рынка и поставщика для проверки гипотезы о том, как экономико-географические факторы многостороннего сопротивления влияют на экспортный потенциал и эффект масштаба роста арктического добывающего производства.

Предполагается, что с развитием мультимодальной транспортной логистики фактор расстояния перестаёт быть определяющим, а роль удалённости для трансрегиональных торгово-экономических отношений будет снижаться, что в модельно-эконометрической интерпретации будет вести к уменьшению показателя эластичности торговли по расстоянию $b_{G,L}^{A}\approx 0,\ \eta^{A}\to 1.$

Наша спецификация (3) демонстрирует некоторые хорошо известные ограничения, связанные с высокоширотной географией и транспортной логистикой, которые определяют специфику хозяйственной деятельности в Арктике. В первую очередь это касается Северного морского пути (СМП), который является основным магистральным маршрутом, формирующим опорный каркас всей транспортной логистики Арктической зоны и обеспечивающим внутренние и международные торговые потоки.

К числу основных проблем арктической транспортной логистики относятся:

- недостаточная развитость портовой и навигационной инфраструктуры;
- отсутствие достаточного количества современных ледоколов и транспортных судов ледового класса, способных круглогодично эксплуатироваться в экстремальных природно-климатических условиях Арктики;
- ограниченность срока навигации (по открытой воде максимум три месяца: с июля по октябрь) и необходимость ледокольного сопровождения в определённых районах, что приводит к существенному увеличению стоимости перевозки грузов;
- относительное мелководье арктических морей, особенно восточного сектора Российской Арктики (более половины площади акватории моря Лаптевых и Восточно-Сибирского моря имеют глубины, не превышающие 20 м), что не позволяет осуществлять движение крупнотоннажным судам с большой осадкой по традиционным мелководным маршрутам (рис. 1) и требует развития высокоширотных маршрутов, включая их надёжное навигационное обеспечение.

Рис. 1. Действующие и перспективный высокоширотный (глубоководный) маршрут Северного морского пути (Афонин, Теликов, 2017).

Результаты исследования

Эмпирическое тестирование трейд-модели НАТМ на примере хозяйственного освоения Сырадасайского месторождения угля.

Таймырский угольный бассейн — один из крупнейших угольных бассейнов России — находится на территории Красноярского края, на Таймырском полуострове, освоение которого началось в 2024 г. По прогнозным оценкам, заявленным в Плане развития Северного морского пути на период до 2035 г., утверждённом распоряжением Правительства РФ от 01.08.2022 г. № 2115-р[2] (далее — План развития СМП), к 2035 г. планируемый объём добычи и экспорта угля составит 113, 8 млн т. Однако заявленные показатели, по нашему мнению, не отражают реальное положение дел, поскольку не учитывают экономико-географические факторы многостороннего сопротивления, характерные для Арктической зоны.

В табл. 1 укрупнённо представлены основные статистические данные, характеризующие принятые допущения и основные показатели контрфактуального сценарного анализа возможных перспектив хозяйственного освоения Сырадасайского месторождения угля на период до 2035 г.

Таблица 1

Сценарные допущения контрфактуального анализа перспективного хозяйственного освоения Сырадасайского месторождения угля на период до 2035 г.[3]

	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2035	итого
Физический объём экспорта по Плану развития СМП (PhF), млн т	3,5	5,3	7,0	7,0	7,0	7,0	12,0	60	108,8
Прогнозная мировая цена за т угля, долл. США									средняя
1. «ФИКСИНГ» — (фиксированная мировая цена на уголь)	150	150	150	150	150	150	150	150	150
2. «РОСТ» — (растущая мировая цена на уголь)	150	160	170	180	190	200	210	240	205
3. «ПАДЕНИЕ» — (падающая мировая цена на уголь)	150	140	130	130	130	120	120	112	123

Мы рассматриваем три сценария:

1. Инерционный сценарий (*Inertial scenario,* IS) характеризует современное состояние развития транспортно-коммуникационного комплекса, когда навигация по СМП составляет не более 4 месяцев при полном отсутствии специализированных балкерных судов ледового класса для обеспечения транспортировки арктического угля к рынкам сбыта. Расчётный коэффициент эластичности торговли с учётом факторов многостороннего сопротивления, характеризующих барьерные коэффициенты арктической географии b_G^A и транспортной логистики $b_{L,ij}^A$ (ф. 3), $\eta_{GL}^A \approx 3,2 \Rightarrow (navigat \ \leq 4 \ months)$;

[2] Распоряжение Правительства РФ от 1 августа 2022 г. № 2115-р «Об утверждении плана развития Северного морского пути на период до 2035 г.». URL: http://government.ru/docs/46171/ (дата обращения: 12.08.2025).
[3] Источник: составлено авторами.

2. Базовый модернизационный сценарий (*Basic modernization scenario*, BmS) характеризуется темпами развития арктической транспортно-коммуникационной инфраструктуры и транспортных судов ледового класса, что обеспечивает навигацию не менее 8 месяцев в году, $\eta_{GL}^{A} \approx 2,2 \Rightarrow (navigation \ \leq 8 \ month)$;

3. Неомодернизационный сценарий (Neo-modernization scenario, NmS) ориентирован на опережающее и комплексное развитие арктической транспортной инфраструктуры, интегрированной в глобальные транспортные коридоры, в основу которого положен неоиндустриальный тип развития арктической экономики, базирующийся на формировании в Арктической зоне высокоширотного транспортно-энергетического комплекса, интегрированного через систему транспортных коридоров в глобальные процессы (цепочки) создания стоимости, что предполагает соответствующий уровень государственного участия на стратегически важных направлениях перспективного развития интермодальной транспортной логистики и опережающего развития арктического судостроения (см. подробно рис. 5 (Агарков, Иванова, 2024; Агарков,2023)), $\eta_{GL}^{A} \to 1 \Rightarrow (all - year \ navigation)$.

Таким образом, мы оцениваем в трёх сценариях (инерционном, IS; базовом, BmS; неомодернистском, NmS) влияние арктических торговых барьеров экономической географии b_{G}^{A} и транспортной логистики $b_{L,ij}^{A}$ на ожидаемые эффект масштаба роста и экспортный потенциал Сырадасайского месторождения:

$$E_t(\hat{X}_{ij}, \hat{x}_{ij}^{P}, Q^{Ac}, b_{GL}^{A}) = \begin{cases} \text{InS: } \eta_{GL}^{A} \approx 3,2 \Rightarrow (navigat \ \leq 4 \ months) \\ \text{BmS: } \eta_{GL}^{A} \approx 2,2 \Rightarrow (navigation \ \leq 8 \ month) \\ \text{NmS: } \eta_{GL}^{A} \approx 1 \Rightarrow (all - year \ navigation \approx 12 \, month) \end{cases}, \quad (4)$$

где $E(\hat{X}_{ij}, t)$ — планируемый физический объём экспорта угля, добываемого на Сырадасайском месторождении в период $t = (2024 - 2035)$; $E(\hat{x}_{ij}^{P}, t)$ – планируемый денежный эквивалент планируемого объёма финансовых поступлений от экспорта угля, добываемого на Сырадасайском месторождении в период *t*; η_{ij}^{A} — показатель эластичности трансрегиональной торговли, учитывающий барьерные коэффициенты арктической географии b_{G}^{A} и транспортной логистики $b_{L,ij}^{A}$ для пары стран (регионов) *i* и *j*.

Модель показала, что максимальный уровень экспорта таймырского угля в «инерционном» сценарии (IS), характеризующем современную ситуацию уровня развития транспортно-логистического комплекса, составит (оценочно) за период до 2035 г. не более 44,2 млн т, или около 41% от заявленного в Плане развития СМП объема в 108,8 млн т. Современная ситуация характеризуется полным отсутствием балкерных судов ледовых классов (не менее Arc4), что ограничивает возможность транспортировки угля по СМП исключительно во время летней навигации, составляющей не более 4 месяцев в год (август

— ноябрь). Таким образом, около 64,6 млн т (что составляет 60% от заявленного объёма) останутся не вывезенными.

В базовом «модернизационном» сценарии (BmS), предполагающем наличие специализированных балкерных судов ледовых классов, обеспечивающих навигацию до 8 месяцев, объём экспорта может составить до 2035 г. около 85—90 млн т, что соответствует более 78% от заявленного в Плане развития СМП.

В результате моделирования было установлено, что только при реализации неомодернистского сценария возможно достижение показателей экспорта арктического угля, предусмотренных Планом развития СМП в объёме 108,8 млн т к 2035 г. Этот сценарий предполагает стратегию неогеоконвергентного пространственного развития арктического хозяйственного комплекса в комплементарной целостности пространственной организации производства и сбыта, обеспечивающей диверсифицированный доступ арктических производителей к рынкам сбыта страны и мира, генерирующим спрос на энергоресурсы и другие виды стратегического сырья (см. подробно (Агарков, 2025)).

В табл. 2 представлены данные экспортного потенциала арктических энергоресурсов на основе контрфактуальной сценарной оценки ожидаемого денежного потока (CF) хозяйственного освоения Сырадасайского месторождения угля с учётом характерных для Арктической зоны экономико-географических факторов многостороннего сопротивления трансрегиональной торговле.

Таблица 2

Прогнозный денежный поток (CF) реализации проекта хозяйственного освоения Сырадасайского месторождения угля, млн долл. США[4]

Сценарии развития арктической транспортно-логистической инфраструктуры[1)]	Сценарии динамики мировых цен на уголь[2)]	**2025**	**2030**	**2035**	**итого за период**	**в %**
		млн долл.	**млн долл.**	**млн долл.**	**млн долл.**	
План развития СМП, CF (η=1,0), млн долл. США		**1320**	**6000**	**9000**	**16 320**	**100**[3)]
1. Инерционный сценарий, CF (η ≈ 2,7), млн долл. США	1. «ФИКСИНГ»	485,9	2208,6	3312,9	6 007	36,8
2. Базовый модернистский сценарий, CF (η ≈ 1,4), млн долл. США		935,2	4250,9	6376,4	11 562	70,8
3. Неомодернистский сценарий, CF (η→1), млн долл. США		1238,1	5627,7	8441,6	15 307	93,8
1. Инерционный сценарий, CF (η ≈ 2,7), млн т	2. «РОСТ»	505,4	2834,4	5300,6	8 640	52,9
2. Базовый модернистский сценарий, CF (η ≈ 1,4), млн долл. США		972,7	5455,3	10202,2	16 630	101,9
3. Неомодернистский сценарий, CF (η→1), млн долл. США		1287,8	7222,3	13506,6	22 017	134,9
1. Инерционный сценарий, CF (η ≈ 2,7) млн долл. США	3. «ПАДЕНИЕ»	466,4	1844,2	2473,6	4 784	29,3
2. Базовый модернистский сценарий, CF (η ≈ 1,4), млн долл. США		897,7	3549,5	4761,0	9 208	56,4

[4] Источник: составлено авторами.

3. Неомодернистский сценарий, CF (η→1), млн долл. США		1188,4	4699,2	6303,1	12 191	74,7

[1] отражает сценарии, учитывающие арктические экономико-географические факторы многостороннего сопротивления трансрегиональной торговле в зависимости от уровня развития транспортно-логистической инфраструктуры.

[2] отражает данные принятых допущений (табл. 1).

[3] целевой показатель Плана развития СМП принят в качестве базового (100%).

Как следует из табл. 2, только при условии роста мировых цен на уголь возможно достижение целевых показателей, указанных в Плане развития СМП (оценочно 16,3 млн долл. США — 100 %). Расчёты показывают, что в рамках «базового модернистского» и «неомодернистского» сценариев пространственно комплементарного развития арктической экономики данные показатели составят 102 % и 135 % от запланированных значений, что в денежном выражении составляет 16,6 млн долл. США и 22,0 млн долл. США соответственно.

Ниже представлены графики (рис. 2, 3, 4), иллюстрирующие результаты контрфактуального сценарного анализа ожидаемых эффектов хозяйственного освоения угольных запасов Сырадасайского месторождения, проведённого на основе методологии НАТМ (1) с использованием расширенной спецификации уравнения гравитации (3), включающей барьерные коэффициенты арктической экономической географии и транспортной логистики.

Графики (рис. 1, 2, 3) иллюстрируют в трёх сценариях эффект масштаба роста физического PhF и денежного CF потока экспорта в зависимости от показателя эластичности торговли η_{ij}^{A} арктических энергоресурсов, характеризующего уровень развития интермодальной транспортной логистики, обеспечивающей доступ арктических добывающих компаний к рынкам сбыта. Высокое значение коэффициента эластичности торговли η_{ij}^{A} является свидетельством слабого развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры, что для специфических условий высокоширотной арктической географии является критически важным фактором негативного влияния на международную торговлю и развитие арктического добывающего производства в целом.

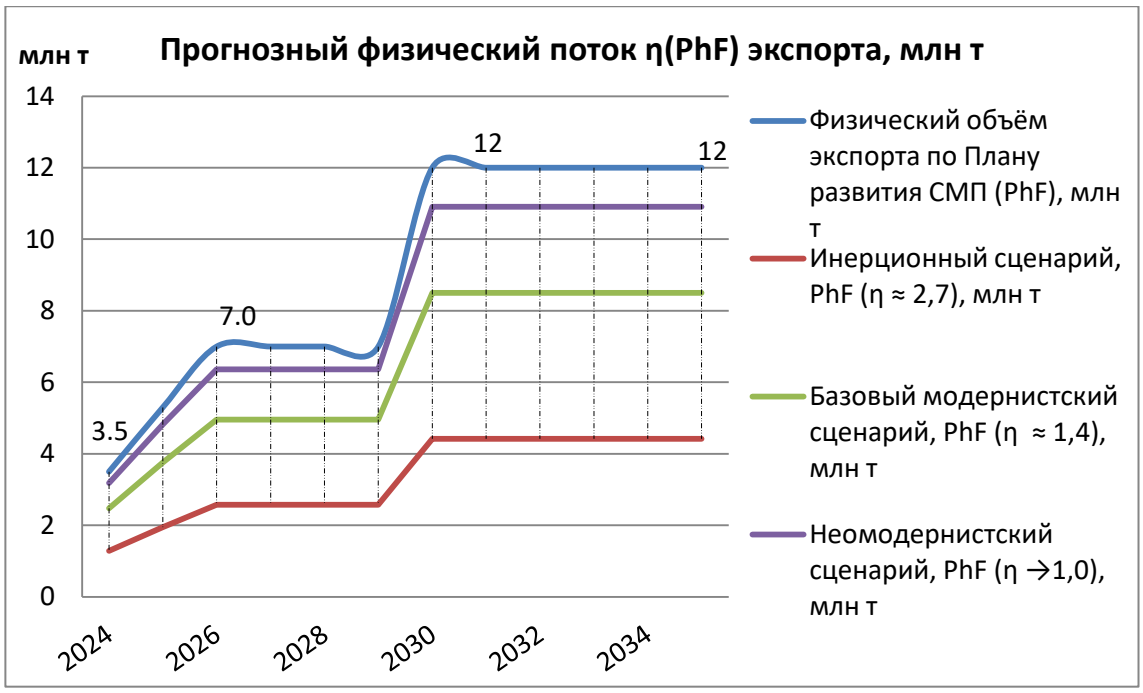

Рис. 1. Динамика прогнозируемого физического потока (PhF) экспорта таймырского угля с учётом арктических экономико-географических барьеров на период до 2035 г.[5]

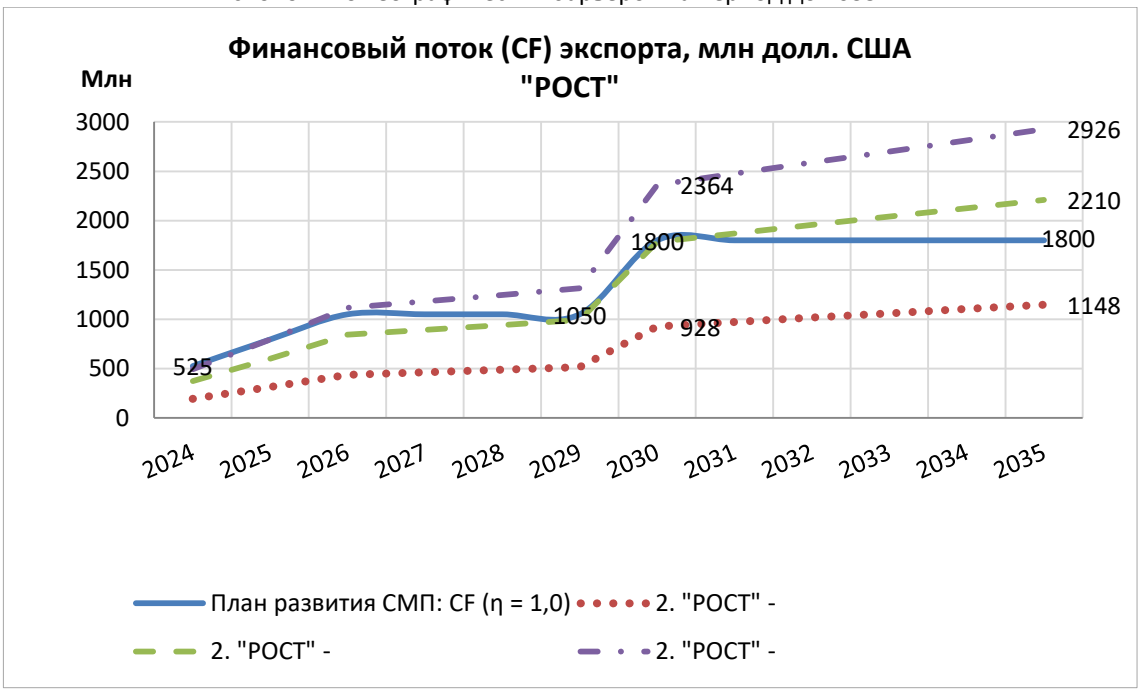

Рис. 2. Динамика прогнозируемого финансового потока (CF) от экспорта таймырского угля с учётом арктических экономико-географических барьеров на период до 2035 г. (в условиях роста мировых цен на уголь — сценарий «Рост»)[6].

[5] Источник: составлено авторами на основании модельного прогнозирования.
[6] Источник: составлено авторами на основании модельного прогнозирования.

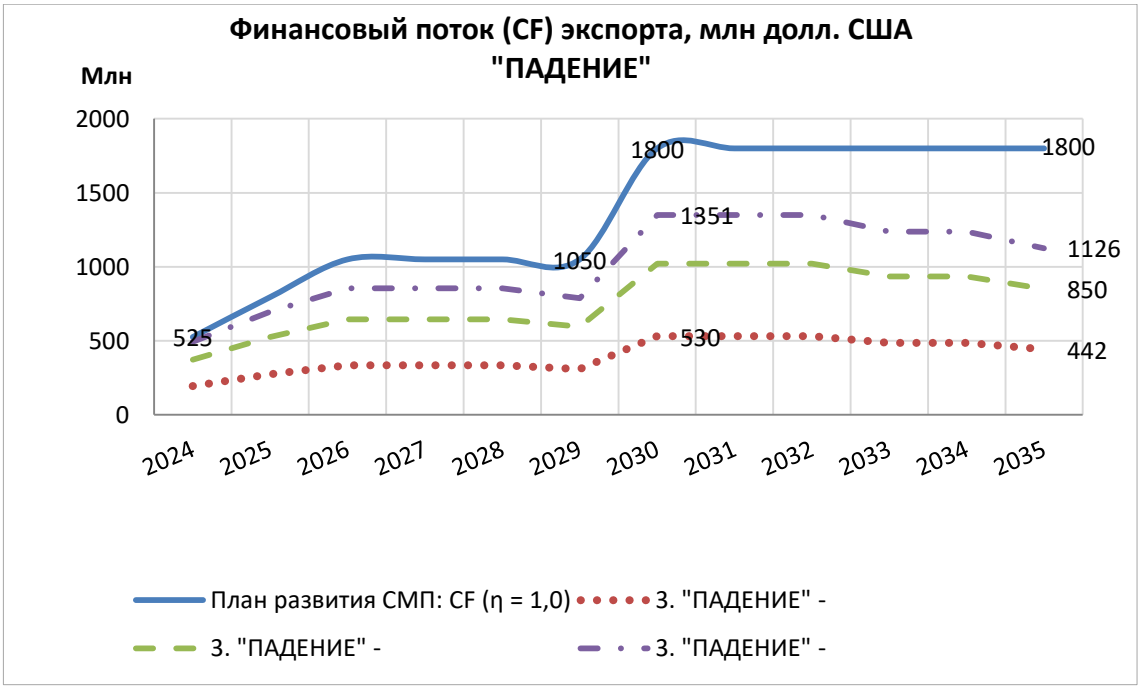

Рис. 3. Динамика прогнозируемого финансового потока (CF) от экспорта таймырского угля с учётом арктических экономико-географических барьеров на период до 2035 г. (в условиях падения мировых цен на уголь — сценарий «Падение»)[7].

Подводя итог, мы находим веские доказательства того, что методы оценки, основанные на логарифмической линеаризации уравнения гравитации, страдают от серьёзной неточности спецификации из-за пропущенных переменных, что затрудняет интерпретацию результатов и приводит к несостоятельным оценкам.

Напротив, модели, оценённые с использованием расширенной спецификации, которая учитывает арктические торговые барьеры, значительно снижают отклонения, вызванные влиянием факторов многостороннего сопротивления, что повышает достоверность эмпирических выводов.

Показатели эластичности торговли в традиционном уравнении гравитации систематически меньше, чем полученные с помощью логарифмически линеаризованных регрессий, учитывающих арктические торговые барьеры.

Таким образом, нами была эмпирически подтверждена гипотеза о том, что с развитием мультимодальной транспортной логистики, включая специализированные суда ледовых классов, факторы высокоширотной арктической географии и удалённости перестают быть определяющими для международных (межрегиональных) торгово-экономических отношений. В экономико-математической интерпретации это будет означать снижение показателя эластичности торговли по расстоянию.

Заключение

В результате проведённого исследования была проанализирована теоретическая основа для обоснования неогеоконвергентной пространственной организации рыночной

[7] Источник: составлено авторами на основании модельного прогнозирования.

экономики Российской Арктики, которая нашла отражение в аналитической трейд-модели HATM, а также разработана эмпирически обоснованная гравитационная модель торговли арктическими энергоресурсами, учитывающая специфические экономико-географические факторы многостороннего сопротивления, характерные для Арктической зоны.

Представленные методологические подходы были протестированы на примере хозяйственного освоения Сырадасайского угольного месторождения. По разработанной методике был произведён расчёт коэффициентов эластичности торговли по расстоянию, учитывающий характерные для Арктической зоны экономико-географические факторы многостороннего сопротивления, и подтверждена гипотеза о снижении влияния фактора расстояния на торговлю с течением времени по мере пространственно комплементарного развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей беспрепятственный всесезонный доступ арктических добывающих компаний к рынкам сбыта страны и мира, генерирующим спрос на сырьевые ресурсы.

Введение индексов арктических торговых барьеров в уравнение гравитации является значимым нововведением, позволяющим расширить применимость гравитационной теории к арктическим условиям хозяйствования, в том числе повысить степень релевантности прогнозной оценки экспортного потенциала и ожидаемых эффектов роста арктического добывающего производства и экономики в целом.

Предложенный метод позволяет последовательно и с высокой точностью оценить теоретическое уравнение гравитации, учитывая уникальные особенности и специфику арктической экономической географии и транспортной логистики.

Данный подход может быть успешно применён для анализа влияния различных других факторов многостороннего сопротивления на двусторонние торговые потоки и оценки эффектов масштаба роста арктической экономики, результаты которого необходимо будет развить и обобщить в последующих исследованиях.

Список источников

Агарков С.А. Научные подходы пространственной организации транспортных коммуникаций хозяйственного освоения энергоресурсов Арктики // Креативная экономика. 2023; 17 (12): 4867–4898. https://doi.org/10.18334/ce.17.12.119777

Агарков С.А. Новейшая общая теория (часть I): концептуальные основы методологии геоконвергентной пространственной организации рыночной экономики Арктики // Креативная экономика. 2025; 19 (9): 2169–2202. https://doi.org/10.18334/ce.19.9.123677

Агарков С.А., Иванова М.В. Пространственные аспекты устойчивого освоения арктических топливно-энергетических ресурсов в условиях нового мирового порядка: глобальные вызовы и решения // Арктика и Север. 2024; 56: 5–30. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.5

Афонин А.Б., Тезиков А.Л. Концепция развития судоходных трасс акватории Северного морского пути // Вестник Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова. 2017; 9 (1): 81–87. https://doi.org/10.21821/2309-5180-2017-9-1-81-87; https://www.elibrary.ru/YGJDHF

Зобова Л.Л. Объективная основа категории пространственной ренты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012; 2 (50): 202–205.

Anderson J., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // American

Economic Review. 2003; 93 (1): 170–192. https://doi.org/10.1257/000282803321455214
Bosker M., Garretsen H. Trade costs in empirical New Economic Geography // Papers in Regional Science. 2010; 89 (3): 485–511. https://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2010.00314.x
Brandenburger A., Nalebuff B. Co-opetition: Revolutionary Mindset that Redefines Competition and Cooperation: The Game Theory Strategy that's Changing the Game of Business. New York; 1996. 290 p.
Moore J.F. The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems. New York: Harper Business; 1996. 297 p.
Redding S., Venables A.J. Economic geography and international inequality // Journal of International Economics. 2004; 62 (1): 53–82. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2003.07.001

References

Afonin A.B., Tezikov A.L. The Concept of Development of Shipping Routes along the Northern Sea Route. *Vestnik Gosudarstvennogo Universiteta Morskogo i Rechnogo Flota Imeni Admirala S.O. Makarova.* 2017; 9 (1): 81–87. https://doi.org/10.21821/2309-5180-2017-9-1-81-87; https://www.elibrary.ru/YGJDHF
Agarkov S.A. Scientific Approaches to Spatial Organization of Transport Communications and Economic Development of Arctic Energy Resources. *Creative Economy*. 2023; 17 (12): 4867–4898. https://doi.org/10.18334/ce.17.12.119777
Agarkov S.A. The Latest General Theory (Part I): Conceptual Foundations of the Methodology of Geoconvergent Spatial Organization of the Arctic Market Economy. *Creative Economy*. 2025; 19 (9): 2169–2202. https://doi.org/10.18334/ce.19.9.123677
Agarkov S.A., Ivanova M.V. Spatial Aspects of Sustainable Development of Arctic Fuel-Energy Resources in the New World Order: Global Challenges and Solutions. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 56: 5–30. DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.5
Anderson J., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle. *American Economic Review*. 2003; 93 (1): 170–192. https://doi.org/10.1257/000282803321455214
Bosker M., Garretsen H. Trade Costs in Empirical New Economic Geography. *Papers in Regional Science*. 2010; 89 (3): 485–511. https://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2010.00314.x
Brandenburger A., Nalebuff B. *Co-Opetition: Revolutionary Mindset That Redefines Competition and Cooperation: The Game Theory Strategy That's Changing the Game of Business*. New York; 1996. 290 p.
Moore J.F. *The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems*. New York, Harper Business; 1996. 297 p.
Redding S., Venables A.J. Economic Geography and International Inequality. *Journal of International Economics*. 2004; 62 (1): 53–82. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2003.07.001
Zobova L.L. The Objective Base of the "Space Rent" Category. *The Bulletin of Kemerovo State University*. 2012; 2 (50): 202–205.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; принята к публикации 04.12.2025

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 58–76.
Научная статья
УДК 332.1(985)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.58

Методологические и институциональные разрывы в стратегиях развития регионов Арктической зоны Российской Федерации

Липина Светлана Артуровна [1], доктор экономических наук, профессор
Куприков Никита Михайлович [2], доктор экономических наук, доцент
Липина Александра Валерьевна [3], кандидат технических наук, доцент
Кортунов Денис Сергеевич [4]✉, ассистент

[1, 3] Университет науки и технологий МИСИС, пр. Ленинский, 4, стр. 1, Москва, Россия
[2] Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Волоколамское ш., 4, Москва, Россия
[4] Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия
[1] s.lipina@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8551-0653
[2] nkuprikov@yandex.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3152-0941
[3] a.v.lipina@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0835-8878
[4] d.kortunov@narfu.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-9328-2611

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ ключевых федеральных и региональных стратегических документов, определяющих направления развития регионов Арктической зоны Российской Федерации. Основой исследования стал системный документальный анализ с элементами сравнительного картирования целевых ориентиров, приоритетов и индикаторов, а также оценка механизмов управления природопользованием и экологической защиты, включая положения по обеспечению прав коренных малочисленных народов Севера. Особое внимание уделено соответствию региональных стратегий принципам прогнозно-рискового подхода и межуровневой интеграции, закреплённым в Указе Президента РФ от 08.11.2021 № 633. Результаты показывают наличие единого набора приоритетов, связанных с устойчивым развитием территорий, обеспечением экологической и социальной безопасности и поддержкой экономической устойчивости, при одновременном сохранении системных разрывов, затрудняющих их реализацию. Наиболее выраженные пробелы связаны с недостаточной координацией между федеральным и региональным уровнями, отсутствием унифицированных показателей и процедур мониторинга, ограниченным учётом климатических и экологических рисков, а также слабым вовлечением местных сообществ и коренных народов в процессы стратегического планирования. Авторы отмечают, что реализация положений Указа № 633 требует не только формальной адаптации стратегий, но и развития единых методологических подходов к постановке целей, формированию KPI и организации научно обоснованного мониторинга. Предлагаются разработка унифицированных индикаторов, усиление межуровневой координации, институционализация оценки климатических рисков и развитие механизмов участия коренных народов. Работа носит прикладной характер и ориентирована на использование в практике государственного управления.

Ключевые слова: *стратегическое планирование, Арктика, Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий автономный округ, Архангельская область, Ненецкий*

* © Липина С.А., Куприков Н.М., Липина А.В., Кортунов Д.С., 2026
Для цитирования: Липина С.А., Куприков Н.М., Липина А.В., Кортунов Д.С. Методологические и институциональные разрывы в стратегиях развития регионов Арктической зоны Российской Федерации // Арктика и Север. 2026; 64: 58–76. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.58
For citation: Lipina S.A., Kuprikov N.M., Lipina A.V., Kortunov D.S. Methodological and Institutional Gaps in the Development Strategies of the Russia's Arctic Regions. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 58–76. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.58
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

автономный округ, Республика Коми, Мурманская область, региональная экономика

Methodological and Institutional Gaps in the Development Strategies of the Russia's Arctic Regions

Svetlana A. Lipina [1], Dr. Sci (Econ.), Professor
Nikita M. Kuprikov [2], Dr. Sci (Econ.), Associate Professor
Alexandra V. Lipina [3], Cand. Sci. (Tech.), Associate Professor
Denis S. Kortunov [4]✉, Assistant

[1, 3] National University of Science and Technology "MISIS" (NUST MISIS), Leninskiy pr., 4/1, Moscow, Russia
[2] Moscow Aviation Institute (National Research University), Volokolamskoe Shosse 4, Moscow, Russia
[4] Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, Russia
[1] s.lipina@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8551-0653
[2] nkuprikov@yandex.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3152-0941
[3] a.v.lipina@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0835-8878
[4] d.kortunov@narfu.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-9328-2611

Abstract. The article presents a comparative analysis of key federal and regional strategic documents defining the development trajectories of the regions of the Arctic Zone of the Russian Federation. The study is based on a systematic documentary analysis combined with comparative mapping of strategic goals, priorities, and indicators, as well as an assessment of natural resource management and environmental protection mechanisms, including provisions aimed at safeguarding the rights of the indigenous small-numbered peoples of the North. Particular attention is paid to the compliance of regional strategies with the principles of a risk-based forecasting approach and multi-level integration established by the Decree of the President of the Russian Federation No. 633 of November 8, 2021. The results reveal a common set of priorities related to sustainable territorial development, environmental and social security, and economic resilience, alongside persistent systemic gaps that hinder their effective implementation. The most significant shortcomings include insufficient coordination between federal and regional levels, absence of unified indicators and monitoring procedures, limited consideration of climate and environmental risks, and weak involvement of local communities and indigenous peoples in strategic planning processes. The authors emphasize that the implementation of the provisions of Decree No. 633 requires not only the formal adjustment of strategic documents but also the development of unified methodological approaches to goal-setting, KPI formation, and the organization of evidence-based monitoring. The study proposes the development of a unified system of indicators, strengthening of inter-level coordination, institutionalization of climate risk assessment, and expansion of mechanisms for the participation of indigenous peoples. The research is of an applied nature and is intended for use in public administration practice.
Keywords: *strategic planning, Arctic, Chukotka Autonomous Okrug, Sakha Republic (Yakutia), Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Arkhangelsk Oblast, Nenets Autonomous Okrug, Komi Republic, Murmansk Oblast, regional economy*

Введение

Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) представляет собой территорию исключительной геополитической, экономической и экологической значимости. Регион богат углеводородными и минерально-сырьевыми ресурсами, формирует стратегическую глубину государства и влияет на национальную безопасность, одновременно являясь ареалом уникальных и высокочувствительных экосистем (Голдин, 2014). Интенсивное освоение природно-ресурсного потенциала в условиях нарастающих последствий климатических изменений создаёт совокупность серьёзных вызовов: от экологических угроз до технологических и социальных сложностей, в том числе вопросов сохранения

традиционного образа жизни и обеспечения прав коренных малочисленных народов Севера (Паникар, 2023).

В таких условиях ключевой задачей стратегического управления развитием АЗРФ становится поиск и поддержание баланса между экономическим развитием, экологической устойчивостью и социальным благополучием (Паникар, Шапаров, 2016). Данная задача решается посредством последовательной, интегрированной и долгосрочной системы стратегического планирования, в которой должны быть артикулированы иерархия целей, согласованная совокупность задач и набор инструментов реализации (Соколова, Труфанова, 2025). Эффективность таких механизмов требует наличия целостного комплекса документов, обеспечивающего координацию действий всех уровней управления и заинтересованных сторон — от федерального центра до субъектов Федерации и корпоративного сектора (Подоплёкин, Бестужева, 2014).

Правовые и организационные основы современной системы стратегического планирования в Российской Федерации получили законодательное закрепление в Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [1]. Закон ввёл единые принципы построения многоуровневой системы плановых документов, задал состав стратегических актов и регламенты их разработки, реализации и мониторинга. В его рамках формируется совокупность инструментов, таких как стратегические прогнозы, концепции, доктрины, государственные программы и схемы территориального планирования, предназначенных для обеспечения преемственности и согласованности стратегических инициатив.

Важным следующим этапом стало утверждение Указа Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» [2], который лёг в основу приоритетной повестки развития АЗРФ. Этот документ обозначил национальные интересы и стратегические приоритеты в отношении социально-экономического развития региона, освоения ресурсной базы, обновления инфраструктуры (включая вопросы функционирования и развития Северного морского пути), обеспечения экологической безопасности, а также укрепления научно-технологической базы.

Однако стратегический ландшафт Арктики существенно шире перечисленных актов и включает множество дополнительных федеральных и региональных стратегий (Морозов, Кондраль, 2014), государственных программ (в том числе Государственную программу

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (принят Государственной Думой 20 июня 2014 г., одобрен Советом Федерации 25 июня 2014 г.). URL: https://base.garant.ru/70684666/ (дата обращения: 27.12.2025).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255 (дата обращения: 27.12.2025).

«Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» [3]), а также территориальные схемы планирования. Такая множественность нормативно-программных документов направлена на всестороннее покрытие проблем и задач региона, но одновременно порождает риски фрагментации, дублирования и нормативных коллизий, а также функциональные пробелы при реализации инициатив.

Наличие нормативно-правовой базы и программных документов само по себе не гарантирует достижение поставленных целей. Ключевой проблемой выступает обеспечение согласованности и синергетичности между многочисленными стратегическими актами: противоречия могут проявляться в формулировке целевых ориентиров (когда для одних и тех же территорий или отраслей устанавливаются несогласованные индикаторы), в механизмах финансирования (когда ресурсное обеспечение государственных программ не коррелирует с их целевыми установками), в учёте климатических и экологических рисков, а также в распределении полномочий и ответственности между федеральными органами, субъектами Федерации и муниципалитетами. Всё это замедляет реализацию инициатив и снижает эффективность расходования публичных средств.

В этих условиях принципиально важным элементом становится регулярный и системный мониторинг жизненного цикла стратегических документов, от их разработки и утверждения до этапов реализации, оценки достигнутых результатов и внесения корректировок. Постоянный мониторинг позволяет выявлять системные узкие места, оценивать адекватность приоритетов в быстро меняющейся внешней среде и оптимизировать распределение ресурсов. Таким образом, мониторинг трансформирует стратегическое планирование из статичного формального процесса в адаптивный управленческий механизм, способный своевременно реагировать на новые вызовы и обеспечивать устойчивое развитие Арктической зоны (Зайков, Кондратов, Кудряшова и др., 2019).

В связи с этим возникает резонный вопрос: в какой степени региональные стратегии субъектов АЗРФ согласованы с ключевыми приоритетами, закреплёнными в федеральных документах (прежде всего в Указе Президента РФ № 633)? Авторами сформулирована следующая гипотеза исследования: практическая институционализация федеральных приоритетов в региональных стратегиях на уровне АЗРФ носит фрагментарный характер и сопровождается методологическими и ресурсными разрывами, что заметно снижает эффективность реализации государственной политики в регионе.

Методология исследования

Настоящая статья представляет результаты сопоставительного анализа документов стратегического планирования, регламентирующих развитие Арктической зоны Российской

[3] Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации», утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 30 марта 2021 г. № 484. URL: https://base.garant.ru/400534977/ (дата обращения: 27.12.2025).

Федерации (Липина, Альмиева, Балезина и др., 2025). Целью исследования выступает системная оценка степени согласованности, полноты и оперативной эффективности действующего стратегического каркаса для АЗРФ. Методологическая стратегия опирается на набор междисциплинарных аналитических процедур, применённых к ключевым федеральным и региональным актам (в т. ч. Закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Указ Президента РФ № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года», соответствующие государственные программы, региональные стратегии и схемы территориального планирования). Положения Указа Президента РФ № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» были использованы как нормативная рамка для сопоставления федеральных и региональных документов. Сопоставление ключевых направлений Указа позволило оценить степень институциональной трансляции федеральных приоритетов на уровень субъектов АЗРФ. В качестве методологического инструментария использованы: нормативно-правовой анализ, структурно-содержательный (контент-) анализ текстов документов, сравнительный (компаративный) анализ и матричная сопоставительная техника, позволяющая наглядно фиксировать сходства, расхождения и пробелы между актами.

Процедура анализа включала этапы формализации набора документов — объектов исследования и разработки кодировочной схемы тем и категорий анализа, выделения аналитических блоков и критериев оценки и их привязки к показателям измеримости (наличие целевых индикаторов, базовые значения, целевые горизонты, источники финансирования); систематического контент-анализа текстов документов с выделением положений, относящихся к целям, приоритетам, задачам, инструментам реализации, механизмам мониторинга и ответственности за исполнение, а также матричной агрегации данных для выявления точек пересечения, синергии, дублирования и нормативных / институциональных конфликтов.

Критерии оценки включали внутреннюю когерентность документа (логика целей-задач-мероприятий), вертикальную и горизонтальную согласованность между уровнями планирования, измеримость и реалистичность целевых индикаторов, адекватность предусмотренных механизмов финансирования и ответственности, полноту интеграции климатико-экологических рисков, а также механизмы вовлечения и защиты прав коренных народов. В качестве источников данных использовались официальные тексты нормативных актов и программ, сопутствующие методические материалы и нормативные документы, а также открытая статистическая и аналитическая информация на момент исследования.

Ограничения методологии обусловлены прежде всего характером исходных данных: вариативностью терминологии и степени детализации в региональных документах, ограниченной доступностью корректных и сопоставимых показателей исполнения по ряду

программ, а также временной несинхронностью целевых горизонтов отдельных актов.

Научная новизна исследования заключается в комплексной, критически организованной оценке системы арктического стратегического планирования с применением матричных и содержательных инструментов анализа, что позволяет не только выявить общие целевые установки, но и системно показать механизмы расхождений, недоработок и потенциальных точек интеграции. Практическая значимость результатов выражается в обосновании предложений по повышению согласованности целевых индикаторов, усилению координации между уровнями власти, интеграции климатико-экологических рисков в программные установки и совершенствованию механизмов участия коренных народов.

Сравнение документов организовано по тематическим блокам: «цели / видение», «приоритеты», «задачи и мероприятия», «инструменты реализации и финансирование», «мониторинг и индикаторы», «учёт климатических рисков» и «участие коренных народов». Учитывая вариативность формулировок в региональных стратегиях, в аналитической части приводятся как типичные, так и характерные отличия и подходы; для наглядности результаты агрегированы в сравнительные матрицы и сопровождаются интерпретативными выводами и рекомендациями.

Основная часть

Помимо сопоставления федеральной и региональной повесток, целесообразно выделить различия между прежней и действующей федеральными стратегиями развития Арктической зоны. Прежняя по отношению к действующей стратегия была, как правило, более ориентирована на оперативное и инфраструктурное освоение региона: внимание акцентировалось на обеспечении ресурсодобычи, создании базовых транспортно-логистических коридоров и укреплении оборонно-безопасного компонента. Экологические и социальные вопросы, адаптация к климатическим изменениям, а также механизмы интеграции интересов коренных малочисленных народов чаще носили фрагментарный характер и были менее детализированы в части целевых индикаторов и инструментов реализации.

При этом ряд положений Указа Президента РФ № 633, которые имеют прикладное значение для региональной политики, требует отдельной оценки на уровне субъектов АЗРФ.

Действующая Федеральная стратегия (до 2035 г.) [4] формулирует более широкий и многоплановый подход, сохраняя приоритеты по освоению ресурсной базы и развитию транспортно-логистической инфраструктуры (включая Северный морской путь), усиливает акценты на устойчивом развитии, научно-технологическом обеспечении, экологической безопасности и задачах адаптации к климатическим рискам. Новая стратегия задаёт более

[4] Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972 (дата обращения: 03.01.2026).

длительный горизонт планирования, вводит более развернутые цели по координации между уровнями власти и содержит целевые ориентиры, направленные на интеграцию экономических, экологических и социальных показателей. В ней также наблюдается более выраженная декларация необходимости модернизации институтов управления и усиления механизмов мониторинга и оценки исполнения стратегических мер. Сравнение прежней и действующей стратегий показывает тенденцию к расширению содержания федеральной политики в сторону устойчивости, науки и климата, но её практическая реализация блокируется недостаточной вертикальной синхронизацией с региональными документами и несоответствием ресурсного обеспечения. Пространственный охват регионов АЗРФ представлен на рис. 1.

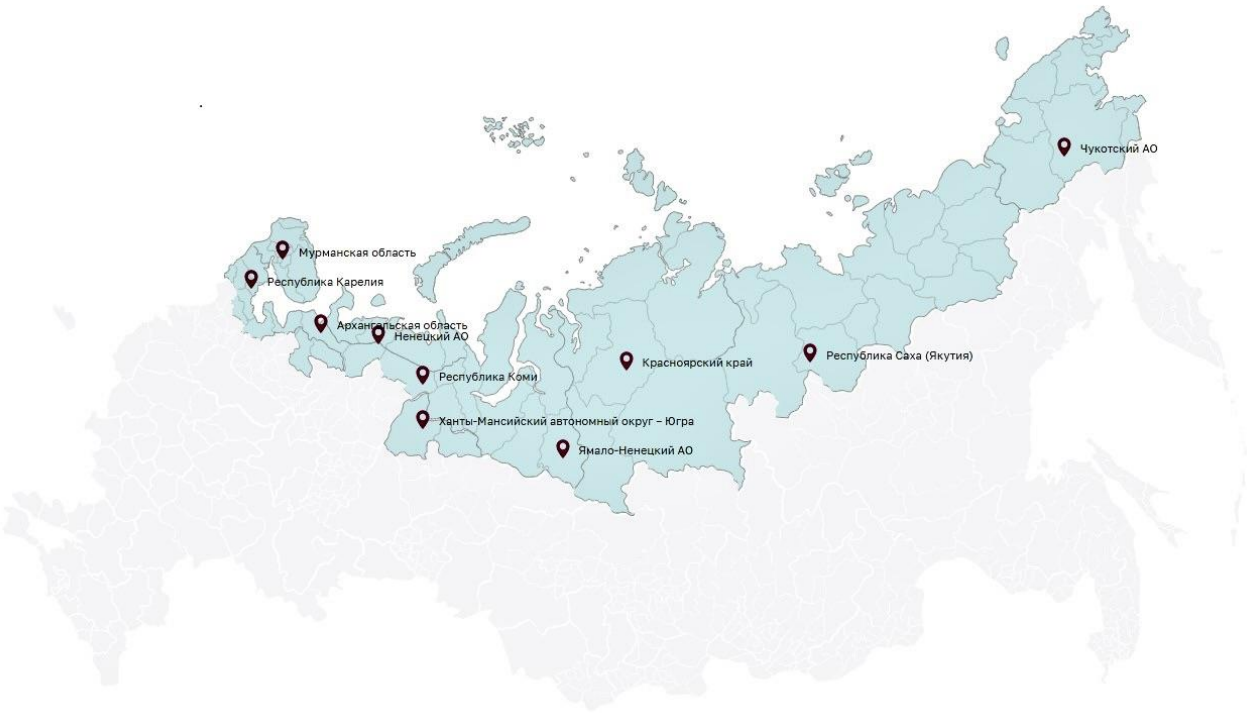

Рис. 1. Карта Арктической зоны Российской Федерации[5].

Для преодоления разрыва требуется системная конвергенция: унификация целевых индикаторов и методологии мониторинга, обязательная процедура оценки согласованности региональных стратегий с федеральными приоритетами при их утверждении, а также целевое финансирование программ по диверсификации экономики и адаптации к климатическим рискам. Включение ясных требований по учёту интересов коренных народов и по экологической оценке проектов на этапе регионального планирования должно стать обязательным элементом при согласовании региональных стратегий с федеральными целями. На практике же трансляция этих федеральных нововведений в региональные

[5] Источник: Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. Об Арктической зоне РФ. Об Арктической зоне. URL: https://erdc.ru/about-azrf-old/ (дата обращения: 01.02.2026).

стратегии проходит неравномерно. Субъектовые документы чаще сохраняют прагматичный, локально ориентированный фокус, где приоритеты регионов концентрируются на развитии профильных отраслей (нефте- и газодобыча, полезные ископаемые, рыболовство), развитии портовой и коммунальной инфраструктуры, обеспечении занятости, доступности медицины и образования, поддержке местной экономики и МСП. Это естественно с точки зрения региональной экономической логики, однако приводит к тому, что многие региональные стратегии либо не полностью отражают обновлённые федеральные приоритеты устойчивого развития и климатической адаптации, либо трактуют их декларативно, без достаточного ресурсного и институционального обеспечения.

Так, например, стратегические документы **Чукотского автономного округа** во многом повторяют прежние акценты, усиливая при этом социальную повестку; одновременно отмечается ограниченность мер по диверсификации горнодобывающей экономики и недостаточная проработанность долгосрочных механизмов устойчивого развития. В ряде регионов планы по развитию традиционных отраслей выглядят экономически спорными с точки зрения рентабельности и устойчивости, а социальные меры видятся фрагментарными и недостаточно обеспеченными финансово и организационно.

Сопоставление ключевых характеристик федеральных стратегий и проблем их трансляции на региональный уровень представлено в табл. 1.

Таблица 1

Сопоставление федеральных стратегий АЗРФ (прежняя / действующая) и проблем их реализации на региональном уровне[6]

Область	**Прежняя стратегия — характерные черты**	**Действующая стратегия (до 2035 г.) — изменения / добавления**	**Реакция регионов / проблемы трансляции**
Видение и цели	Фокус на быстром освоении ресурсов и обеспечении транспортно-логистической доступности; кратко- / среднесрочное планирование	Более комплексное, долгосрочное видение: экономическое развитие + устойчивость, климатическая адаптация, научно-технологический компонент	Региональные документы часто сохраняют прагматичную, краткосрочную логику; федеральные «широкие» цели воспринимаются декларативно
Экономика и ресурсное освоение	Основной упор на добычу (нефть, газ, полезные ископаемые), экспансию предприятий и создание рабочих мест	Сохранение приоритетов добычи, но с добавлением задач диверсификации, устойчивого использования ресурсов и оценки экологических последствий	Регионы преимущественно ориентированы на профильные отрасли; диверсификация реализуется слабо, проекты традиционных отраслей зачастую остаются экономически спорными

[6] Примечание: цветовая индикация отражает степень согласованности региональных стратегий с федеральными приоритетами.

Транспорт и логистика (СМП, порты)	Активное развитие СМП и портовой инфраструктуры как приоритет для вывоза ресурсов	Поддержка СМП остаётся, добавлены требования по экологии, безопасности навигации, адаптации инфраструктуры к изменениям климата	Региональные планы поддерживают развитие портов / дорог, но финансирование и планирование согласования с федеральными целями часто несовершенны
Экологическая безопасность и климат	Экологические аспекты присутствуют фрагментарно; адаптация к климату мало детализирована	Укреплён акцент на экологической безопасности, управлении рисками и адаптации; появление целевых ориентиров по оценке рисков	В региональных стратегиях экологические меры нередко декларативны; слабая детализация механизмов реализации и финансирования климатических мер
Научно-техническое обеспечение	Наука — сервисный компонент (сопровождение проектов), ограниченные НИОКР	Выделение науки и инноваций как ключевого фактора устойчивого развития и технологической независимости	Регионы имеют ограниченные R&D-бюджеты; трансляция федеральных научных задач требует централизованной координации и стимулирующих мер
Социальная политика и качество жизни	Социальные меры адресованы поддержке населения при освоении (жильё, медицина, занятость)	Более системный подход к устойчивому проживанию, адаптации инфраструктуры, усилению социальной защиты	Региональные документы усиливают соцнаправление (пример — ЧАО), но меры часто фрагментарны и недостаточно обеспечены ресурсами
Права и участие коренных народов	Упоминания о правах КМНС, но механизмы участия и защиты прав слабо регламентированы	Более явное требование учитывать интересы КМНС и их участие в планировании; рекомендации по охране традиций	На местах участие КМНС реализуется неравномерно: формальные консультации, недостаточная интеграция в проекты и финансирование сохранения традиционной экономики

Институциональное управление и мониторинг	Централизованный контроль, ограниченные механизмы межуровневой координации и мониторинга исполнения	Включение требований по улучшению координации, единой методологии показателей и мониторинга; усиление ответственности	Региональные стратегии часто не используют унифицированные индикаторы; отсутствует обязательная процедура согласования региональных планов с федеральными приоритетами
Финансирование и экономические инструменты	Финансирование проектно-адресное; значительная роль крупных компаний и госпрограмм	Пропись более сбалансированного финансирования, механизмы поддержки диверсификации и климатических мер; потребность в целевых ресурсах	Финансирование региональных инициатив ограничено; несоответствие бюджета задачам устойчивого развития; зависимость от частного капитала
Территориальное планирование и инфраструктурные проекты	Приоритет проектной инфраструктуры (шахты, порты, базы)	Добавлена необходимость учёта устойчивости инфраструктуры, интеграции территориальных схем и экологических ограничений	Региональные планы хозяйственно целесообразны, но часто не учитывают долгосрочные климатические риски и требования экологической оценки

Отдельного внимания заслуживает структура финансового обеспечения стратегических инициатив в регионах АЗРФ. Стоит отметить, что большинство региональных стратегий опирается на преимущественно бюджетные источники финансирования и федеральные госпрограммы. Механизмы привлечения внебюджетных средств (государственно-частное партнёрство, специальные инвестиционные соглашения, региональные инвестиционные фонды) представлены ограниченно, без детализации системы распределения финансовой ответственности. Это подтверждает наличие институционального разрыва между целевыми стратегическими установками и реальными механизмами реализации.

Приведённые в табл. 1 результаты демонстрируют сохранение устойчивых институциональных и методологических разрывов на этапе трансляции федеральных установок на региональный уровень при формальном расширении целей и приоритетов стратегического планирования АЗРФ. Наибольшие разрывы зафиксированы в сферах экологической и климатической политики, научно-технического обеспечения, институционального управления и финансирования. В данных областях преобладают декларативные формулировки без устойчивых механизмов реализации. В инфраструктурном и социальном блоках наблюдается относительно более высокая степень согласованности, однако меры зачастую фрагментарны. В совокупности полученные

результаты подтверждают необходимость унификации методологии стратегического планирования и усиления координации.

В Республике Саха (Якутия) наиболее заметные успехи связаны с транспортной и энергетической инфраструктурой: модернизация Северного морского пути завершена примерно на 70%, порты и навигация обновлены, грузопоток вырос на 25%. Однако эти изменения почти не дали устойчивых социальных эффектов, а адаптация инфраструктуры к таянию мерзлоты идёт медленно [7]. Цифровые инициативы (мониторинг мерзлоты, биомониторинг, цифровые архивы культур КМНС) выполнены примерно на 60%, но многие северные улусы до сих пор лишены стабильной связи, что сдерживает цифровую трансформацию. Социальные проекты реализуются фрагментарно: из десяти запланированных опорных центров построены только три, население арктической части увеличилось лишь на 5%, миграционный отток остаётся отрицательным. Инфраструктурные проекты дают рабочие места и улучшают коммунальные услуги, но оказываются высокозатратными и малорентабельными в долгосрочной перспективе[8] (Коваленко, 2023). Экология и туризм — наименее финансируемые направления: экологическим программам уходит не более 7% инвестиций, в то время как транспортно-добывающие проекты получают в пять раз больше. Проекты экотуризма показали рост посещаемости (~15%), но значимого мультипликативного эффекта для местных сообществ не принесли. В региональных стратегиях климатические меры чаще носят прикладной и разрозненный характер (уборка промплощадок, утилизация отходов).

В Ненецком автономном округе есть примеры частичной реализации крупных инициатив, но они сопровождаются срывами сроков и сомнениями в окупаемости. Реконструкция аэропорта Нарьян-Мара включена в планы, но перенесена на 2027–2030 гг. из-за проблем с финансированием и уровнем готовности проекта. Проект порта Индига имеет смысл для СМП, но остаётся на ранней стадии, поскольку нужны согласования множества ведомств, крупные частные вложения и доказанная рентабельность. В НАО много инициатив (малые НПЗ, локальная переработка), которые так и не вышли из концепций из-за отсутствия инвесторов и узкого рынка; без значительных льгот и субсидий эти проекты невыполнимы. Масштабные возобновляемые проекты блокируются высокой стоимостью технологий, логистикой и обслуживанием в арктических условиях. Программы по глубокой диверсификации МСП носят декларативный характер и не сопровождаются мерами по сбыту, кадрам и инфраструктуре.

Главная системная проблема заключается в несогласованности федеральных и

[7] Доклад о реализации государственных программ. Правительство Республики Саха (Якутия). Якутск, 2025. URL: https://minpred.old.sakha.gov.ru/gosudarstvennye-programmy-ispolniteljami-kotoryh-javljaetsja-ministerstvo/svodnyj-godovoj-doklad-o-hode-realizatsii-i-otsenki-effektivnosti-gosudarstvennyh-programm-respubliki-saha-jakutija (дата обращения: 27.12.2025).

[8] Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Демографические показатели Республики Саха (Якутия) за 2018–2025 гг. Москва, 2025. URL: https://14.rosstat.gov.ru/folder/39429 (дата обращения: 03.01.2026).

региональных горизонтов и показателей. Федеральная стратегия задаёт долгосрочные, унифицированные ориентиры (рост ВРП, объёмы СМП, инвестиции, наука, экозащита, поддержка коренных народов), тогда как регионы формулируют локальные, преимущественно кратко- и среднесрочные цели (модернизация портов, газификация, жильё, здравоохранение). Количественные индикаторы в субъектах отсутствуют или нестандартизованы, а документы не увязаны по задачам и мероприятиям. В результате преобладают отдельные проекты вместо системных межрегиональных инициатив, что ослабляет эффект от федеральных мер и препятствует достижению устойчивого развития в Арктике.

Архангельская область с большим ресурсным потенциалом и непростой социальной динамикой демонстрирует устойчивый разрыв между целями стратегий и их реализацией. В анализе сравнивались две региональные стратегии: «Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2030 года» (от 16.12.2008 № 278-ра/48)[9] и «Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года» (закон Архангельской области от 18.02.2019 №57-5-ОЗ)[10]. Так, «Стратегия 2030» задала крайне амбициозные цели (рост ВРП на душу в 3,7 раза, рост производительности в 4 раза) с упором на традиционные отрасли — ЛПК без фокуса на глубокую переработку, судостроение и транспорт. К 2019 г. выполнена примерно треть мероприятий из плана; основные причины — ошибочные ценовые допущения, отсутствие механизмов гибкой корректировки и слабая увязка с отраслевыми программами и бюджетами. «Стратегия 2035» смещает риторику в сторону «человекоориентированности», но изменения в формулировках редко сопровождаются новыми управленческими инструментами. Среди ключевых системных недостатков «Стратегии 2035» можно назвать декларативность (много общих формулировок без привязки к измеримым целям, финансированию и сценариям снижения рисков), демографию (население сократилось с ~1,3 млн (2000) до ~1,1 млн (2023), региональные выплаты не компенсируют экономические причины оттока; зарплаты ниже среднего по России, цены в удалённых районах выше), пассивную инвестиционную политику (ставка на федеральные «мегапроекты» (Белкомур, порт) при слабой работе по улучшению инвестиционного климата и поддержке МСП), инфраструктурный дефицит (высокий износ коммунальных сетей (в ряде муниципалитетов 60–70%), низкая плотность дорог с твёрдым покрытием — базовый барьер для развития), экологический конфликт (доминирование градообразующих ЦБК препятствует модернизации и переходу к более устойчивой экономике).

[9] Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2030 года, утверждена распоряжением администрации Архангельской области от 16 декабря 2008 г. № 278-ра/48. URL: https://www.garant.ru/doc/1190675/ (дата обращения: 04.01.2026).

[10] Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года, утверждена законом Архангельской области от 18 февраля 2019 г. № 57–5-ОЗ. URL: https://arkh-gov.ru/doc/74415 (дата обращения: 04.01.2026).

В этих условиях требуется смена управленческой парадигмы: чёткие, измеримые цели; перераспределение ресурсов в пользу базовой инфраструктуры; прозрачная система ответственности и политическая воля для структурных реформ, а не лишь переформулировок. Федеральные подходы комбинируют программы, ГЧП и преференции; регионы чаще полагаются на собственные бюджеты и федеральную поддержку, редко выстраивая межрегиональные финансовые механизмы.

Практический пример — **Мурманская область**: смешанное финансирование и грантовая поддержка МСП (до 4 млн руб. на креативные проекты) дали ощутимый эффект по удвоению турпотока (с 350 тыс. до 670 тыс. чел. в 2020–2024 гг.) и вводу социальных объектов. Однако сохраняются проблемы с покупательной способностью, оттоком трудоспособного населения и медленной диверсификацией экономики[11].

Проведённый анализ «Стратегии социально-экономического **развития Красноярского края** до 2030 года»[12] показывает её амбициозность и внутренние противоречия. Стратегия провозглашает переход от сырьевой модели к диверсификации и социальной ориентированности через «новую индустриализацию» и развитие человеческого капитала, но одновременно закладывает масштабное освоение новых нефтегазовых и минеральных месторождений (Липина, Альмиева, Балезина и др., 2025). Налицо приоритет количественных индикаторов (добыча, площадь жилья) над качественными преобразованиями; слабо проработаны механизмы сокращения пространственной и социальной поляризации между краевым центром и отдалёнными территориями (логистика, высокая стоимость жизни). Цель по росту населения выглядит чрезмерно оптимистичной на фоне миграционного оттока и несопоставимого финансирования социальной сферы и ТЭК.

Демографический кризис и сырьевая инерция привели к пересмотру стратегий и в **Республике Коми**, в том числе к смене акцентов от «Стратегии Республики Коми — 2020»[13] к «Стратегии Республики Коми — 2035»[14]. В «2035» виден сдвиг в сторону устойчивого, человекоцентричного развития и кластерного подхода: регионы делятся на несколько приоритетных территорий (Южный, Центральный, Северный и др.), что должно смягчить межмуниципальные диспропорции и направить инвестиции по локальным преимуществам. Проектное управление и кластеризация теоретически усиливают таргетирование мер

[11] Стратегический план развития Мурманской области до 2030 года «На Севере — жить!». URL: https://gov-murman.ru/regulatory/pnszh/ (дата обращения: 07.01.2026).
[12] Стратегия социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года, утверждена постановлением Правительства Красноярского края от 30 октября 2018 г. № 647-п. URL: http://www.econ.krskstate.ru/ser_kray/2030 (дата обращения: 07.01.2026).
[13] Стратегия социально-экономического развития Республики Коми на период до 2020 года, утверждена постановлением Правительства Республики Коми от 27 марта 2006 г. № 45. URL: https://docs.cntd.ru/document/424055636 (дата обращения: 10.01.2026).
[14] Стратегия социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года, утверждена постановлением Правительства Республики Коми от 11 апреля 2019 г. № 185. URL: https://docs.cntd.ru/document/553237768 (дата обращения: 10.01.2026).

(Липина, Альмиева, Балезина и др., 2025). Однако институциональная среда остаётся ориентированной на крупные сырьевые монополии, мешая развитию МСП и несырьевых инноваций. Из 13 крупных инфраструктурных и промышленных проектов (суммарно ≈956 млрд руб.) 10 связаны с увеличением добычи нефти и газа; в ЛПК заявлено 6 деревообрабатывающих проектов (≈51 млрд руб.), но публичная информация об их исполнении скудна. Транспортная составляющая (в том числе многолетняя идея «Белкомур») остаётся ключевой, но реализация затягивается. Экономическая картина осложняется тем, что при высоких номинальных зарплатах и «северных» надбавках потребительские цены и логистические издержки существенно выше средних по стране, а реальная покупательная способность и располагаемые доходы демонстрируют нестабильность, что сопровождается оттоком населения и снижает эффективность декларативных целей по миграционному приросту. Наконец, федеральные требования к единой системе мониторинга и прогнозно-рисковому подходу часто не находят регионального воплощения: мониторинг остаётся фрагментарным и отчётным, что затрудняет сопоставимость и контроль выполнения федеральных задач (Липина, Альмиева, Балезина и др., 2025).

В настоящем разделе приводится сравнительный анализ прежней и проектной редакций стратегии социально-экономического развития **Ямало-Ненецкого автономного округа** (далее — ЯНАО). В качестве исходных документов использованы принятая в 2019 г. стратегия[15] и подготовленный проект её обновления[16]. Сопоставление проводилось по ключевым аналитическим направлениям: целевая установка, экономическая модель, социально-демографическая политика, инфраструктурные приоритеты, экологическая повестка, институциональные механизмы и система мониторинга.

Предшествующая стратегия (2019 г.) рассматривает развитие региона преимущественно через призму использования углеводородных ресурсов и обеспечения его фискальной устойчивости. Основные ориентиры задаются в терминах добычи и экспорта энергоносителей, при этом социальные и качественные параметры выступают второстепенными задачами. Проект обновлённой стратегии сохраняет ресурсную базу как стратегический фундамент, но демонстрирует смещение акцента в сторону повышения качества жизни, человеческого капитала и устойчивости экономической системы. Тем не менее это смещение носит преимущественно программно-ценностный характер. Онтологически регион по-прежнему остаётся нефтегазоцентричным, а переход к иной модели развития требует конкретизации источников и механизмов трансформации. В

[15] Проект стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2030 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/018e08421ad3d3b523173e61e2f3476b/23.04.2019yanao.pdf (дата обращения: 27.11.2025).

[16] Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2035 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/54b0ca97c75f0c789e733191c545aaf5/PROEKT_STRATEGII.pdf (дата обращения: 27.11.2025).

ранней стратегии доминирует модель «максимизации дохода» с минимальной трансформацией производственной структуры. Инструменты диверсификации сформулированы фрагментарно и не содержат последовательного набора мер по развитию переработки и несырьевых кластеров. Проект стратегии вводит более явные положения о стимулировании локальной переработки, поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства и внедрении инновационных решений, однако отсутствует детальная финансовая и институциональная привязка, которая обеспечила бы переход от декларации к реализации.

Обе версии стратегий признают значимость поддержания населения в условиях арктических территорий, доступа к жилью и здравоохранению. Проект придаёт повышенное значение развитию человеческого капитала и доступности услуг в удалённых поселениях. Однако предлагаемые меры часто не сопровождаются исчерпывающими расчётами бюджетной нагрузки либо механизмами целевого перераспределения доходов от ТЭК, что ставит под вопрос их выполнимость.

Транспортные коридоры, энергосети и цифровая связь остаются приоритетом в обеих редакциях. Проектная стратегия усиливает внимание к цифровой инфраструктуре и адаптации сетей к климатическим рискам, но ключевые капиталоёмкие проекты требуют внешнего финансирования и межуровневого согласования, которые не получили достаточного отражения в плане реализации. Интересна в новой редакции стратегии новелла проектной редакции, здесь видно более системное включение климатических рисков и задач экологической устойчивости в повестку региона. Вместе с тем исполнение экологических положений зависит от регулирования деятельности крупных промпроизводителей и механизма ответственности, которые в проекте описаны в общих чертах и требуют формализации нормативов и мониторинга.

В целом сравнение показывает сохранение традиционной институциональной модели, основанной на взаимодействии власти и крупных добывающих компаний. Проект предлагает использовать проектное управление, цифровые инструменты и расширять партнёрства (включая ГЧП), однако не даёт исчерпывающего механизма перераспределения нефтегазовых доходов в пользу локальной переработки и социальных инвестиций. Это создаёт риск того, что обновлённые цели останутся декларативными. Новый документ расширяет набор качественных показателей (уровень жизни, доступность услуг, экологические индикаторы), что теоретически улучшает направленность политики. На практике же требуется унификация метрик, привязка KPI к бюджетным обязательствам и установление прозрачных процедур отчётности и санкций за неисполнение. Отмечая, что новая редакция стратегии ЯНАО демонстрирует ценностный сдвиг в сторону устойчивости и человеческого развития, предупреждаем, что реализация этих целей затруднена отсутствием чёткого финансового и институционального механизма. Для повышения срабатываемости стратегии необходимо:

- формализовать механизмы целевого перераспределения доходов ТЭК;
- установить связку «KPI — финансирование — ответственность» для ключевых проектов;
- разработать детальные планы развития переработки и МСП с налогово-инвестиционными стимулами;
- ввести жёсткие экологические требования и систему независимого мониторинга.

Без привязки амбициозных целей к устойчивым источникам финансирования и конкретным институциональным решениям обновлённая стратегия рискует повторить судьбу декларативного документа. Дальнейшие исследовательские этапы должны быть направлены на количественную оценку бюджетных потребностей предложенных инициатив, моделирование сценариев перераспределения нефтегазовых доходов и разработку методики интегрированного мониторинга исполнения стратегии.

Для обобщения результатов анализа и обеспечения сопоставимости готовности субъектов АЗРФ к реализации федеральной стратегии развития представлена сводная матрица (табл. 2).

Таблица 2

Институциональная готовность регионов Арктической зоны Российской Федерации к реализации федеральной стратегии развития[17]

Регион	Соответствие федеральной стратегии	Наличие KPI и мониторинга	Вовлечение КМНС	Бюджетное обеспечение
Республика Саха (Якутия)	2	1	2	2
Чукотский автономный округ	1	1	2	1
Ямало-Ненецкий автономный округ	2	1	1	2
Ненецкий автономный округ	1	1	1	1
Архангельская область	1	1	1	1
Мурманская область	2	2	1	2
Республика Коми	2	1	1	2

Заключение

Проведённый анализ демонстрирует системную несовместимость между целевыми установками федерального уровня и практикой регионального стратегического планирования в Арктической зоне РФ. Федеральные документы задают межрегиональные, долгосрочные

[17] Примечание: 0 — отсутствие / игнорирование; 1 — декларативный характер; 2 — частичная институционализация; 3 — системная институционализация (ни один регион не достиг уровня системной институционализации).

ориентиры устойчивого развития и управления рисками, тогда как региональные стратегии остаются в основном проектно-оперативными, с ярко выраженной ориентацией на локальные экономические задачи и сырьевые преимущества. В результате наблюдается расхождение по временным горизонтам, набору индикаторов и методикам оценки, что снижает общую прогнозную согласованность и подотчётность системы стратегического планирования.

Особую обеспокоенность вызывают фрагментарность мониторинга, разнородность экологических KPI и недостаточная интеграция прогнозно-рискового анализа в региональные документы. Во многих стратегиях недостаёт количественно обоснованных сценариев по ключевым климатическим факторам (вечная мерзлота, изменения ледового режима, состояние прибрежных экосистем), а также чётких механизмов оценки и распределения экологических рисков. Отсутствие унифицированных процедур вовлечения коренных малочисленных народов и местных сообществ дополнительно подрывает легитимность и устойчивость принимаемых решений. Накопившиеся расхождения порождают практические риски, среди них и рост вероятности конфликтов интересов между участниками хозяйственной деятельности, увеличение числа экологических инцидентов, а также неэффективное расходование ограниченных бюджетных средств. Эти риски усугубляются ускоряющейся трансформацией арктической среды и ростом экономической активности в регионе, что делает необходимость институциональной и методологической синхронизации особенно актуальной. Для повышения эффективности стратегического планирования в АЗРФ необходимы системные меры, включающие:

- унификацию методологии постановки целей и индикаторов с привязкой временных горизонтов;
- обязательное включение многоуровневого прогнозно-рискового анализа (в том числе сценариев по вечной мерзлоте и морским экосистемам) в региональные стратегии;
- создание региональных модулей единой федеральной системы мониторинга экосистем, инфраструктуры и социальных показателей;
- формализацию процедур консультаций с коренными народами и учёта их интересов;
- механизмы целевого перераспределения нефтегазовых доходов в пользу локальной переработки и социальных инвестиций;
- развитие межрегиональных финансовых инструментов и ГЧП для реализации капиталоёмких инфраструктурных проектов;
- активное вовлечение научного сообщества в разработку адаптационных технологий и унифицированных индикаторов устойчивости.

Реализация перечисленных мер потребует политической воли, институциональных реформ и ресурсного обеспечения, но именно такая скоординированная траектория обеспечивает соответствие региональных планов требованиям Указа Президента РФ № 633 и минимизацию системных рисков. В дальнейшем исследовательская повестка должна

включать моделирование бюджетных последствий предлагаемых мер, разработку методик интегрированного мониторинга и оценку социальных эффектов механизмов перераспределения ресурсных доходов. Только при сочетании научно обоснованной методологии, прозрачных институтов и реальных источников финансирования стратегическое планирование в Арктике сможет обеспечить устойчивое и социально ответственное развитие регионов.

Список источников

Голдин В.И. Международные отношения, геополитика и безопасность на Европейском Севере и в Арктике: исторический опыт, современность, перспективы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014; S: 5–17.

Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Липина С.А., Чистобаев А.И. Сценарии развития Арктического региона (2020–2035 гг.) // Арктика и Север. 2019; 35: 5–24. https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.35.5

Коваленко М.С., Сибилева Е.В. Социально-экономические проблемы Арктики Якутии // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2023; 2: 20–29. https://doi.org/10.25587/SVFU.2023.67.61.002

Липина С.А., Альмиева Р.Р., Балезина В.К., Исмаилов Д.М., Коваленко У.Р., Копшев Д.И., Белякова В.В., Каракулова П.С. Сравнительный анализ стратегий развития Арктической зоны Российской Федерации: согласование федеральных и региональных приоритетов в сфере природопользования и экологической безопасности // Охрана окружающей среды и заповедное дело. 2025; 6 (4): 185–198.

Морозов Н.А., Кондраль Д.П. Арктический вектор стратегического развития политического пространства России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014; 4: 42–51.

Паникар М.М. Процессы трансформации международного арктического региона: новые геополитические контуры // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023; 23 (6): 17–26. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V310

Паникар М.М., Шапаров А.Е. Императивы современной государственной политики стран Арктического региона по освоению территорий Крайнего Севера // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016; 6: 33–44. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.6.33

Подоплекин А.О., Бестужева К.Г. Арктическая стратегия России как политика нового типа: региональный потенциал, вызовы и научное обеспечение // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014; 6: 35–46.

Соколова Ф.Х., Труфанова Е.А. Процессы регионализации в Северной Европе: истоки становления и динамика развития // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025; 25 (5): 5–20. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V456

References

Goldin V.I. International Relations, Geopolitics and Security in the European North and the Arctic: Historical Experience, Modernity, Prospects. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2014: 5–17.

Kovalenko M.S., Sibileva E.V. Socio-Economic Problems of the Arctic Yakutia. *Arctic XXI Century. Humanitarian Sciences*. 2023; 2: 20–29. https://doi.org/10.25587/SVFU.2023.67.61.002

Lipina S.A., Almieva R.R., Balezina V.K., Ismailov D.M., Kovalenko U.R., Kopshev D.I., Belyakova V.V., Karakulova P.S. Comparative Analysis of the Development Strategies for the Arctic Zone of the Russian Federation: Harmonization of Federal and Regional Priorities in the Field of Environmental Management and Ecological Safety. *Environmental Protection and Nature Reserve Management*. 2025; 6 (4): 185–198.

Morozov N.A., Kondral D.P. Arctic Vector of Strategic Political Space Development in Russia. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2014; 4: 42–51.

Panikar M.M. The Processes of Transformation of the International Arctic Region: New Geopolitical Contours. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2023; 23 (6): 17–26. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V310

Panikar M.M., Shaparov A.E. Imperatives of the Current State Policy of the Arctic Countries on Far North Development. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2016; 6: 33–44. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.6.33

Podoplekin A.O., Bestuzheva K.G. Russia's Arctic Strategy as a New Type of Policy: Regional Potential, Challenges and Research Support. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2014; 6: 35–46.

Sokolova F.Kh., Trufanova E.A. Regionalization in Northern Europe: Origins and Development Dynamics. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2025; 25 (5): 5–20. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V456

Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kudryashova E.V., Lipina S.A., Chistobaev A.I. Scenarios for the Development of the Arctic Region (2020–2035). *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2019; 35: 5–24. DOI: 10.17238/issn2221- 2698.2019.35.5

Статья поступила в редакцию 03.02.2026; принята к публикации 20.03.2026

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 77–93.
Научная статья
УДК [338.28:636.294](045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.77

Перспективные направления технологической трансформации северного оленеводства в России

Кошелев Валерий Михайлович [1]✉, доктор экономических наук, профессор
Чекмарева Наталья Вячеславовна [2], кандидат экономических наук, доцент
Романюк Мария Александровна [3], кандидат экономических наук, доцент
Сухарникова Мария Анатольевна [4], кандидат экономических наук, доцент
Фролова Арина Петровна [5], ассистент

[1, 2, 3, 4, 5] Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К.А. Тимирязева, ул. Тимирязевская, 49, Москва, Россия
[1] vmkoshelev@gmail.com ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6573-5898
[2] cnv2005@yandex.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2268-1233
[3] ma.romanyuk@yandex.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0796-2061
[4] masukharnikova@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9960-2698
[5] arina.frolova.0404@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0009-0009-4776-8723

Аннотация. Затянувшаяся деградация северного оленеводства проявляется в сокращении поголовья и низкой экономической эффективности отрасли. Государственная поддержка оленеводческих хозяйств, осуществляемая в форме компенсации до 95% текущих затрат, обеспечивает лишь поддержание текущей деятельности, не создавая условий для развития и модернизации производства. Такая практика сложилась ещё в советские времена и продолжается уже многие десятилетия. В связи с этим необходимо применять радикально новые подходы к организации производственной деятельности. В статье представлен анализ перспективных направлений технологической трансформации отрасли, включающий переход к изгородному содержанию, внедрение глубокой переработки продукции и создание продуктов с высокой добавленной стоимостью. Технологическая трансформация требует существенных инвестиций. Окупятся ли они в обозримом будущем? Для ответа на этот вопрос в статье приводятся результаты исследования на примере пилотного инвестиционного проекта, который планируется реализовать в Чукотском автономном округе. Проведённый анализ проекта нацелен на поиск условий, которые могут обеспечить финансовую реализуемость, а также экономическую эффективность проекта. Итогом стало формирование и апробация методического подхода к выявлению и оценке перспективности подобных проектов, базирующегося на ранее проведённых исследованиях. Разработанные рекомендации по выходу отрасли на самофинансирование и повышению её конкурентоспособности могут быть широко использованы для создания благоприятных условий для выхода отрасли из кризиса и устойчивого развития арктических регионов.

Ключевые слова: *Арктическая зона РФ, северное оленеводство, технологическая трансформация, экономический эффект, инвестиционный проект, государственная поддержка*

* © Кошелев В.М., Чекмарева Н.В., Романюк М.А., Сухарникова М.А., Фролова А.П., 2026
Для цитирования: Кошелев В.М., Чекмарева Н.В., Романюк М.А., Сухарникова М.А., Фролова А.П. Перспективные направления технологической трансформации северного оленеводства в России // Арктика и Север. 2026; 64: 77–93. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.77
For citation: Koshelev V.M., Chekmareva N.V., Romanyuk M.A., Sukharnikova M.A., Frolova A.P. Promising Directions of Technological Transformation of Northern Reindeer Husbandry in Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 77–93. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.77
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

Promising Directions of Technological Transformation of Northern Reindeer Husbandry in Russia

Valeriy M. Koshelev [1]✉, Dr. Sci. (Econ.), Professor
Natalya V. Chekmareva [2], Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor
Maria A. Romanyuk [3], Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor
Maria A. Sukharnikova [4], Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor
Arina P. Frolova [5], assistant

[1, 2, 3, 4, 5] Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy, ul. Timiryazevskaya, 49, Moscow, Russia
[1] vmkoshelev@gmail.com ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6573-5898
[2] cnv2005@yandex.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2268-1233
[3] ma.romanyuk@yandex.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0796-2061
[4] masukharnikova@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9960-2698
[5] arina.frolova.0404@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0009-0009-4776-8723

Abstract. The prolonged decline in northern reindeer husbandry is reflected in a reduction of the number of reindeer and the low economic efficiency of the sector. State support for reindeer farms, provided in the form of compensation for up to 95% of operational costs, ensures only the maintenance of current activities, without creating conditions for the development and modernization of production. This practice dates back to Soviet times and has been going on for many decades. In this regard, it is necessary to apply radically new approaches to the organization of production activities. The article presents an analysis of promising areas of technological transformation of the sector, including transition to fenced pasturing, introduction of deep processing of products, and creation of high value-added products. Technological transformation requires significant investments. Will it be possible to cover these costs in the foreseeable future? To answer this question, the article presents the results of a study using the example of a pilot investment project that is planned to be implemented in the Chukotka Autonomous Okrug. The analysis of the project aims to identify the conditions that could ensure its financial viability and economic efficiency. This has resulted in the formation and testing of a methodological approach to evaluating the prospects of such projects, based on previously conducted research. The developed recommendations on the industry's self-financing and increasing its competitiveness can be widely used to create favorable conditions for the sector to overcome the crisis and for sustainable development of the Arctic regions.
Keywords: *Arctic Zone of Russia, northern reindeer husbandry, technological transformation, economic effect, investment project, state support*

Введение

Россия является мировым лидером по численности северных оленей (68% от мирового поголовья). По данным последних исследований[1], среднегодовое сокращение популяции северного оленя в Арктической зоне РФ, где сосредоточено около 90% всего поголовья в стране, составляет около 2,5%.

Согласно данным государственной статистики[2], уровень убыточности разведения домашних северных оленей в 2022 г. составил 51,73%, а в 2023 г. — 52,36%. Северное оленеводство в России переживает сложный период, характеризующийся длительным застоем. В период становления и развития оленеводства производственные показатели находились под сильным влиянием суровых природно-климатических условий. Они

[1] Аргументы недели. URL: https://argumenti.ru/society/nature/2022/06/776201 (дата обращения: 12.04.2025).
[2] Уровень рентабельности (убыточности) проданных товаров, продукции, работ, услуг с 2017 г. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58036 (дата обращения: 12.04.2025).

проявлялись в бескормице, переохлаждении молодняка, а также в возрастающих рисках нападения хищников (волков, медведей, рыси, песца) и птиц. Особенно уязвимыми были новорождённые телята, ставшие жертвами песцов и птиц в период отёла, что напрямую снижало показатель выхода молодняка (Брызгалов, 2022). Актуальность определяется не только экономическими потерями, что само по себе представляет серьёзную проблему, но и значительной социальной ролью северного оленеводства, которое является основой благополучия и сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера. Государственная поддержка оленеводческих хозяйств, осуществляемая в форме компенсации до 95% операционных затрат, обеспечивает лишь поддержание текущей деятельности, не создавая условий для развития и модернизации производства. Такая практика сложилась ещё в советские времена и продолжается уже многие десятилетия.

Тенденции деградации северного оленеводства, наметившиеся в конце 1980-х — начале 1990-х гг. прошлого столетия, носят, по мнению экспертов, необратимый характер, если не будут предприняты кардинальные меры, направленные на технологическое и экономическое развитие отрасли. Существующие методы государственной поддержки и традиционные технологии ведения хозяйства не обеспечивают устойчивого развития северного оленеводства в России. Необходимо рассмотреть возможности технологической трансформации и обосновать эффективные подходы к модернизации отрасли, способные обеспечить её самофинансирование, повышение конкурентоспособности и устойчивое развитие арктических территорий (Даянова, Егорова, Протопопова и др., 2020; Гинтер, Кузьмин, 2020).

Существенная трансформация отрасли возможна благодаря внедрению инновационных методов содержания и выпаса животных, а также развитию перерабатывающей инфраструктуры, ориентированной на выпуск продукции оленеводства с высокой добавленной стоимостью и минимизацией отходов. Исследование направлено на разработку методического подхода оценки эффективности технологической трансформации отрасли оленеводства, а также апробацию предлагаемых инструментов на примере пилотного проекта на территории «Омолонской тундры» в Чукотском автономном округе. Помимо развития оленеводства, данный проект направлен на создание мощностей по первичной и глубокой переработке продукции оленеводства, а также на формирование благоприятной среды для устойчивого и комплексного развития сельской экономики и инфраструктуры региона. В результате реализации проекта ожидается улучшение качества жизни и повышение благосостояния местного населения с особым акцентом на коренные малочисленные народы Севера, проживающие на данной территории. Как полагают авторы, в случае положительных результатов реализации пилотного проекта подобные технологии могут быть широко распространены на северных территориях России (Кошелев, Романюк, Сухарникова и др., 2024).

Данная статья является продолжением исследования технологической

трансформации северного оленеводства. В настоящей работе ставится задача проведения дополнительного анализа, направленного на выявление и оценку перспективных направлений технологической трансформации северного оленеводства в России, что позволяет дополнить и расширить полученные ранее результаты.

Настоящее исследование направлено на выявление и оценку перспективных путей технологической модернизации оленеводства в России. Особое внимание уделяется анализу инвестиционного проекта, предусматривающего переход от традиционных методов выпаса к изгородному содержанию в Арктической зоне, а также внедрение современных технологий первичной и глубокой переработки продукции. Целью работы является обоснование потенциала предложенных технологических инноваций для обеспечения устойчивого развития отрасли, повышения её конкурентоспособности и улучшения социально-экономического положения в арктических регионах.

Методы исследований

Технологическая трансформация северного оленеводства требует значительных инвестиций. Для анализа инвестиционных проектов в мировой практике применяются методики Всемирного Банка и ЮНИДО (Brown, 1980; Belli, Anderson, Barnum et al., 1998; Gittinger, 1982). Однако исследуемый проект имеет ряд особенностей, требующих некоторой адаптации методики. Ограниченность финансовых ресурсов оленеводческих хозяйств, обусловленная низкими доходами и отсутствием свободных средств, ставит под сомнение целесообразность учёта альтернативной стоимости капитала при оценке инвестиционных проектов. Отсутствие реальных возможностей для инвестирования в альтернативные направления деятельности обуславливает отсутствие и потенциальных упущенных выгод. В подобных обстоятельствах при анализе денежных потоков проекта допустимо пренебречь дисконтированием, поскольку ставка дисконта, равная альтернативной стоимости капитала, приближается к нулю. В этом случае эффективность проекта определяется на основе номинальных денежных потоков в постоянных ценах.

В то же время дефицит собственных средств и ограниченные возможности привлечения внешнего капитала ведут к необходимости значительной государственной финансовой помощи, особенно на начальном этапе реализации инвестиционного проекта.

Ещё одна особенность применения методики связана со спецификой учёта ситуации «Без проекта», которая предполагает отказ от проекта и продолжение применения традиционных технологий выпаса оленей. Традиционная и общепринятая методика оценки проектов основывается на сравнении ситуаций «С проектом» и «Без проекта», а денежные потоки проекта определяются разницей между потоками в этих ситуациях. При оценке проектов, связанных с развитием северного оленеводства, данный подход несколько видоизменяется. В частности, сохранение старой технологии (ситуация «Без проекта») не даёт шансов на выход отрасли из кризиса, и денежные потоки будут иметь отрицательные

значения. Вычитая эти отрицательные значения из денежных потоков в ситуации «С проектом», мы получим ещё более высокую оценку эффективности проекта. Другими словами, чем хуже ситуация «Без проекта», тем выше оценивается эффект от реализации проекта. Но именно так, согласно методике, следует оценивать эффективность проекта. И при этом необходимо помнить о важности грамотного и научно обоснованного прогнозирования развития не только ситуации «С проектом», но и ситуации «Без проекта» на протяжении всего расчётного периода, поскольку от этого зависит адекватность оценки самого проекта.

Помимо эффективности необходимо оценивать и финансовую реализуемость (осуществимость) проекта. Если проект невозможно реализовать в силу недостатка финансовых ресурсов в какой-то момент времени, то теряется смысл в оценке его эффективности. Реализуемость зависит от наличия на протяжении всего расчётного периода достаточного объёма собственных и / или привлекаемых финансовых средств для покрытия текущих и инвестиционных затрат. Причём это должны быть реально доступные ресурсы: заранее накопленные, заёмные, поступающие в качестве государственной поддержки или в форме спонсорской помощи, грантовой поддержки и пр., а также сгенерированные самим проектом. В силу очевидной экономической неэффективности традиционной технологии содержания оленей и отсутствия у оленеводов собственных средств накопить какой-либо капитал или получить и обслуживать коммерческий кредит они практически не могут. Поскольку ситуация «Без проекта» носит чисто оценочный характер («что будет происходить, если отказаться от реализации проекта»), то и денежные потоки здесь являются условными, можно сказать, виртуальными, и финансировать реализацию проекта с помощью этих потоков не получится. Поэтому для оценки финансовой осуществимости проекта используются потоки в ситуации «С проектом», которые отражают реальные чистые выгоды (поступления минус затраты) в денежном выражении. Финансовая реализуемость проекта оценивается на основе наличия положительного чистого денежного потока на каждом этапе расчётного периода. Это означает, что доходы из всех источников должны превышать совокупные затраты, включающие как текущие, так и капитальные расходы.

Проект включает три компонента: 1) перевод оленеводства на изгородное содержание; 2) строительство убойного пункта и цеха первичной переработки продукции; 3) внедрение технологии глубокой переработки продукции. Компоненты являются относительно независимыми и могут реализовываться самостоятельно или последовательно во времени. В частности, возможен перевод отрасли оленеводства на изгородное содержание поголовья без создания мощностей по убою и переработке продукции при сохранении традиционной продажи выращенных оленей заготовителям в живом виде. С другой стороны, можно отказаться от строительства изгороди, но создать мощности по первичной и глубокой переработке продукции, получаемой от существующего поголовья с учётом его возможного экстенсивного роста.

Поскольку оценка каждого из компонентов авторами уже была проведена (Кошелев, Романюк, Сухарникова и др., 2024), данная статья посвящена анализу всего проекта в целом и оценке его финансовой реализуемости и эффективности, а также обоснованию мер государственной поддержки технологической трансформации отрасли. В денежных потоках учитываются инвестиции в строительство и оборудование «умной» изгороди, убойного цеха, мощностей по глубокой переработке продукции, а также текущие затраты на содержание, выпас и убой животных, на переработку и производство готовой продукции. Поступления формируются за счёт выручки от реализации продуктов глубокой переработки с высокой добавленной стоимостью. При построении денежных потоков используются постоянные цены исходя из действовавших в среднем в 2024 г. Инфляция игнорируется, поскольку все денежные потоки приводятся к одному моменту времени — началу первого года реализации проекта. То есть все получаемые значения интегральных показателей оценки эффективности инвестиционного проекта приведены к «нулевому» моменту времени.

Результаты исследований и их обсуждение

В соответствии с изложенным выше методическим подходом были проведены исследования и расчёты по следующим направлениям:

- анализ и прогнозирование развития ситуации «Без проекта»;
- анализ и прогнозирование развития ситуации «С проектом»;
- оценка финансовой реализуемости проекта;
- оценка экономической эффективности проекта.

1. Ситуация «Без проекта»

Как уже отмечалось, качество оценки ситуации «Без проекта» напрямую влияет на обоснованность оценки эффективности самого проекта, поскольку все интегральные показатели (NPV — англ. Net Present Value, IRR — англ. Internal Rate of Return и др.) рассчитываются по приростным денежным потокам, то есть потокам, равным разнице между потоками «С проектом» и «Без проекта».

Ситуация «Без проекта» предполагает отказ инициатора проекта СПК «Орбат» (с. Омолон Билибинского района Чукотского автономного округа) от реализации проекта внедрения новой технологии выпаса оленей, технологий убоя и переработки продукции. В этом случае инициатор проекта продолжит использование традиционной технологии выпаса и продажи оленей заготовителю в живом виде. Начальное поголовье (на нулевой момент времени, то есть на момент начала проекта) составляет 250 гол. (200 самок и 50 самцов). Закупка племенных животных со стороны не предусматривается, а изменение численности поголовья будет осуществляться за счёт воспроизводства собственного стада. Так, например, за первый год расчётного периода к начальному поголовью добавится 160 рождённых оленят (80 самочек и 80 самцов) с учётом выхода от одной взрослой самки 1 оленёнка и коэффициента сохранности 80% (рис. 1).

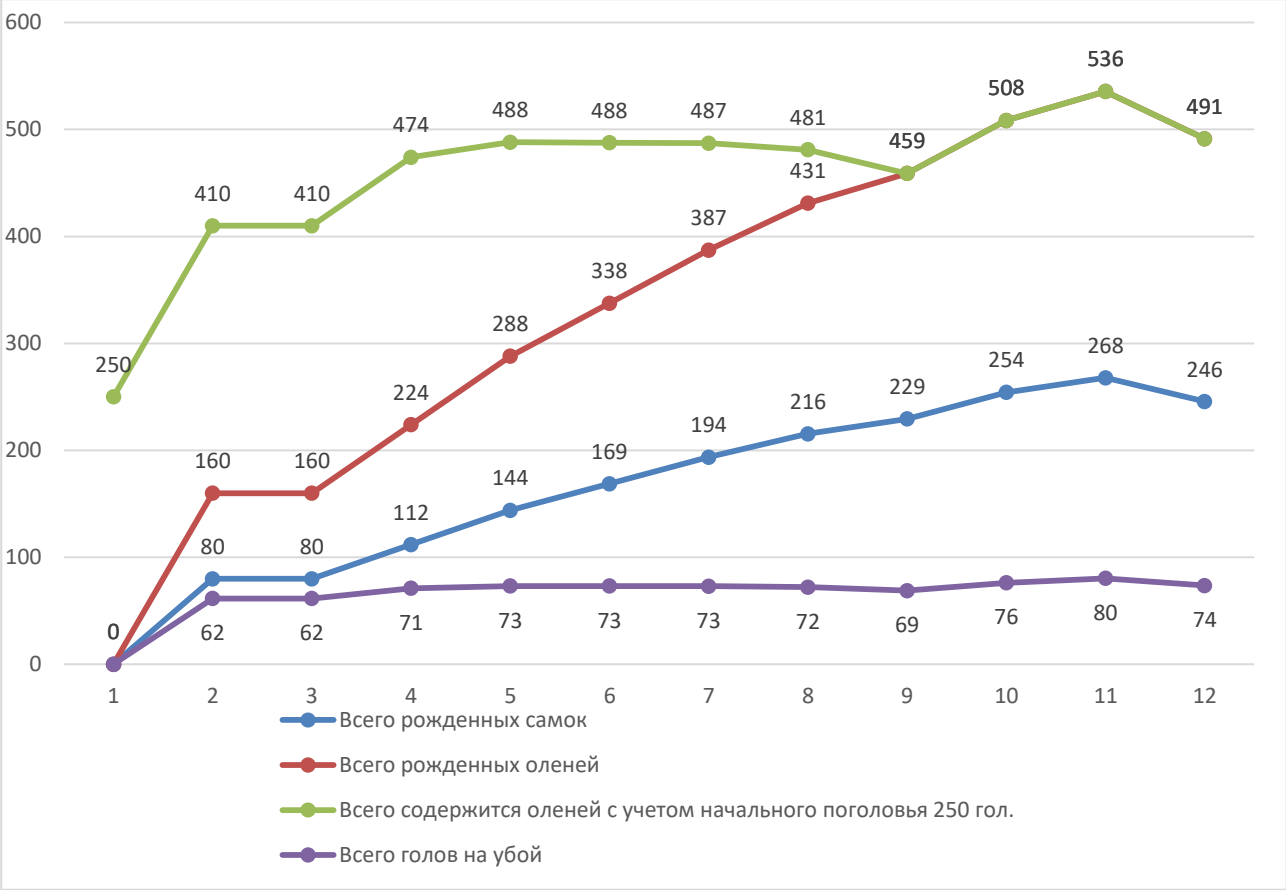

Рис. 1. Динамика изменения поголовья оленей «Без проекта»[3], гол.

По мере вступления вновь рождённых самочек в репродуктивный возраст (1,5 года) и после их перевода в половозрастную группу нетелей они начинают приносить приплод (в возрасте около 3 лет) и постепенно замещать начальное поголовье взрослых самок после снижения у последних репродуктивных качеств. Таким образом, к 8-му году всё начальное поголовье самок будет замещено вновь рождёнными в рамках расчётного периода. Как видим, при заданных условиях традиционная технология не позволяет вести устойчивое расширенное воспроизводство стада, что приводит практически к отсутствию какой-либо положительной динамики продаж оленей заготовителю на убой.

Очевидно, что такое развитие событий «Без проекта» оказывает непосредственное влияние на формирование выручки от реализации оленей и денежных потоков (табл. 1). В статьи затрат включаются не только текущие расходы (оплата труда оленеводов и управленческого персонала, транспортные расходы, отстрел волков и др.), но и приобретение и восстановление основных средств, имеющих ограниченный срок эксплуатации (снегоходы, радиостанции, корали, спутниковые телефоны и пр.). Отрицательные чистые выгоды (разница между выручкой и всеми затратами) подтверждают неэффективность традиционной технологии, а поддержание производственной деятельности хозяйства должно продолжаться мерами государственных дотаций, которые последние десятилетия достигают 95% от суммы ежегодных затрат.

[3] Источник: разработано авторами по данным инициатора проекта.

Таблица 1

Денежные потоки «Без проекта»[4], тыс. руб.

Показатели	Годы расчётного периода							
	1	2	3	4	5	…	10	11
Затраты								
Основные средства	2 890	50	60	80	240	…	80	0
Средства защиты	245	245	283	291	291	…	320	293
Транспортные расходы	218	218	218	218	218	…	218	218
Оплата труда с начислениями	3 162	3 162	3 162	3 162	3 162	…	3 162	3 162
Спецодежда	216	342	221	342	216	…	342	216
Табельное снаряжение	282	185	245	109	246	…	109	246
Отстрел волков	54	54	54	54	54	…	54	54
Управление производством	220	220	220	220	220	…	220	220
Итого затрат	7 286	4 476	4 463	4 475	4 646	…	4 504	4 409
Выгоды								
Выручка от реализации оленей	1 230	1 230	1 422	1 464	1 463	…	1 607	1 474
Чистые выгоды	-6 056	-3 246	-3 041	-3 011	-3 184	…	-2 897	-2 935
Чистые выгоды нарастающим итогом	-6 056	-9 302	-12 343	-15 354	-18 538	…	-33 985	*-3 6920*

2. Ситуация «С проектом»

Проект предусматривает строительство и оборудование «умной» изгороди общей протяжённостью 180 км с поэтапным вводом в эксплуатацию четырёх секторов по 25 тыс. га в течение первых 4 лет. Поголовье оленей начнёт размещаться внутри изгороди уже к концу первого года после введения в эксплуатацию первого сектора. Увеличение численности оленей в проекте предусматривается как за счёт естественного воспроизводства, так и за счёт приобретения племенных животных (самок и самцов) в течение первых 4 лет. Это позволит довести поголовье до запланированного значения в 1 000 голов, соответствующего вместимости изгороди (см. рис. 2). Расчёт плановой численности основан на нормативе нагрузки на пастбища в лесотундровой зоне, составляющем 100 га на одну особь.

При расчёте роста и движения поголовья принято, что самки начинают размножаться в среднем с трёхлетнего возраста и сохраняют репродуктивную функцию в течение восьми лет. Переход на изгородное содержание позволит повысить сохранность поголовья северных оленей до 95% по сравнению с 80% при традиционном выпасе (Южаков, Зуев, Елсаков и др., 2023). До выхода проекта на полную мощность, а именно до завершения строительства изгороди, достижения плановой численности стада в 1 000 голов и ввода в эксплуатацию перерабатывающих мощностей, промышленный убой оленей не производится.

[4] Источник: составлено авторами на основе годовых отчётов и первичной документации оленеводческих хозяйств.

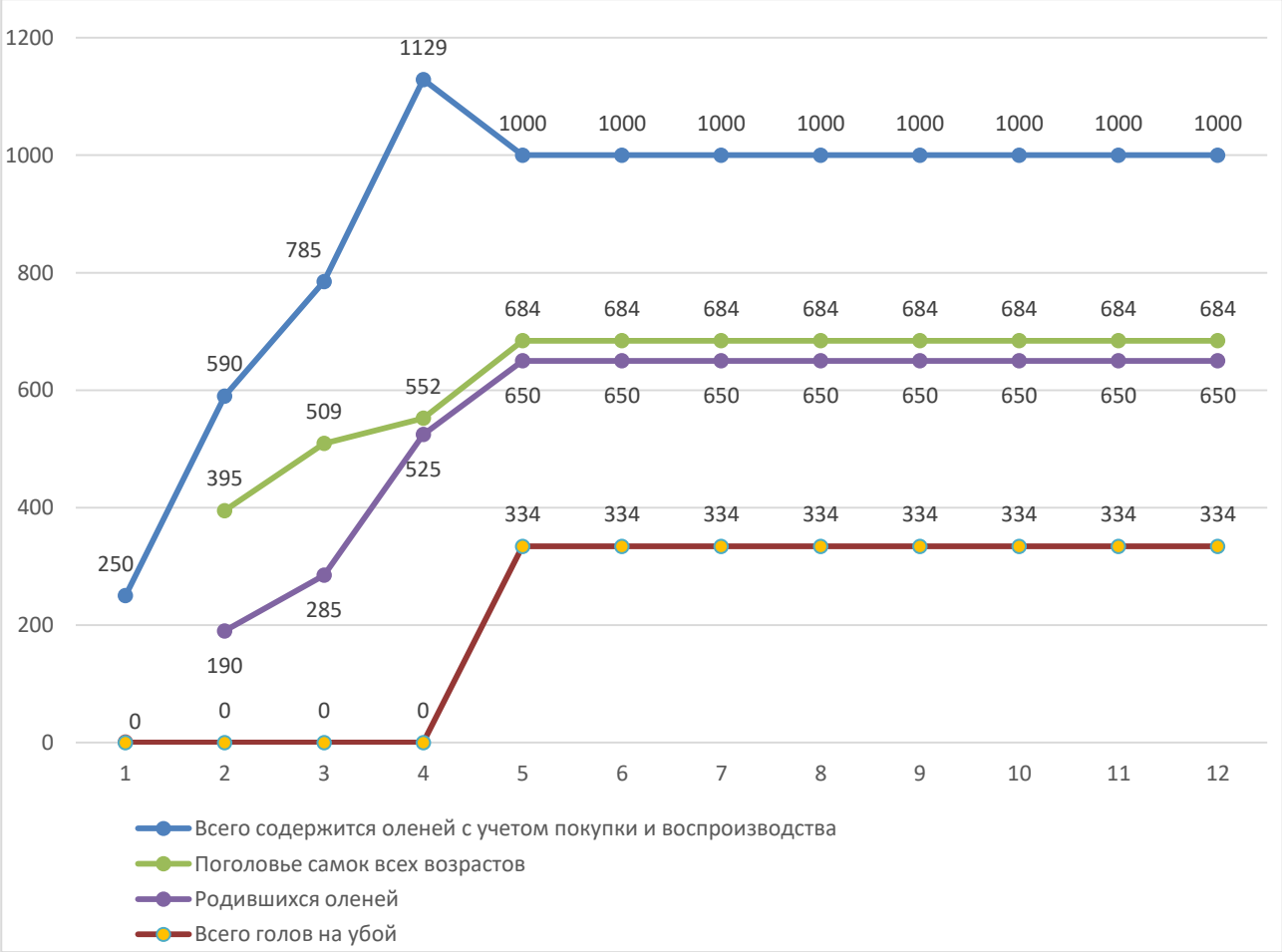

Рис. 2. Динамика изменения поголовья оленей «С проектом» [5], гол.

Все основные инвестиции планируются на первые 4 года проекта. Если на строительство и оборудование изгороди, а также на формирование племенного стада оленей инвестиции предусмотрены на все 4 года, то убойный цех и цех глубокой переработки должны быть построены и оборудованы до окончательного формирования стада и начала убоя, то есть на 3-м году проекта (табл. 2). Именно поэтому наибольшая инвестиционная нагрузка приходится на третий год проекта.

Таблица 2

Инвестиционные затраты «С проектом»[6], тыс. руб.

	Годы расчётного периода			
	1	2	3	4
А. Оленеводство				
Строительство изгороди	27 000	21 000	21 000	12 000
Оборудование с доставкой	12 600	10 000	15 000	20 000
Монтажные работы	4 500			
Разработка программного обеспечения	9 535			
Транспортная техника	2 400			
Покупка племенных животных	5 000	7 857	9 429	11 000
Всего инвестиций в оленеводство	61 035	38 857	45 429	43 000
Б. Убойный цех				
Мини-завод по убою			23 590	
Цех по переработке субпродуктов			22 580	

[5] Источник: разработано авторами.
[6] Источник: составлено авторами по коммерческим предложениям компаний — потенциальных поставщиков и подрядчиков.

Транспортировка на место проекта			7 200	
Всего инвестиций на убой			53 370	
В. Цех глубокой переработки				
Цех «под ключ»			30 000	
Транспортировка на место проекта			3 600	
Всего инвестиций на глубокую переработку			33 600	
Итого инвестиций	61 035	38 857	132 399	43 000

Общий объём капитальных вложений составляет 275,3 млн руб., из которых на третий год приходится 132,4 млн руб., или почти половина всех инвестиций в проект. Структура инвестиционных затрат в разрезе компонентов проекта (рис. 3) свидетельствует о доминировании расходов на внедрение технологии изгородного содержания — 188,3 млн руб., или 68,4%.

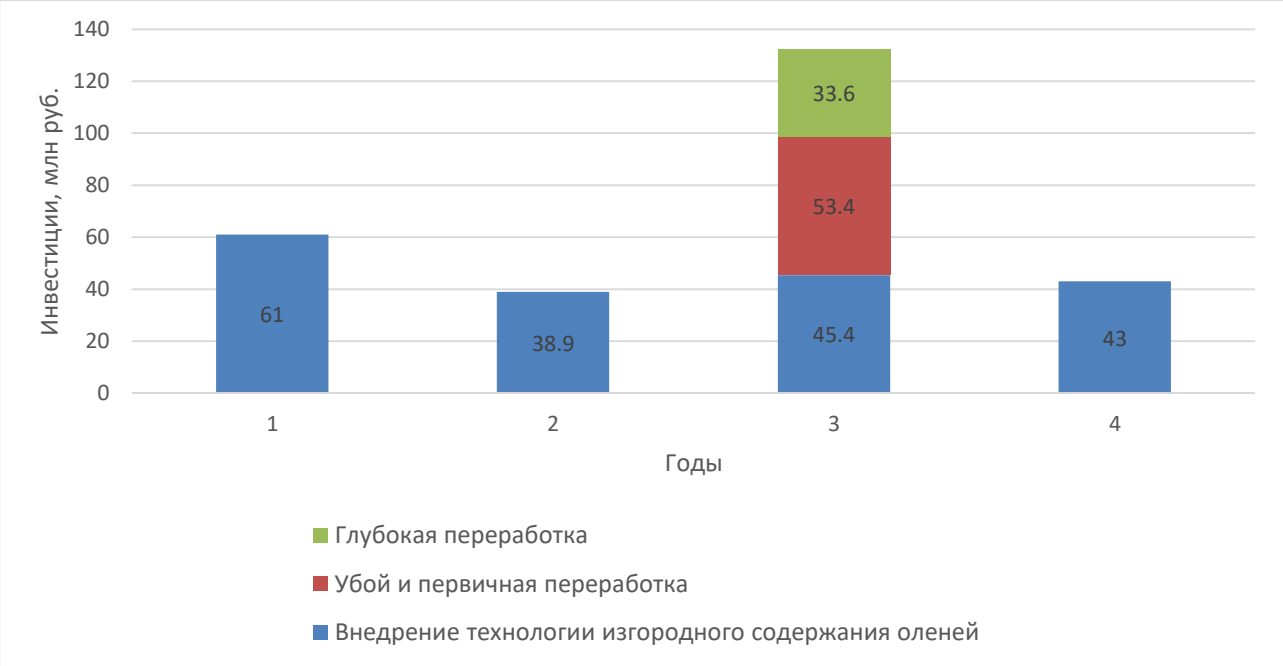

Рис. 3. Структура инвестиций[7], млн руб.

В текущих затратах по компоненту оленеводства при переходе на новую технологию содержания происходят некоторые изменения, связанные с ростом поголовья в изгороди, снижением трудозатрат на выпас, отсутствием необходимости отстрела волков внутри изгороди (табл. 3). Оценка операционных расходов при изгородном содержании осуществлялась на основе стандартной технологической карты (Даянова, Егорова, Протопопова и др., 2017) с учётом специфики и различий в технологических процессах при изгородном и традиционном содержании животных. К общим текущим затратам по проекту, начиная с 4-го года, добавляются издержки, связанные с функционированием убойного цеха и цеха глубокой переработки после ввода их в эксплуатацию.

[7] Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Текущие затраты «С проектом»[8], тыс. руб.

	Годы расчётного периода						
	1	2	3	4	5	…	11
А. Текущие затраты в оленеводстве							
Средства защиты	454	793	1240	770	770	770	770
Транспортные расходы	218	218	218	218	218	218	218
Оплата труда	2 428	2 428	2 428	2 428	2 428	2 428	2 428
Спецодежда	216	342	221	342	216	347	216
Табельное снаряжение	149	152	147	92	146	148	146
Отстрел волков	54	54	0	0	0	0	0
Управление производством	220	220	220	220	220	220	220
Итого	3 739	4 207	4 475	4 070	3 998	4 132	3 998
Б. Текущие затраты в убойном цехе							
Оплата труда с начислениями	0	0	0	3 744	3 744	3 744	3 744
Электро- и водоснабжение	0	0	0	237	237	237	237
Итого	0	0	0	3 981	3 981	3 981	3 981
В. Текущие затраты на глубокую переработку							
Оплата труда с начислениями	0	0	0	389	389	389	389
Электро- и водоснабжение	0	0	0	341	341	341	341
Затраты на сырьё и материалы	0	0	0	181	181	181	181
Итого	0	0	0	911	911	911	911
Всего текущих затрат	3 739	4 207	4 475	8 963	8 891	9 025	8 891

В качестве конечной продукции проекта выбраны наиболее популярные и востребованные на рынке виды готовой продукции (табл. 4). Во избежание повторного счёта из себестоимости продукции исключены затраты на основное сырьё — мясо, поскольку затраты на производство мяса уже учтены в себестоимости выращивания оленей, убоя и первичной переработки. Для определения выручки от реализации продукции взяты постоянные (средние фактические за 2024 г.) цены мелкой оптовой торговли. Наиболее маржинальными продуктами являются филей, окорок и сырокопчёная колбаса. Они составляют более 93% всей выручки от реализации продукции глубокой переработки. К выручке от продажи готовой мясной продукции добавляется выручка от реализации субпродуктов (язык, сердце, печень, голова, кровь) и побочной продукции (шкуры, рога) (Даянова, Егорова, Протопопова и др., 2017; Мухачев, Колпащиков, Лайшев, 2001).

Таблица 4

Расчёт себестоимости и выручки по видам продукции[9]

Виды готовой продукции	Расход сырья всего, т	Производство продукции, т	Себестоимость 1 т без затрат на мясо, тыс. руб.	Всего затрат без затрат на мясо, тыс. руб.	Цена реализации, тыс. руб./т	Выручка, тыс. руб.
Шейный отруб	0,33	0,33	8,5	3,7	1200	391,2
Филей	7,68	5,76	33,2	253,9	1 620	9 328,9
Окорок	6,95	5,22	34,0	235,0	1 260	6 571,4
Сырокопченая колбаса	2,66	3,55	77,0	362,8	1 700	6 032,2

[8] Источник: составлено авторами по данным инициатора проекта, типовых технологических карт и нормативов (Даянова, Егорова, Протопопова и др., 2017; Мухачев, Колпащиков, Лайшев, 2001; Донченко, Шелепов, Неустроев, 2008).

[9] Источник: составлено авторами по результатам исследования рынка мясной продукции и нормативам (Донченко, Шелепов, Неустроев, 2008).

Лопатка	1,41	0,92	40,3	49,1	900	826,2
Голяшка	0,27	0,27	8,5	3,0	500	132,6
Рулька	0,34	0,34	8,5	3,8	500	170,8
Итого	X	16,37	X	911,3	X	23 453,3

Полученные потоки выгод, а также инвестиционных и текущих затрат позволяют вычислить чистые выгоды и построить денежные потоки для ситуации «С проектом» (табл. 5). Как и в ситуации «Без проекта», в целях обеспечения сопоставимости ситуаций при расчёте денежных потоков «С проектом» не учитывалась традиционная государственная поддержка. При этом уже на 5-м году проект генерирует весьма внушительные положительные денежные потоки (+17,8 млн руб.) в год по сравнению с ситуацией «Без проекта», где денежные потоки глубоко отрицательны (см. табл. 1). Разумеется, для получения такого результата необходимо инвестировать значительные средства, которые быстро не окупятся. Простой расчёт показывает, что при сохранении прогнозируемых тенденций капитальные затраты на проект полностью окупятся к 20-му году проекта без какой-либо государственной или иной поддержки. Таким образом, общая картина говорит о неплохих шансах на возрождение отрасли северного оленеводства с помощью технологической трансформации.

Таблица 5

Денежные потоки «С проектом» без государственной поддержки[10], тыс. руб.

	Годы расчётного периода						
	1	2	3	4	5	…	11
Всего инвестиций	61 035	38 857	132 399	43 000	0	…	0
Всего текущих затрат	3 739	4 207	4 475	8 963	8 891	…	8 891
Всего выгоды, в том числе от реализации:	0	0	0	26 680	26 680	…	26 680
мясной продукции	0	0	0	23 453	23 453	…	23 453
субпродуктов 1 и 2 категорий	0	0	0	1 055	1 055	…	1 055
прочей продукции (шкуры, рога)	0	0	0	2 171	2 171	…	2 171
Чистые выгоды	-64 774	-43 064	-13 6873	-25 283	17 789	…	17 789
То же нарастающим итогом	-64 774	-107 838	-244 711	-26 9995	-252 206	…	-145 820

3. Оценка финансовой реализуемости проекта

Как известно, финансовая осуществимость достигается, когда в денежных потоках отсутствуют отрицательные значения чистых выгод в ситуации «С проектом». В связи с неэффективностью и высокой зависимостью отрасли от дотаций у инициатора проекта, как и у других оленеводов, отсутствуют свободные средства для инвестирования в проект. В условиях дефицита собственных ресурсов и невозможности привлечения внешнего финансирования проект признается финансово неосуществимым.

Финансовая реализуемость проекта возможна лишь при условии внешней финансовой поддержки, в частности, прямого государственного инвестирования капитальных затрат (табл. 6) и полной компенсации текущих расходов в общем размере 12,4 млн руб. на протяжении хотя бы первых 3-х лет, когда чистые выгоды остаются отрицательными.

[10] Источник: разработано авторами.

Таблица 6

Денежные потоки «С проектом» с полной компенсацией капитальных затрат[11], тыс. руб.

	Годы расчётного периода						
	1	2	3	4	5	…	11
Компенсация капитальных затрат	61 035	38 857	132 399	43 000	0	…	0
Чистые выгоды после компенсации капитальных затрат	-3 739	-4 207	-4 475	17 717	17 789	…	17 789
Чистые выгоды нарастающим итогом	-3 739	-7 946	-12 421	5 296	23 085	…	129 471
Компенсация текущих затрат	-3 739	-4 207	-4 475				
Чистые выгоды после компенсации капитальных и текущих затрат	0	0	0	17 717	17 789	…	17 789
Чистые выгоды нарастающим итогом	0	0	0	17 717	35 506	…	141 891

4. Оценка экономической эффективности проекта

Если в принципе реализуемость проекта может быть достигнута благодаря внешним источникам финансирования, то есть смысл оценить его эффективность. Как уже отмечалось, согласно применяемой методике, оценка эффективности производится на основе сравнения денежных потоков «С проектом» и «Без проекта» (рис. 4). Действительно, в случае принятия решения о реализации проекта, то есть о внедрении новых технологий содержания животных, их забоя и переработки продукции (ситуация «С проектом»), инициатор должен отказаться от ведения производства по старой традиционной технологии (ситуация «Без проекта»). А это означает, что в случае перехода на новые технологии он отказывается от тех отрицательных денежных потоков, которые формируются при применении старой технологии (табл. 1). Тогда сам проект (без поддержки) оценивается выше результата, который получает инициатор без учёта ситуации «Без проекта»: -108,9 млн руб. (рис. 4) > -145,8 млн руб. (табл. 5). Понятно, что это не реальные наличные деньги, которые принесёт проект, а лишь его «преимущество» над отказом от него. Результат остаётся отрицательным (хоть и не таким глубоким), и это лишь подтверждает то, что проекту необходима внешняя финансовая поддержка.

[11] Источник: разработано авторами.

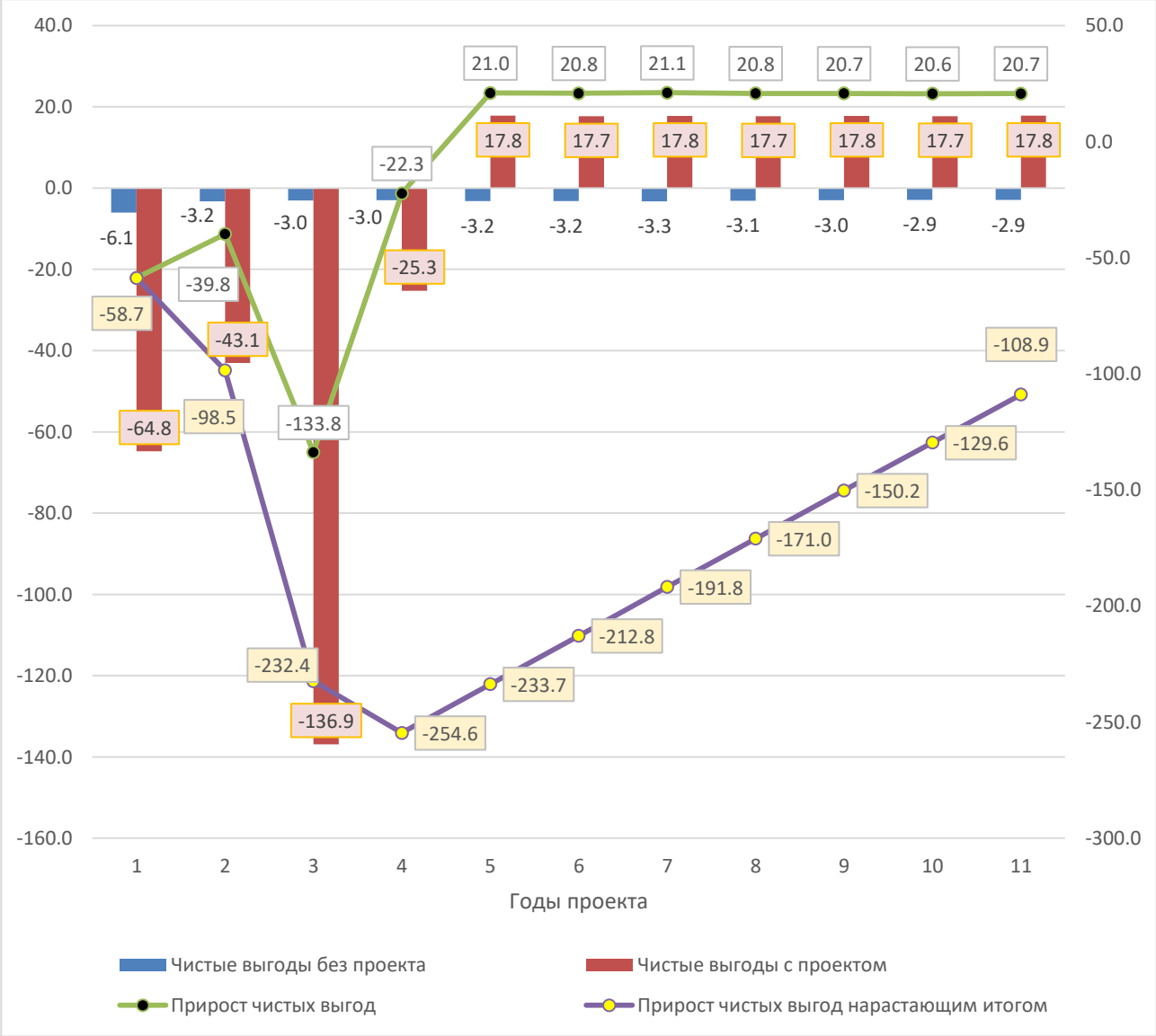

Рис. 4. Приростные денежные потоки без поддержки[12], млн руб.

В случае получения внешней поддержки в размерах, компенсирующих капитальные затраты, а также текущие расходы в критический период (первые три года), проект можно оценить как высокоэффективный (рис. 5). Все денежные потоки имеют высокие положительные значения, обеспечивающие финансовую устойчивость на протяжении всего расчётного периода.

Запас прочности проекта настолько существенен, что в качестве мер внешней поддержки можно рассматривать не только безвозмездное и бесплатное государственное финансирование, но и привлечение заёмных средств на условиях льготного кредитования и / или применения гибких схем обслуживания долга, например, проектного финансирования с отложенным на несколько лет началом погашения основной суммы долга и выплаты процентов. Некоторые из таких инструментов финансирования авторами рассмотрены в предыдущих публикациях, например: (Кошелев, Романюк, Сухарникова и др., 2024).

[12] Источник: разработано авторами.

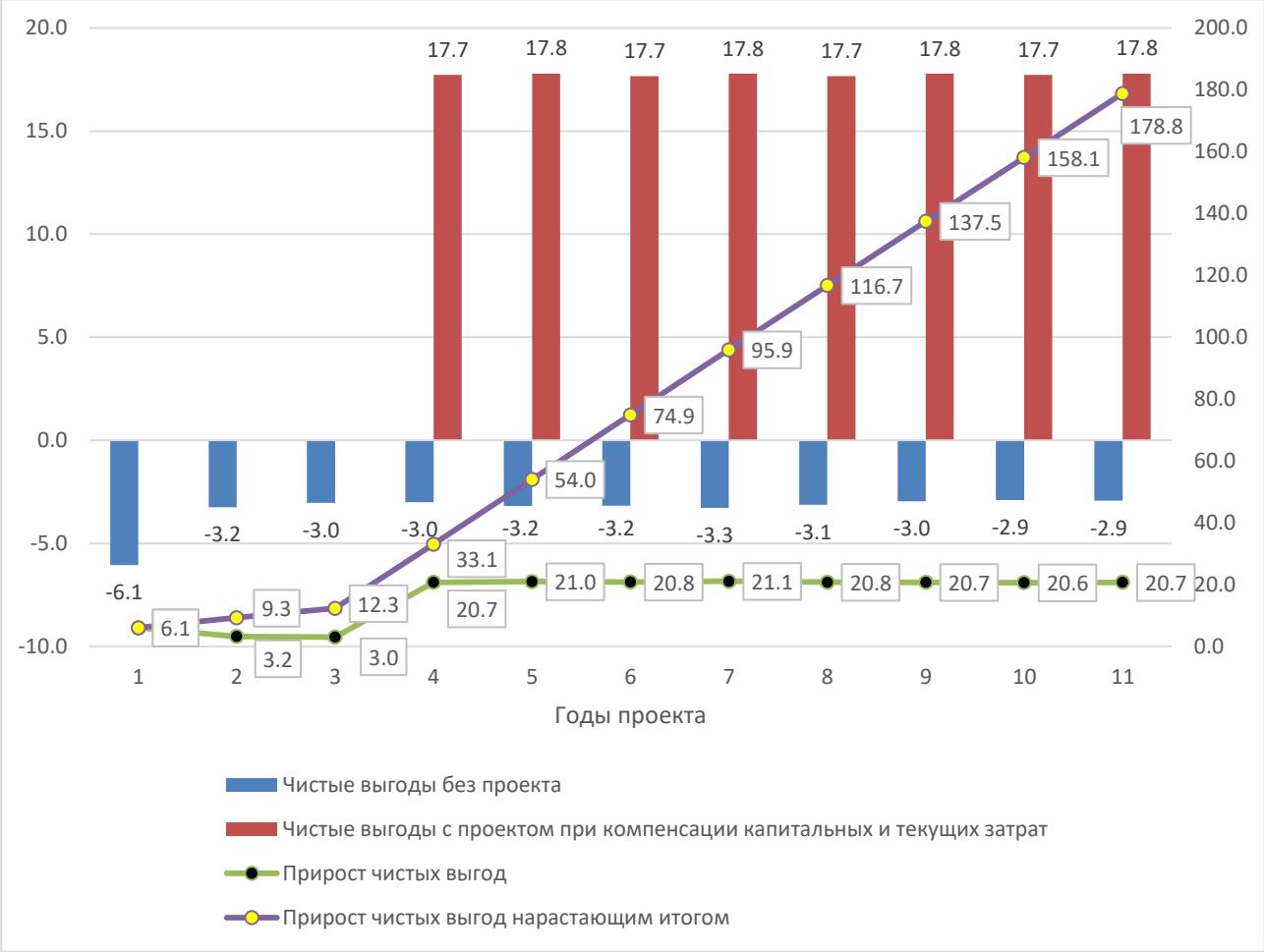

Рис. 5. Приростные денежные потоки при полной поддержке[13], млн руб.

Итак, расчёты показали, что оцениваемый проект не имеет необходимого запаса финансовой прочности для начала его реализации, если не будут применены меры внешней поддержки. На протяжении расчётного периода продолжительностью 11 лет, определённого сроками амортизации основного приобретаемого оборудования, проект не окупает инвестированных в него средств. Однако в случае сохранения принятых для расчётного периода условий в более отдалённой перспективе у проекта есть реальные шансы показать положительный интегральный эффект уже к 20-му году.

Заключение

Результаты исследования говорят о том, что деградация отрасли северного оленеводства, наблюдавшаяся за последние 30–40 лет, может быть остановлена. Но для этого необходимо поменять концепцию государственной политики поддержки отрасли. Традиционная помощь оленеводам в виде дотаций на компенсацию текущих расходов и частичное восстановление основных средств не позволяет оленеводам вести расширенное воспроизводство и даже обеспечить самоокупаемость. В сложившихся условиях необходим кардинальный переход от традиционных экстенсивных технологий выпаса к новым инновационным технологиям замкнутого цикла — изгородного содержания, убоя животных,

[13] Источник: составлено авторами.

переработки продукции, производства и реализации готовых продуктов с высокой добавленной стоимостью. Проведённый анализ показал, что существенная, но краткосрочная финансовая поддержка на этапе технологической модернизации (как правило, в пределах инвестиционной фазы) обеспечивает финансовую реализуемость проекта и создаёт благоприятные условия для перехода отрасли на полное самофинансирование в долгосрочной перспективе (Кошелев, Романюк, Сухарникова и др., 2024).

Финансовая осуществимость проекта достигается такой поддержкой, которая обеспечивает исключительно положительные чистые выгоды в ситуации «С проектом» на каждом шаге расчётного периода. Но одной осуществимости недостаточно, чтобы принять проект. Необходима также оценка его экономической эффективности, которая, в свою очередь, обеспечивается положительными интегральными показателями, в частности, накопленным положительным значением приростов чистых выгод, которые вычисляются как разница между чистыми выгодами «С проектом» и чистыми выгодами «Без проекта». Как показали исследования, положительный эффект также невозможен на протяжении расчётного периода без поддержки государства. Хотя в более отдалённом будущем (по расчётам — 20 лет) это становится вполне достижимой задачей.

Таким образом, в случае заинтересованности государства и общества в целом в выходе отрасли из кризиса и создании условий для её устойчивого развития государству необходимо пересмотреть экономическую политику, сместив приоритет с текущей финансовой поддержки оленеводческих хозяйств на инвестиции в коренные технологические преобразования отрасли.

Список источников

Брызгалов Г.Я. Актуальные вопросы селекционно-племенной работы в оленеводстве Крайнего Северо-Востока России / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Магаданский научно-исследовательский институт сельского хозяйства. Магадан: Магаданский НИИСХ; 2022: 131–138.

Гинтер Е.В., Кузьмин А.М. Эффективность программного метода поддержки оленеводства в условиях Магаданской области // Теоретические и прикладные проблемы агропромышленного комплекса. 2020; 3 (45): 60–64. https://doi.org/10.32935/2221-7312-2020-45-2-60-64

Даянова Г.И., Егорова И.К., Протопопова Л.Д., Крылова А.Н., Колесова М.С., Федоров В.И., Роббек Н.С., Румянцева Т.Д., Слепцов Е.С., Павлов И.П., Ефимова М.М., Баланов И.М., Оконешников А.А. Методика составления технологической карты, расчета нормативных затрат по стадному содержанию оленей в Республике Саха (Якутия). Якутск: Эрэл; 2017. 208 с.

Даянова Г.И., Егорова И.К., Протопопова Л.Д., Крылова А.Н., Никитина Н.Н. Анализ формирования модели государственной поддержки северного домашнего оленеводства на севере России (на примере Республики Саха (Якутия)) // Международный сельскохозяйственный журнал. 2020; 6 (378): 31–36. https://doi.org/10.24411/2587-6740-2020-16109

Донченко А.С., Шелепов В.Г., Неустроев М.П. Технология производства продукции северного оленеводства. Москва: Столичная типография; 2008. 138 с.

Кошелев В.М., Романюк М.А., Сухарникова М.А., Чекмарева Н.В., Фролова А.П. Технологическая трансформация северного оленеводства в Арктической зоне России // Известия

Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2024; 4: 154–167. https://doi.org/10.26897/0021-342X-2024-4-154-167

Мухачев А.Д., Колпащиков Л.А., Лайшев К.А. Мясная продуктивность северных оленей. Новосибирск: Ревик-К; 2001. 122 с.

Южаков А.А., Зуев С.М., Елсаков В.В., Лайшев К.А. Особенности организации изгородного содержания северных оленей в лесной зоне Тюменского Севера // Аграрный вестник Урала. 2023; 23 (10): 103–113. https://doi.org/10.32417/1997-4868-2023-23-10-103-113

Belli P., Anderson J.R., Barnum H., Dixon J., Jee-Peng Tan. Handbook on economic analysis of investment operations. Washington: Operational Core Services Network Learning and Leadership Center; 1998. 210 p.

Brown M.L. Farm Budgets: From Farm Income Analysis to Agricultural Project Analysis. Baltimore: The Johns Hopkins University Press; 1980. 155 p.

Gittinger J.P. Economic analysis of agricultural projects. Baltimore: The Johns Hopkins University Press; 1982. 528 p.

References

Belli P., Anderson J.R., Barnum H., Dixon J., Jee-Peng Tan. *Handbook on Economic Analysis of Investment Operations*. Washington, Operational Core Services Network Learning and Leadership Center; 1998. 210 p.

Brown M.L. *Farm Budgets: From Farm Income Analysis to Agricultural Project Analysis*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press; 1980. 155 p.

Bryzgalov G.Ya. *Current Issues of Selective Breeding in Reindeer Herding in the Far North-East of Russia*. Magadan, Magadanskiy NIISKh Publ.; 2022: 131–138. (In Russ.)

Dayanova G.I., Egorova I.K., Protopopova L.D., Krylova A.N., Kolesova M.S., Fedorov V.I., Robbek N.S., Rumyantseva T.D., Sleptsov E.S., Pavlov I.P., Efimova M.M., Balanov I.M., Okoneshnikov A.A. *Methodology for Developing a Process Map and Calculating Standard Costs for Reindeer Herd Management in the Republic of Sakha (Yakutia)*. Yakutsk, Erel Publ.; 2017. 208 p. (In Russ.)

Dayanova G.I., Egorova I.K., Protopopova L.D., Krylova A.N., Nikitina N.N. Analysis of Formation of a Model of State Support of Northern Domestic Reinder Husbandry in Northern Russia (On the Example of the Republic of Sakha (Yakutia)). *International Agricultural Journal*. 2020; 6 (378): 31–36. https://doi.org/10.24411/2587-6740-2020-16109

Donchenko A.S., Shelepov V.G., Neustroev M.P. *Production Technology of Reindeer Husbandry*. Moscow, Stolichnaya Tipografiya Publ.; 2008. 138 p. (In Russ.)

Ginter E.V., Kuzmin A.M. Effectiveness of State Support for Reindeer Husbandry in the Magadan Region. *Theoretical and Applied Problems of Agro-industry*. 2020; 3 (45): 60–64. https://doi.org/10.32935/2221-7312-2020-45-2-60-64

Gittinger J.P. *Economic Analysis of Agricultural Projects*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press; 1982. 528 p.

Koshelev V.M., Romanyuk M.A., Sukharnikova M.A., Chekmareva N.V., Frolova A.P. Technological Transformation of Reindeer Husbandry in the Arctic Zone of Russia. *Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy*. 2024; 4: 154–167. https://doi.org/10.26897/0021-342X-2024-4-154-167

Mukhachev A.D., Kolpashchikov L.A., Layshev K.A. *Meat Productivity of Reindeer*. Novosibirsk, Revik-K Publ.; 2001. 122 p. (In Russ.)

Yuzhakov A.A., Zuev S.M., Elsakov V.V., Layshev K.A. Features of the Organization of Fence Keeping of Reindeer in the Forest Zone of the Tyumen North. *Agrarian Bulletin of the Urals*. 2023; 23 (10): 103–113. https://doi.org/10.32417/1997-4868-2023-23-10-103-113

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; принята к публикации 23.09.2025

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 94–112.
Научная статья
УДК 330.341.1(470.11)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.94

Научно-технологический и экономический потенциал Архангельской области. Часть I

Мураев Игорь Геннадиевич [1], кандидат экономических наук
Сушко Ольга Петровна [2]✉, доктор экономических наук

[1] Правительство Архангельской области, пр. Троицкий, 49, Архангельск, Россия
[2] Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Стремянный пер., 36, Москва, Россия
[2] Московский государственный технический университет гражданской авиации, Кронштадтский бульвар, 20, Москва, Россия
[1] igmuraev@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0009-0002-0935-0704
[2] osushko@mail.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0865-6621

Аннотация. Актуальность исследования научно-технического и экономического потенциала Архангельской области определяется рядом факторов. Во-первых, Архангельская область играет ключевую роль в обеспечении национальной безопасности России в Арктической зоне. Во-вторых, регион обладает значительным потенциалом для развития горнодобывающей промышленности, лесного хозяйства, судостроения, рыболовства и туризма. На данный момент Архангельская область характеризуется значительными запасами природных ресурсов, включая леса, полезные ископаемые и водные ресурсы. Однако их использование требует рационального подхода для предотвращения экологических проблем. В-третьих, наличие научных и образовательных центров создаёт благоприятные условия для генерации и внедрения новых технологий. Научные учреждения региона активно участвуют в разработке инновационных проектов, но их интеграция в экономику региона требует усиления взаимодействия науки и бизнеса. Инновационные проекты и стартапы в области технологий и экологии демонстрируют потенциал для дальнейшего развития. За последнее десятилетие динамика валового регионального продукта и валовой добавленной стоимости Архангельской области продемонстрировала положительные тенденции, отражающие изменения в ключевых отраслях экономики Архангельской области. Промышленное производство играет важную роль в экономике Архангельской области, на его долю приходится более 40% всего валового регионального продукта региона. Основными отраслями промышленности являются лесопромышленный комплекс, судостроение и энергетика. Развитие этих отраслей способствует укреплению экономической стабильности и созданию рабочих мест. Финансовые показатели предприятий Архангельской области за десятилетний период отражают сложные и противоречивые тенденции экономического развития региона. В последние годы в Архангельской области наблюдается положительная динамика инвестиций в основной капитал. Ключевым проектом в области научно-технического развития является строительство научно-образовательного кампуса мирового класса «Арктическая звезда». Реализация этого проекта укрепит цепочки сотрудничества между наукой, образованием и бизнесом, а также увеличит вклад науки в экономику агломерации.
Ключевые слова: *потенциал, валовый региональный продукт, валовая добавленная стоимость, отраслевая структура экономики, инвестиционная деятельность, научно-образовательная база Архангельской области*

* © Мураев И.Г., Сушко О.П., 2026
Для цитирования: Мураев И.Г., Сушко О.П. Научно-технологический и экономический потенциал Архангельской области. Часть I // Арктика и Север. 2026; 64: 94–112. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.94
For citation: Muraev I.G., Sushko O.P. Scientific, Technological and Economic Potential of the Arkhangelsk Oblast. Part I. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 94–112. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.94
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

Scientific, Technological and Economic Potential of the Arkhangelsk Oblast. Part I

Igor G. Muraev [1], Cand. Sci. (Econ.)
Olga P. Sushko [2]✉, Dr. Sci. (Econ.), Professor

[1] Government of the Arkhangelsk Oblast, pr. Troitskiy, 49, Arkhangelsk, Russia
[2] Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny per., 36, Moscow, Russia
[2] Moscow State Technical University of Civil Aviation, Kronshtadtskiy Boulevard, 20, Moscow, Russia
[1] igmuraev@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0009-0002-0935-0704
[2] osushko@mail.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0865-6621

Abstract. The relevance of the research of the scientific, technological and economic potential of the Arkhangelsk Oblast is determined by a number of factors. Firstly, the Arkhangelsk Oblast plays a key role in ensuring Russia's national security in the Arctic zone. Secondly, the region has significant potential for the development of mining, forestry, shipbuilding, fisheries and tourism. At present, the Arkhangelsk Oblast is characterized by substantial reserves of natural resources, including forests, minerals and water resources. However, their use requires a rational approach to prevent environmental problems. Thirdly, the presence of scientific and educational centers creates favorable conditions for the generation and implementation of new technologies. The region's scientific institutions are actively involved in developing innovative projects, but their integration into the region's economy requires increased interaction between the scientific community and the business sector. Innovative projects and start-ups in the fields of technology and ecology demonstrate the potential for further development. Over the past decade, the dynamics of the gross regional product and gross value added of the Arkhangelsk Oblast have shown positive trends, reflecting changes in key sectors of the region's economy. Industrial production is an important part of the Arkhangelsk Oblast's economy, accounting for more than 40% of the region's total gross regional product. The main industrial areas are timber production, shipbuilding, and energy sector. The development of these industries contributes to strengthening economic stability and creating jobs. The financial performance of enterprises in the Arkhangelsk Oblast over the past decade reflects complex and contradictory trends in the economic development of the region. In recent years, the Arkhangelsk Oblast has experienced positive growth in investment in fixed assets. A key project in the field of scientific and technological development is the construction of a world-class scientific and educational campus "Arctic Star". The implementation of this project will strengthen the cooperation chains between science, education and business, as well as increase the contribution of science to the economy of the agglomeration.

Keywords: *potential, gross regional product, gross value added, sectoral structure of the economy, investment activity, scientific and educational base of the Arkhangelsk Oblast*

Введение

Актуальность темы обусловлена стремительным развитием технологий и глобальной конкуренцией, поэтому особое значение приобретает выявление и эффективное использование научно-технологического, а также экономического потенциала регионов.

Очевидно, что каждый регион обладает уникальными исторически сложившимися компетенциями, отраслевой спецификой, ресурсной базой и, соответственно, собственными конкурентными преимуществами. Архангельская область, обладая богатыми природными ресурсами и стратегическим географическим положением, демонстрирует сложную динамику развития своих экономических секторов. В последние годы наблюдаются как устойчивые тренды, так и новые вызовы, требующие адаптации и поиска инновационных решений. Архангельская область всё активнее демонстрирует прогресс в развитии Арктического региона России и обладает высоким инвестиционным потенциалом. В регионе

сформировалась устойчивая зона социально-экономического развития, обладающая рядом конкурентных преимуществ: удобное географическое положение, развитая железнодорожная сеть и функционирующий круглогодично морской порт. Архангельск играет ключевую роль в транспортном обеспечении Севморпути и снабжении арктических территорий, располагая кратчайшим маршрутом до центра страны. Северодвинск лидирует в области судостроения и производства морской техники для Арктики. На территории региона расположена крупнейшая в Европе алмазоносная провинция. Архангельск является университетским центром, где готовят квалифицированные кадры для работы в регионе. Регион также демонстрирует сильные позиции в области науки и полярной медицины. В настоящее время в регионе функционируют три кластера: судостроительный, лесопромышленный и социальный. На стадии формирования находятся два дополнительных кластера — биотехнологический и рыбопромышленный.

Министерство экономического развития Российской Федерации выдвинуло инициативу по созданию восьми региональных «опорных зон» в качестве основы реиндустриализации Арктики[1], что может стать новой моделью развития потенциала региона и концентрации усилий на точках роста с учётом рационального использования как человеческих, так и финансовых ресурсов. В данном контексте важно представить научно-технический потенциал региона, который на основе комплексной оценки взаимосвязанных ресурсов и возможностей позволит определить способность территории разрабатывать, внедрять и использовать новые технологии для достижения социально-экономического развития.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является потенциал Архангельской области. Целью работы является комплексная оценка современного состояния Архангельской области, выявление направлений развития потенциала и ключевых компетенций для реиндустриализации Арктики. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: изучить природные ресурсы региона и их влияние на экономику, оценить роль научных учреждений в инновационном развитии, проанализировать существующие и перспективные проекты, а также предложить рекомендации для улучшения инвестиционного климата и стимулирования роста.

Для теоретико-методологического обоснования трансформации пространства используются подходы экономической теории, региональной экономики, экономической географии, учений о территориально-производственных комплексах и смежных наук. Оценка экономического потенциала региона может быть проведена с использованием различных методов, каждый из которых имеет свои особенности и преимущества.

[1] Арктике подбирают правовую основу. Минэкономики переписало законопроект об опорных зонах — Новости РСПП. URL: https://rspp.ru/events/news/arktike-podbirayut-pravovuyu-osnovu-minekonomiki-perepisalo-zakonoproekt-ob-opornykh-zonakh--31240/ (дата обращения: 20.04.2025).

Традиционно оценка экономического потенциала регионов осуществлялась посредством анализа ряда показателей (рис. 1).

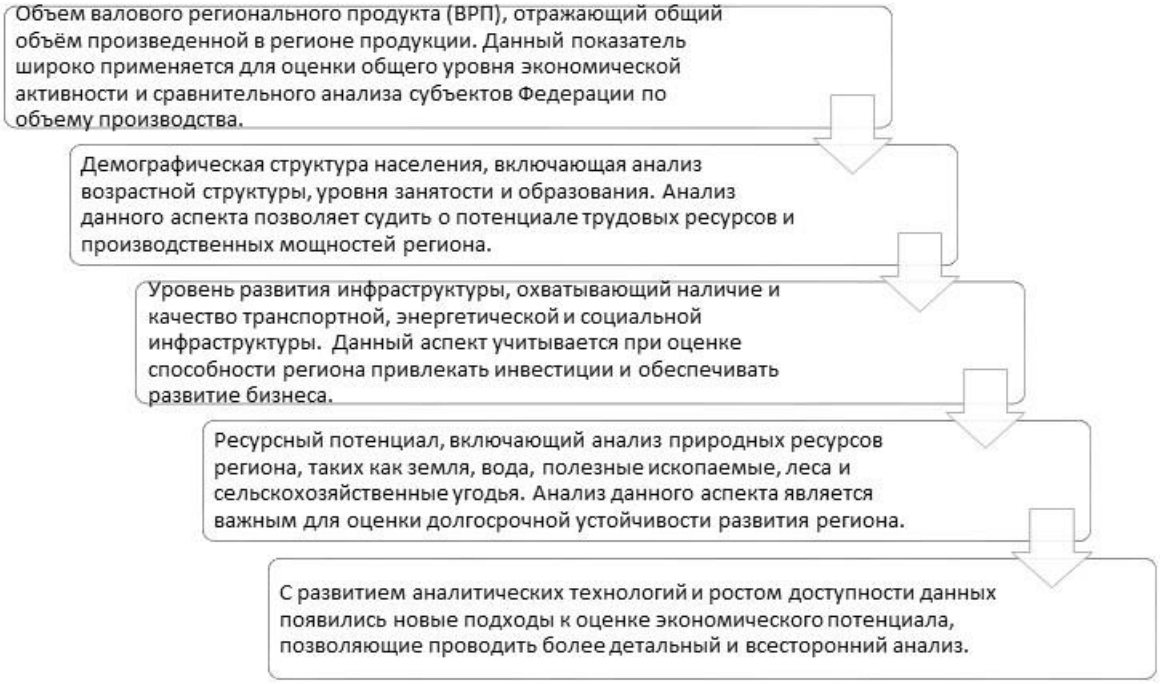

Рис. 1. Оценка экономического потенциала регионов.

Одним из наиболее распространённых подходов является анализ валового регионального продукта и его динамики, который отражает совокупную стоимость товаров и услуг, произведённых в регионе за определённый период, и позволяет оценить общий уровень экономического развития. Другим важным методом является анализ структуры экономики региона, включая распределение занятости по отраслям и степень диверсификации производства. Регионы с более диверсифицированной экономикой, как правило, более устойчивы к экономическим шокам. Также необходимо учитывать инвестиционный климат региона, включая уровень инвестиций в основной капитал, инфраструктуру и инновации. Высокий уровень инвестиций свидетельствует о благоприятных условиях для ведения бизнеса и потенциале для дальнейшего экономического роста. Наконец, оценка человеческого капитала региона, включая уровень образования, квалификации и здоровья населения, является важным фактором, определяющим его экономический потенциал. Регионы с высококвалифицированной рабочей силой, как правило, более привлекательны для инвесторов и имеют больше возможностей для развития высокотехнологичных отраслей. Важной составляющей потенциала является оценка экономики. Среди методов анализа экономического потенциала можно использовать множество разных (рис. 2).

Рис. 2. Методы анализа экономического потенциала регионов.

К современным методам относятся: метод интегрированной оценки, метод индикаторных систем, методы анализа, включающие использование ГИС, моделирование сценариев развития и др.

Таким образом, для исследования научно-технологического и экономического потенциала Архангельской области, для определения направлений развития потенциала использовались разные методы, комплексное применение которых позволило получить представление о потенциале региона и выявить возможности для его дальнейшего развития.

Обзор научных исследований

Исследованием потенциала Архангельской области занимались многие учёные, начиная с М.В. Ломоносова, который видел в освоении северных территорий будущее России. В частности, профессор М.К. Сидоров в своих трудах рассматривал возможности развития морского транспорта и рыболовства в регионе, акцентируя внимание на необходимости модернизации портовой инфраструктуры и внедрении новых технологий в рыбодобычу. Его работы послужили основой для ряда стратегических планов развития области в советский период. Другой исследователь, А.И. Иванов, сосредоточился на изучении лесных ресурсов Архангельской области и их рациональном использовании. Он предложил комплекс мер по лесовосстановлению и переработке древесины, направленных на минимизацию негативного воздействия на окружающую среду и повышение эффективности лесопромышленного комплекса. Активно развитие лесного комплекса исследовал профессор А.В. Пластинин (Plastinin, Skvortsov, Sushko, 2022; Скворцов, Пластинин, Сушко, 2022).

В.Ф. Богачев и Н.П. Веретенников (Богачев, Веретенников, 2020) представили интеграционные аспекты управления экономикой регионов Арктики России. Характеристики конкурентоспособности экономик Архангельской и Мурманской областей проанализированы в работах М.Н. Богдановой (Богданова, 2019). Т.И. Барашева (Барашева, 2022) представила «методический подход исследования бюджетного потенциала на примере регионов Севера. Разработанный автором методический подход включает группы индикаторов, характеризующие финансовую обеспеченность регионов и отражающие качество управления бюджетным процессом. В ходе апробации данной методики проведены расчёты совокупного интегрального индекса, оценивающего уровень использования бюджетного потенциала в регионах, а также его составляющих — индивидуальных интегральных индексов (Барашева, 2022). П.В. Дружинин и М.В. Морошкина (Дружинин, Морошкина, 2018) показали в научной статье развитие экономики Европейского Севера с последующей оценкой влияния на окружающую среду. Н.Г. Дупленко и Е.А. Голушко (Дупленко, Голушко, 2020) провели оценку региональной асимметрии развития цифровой экономики в Северо-Западном федеральном округе России. Учёным Бадылевичем Р.В. (Бадылевич, 2020) представлен на основе индикаторов экономической безопасности анализ уровня экономической безопасности регионов Арктической зоны РФ.

А.Г. Коряков, С.Г. Басалов, Д.Н. Баранов (Коряков, Басалов, Баранов, 2017) показали в исследовании, что Архангельская область, обладая богатыми природными ресурсами и стратегическим географическим положением, демонстрирует сложную динамику развития своих экономических секторов. В последние годы наблюдаются как устойчивые тренды, так и новые вызовы, требующие адаптации и поиска инновационных решений.

Учёные К.С. Зайков, А.А. Спиридонов, А.М. Фадеев (Зайков, Спиридонов, Фадеев, 2024) и В.Н. Лаженцев (Лаженцев, 2024) исследуют возможности развития потенциала Арктики и Севера. Васильева А.С. (Васильева, 2021) исследовала основные макроэкономические показатели Архангельской области.

Учёные А.А. Мустафаев, Н.Д. Найденов и Т.А. Найденова (Мустафаев, Найденов, Найденова, 2023) в статье, опубликованной в журнале «Арктика и Север», исследовали пути, способы и методы формирования полного экономического потенциала (производственного и потребительского) агропромышленного комплекса северных регионов. Авторы выявили тенденции и перспективы проведения социально-экономических, экологических, инфраструктурных, демографических и рыночных преобразований в сфере АПК северных регионов.

А.М. Онякова (Онякова, 2019) проанализировала перспективы освоения минерально-сырьевых ресурсов Архангельской области, связанные с дальнейшим развитием алмазодобывающей промышленности, началом разработки титановых месторождений, а также с вовлечением в разработку новых месторождений бокситов, марганца и других полезных ископаемых. Реализация этих проектов позволит создать новые рабочие места,

увеличить налоговые поступления в бюджет и обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие региона. Особое внимание уделяется вопросам экологической безопасности при освоении минеральных ресурсов.

В работах О.В. Толстогузова (Толстогузов, 2022) показано, что структурные преобразования экономики Северо-Запада России, особенно в контексте последних десятилетий, неразрывно связаны с эволюцией институциональной среды. Институты, формируя правила игры, определяют стимулы для экономического поведения, инноваций и инвестиций. Несовершенство институциональной структуры, будь то неэффективное регулирование, коррупция или слабость защиты прав собственности, неизбежно тормозит развитие перспективных секторов и усугубляет структурные дисбалансы.

И.И. Тучина (Тучина, 2017) обосновала, что развитие инноваций в области связано прежде всего с модернизацией традиционных секторов: лесопромышленного комплекса, судостроения и добычи полезных ископаемых. Внедрение новых технологий в лесозаготовку и переработку древесины позволяет повысить эффективность производства и снизить негативное воздействие на окружающую среду. В судостроении акцент делается на разработке и строительстве судов ледового класса, востребованных для освоения Арктики. Добыча полезных ископаемых стимулирует развитие инноваций в области геологоразведки и переработки минерального сырья. Помимо традиционных секторов, перспективным направлением является развитие новых отраслей, таких как информационные технологии, биотехнологии и возобновляемая энергетика. Создание благоприятного инновационного климата, поддержка малого и среднего инновационного предпринимательства и развитие научно-образовательной инфраструктуры являются необходимыми условиями для успешного развития инновационной экономики в Архангельской области.

Работа В.А. Цукермана и Е.С. Горячевской (Цукерман, Горячевская, 2022; Цукерман, 2013) в журнале «Арктика и Север» представила результаты анализа инновационного потенциала арктических регионов России. Учёные пришли к выводу, что зарубежные методы оценки потенциала не подходят для определения инновационного потенциала арктических регионов России. В свою очередь, российские методики не показывают объективную оценку инновационного потенциала арктических регионов. Поэтому учёные разработали методику оценки потенциала, основанную на расчёте удельных показателей вместо абсолютных. На основе методики был рассчитан потенциал и проведено ранжирование российских регионов за десять лет (2011, 2013, 2017 и 2020 гг.). По нашему мнению, данная методика совместно с другими методами может быть применима к оценке потенциала регионов.

К.И. Сергеева и О.С. Закорецкая (Сергеева, Закорецкая, 2016) считают, что малый бизнес играет критически важную роль в экономике Архангельской области, являясь катализатором инноваций, создателем рабочих мест и двигателем экономического роста. Предпринимательство в регионе способствует диверсификации экономики, уменьшая зависимость от крупных промышленных предприятий.

По мнению Е.А. Гузенко (Гузенко, Чирков, 2023), уровень развития региона определяется уровнем жизни населения. Оценка общественного здоровья на примере Архангельской области представлена в работе учёных Д.О. Душковой, В.С. Тикунова и Черешни О.Ю. (Душкова, Тикунов, Черешня, 2019). Анализ трудовых ресурсов области проводился и в других работах (Сушко, 2014; Сушко, Телегин, 2015; Мураев, Сушко, 2024).

Исследованием потенциала Архангельской области занимались и другие учёные (Орлов, Закатеев, 2023; Павленко, Подоплёкин, 2015). Их работы охватывают широкий спектр направлений: от изучения природных ресурсов, таких как лес, полезные ископаемые и водные артерии, до анализа социально-экономического развития региона и его культурного наследия. Особое внимание уделялось исследованию возможностей использования лесных ресурсов как возобновляемого источника сырья для целлюлозно-бумажной промышленности и деревообработки (Серова, 2016; Север России, 2016). Изучаются также запасы полезных ископаемых, включая алмазы, нефть и газ, с целью оценки их промышленного потенциала и разработки стратегий эффективной добычи и переработки.

В последние годы многие научные работы сосредоточены на исследовании инновационных технологий и альтернативных источников энергии, которые станут перспективными направлениями для экономического роста региона. Также активно изучаются вопросы сохранения уникальной арктической природы и устойчивого развития северных территорий. Учёные из САФУ имени М.В. Ломоносова проводят исследования в области арктических технологий, возобновляемой энергетики и разработки новых материалов, что открывает перспективы для диверсификации экономики региона и привлечения инвестиций (Sushko, Kaznin, Babkin, 2017).

Результаты исследования

Комплекс элементов научно-технологического и экономического потенциала Архангельской области

Несмотря на внешние социально-экономические и политические вызовы и колебания, экономика Архангельской области демонстрирует поступательное развитие. Динамика валового регионального продукта (ВРП) в Архангельской области обусловлена целым рядом факторов, включая реализацию крупных инвестиционных проектов, развитие лесопромышленного комплекса, судостроения и транспортной инфраструктуры. Важной частью научно-технического потенциала региона является деятельность научного центра — Северного Арктического федерального университета имени М.В. Ломоносова, который готовит кадры по 96 направлениям подготовки, обеспечивая не только Архангельскую область, но и прилегающие регионы. Научные изыскания проводит Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики Уральского отделения РАН.

Составная часть экономического потенциала Архангельской области определяется освоением природных ресурсов, в частности, месторождений алмазов и других полезных

ископаемых. В Архангельской области находится единственная в Европе алмазоносная провинция, что стало доказательством того, что наука и технологии могут обеспечить эффективное производство. Развитие научно-технологического потенциала Архангельской области связано и с деятельностью космодрома Плесецк, который имеет значение как для национальной безопасности, так и для социально-экономического развития Архангельской области. Деятельность космодрома поддерживает развитие смежных отраслей (машиностроение, электроника, телекоммуникации), способствует развитию науки и образования в регионе. Важнейшим фактором является наличие значительного научного потенциала, сосредоточенного в университетах и исследовательских институтах. Они занимаются передовыми разработками в таких областях, как судостроение, лесная промышленность, медицина и биотехнологии. Эти разработки, поддержанные квалифицированными специалистами, формируют основу для внедрения инновационных технологий во все сферы экономики.

Экономический потенциал региона определяется многообразной структурой, охватывающей судостроение, лесозаготовительную и деревообрабатывающую промышленность, рыболовство, а также сектор услуг, специализирующийся на логистике и туризме, что способствует образованию новых рабочих мест, росту налоговых отчислений в бюджет и повышению качества жизни населения региона.

Взаимосвязь научного и технологического прогресса с экономическим потенциалом региона порождает синергетический эффект, который способствует эффективному решению социально-экономических задач Архангельской области и укреплению её позиций в российской экономике. «Инвестирование в развитие науки и технологий, поддержка инновационных предприятий, а также формирование благоприятного инвестиционного климата являются основополагающими условиями для реализации этого потенциала и обеспечения устойчивого долгосрочного роста региона» (Васильева, 2021).

Комплекс элементов научно-технологического и экономического потенциала охватывает разнообразные аспекты: от богатых природных запасов, таких как леса и полезные ископаемые, до развитой инфраструктуры, включающей сооружения и транспортные коммуникации, которые связывают регион с остальной территорией страны и мира.

Результаты экономического потенциала Архангельской области

Экономика Архангельской области вносит значительный вклад в общий экономический потенциал Северо-Западного федерального округа. Основу региона составляют лесопромышленный комплекс, судостроение и добыча полезных ископаемых, включая нефть и газ. Эти отрасли формируют значительную долю валового регионального продукта (ВРП), что подчёркивает их ключевую роль в экономической структуре области.

За последние десять лет ВРП Архангельской области вырос более чем в два раза (рис.

3). В 2021 г. ВРП Архангельской области превысил 700 млрд руб., что указывает на положительную динамику экономического развития региона. Такой прирост ВРП региона обусловлен увеличением производительности в ключевых отраслях, таких как промышленность и добыча полезных ископаемых. А.С. Васильева отмечает, что «за последние годы наблюдается тенденция роста всех основных социально-экономических показателей. Одним из наиболее важных среди них является валовой региональный продукт (ВРП). За период с 2008 по 2018 гг. данный показатель по Архангельской области вырос в 2,8 раза» (Васильева, 2021).

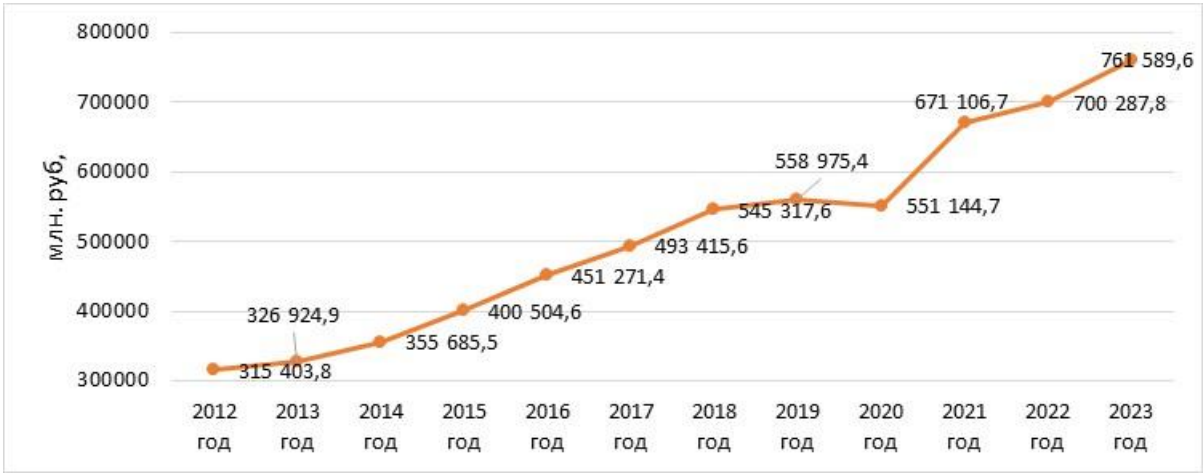

Рис. 3. Валовой региональный продукт (в текущих основных ценах)[2].

При этом на протяжении рассматриваемого десятилетия наблюдались колебания в объёме ВРП, отражающие изменения в ключевых секторах экономики, таких как лесная промышленность, судостроение и энергетика. В частности, период 2014–2016 гг. характеризовался снижением темпов роста ВРП Архангельской области, что было связано с ухудшением макроэкономической ситуации в стране и падением цен на экспортные товары. Второй спад в динамике развития ВРП региона произошёл в 2020 г., что связано с пандемией. Влияние пандемии в первую очередь коснулось сферы услуг, а впоследствии отразилось на производственных секторах. Остановка предприятий, а также перебои в поставках сырья и комплектующих привели к снижению объёмов производства в Архангельской области и увеличению себестоимости продукции. Кроме того, снижение потребительского спроса также оказало негативное влияние на производственные секторы.

Темпы прироста валового регионального продукта (ВРП) Архангельской области за последние пять лет составили в среднем 5–8% в год, что подтверждает положительные тенденции в экономическом развитии региона.

Таким образом, рост ВРП Архангельской области свидетельствует об устойчивом экономическом развитии и повышении конкурентоспособности региона. Дальнейшие перспективы связаны с реализацией новых инвестиционных проектов, развитием инновационных производств и эффективным использованием природного потенциала.

[2] Росстат. URL: https://29.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

Анализ валовой добавленной стоимости (ВДС) Архангельской области за период с 2013 по 2024 гг. (рис. 4) позволяет выявить ключевые тенденции и факторы, влияющие на экономическое развитие региона. В течение рассматриваемого периода наблюдались как периоды роста, так и спада, обусловленные изменениями в структуре экономики, внешними шоками и реализацией региональных программ развития. В начале периода, с 2013 по 2016 гг., ВДС демонстрировала умеренный рост, связанный с развитием лесопромышленного комплекса, судостроения и добычи полезных ископаемых. Однако экономические санкции и снижение цен на нефть в 2014–2015 гг. оказали негативное влияние на темпы роста, что привело к замедлению экономической активности. В период с 2017 г. по 2020 г. наблюдалась стабилизация и постепенное восстановление экономики региона. Этому способствовали реализация крупных инвестиционных проектов в сфере лесопереработки и развитие транспортной инфраструктуры. Пандемия COVID-19 в 2020 г. внесла коррективы в экономическую динамику, вызвав снижение активности в ряде отраслей, особенно в сфере услуг и туризма. В последние годы, с 2021 г. по 2024 г., экономика Архангельской области демонстрировала признаки восстановления и адаптации к новым условиям. Несмотря на это, сохраняются риски, связанные с геополитической нестабильностью и необходимостью технологической модернизации ключевых отраслей. Дальнейшее развитие региона будет зависеть от эффективности реализации стратегии социально-экономического развития и привлечения инвестиций в инновационные секторы экономики.

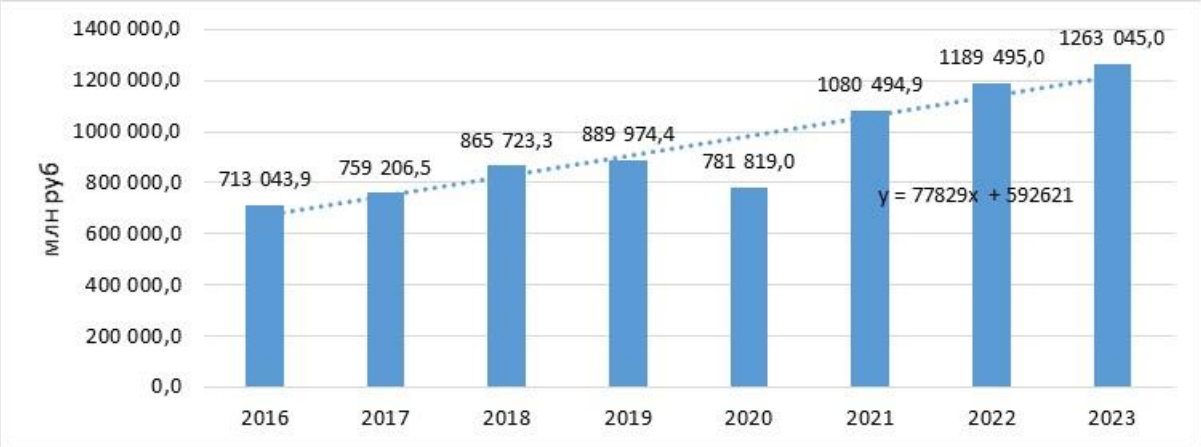

Рис. 4. Динамика валовой добавленной стоимости (в основных ценах) Архангельской области [3].

Структура валовой региональной добавленной стоимости (ВРДС) Архангельской области отражает сложное взаимодействие различных отраслей экономики, каждая из которых вносит свой вклад в общий экономический результат региона. Традиционно ключевую роль в формировании ВРДС играют отрасли промышленности, связанные в первую очередь с использованием природных ресурсов, а именно лесная промышленность (рис. 5). Промышленное производство играет важную роль в экономике Архангельской области, составляя более 40% от общего ВРП региона. Основные отрасли промышленности

[3] Росстат. URL: https://29.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

включают производство лесопродукции, судостроение и энергетический сектор. Развитие этих отраслей способствует укреплению экономической стабильности и созданию рабочих мест.

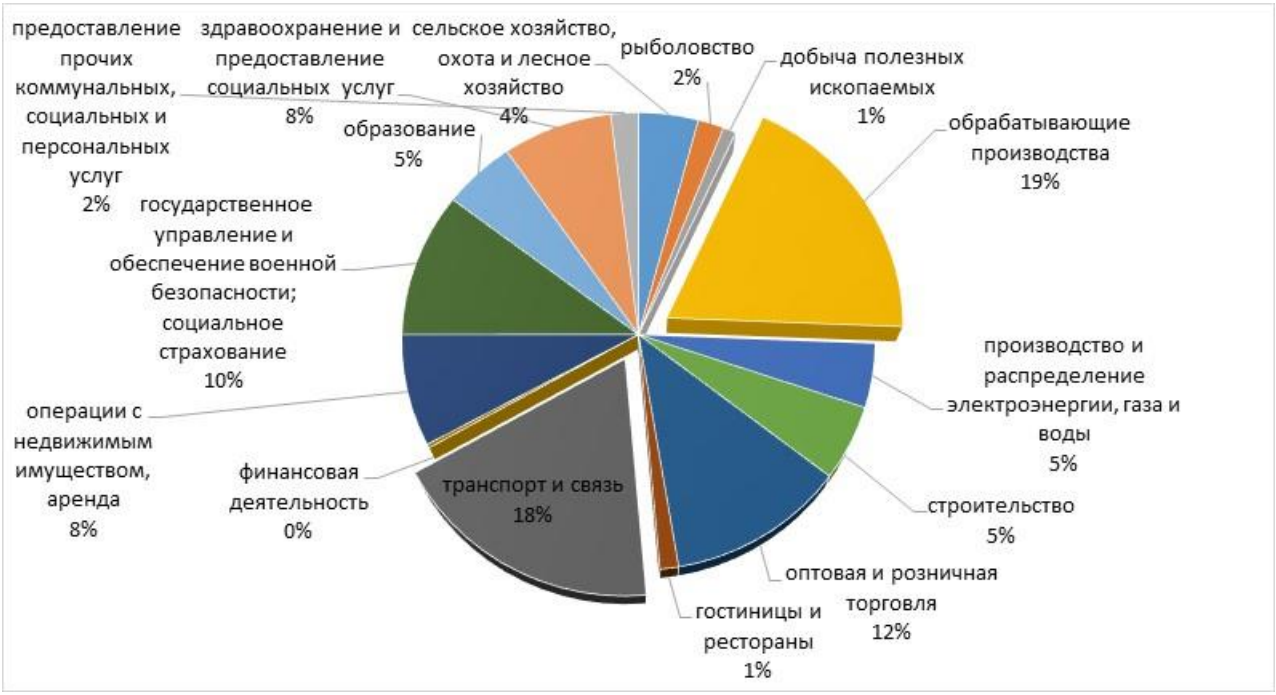

Рис. 5. Структура валовой региональный добавленной стоимости Архангельской области (в текущих основных ценах) в 2013 г.[4]

Однако в последние годы наблюдается тенденция к диверсификации экономики и увеличению доли других отраслей в структуре ВРДС Архангельской области. В частности, растёт доля добычи полезных ископаемых (с 1% до 5%), строительства, транспорта и связи, а также сектора услуг, что связано с реализацией инвестиционных проектов, развитием инфраструктуры и повышением потребительского спроса. Добыча полезных ископаемых, в частности алмазов и бокситов, будет важным источником доходов для региона и в перспективе. Однако зависимость от мировых цен на сырьевые товары делает экономику области уязвимой к внешним шокам. В связи с этим диверсификация экономики и развитие других отраслей становятся приоритетными задачами для обеспечения устойчивого развития региона.

Доля некоторых отраслей в Архангельской области к 2024–2025 гг. снизилась более значительно (строительство с 5% до 3%, торговля с 8% до 5%), что обусловлено рядом факторов, включая снижение инвестиций в модернизацию производственных мощностей, усиление конкуренции со стороны других регионов и стран, а также изменения в структуре спроса на продукцию (рис. 6). Повышение доли обрабатывающей промышленности оказывает позитивное влияние на экономическое развитие региона, поскольку эта сфера является одним из главных источников рабочих мест и налоговых отчислений. Данная тенденция обусловлена рядом факторов, среди которых внедрение современных

[4] Росстат. URL: https://29.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

технологий и инновационных решений.

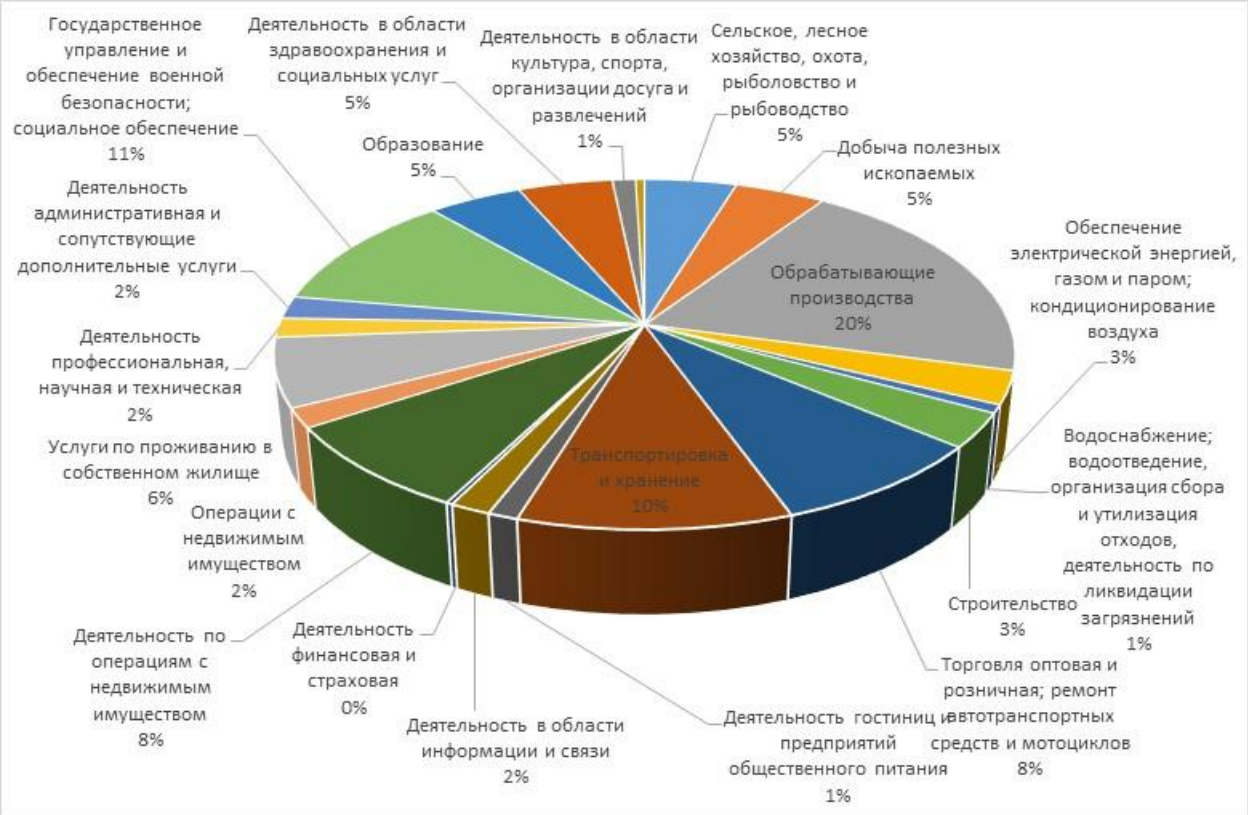

Рис. 6. Валовой региональный продукт (в текущих основных ценах) Архангельской области в 2024 г.[5]

Таким образом, динамика и структура ВДС Архангельской области находится в постоянном движении, отражая изменения в экономической конъюнктуре, технологическом прогрессе и инвестиционной активности предприятий. Дальнейшее развитие региона будет зависеть от способности адаптироваться к новым вызовам и эффективно использовать свои конкурентные преимущества.

Рассматривая динамику финансовых показателей Архангельской области за период с 2013 г. по 2024 г., необходимо отметить неоднородность экономического развития региона, обусловленную как общероссийскими тенденциями, так и специфическими факторами, влияющими на экономику области. В Архангельской области наблюдается тенденция к сокращению числа зарегистрированных организаций (рис. 7). Отрицательная динамика отражает изменения в экономической структуре региона. Одним из определяющих факторов сокращения числа организаций является тенденция к оптимизации бизнес-процессов и консолидации активов. В стремлении повысить эффективность и конкурентоспособность предприятия осуществляют реструктуризацию, что часто выражается в слиянии или поглощении. Данный процесс, хотя и ведёт к уменьшению количества юридических лиц, может способствовать укреплению позиций крупных и стабильных предприятий. Негативные экономические факторы, такие как рыночная волатильность, флуктуации спроса и изменения в нормативно-правовом поле, могут привести к

[5] Росстат. URL: https://29.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

прекращению деятельности предприятий малого и среднего бизнеса, испытывающих трудности с адаптацией к новым условиям. Кроме того, конкуренция со стороны крупных компаний создаёт дополнительное давление на малый бизнес, что зачастую вынуждает его уходить с рынка.

С 2013 по 2024 гг. доля субъектов МСП Архангельской области остаётся неизменной и составляет 5% от численности субъектов всего округа (рис. 7). Несмотря на реализацию разнообразных программ поддержки и инициатив, направленных на развитие малого и среднего предпринимательства в регионе, стагнация процентного показателя свидетельствует о наличии проблем. Вероятно, действующие меры не обладают достаточной эффективностью или не отвечают актуальным требованиям бизнеса.

Рис. 7. Динамика количества организаций Архангельской области[6].

На фоне тенденций сокращения числа зарегистрированных организаций в Архангельской области анализ финансовых показателей предприятий демонстрирует положительные тренды. Динамика финансового результата имеет постоянные колебания в период 2013–2024 гг., что говорит о сложном состоянии предприятий в Архангельской области (рис. 8). Анализ финансового результата деятельности предприятий региона позволяет выявить тенденции развития экономики Архангельской области (рис. 9).

[6] Росстат. URL: https://29.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

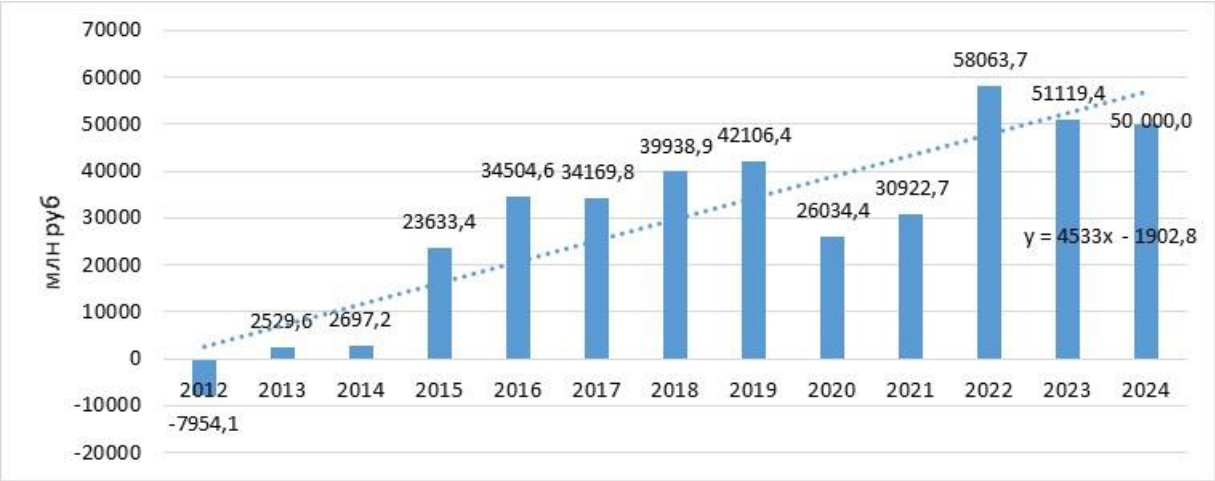

Рис. 8. Сальдированный финансовый результат организаций Архангельской области (без субъектов малого предпринимательства)[7].

Анализ рентабельности активов, рентабельности продукции, коэффициента текущей ликвидности, коэффициентов автономии и обеспеченности собственным оборотными средствами имеет, в отличие от финансового результата, более выраженные колебания (рис. 9). Изучение динамики финансовых результатов в каждой отрасли позволяет более точно определить факторы, влияющие на экономическое развитие региона, и разработать адресные меры поддержки для предприятий, испытывающих трудности.

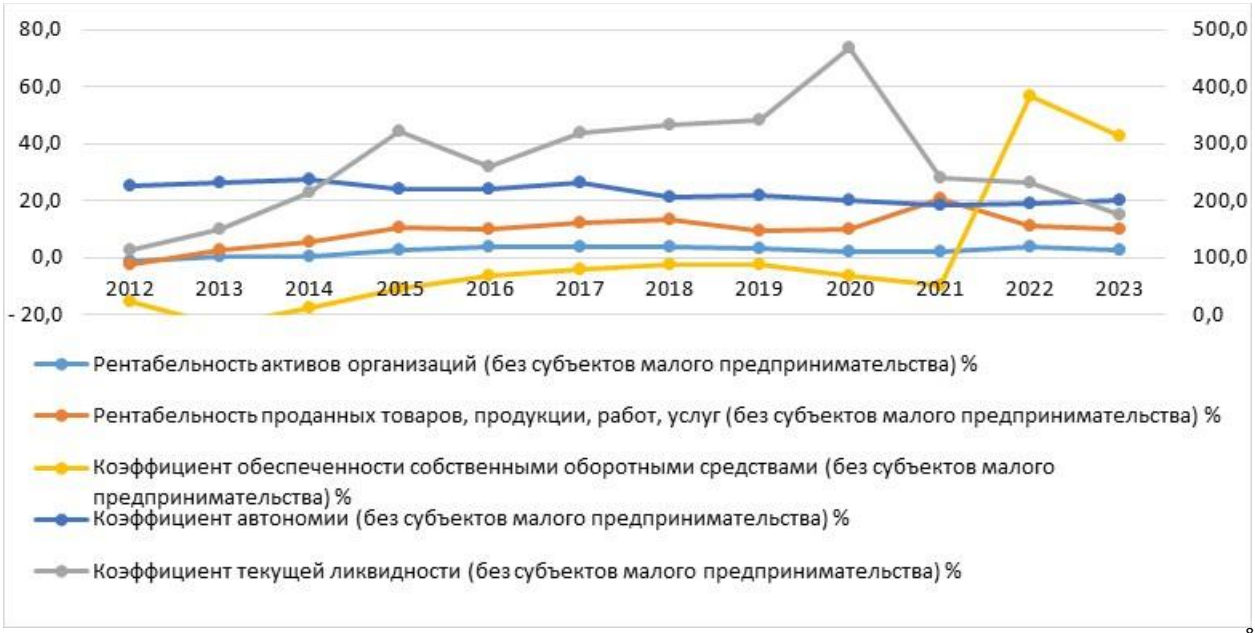

Рис. 9. Основные финансовые показатели Архангельской области (без субъектов малого предпринимательства)[8].

В целом финансовые результаты деятельности предприятий Архангельской области за десятилетний период отражают сложные и противоречивые тенденции экономического развития региона, что подтверждается и сравнением с другими регионами Северо-Западного федерального округа. Следовательно, анализ деятельности предприятий подтверждает необходимость дальнейшего развития инновационной инфраструктуры.

[7] Росстат. URL: https://29.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).
[8] Там же.

Список источников

Бадылевич Р.В. Оценка уровня экономической безопасности регионов Арктической зоны РФ на основе использования индикаторов стратегии экономической безопасности РФ // Фундаментальные исследования. 2020; 6: 7–15. https://doi.org/10.17513/fr.42769

Барашева Т.И. Подходы к оценке и мониторинг использования бюджетного потенциала в регионах Крайнего Севера // Арктика и Север. 2022; 49: 5–22. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.5

Богачев В.Ф., Веретенников Н.П. Интеграционные аспекты управления экономикой регионов Российской Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020; 2 (68): 4–12. https://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2020.68.001

Богданова М.Н. Сравнительная характеристика конкурентоспособности экономик Архангельской и Мурманской областей // Colloquium-Journal. 2019; 15-8 (39): 40–42.

Васильева А.С. Исследование основных макроэкономических показателей Архангельской области // Вектор экономики. 2021; 1 (55): 13.

Гузенко Е.А., Чирков А.Ю. Экономико-статистический анализ качества и уровня жизни населения в Архангельской области // Наука и образование: от теории к практике: сборник статей Международной научно-практической конференции, Казань, 20 июля 2023 г. Ч. 2. Уфа: ООО «Аэтерна»; 2023: 124–127.

Дружинин П.В., Морошкина М.В. Развитие экономики Европейского Севера и оценка ее влияния на окружающую среду // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018; 4 (60): 71–82. https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.4.2018.60.71-82

Дупленко Н.Г., Голушко Е.А. Оценка региональной асимметрии развития цифровой экономики в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации // Регион: Экономика и Социология. 2020; 3 (107): 97–116. https://doi.org/10.15372/REG20200304

Душкова Д.О., Тикунов В.С., Черешня О.Ю. Методика оценки общественного здоровья на уровне муниципальных образований на примере Архангельской области // География и природные ресурсы. 2019; 1: 127–136. https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2019-1(127-136)

Зайков К.С., Спиридонов А.А., Фадеев А.М. Сотрудничество России и Китая в Арктике в энергетической сфере: стратегический взгляд // Арктика и Север. 2024; 54: 22–37. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.22

Коряков А.Г., Басалов С.Г., Баранов Д.Н. Современные тенденции динамики секторов экономики Архангельской области // Московский экономический журнал. 2017; 2: 19.

Лаженцев В.Н. Северо-арктическая специфика предмета экономических исследований (методологические аспекты) // Арктика и Север. 2024; 57: 64–76. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.64

Мураев И.Г., Сушко О.П. Особенности использования трудовых ресурсов в лесном комплексе Архангельской области // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2024; (8) (437): 1518–1537. https://doi.org/10.24891/ni.20.8.1518

Мустафаев А.А., Найденов Н.Д., Найденова Т.А. Ключевые аспекты развития экономического потенциала АПК регионов Севера (на примере Республики Коми) // Арктика и Север. 2023; 50: 47–65. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.47

Онякова А.М. Состояние и перспективы освоения минерально-сырьевых ресурсов Архангельской области // Colloquium-Journal. 2019; 17-1(41): 26–28.

Орлов С.Н., Закатеев М.А. Устойчивое развитие предприятия нефтегазового комплекса в условиях геостратегической территории // Национальные экосистемы: сборник научных трудов по итогам проведения I–III Междунар. научно-практич. конф., Курган, 25 ноября 2019 г. — 16 декабря 2022 г. Курган: Курганский государственный университет; 2023: 675–681.

Павленко В.И., Подоплёкин А.О. Научный компонент российской политики в Арктике: актуальные аспекты программирования и институционального обеспечения арктических исследований // Арктика: экология и экономика. 2015; 1 (17): 4–9.

Север России: стратегии и перспективы развития: матер. II Всероссийская научно-практическая конференция, Сургут, 27 мая 2016 г. В 4 т. / Под ред. О.Г. Литовченко и др. Сургут: ИЦ СурГУ; 2016. Т. III. 256 с.

Сергеева К.И., Закорецкая О.С. Роль малого бизнеса в развитии экономики Архангельской области // Экономический анализ: теория и практика. 2016; 12 (459): 153–169.

Серова Н.А. Особенности инвестиционной политики регионов Арктической зоны // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2016; 3 (50): 13–20.

Скворцов Д.А., Пластинин А.В., Сушко О.П. Принципы, методы и показатели оценки уровня цифровизации экономики региона (на примере Архангельской области). Москва: Перо; 2022. 154 с.

Сушко О.П. Трудовой потенциал Российской Арктики // Арктика и Север. 2014; 16: 72–83.

Сушко О.П., Телегин Н.Б. Новый экономический кризис: региональная проекция // Арктика и Север. 2015; 21: 72–80. https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2015.21.72

Толстогузов О.В. Структурные изменения экономики регионов Северо-Запада России: институциональный фактор // Балтийский регион. 2022; 14 (1): 56–74. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-4

Тучина И.И. Инновационные процессы в экономике России (на примере Архангельской области) // Прогнозирование социального и экономического развития в новых геополитических условиях: сб. ст. по итогам междунар. научно-практич. конф., Казань, 24 сентября 2017 г. Казань: ООО «Агентство международных исследований»; 2017: 77–79.

Цукерман В.А. Стратегия инновационного развития Севера и Арктики // Управление инновациями — 2013: Материалы междунар. научно-практич. конф., 18–20 ноября 2013 года / Под ред. Р.М. Нижегородцева. Москва–Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ); 2013: 57–63.

Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Инновационный потенциал арктических регионов // Арктика и Север. 2022; 49: 70–85. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.70

Plastinin A.V., Skvortsov D.A., Sushko O.P. Integral Assessment of the Level of Digitalization of the Region's Economy // Digital Technologies and Institutions for Sustainable Development. Cham: Springer Nature; 2022: 97–101. https://doi.org/ 10.1007/978-3-031-04289-8_16

Sushko O.P., Kaznin A.A., Babkin A.V., Bogdanov D.A. Economic Evaluation of the Information Security Levels Achieved by Electric Energy Providers in North Arctic Region // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2017; 90: 012074. https://doi.org/10.1088/1755-1315/90/1/012074

References

Badylevich R.V. Assessment of the Level of Economic Security of the Regions of the Arctic Zone of the Russian Federation Based on the Use of Indicators of the Economic Security Strategy of the Russian Federation. *Fundamental Research*. 2020; 6: 7–15. https://doi.org/10.17513/fr.42769

Barasheva T.I. Approaches to Assessing and Monitoring of the Budget Potential Use in the Far North. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2022; 49: 5–22. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.5

Bogachev V.F., Veretennikov N.P. Integration Aspects of Management of the Economy in the Russian Arctic Regions. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2020; 2 (68): 4–12. https://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2020.68.001

Bogdanova M.N. Comparative Characteristics of Competitiveness of the Economies of the Arkhangelsk and Murmansk Regions. *Colloquium-Journal*. 2019; 15–8 (39): 40–42.

Druzhinin P.V., Moroshkina M.V. Development of the Economy of the European North and Evaluation of Its Effects on the Environment. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2018; 4 (60): 71–82. https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.4.2018.60.71-82

Duplenko N.G., Golushko E.A. Regional Asymmetry of Digital Economic Development in the Northwestern Federal District of the Russian Federation. *Region: Economics and Sociology*. 2020; 3 (107): 97–116. https://doi.org/10.15372/REG20200304

Dushkova D.O., Tikunov V.S., Chereshnya O.Yu. Methodology for Assessment of Public Health at the Municipalities Level (A Case Study of Arkhangelsk Oblast). *Geography and Natural Resources*. 2019; 1: 127–136. https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2019-1(127-136)

Guzenko E.A., Chirkov A.Yu. Economic and Statistical Analysis of the Quality of Life and Standard of Living of the Population in the Arkhangelsk Oblast. In: *Science and Education: From Theory to Practice: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference. Part 2.* Ufa,

Aeterna Publ.; 2023: 124–127.

Koryakov A.G., Basalov S.G., Baranov D.N. Modern Trends in the Dynamics of Economic Sectors of the Arkhangelsk Region. *Moscow Economic Journal*. 2017; 2: 19.

Lazhentsev V.N. North-Arctic Specificity of the Subject of Economic Research (Methodological Aspects). *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 57: 64–76. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.64

Litovchenko O.G., ed. *The Russian North: Development Strategies and Prospects: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference*. Surgut, ITs SurGU Publ.; 2016. Vol. III. 256 p. (In Russ.)

Muraev I.G., Sushko O.P. Special Aspects of Using Labor Resources in the Forest Complex of the Arkhangelsk Oblast. *National Interests: Priorities and Security*. 2024; (8) (437): 1518–1537. https://doi.org/10.24891/ni.20.8.1518

Mustafaev A.A., Naydenov N.D., Naydenova T.A. Key Aspects of the Economic Potential Development of the Agro-Industrial Complex of the Northern Regions (Case Study of the Komi Republic). *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2023; 50: 47–65. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.47

Onyakova A.M. State and Prospects for the Development of the Arkhangelsk Region's Mineral Resources. *Colloquium-Journal*. 2019; 17–1(41): 26–28.

Orlov S.N., Zakateev M.A. Sustainable Development of the Oil and Gas Complex Enterprise in the Conditions of Geostrategic Territory. In: *National Ecosystems: A Collection of Scientific Papers Based on the Results of the I–III International Scientific and Practical Conference*. Kurgan, Kurgan State University Publ.; 2023: 675–681.

Pavlenko V.I., Podoplekin A.O. Scientific Component of Russian Policy in the Arctic: The Actual Aspects of Programming and Institutional Support of the Arctic Researches. *Arctic: Ecology and Economy*. 2015; 1 (17): 4–9.

Plastinin A.V., Skvortsov D.A., Sushko O.P. Integral Assessment of the Level of Digitalization of the Region's Economy. In: *Digital Technologies and Institutions for Sustainable Development*. Cham, Springer Nature; 2022: 97–101. https://doi.org/ 10.1007/978-3-031-04289-8_16

Sergeeva K.I., Zakoretskaya O.S. The Role of Small Businesses in the Arkhangelsk Oblast Economy Development. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2016; 12 (459): 153–169.

Serova N.A. The Investment Policy of the Russian Arctic Regions. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2016; 3 (50): 13–20.

Skvortsov D.A., Plastinin A.V., Sushko O.P. *Principles, Methods, and Indicators for Assessing the Level of Digitalization of the Region's Economy (On the example of the Arkhangelsk Oblast)*. Moscow, Pero Publ.; 2022. 154 p. (In Russ.)

Sushko O.P. Labor Potential of the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2014; 16: 72–83.

Sushko O.P., Kaznin A.A., Babkin A.V., Bogdanov D.A. Economic Evaluation of the Information Security Levels Achieved by Electric Energy Providers in North Arctic Region. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2017; 90: 012074. https://doi.org/10.1088/1755-1315/90/1/012074

Sushko O.P., Telegin N.B. The New Economic Crisis: A Regional Projection. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2015; 21: 72–80. https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2015.21.72

Tolstoguzov O.V. Structural Changes in the Economy of the Russian North-West Regions: Institutional Factor. *Baltic Region*. 2022; 14 (1): 56–74. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-4

Tsukerman V.A. Strategy of Innovative Development of the North and the Arctic. In: *Innovation Management — 2013: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Moscow, Novocherkassk, South-Russian State Polytechnic University Publ.; 2013: 57–63.

Tsukerman V.A., Goryachevskaya E.S. Innovation Potential of the Arctic Regions of Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2022; 49: 70–85. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.70

Tuchina I.I. Innovative Processes in the Russian Economy (On the Example of the Arkhangelsk Region). In: *Forecasting Social and Economic Development in New Geopolitical Conditions: Collection of Articles Based on the Results of the International Scientific and Practical Conference*. Kazan, Agentstvo Mezhdunarodnykh Issledovaniy Publ.; 2017: 77–79.

Vasilieva A.S. Research of Basic Macroeconomic Indicator of Arkhangelsk Region. *Vector Economy*. 2021; 1 (55): 13.

Zaikov K.S., Spiridonov A.A., Fadeev A.M. Cooperation between Russia and China in the Arctic Energy

Sector: A Strategic Perspective. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 54: 22–37. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.22

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; принята к публикации 30.04.2025

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 113–137.
Научная статья
УДК [338.26:622](985)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.113

Ключевые особенности декарбонизации нефтегазовых компаний России в условиях освоения месторождений Севера и Арктики

Ромашева Наталья Владимировна [1]✉, кандидат экономических наук, научный сотрудник
Дмитриева Диана Михайловна [2], кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник
Фадеев Алексей Михайлович [3], доктор экономических наук, главный научный сотрудник, профессор
Ордина Анжелика Александровна [4]
Цветкова Антонина Аркадьевна [5], PhD в области управления бизнесом, доцент

[1, 3] Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», ул. Ферсмана, 24а, Апатиты, Россия
[2] Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Россия
[3] Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия
[4] Общество с ограниченной ответственностью «Газпром флот», пр. Московский, 139, к. 1, стр. 1, Санкт-Петербург, Россия
[5] Университетский колледж Молде, Бритвеген 2, 6410, Молде, Норвегия
[1] natasmir84@mail.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3074-5137
[2] d.dmitrieva@gsom.spbu.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4208-4842
[3] FadeevTeam@yandex.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3833-3316
[4] lapina24@mail.ru
[5] antonina.tsvetkova@himolde.no, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6048-8162

Аннотация. Современная экономическая и экологическая повестка формирует комплексные вызовы для предприятий энергетического сектора. В условиях одновременного роста глобального энергопотребления, сохранения доминирующей роли ископаемых источников энергии в энергетическом балансе и ужесточения международных требований в области климатической политики нефтегазовые компании сталкиваются с необходимостью перехода к более устойчивым моделям функционирования. Одним из ключевых направлений такой трансформации выступает декарбонизация. Настоящее исследование направлено на осмысление концепта декарбонизации применительно к специфике российской нефтегазовой отрасли. Выделены четыре доминирующих подхода к интерпретации данного явления и предложена уточнённая дефиниция, адаптированная к условиям функционирования нефтегазовых компаний. Отдельное внимание уделено особенностям российского нефтегазового комплекса, в том числе концентрации производственных мощностей в Арктическом регионе, обладающем высокой чувствительностью к последствиям климатических изменений. На основе анализа эмпирических данных по крупнейшим российским компаниям установлены текущие тенденции в области сокращения выбросов парниковых газов, включая случаи снижения эффективности декарбонизационных мер и, напротив, роста выбросов. В работе систематизированы ключевые внутренние и внешние факторы, влияющие на выбор стратегий

* © Ромашева Н.В., Дмитриева Д.М., Фадеев А.М., Ордина А.А., Цветкова А.А., 2026
Для цитирования: Ромашева Н.В., Дмитриева Д.М., Фадеев А.М., Ордина А.А., Цветкова А.А. Ключевые особенности декарбонизации нефтегазовых компаний России в условиях освоения месторождений Севера и Арктики // Арктика и Север. 2026; 64: 113–137. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.113
For citation: Romasheva N.V., Dmitrieva D.M., Fadeev A.M., Ordina A.A., Tsvetkova A.A. Key Features of Decarbonization in Russia's Oil and Gas Companies in the Context of Northern and Arctic Resource Development. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 113–137. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.113
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

декарбонизации: политико-правовые условия, структура и качество ресурсной базы, степень государственного участия, география активов и динамика выбросов. Выявлено отсутствие чётких целевых ориентиров и нормативных установок по снижению выбросов для нефтегазовых компаний, что приводит к фрагментарности реализуемых стратегий и вариативности в выборе инструментов достижения углеродной нейтральности.

Ключевые слова: *декарбонизация, парниковые газы, климатическая повестка, выбросы CO_2, нефтегазовые компании, концепция, месторождения, Север, Арктика*

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-78-10181 «Декарбонизация нефтегазового комплекса России: концепция, новые интерфейсы, вызовы, технологические и организационно-управленческие трансформации», https://rscf.ru/project/22-78-10181/.

Key Features of Decarbonization in Russia's Oil and Gas Companies in the Context of Northern and Arctic Resource Development

Natalya V. Romasheva [1]✉, Cand. Sci. (Econ.), Researcher
Diana M. Dmitrieva [2], Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Researcher
Alexey M. Fadeev [3], Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Professor
Angelica A. Ordina [4]
Antonina Tsvetkova [5], PhD in Business Administration, Associate Professor

[1, 3] Luzin Institute for Economic Studies – Subdivision of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences", ul. Fersmana, 24a, Apatity, Russia
[2] Saint Petersburg State University, Universitetskaya naberezhnaya, 7/9, Saint Petersburg, Russia
[3] Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, ul. Polytechnicheskaya, 29, Saint Petersburg, Russia
[4] Gazprom Flot LLC, Moskovsky pr., 139, Bldg. 1, Saint Petersburg, Russia
[5] Molde University College – Specialized University in Logistics, Britvegen 2, NO- 6410, Molde, Norway
[1] natasmir84@mail.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3074-5137
[2] d.dmitrieva@gsom.spbu.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4208-4842
[3] FadeevTeam@yandex.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3833-3316
[4] lapina24@mail.ru
[5]antonina.tsvetkova@himolde.no, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6048-8162

Abstract. The current economic and environmental agenda presents complex challenges for enterprises in the energy sector. In the context of simultaneous growth in global energy consumption, the continued dominance of fossil fuels in the energy mix, and increasingly demanding international climate policy requirements, oil and gas companies are compelled to transition toward more sustainable operational models. One of the key directions of such transformation is decarbonization. This study aims to conceptualize decarbonization in relation to the specific characteristics of the Russian oil and gas sector. Four dominant approaches to interpreting this phenomenon are identified, and a refined definition is proposed, adapted to the operational conditions of oil and gas companies. Particular attention is paid to the specific features of the Russian oil and gas industry, including the concentration of production capacity in the Arctic region, which is highly sensitive to the consequences of climate changes. Based on empirical data from major Russian companies, current trends in greenhouse gas emissions reduction are analyzed, including instances of decreased decarbonization efficiency and, conversely, emission growth. The study systematizes the key internal and external factors influencing the choice of decarbonization strategies: the political and legal conditions, the structure and quality of the resource base, the degree of state participation, the geographical distribution of assets, and emission dynamics. It is revealed that there is a lack of unified targets or regulatory guidelines for emission reductions in the oil and gas industry, which leads to fragmentation in the strategies and variability in the selection of instruments for achieving carbon

neutrality. As a result of the study, a conceptual vision of decarbonization for Russian oil and gas companies is developed, encompassing promising development directions and the specific nature of industry transformation under the conditions of Northern and Arctic resource development.
Keywords: *decarbonization, greenhouse gases, climate agenda, CO_2 emissions, oil and gas companies, concept, fields, North, Arctic*

Введение

Новый турбулентный мир создаёт большое количество внешних вызовов для промышленности и бизнеса. Экологические и социальные вопросы формируют для компаний необходимость перестраивания бизнес-моделей, формулирования нового понимания ключевых принципов деятельности. Вопросы влияния сырьевых компаний на окружающую среду в целом и на загрязнение воздуха в частности носят на настоящий момент критический характер. При этом современное технологическое развитие общества обусловливает растущие объёмы энергопотребления, традиционные источники энергии преобладают в энергетическом балансе. В обозримом будущем полный переход на нетрадиционные источники энергии невозможен.

Для нефтегазовых компаний формируются предпосылки к пересмотру их роли и трансформации существующих бизнес-моделей с целью адаптации к внешним вызовам (Саитова, Ильинский, Фадеев, 2022). В связи с актуализировавшейся климатической повесткой в контексте энергетического развития, вопросы снижения выбросов парниковых газов (ПГ) промышленностью обусловили формирование в бизнес-среде концепции декарбонизации (Rissmana и др., 2020).

Нефтегазовые компании по всему миру уже начали активные действия по снижению углеродного следа. При этом наблюдаются некоторые различия: как в применяемых подходах и методах, так и в достигаемых результатах (Cherepovitsyna, Sheveleva, Riadinskaia, 2023). Важно отметить, что российские нефтегазовые компании также предпринимают меры по адаптации к климатической повестке. В частности, устанавливают климатические цели по критериям SMART, часть из которых уже достигнута такими компаниями, как ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Татнефть», ПАО «Газпром» и ПАО «Новатэк». Исследователи отмечают, что российские нефтегазовые компании ответственно берутся за реализацию широкого спектра целей, данные цели реалистичны, следовательно, достижимы в обозримом будущем (Череповицына, Титова, Гусева, 2025).

При исследовании российских нефтегазовых компаний и их воздействия на окружающую среду критическим фактором является то, что значительная часть добычи ведётся на территории Севера и Арктики. Активная разработка минеральных ресурсов в Арктике имеет ряд отличительных особенностей (Gritsenko, Efimova, 2020). В первую очередь регион является стратегически значимым как источник важнейших ресурсов (в том числе нефтегазовых). При этом, несмотря на значительные запасы, добыча в регионе осложнена трудными природно-климатическими и горно-геологическими условиями, определяющими особый режим функционирования промышленных объектов; недостаточно

развитой логистикой и инфраструктурой; уязвимостью экосистем и коренного населения, а также другими факторами. Арктические проекты характеризуются низкой инвестиционной привлекательностью ввиду существенных капитальных затрат и дополнительных затрат при дальнейшей эксплуатации месторождений. При этом Арктический регион является фокусом не только российского внимания, но и мировой общественности в целом[1] (Crépin, Karcher, Gascard, 2017). Экологическая обстановка в регионе обусловливает глобальные изменения, особенно актуальной является проблема выбросов парниковых газов, вызванных как разработкой месторождений, так и таянием льдов (Болдырева, Решетникова, Жеребятьева и др., 2024; Usman, Jahanger, Makhdum et al., 2022; Yamanouchi, Takata, 2020). Из-за своей хрупкой экосистемы Север и Арктика очень уязвимы к экологическим катастрофам (Shijin, Wenli, Qiaoxia, 2023).

Также авторами активно исследуются возможности декарбонизации в Арктическом регионе (Скуфьина, Самарина, Самарин, 2022; Салыгин, Криворотов, 2022), однако исследования, сфокусированные на изучении процессов и природы декарбонизации российских нефтегазовых компаний в условиях эксплуатации месторождений в районах Крайнего Севера, представлены недостаточно, поэтому данный вопрос является крайне актуальным.

Особые логистические и инфраструктурные условия Арктики требуют переосмысления подходов к декарбонизации нефтегазового комплекса. Как показывают недавние исследования, устойчивость арктических поставочных экосистем обеспечивается за счёт высокой степени взаимозависимости между человеческими, техническими и природными компонентами, что требует адаптивного и системного подхода (Tsvetkova, Gammelgaard, 2025). При этом примеры внедрения проектов по улавливанию, транспортировке и хранению углерода (CCS) на норвежском шельфе демонстрируют то, насколько тесно новые зелёные технологии связаны с унаследованными от предыдущих поколений инфраструктурой, логистикой и управленческими практиками (Tsvetkova, Middleton, 2023). Эти особенности подчёркивают необходимость комплексной оценки как технологических, так и социально-экологических факторов в процессах декарбонизации в Арктике.

Несмотря на то, что декарбонизация на данный момент имеет одно из ключевых значений в рамках вклада компаний в снижение воздействия на окружающую среду, в литературе формируются различные подходы к пониманию её природы.

[1] Middleton A. Security and Economic Development: the US National Strategy for the Arctic Region 2022. URL: https://www.highnorthnews.com/en/security-and-economic-development-us-national-strategy-arctic-region-2022 (дата обращения: 26.01.2025).

Таблица 1

Подходы к определению понятия «декарбонизация»[2]

Автор	Определение / подход к понятию
Декарбонизация как процесс снижения углеродоёмкости	
Американский учёный-эколог Д.Х. Аусубел, 1995	Технологическая траектория снижения углеродоёмкости первичной энергии, измеряемой в тоннах углерода, образующегося на киловатт электроэнергии в год
МГЭИК, 1996	Процесс обезуглероживания дымовых газов и топлива, хранение CO_2
Профессор университета Центральной Флориды Н. Мурадов, 2014	Эволюционная тенденция снижения углеродной интенсивности первичной энергии
МГЭИК, 2018	Процесс, посредством которого страны или другие субъекты стремятся создать экономику с низкими выбросами углерода или посредством которого стремятся снизить потребление углерода
Транспортная стратегия РФ, 2022[3]	Снижение углеродной ёмкости
Декарбонизация как конечное состояние системы	
M. Fay, S. Hallegatte, A. Vogt-Schilb и др., 2015	Отсутствие каких-либо выбросов ПГ
E. Biber, N. Kelsey, J.O. Meckling, 2016	Потенциальная ликвидация выбросов углекислого газа в результате хозяйственной деятельности человека
Декарбонизация как этап энергетического перехода	
Международное агентство по возобновляемым источникам энергии IRENA, 2016	Этап энергетического перехода посредством внедрения передовых технологий использования ВИЭ и электрификации
Ю. Данеева, А. Глебов, О. Данеев и др., 2020	Процесс трансформации энергетического сектора путём перехода к ВИЭ и замены традиционных источников энергии с целью значительного сокращения выбросов CO_2 и их потенциально полного устранения в долгосрочной перспективе
ЦБ РФ, 2021	Технологический переход энергетики от генерации на основе углеводородного сырья и других видов топлива к безуглеродным энергоресурсам и энергоресурсам с низким уровнем выбросов ПГ
Декарбонизация как система методов и способов снижения выбросов ПГ	
М.А. Лебедева, 2022	Система технико-экономических отношений, которая обеспечивает снижение углеродного следа без замедления темпов социально-экономического развития
ЦБ РФ, 2023	Меры по снижению массы выбросов ПГ в атмосферу (переход на альтернативные источники энергии, повышение энергоэффективности, улавливание и захоронение углекислого газа и иные способы снижения массы выбросов)

В ходе анализа определений понятия «декарбонизация» было выделено 4 наиболее часто встречающихся подхода, представленных в табл. 1:

- декарбонизация как процесс снижения углеродоёмкости;
- декарбонизация как конечное состояние системы;
- декарбонизация как этап энергетического перехода;
- декарбонизация как система методов и способов снижения выбросов ПГ.

В рамках исследования предлагается уточнение понятия декарбонизации как

[2] Источник: составлено автором на основе (Дмитриева, Скобелев, 2023; Лебедева, 2022; Daneeva, Glebova, Daneev et al., 2020; Biber, Kelsey, Meckling, 2017; Fay, Hallegatte, Vogt-Schilb et al., 2015; Watson, Zinyowera, Moss et al., 1996; Ausubel, 1995).

[3] Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р. URL: https://docs.cntd.ru/document/727294161 (дата обращения: 07.04.2024).

комплекса мероприятий, направленного на достижение и дальнейшее поддержание углеродной нейтральности без снижения темпов социального и экономического развития, а также ведущего к структурным изменениям производственных процессов и моделей оперативного и стратегического управления хозяйственной деятельностью путём применения доступных технологий и методов снижения углеродоёмкости и поглощения выбросов ПГ. В этом случае декарбонизация нефтегазовых компаний представляет собой внедрение на предприятиях российского нефтегазового комплекса мероприятий по снижению выбросов ПГ (в том числе поглощению) путём применения доступных технологий и моделей оперативного и стратегического управления без снижения темпов социально-экономического развития.

Исследования показывают, что на настоящий момент ключевыми вариантами декарбонизации являются[4,5] (Кузнецова, Рядинская, Череповицына, 2023): увеличение доли газа в портфеле добычи, сокращение добычи нефти, переход на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) и низкоуглеродистые виды топлива, повышение энергоэффективности, рациональное использование попутного нефтяного газа (ПНГ), внедрение систем улавливания, утилизации и хранения углерода (CC(U)S). При этом отмечается, что масштаб и разнообразие используемых вариантов, а также темпы и степень принимаемых решений по декарбонизации различаются в рамках компаний и зависят от нескольких факторов (Ильинский, Калинина, Хасанов, Афанасьев, Саитова, 2022). Государственные регулирующие органы, инвесторы, кредитные учреждения, экологические организации и общество в целом оказывают значительное давление на нефтегазовые компании, требуя отказаться от инвестиций в традиционные операции и сократить свой углеродный след как в производственном процессе, так и в использовании своей продукции. Поскольку факторы устойчивого развития оказывают наибольшее влияние на стратегический выбор компаний, некоторые авторы предполагают, что законодательство и климатическая политика являются определяющими.

Как уже было отмечено, российские нефтегазовые компании стремятся к снижению воздействия на окружающую среду в целом и снижению выбросов CO_2 в атмосферу, в связи с чем целью настоящего исследования является выявление основных тенденций и определение концептуального видения декарбонизации нефтегазовых компаний России в условиях освоения месторождений Севера и Арктики с учётом влияния внутренних и внешних факторов. Основными задачами являются ответы на следующие вопросы: каким образом внутренние и внешние факторы формируют декарбонизационную повестку

[4] de Pee A., Pinner D., Roelofsen O., Somers K., Speelman E., Witteveen M. Decarbonization of Industrial Sectors: The next Frontier / McKinsey&Company. 2018. URL: https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/decarbonization-of-industrial-sectors-the-next-frontier (дата обращения: 23.03.2025).

[5] Beck C., Rashidbeigi S., Roelofsen O., Speelman E. The Future Is Now: How Oil and Gas Companies Can Decarbonize / McKinsey&Company. 2020. URL: https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/the-future-is-now-how-oil-and-gas-companies-can-decarbonize#/ (дата обращения: 23.03.2025).

нефтегазовых компаний в России сегодня, а также в каком направлении целесообразно осуществлять декарбонизацию в будущем.

Методы и материалы исследования

Основой исследования являются данные о российских нефтегазовых компаниях, полученные из открытых источников: годовые отчёты компаний, отчёты об устойчивом развитии, климатические отчёты, информация аналитических агентств, официальных государственных источников и др. В рамках исследования применялся глубокий контент-анализ.

На первом этапе исследования были определены особенности российской нефтегазовой отрасли. Для этого использовались данные независимого объединения Climate TRACE, Российского статистического ежегодника Росстата, Министерства энергетики, официальные Интернет-новости. Результаты представлены в виде обобщения информации и рис. 1.

На следующем этапе исследования на основе контент-анализа официальных сайтов, годовых отчётов и отчётов об устойчивом развитии нефтегазовых компаний России были определены ключевые направления декарбонизации, применяемые компаниями, используя модель, представленную в табл. 2.

Таблица 2

Модель анализа применяемых направлений декарбонизации

Компания / направления декарбонизации	Энергосбережение и энергоэффективность	Полезное использование ПНГ*	Сокращение выбросов метана	Использование ВИЭ**	Применение технологий CC(U)S***	Использование / производство низкоуглеродных видов топлива
Наименование компании						
…..						
Наименование компании						

* попутный нефтяной газ
** возобновляемые источники энергии
*** улавливание, использование, захоронение углекислого газа

На следующем этапе исследования были определены внешние и внутренние факторы, которые формируют основные тенденции декарбонизации российских нефтегазовых компаний.

Для определения факторов, формирующих основные тенденции декарбонизации российских нефтегазовых компаний, авторы использовали результаты предыдущих исследований, а также контент-анализ научных статей. В качестве запросов использовались

следующие фразы: «направления декарбонизации», «пути декарбонизации», «способы декарбонизации». Методы анализа, синтеза, декомпозиции и группировки применялись для систематизации и интерпретации данных.

Для исследования влияния внешних факторов была применена модель PEST-анализа. Выявленные факторы проанализированы по группам: политико-правовые, экономические, технологические, социокультурные.

Материалами исследования для анализа внешних факторов являются:

- нормативно-правовые акты, формирующие примерные целевые показатели по снижению выбросов в России, налоговое, экологическое законодательство, а также другие нормативно-правовые документы;
- научные статьи российских и международных исследователей, опубликованные в высокорейтинговых журналах.

Далее авторами был применён контент-анализ официальных сайтов, годовых отчётов и отчётов об устойчивом развитии нефтегазовых компаний России для исследования внутренних факторов, используя модель, представленную в табл. 3.

Таблица 3

Модель анализа факторов внутренней среды

Компания / показатель	Объём запасов УВ	Структура запасов УВ	Преобладание ТРИЗ*ов	География активов	Государственное участие	Динамика выбросов ПГ
Наименование компании						
…..						
Наименование компании						

Выборка компаний

Для проведения исследования были отобраны российские компании, относящиеся к нефтегазовой отрасли, согласно следующему алгоритму (табл. 4):

1. Присутствие в рейтинге 100 крупнейших компаний России по чистой прибыли — 2023, 2024 (Рейтинг Forbes)[6,7], организационно-правовая форма — ПАО. Авторы исходят из предположения, что масштабность деятельности, наличие значительных объёмов чистой

[6] 100 крупнейших компаний России по чистой прибыли — 2024. Рейтинг Forbes. URL: https://www.forbes.ru/biznes/497814-100-krupnejsih-kompanij-rossii-po-cistoj-pribyli-2023-rejting-forbes (дата обращения: 21.01.2025).

[7] 100 крупнейших компаний России по чистой прибыли — 2023. Рейтинг Forbes. URL: https://www.forbes.ru/biznes/497814-100-krupnejsih-kompanij-rossii-po-cistoj-pribyli-2023-rejting-forbes (дата обращения: 21.01.2025).

прибыли позволяют компаниям реализовывать разные мероприятия по декарбонизации в случае наличия таких целей.

2. Наличие в открытом доступе (официальные сайты компаний) отчётности (годовых отчётов, отчётов об устойчивом развитии (отчёт о социальной деятельности), ESG-справочников и т. д.), содержащей сведения об организационных особенностях, объёмах выбросов по сферам охвата, принимаемых декарбонизационных мерах и др.

3. Расположение добычных и / или перерабатывающих активов в районах Севера и Арктики.

Синтез предварительного сравнения компаний приведён в табл. 4.

Таблица 4

Выборка нефтегазовых компаний[8]

	Название компании	Чистая прибыль (млрд руб.)		Наличие отчётности	Расположение большого количества активов в районах Севера и Арктики
		2022	2023		
1	ПАО «Газпром»	1 311,6	-*	Да	Да
2	ОАО «Ямал СПГ»	840,2	-*	Нет	Да
3	ПАО «НК «Роснефть»	813	1 529	Да	Да
4	ПАО «Сургутнефтегаз»	320,6	1 322,1	Нет	Да
5	ПАО «Лукойл»	790,1	1 160,3	Да	Да
6	ПАО «Новатэк»	640,4	469,5	Да	Да
7	ООО «Сахалинская энергия»	283,9	315,3	Да	Да
8	ПАО «Татнефть»	284,9	286,3	Да	Нет
9	ООО «Иркутская нефтяная компания»	100,7	139,1	Нет	Да
10	АО «Арктикгаз»	102	104,3	Нет (нет официального сайта)	Да

* нет данных или убыток

Таким образом, в итоговую выборку для исследования отобраны следующие 4 компании: ПАО «Газпром», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Лукойл», ПАО «Новатэк».

На заключительном этапе исследования представлено концептуальное видение процесса декарбонизации российских нефтегазовых компаний.

[8] Источник: составлено авторами на основе: 100 крупнейших компаний России по чистой прибыли — 2024. Рейтинг Forbes. URL: https://www.forbes.ru/biznes/497814-100-krupnejsih-kompanij-rossii-po-cistoj-pribyli-2023-rejting-forbes (дата обращения: 21.01.2025); 100 крупнейших компаний России по чистой прибыли — 2023. Рейтинг Forbes. URL: https://www.forbes.ru/biznes/497814-100-krupnejsih-kompanij-rossii-po-cistoj-pribyli-2023-rejting-forbes (дата обращения: 21.01.2025); Официальный сайт компании ПАО «Газпром». URL: https://www.gazprom.ru/ (дата обращения: 20.02.2025); Официальный сайт компании ОАО «Ямал СПГ». URL: http://yamallng.ru/ (дата обращения: 20.02.2025); Официальный сайт компании ПАО «НК «Роснефть». URL: https://www.rosneft.ru/ (дата обращения: 20.02.2025); Официальный сайт компании ПАО «Сургутнефтегаз». URL: https://www.surgutneftegas.ru/ (дата обращения: 20.02.2025); Официальный сайт компании ПАО «Лукойл». URL: https://lukoil.ru/ (дата обращения: 20.02.2025); Официальный сайт компании ПАО «Новатэк». URL: https://www.novatek.ru/ (дата обращения: 20.02.2025); Официальный сайт компании ООО «Сахалинская энергия». URL: https://www.sakhalinenergy.ru/ru/ (дата обращения: 20.02.2025); Официальный сайт компании ПАО «Татнефть». URL: https://www.tatneft.ru/ (дата обращения: 20.02.2025); Официальный сайт компании ООО «Иркутская нефтяная компания». URL: https://irkutskoil.ru/ (дата обращения: 20.02.2025).

Результаты

Особенности российской нефтегазовой отрасли

Нефтегазовая отрасль — ключевой сектор российской экономики, формирующий от 35% федерального бюджета и занимающий от 15% в структуре ВВП (валового внутреннего продукта). В России доля выбросов ПГ (парниковых газов) от энергетического сектора в 2023 г. составляла 79,2% от суммарных выбросов ПГ, из которых более 70% выбросов принадлежит нефтегазовому сектору (рис. 1)[9,10,11,12,13,14].

Динамика выбросов за 1990–2023 гг. по видам топлива в РФ подтверждает как отсутствие значимого снижения выбросов ПГ с 1997 г., так и отсутствие структурного изменения выбросов между различными источниками топлива (рис. 1).

По данным независимого объединения Climate TRACE[15], отслеживающего с 2021 г. выбросы ПГ по всей планете с помощью технологий искусственного интеллекта и спутниковых данных, в России основными объектами нефтегазового комплекса (НГК), производящими превалирующее количество выбросов ПГ, являются объекты транспорта и добычи нефти и газа (более 42 объектов с общим количеством выбросов ПГ 1 129,9 млн т в 2024 г.) и объекты нефтепереработки (38 объектов с общим количеством выбросов ПГ 64,3 млн т в 2024 г.). В ходе постоянного мониторинга и анализа данных о выбросах в нефтегазовой отрасли разработчики Climate TRACE сделали вывод о том, что компании НГК занижают фактическое количество выбросов ПГ в своих годовых отчётах примерно на 70% по всей отрасли.

[9] Национальный доклад о кадастре антропогенных выбросов парниковых газов из источников и их абсорбции поглотителями за 1990–2023 гг., 2025 (422 с.). URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/RUS_NIR_2025_v1_rev_2025-04-18.pdf (дата обращения: 10.02.2025).
[10] Enerdata: статистика по глобальному энергетическому переходу. URL: https://energystats.enerdata.net/ (дата обращения: 10.10.2024).
[11] Федеральная служба государственной статистики Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 09.04.2024).
[12] Международное энергетическое агентство. URL: https://www.iea.org/ (дата обращения: 09.04.2024).
[13] Climate Trace: Greenhouse Gas Emissions Map. URL: https://climatetrace.org/ (дата обращения: 25.04.2024).
[14] Реестр углеродных единиц. URL: https://carbonreg.ru/ru/projects/ (дата обращения: 25.04.2024).
[15] Climate Trace: Greenhouse Gas Emissions Map. URL: https://climatetrace.org/ (дата обращения: 25.04.2024).

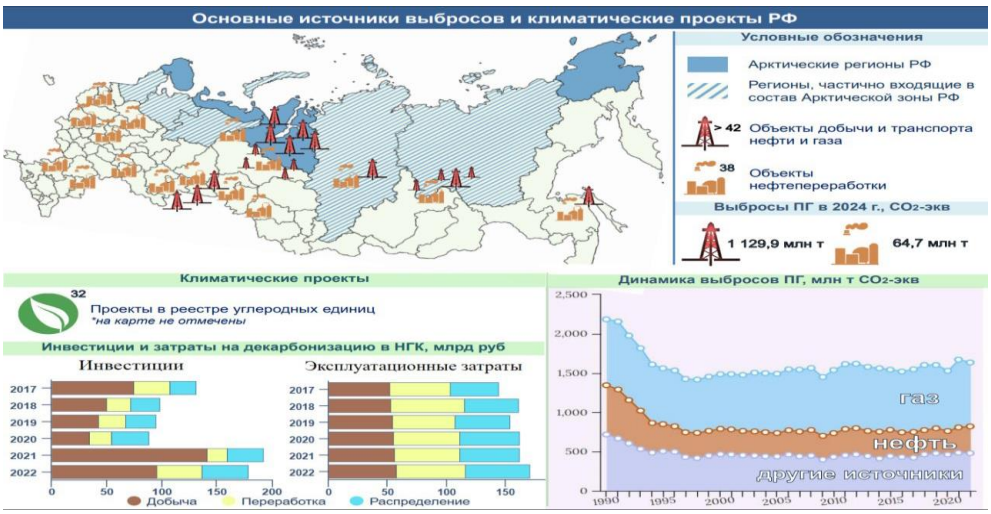

Рис. 1. Динамика, источники выбросов, затраты на декарбонизацию в нефтегазовом комплексе России[16].

При этом большинство объектов добычи и транспортировки нефти и газа, крупнейших источников выбросов по данным Climate TRACE, сосредоточено в Арктическом регионе России, наиболее восприимчивом к процессам изменения климата. На карте на рис. 1 видно, что большинство объектов НГК находятся в Сибирском, Уральском и Приволжском федеральных округах, на долю которых приходится наибольшее количество выбросов ПГ по России[17].

На рис. 1 приведена динамика инвестиций и эксплуатационных затрат в нефтегазовом секторе в области декарбонизации по данным Российского статистического ежегодника Росстата за 2018–2023 гг. В 2022 г. в структуре инвестиций наибольшая доля приходилась на мероприятия по охране окружающей среды и рациональное использование ресурсов (47,5%), на мероприятия по охране атмосферного воздуха (27,7%) и на мероприятия по рациональному использованию водных ресурсов (15,2%). В структуре эксплуатационных затрат на мероприятия по охране окружающей среды, сбор и очистку сточных вод приходится 80,3%, а на мероприятия по охране атмосферного воздуха и предотвращению изменения климата — 12,2%. Так, ежегодно на мероприятия по декарбонизации НГК приходится около 250 млрд руб. Положительной динамики по эксплуатационным затратам не наблюдается, но с 2021 г. заметно повышение уровня инвестиций в секторе добычи нефти и газа, что может быть связано с увеличением количества выбросов в 2021–2022 г. по сравнению с предыдущими годами, требующим принятия соответствующих мер по их

[16] Источник: составлено авторами на основе: Федеральная служба государственной статистики Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 09.04.2024); Climate Trace: Greenhouse Gas Emissions Map. URL: https://climatetrace.org/ (дата обращения: 25.04.2024); Реестр углеродных единиц. URL: https://carbonreg.ru/ru/projects/ (дата обращения: 25.04.2024); Международное энергетическое агентство. URL: https://www.iea.org/ (дата обращения: 09.04.2024); Global CCS Institute. URL: https://co2re.co/FacilityData (дата обращения: 25.04.2024).

[17] Федеральная служба государственной статистики Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 09.04.2024).

снижению и ликвидации причинённого ущерба[18].

Исследование, выполненное в работе (Шевелева, Череповицына, Данилин, 2024), показало, что большинство российских нефтегазовых компаний ставит конкретные цели по снижению выбросов ПГ в среднесрочной и долгосрочной перспективе и движется к ним планируемыми темпами. Однако в результате анализа динамики выбросов ПГ рассматриваемых в данной работе компаний (табл. 5) наблюдаются: колебания, снижение темпов сокращения выбросов, а в некоторых случаях — рост выбросов ПГ.

Таблица 5

Динамика выбросов парниковых газов в российских нефтегазовых компаниях[19]

Показатель	Выбросы ПГ всего (сфера охвата 1+2) млн т CO_2-экв.			Выбросы ПГ всего (сфера охвата 2) млн т CO_2-экв.		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Группа Газпром	243,28	213,53	209,55	13,80	11,11	11,33
ПАО «Газпром»	119,87	91,02	85,06	6,08	4,02	4,17
Добыча	17,95	15,63	14,12	0,35	0,31	0,34
Транспортировка	93,09	66,03	60,10	3,33	1,84	1,90
ПАО «НК «Роснефть»	54,20	55,80	62,47	18,50	16,10	14,68
ПАО «Лукойл»	36,38	41,22	36,89	5,10	5,68	4,92
ПАО «Новатэк»	9,90	9,76	8,50	0,27	0,31	0,30

В связи с этим для исследования представляется интересным то, какие именно направления декарбонизации реализуют российские нефтегазовые компании в текущих условиях. Основные из них представлены в табл. 6. Материалами исследования являются официальные сайты, годовые отчёты и отчёты об устойчивом развитии нефтегазовых компаний России.

Таблица 6

Основные направления декарбонизации российских нефтегазовых компаний[20]

Направление декарбонизации / компания	ПАО «Газпром»	ПАО «НК «Роснефть»	ПАО «Лукойл»	ПАО «Новатэк»
Энергосбережение и энергоэффективность	Долгосрочная стратегия и программа в области	Программа энергосбережения и повышения энергоэффективно	Программа энергосбережения и повышения энергетической	Комплексная программа энергосберегающих

[18] Федеральная служба государственной статистики Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 09.04.2024).

[19] Источник: составлено авторами на основе: Отчёт о социальной деятельности 2023 / ПАО «Газпром». URL: https://www.gazprom.ru/sustainability/ (дата обращения: 10.02.2025); Отчёт в области устойчивого развития за 2023 год / ПАО «НК «Роснефть». URL: https://www.rosneft.ru/Development/reports/ (дата обращения: 10.02.2025); Отчёт об устойчивом развитии Группы «ЛУКОЙЛ» 2023 / ПАО «Лукойл». URL: https://lukoil.ru/Sustainability/SustainabilityReport (дата обращения: 10.02.2025); Отчёт об устойчивом развитии 2023 / ПАО «Новатэк». URL: https://www.novatek.ru/ru/esg/ (дата обращения: 10.02.2025).

[20] Источник: составлено авторами на основе: Официальный сайт компании ПАО «Газпром». URL: https://www.gazprom.ru/ (дата обращения: 10.02.2025); Официальный сайт компании ПАО «НК «Роснефть». URL: https://www.rosneft.ru/ (дата обращения: 10.02.2025); Официальный сайт компании ПАО «Лукойл». URL: https://lukoil.ru/ (дата обращения: 10.02.2025); Официальный сайт компании ПАО «Новатэк». URL: https://www.novatek.ru/ (дата обращения: 10.02.2025); Отчёт о социальной деятельности 2023 / ПАО «Газпром». URL: https://www.gazprom.ru/sustainability/ (дата обращения: 10.02.2025); Отчёт в области устойчивого развития за 2023 год / ПАО «НК «Роснефть». URL: https://www.rosneft.ru/Development/reports/ (дата обращения: 10.02.2025); Отчёт об устойчивом развитии Группы «ЛУКОЙЛ» 2023 / ПАО «Лукойл». URL: https://lukoil.ru/Sustainability/SustainabilityReport (дата обращения: 10.02.2025); Отчёт об устойчивом развитии 2023 / ПАО «Новатэк». URL: https://www.novatek.ru/ru/esg/ (дата обращения: 10.02.2025).

	энергосбережения и повышения энергетической эффективности	сти	эффективности	мероприятий
Полезное использование ПНГ	Не менее 95% Переработка, генерация тепловой и электроэнергии для обеспечения собственных нужд, закачка ПНГ в газовую шапку	К 2030 г. — 100% Обратная закачка ПНГ в пласт, хранение	К 2030 г. — 100% Строительство и реконструкция объектов по подготовке, транспортировке и переработке газа	К 2030 г. — 99% Отправка ПНГ в магистральную сеть и закачка в пласт
Сокращение выбросов метана	8% сокращение выбросов метана за счёт ресурсосберегающих мероприятий	Сокращение до значения менее 0,2%. Участник глобальной инициативы нефтегазового сектора «Руководящие принципы по выбросам метана»	Обеспечение около нулевого уровня выбросов метана при добыче нефти и газа к 2030 г.	Сокращение выбросов метана на 4% к 2030 г. Участник глобальной инициативы нефтегазового сектора «Руководящие принципы по выбросам метана»
Использование ВИЭ	Строительство нескольких ветропарков. Реализация проектов по строительству солнечных электростанций, в том числе для электроснабжения собственных объектов. Имеется опыт работы с геотермальными ресурсами и рассматривается возможность развития этого направления	Эксплуатация ветро-солнечных электростанций. Рассматривается возможность строительства ветропарков для обеспечения собственных нужд электроэнергией. Изучаются перспективы использования солнечных электростанций для энергоснабжения своих объектов. Участие в проектах по переработке биомассы в энергию	Строительство СЭС малой мощности для собственных нужд на производственных объектах (АЗС и нефтебазах, на свободных площадях НПЗ и энергетических станциях). Основными активами в ветроэнергетике в России являются Кольская и Азовская ВЭС. Всего 4 ГЭС, 1 малая ГЭС, 22 СЭС	Установка ВИЭ на пунктах телемеханики в удалённых от общей инфраструктуры районах. Реализация комплекса работ по проекту ВЭС на п-ве Ямал. Проработка проекта строительства ветропарка на п-ве Гыдан. Закупка энергии из ВИЭ для собственных нужд. 2% ВИЭ в объёме потребляемой энергии
Применение технологий CC(U)S	Изучается возможность применения технологий	Изучается возможность применения технологий	Разработка и внедрение технологии закачки CO_2 «Huff and Puff». Проект направлен на интенсификацию добычи и повышение нефтеотдачи пластов	Проработаны проекты долгосрочного подземного хранения CO_2 на п-вах Ямал и Гыдан
Использование / производство низкоуглеродных видов топлива	Реализация проектов по созданию конкурентоспособных технологий	Совершенствование разработки и производства высокотехнологичных видов	Реализация различных проектов по производству низкоуглеродног	Получены российские патенты на крупнотоннажные технологии

	в сфере водородной энергетики. Переход собственного транспорта на ГМТ	нефтепродуктов и топлива. Постепенный переход собственного транспорта на низкоуглеродные виды	о топлива (биодизель; Teboil Green+). Проработка проектов получения нейтрального водорода	производства низкоуглеродного аммиака. Патент на крекинг аммиака с получением чистого водорода
Другие (газомоторное топливо (ГМТ) — компримированный природный газ, сжиженный природный газ (СПГ), малосернистое судовое топливо, моторные масла, смазочные материалы)	Расширение использования природного газа в качестве ГМТ. Реализация проектов по ускоренному развитию газозаправочной сети	Розничная реализация компримированного природного газа, увеличение газозаправочной сети экологичного газомоторного топлива. Производство высокоэкологичного судового топлива с содержанием серы не более 0,1%. Производство моторных масел с низкой сульфатной зольностью	Развитие производства СУГ (сжиженный углеводородный газ). Развитие розничной реализации СУГ в качестве газомоторного топлива (127 АЗС). Производство низкосернистого топлива с содержанием серы не более 0,5%. Развитие производства энергоэффективных смазочных материалов	Наращивание объёмов реализации СПГ на внутреннем рынке, 14 СПГ заправок, расширение сети криоАЗС

Декарбонизация нефтегазовых компаний в России в современных условиях: влияние внешних и внутренних факторов

Декарбонизация российских нефтегазовых компаний осуществляется под влиянием внешних и внутренних факторов. Несмотря на обострение геополитической обстановки, кардинальных изменений в политике декарбонизации не происходит, так как подавляющее большинство стран, в том числе Россия, уже ратифицировали Парижское соглашение и закрепили свои климатические цели на законодательном уровне. Эти обязательства стали частью долгосрочной экономической стратегии: государства включили целевые показатели по снижению выбросов в национальные планы развития, энергетические программы и инвестиционные приоритеты.

На основе контент-анализа научной литературы, а также исследования (Romasheva N., Cherepovitsyna A., 2023) определены и проанализированы актуальные факторы, которые формируют стратегии декарбонизации российских нефтегазовых компаний.

К внешним факторам декарбонизации авторы относят условия, находящиеся вне контроля отдельных компаний, но оказывающие значительное влияние на их усилия по снижению выбросов ПГ. Для представления результатов анализа внешних факторов использована модель PEST-анализа (табл. 7).

Политико-правовые факторы декарбонизации в России — это совокупность государственных решений, нормативных актов и политических установок, влияющих на процесс сокращения выбросов ПГ и переход к низкоуглеродной экономике. Эти факторы

формируют стимулы и ограничения для бизнеса, населения и других заинтересованных сторон, определяя скорость и направление декарбонизации, и являются, по мнению авторов, основополагающими.

В России механизм нормативно-правового и углеродного регулирования выбросов ПГ только зарождается, что, с одной стороны, является недостатком, а с другой — даёт возможность перенять и адаптировать лучшие практики стран, обладающих соответствующей нормативно-правовой базой. Основополагающим документом в нормативно-правовом регулировании выбросов ПГ является закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» 2021 г. Государственный учёт выбросов ПГ осуществляется в форме кадастра ПГ и реестра выбросов ПГ. Субъекты РФ могут вводить экспериментальные системы регулирования выбросов ПГ на основе закона «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» 2022 г.

Таблица 7

Внешние факторы, способствующие декарбонизации российских нефтегазовых компаний[21]

Фактор	Сущность фактора	Интерпретация факторов для российских нефтегазовых компаний
1. Политико-правовые факторы		
1.1 Международные договоры и соглашения, в том числе Парижское соглашение по климату	Регулируют сотрудничество стран по вопросам изменения климата и адаптации к его последствиям, являются общей предпосылкой для декарбонизации	Россия ратифицировала Парижское соглашение по климату 4 октября 2019 г. В рамках своих обязательств Россия заявила о намерении сократить выбросы парниковых газов на 30% к 2030 г. по сравнению с уровнем 1990 г. Однако реализация этих обязательств и конкретные меры по достижению целей остаются предметом обсуждения
1.2 Наличие сформированной климатической политики	Отражает позицию государства, служит ориентиром для промышленных компаний при разработке стратегии декарбонизации	Климатическая политика России основана на Климатической доктрине, приоритетной задачей является достижение баланса между выбросами ПГ и их поглощением к 2060 г. Ключевые направления — разработка и реализация мер по адаптации к изменяющемуся климату, а также создание регуляторных и экономических механизмов для предотвращения выбросов ПГ. Климатическая политика России является предметом критики в части неочевидности избранных приоритетов
1.3 Наличие развитой и согласованной нормативно-правовой базы в области достижения углеродной нейтральности	Включает законы, подзаконные акты, стратегии и стандарты, направленные на сокращение выбросов ПГ, формирует институциональные рамки деятельности по	Нормативно-правовая база в области достижения углеродной нейтральности в России продолжает развиваться, содержания некоторых документов противоречат друг другу в части разрозненности целей и инструментов, многие аспекты регулирования ещё

[21] Источник: составлено авторами с использованием: Мастепанов А. Россия на пути к достижению углеродной нейтральности // Энергетическая политика. 2022; 1: 94–103. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-na-puti-k-uglerodnoy-neytralnosti (дата обращения: 15.04.2025); Romasheva, Cherepovitsyna, 2023; Решетников, 2023; Веселова, 2021.

(стратегические документы и законодательство)	декарбонизации	находятся в стадии разработки. Ожидается, что в ближайшие годы будет принято множество новых нормативных актов
1.4 Использование разнообразных фискальных инструментов	Включает углеродный налог, углеродные рынки / системы торговли выбросами (СТВ), налоги на традиционные энергоносители, стимулирует снижение выбросов ПГ	Налоги на энергоносители не являются в России инструментами снижения выбросов. Углеродный налог в России отсутствует, однако дискуссии о его введении ведутся. Пилотный проект СТВ реализуется в России на Сахалине. Система стимулирует компании к снижению выбросов и поиску инновационных решений. Предполагается использование СТВ в дальнейшем в других регионах России
1.5 Введение трансграничного углеродного регулирования (ТУР)	Реализуется в форме взимания дополнительных платежей в отношении импортной продукции исходя из уровня её углеродоёмкости, влияет на активность компаний в области декарбонизации	Введение ТУР со стороны различных государств в отношении России обсуждается и может оказать значительное влияние на экономику; рассматриваются различные меры реагирования на введение ТУР
1.6 Применение налоговых, тарифных и штрафных стимулов	Включает снижение налога на прибыль, ускоренную амортизацию, инвестиционные налоговые кредиты, снижение или освобождение от налога на имущество, налоговые субсидии, льготные тарифы, штрафы за превышение предельно допустимых норм, что стимулирует компании к применению конкретных мер декарбонизации	В России предусмотрен комплекс мер, в основном направленных на стимулирование снижения выбросов ПГ за счёт использования ВИЭ, внедрения мероприятий по энергоэффективности, увеличения полезного использования ПНГ. К данным мерам относятся: • налоговые кредиты и субсидии для лиц, использующих ВИЭ; • снижение или освобождение от транспортного налога, льготные тарифы на электроэнергию, налоговые вычеты для владельцев электромобилей; • налоговые вычеты на энергоаудит, льготы, субсидии, гранты на приобретение энергоэффективного оборудования; • штрафы за сжигание ПНГ; • стимулирование со стороны государства развития рынка зелёных облигаций, а также другие меры. С развитием законодательства происходит расширение комплекса мер
1.7 Осуществление государственной поддержки	Заключается в предоставлении субсидий, грантов, стимулировании выпуска зелёных облигаций, способствует принятию решений о направлениях декарбонизации	
2. Экономические факторы		
2.1 Рост цен на CO_2	Определяет степень заинтересованности компании в деятельности по декарбонизации (чем выше цена, тем выгоднее для компании)	Влияние роста цен на углерод на Россию будет зависеть от множества факторов, включая скорость и масштабы введения углеродного регулирования в мире, а также от развития адаптационной и климатической политики российского правительства и бизнеса
2.2 Реализация программ льготного кредитования проектов декарбонизации	Определяет возможность получения кредитов на более выгодных условиях (низкие процентные ставки, длительные сроки погашения, льготные периоды или частичное покрытие рисков), повышает эффективность	В России программы льготного кредитования, направленные на снижение выбросов ПГ, находятся на стадии развития. Ряд крупных банков предлагает специальные кредитные продукты для финансирования экологических проектов

	деятельности по декарбонизации	
2.3 Отказ финансовых институтов от кредитования углеродоёмких компаний	Проявляется в полном прекращении финансирования углеродоёмких проектов компаний, стимулирует реализацию различных направлений декарбонизации	В России нет ограничений по финансированию углеродоёмких компаний и проектов
3. Технологические факторы		
3.1 Зрелость ряда технологий декарбонизации	Определяет уровень готовности технологий, направленных на снижение выбросов ПГ, к широкому применению различными компаниями, обусловливает масштабы развития конкретных направлений декарбонизации в разных странах	Ориентация России на развитие традиционных технологий снижения выбросов, таких как энергосбережение и повышение энергоэффективности, сокращение сжигания ПНГ, обусловливает направленность российских компаний на масштабное использование данных мер
4. Социокультурные факторы		
4.1 Движение за экологизацию НГК	Заключается в давлении заинтересованных сторон на деятельность компаний в области снижения выбросов ПГ, приводит к пересмотру текущей стратегии компании в сторону декарбонизации	Экологическое движение в России набирает силу, многие выражают свою обеспокоенность экологическими проблемами, связанными с нефтегазовой отраслью. В обществе активно обсуждается необходимость диверсификации экономики и снижения зависимости от экспорта нефти и газа. В будущем можно ожидать усиления экологического движения
4.2 Интерес и положительное отношение общества к различным направлениям декарбонизации	Заключаются в поддержке и понимании обществом необходимости внедрения новых технологий и изменения привычного образа жизни, играют критически важную роль в успехе различных направлений декарбонизации	Наблюдается растущий интерес к ВИЭ и энергоэффективным технологиям в России, что свидетельствует о стремлении к снижению зависимости от ископаемого топлива
4.3 Поддержка со стороны некоммерческих организаций (НКО)	Заключается в участии в реализации инициатив, направленных на сокращение выбросов ПГ, оказывает положительное влияние на принятие решений по декарбонизации	Поддержка декарбонизации в России со стороны НКО является важным, но пока ещё развивающимся направлением. Растущее осознание проблемы изменения климата, усиление международного давления и развитие низкоуглеродных технологий создают благоприятные условия для активизации деятельности НКО в этой области

Углеродное регулирование осуществляется посредством предоставления обязательной отчётности компаниями, которые с начала 2023 г. производят более 150 тыс. т выбросов ПГ в CO_2-экв. в год (с 2025 г. — более 50 тыс. т CO_2-экв). За несвоевременное предоставление отчёта или недостоверность данных может быть наложен административный штраф в размере от 10 до 500 тыс. рублей в зависимости от организационно-правовой формы хозяйствующего субъекта.

В 2022 г. в Сахалинской области был запущен экспериментальный проект по осуществлению квотирования выбросов ПГ, то есть за превышение индивидуально установленной для каждой организации квоты на выброс будет налагаться штраф,

соразмерный величине превышения выбросов. При этом размер квоты остаётся фиксированным из года в год до окончания эксперимента (2028 г.).

С 2022 г. в России работает реестр углеродных единиц, что является важным шагом в создании системы регулирования и торговли выбросами ПГ. Этот реестр является ключевым и создан для учёта углеродных единиц, выпущенных в результате реализации климатических проектов в России. В реестре содержатся данные о климатических проектах, обеспечивающих поглощение или снижение выбросов ПГ, за реализацию которых можно получить углеродные единицы. В дальнейшем компания может воспользоваться выданными единицами сама или продать третьим лицам.

Также существует комплекс мер государственного стимулирования декарбонизации в России, направленных на использование ВИЭ, повышение энергоэффективности, увеличение утилизации ПНГ, что обусловливает данные мероприятия по декарбонизации как приоритетные для промышленных компаний.

Однако анализ политико-правовых факторов показал, что для компаний, в том числе нефтегазовых, нет единых ориентиров и целевых показателей снижения выбросов ПГ, что приводит к разрозненности целей по снижению выбросов ПГ и выбору приоритетных способов достижения углеродной нейтральности.

Экономические и социальные факторы пока не оказывают значительного влияния на процесс декарбонизации в России, но в будущем ожидается усиление влияния общества, финансовых институтов, НКО на процесс декарбонизации. Технологические факторы играют значительную роль в процессе декарбонизации нефтегазовых компаний России. Данные факторы имеют свои специфические особенности, обусловленные уровнем развития технологий конкретного направления декарбонизации, географическим положением, структурой экономики. В области ВИЭ, технологий улавливания, использования и хранения углерода, энергоэффективности и хранения энергии существует определённое отставание от мировых лидеров, однако уже сегодня использование солнечной и ветряной энергетики нефтегазовыми компаниями России для обеспечения собственных нужд становится целесообразным.

Внутренние факторы декарбонизации — это факторы, которые действуют в конкретных компаниях и обусловливают тенденцию к декарбонизации и реализацию определённых направлений. Среди таких факторов авторы выделяют: объём, структура, качество запасов (преобладание ТРИЗов), государственное участие, география активов, динамика выбросов ПГ (табл. 8).

Таблица 8

Внутренние факторы декарбонизации нефтегазовых компаний России[22]

Показатель	ПАО «Газпром»	ПАО «НК «Роснефть»	ПАО «Лукойл»	ПАО «Новатэк»
Объём запасов УВ	Очень значителен	Очень значителен	Значителен	Значителен
Структура запасов УВ	Преобладание запасов природного газа	Преобладание запасов нефти	Преобладание запасов нефти	Преобладание запасов природного газа
Преобладание ТРИЗов	Да	Да	Да	Да
География активов	Очень широкая Ключевым регионом по добыче газа является Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО):	Широкая Основная часть активов сосредоточена в России (ХМАО, ЯНАО). Активно осваиваются новые регионы, такие как Арктика и Восточная Сибирь	Широкая Основная деятельность осуществляется на территории четырёх федеральных округов Российской Федерации	Сконцентрированная Основные месторождения и лицензионные участки расположены в районах Крайнего Севера, в ЯНАО и Красноярском крае
Государственное участие	Преобладающее	Преобладающее	Отсутствует	Незначительное
Динамика выбросов ПГ (табл. 5)	Снижение, однако темпы снижения замедлились и обусловлены в том числе снижением объёма добычи и транспортировки УВ	Рост в сфере охвата 1, снижение в сфере охвата 2	Колебания как в сфере охвата 1, так и в сфере охвата 2 (рост в 2022 г. по сравнению с 2021 г., снижение в 2023 г. по сравнению с 2022 г.)	Снижение в сфере охвата 1, колебания в сфере охвата 2 (рост в 2022 г. по сравнению с 2021 г., снижение в 2023 г. по сравнению с 2022 г.)

В рамках исследования выявлено, что все рассматриваемые компании имеют целью значительное сокращение выбросов в среднесрочной и долгосрочной перспективе, при этом каждая компания имеет свой фокус в контексте декарбонизации, что обусловлено влиянием внутренних факторов. В результате анализа факторов авторы предполагают, что:

- рост, колебания и снижение темпов сокращения абсолютных значений выбросов стимулируют компании к интенсификации различных вариантов декарбонизации в своей деятельности;
- значительные запасы УВ стимулируют компании к внедрению мероприятий декарбонизации, направленных на снижение углеродного следа в сфере охвата 1 и 2 и использование традиционных методов декарбонизации (полезное

[22] Источник: составлено авторами на основе: Отчёт о социальной деятельности 2023 / ПАО «Газпром». URL: https://www.gazprom.ru/sustainability/ (дата обращения: 15.04.2025); Отчёт в области устойчивого развития за 2023 г. / ПАО «НК «Роснефть». URL: https://www.rosneft.ru/Development/reports/ (дата обращения: 15.04.2025); ПАО «Лукойл». Отчёт об устойчивом развитии Группы «ЛУКОЙЛ» 2023. URL: https://lukoil.ru/Sustainability/SustainabilityReport (дата обращения: 15.04.2025); ПАО «Новатэк». Отчёт об устойчивом развитии 2023. URL: https://www.novatek.ru/ru/esg/ (дата обращения: 15.04.2025).

использование ПНГ, сокращение утечек метана и др.). В то же время низкая обеспеченность запасами является причиной более быстрой и масштабной реализации проектов альтернативной энергетики, низкоуглеродного топлива и снижения углеродного следа в сфере охвата 3;

- преобладание запасов газа в структуре запасов УВ обусловливает различные мероприятия по сокращению утечек метана, реализацию проектов производства газомоторного топлива и других, в то время как преобладание в структуре запасов УВ запасов нефти и ТРИЗов обусловливает сокращение сжигания ПНГ и внедрение мероприятий по энергоэффективности и энергосбережению;
- широкая география активов делает возможным использование альтернативных источников энергии для удовлетворения собственных потребностей;
- значительная государственная доля в компании обусловливает зависимость от политических факторов, а также возможность апробации новых технологий, не используемых в отрасли ранее.

Кроме того, важнейшим внутренним фактором декарбонизации выступают финансовое состояние и результаты экономической деятельности, которые создают либо благоприятные условия для декарбонизации, либо ограничивают её масштабы. При этом исследование вопроса финансового обеспечения декарбонизации в части стимулирования внутренних источников инвестиций показывает, что традиционная модель привлечения капитала, основанная преимущественно на заёмном финансировании и бюджетных субсидиях, сталкивается с ограничениями в условиях высокой ключевой ставки и санкций на внешних рынках. В связи с этим особую актуальность приобретают мобилизация внутренних инвестиционных ресурсов, средства институциональных инвесторов и инструменты государственно-частного партнёрства. Анализ практики реализации проектов декарбонизации, а также внешних факторов декарбонизации в нефтегазовом секторе свидетельствует о недостаточной проработанности механизмов налогового стимулирования реинвестирования прибыли в низкоуглеродные технологии, а также о неразвитости рынка зелёных облигаций и углеродных единиц в России.

Таким образом, как внешние, так и внутренние факторы формируют особенности декарбонизации нефтегазовых компаний России.

Концептуальное видение процесса декарбонизации российских нефтегазовых компаний

Декарбонизация нефтегазовых компаний России представляет собой сложную и специфическую задачу, обусловленную как глобальными трендами (Парижское соглашение о климате, обеспокоенность мирового сообщества проблемой роста выбросов ПГ), так и специфическими особенностями российской экономики, такими как зависимость от ископаемого топлива, ориентация инфраструктуры на добычу, транспорт и переработку углеводородов, отсутствие чётких целей по декарбонизации, неразвитость ряда технологий

декарбонизации. При этом, несмотря на текущую геополитическую нестабильность, декарбонизация остаётся критически важной для нефтегазовых компаний России по нескольким причинам. Во-первых, глобальный тренд на снижение углеродного следа усиливается, что напрямую влияет на доступ к международным рынкам и инвесторам, например в Азии, где ужесточаются экологические требования. Во-вторых, внутреннее регулирование в России, включая стратегию низкоуглеродного развития до 2050 г., стимулирует компании к модернизации, чтобы избежать штрафов и сохранить конкурентоспособность. В-третьих, внедрение мероприятий по декарбонизации повышает энергоэффективность и снижает операционные затраты, а также открывает новые ниши для бизнеса, например, в производстве и реализации водорода.

Сегодня ведущие российские нефтегазовые компании активно внедряют мероприятия, направленные на сокращение выбросов метана, повышение энергоэффективности, утилизацию ПНГ, производство и использование низкоуглеродных видов топлива. В соответствии со стратегическими задачами, все компании исследуют возможности производства различных видов водорода, аммиака, прогнозируют развитие рынков низкоуглеродного и безуглеродного топлива.

Ряд компаний (например, ПАО «Лукойл») активно участвует в проектах по производству ВИЭ и использует ВИЭ для покрытия собственных нужд в энергии. Остальные рассмотренные в исследовании нефтегазовые компании проявляют невысокую активность в направлении использования ВИЭ: реализуют небольшие проекты по развитию использования ВИЭ для собственных нужд, изучают перспективность применения возобновляемой энергии на производственных объектах.

Поскольку, как было отмечено, большинство объектов добычи и транспортировки нефти и газа российских компаний расположено в районах Севера и Арктики, а снижение выбросов парниковых газов является перманентной задачей, важнейшей целью компаний представляется дальнейшая и более активная реализация различных мероприятий по декарбонизации с учётом как внешних, так и внутренних факторов.

При этом среди основных принципов дальнейшей декарбонизации нефтегазовых компаний можно выделить: поэтапность и реалистичность, технологическую нейтральность, экономическую целесообразность, развитость нормативно-правовой базы.

Конкретные направления и технологии декарбонизации будут варьироваться в зависимости от географического положения, доступных ресурсов и специфики деятельности каждой компании.

Заключение

Нефтегазовые компании в условиях растущих объёмов энергопотребления должны адаптироваться к увеличивающемуся давлению климатических трендов за счёт повышения экологической ответственности. В связи с этим вопросы декарбонизации деятельности

нефтегазовых компаний во всём мире в целом и в России в частности на настоящий момент активно обсуждаются в научных и бизнес-дискуссиях.

Несмотря на актуальность вопроса, в научной среде пока только формируется видение декарбонизации, в связи с чем наблюдаются некоторые различия в трактовке данного понятия, наиболее часто встречающимися из которых являются следующие: процесс снижения углеродоёмкости; конечное состояние системы без выбросов ПГ; этап энергетического перехода; комплексная система методов и способов снижения выбросов.

Российский нефтегазовый комплекс характеризуется, с одной стороны, значительным потенциалом в виде большого количества запасов и месторождений, а с другой стороны, эксплуатация данных месторождений осложнена ввиду их расположения в Арктике — регионе с очень чувствительной экосистемой. Российские нефтегазовые компании уже активно реализуют меры по декарбонизации, однако анализ показал, что ввиду отсутствия на настоящий момент единых ориентиров и целевых показателей снижения выбросов ПГ, наблюдается разрозненность целей по снижению выбросов ПГ среди компаний.

Исследование влияния внешних и внутренних факторов, формирующих основные тенденции декарбонизации российских нефтегазовых компаний, показало, что, несмотря на одни и те же внешние факторы, приоритетные способы достижения углеродной нейтральности среди компаний несколько отличаются. Установлено влияние внутренних факторов, таких как объём, структура и качество запасов, государственное участие, география активов, динамика выбросов ПГ, на формирование и реализацию определённых направлений декарбонизации российскими нефтегазовыми компаниями. При этом авторы понимают, что список факторов не является исчерпывающим и невозможно исключить влияние прочих факторов, также как и взаимозависимость представленных. Также ограничениями исследования можно считать ограниченную выборку компаний и наличие доступа к информации.

Векторами будущих исследований могут являться более детальное изучение влияния каждого фактора на выбор направлений декарбонизации, а также формирование механизмов декарбонизации российских нефтегазовых компаний с учётом их специфических особенностей.

Список источников

Болдырева Н.Б., Решетникова Л.Г., Жеребятьева Н.В., Девятков А.П., Овечкин Д.В. Низкоуглеродное развитие севера Западной Сибири: климатические проекты на основе природных решений // Арктика и Север. 2024; 56: 112–127. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.112

Веселова Д.Н. Климатическая политика Российской Федерации: законодательные и институциональные аспекты // Дискурс-Пи. 2021; 18 (3): 96–111. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_96

Дмитриева Д.М., Скобелев Д.О. Декарбонизация нефтегазового комплекса в контексте устойчивого развития: ключевые направления и возможные сценарии для Арктического региона // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023; 2: 7–23. https://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2023.80.001

Ильинский А.А., Калинина О.В., Хасанов М.М., Афанасьев М.В., Саитова А.А. Декарбонизация нефтегазового комплекса: приоритеты и организационные модели развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022; 1: 33–46. https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2022.75.003

Кузнецова Е.А., Рядинская А.П., Череповицына А.А. Аналитический обзор и систематизация доступных опций декарбонизации нефтегазового бизнеса // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2023; 18 (3): 292–310. https://doi.org/10.17072/1994-9960-2023-3-292-310.

Лебедева М.А. Проблемы декарбонизации экономики России // Проблемы развития территории. 2022; 26 (2): 57–72. https://doi.org/10.15838/ptd.2022.2.118.5

Решетников М.Г. Климатическая политика в России: наука, технологии, экономика // Проблемы прогнозирования. 2023; 6: 6–10. https://doi.org/10.47711/0868-6351-201-6-10

Саитова А.А., Ильинский А.А., Фадеев А.М. Сценарии развития нефтегазовых компаний России в условиях международных экономических санкций и декарбонизации энергетики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022; 3: 134–143. https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2022.77.009

Салыгин В.И., Криворотов А.К. Задачи развития российской Арктики в новой международной обстановке // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022; 3: 7–18. https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2022.77.001

Скуфьина Т.П., Самарина В.П., Самарин А.В. Процессы декарбонизации производства и перспективы Арктики как углеродно нейтральной территории // Уголь. 2022; 6: 54–58. https://doi.org/10.18796/0041-5790-2022-6-54-58

Череповицына А.А., Титова Н.Ю., Гусева Т.В. SMART-анализ целей российских нефтегазовых компаний по снижению выбросов парниковых газов // Экономика промышленности. 2025; 18(1): 90–110. https://doi.org/10.17073/2072-1633-2025-1-1414

Шевелева Н.А., Череповицына А.А., Данилин К.П. Оценка прогресса декарбонизации российских нефтегазовых компаний // Проблемы прогнозирования. 2024; 3 (204): 118–129. https://doi.org/10.47711/0868-6351-204-118-129

Ausubel J.H. Technical progress and climatic change // Energy Policy. 1995; 23 (4-5): 411–416. https://doi.org/10.1016/0301-4215(95)90166-5

Biber E., Kelsey N., Meckling J. The political economy of decarbonization: a research agenda // *Brooklyn Law Review.* 2017; 82: 605–643.

Cherepovitsyna A., Sheveleva N., Riadinskaia A., Danilin K. Decarbonization Measures: A Real Effect or Just a Declaration? An Assessment of Oil and Gas Companies' Progress towards Carbon Neutrality // Energies. 2023; 16 (8): 3575. https://doi.org/https://doi.org/10.3390/en16083575

Crépin A.S., Karcher M., Gascard J.C. Arctic Climate Change, Economy and Society (ACCESS): Integrated perspectives // Ambio. 2017; 46: 341–354. https://doi.org/10.1007/s13280-017-0953-3

Daneeva Y., Glebova A., Daneev O., Zvonova E. Digital transformation of oil and gas companies: Energy transition // Proceedings Russian Conference on Digital Economy and Knowledge Management (RuDEcK). Advances in Economics, Business and Management Research, Atlantis Press. 2020; 148: 199–205. https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200730.037

Fay M., Hallegatte S., Vogt-Schilb A., Rozenberg J., Narloch U., Kerr T. Decarbonizing development: Three steps to a zero-carbon future. World Bank Publications. 2015; 164. https://doi.org/10.1596/978-1-4648-0479-3

Gritsenko D., Efimova E. Is there Arctic Resource Curse? Evidence from the Russian Arctic Regions // Resources Policy. 2020; 65 (5): 101547. https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2019.101547

Rissmana J., Bataille C., Masanet E., Aden N., Morrow W. R., Zhou N., Elliott N., Dell R., Heeren N., Huckestein B., Cresko J., Miller S.A., Roy J., Fennell P., Cremmins B., Koch Blank T., Hone D., Williams E.D., de la Rue du Can S., Sisson B., Williams M., Katzenberger J., Burtraw D., Sethi G., Ping H., Danielson D., Lu H., Lorber T., Dinkel J., Helseth J. Technologies and policies to decarbonize global industry: Review and assessment of mitigation drivers through 2070 // Applied Energy. 2020; 266: 114848. https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2020.114848

Romasheva N., Cherepovitsyna A. Renewable Energy Sources in Decarbonization: The Case of Foreign and Russian Oil and Gas Companies // Sustainability. 2023; 15 (9): 7416. https://doi.org/10.3390/su15097416

Shijin W., Wenli Q., Qiaoxia L. Key pathways to achieve sustainable development goals in three polar regions // Sustainability. 2023; 15 (2): 1735. https://doi.org/10.3390/su15021735

Tsvetkova A., Gammelgaard B. Social-ecological resilience in extreme natural environments: a multiple case study of Arctic offshore supply ecosystems// International Journal of Operations & Production Management. 2025; 45 (2): 463–492. https://doi.org/10.1108/IJOPM-08-2023-0627

Tsvetkova A., Middleton A. Carbon Capture, Transport, and Storage Projects in Norwegian Seabed Sustainable Implications and Challenges of New Green Technologies Rooted in the Past // Tsvetkova A., Timoshenko K. (Eds.). Supply Chain Operations in the Arctic: Implications for Social Sustainability. Routledge. 2023; 25. http://dx.doi.org/10.4324/9781003218043-10

Usman M., Jahanger A., Makhdum M.S.A., Balsalobre-Lorent D., Bashir A. How do Financial Development, Energy Consumption, Natural Resources, and Globalization Affect Arctic Countries' Economic Growth and Environmental Quality? An Advanced Panel Data Simulation // Energy. 2022; 241: 122515. https://doi.org/10.1016/j.energy.2021.122515

Watson R.T., Zinyowera M.C., Moss R.H., Moreno R.A., Baron R., Ravindranath N.H., Shukla P.R. et al. Technologies, Policies and Measures for Mitigating Climate Change — IPCC Technical Paper I // Inter-governmental Panel on Climate Change. 1996; 94.

Yamanouchi T., Takata K. Rapid change of the Arctic climate system and its global influences — Over-view of GRENE Arctic climate change research project (2011–2016) // Polar Science. 2020; 25: 100548. https://doi.org/10.1016/j.polar.2020.100548

References

Ausubel J.H. Technical Progress and Climatic Change. *Energy Policy*. 1995; 23 (4-5): 411–416. https://doi.org/10.1016/0301-4215(95)90166-5

Biber E., Kelsey N., Meckling J. The Political Economy of Decarbonization: A Research Agenda. *Brooklyn Law Review.* 2017; 82: 605–643.

Boldyreva N.B., Reshetnikova L.G., Zherebyatyeva N.V., Devyatkov A.P., Ovechkin D.V. Low-Carbon Development of the North of Western Siberia: Climate Projects Based on Natural Solutions. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 56: 112–127. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.112

Cherepovitsyna A., Sheveleva N., Riadinskaia A., Danilin K. Decarbonization Measures: A Real Effect or Just a Declaration? An Assessment of Oil and Gas Companies' Progress towards Carbon Neutrality. *Energies*. 2023; 16 (8): 3575. https://doi.org/https://doi.org/10.3390/en16083575

Cherepovitsyna A.A., Titova N.Y., Guseva T.V. SMART-Analysis of the Objectives of Russian Oil and Gas Companies on Reducing Greenhouse Gas Emissions. *Russian Journal of Industrial Economics*. 2025; 18(1): 90–110. https://doi.org/10.17073/2072-1633-2025-1-1414

Crépin A.S., Karcher M., Gascard J.C. Arctic Climate Change, Economy and Society (ACCESS): Integrated Perspectives. *Ambio*. 2017; 46: 341–354. https://doi.org/10.1007/s13280-017-0953-3

Daneeva Y., Glebova A., Daneev O., Zvonova E. Digital Transformation of Oil and Gas Companies: Energy Transition. In: *Proceedings Russian Conference on Digital Economy and Knowledge Management (RuDEcK)*. Advances in Economics, Business and Management Research, Atlantis Press. 2020; 148: 199–205. https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200730.037

Dmitrieva D.M., Skobelev D.O. Decarbonization of the Oil and Gas Sector in the Context of Sustainable Development: Key Directions and Possible Scenarios for the Arctic Region. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2023; 2: 7–23. https://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2023.80.001

Fay M., Hallegatte S., Vogt-Schilb A., Rozenberg J., Narloch U., Kerr T. *Decarbonizing Development: Three Steps to a Zero-Carbon Future*. World Bank Publications; 2015. 164 p. https://doi.org/10.1596/978-1-4648-0479-3

Gritsenko D., Efimova E. Is There Arctic Resource Curse? Evidence from the Russian Arctic Regions. *Resources Policy*. 2020; 65 (5): 101547. https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2019.101547

Ilyinsky A.A., Kalinina O.V., Khasanov M.M., Afanasiev M.V., Saitova A.A. Decarbonization of the Oil and Gas Complex: Priorities and Organizational Models of Development. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2022; 1: 33–46. https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2022.75.003

Kuznetsova E.A., Riadinskaia A.P., Cherepovitsyna A.A. Analytical Review and Systematization of Available Decarbonization Options for Oil and Gas Business. *Perm University Herald. Economy*. 2023; 18 (3):

292–310. https://doi.org/10.17072/1994-9960-2023-3-292-310

Lebedeva M.A. Decarbonization Problems of the Russian Economy. *Problems of Territory's Development*. 2022; 26 (2): 57–72. https://doi.org/10.15838/ptd.2022.2.118.5

Reshetnikov M.G. Climate Policy in Russia: Science, Technology, Economy. *Studies on Russian Economic Developmen*t, 2023; 6: 6–10. https://doi.org/10.47711/0868-6351-201-6-10

Rissmana J., Bataille C., Masanet E., Aden N., Morrow W. R., Zhou N., Elliott N., Dell R., Heeren N., Huckestein B., Cresko J., Miller S.A., Roy J., Fennell P., Cremmins B., Koch Blank T., Hone D., Williams E.D., de la Rue du Can S., Sisson B., Williams M., Katzenberger J., Burtraw D., Sethi G., Ping H., Danielson D., Lu H., Lorber T., Dinkel J., Helseth J. Technologies and Policies to Decarbonize Global Industry: Review and Assessment of Mitigation Drivers through 2070. *Applied Energy*. 2020; 266: 114848. https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2020.114848

Romasheva N., Cherepovitsyna A. Renewable Energy Sources in Decarbonization: The Case of Foreign and Russian Oil and Gas Companies. *Sustainability*. 2023; 15 (9): 7416. https://doi.org/10.3390/su15097416

Saitova A.A., Ilyinskiy A.A., Fadeev A.M. Scenarios for the Development of Oil and Gas Companies in Russia in the Context of International Economic Sanctions and the Decarbonization of the Energy Sector. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2022; 3: 134–143. https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2022.77.009

Salygin V.I., Krivorotov A.K. Russian Arctic Development Goals in the New International Situation. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2022; 3: 7–18. https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2022.77.001

Sheveleva N.A., Cherepovitsyna A.A., Danilin K.P. Assessing the Decarbonization Progress of Russian Oil and Gas Companies. *Studies on Russian Economic Developmen*t. 2024; 3 (204): 118–129. https://doi.org/10.47711/0868-6351-204-118-129

Shijin W., Wenli Q., Qiaoxia L. Key Pathways to Achieve Sustainable Development Goals in Three Polar Regions. *Sustainability*. 2023; 15 (2): 1735. https://doi.org/10.3390/su15021735

Skufina T.P., Samarina V.P., Samarin A.V. Concerning Processes of Decarbonization of Production and Prospects for the Arctic as a Carbon-Neutral Territory. *Ugol'*. 2022; 6: 54–58. https://doi.org/10.18796/0041-5790-2022-6-54-58

Tsvetkova A., Gammelgaard B. Social-Ecological Resilience in Extreme Natural Environments: A Multiple Case Study of Arctic Offshore Supply Ecosystems. *International Journal of Operations & Production Management*. 2025; 45 (2): 463–492. https://doi.org/10.1108/IJOPM-08-2023-0627

Tsvetkova A., Middleton A. Carbon Capture, Transport, and Storage Projects in Norwegian Seabed Sustainable Implications and Challenges of New Green Technologies Rooted in the Past. In: *Supply Chain Operations in the Arctic: Implications for Social Sustainability*. Ed. by A. Tsvetkova, K. Timoshenko. Routledge. 2023. 25 p. http://dx.doi.org/10.4324/9781003218043-10

Usman M., Jahanger A., Makhdum M.S.A., Balsalobre-Lorent D., Bashir A. How do Financial Development, Energy Consumption, Natural Resources, and Globalization Affect Arctic Countries' Economic Growth and Environmental Quality? An Advanced Panel Data Simulation. *Energy*. 2022; 241: 122515. https://doi.org/10.1016/j.energy.2021.122515

Veselova D.N. Climate Policy of the Russian Federation: Legislative and Institutional Aspects. *Discourse-P*. 2021; 18 (3): 96–111. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_96

Watson R.T., Zinyowera M.C., Moss R.H., Moreno R.A., Baron R., Ravindranath N.H., Shukla P.R. et al. Technologies, Policies and Measures for Mitigating Climate Change — IPCC Technical Paper I. *Inter-governmental Panel on Climate Change*. 1996; 94 p.

Yamanouchi T., Takata K. Rapid Change of the Arctic Climate System and Its Global Influeces — Over-View of GRENE Arctic Climate Change Research Project (2011–2016). *Polar Science*. 2020; 25: 100548. https://doi.org/10.1016/j.polar.2020.100548

Статья поступила в редакцию 30.04.2025; принята к публикации 07.07.2026

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 138–156.
Научная статья
УДК [332.14+338.2](985)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.138

Ресурсно-логистические возможности для развития промышленного туризма в Российской Арктике

Цветков Александр Юрьевич [1]✉, кандидат экономических наук, доцент
Осипова Елена Эдуардовна [1], кандидат экономических наук, доцент

[1, 2] Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия
[1] a.cvetkov@narfu.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1092-1295
[2] e.e.osipova@narfu.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7960-1607

Аннотация. За годы промышленного освоения в регионах Российской Арктики накоплен значительный потенциал индустриального наследия, промышленные предприятия являются точками притяжения потенциальных туристов. Это даёт возможность развивать промышленный туризм, который является перспективным направлением современной туристской индустрии. Географические особенности Арктики, её неравномерная транспортная освоенность затрудняют развитие туризма в регионе, в том числе промышленного. Для решения этой проблемы необходимо выбрать наиболее доступные для туристов территории и определить виды промышленного туризма, которые могут быть востребованы. В нашей работе на основании контент-анализа специализированных сайтов, посвящённых туризму, мы оценили современное состояние развития промышленного туризма в каждом регионе Российской Арктики и выявили, какие его виды представлены в программах туров. Мы провели анализ логистических возможностей регионов Арктики для развития туризма на основе определения материально-временных затрат потенциальных туристов и сравнения результатов по каждому выбранному арктическому транспортному центру. Наиболее перспективно развитие промышленного туризма с точки зрения наличия необходимых ресурсов и наименьших материально-временных затрат в Мурманской области, Республике Карелии, Архангельской области, Республике Коми и Ямало-Ненецком автономном округе. Для каждого региона Российской Арктики мы определили отрасли, составляющие ресурсную основу для развития промышленного туризма, и рекомендовали предприятия, которые необходимо использовать для разработки профориентационных туров, способствующих привлечению трудовых ресурсов.

Ключевые слова: *Арктика, промышленный туризм, материально-временные затраты, транспортный центр, индустриальное наследие*

* © Цветков А.Ю., Осипова Е.Э., 2026
Для цитирования: Цветков А.Ю., Осипова Е.Э. Ресурсно-логистические возможности для развития промышленного туризма в Российской Арктике // Арктика и Север. 2026; 64: 138–156. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.138
For citation: Tsvetkov A.Yu., Osipova E.E. Resource and Logistics Opportunities for the Development of Industrial Tourism in the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 138–156. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.138
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

Resource and Logistics Opportunities for the Development of Industrial Tourism in the Russian Arctic

Aleksandr Yu. Tsvetkov [1]✉, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor
Elena E. Osipova [2], Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor

[1, 2] Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia
[1] a.cvetkov@narfu.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1092-1295
[2] e.e.osipova@narfu.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7960-1607

Abstract. Over the years of industrial development in the regions of the Russian Arctic, a significant potential of industrial heritage has been accumulated, with industrial sites serving as attractions for potential tourists. This provides an opportunity to develop industrial tourism, which is a promising sector of the modern tourism industry. The geographical features of the Arctic and its uneven transport infrastructure complicate the development of tourism in the region, including industrial one. To address this issue, it is necessary to identify the most accessible areas for tourists and to determine the types of industrial tourism that may be in demand. In this study, using content analysis of specialized tourism websites, we assessed the current state of industrial tourism development in each region of the Russian Arctic and identified what types of it are presented in tour programs. We analyzed the logistics capabilities of the Arctic regions for tourism development by determining the financial and time costs for potential tourists and comparing the results for each selected Arctic transport center. In terms of the availability of necessary resources and the lowest financial and time costs, the development of industrial tourism shows the greatest potential in the Murmansk Oblast, the Republic of Karelia, the Arkhangelsk Oblast, the Komi Republic and the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. For each region of the Russian Arctic, we have identified the sectors that form the resource base for the development of industrial tourism, and recommended enterprises that should be used to develop career-oriented tours designed to attract labor resources.
Keywords: *Arctic, industrial tourism, financial and time costs, transport center, industrial heritage*

Введение

Впервые промышленные туры появились в XVII в. Во второй половине XX в. промышленный туризм приобрёл современные формы. В Стратегии развития туризма в России на период до 2035 г., утверждённой распоряжением правительства в 2019 г., промышленные предприятия обозначены в качестве точек притяжения для туристов: как отечественных, так и зарубежных. Действительно, для каждого региона характерно наличие каких-либо предприятий, в то время как значительные природно-климатические или культурно-исторические ресурсы, способные привлечь туристов из других регионов, есть не везде. Использование ресурсов некоторых предприятий в качестве основы для создания экскурсионных программ позволяет развивать туризм даже в регионах с незначительным рекреационным потенциалом. Особенно это актуально для населённых пунктов, в которых имеются высшие и средние профессиональные учебные заведения, готовящие кадры для предприятий региона. На таких предприятиях, как правило, есть музеи и специалисты, способные провести производственную экскурсию. Следовательно, имеется необходимая основа для развития промышленного туризма. По определению промышленный туризм подразумевает посещения и мероприятия на объекте, позволяющие посетителям понять

процессы и секреты производства, относящиеся к прошлому, настоящему или будущему[1]. Арктический туризм в основном ассоциируется с использованием природной составляющей рекреационных ресурсов. Но нельзя игнорировать историю освоения арктических регионов человеком. Промышленное наследие также является потенциальным аттрактантом, привлекающим туристов. Как отмечает З.Ю. Желнина, актуальным вопросом является интерпретация индустриальных ресурсов и их вовлечение в сферу арктического туризма (Желнина, 2021). В то же время развитие промышленного туризма в Арктике имеет свою специфику, связанную с выбором объектов показа и организацией логистики. В России основными объектами, используемыми в промышленном туризме, являются предприятия пищевой промышленности, машиностроения, ЛПК, металлургии, энергетики, добывающей промышленности и сельского хозяйства[2]. При этом в качестве основного действия промышленного тура выступает демонстрация производственного процесса (Чхотуа, Власюк, Задорожная, 2021). Одной из сложностей в привлечении туристов на производственную экскурсию является однообразность отраслевого состава предприятий на определённых территориях (в том числе в Арктической зоне). Удалённость потенциальных туристов от объектов показа при слабой транспортной связанности территорий является другой значительной проблемой для организации промышленного туризма. Целью нашего исследования является определение наиболее перспективных направлений промышленного туризма и регионов в Российской Арктике, в которых их целесообразно развивать.

Материалы и методы исследования

По данным АТОР, в 2024 г. регионы Российской Арктики приняли 1,3 млн туристов, что на 8,3% больше, чем в 2023 г.[3] По данным Росстата, среди регионов, полностью входящих в Арктическую зону, по числу поездок туристов в 2024 г. лидируют Мурманская область (674 151 прибытие) и Ямало-Ненецкий автономный округ (460 451 прибытие). Из двух других полностью арктических регионов лидирует Чукотский автономный округ (48 109 прибытий), несмотря на удалённость и труднодоступность. В то время как в Ненецком автономном округе, расположенном к местам формирования туристских потоков ближе, чем Чукотка, в 2024 г. зафиксировано 39 756 прибытий. В остальных регионах, частично входящих в Арктическую зону, отделить туристов, посещающих Арктику, от общего потока проблематично, но эксперты выделяют среди лидеров Архангельскую область[4].

Вопросы развития промышленного туризма в регионах Российской Арктики в

[1] Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги. Промышленный туризм. Предоставление услуг. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200142466 (дата обращения: 15.10.2025).
[2] Методология развития промышленного туризма в Российской Федерации. URL: https://asi.ru/library/promtourism/184110/ (дата обращения: 15.10.2025).
[3] URL: https://arctic-russia.ru/news/minvostokrazvitiya-turpotok-v-arktiku-v-2025-godu-sostavit-1-5-mln-chelovek/ (дата обращения 15.10.2025).
[4] URL: https://www.rosstat.gov.ru/statistics/turizm (дата обращения: 15.10.2025).

настоящее время являются малоизученными. Это можно объяснить тем, что Арктика привлекает туристов прежде всего уникальностью природы. Но в последнее время начали появляться научные работы, посвящённые отдельным аспектам арктического промышленного туризма. Так, З.Ю. Желнина рассматривает индустриальный образ Арктики, который часто противопоставляют её природному потенциалу. Она отмечает, что организация путешествий с целью посещения промышленных объектов в Арктике отличается от организации подобных туров в старопромышленных регионах (Желнина, 2021). Е.Л. Панченко предлагает обратить внимание на возможность привлечения трудовых ресурсов в регионы Арктики посредством организации туров профессионально-ориентированного промышленного туризма (Панченко, 2024). Аналогичное экспертное мнение высказывает О. Подшувейт, которая считает, что промышленный туризм в Арктике следует рассматривать не как способ извлечения прибыли, а как профориентационную деятельность среди молодёжи с целью решения кадровых проблем Арктики[5]. Авторы, изучающие промышленный туризм, отмечают его маркетинговый, кадровый и имиджевый эффекты, влияние на диверсификацию экономики (Чхотуа, Власюк, Задорожная, 2021). Благодаря маркетинговому и имиджевому эффектам промышленный туризм способствует росту инвестиционной привлекательности региона, формированию региональных брендов, развитию экспортного потенциала и туристской индустрии[6].

В масштабах всей России, без привязки к Арктике, вопросы промышленного туризма разработаны лучше. Более того, Агентством стратегических инициатив по продвижению новых проектов составлено практическое руководство и пошаговые инструкции по созданию региональной стратегии развития промышленного туризма в Российской Федерации[7]. Единого понимания состава понятия промышленного туризма у учёных разных стран нет (Чхотуа, Власюк, Задорожная, 2021). В рамках промышленного туризма рассматривают посещение объектов индустриального наследия (материальные и нематериальные активы, которые использовались в прошлом), производственные туры на действующие предприятия, в которых участвуют как туристы, так и бизнесмены, профориентационные экскурсии для школьников и студентов, промышленные выставки (Чхотуа, Власюк, Задорожная, 2021). Существенная ресурсная база для промышленного туризма — старые промышленные предприятия, прекратившие работу. При условии сохранения производственных помещений, оборудования, технологий, которые применяли на данном производстве, можно превратить такое предприятие в объект культурного наследия, пользующийся популярностью у туристов. Например, фабрика-музей Верла (Финляндия), на которой с 1892 по 1964 гг. производили бумагу и картон, после закрытия была преобразована в первый

[5] Интервью О. Подшувейт. URL: https://goarctic.ru/opinions/olga-podshuveyt-o-potentsiale-promyshlennogo-turizma-dlya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-arktik/ (дата обращения: 15.10.2025).
[6] URL: https://promtourism.online/ (дата обращения: 15.10.2025).
[7] Методология развития промышленного туризма в Российской Федерации. URL: https://asi.ru/library/promtourism/184110/ (дата обращения: 15.10.2025).

промышленный музей Финляндии, а ЮНЕСКО присвоил ей статус объекта мирового культурного наследия (Потапов, 2020). В мировой туристской индустрии на промышленный туризм приходится от 10 до 15% турпотока. В США промышленный туризм начинался в моногородах, в настоящее время практически все предприятия открыты для туристов. В европейских странах промышленные туры для экскурсантов организовывали на предприятия пищевой промышленности. В Китае в качестве основных направлений промышленного туризма выбрано 20 крупнейших предприятий различных видов деятельности (пищевая, фармацевтическая, лёгкая промышленность) (Иванова, Матюнин, 2022).

В работе Ибрагимова Э.Э., Скараник С.С., Верна В.В. приводится классификация видов промышленного туризма по количеству единовременно посещаемых объектов (одно предприятие или несколько однопрофильных), по составу группы экскурсантов, по влиянию экономических и бизнес-факторов (платный и бесплатный туризм), по организованности туров, признакам внутреннего и внешнего характера (локальный, национальный, внешний туризм), по целям воздействия на контингент (познавательный, профориентационный, деловой, научный, имиджевый туризм) (Верна, Ибрагимов, Скараник, 2023). В нашем исследовании мы разделили промышленный туризм по основной цели путешествия на следующие виды: туризм индустриального наследия, профориентационный туризм, познавательный туризм на действующих предприятиях, деловой туризм. Такое подразделение удобно для выбора приоритетных направлений в планировании промышленного туризма в региональном разрезе.

В работе И.З. Чхотуа, Л.И. Власюк, Г.В. Задорожной все субъекты Российской Федерации поделены на кластеры с точки зрения уровня и стратегических возможностей развития промышленного туризма. В том числе учитывалась транспортная доступность. Арктические регионы России попали в три кластера. К отстающим по развитию промышленного туризма регионам Арктики авторы отнесли Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа (1 кластер), к среднеразвитым — Республику Карелию, Республику Коми, Архангельскую область и Красноярский край (2 кластер), к лидирующим по развитию промышленного туризма — Мурманскую область и Республику Саха (Якутию) (Чхотуа, Власюк, Задорожная, 2021). Однако стоит отметить, что комплексный показатель в этой работе рассчитывался на всю территорию регионов без учёта принадлежности отдельных их районов к зоне Арктики, кроме того, уровень развития промышленного туризма в некоторых из них с момента выхода данной работы в печать изменился.

Барьеры, затрудняющие развитие промышленного туризма, отмечены в работе М.В. Ивановой и В.М. Матюнина. К ним отнесены: труднодоступность и удалённость объектов промышленного туризма от мест формирования туристских потоков, высокая стоимость проезда до места туристского интереса, значительные временные затраты, неравная конкуренция с популярными туристскими направлениями, небезопасность

производственных площадок для экскурсантов, засекреченный статус некоторых объектов (Иванова, Матюнин, 2022). Также есть ограничения инфраструктурного характера, которые выражаются в трудностях организации туристских коридоров на производстве. Как следствие, потенциал промышленного туризма не используется в полном объёме, хотя он мог бы способствовать устойчивому развитию территории (Чхотуа, Власюк, Задорожная, 2021). Специфика Арктики оказывает влияние на развитие всех отраслей хозяйства. Поэтому вопрос целесообразности развития промышленного туризма для каждого конкретного её субъекта является важным при региональном планировании.

Мы проанализировали ресурсные и логистические возможности развития промышленного туризма с учётом специфики территорий российского сектора Арктики. Под ресурсными возможностями мы понимаем наличие на этих территориях рекреационных ресурсов, позволяющих развивать промышленный туризм. Логистические возможности — это наличие регулярного транспортного сообщения, связывающего эти территории с местами формирования туристских потоков. Кроме того, логистические возможности для туристов связаны и со стоимостью билетов, временем перемещения и регулярностью рейсов, другими словами, с материально-временными затратами.

В нашей работе для изучения современного состояния промышленного туризма в арктических субъектах Российской Федерации мы использовали неколичественный и количественный контент-анализ их официальных информационно-туристских порталов и сайтов некоторых туроператоров, а также портала о промышленном туризме в России и сайта Агентства стратегических инициатив. Мы подсчитали количество предложений туроператоров по промышленному туризму в каждом субъекте и проанализировали их смысловое наполнение с целью определения его вида. Для выявления ресурсных возможностей арктических территорий для развития промышленного туризма мы изучили географию отраслей их хозяйства, выделили наиболее уникальные потенциальные объекты показа, представляющие самые ценные рекреационные ресурсы. Транспортную доступность и логистические возможности регионов мы оценивали по материально-временным затратам туристов (Цветков, 2022). Также мы изучили то, как изменились материально-временные затраты туристов, направляющихся в отдельные пункты Российской Арктики, с 2022 г. Анализ и синтез полученной информации позволили нам определить наиболее перспективные для развития промышленного туризма арктические регионы Российской Федерации и целесообразные для этого виды туризма. Территориально наше исследование охватывает те субъекты Российской Федерации и их части, которые отнесены к Арктике в Федеральном законе от 13.07.2020 № 193 (в редакции от 21.04.2025 г. — № 97) «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» [8]. Это территории Мурманской области, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и

[8] Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». URL:

Чукотского автономных округов, частично отнесённые к Арктике территории Архангельской области (г. Архангельск, г. Новодвинск, городские округа Северодвинск и Новая Земля, Онежский, Приморский, Лешуконский, Пинежский районы), Республики Карелии (Беломорский, Кемский, Лоухский, Калевальский, Сегежский районы, Костомукшский городской округ), Республики Коми (городские округа Воркута, Инта, Усинск, Усть-Цилемский район), Республики Саха (Якутии) (13 северных муниципалитетов), Ханты-Мансийского автономного округа (Берёзовский, Белоярский районы) и Красноярского края (Таймырский район, г. Норильск, Туруханский район, частично Эвенкийский район).

Результаты и обсуждение

В СССР промышленный туризм преимущественно имел профориентационную направленность и подразумевал посещение производств школьниками. В постсоветский период в России при планировании туризма обратили внимание на индустриальное наследие. В конце XX в. был создан Нижнетагильский музей-заповедник горнозаводского дела Среднего Урала, в составе которого находятся закрытый ранее металлургический завод и дом управляющего горнозаводским районом[9].

Для того чтобы обратить внимание на туристский потенциал промышленных предприятий и привлечь региональные администрации к развитию промышленного туризма, Агентство стратегических инициатив совместно с Министерством промышленности и торговли Российской Федерации в 2021 г. организовали работу Акселератора по развитию промышленного туризма. Результатом стала разработка и внедрение в практику производственных экскурсий в регионах — участниках данного проекта. Среди регионов Арктики в работе Акселератора принимали участие команды Мурманской и Архангельской областей, Республики Карелии, Ямало-Ненецкого автономного округа, Красноярского края и Республики Саха (Якутия). Однако лидером по количеству предприятий, вовлечённых в организацию промышленных туров, является Приволжский федеральный округ (Чхотуа, Власюк, Задорожная, 2021).

На основании контент-анализа официальных туристских порталов и специализированных сайтов по промышленному туризму мы выяснили, в каких регионах Арктики организованы промышленные туры (табл. 1).

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 15.10.2025).

[9] Методология развития промышленного туризма в Российской Федерации. URL: https://asi.ru/library/promtourism/184110/ (дата обращения: 15.10.2025).

Таблица 1

Промышленные туры в арктических регионах России[10,11,12,13,14,15,16,17,18,19 20]

Регион	Тур	Вид	Отрасль	Локация
Мурманская область	«Шпиль-555» — эколого-индустриальный маршрут на территории закрытого никелево-медного карьера	туризм индустриального наследия	горнодобывающая промышленность, цветная металлургия	пгт Никель
	Кольская АЭС и форелевое хозяйство	профориентационный, познавательный туризм	электроэнергетика, сельское хозяйство	г. Полярные Зори
	Кольская ветряная электростанция	профориентационный, познавательный туризм	электроэнергетика	п. Туманный
	Кольская сверхглубокая скважина	туризм индустриального наследия, профориентационный, познавательный туризм	научные исследования	п. Заполярный
Республика Карелия	АО «Сегежский ЦБК»	профориентационный, познавательный туризм	целлюлозно-бумажная промышленность	г. Сегежа
Архангельская область	Посещение судоверфи «Поморский коч»	познавательный туризм	судостроение	г. Архангельск
Республика Коми	«Воркута — это уголь». ООО Компания «ВоркутаУголь»	профориентационный, познавательный туризм	угольная промышленность	г. Воркута, разрез Юньягинский
Ямало-Ненецкий АО	Вынгапуровский газоперерабатывающий завод АО «СибурТюменьгаз»	профориентационный, познавательный туризм	газовая промышленность	г. Ноябрьск
Ненецкий АО	Знакомство с этническими традициями	познавательный туризм	народные промыслы	г. Нарьян-Мар
Ханты-Мансийский АО	-	-	-	-
Красноярский край	Норникель	профориентационный, познавательный туризм	цветная металлургия	г. Норильск
	«Гигаватт», Майнинговая компания BitCluster	профориентационный, познавательный туризм	IT	г. Норильск
Республика Саха (Якутия)	-	-	-	-
Чукотский АО	Тур к оленеводам	познавательный туризм	сельское хозяйство	Тундра

[10] Подбор промышленного тура. URL: https://promtourism.ru/katalog/ (дата обращения: 15.10.2025).
[11] Туры и экскурсии. URL: https://murmansk.travel/excursions (дата обращения: 15.10.2025).
[12] Легендарная Карелия. URL: https://legendary-karelia.ru/ (дата обращения: 15.10.2025).
[13] Туры и экскурсии по Республике Коми. URL: https://tourism.rkomi.ru/adventures/tours-and-excursions (дата обращения: 15.10.2025).
[14] Туристический гид по Ямалу. URL: https://yamal.travel/ (дата обращения: 15.10.2025).
[15] URL: https://www.visitnao.ru/ (дата обращения: 15.10.2025).
[16] Туристический информационный центр Красноярского края. URL: https://visitsiberia.info/ (дата обращения: 15.10.2025).
[17] Туристический портал Якутии. URL: https://travel-ykt.ru/ (дата обращения: 15.10.2025).
[18] Чукотский туристический портал. URL: https://chukotka.travel/ (дата обращения: 15.10.2025).
[19] URL: https://tours.pomorland.travel/ (дата обращения: 16.10.2025).
[20] Туризм в Югре Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: https://tourism.admhmao.ru/ (дата обращения 16.10. 2025).

Как следует из табл. 1, больше всего промышленных туров предложено на официальных сайтах туротрасли Мурманской области, что подтверждает данные И.З.Чхотуа, Л.И. Власюк и Г.В. Задорожной об уровне её развития (Чхотуа, Власюк, Задорожная, 2021). На сайтах Республики Саха (Якутии) и Ханты-Мансийского автономного округа подобные туры не были найдены. Следует отметить, что не на всех изученных нами сайтах туры промаркированы как промышленные, а на некоторых вообще нет доступной информации по ним. Таковы сайты Архангельской области, Ненецкого автономного округа, Ханты-Мансийского автономного округа, Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа. Табл. 1 содержит данные только по турам, информация по которым была в свободном доступе и которые однозначно идентифицированы как промышленные. При этом на познавательные промышленные туры приходится 92% предложений, 66% программ можно отнести к профориентационным и лишь 17% — к турам индустриального наследия. Туров для делового туризма в предложениях региональной туриндустрии не найдено. Чаще всего туры представляют сельское хозяйство (растениеводство, оленеводство, рыбоводство), цветную металлургию (горнодобывающую отрасль, медно-никелевую промышленность) и топливно-энергетический комплекс (газовая, угольная промышленность и электроэнергетика). Реже представлены отрасли лесопромышленного комплекса, судостроения, важные в хозяйстве некоторых арктических территорий. Не обнаружено туров на предприятия нефтяной промышленности. Не во всех регионах промышленные туры отражают их хозяйственную специализацию. Некоторые программы направлены на культурно-познавательный туризм и в качестве аттракторов используют имеющиеся там интересные объекты, связанные с какой-либо хозяйственной деятельностью или местными традициями. Следует отметить географическую рассредоточенность маршрутов проведения арктических промышленных туров и их значительную удалённость от городов, где проживает большая часть потенциальных туристов. Поэтому сложно с логистической и экономической точек зрения объединить в один промышленный тур несколько региональных объектов.

Мы изучили экономические расстояния на основе потенциальных материально-временных затрат туристов на достижение центров промышленного туризма в арктических регионах прямыми рейсами, при условии, что точками формирования туристских потоков будут Москва и Санкт-Петербург как главные транспортно-распределительные узлы страны, а местами назначения — региональные транспортные центры, по методике, предложенной И.А. Потаповым (Потапов, 2016). В качестве показателей оценки мы использовали время в пути (минимальное), стоимость проезда (минимальная), количество и регулярность прямых рейсов самолётов и поездов, курсирующих между центрами промышленного туризма, Москвой и Санкт-Петербургом. Результаты выразили в баллах (максимальный балл — 10). Так, если время в пути между заданными точками до 2 часов, это соответствует 1 баллу, до 3 часов — 2 баллам и т. д. Если минимальная стоимость проезда меньше 1 000 рублей, то это

соответствует 1 баллу, меньше 2 000 — 2 баллам и т. д. Если регулярность рейсов по заданному маршруту данным видом транспорта равна 1 и более разам в сутки, то это соответствует 1 баллу, 6 раз в неделю — 2 баллам, 5 раз в неделю — 3 баллам, 1 раз в неделю — 7 баллам. Если количество видов транспорта, которыми можно добраться до заданной точки, равняется 1, то это выражается 7 баллами, 2 и более — 1 баллом. Сумма всех показателей, выраженная в баллах, является обобщённым показателем материально-временных затрат туристов (Цветков, 2022) (табл. 2).

Таблица 2

Оценка материально-временных затрат туристов при поездках в арктические центры промышленного туризма[21] (7)

Регион	Центр промышленного туризма	Транспортный центр	Города, связанные регулярными авиа и железнодорожными рейсами с транспортными центрами				
			Все города	Москва		Санкт-Петербург	
				авиа	ж/д	авиа	ж/д
Мурманская обл.	пгт Никель, г. Полярные Зори, п. Туманный, п. Заполярный	г. Мурманск	Анапа, Архангельск, Екатеринбург, Казань, Калининград, Краснодар, Москва, Петрозаводск, Псков, Санкт-Петербург, Севастополь, Смоленск, Сочи, Великий Новгород, Череповец	7	17	7	16
		г. Апатиты	Анапа, Псков, Москва, Великий Новгород, Санкт-Петербург, Смоленск, Калининград	10	18	11	16
Карелия	г. Сегежа	г. Сегежа	Анапа, Псков, Москва, Великий Новгород, Санкт-Петербург, Смоленск	-	22	-	21
Архангельская	г. Архангельск	г. Архангельск	Адлер, Вологда,	8	16	7	20

[21] Расписание пригородного и междугородного транспорта. URL: https://rasp.yandex.ru/ (дата обращения: 18.10.2025).

обл.			Калининград, Кисловодск, Микунь, Москва, Мурманск, Нарьян-Мар, Новороссийск, Санкт-Петербург, Смоленск, Череповец				
Коми	г. Воркута	г. Воркута	Адлер, Сыктывкар, Котлас, Лабытнанги, Москва, Нижний Новгород, Новороссийск, Санкт-Петербург	21	17	-	29
	г.Усинск	г. Усинск	Бугульма, Казань, Киров, Минеральные Воды, Москва, Пермь, Печора, Самара, Сыктывкар, Уфа	17	17	-	-
Ненецкий АО	г. Нарьян-Мар	г. Нарьян-Мар	Архангельск, Екатеринбург, Казань, Киров, Москва, Санкт-Петербург, Сыктывкар, Уфа	22	-	22	-
Ямало-Ненецкий АО	г. Салехард, п. Харп, г. Ноябрьск	г. Салехард (авиа) и г. Лабытнанги (ж/д)	Воркута, Екатеринбург, Казань, Москва, Минеральные Воды, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Санкт-Петербург, Сочи, Тюмень, Уфа	14	22	16	24
		г. Ноябрьск	Екатеринбург, Казань, Краснодар, Минеральные Воды, Москва, Новосибирск, Новый Уренгой, Омск, Оренбург, Санкт-Петербург, Сочи, Тюмень, Уфа	17	23	20	24
Ханты-Мансийский АО	пгт Берёзово, г. Белоярский	г.Белоярский	Москва, Екатеринбург, Тюмень, Сургут, Ханты-Мансийск, Нягань	26	-	-	-
Красноярский край	г. Норильск	г. Норильск	Абакан, Екатеринбург, Краснодар, Красноярск, Минеральные Воды, Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Сочи, Уфа, Челябинск	22	-	27	-
Саха (Якутия)		п. Тикси	Якутск	-	-	-	-
Чукотский АО		Анадырь	Владивосток, Красноярск, Москва, Хабаровск	31	-	-	-
		Певек	Новосибирск, Магадан, Москва, Якутск	34	-	-	-

Как показывают данные табл. 2, наименьшие материально-временные затраты имеют туристы, путешествующие в Мурманскую область и арктические районы Архангельской

области. Здесь можно выбрать из двух видов транспорта, в зависимости от того, что в приоритете конкретного туриста: время передвижения или стоимость проезда. Транспортные центры этих регионов связаны регулярными рейсами с большим количеством городов, при этом число направлений с 2022 г. увеличилось (Цветков, 2022). Высокие показатели материально-временных затрат при поездках в Сегежу (Карелия) связаны только с тем, что до неё можно добраться одним видом транспорта (поездом). С продвижением на восток материально-временные затраты туристов будут возрастать по причине безальтернативности авиационного транспорта, редкости выполнения рейсов и высокой стоимости билетов. Материально-временные затраты при посещении объектов Ямало-Ненецкого автономного округа несколько ниже, чем у соседних регионов, так как там налажено более регулярное сообщение с Москвой и Санкт-Петербургом двумя видами транспорта. Регионы, расположенные восточнее, не имеют железнодорожного сообщения, безальтернативный проезд авиатранспортом стоит дорого, при этом прямых рейсов в Санкт-Петербург из аэропортов Чукотского автономного округа нет, а из арктической части Республики Саха (Якутия) нет и прямых рейсов до Москвы. Стоимость авиационного билета «Москва — Певек» начинается от 49 тыс. руб.[22]

В целом, по сравнению с 2022 г., материально-временные затраты на поездки в данные центры Российской Арктики увеличились. В Мурманской и Архангельской областях — на 1–2 балла, в Ненецком автономном округе — на 10–16 баллов, на севере Красноярского края (Норильск) — на 5 баллов, в Чукотском автономном округе (Анадырь) — на 8 баллов. Неоднозначно изменились материально-временные затраты при поездках в Воркуту, Лабытнанги и Салехард. Ухудшилось транспортное сообщение Воркуты с Санкт-Петербургом, в результате чего материально-временные затраты возросли на 7 баллов, при этом практически не изменились материально-временные затраты при поездках из Москвы. Материально-временные затраты при поездках на самолёте из Москвы в Салехард не изменились, а при поездках на поезде возросли на 6 баллов. Возросли материально-временные затраты при поездках из Санкт-Петербурга в Салехард на самолёте на 3 балла, но при этом было организовано железнодорожное сообщение и появилась альтернатива для туристов из этого города. Увеличение материально-временных затрат связано с возрастанием цен на билеты и уменьшением частоты рейсов. Исключение составляет Ямало-Ненецкий автономный округ и отчасти Республика Коми, где количество рейсов было немного увеличено на отдельных направлениях и видах транспорта. Следовательно, наиболее перспективно с точки зрения материально-временных затрат развитие туризма в европейском секторе Российской Арктики. Это относится к Мурманской и Архангельской областям. Также значительные возможности для привлечения туристов есть у Ямало-Ненецкого автономного округа (Цветков, 2022). Созданные здесь промышленные туры могут

[22] Авиакомпания «Якутия». URL: https://www.yakutia.aero/wx/booking/#/results/9261486373 (дата обращения: 17.10.2025).

быть более востребованными у туристов из других регионов страны, путешествующих через Москву, Санкт-Петербург или напрямую из своих регионов. Для регионов азиатского сектора Арктики, особенно для севера Красноярского края, Республики Саха, Чукотского автономного округа, промышленные туры предпочтительнее ориентировать на местное население или делать их частью программ других типов путешествий.

На основе знания отраслевого состава экономики арктических регионов России и географического распространения предприятий были выявлены потенциальные локации для создания промышленных туров. Основной отраслью в большинстве регионов Российской Арктики является горнодобывающая промышленность, особенно в её азиатском секторе. К основным предприятиям относятся горно-обогатительные комбинаты, рудники и шахты. После распада СССР в Российской Арктике было заброшено более 12 тыс. промышленных объектов [23]. Использование отработанных месторождений полезных ископаемых в качестве объектов туризма широко распространено в мировой практике. Например, на базе бывших нефтяных разработок в польских Карпатах создан «Карпатский нефтяной маршрут» (Kruczek, Kruczek, 2016). В Швеции на отработанном месторождении медной руды развивается промышленный туризм. Этот объект («Большая медная гора» в г. Фалун) входит в список всемирного культурного наследия, он включает рудник, закрытый в 1992 г., завод по производству меди и ряд сопутствующих объектов (Della Lucia, Pashkevich, 2023). По нашему мнению, перспективным направлением в создании маршрутов промышленных туров в Арктике может быть использование подобных объектов в качестве аттрактантов. Некоторые из них законсервированы, так как их ресурсы ещё не выработаны, и возобновление добычи полезных ископаемых на них возможно. Использование их в туризме помогло бы избежать их полного запустения и сохранить инфраструктуру предприятий, а также поддерживать некоторое количество рабочих мест. Особенно много горно-обогатительных комбинатов закрывалось в Чукотском автономном округе в 1990–2000-х гг. В основном там добывали цветные и благородные металлы (олово, вольфрам, ртуть, золото, серебро и др.) (Ващук, Коваленко, 2022). По данным инвестиционного портала Арктической зоны России, на территории Чукотского автономного округа много уникальных промышленных объектов, которые не используются по назначению, но могут привлекать туристов, так как представляют собой историческую и культурную ценность[24]. Например, закрытый в 2002 г. военный городок Гудым с аэродромом, ликвидированный в 2003 г. посёлок Апапельгино, в котором жили работники аэропорта Певек, посёлок Комсомольский в Чаунском районе с рудником по добыче золота, посёлок Валькумей с рудником по добыче олова, посёлок Иультин с рудником по добыче олова, вольфрама, золота и серебра, а также другие объекты. Сложность их использования заключается в труднодоступности, по этой

[23] Ученые составили список заброшенных промышленных объектов в Арктике. URL: https://rough-polished.expert/ru/arctica/136619.html (дата обращения: 13.10.2025).
[24] Заброшенные объекты Чукотки: ядерные ракеты, рудники и поселки. URL: https://arctic-russia.ru/article/zabroshennye-obekty-chukotki-yadernye-rakety-rudniki-i-poselki/ (дата обращения: 14.10.2025).

причине в своё время они не смогли конкурировать с другими горнодобывающими предприятиями, которые имеют более выгодное транспортно-географическое положение. Но некоторые из них находятся вблизи городов, в которых есть аэропорты (Анадырь, Певек, Билибино), и потенциально могли быть использованы в качестве туристских объектов. Основными посетителями этих объектов могут быть местные жители, будущие абитуриенты, а главной целью посещения должна быть профориентация. Кроме того, эти объекты можно включать в состав ознакомительных и приключенческих туристских маршрутов для туристов из других регионов. Аналогичное применение возможно и для старых арктических метеостанций, шахт, лесозаводов. В Воркуте в советское время действовало 13 угольных шахт, сейчас осталось 4, планируемых к закрытию до 2037 г. Возможно создание музейного комплекса на базе одной из них по типу музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала. Использовать такой объект можно как для профориентации, так и для познавательного туризма: как для местных жителей, так и для приезжих гостей. Транспортно-географическое положение Воркуты способствует этому, как и уже имеющийся опыт промышленного туризма компании «ВоркутаУголь».

В Архангельске в 1928 г. работало около 30 лесозаводов, большая часть которых была основана до 1917 г., к 2024 г. осталось 4 (Потапов, Ерохин, 2025). После закрытия большинства предприятий лесопромышленного комплекса в Архангельске осталось много свободных промышленных площадок и производственных зданий, в одном из которых можно было бы создать музей лесопиления и деревообработки с использованием современных способов визуализации.

Если руководствоваться идеей о том, что промышленный туризм для Арктики — это прежде всего профориентационные туры для решения кадровых проблем, то в каждом арктическом регионе необходимо организовать музеи на предприятиях отраслей их специализации, а у ведущих предприятий этих отраслей должны быть разработаны экскурсионные программы и налажено сотрудничество с туриндустрией региона. Такой успешный опыт уже накоплен у предприятий Мурманской области (Кольская АЭС), Карелии (АО «Сегежский ЦБК»), Ямало-Ненецкого автономного округа (Вынгапуровский газоперерабатывающий завод АО «СибурТюменьгаз») и Красноярского края (ПАО «ГМК «Норильский никель»). Мы рассмотрели, какие предприятия и компании могли бы использовать свой потенциал для разработки производственных экскурсий, а также возможные транспортные центры, через которые туристы могли бы приехать (табл. 3).

Таблица 3

Возможные объекты промышленного туризма в Российской Арктике и ближайшие к ним транспортные центры[25]

Регион	Отрасль	Предприятие или компания	Транспортный центр
Мурманская область	судостроение	ОАО «Мурманский	Мурманск

[25] Источник: составлено автором.

		судоремонтный завод морского флота», АО «10 судоремонтный завод»	
	рыбная промышленность	ПАО «Мурманский рыбный комбинат», ПАО «Инарктика»	Мурманск
	цветная металлургия	АО «Кольский горно-металлургический комбинат», АО «Кандалакшский алюминиевый завод», ООО «Ловозёрский ГОК»	Апатиты
	чёрная металлургия	АО «Оленегорский ГОК», АО «Ковдорский ГОК»	Апатиты
	горно-химическая промышленность	АО «Апатит»	Апатиты
Республика Карелия	чёрная металлургия	АО «Карельский окатыш»	Сегежа, Костомукша
	цветная металлургия	ОАО «Надвоицкий алюминиевый завод»	Надвоицы
	целлюлозно-бумажная промышленность	АО «Сегежский ЦБК»	Сегежа
Архангельская область	ЛПК	АО «Архангельский фанерный завод», ЗАО «Лесозавод 25», ОАО «Архангельский ЦБК»	Архангельск
	добывающая промышленность	АО «Североалмаз», АО АГД «Даймонд»	
	судостроение	АО ЦС «Звёздочка» СРЗ «Красная Кузница»	
	пищевая промышленность	ООО «Архангельский водорослевый комбинат»	
Ненецкий АО	ТЭК	ОАО «Печоранефть»	Нарьян-Мар
	Пищевая промышленность	ОАО «Мясопродукты»	
Республика Коми	ТЭК	ОАО Компания «ВоркутаУголь», ООО «ЛУКОЙЛ — Коми»	Воркута, Усинск
Ямало-Ненецкий АО	ТЭК	ОАО «Газпромнефть — Ноябрьскнефтегаз», ООО Газпром — добыча «Надым»	Ноябрьск, Салехард, Лабытнанги, Надым
Ханты-Мансийский АО	ТЭК, добывающая промышленность	«Белоярскнефтегаз» ООО «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь», АО «Полярный кварц»	Белоярский
Красноярский край	цветная металлургия	ПАО «ГМК Норильский никель»	Норильск
	транспорт	морской порт Дудинка	
Республика Саха (Якутия)	добывающая промышленность	АЛРОСА	Тикси, Мирный
	транспорт	Морской порт Тикси	
Чукотский АО	добывающая промышленность	ООО Артель старателей «Чукотка» (п. Комсомольский), ООО Артель старателей «Шахтёр» (п. Ленинградский), ООО Артель старателей «Полярная» (п. Полярный)	Певек, Анадырь

Как правило, промышленные предприятия находятся на транспортных путях или

вблизи них. Поэтому, используя предложенные нами города в качестве перераспределительных транспортных центров, туристы могут добраться до интересующих их объектов. «Особенно это удобно в Мурманской области, Архангельской области, Карелии и Республике Коми» (Цветков, 2022). Предприятия нефтяной и газовой промышленности, которые обычно расположены далеко от транспортных центров, менее доступны. Материально-временные затраты при их достижении увеличиваются из-за необходимости дополнительного проезда из рассмотренных транспортных центров. Это относится к Ненецкому и Ямало-Ненецкому автономным округам. В арктической части Республики Саха (Якутия) и в Чукотском автономном округе практически не осталось предприятий, которые могли бы принимать промышленных туристов. Их функцию в Якутии может взять компания АЛРОСА, которая осваивает новые месторождения, в том числе в северных районах республики. В Чукотском автономном округе теоретически могут принимать туристов артели старателей, добывающие золото, но, вероятно, эту функцию на себя должна взять администрация округа. В целом труднодоступные районы Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа слабо заселены, там существуют большие транспортные проблемы. Промышленный туризм там может рассчитывать в основном на местных жителей, так как условия формирования промышленных туров сложные, материально-временные затраты высоки, и большого спроса на туры не будет.

Большое значение имеет создание производственных музеев на предприятиях. Такие музеи создадут основу для промышленного профориентационного туризма в регионах Арктики. Это дополнительно привлечёт туристов, интересующихся историей её индустриального развития. Их работа в связке с предприятиями туриндустрии поможет сделать арктический туризм более содержательным и повысит продуктивность замысла по привлечению в Арктику трудовых ресурсов. А продвижение таких программ на федеральном уровне поможет привлечь внимание к ним потенциальных туристов.

Заключение

Таким образом, в настоящее время промышленный туризм в регионах Российской Арктики только начинает развиваться. Успешнее это происходит в наиболее освоенных и транспортно доступных регионах — Мурманской области, Карелии, Республике Коми и Ямало-Ненецком автономном округе. В качестве продвигаемых видов промышленного туризма можно отметить познавательный туризм, профориентационный туризм и туризм индустриального наследия. Регионы Российской Арктики имеют богатое индустриальное наследие, заключающееся в большом количестве объектов времён промышленного освоения: рудников, шахт, предприятий, закрытых посёлков, которые сегодня никак не используются, но могут привлекать туристов. Использование их для развития промышленного туризма индустриального наследия даст возможность сохранить инфраструктуру и создаст рабочие места.

В настоящее время перспективно развитие промышленного туризма в регионах, путешествие в которые предполагает наименьшие материально-временные затраты (Мурманская область, Архангельская область, Республика Карелия, Республика Коми, Ямало-Ненецкий автономный округ). Другие регионы Арктики могут рассчитывать на привлечение в качестве туристов преимущественно местных жителей. Можно предположить, что развитие программ промышленного туризма увеличит количество прибытий туристов в Ямало-Ненецкий автономный округ, Республику Коми, Мурманскую область, Архангельскую область, Ненецкий автономный округ и Республику Карелию. Кроме того, данные программы могут увеличить продолжительность пребывания туристов в арктических регионах. Предполагается, что основным видом промышленного туризма в Арктике должен стать профориентационный туризм. Он востребован прежде всего у местных школьников и студентов. Сложная транспортная доступность большинства арктических регионов делает промышленные туры высокозатратными, из-за чего они проигрывают конкуренцию природным арктическим турам. Чтобы исправить ситуацию, ведущие предприятия отраслей специализации в каждом арктическом регионе должны создавать современные производственные музеи, разрабатывать экскурсии и работать с туристами. Предприятия, заинтересованные в привлечении рабочих кадров, должны спонсировать такие профориентационные туры.

Перспективы для промышленного туризма открывает также включение его программ в комплексные туры, когда туристы посещают и природные, и культурно-исторические, и промышленные объекты. Такие туры возможны в любом регионе Арктики.

Проблемой продвижения промышленного туризма является недостаточная его освещённость на порталах местных туроператоров. На некоторых из них информация о промышленных турах либо отсутствует, либо не идентифицируется. Поэтому для развития промышленного туризма необходимо создание целенаправленных программ, привлечение ведущих предприятий и доступная подача информации о турах для потенциальных туристов.

Список источников

Ващук А.С., Коваленко С.Г. Северо-Восток России в 1990-е гг.: деиндустриализация на периферии страны // Россия и АТР. 2022; 4: 27–50. https://doi.org/10.24412/1026-8804-2022-4-27-50

Верна В.В., Ибрагимов Э.Э., Скараник С.С. Комплексный подход к анализу специфики развития промышленного туризма в России // Исследование проблем экономики и финансов. 2023; 1(7): 1–14. https://doi.org/10.31279/2782-6414-2023-1-7-1-14

Желнина З.Ю. Индустриальный образ Арктики: парадоксы и потенциал в Арктическом туризме // Развитие Северо-Арктического региона: история и традиции народов Арктики в меняющихся климатических условиях: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Архангельск: САФУ; 2021: 188–193.

Иванова М.В., Матюнин В.М. Промышленный туризм — новый тренд развития сибирских моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022; 7 (4): 501–510. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-501-510

Панченко Е.Л. Современные технологии обучения студентов регионально ориентированному

промышленному туризму как потенциальному драйверу развития Российской Арктики // Вестник университета Российского инновационного образования. 2024; 2: 67–82. https://doi.org/10.24412/2541-8734-2024-2-67-82

Потапов И.А. Методические подходы к анализу транспортно-географического положения рекреационных объектов (на примере Архангельской области) // Сервис в России и за рубежом. 2016; 10 (4 (65)): 43–54. https://doi.org/10.12737/20182

Потапов И.А. Особенности туристского развития города Коувола (Финляндия) // Географический вестник. 2020; 4 (55): 181–189. https://doi.org/10.17072/2079-7877-2020-4-181-189

Потапов И.А., Ерохин В.Л. Пространственный анализ трансформации промышленной зоны города Архангельска // Арктика и Север. 2025; 60: 81–97. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.60.81

Цветков А.Ю. Логистические основы развития арктического туризма в России // Арктика и Север. 2022; 46: 190–204. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.46.190

Чхотуа И.З., Власюк Л.И., Задорожная Г.В. Развитие промышленного туризма в регионах России: стратегический анализ // Экономическое возрождение России. 2021; 4 (70): 156–174. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-4-70-156-174

Della Lucia M., Pashkevich A. A sustainable afterlife for post-industrial sites: balancing conservation, regeneration and heritage tourism // European Planning Studies. 2023; 31 (1): 641–661. https://dx.doi.org/10.1080/09654313.2022.2154141

Kruczek Z., Kruczek M. Post-Industrial tourism as a means to revitalize the environment of the former oil basin in the Polish Carpathian Mountains // Polish Journal of Environmental Studies. 2016; 25(2): 895–902. https://doi.org/10.15244/pjoes/61241

References

Chkhotua I.Z., Vlasyuk L.I., Zadorozhnaya G.V. Strategic Analysis of Industrial Tourism Development in the Regions of Russia: Opportunities and Threats. *Economic Revival of Russia*. 2021; 4 (70): 156–174. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-4-70-156-174

Della Lucia M., Pashkevich A. A Sustainable Afterlife for Post-Industrial Sites: Balancing Conservation, Regeneration and Heritage Tourism. *European Planning Studies*. 2023; 31 (1): 641–661. https://dx.doi.org/10.1080/09654313.2022.2154141

Ivanova M.V., Matyunin V.M. Industrial Tourism as a New Trend in the Development of Siberian Single-Industry Towns. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. 2022; 7 (4): 501–510. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-501-510

Kruczek Z., Kruczek M. Post-Industrial Tourism as a Means to Revitalize the Environment of the Former Oil Basin in the Polish Carpathian Mountains. *Polish Journal of Environmental Studies*. 2016; 25 (2): 895–902. https://doi.org/10.15244/pjoes/61241

Panchenko E.L. Modern Technologies of Teaching Students of Regionally Oriented Industrial Tourism as a Potential Driver for the Development of the Russian Arctic. *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*. 2024; 2: 67–82. https://doi.org/10.24412/2541-8734-2024-2-67-82

Potapov I.A. Methodological Approaches to the Analysis of Transport-Geographical Location of Recreational Objects (The Example of Arkhangelsk Region). *Services in Russia and Abroad*. 2016; 10 (4 (65)): 43–54. https://doi.org/10.12737/20182

Potapov I.A. Tourism Development of the City of Kouvola (Finland). *Geographical Bulletin*. 2020; 4 (55): 181–189. https://doi.org/10.17072/2079-7877-2020-4-181-189

Potapov I.A., Erokhin V.L. Spatial Analysis of the Transformation of the Arkhangelsk Industrial Zone. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2025; 60: 81–97. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.60.81

Tsvetkov A.Yu. Logistic Basis for the Development of Arctic Tourism in Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2022; 46: 190–204. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.46.190

Vashchuk A.S., Kovalenko S.G. The North-East of Russia in the 1990s: Deindustrialization on the Periphery of Russia. *Russia and the Pacific*. 2022; 4: 27–50. https://doi.org/10.24412/1026-8804-2022-4-27-50

Verna V.V., Ibragimov E.E., Skaranik S.S. An Integrated Approach to the Analysis of the Specifics of

Development Industrial Tourism in Russia. *Research in Economic and Financial Problems*. 2023; 1(7): 1–14. https://doi.org/10.31279/2782-6414-2023-1-7-1-14

Zhelnina Z.Yu. The Industrial Image of the Arctic: Paradoxes and Potential in Arctic Tourism. In: *Advancing Humanities in the Arctic Region: History and Traditions of the Arctic Peoples in Changing Climatic Conditions: Paper Collection of the International Scientific Conference*. Arkhangelsk, NarFU Publ.; 2021: 188–193.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; принята к публикации 22.12.2025

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ
POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 157–173.
Научная статья
УДК [327.8:341.225:327.5](481-922.1)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.157

Архипелаг Шпицберген как объект геополитической конкуренции в Арктике. К столетию Договора

Журавель Валерий Петрович [1]✉, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник
Гриняев Сергей Николаевич [2], доктор технических наук, главный научный сотрудник

[1, 2] Институт Европы РАН, ул. Моховая, 11, стр. 3, Москва, Россия
[1] zhvalery@mail.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1786-6754
[2] sgreen@csef.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6511-9553

Аннотация. Исследование посвящено анализу современной геополитической ситуации вокруг архипелага Шпицберген в связи со столетием вступления в силу Договора о Шпицбергене 1925 г. В работе рассматриваются основные тенденции трансформации правового, политического и военно-стратегического статуса архипелага в условиях радикальных изменений международной обстановки в Арктике. На основе анализа официальных документов, экспертных оценок и практических шагов ключевых государств-участников выявлены усиливающиеся противоречия между Норвегией, стремящейся к консолидации национального контроля и расширению суверенных полномочий, и Россией, нацеленной на поддержание исторически сложившегося присутствия и реализацию своих экономических и научных интересов. Особое внимание уделено процессам милитаризации региона в контексте расширения НАТО, приостановке деятельности Арктического совета и усилению соперничества ведущих арктических держав. Отдельный акцент сделан на роли Китая как нового приарктического актора, наращивающего исследовательскую активность на архипелаге в рамках глобальной арктической стратегии. Показано, что Шпицберген постепенно утрачивает статус зоны мирного сотрудничества, превращаясь в пространство стратегической конкуренции, где пересекаются интересы Норвегии, России, Китая и альянса НАТО. В работе также рассматриваются перспективные направления российской политики по адаптации к усилению норвежского контроля, включая диверсификацию деятельности компании «Арктикуголь», развитие туризма, формирование международного исследовательского центра в Пирамиде и сотрудничество со странами БРИКС+. Сделан вывод о необходимости комплексного обновления российской арктической стратегии, направленной на защиту национальных интересов и укрепление научного, экономического и гуманитарного присутствия в условиях нарастающего давления со стороны западных государств.

Ключевые слова: *Шпицберген, геополитика, Арктика, Договор о Шпицбергене, российское присутствие, милитаризация, НАТО, международное право, рыболовная зона, континентальный шельф*

* © Журавель В.П., Гриняев С.Н., 2026
Для цитирования: Журавель В.П., Гриняев С.Н. Архипелаг Шпицберген как объект геополитической конкуренции в Арктике. К столетию Договора // Арктика и Север. 2026; 64: 157–173. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.157
For citation: Zhuravel V.P., Grinyaev S.N. The Svalbard Archipelago as an Object of Geopolitical Competition in the Arctic. On the Treaty's Centenary. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 157–173. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.157
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

The Svalbard Archipelago as an Object of Geopolitical Competition in the Arctic. On the Treaty's Centenary

Valery P. Zhuravel [1]✉, Cand. Sci. (Ped.), Leading Researcher
Sergey N. Grinyaev [2], Dr. Sci. (Tech.), Chief Researcher

[1, 2] Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, ul. Mokhovaya, 11, bld. 3, Moscow, Russia
[1] zhvalery@mail.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1786-6754
[2] sgreen@csef.ru, ORCID**:** https://orcid.org/0000-0001-6511-9553

Abstract. The study is devoted to analyzing the current geopolitical dynamics surrounding the Svalbard archipelago in the context of the centennial anniversary of the 1925 Svalbard Treaty. The paper examines the key trends in the transformation of the archipelago's legal, political, and strategic status amid the profound reshaping of the Arctic's international environment. Based on an analysis of official documents, expert assessments and practical steps taken by key participating states, the paper identifies growing contradictions between Norway, which seeks to consolidate national control and expand its sovereign powers, and Russia, which aims to maintain its historically established presence and safeguard its economic and scientific interests. Special attention is given to the processes of regional militarization under the framework of NATO expansion, the suspension of the Arctic Council's activities, and the intensifying competition among leading Arctic powers. Special emphasis is placed on the role of China as a new near-Arctic actor expanding its research footprint on Svalbard as part of a wider polar strategy. It is demonstrated that Svalbard is gradually losing its status as a zone of peaceful cooperation, transforming into an arena of strategic competition where the interests of Norway, Russia, China and the NATO alliance intersect. The paper further outlines Russia's adaptive measures aimed at preserving its influence through diversification of the Arcticugol enterprise, development of tourism projects, creation of an international research hub in Pyramiden, and cooperation with the BRICS+ countries. The conclusion emphasizes that there is a need for a comprehensive update of Russia's Arctic strategy, aimed at protecting national interests and strengthening its scientific, economic and humanitarian presence amid growing geopolitical pressure from Western states.
Keywords: *Svalbard, geopolitics, Arctic, Svalbard Treaty, Russian presence, militarization, NATO, international law, fisheries zone, continental shelf*

Введение

В августе 2025 г. исполнилось сто лет со дня вступления в силу Договора о Шпицбергене[1], ставшего основой современного правового режима архипелага. Договор был подписан в Париже 9 февраля 1920 г. между США, Великобританией, Данией, Японией, Норвегией, Нидерландами, Швецией, вступил в силу 14 августа 1920 г. после его ратификации норвежским парламентом. СССР присоединился к договору 7 мая 1935 г.

В условиях кардинально изменившейся геополитической обстановки в Арктическом регионе этот юбилей приобретает особое значение, поскольку совпадает с периодом острого международного противостояния и пересмотра устоявшихся принципов арктического сотрудничества. Российская Федерация, являющаяся одной из ключевых арктических держав и стороной Договора с 1935 г., сталкивается с серьёзными вызовами в отношении сохранения своих позиций на архипелаге Шпицберген.

Современная ситуация характеризуется качественно новым уровнем геополитической

[1] Договор о Шпицбергене / Министерство иностранных дел Российской Федерации. 09.02.1920. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51519/ (дата обращения: 19.10.2025).

напряжённости в Арктике. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО в 2023–2024 гг. кардинально изменило военно-стратегический баланс в северных широтах. Приостановка деятельности Арктического совета в марте 2022 г. фактически завершила эпоху «арктической исключительности» (Bennett, Dodds, 2025) и мирного сотрудничества в регионе. В этих условиях архипелаг Шпицберген, расположенный в стратегически важной точке между Гренландией, материковой Норвегией и российским побережьем, приобретает критическое значение для обеспечения национальной безопасности ведущих арктических держав.

Сегодня Норвегия, осуществляющая суверенитет над архипелагом, предпринимает ряд активных шагов по укреплению национального контроля и фактическому пересмотру международного характера Договора 1920 г. Новая Белая книга по Шпицбергену[2], представленная норвежским правительством в 2024 г., содержит ряд мер, направленных на ограничение деятельности других государств и усиление норвежского присутствия[3]. Одновременно наблюдается процесс постепенной милитаризации архипелага, несмотря на прямые запреты статьи 9 Договора о Шпицбергене.

Россия, в свою очередь, стремится сохранить и укрепить своё присутствие на архипелаге через диверсификацию деятельности государственной компании «Арктикуголь», развитие туризма и создание международного научного центра в Пирамиде. Особую роль в российской стратегии играет сотрудничество со странами БРИКС+ и дружественными государствами, что позволяет компенсировать ограничения, наложенные западными странами после начала специальной военной операции.

Китай также активизировал свою деятельность на Шпицбергене, расширив исследовательскую программу и направив в 2024 г. рекордное количество ледоколов в Арктический регион. Пекин рассматривает архипелаг как важный элемент своей арктической стратегии и средство легитимации статуса приарктического государства.

Основные позиции российских и зарубежных учёных по проблемам архипелага Шпицберген

Научный дискурс о Шпицбергене за последние пять лет демонстрирует существенные различия в подходах российских и зарубежных исследователей к интерпретации правового статуса архипелага и его роли в арктической безопасности.

Российские учёные В.П. Журавель и Д.С. Тимошенко (Журавель, Тимошенко, 2022), А.А. Тодоров (Тодоров, 2020) и С.Н. Гриняев (Гриняев, 2025) последовательно отстаивают принцип равноправия, закреплённый в Договоре 1920 г. Журавель В.П. и Тимошенко Д.С. аргументируют, что российское присутствие обусловлено стратегическими интересами и

[2] Svalbard. Meld. St. 26 (2023–2024) Report to the Storting (white paper) / Norwegian Ministry of Justice and Public Security. 31.05.2024. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/f8407df1f6a641fbae2ca00f4509a64e/en-gb/pdfs/stm202320240026000engpdfs.pdf (дата обращения: 19.10.2025).
[3] Middleton A., Sovereignty, Governance, and Infrastructure: Analysis of Svalbard's White Paper 2023-2024. URL: https://www.highnorthnews.com/en/sovereignty-governance-and-infrastructure-analysis-svalbards-white-paper-2023-2024 (дата обращения: 19.10.2025).

защитой исторических прав. Тодоров А.А. указывает на нарушения демилитаризованного статуса архипелага односторонними действиями Норвегии. Гриняев критически оценивает новую арктическую стратегию Норвегии, подчёркивая возрастающее давление на российские позиции и усиление военного присутствия НАТО.

Западные исследователи предлагают иную перспективу. А. Остхаген (Østhagen, 2024) в работе «Мифы геополитики Шпицбергена» критикует распространённые заблуждения, подчёркивая неоспоримость норвежского суверенитета. А. Мое и А.-К. Йоргенсен (Moe, Jørgensen, 2025) заключают, что российская политика присутствия не является стратегической и направлена на сохранение минимального присутствия при финансовых ограничениях. Т. Хенриксен (Henriksen, 2024) рассматривает решение Верховного суда Норвегии 2023 г., подтвердившее неприменимость Договора за пределами 12-мильной зоны.

С. Паукконен и Дж. Блэк (Paukkunen, Black, 2024) анализируют попытки России использовать Арктический совет как инструмент давления после вторжения на Украину. Т. Бранка (Branka, 2022) показывает трансформацию арктического сотрудничества вследствие российской агрессии.

Таким образом, научная литература демонстрирует глубокий раскол: российские учёные настаивают на защите принципа равноправия и критикуют норвежскую политику, тогда как западные исследователи подчёркивают легитимность норвежского суверенитета.

Геополитическая и геостратегическая ситуация в Арктическом регионе к столетию вступления в силу Договора о Шпицбергене

Столетие Договора о Шпицбергене совпадает с периодом фундаментальной трансформации международно-правовых основ арктического сотрудничества. Подписанный 9 февраля 1920 г. и вступивший в силу 14 августа 1925 г. Договор создавал уникальную правовую конструкцию, предоставляющую Норвегии суверенитет над архипелагом при сохранении равных прав всех договаривающихся сторон на экономическую деятельность[4]. К 2025 г. участниками Договора являются 46 государств, что делает его одним из наиболее представительных международных соглашений в Арктике.

Однако современная интерпретация положений Договора существенно отличается от первоначальных намерений его создателей. Принятие Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.[5] привело к появлению новых правовых концепций, включая 200-мильные исключительные экономические зоны и расширенные права прибрежных государств на континентальный шельф. Эти изменения создали правовую неопределённость относительно применимости принципов Договора к морским пространствам вокруг архипелага.

Особенно острые разногласия возникли по поводу рыболовной охранной зоны,

[4] О Шпицбергене и вокруг него / Министерство иностранных дел Российской Федерации. 25.02.2020. URL: https://mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1428089/ (дата обращения: 19.10.2025).
[5] United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) 1982. Montego Bay: UN. 1982.

установленной Норвегией в 1977 г.[6] Россия последовательно оспаривает право Норвегии на одностороннее установление юрисдикции в этих водах, настаивая на том, что управление рыболовством должно осуществляться на двусторонней основе или через международные организации. За период с 1998 по 2011 гг. произошло несколько серьёзных инцидентов между российскими рыболовными судами и норвежской береговой охраной, которые могли перерасти в дипломатические кризисы[7].

Что касается геостратегического значения архипелага Шпицберген, то оно кардинально возросло в условиях изменения военно-политического баланса в Арктике. Архипелаг, расположенный примерно в 990 км от главной базы Северного флота России в Североморске, является важным объектом для контроля над транзитными маршрутами российских подводных лодок в Атлантику. В случае крупномасштабного конфликта между Россией и НАТО контроль над Шпицбергеном мог бы обеспечить альянсу возможность блокирования выхода российских стратегических подводных лодок через пролив между архипелагом и северной оконечностью Норвегии.

Вступление Финляндии и Швеции в НАТО в 2023–2024 гг. качественно изменило стратегический контекст. Теперь семь из восьми арктических государств являются членами Североатлантического альянса, что создаёт для России ситуацию практически полного окружения в северных широтах. Проведение крупномасштабных учений НАТО, включая Nordic Response 2024[8] с участием 20 000 военнослужащих, демонстрирует растущее внимание Альянса к арктическому театру военных действий.

Китай также рассматривает Шпицберген через призму своих стратегических интересов в Арктике. Развёртывание в 2024 г. трёх китайских ледоколов в арктических водах, включая флагманский *Xue Long 2*[9], свидетельствует о возрастающих амбициях Пекина в регионе. Китайское присутствие на архипелаге через исследовательскую станцию «Хуанхэ» в Ню-Олесунне и планы расширения научной деятельности вызывают обеспокоенность как у Норвегии, так и у её союзников по НАТО.

Наряду с геополитическими и военно-стратегическими факторами, важное значение в трансформации ситуации вокруг Шпицбергена играют климатические изменения в Арктике, которые создают новые экономические возможности и одновременно усиливают геополитическую конкуренцию. Архипелаг Шпицберген, где среднегодовые температуры растут в разы быстрее среднего глобального роста, становится более доступным для различных видов экономической деятельности. Такая ситуация открывает новые перспективы для добычи полезных ископаемых, туризма и судоходства, одновременно

---

[6] Groenning R. The Norwegian Svalbard Policy — Respected or Contested? 22.11.2017. URL: https://www.thearcticinstitute.org/norwegian-svalbard-policy-respected-contested/ (дата обращения: 19.10.2025).
[7] Там же.
[8] Nordic Response 2024 / Norwegian Armed Forces. 20.12.2024. URL: https://www.forsvaret.no/en/exercises-and-operations/exercises/nr24 (дата обращения: 19.10.2025).
[9] MV Сюэ Лонг 2. URL: https://alphapedia.ru/w/MV_Xue_Long_2 (дата обращения: 19.10.2025).

создавая почву для международных споров о правах на использование ресурсов.

Так, Норвегия в 2024 г. открыла для промышленной разработки морского дна участки континентального шельфа (Гриняев, 2025), около трети которых пересекается с зоной вокруг Шпицбергена. Это решение вызвало критику со стороны ЕС и экологических организаций, а также создало новые правовые прецеденты, которые могут повлиять на интерпретацию Договора о Шпицбергене[10]. Россия выразила обеспокоенность тем, что такие односторонние действия Норвегии нарушают принцип равного доступа, закреплённый в Договоре.

Туристическая индустрия также становится предметом геополитической конкуренции (Журавель, Тимошенко, 2022). Россия через компанию «Арктикуголь» развивает туристические маршруты, включающие «ностальгический туризм» с использованием советской символики. Однако поднятие советских флагов в Баренцбурге и Пирамиде в 2024 г. представляет собой не только туристическую аттракцию, но и способ демонстрации российского присутствия.

Роль архипелага Шпицберген в новых геополитических условиях

Архипелаг Шпицберген исторически являлся символом успешного международного сотрудничества в Арктике, однако в новых геополитических условиях он превращается в арену острого противостояния. Концепция «арктической исключительности», согласно которой регион оставался относительно изолированным от глобальных конфликтов, окончательно разрушилась после начала специальной военной операции России на Украине (Paukkunen, Black, 2024; Branka, 2022).

Приостановка деятельности Арктического совета в марте 2022 г. стала переломным моментом в истории арктического сотрудничества (Gricius, Fitz, 2022). Семь западных арктических государств приняли решение о временном прекращении участия России в работе организации, что затронуло 128 проектов научного и экологического сотрудничества. Хотя в июне 2022 г. была предпринята попытка частичного возобновления деятельности без участия России, полноценное функционирование Совета остаётся под вопросом.

В этих условиях Шпицберген приобретает особое значение как один из немногих оставшихся форматов российско-западного взаимодействия в Арктике. Договор 1920 г. юридически обязывает Норвегию обеспечивать равные права всех договаривающихся сторон, что создаёт правовую основу для сохранения российского присутствия даже в условиях санкционного давления. Однако на практике Норвегия предпринимает всё больше мер по ограничению российской деятельности под предлогом экологических требований и соображений безопасности[11].

[10] Leading Scientists Urge Moratorium on Deep-Sea Mining: Explore Recycling and Terrestrial Resources First / EASAC. 08.06.2023. URL: https://easac.eu/news/details/deep-sea-mining-press-release (дата обращения: 19.10.2025).
[11] Lokeren F.V. What a militarized Svalbard would mean for Russia // Naval News. 17.04.2025. URL: https://www.navalnews.com/naval-news/2025/04/what-a-militarized-svalbard-would-mean-for-russia/ (дата обращения: 19.10.2025).

Так, несмотря на чёткий запрет военных укреплений и баз в статье 9 Договора о Шпицбергене, архипелаг постепенно втягивается в процесс милитаризации Арктики. Норвегия официально отрицает обвинения в милитаризации [12], однако регулярное присутствие кораблей береговой охраны и военно-морского флота на архипелаге вызывает обоснованные вопросы о соблюдении международных обязательств.

Россия неоднократно выражала протест против использования Норвегией спутниковой станции KSAT на Платберге близ Лонгйира для целей, которые могут иметь военное применение[13]. Российская сторона утверждает, что собираемые станцией данные могут использоваться НАТО для разведывательных целей, что противоречит демилитаризованному статусу архипелага. Норвегия отрицает военный характер использования станции, но отказывается предоставить детальную информацию о характере собираемых данных.

Особую обеспокоенность вызывает возможность размещения на архипелаге элементов системы противовоздушной и противоракетной обороны НАТО. Стратегическое расположение Шпицбергена делает его идеальной площадкой для размещения радиолокационных станций и ракетных комплексов, которые могли бы контролировать обширные пространства Баренцева моря и маршруты движения российских стратегических подводных лодок.

В условиях ограниченных возможностей официального дипломатического взаимодействия научное сотрудничество на Шпицбергене приобретает особое значение как инструмент «мягкой силы». Россия активно развивает концепцию Международного арктического научно-исследовательского центра в Пирамиде, который должен стать альтернативой западно-ориентированному научному сообществу в Ню-Олесунне[14].

Планируемый научный центр в Пирамиде ориентирован на сотрудничество со странами БРИКС+ и дружественными государствами, включая Китай, Бразилию, Индию, Турцию и Таиланд. Это позволит России создать параллельную систему научного сотрудничества в Арктике, независимую от западных институтов. Подписание соглашения между МГИМО и компанией «Арктикуголь» в 2024 г. демонстрирует серьёзность российских планов по развитию научного присутствия на архипелаге[15].

Китай, в свою очередь, рассматривает научное присутствие на Шпицбергене как

[12] Norway denies Russian accusation of militarising Svalbard Arctic islands // Reuters. 14.03.2025. URL: https://www.reuters.com/world/europe/russia-accuses-norway-militarising-svalbard-arctic-islands-2025-03-14/ (дата обращения: 19.10.2025).

[13] Jonassen T. Russia Accuses Norway of Increased Military Presence on Svalbard // HNN. 07.10.2022. URL: https://www.highnorthnews.com/en/russia-accuses-norway-increased-military-presence-svalbard (дата обращения: 19.10.2025).

[14] «Пирамида — жемчужина Шпицбергена». Гендиректор компании «Арктикуголь» Ильдар Неверов — о международном сотрудничестве и развитии туризма в Арктике // Известия. 15.06.2023. URL: https://iz.ru/1529650/video/neverov-o-mezhdunarodnom-sotrudnichestve-i-razvitii-turizma-v-arktike (дата обращения: 19.10.2025).

[15] МГИМО и «Арктикуголь» начинают сотрудничество / МГИМО. 11.01.2024. URL: https://mgimo.ru/about/news/main/arcticugol/ (дата обращения: 19.10.2025).

способ легитимации своего статуса в Арктике. Станция «Хуанхэ» в Ню-Олесунне функционирует с 2004 г., но в 2024 г. китайские представители впервые посетили российский Баренцбург для обсуждения возможного сотрудничества. Это сигнализирует о готовности Пекина диверсифицировать свои арктические партнёрства в условиях растущего давления со стороны западных стран.

Шаги ключевых игроков по пересмотру статуса архипелага

Норвегия в последние годы значительно активизировала усилия по укреплению своего суверенитета над архипелагом Шпицберген, фактически стремясь пересмотреть международный характер Договора 1920 г. Новая Белая книга по Шпицбергену, представленная в 2024 г., содержит комплекс мер, направленных на усиление «национального контроля» над архипелагом. Введение контроля личных данных и движения товаров в 2022 г. стало первым практическим шагом в этом направлении[16].

Особенно показательным является решение о введении туристических сборов для посетителей Лонгйира, доходы от которых будут направляться на развитие инфраструктуры и государственных услуг[17]. Это создаёт прецедент дискриминационного подхода к гражданам различных стран, что противоречит принципу равного обращения, закреплённому в Договоре. Россия выразила обеспокоенность тем, что подобные меры направлены на создание финансовых барьеров для российских граждан.

Норвегия также пересматривает вопросы собственности на критически важную инфраструктуру архипелага. Решение о передаче ответственности за энергоснабжение Лонгйира от муниципального совета к государственной компании «Store Norske» свидетельствует о стремлении центрального правительства усилить контроль над стратегическими объектами[18]. Выделение 175 млн норвежских крон на энергетический переход и 42 млн норвежских крон на укрепление инфраструктуры демонстрирует готовность значительных финансовых вложений для достижения этой цели[19].

Ограничения на количество пассажиров круизных судов и планы по введению лимитов на общее количество судов в территориальных водах архипелага также служат целям усиления норвежского контроля[20]. Хотя эти меры официально мотивируются экологическими соображениями, они создают дополнительные инструменты для

[16] Norwegian Customs in Svalbard // Tolletaten. 25.11.2024. URL: https://www.toll.no/en/corporate/import/norwegian-customs-in-svalbard (дата обращения: 19.10.2025).
[17] Norway's tourist tax: New source of revenue for municipalities // Nordic Marketing. 29.11.2024. URL: https://www.nordicmarketing.de/en/blog/norways-tourist-tax-new-source-of-revenue-for-municipalities (дата обращения: 19.10.2025).
[18] Jonassen T., Norway Wants Greater State Ownership of the Energy Supply on Svalbard // HNN. 10.05.2024. URL: https://www.highnorthnews.com/en/norway-wants-greater-state-ownership-energy-supply-svalbard (дата обращения: 19.10.2025).
[19] Там же.
[20] Hager J. New Svalbard report: Stronger national control by Norway and fewer ships // Polar Journal. 06.06.2024. URL: https://polarjournal.net/new-svalbard-report-stronger-national-control-by-norway-and-fewer-ships/ (дата обращения: 19.10.2025).

выборочного регулирования доступа различных стран к архипелагу.

Вступление Финляндии в НАТО 4 апреля 2023 г. и Швеции 7 марта 2024 г. кардинально изменило военно-стратегическую ситуацию в Арктике. Теперь все скандинавские страны являются членами альянса, что создаёт единый военно-политический блок в северных широтах. Безусловно, это усиливает давление на Россию и повышает стратегическое значение Шпицбергена как потенциальной точки военного присутствия НАТО.

Проведение крупномасштабных военных учений НАТО в арктическом регионе стало регулярной практикой (Тодоров, 2020). В частности, учения *Nordic Response 2024* с участием военнослужащих из Норвегии, Швеции и Финляндии продемонстрировали возросшие военные возможности Альянса в северных широтах. Хотя эти учения формально не затрагивали территорию Шпицбергена, их проведение в непосредственной близости от архипелага посылает чёткий сигнал о намерениях НАТО.

Подписание дополнительного соглашения об оборонном сотрудничестве между США и Норвегией[21] расширяет доступ американских вооружённых сил к норвежской военной инфраструктуре. Несмотря на то, что непосредственно архипелаг Шпицберген не упоминается в рамках этого соглашения, растущее американское военное присутствие в северной Норвегии создаёт предпосылки для потенциального расширения использования ресурсов архипелага в военных целях.

Развитие систем космического наблюдения и связи на архипелаге также вызывает обеспокоенность относительно соблюдения демилитаризованного статуса. Модернизация спутниковой станции KSAT и планы по развитию коммуникационной инфраструктуры могут служить как гражданским, так и военным целям (Гриняев, 2024). Отсутствие прозрачности в вопросах использования собираемых данных создаёт почву для российских подозрений о нарушении статьи 9 Договора о Шпицбергене.

Новая станция воздушного мониторинга в районе Ню-Олесунна на архипелаге Шпицберген, которая начала функционировать с 1 октября 2025 г. под управлением Норвежского управления радиационной и ядерной безопасности, представляет собой технически совершенный инструмент обнаружения искусственных изотопов. Подобные односторонние действия по усилению мониторинга безусловно следует интерпретировать как нарушение духа Договора о Шпицбергене о равенстве прав, учитывая, что данные мониторинга используются для военно-стратегических целей НАТО[22].

Позиции других арктических государств по вопросу статуса Шпицбергена во многом определяются их отношениями с Россией и степенью интеграции в западные институты

[21] U.S.-Norway Supplementary Defense Cooperation Agreement (SDCA) / The U.S. Department of State. 20.01.2025. URL: https://www.state.gov/u-s-norway-supplementary-defense-cooperation-agreement-sdca/ (дата обращения: 19.10.2025).

[22] Norway opens world’s northernmost permanent radiation monitoring // Arctic Today. 27.09.2025. URL: https://www.arctictoday.com/norway-opens-worlds-northernmost-permanent-radiation-monitoring/ (дата обращения: 19.10.2025).

безопасности. Так, Исландия, несмотря на членство в НАТО, традиционно проводит более сбалансированную арктическую политику, стремясь сохранить диалог со всеми арктическими государствами. Рейкьявик продолжает поддерживать концепцию мирного сотрудничества в Арктике через «Арктический круг» — форум, альтернативный приостановленному Арктическому совету.

Дания, осуществляющая суверенитет над Гренландией, находится под растущим давлением со стороны США относительно расширения американского военного присутствия в арктических регионах. Заявления президента Трампа о намерениях США получить контроль над Гренландией создают дополнительную напряжённость в арктических отношениях и могут повлиять на подходы к интерпретации международного права в регионе, включая и судьбу Договора о Шпицбергене.

Канада, традиционно поддерживающая принципы многостороннего сотрудничества в Арктике, сегодня вынуждена балансировать между союзническими обязательствами перед США и стремлением сохранить свою роль значимого участника геополитических процессов в регионе.

Действия Норвегии по ограничению международного присутствия на архипелаге

Норвегия систематически использует административно-правовые механизмы для ограничения деятельности других государств на архипелаге Шпицберген. Ужесточение экологических требований стало основным инструментом давления на российские предприятия. Компания «Арктикуголь» неоднократно сталкивалась с новыми регулятивными требованиями, которые значительно увеличивают затраты на ведение хозяйственной деятельности.

Введение контроля личных данных и движения товаров в 2022 г. создало дополнительные барьеры для российских граждан и предприятий. Хотя эти меры официально мотивируются соображениями национальной безопасности, на практике они создают селективные препятствия для определённых категорий посетителей. Россия расценивает эти действия как попытку обойти международно-правовые обязательства Норвегии по обеспечению равного доступа к архипелагу.

Отказ в разрешении на прямые чартерные рейсы для российских туристов из Москвы или Мурманска демонстрирует использование транспортных ограничений как инструмента давления. Норвежские власти разрешили только один служебный рейс для сотрудников компании «Арктикуголь», отклонив планы по развитию туристических перевозок [23]. Это решение противоречит принципу свободного доступа, закреплённому в Договоре о Шпицбергене.

Введение туристических сборов для посетителей Лонгйира создаёт прецедент

[23] Wiersen S.Å. Får fly fra Russland til Norge // Ddagbladet. 12.09.2023. URL: https://www.dagbladet.no/nyheter/far-fly-fra-russland-til-norge/80187785 (дата обращения: 19.10.2025).

финансовой дискриминации, который может быть использован для избирательного регулирования туристических потоков. Доходы от этих сборов планируется направлять на развитие инфраструктуры — это фактически означает, что иностранные посетители будут финансировать укрепление норвежского контроля над архипелагом.

Кроме того, Норвегия активно использует экологические аргументы для обоснования ограничений деятельности других государств на архипелаге. Создание новых охраняемых природных территорий и ужесточение правил посещения этих зон непропорционально затрагивает российские интересы, поскольку основные объекты российского присутствия — Баренцбург и Пирамида — расположены в районах повышенной экологической чувствительности.

Ограничения на использование вертолётной техники особенно болезненно затрагивают российские операции. Компания «Арктикуголь» традиционно использовала вертолёты для транспортировки персонала и грузов между российскими поселениями, однако новые экологические требования фактически запрещают такие полёты вне узко определённых зон. Это создаёт серьёзные логистические проблемы и увеличивает операционные расходы российских предприятий.

Введение запрета на мазутное топливо для судов в территориальных водах Шпицбергена, хотя и продиктовано объективными экологическими соображениями, создаёт дополнительные затраты для российской логистики. Необходимость использования более дорогого дизельного топлива увеличивает себестоимость доставки грузов в российские поселения.

Ограничения на количество пассажиров круизных судов и планы по лимитированию общего числа судов в территориальных водах также затрагивают российские интересы в сфере туризма. Поскольку российские туристические операторы только начинают развивать морские маршруты на Шпицберген, подобные ограничения могут заблокировать перспективные направления развития.

Следует обратить внимание и на то, как Норвегия ведёт активную информационную кампанию, направленную на формирование негативного образа российского присутствия на архипелаге. Норвежские СМИ регулярно публикуют материалы о «российской угрозе» и «нарушениях» Договора о Шпицбергене, формируя общественное мнение для усиления ограничительных мер. Особое внимание уделяется критике российских символических акций, таких как поднятие советских флагов или проведение парада Победы в Баренцбурге.

Акцент на «путинизации» российского присутствия и усилении «авторитарных тенденций» в российских поселениях служит обоснованием для дальнейшего усиления норвежского контроля над архипелагом.

Критика российских планов по созданию международного научного центра в Пирамиде также носит системный характер. Норвежские официальные лица и эксперты ставят под сомнение научный характер этого проекта, утверждая, что он может служить

геополитическим целям [24, 25]. Это создаёт предлог для введения дополнительных ограничений на российскую исследовательскую деятельность.

Деятельность России по укреплению позиций на Шпицбергене

Российская Федерация проводит политику диверсификации своего присутствия на архипелаге Шпицберген, стремясь снизить зависимость от угольной добычи и создать устойчивую основу для долгосрочного присутствия. Государственная компания «Арктикуголь» в 2024 г. завершила масштабную модернизацию портовой инфраструктуры в Баренцбурге [26], увеличив глубину причалов до 13 м и создав возможности для одновременного обслуживания нескольких судов.

Развитие туристической отрасли становится одним из ключевых направлений диверсификации. Российская сторона активно продвигает концепцию «ностальгического туризма», основанного на советском наследии архипелага (Валькова, Шумков, 2022). Восстановление советской символики, включая лозунг «Миру — мир!» над Баренцбургом и Пирамидой, а также поднятие советских флагов служит не только туристической аттракцией, но и способом демонстрации исторических прав России на присутствие в архипелаге.

Особое внимание уделяется развитию круизного туризма с прямыми маршрутами из российских портов. Хотя норвежские власти отклонили заявки на регулярные туристические рейсы из России, компания «Арктикуголь» продолжает работу над созданием альтернативных маршрутов. Первый прямой рейс судна «Профессор Молчанов» из Мурманска в Баренцбург в 2025 г. стал символическим прорывом в преодолении транспортных ограничений[27].

Модернизация угольной электростанции в Баренцбурге [28] для повышения экологической эффективности демонстрирует готовность России соответствовать современным экологическим требованиям. Закупка первого электромобиля для использования в Баренцбурге и планы по расширению экологически чистого транспорта показывают адаптацию к норвежским экологическим стандартам.

Создание Международного арктического научно-исследовательского центра в Пирамиде представляет собой амбициозный проект, направленный на укрепление

---

[24] Solberg K. Vil etablere forskningssenter i «spøkelsesby» // Dagbladet. 05.02.2024. URL: https://www.dagbladet.no/nyheter/vil-etablere-forskningssenter-i-spokelsesby/81335828 (дата обращения: 19.10.2025).

[25] Pyramiden — et viktig russisk fotfeste i norsk Arktis // Dagsavisen. 02.10.2022. URL: https://www.dagsavisen.no/nyheter/pyramiden-et-viktig-russisk-fotfeste-i-norsk-arktis/5702348 (дата обращения: 19.10.2025).

[26] «Арктикуголь» провел модернизацию портовой инфраструктуры на Шпицбергене // ТАСС. 05.12.2023. URL: https://tass.ru/ekonomika/19462519 (дата обращения: 19.10.2025).

[27] Из Мурманска на Шпицберген отправился первый безвизовый рейс с туристами на борту / Министерство информационной политики Мурманской области. 01.06.2025. URL: https://mininform.gov-murman.ru/info/news/547782/ (дата обращения: 19.10.2025).

[28] «Арктикуголь» провел модернизацию портовой инфраструктуры на Шпицбергене // ТАСС. 05.12.2023. URL: https://tass.ru/ekonomika/19462519 (дата обращения: 19.10.2025).

российских позиций в сфере арктических исследований. Проект получил поддержку министра РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики Алексея Чекункова [29], что свидетельствует о государственном приоритете данной инициативы. Планируемый центр должен привлечь исследователей из стран БРИКС+, включая Китай, Бразилию, Индию, Турцию и Таиланд.

Соглашение между МГИМО и компанией «Арктикуголь» позволяет привлечь к работе на архипелаге ведущих учёных и создать устойчивые образовательные программы в ряде российских учебных заведений (Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Мурманский арктический университет и др.). Тематическая направленность планируемого центра охватывает широкий спектр исследований, включая климатологию, биологию, геологию, геофизику, космические исследования, метеорологию, экологию и историко-культурные исследования. Такой междисциплинарный подход позволяет максимально использовать уникальные возможности арктического региона для научных исследований. В рамках подписанного Соглашения о взаимопонимании и сотрудничестве между МГИМО и трестом «Арктикуголь» в марте 2024 г. состоялась открытая лекция генерального директора треста И.А. Неверова «Архипелаг Шпицберген: вызовы современности». Для решения практических и организационных задач в Арктическом и антарктическом научно-исследовательском институте Росгидромета организовано специальное подразделение — Российская научная арктическая экспедиция на архипелаге Шпицберген.

Сотрудничество с китайскими исследовательскими институтами приобретает особое значение в условиях ограниченных контактов с западными научными центрами. Визит китайской делегации в Баренцбург в 2024 г.[30] и достигнутые договорённости о совместных арктических проектах создают альтернативную систему научного сотрудничества. Планируемые консультации между российскими и китайскими научными организациями должны начаться осенью 2025 г.

Россия активно использует символическую политику для демонстрации своих исторических прав и культурной связи с архипелагом. Проведение парада Победы в Баренцбурге 9 мая 2023 г.[31] с участием 50 автомобилей, снегоходов и низколетящего вертолёта стало ярким проявлением российского присутствия. Хотя губернатор Шпицбергена был приглашён на мероприятие, его отказ от участия подчеркнул политические разногласия.

Восстановление и обновление советских символов в российских поселениях служит

[29] Щетинина А. Шпицберген больше не добытчик угля, а будущий центр туризма, кинопроизводства, судоремонта и научного сотрудничества // GoArctic.ru. 09.06.2025. URL: https://goarctic.ru (дата обращения: 19.10.2025).
[30] Делегация ученых из Китая посетит Российский научный центр на Шпицбергене // ААНИИ. 19.08.2024. URL: https://www.aari.ru/press-center/news/novosti-aari/delegatsiya-uchenykh-iz-kitaya-posetit-rossiyskiy-nauchnyy-tsentr-na-shpitsbergene (дата обращения: 19.10.2025).
[31] На Шпицбергене прошел самый северный в мире парад Победы // РИА Новости. 09.05.2023. URL: https://ria.ru/20230509/parad-1870638708.html (дата обращения: 19.10.2025).

одновременно нескольким целям. Реставрация лозунга «Миру — мир!» крупными белыми буквами в Пирамиде и красными в Баренцбурге создает визуальные маркеры российского присутствия, видимые с большого расстояния. Поднятие советских флагов на угольном кране в Баренцбурге и на вершине Пирамиды в 2024 г. стало символическим актом утверждения российских позиций[32].

Установка большого православного креста в Пирамиде продемонстрировала готовность России отстаивать свои культурные и религиозные права. Хотя крест впоследствии был перемещён после вмешательства губернатора[33], сам факт его установки послал чёткий сигнал о российских намерениях.

Развитие русскоязычного культурного пространства в российских поселениях включает поддержку русской школы в Баренцбурге, организацию культурных мероприятий и сохранение русского языка как основного средства общения. Это создает устойчивую культурную основу для российского присутствия и привлекает русскоговорящих туристов.

Россия активно использует дипломатические каналы для защиты своих прав на архипелаге и противодействия норвежским ограничительным мерам. Российское Министерство иностранных дел неоднократно выражало протест против действий Норвегии, которые рассматриваются как нарушения Договора о Шпицбергене. Обвинения в адрес Норвегии в милитаризации архипелага и нарушении его демилитаризованного статуса стали регулярным элементом российской дипломатической стратегии[34].

Предложения Москвы о проведении консультаций по интерпретации положений Договора о Шпицбергене с участием всех договаривающихся сторон направлены на создание многостороннего механизма разрешения споров. Россия настаивает на необходимости учета современных международно-правовых реалий при сохранении основных принципов равного доступа и недискриминации.

Работа российского генерального консульства в Баренцбурге приобретает особое значение в условиях ограниченных дипломатических контактов с Норвегией. Сегодня российский консул в Баренцбурге выполняет не только традиционные консульские функции, но и играет важную роль в координации российской политики на архипелаге.

Заключение

К столетию вступления в силу Договора о Шпицбергене архипелаг превратился из символа мирного международного сотрудничества в арену острого геополитического противостояния. Фундаментальные изменения в международной системе, связанные с

[32] Vene riigifirma heiskas Teravmägedele Nõukogude Liidu lipu // Ppostimees. 02.07.2024. URL: https://maailm.postimees.ee/8051686/vene-riigifirma-heiskas-teravmagedele-noukogude-liidu-lipu (дата обращения: 19.10.2025).
[33] «Арктикуголь» сообщил о переговорах по переносу креста на Шпицбергене // РБК. 20.10.2023. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65321ee79a7947ffddb9f043 (дата обращения: 19.10.2025).
[34] МИД России выразил обеспокоенность растущей милитаризацией Шпицбергена // РИА Новости. 14.03.2025. URL: https://ria.ru/20250314/mid-2004989177.html (дата обращения: 19.10.2025).

окончанием эпохи «арктической исключительности» и началом нового периода великодержавного соперничества в Арктике, требуют переосмысления роли и статуса архипелага в современных международных отношениях.

Анализ действий ключевых игроков демонстрирует качественно новый уровень геополитической конкуренции на Шпицбергене. Норвегия проводит последовательную политику укрепления национального контроля, используя административно-правовые, экологические и информационные инструменты для ограничения международного присутствия. Расширение НАТО за счёт вступления Финляндии и Швеции создало новые возможности для потенциальной милитаризации архипелага, несмотря на формальные запреты Договора о Шпицбергене.

Российская Федерация адаптирует свою стратегию к изменившимся условиям, делая акцент на диверсификации присутствия и развитии альтернативных форматов международного сотрудничества. Создание международного научного центра в Пирамиде и сотрудничество со странами БРИКС+ демонстрирует способность России находить новых партнёров в условиях западных ограничений. Символическая политика и культурная дипломатия сегодня служат инструментами утверждения российских исторических прав и поддержания видимого присутствия.

В этих условиях Китай превращается в важного игрока в арктической геополитике, используя научное присутствие на Шпицбергене для продвижения своих стратегических интересов в регионе. Активизация китайско-российского сотрудничества в арктических исследованиях создаёт альтернативную систему международных связей, независимую от западных институтов.

Между тем правовые споры вокруг интерпретации Договора о Шпицбергене, особенно в части применения его положений к морским пространствам, остаются неразрешёнными и могут обостриться в связи с началом промышленной разработки морского дна. Отсутствие международного механизма разрешения споров создаёт предпосылки для дальнейшей эскалации противоречий.

Для Российской Федерации сохранение позиций на архипелаге Шпицберген имеет критическое значение с точки зрения национальной безопасности и защиты интересов в Арктическом регионе. Стратегическое расположение архипелага делает его важным элементом системы контроля над арктическими морскими коммуникациями и обеспечения свободы действий Северного флота. В условиях нарастающего давления со стороны НАТО присутствие на Шпицбергене приобретает дополнительное военно-стратегическое измерение.

Необходимость адекватного ответа на вызовы, связанные с пересмотром статуса архипелага, требует от России разработки комплексной долгосрочной стратегии. Эта стратегия должна включать укрепление правовых позиций через международные механизмы, развитие экономического присутствия путём диверсификации деятельности,

расширение научного сотрудничества с дружественными странами и поддержание символического присутствия для демонстрации исторических прав.

Перспективы урегулирования противоречий вокруг Шпицбергена во многом зависят от общего состояния российско-западных отношений и готовности сторон вернуться к принципам международного права и мирного сотрудничества. В условиях продолжающегося геополитического противостояния архипелаг, вероятно, останется ареной конкуренции, что требует от России готовности к длительному периоду напряжённости и необходимости отстаивания своих законных интересов всеми доступными средствами.

Список источников

Валькова Т.М., Шумков Д.С. Арктический туризм на Шпицбергене: современное состояние, перспективы развития // Географическая среда и живые системы. 2022; 1: 70–92. https://doi.org/10.18384/2712-7621-2022-1-70-92; https://www.elibrary.ru/VGJKNS

Гриняев С.Н. Глубоководная добыча полезных ископаемых: мировые тенденции // Современная Европа. 2025; 3 (131): 79–89. https://doi.org/10.31857/S0201708325030076

Гриняев С.Н. Новая арктическая стратегия Норвегии 2025 года: вызовы и риски для российских интересов в Арктике // Аналитические записки Института Европы РАН. 2025; 393: 95–114. http://doi.org/10.15211/analytics32520253946; https://www.elibrary.ru/KOPJXZ

Гриняев С.Н. Норвежские вооруженные силы расширяют возможности систем связи в условиях Крайнего Севера // Аналитические записки Института Европы РАН. 2024; 368: 106–110. http://doi.org/10.15211/analytics4362024106110

Журавель В.П., Тимошенко Д.С. Шпицберген: прошлое, настоящее и будущее // Современная Европа. 2022; 6 (113): 98–111. https://doi.org/10.31857/S0201708322060079

Тодоров А.А. Шпицберген в контексте военной безопасности в Арктике // Арктика и Север. 2020; 39: 127–143. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.39.127

Bennett M., Dodds K. Unfrozen: The Fight for the Future of the Arctic. Yale University Press; 2025. 352 p.

Branka T. The End of Artic Exceptionalism? New Artic Approach after February 24, 2022 // Przegląd Strategiczny. 2022; 15: 373–392. https://doi.org/10.14746/ps.2022.1.22

Gricius G., Fitz E.B. Can Exceptionalism Withstand Crises? An Evaluation of the Arctic Council's Response to Climate Change and Russia's War on Ukraine // Global Studies Quarterly. 2022; 2 (3): ksac042. https://doi.org/10.1093/isagsq/ksac042

Henriksen T. The Dispute over the Geographical Application of the Svalbard Treaty: Into a New Phase, An Essay in Honor of Ted L. McDorman // Ocean Development & International Law. 2024; 55 (4): 466–476. https://doi.org/10.1080/00908320.2024.2414811

Moe A., Jørgensen A-K. Russia’s policy of presence in Svalbard // Polar Record. 2025; 61: e11. https://doi.org/10.1017/S003224742500004X

Østhagen A. The myths of Svalbard geopolitics: An Arctic case study // Marine Policy. 2024; 167: 106183. https://doi.org/10.1016/j.marpol.2024.106183

Paukkunen S., Black J. Arctic cooperation with Russia: at what price? // International Affairs. 2024; 100 (6): 2637–2648. https://doi.org/10.1093/ia/iiae226

References

Bennett M., Dodds K. *Unfrozen: The Fight for the Future of the Arctic*. Yale University Press; 2025. 352 p.

Branka T. The End of Artic Exceptionalism? New Artic Approach after February 24, 2022. *Przegląd Strategiczny*. 2022; 15: 373–392. https://doi.org/10.14746/ps.2022.1.22

Gricius G., Fitz E.B. Can Exceptionalism Withstand Crises? An Evaluation of the Arctic Council's Response to Climate Change and Russia's War on Ukraine. *Global Studies Quarterly*. 2022; 2 (3): ksac042. https://doi.org/10.1093/isagsq/ksac042

Grinyaev S.N. Deep-Sea Mining: Global Tendencies. *Contemporary Europe*. 2025; 3 (131): 79–89. https://doi.org/10.31857/S0201708325030076

Grinyaev S.N. Norway's New Arctic Strategy 2025: Challenges and Risks for Russian Interests in the High North. *Analytical Papers of the Institute of Europe RAS*. 2025; 393: 95–114. http://doi.org/10.15211/analytics32520253946; https://www.elibrary.ru/KOPJXZ

Grinyaev S.N. Norwegian Armed Forces Broaden the Capacity of Their Communication Systems in the Extreme North. *Analytical Papers of the Institute of Europe RAS*. 2024; 368: 106–110. http://doi.org/10.15211/analytics4362024106110

Henriksen T. The Dispute over the Geographical Application of the Svalbard Treaty: Into a New Phase, An Essay in Honor of Ted L. McDorman. *Ocean Development & International Law*. 2024; 55 (4): 466–476. https://doi.org/10.1080/00908320.2024.2414811

Moe A., Jørgensen A-K. Russia's Policy of Presence in Svalbard. *Polar Record*. 2025; 61: e11. https://doi.org/10.1017/S003224742500004X

Østhagen A. The Myths of Svalbard Geopolitics: An Arctic Case Study. *Marine Policy*. 2024; 167: 106183. https://doi.org/10.1016/j.marpol.2024.106183

Paukkunen S., Black J. Arctic Cooperation with Russia: At What Price? *International Affairs*. 2024; 100 (6): 2637–2648. https://doi.org/10.1093/ia/iiae226

Todorov A.A. Svalbard in the Context of Arctic Security. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2020; 39: 127–143. http://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.39.127

Valkova T.M., Shumkov D.S. Arctic Tourism in Svalbard: Current State & Prospects for the Development. *Geographical Environment and Living Systems*. 2022; 1: 70–92. https://doi.org/10.18384/2712-7621-2022-1-70-92; https://www.elibrary.ru/VGJKNS

Zhuravel V.P., Timoshenko D.S. Spitsbergen: Past, Present, and Future. *Contemporary Europe*. 2022; 6 (113): 98–111. https://doi.org/10.31857/S0201708322060079

Статья поступила в редакцию 22.10.2025; принята к публикации 31.10.2025

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 174–201.
Научная статья
УДК [94(470)”19/20”+94(481)”19/20”:341](045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.174

200 лет на страже соседства. Российско-норвежская граница: от фронтира к национальному рубежу

Зайков Константин Сергеевич [1]✉, доктор исторических наук, доцент
Комаров Алексей Алексеевич [2], кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

[1] Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия
[2] Институт всеобщей истории РАН, пр. Ленинский, 32А, Москва, Россия
[1] k.zaikov@narfu.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6479-416X
[2] alexeykomarov@yandex.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5247-5866

Аннотация. В работе на основе архивных материалов России, Норвегии и Швеции, а также историографического анализа реконструируется эволюция российско-норвежской границы от средневековых «общих округов» с их двоеданничеством и фронтирным статусом через переговоры о делимитации границы 1825–1826 гг., когда подполковник Галямин и полковник Спёрк заложили линию, пережившую смену империй, утрату по Тартускому договору 1920 г. и восстановление в 1947 г., основываясь на всё те же документы 1826 г. Особое внимание уделено асимметричности восприятия: граница, выгодная для Швеции и Норвегии, сформировала у норвежской элиты страх перед российской ревизией, тогда как в России, особенно в Архангельской губернии, она воспринималась как территориальная потеря, породившая устойчивый миф о предательстве Галямина. Показано, что устойчивость границы определялась не столько географией или военной силой, сколько способностью сторон — даже в периоды идеологического противостояния — удерживать конфликт в институциональных рамках и не поддаваться соблазну реваншизма. Исследование позволяет по-новому взглянуть на историю двусторонних отношений, выявить внутри- и внешнеполитические интересы, стоявшие за теми или иными образами России и Норвегии, и извлечь уроки для современной геополитической ситуации, в которой двухсотлетний опыт соседства может стать не яблоком раздора, а ресурсом взаимопонимания.
Ключевые слова: *Крайний Север, российско-норвежская граница, фронтир, асимметричное соседство, трактат 1826 г., «русская угроза», саамы, делимитация 1947 г.*

200 Years of Guarding the Neighborship. The Russian-Norwegian Border: From Frontier to National Boundary

Konstantin S. Zaikov [1]✉, Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor
Alexey A. Komarov [2], Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher
[1] Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia
[2] Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Leninsky pr. 32A, Moscow, Russia
[1] k.zaikov@narfu.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6479-416X
[2] alexeykomarov@yandex.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5247-5866

* © Зайков К.С., Комаров А.А., 2026
Для цитирования: Зайков К.С., Комаров А.А. 200 лет на страже соседства. Российско-норвежская граница: от фронтира к национальному рубежу // Арктика и Север. 2026; 64: 174–201. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.174
For citation: Zaikov K.S., Komarov A.A. 200 Years of Guarding the Neighborship. The Russian-Norwegian Border: From Frontier to National Boundary. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 174–201. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.174
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

Abstract. This work, based on archival materials from Russia, Norway and Sweden, as well as a historiographical analysis, reconstructs the evolution of the Russian-Norwegian border from the medieval “common districts” with their dual taxation and frontier status, through the border delimitation negotiations of 1825–1826, when Lieutenant-Colonel Galyamin and Colonel Spørck established a boundary that survived the collapse of empires, the territorial changes introduced by the 1920 Treaty of Tartu, and its restoration in 1947 on the basis of the same legal documents of 1826 and 1896. Particular attention is paid to the asymmetry of perception: the border, which was advantageous to Sweden and Norway, fostered fear amongst the Norwegian elite of a Russian revision, while in Russia, particularly in the Arkhangelsk Governorate, it was perceived as a territorial loss, giving rise to a persistent myth about Galyamin’s betrayal. It is demonstrated that the stability of the border was determined not so much by geography or military strength as by the ability of the parties — even during periods of ideological confrontation — to restrain the conflict within institutional frameworks and resist the temptation of territorial revisionism. This study offers a renewed perspective on the history of bilateral relations, identifies the domestic and foreign policy interests underlying particular perceptions of Russia and Norway, and highlights insights for the contemporary geopolitical situation, in which two centuries of neighborly experience may serve not as a source of dispute, but as a resource for mutual understanding.
Keywords: *Far North, Russian-Norwegian border, frontier, asymmetric neighborhood, Treaty of 1826, “Russian threat”, Saami, 1947 border delimitation*

Введение

Российско-норвежская граница представляет собой уникальный феномен в системе международных отношений Европы. Будучи самой старой границей современной России с зарубежными странами на Европейском севере[1], она на протяжении двух столетий демонстрирует поразительную устойчивость, пережив смену империй, две мировые войны, радикальную трансформацию политических режимов и даже временную утрату своей линии в 1920 г. Однако эта устойчивость — не результат географической предопределённости или военного паритета. Скорее, она является следствием сложного переплетения асимметричных восприятий, институциональных компромиссов и взаимных страхов, которые, парадоксальным образом, создавали условия для долгосрочной стабильности даже в периоды острой конфронтации.

Особенность российско-норвежского соседства на Крайнем Севере заключалась в том, что это были соседи не просто разные по своим территориальным размерам, но принципиально различные по своей внутренней динамике развития и отношению к границе как политическому институту (Зайков, Куприков, Куприков, 2020; Zaikov, 2019). С одной стороны — огромная многонациональная империя, для которой открытые пограничные зоны были скорее преимуществом, чем проблемой (Johnsen, 1923; Nielsen, 2014). С другой — малое государство, последовательно двигавшееся к построению национального государства и потому стремившееся к герметичным, чётко очерченным рубежам (Niemi, 2005; Кристиансен, 2010). Эта структурная асимметрия, как мы покажем, определяла не только ход переговоров о разграничении в 1820-е гг., но и всё последующее восприятие

[1] Johanson Bodil B. OVERENSKOMSTEN mellom den Kongelige Norske Regjering og Regjeringen for Samveldet av Sovjetiske Sosialistiske Republikker om forskjellige forhold ved den norsk-sovjetiske grense og om fremgangsmåten ved ordningen av konflikter og hendinger på grensen. 50 år 1949–1999. Kirkenes: Norges Grensekommissariat, 1999. 70 s.

соседа — как в Норвегии, так и в России (Palmstierna, 1932; Roginsky, 2005).

В центре нашего внимания находится сам процесс разграничения — не как технический акт нанесения линии на карту, а как сложный политико-дипломатический конструкт, в котором переплелись интересы центральных властей, региональных элит и локальных сообществ (Голдин, Зайков, Тамицкий, 2015; Ishizuka, 2005). Именно в этом переплетении, как мы полагаем, кроется ключ к пониманию феномена границы 1826 г.: она была установлена не столько по принципу «естественных рубежей» или этнических границ, сколько в результате серии компромиссов между имперской логикой открытых фронтиров и национальным стремлением к определённости (Andresen, 1989; Wikan, 1995). И этот компромисс — пусть несовершенный и воспринимавшийся обеими сторонами по-разному — оказался на удивление жизнеспособным.

Обращение к данному сюжету сегодня, в преддверии 200-летнего юбилея трактата 1826 г., приобретает особое звучание. Современная геополитическая ситуация — с возвращением риторики «русской угрозы» в Северной Европе (Åselius, 1994; Нойманн, 2004), вступлением Швеции и Финляндии в НАТО и последовательным сворачиванием приграничного сотрудничества — создаёт запрос на переосмысление исторического опыта соседства. Мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: институциональная граница остаётся неизменной (и это — уникальный случай в современной Европе), но «образы соседа» — те самые «гибкие границы» восприятия — претерпевают стремительную трансформацию, возвращая нас к стереотипам и страхам, которые, казалось, были преодолены в 1990-е гг. В этой связи исторический опыт российско-норвежского пограничья, включающий и периоды острого недоверия, и механизмы его сдерживания, приобретает не только академическое, но и политико-практическое значение.

В историографии проблемы, представленной работами О.А. Йонсена (Johnsen, 1923), К.Ф. Пальмшерны (Palmstierna, 1932), А. Андресен (Andresen, 1989), М. Лахтеенмаки (Lähteenmäki, 2006), Й.П. Нильсена (Nielsen, 2014), Г. Оселиуса (Åselius, 1994), а также трудами российских исследователей — В.В. Похлёбкина (Похлебкин, 1995), Р.А. Давыдова (Давыдов, 2009; Попов, Давыдов, 1999), Б.В. Кристоман (Кристоман, 2003), В.В. Ефимовой (Ефимова, 2010) и др., рассмотрены отдельные аспекты пограничного размежевания, дипломатической истории и адаптации коренного населения к новой границе. Однако существующая историография, к сожалению, не представлена исследованиями, комплексно реконструирующими российско-норвежское пограничье в контексте асимметричного соседства на протяжении всей траектории — от фронтира до наших дней[2]. Настоящая статья призвана заполнить этот пробел, предлагая реконструкцию ключевых этапов и механизмов трансформации образа границы и соседа.

Цель данной статьи — переосмыслить эволюцию российско-норвежской границы как политического и социокультурного конструкта в контексте 200-летнего юбилея, показав, что

[2] Подробный анализ историографии см.: Зайков, Тамицкий, 2016; Голдин, Зайков, Тамицкий, 2015а.

её устойчивость обеспечивалась не столько географией или силой, сколько способностью сторон — даже в периоды острой конфронтации — удерживать конфликт в институциональных рамках и не поддаваться соблазну пересмотра.

Хронологические рамки исследования охватывают период от средневековых договоров до середины XX в., с ретроспективным взглядом на современное значение исторического опыта, поскольку граница 1826 г., оставаясь сегодня не только географическим фактом, но и символическим ресурсом, способна как разъединять, так и, при условии отказа от политизации исторических обид, служить основой для взаимопонимания.

Материалы и методы

Статья подготовлена на основе массива исторических документов из архивов России, Норвегии и Швеции, а также историографического анализа работ российских и скандинавских учёных. В целях изучения эволюции российско-норвежского пограничья от фронтира к национальному рубежу и последующего восстановления границы в середине XX в. использовались фонды Государственного архива Архангельской области (ГААО), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), а также Национального архива Норвегии (Riksarkivet) в Осло и Архива института Гувера (США)[3]. Широко использовались опубликованные сборники документов[4], а также мемуары норвежских дипломатов, в частности Рольфа Андворда (Andvord, 1964).

Важной группой источников стала периодическая печать, поскольку именно пресса представляет наибольший интерес для исследования формирования и развития мифов о «русской» и «норвежской» угрозе в рамках концепции идеологии. В работе использовались материалы российских газет — «Архангельские губернские ведомости», «Московские ведомости», «Известия», «Правда», «Новое время», — а также норвежских и шведских изданий, включая «Aftenposten», «Svenska dagbladet», «Verdens Gang» и «Tidens Tegn», что позволило реконструировать не только официальные позиции властей, но и общественные настроения, в которых формировались образы восточного соседа.

Для реконструкции процесса делимитации российско-норвежской границы 1826 г. — ключевого события, вокруг которого выстраивается вся нарративная структура статьи — использовался широкий пласт источников из фондов ГААО (Ф. 4, Ф. 1367), АВПРИ (Ф. 1

[3] Перечень архивов: ГААО (Ф. 1, Ф. 4, Ф. 1367), АВПРИ (Ф. 1, Ф. 53, Ф. 133, Ф. 155), РГИА (Ф. 1286, Ф. 560), РГВИА (Ф. 38, Ф. 442), ГАРФ (Ф. 48, Ф. 109), АВПРФ (Ф. 06, Ф. 0116), Национальный архив Норвегии (RA/UD, RA/PA, фонды Пребенсена), Архив института Гувера (HIA, «Russia. Missiia»).

[4] Сборники документов: Советско-норвежские отношения 1917–1955 / Под ред. Чубарьяна А.О. и др. Москва; 1997. 683 с.; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. Москва; 1946. 688 с.; Признание Россией Норвежского Независимого Государства / Под ред. В.В. Похлёбкина. Москва; 1958. 106 с.

«Административные дела», Ф. 53, Ф. 133), РГВИА (Ф. 38, Ф. 442), а также норвежских собраний, включая коллекцию документов Николая Груве Пребенсена и фонды Министерства иностранных дел Норвегии. Особую ценность представляют рапорты комиссаров Галямина и Спёрка, содержащие не только топографические данные, но и статистические описания населения общих округов, включая сведения о количестве семей и вероисповедании, а также протоколы переговоров, зафиксировавшие ход дискуссии и аргументацию сторон[5]. Эти документы, позволяющие реконструировать локальное знание саамов и восприятие пространства региональными чиновниками, дополняются дипломатической перепиской между Санкт-Петербургом и Стокгольмом, отражающей асимметричность восприятия пограничной проблемы на уровне центральных властей.

Для изучения более позднего периода, связанного с утратой и восстановлением границы, использовались фонды АВПРФ (Ф. 06 — фонд Молотова, и Ф. 0116 — фонд Референтуры по Норвегии), содержащие переписку по вопросам демаркации границы в 1944–1947 гг., в том числе записки заведующего 5-м Европейским отделом НКИД А.Н. Абрамова, дневниковые записи советских дипломатов и политические отчёты посольства СССР в Норвегии[6]. Эти материалы позволяют увидеть, как в условиях начала Холодной войны и вступления Норвегии в НАТО решение о восстановлении «старой» границы приобрело не только техническое, но и символическое значение.

Проблемное поле исследования выходит за рамки исторической науки как таковой, поэтому учитывалась методология смежных дисциплин — политической антропологии, социологии международных отношений и культурной географии. Это позволило рассматривать границу не как статичную линию на карте, а как динамичный политический и социокультурный конструкт, в котором переплетаются интересы государств и локальных сообществ, а образ соседа является не столько отражением реальности, сколько проекцией собственных страхов и амбиций. Такой подход, на наш взгляд, позволяет наиболее полно реконструировать историю российско-норвежского пограничья и извлечь уроки для современной геополитической ситуации, в которой двухсотлетний опыт соседства может стать не яблоком раздора, а ресурсом взаимопонимания, если, конечно, стороны смогут отделить факты от домыслов и реалии от ожиданий.

Обсуждение

Подавляющее число исследований, близких к теме настоящей публикации, локализовано вокруг отдельных аспектов истории российско-норвежских отношений. Непосредственно истории асимметричного соседства России и Швеции-Норвегии посвящена коллективная монография под редакцией профессора Й.П. Нильсена, вышедшая в 2014 г. и ставшая отчасти методологической основой для данной статьи (Nielsen, 2014). В этом

[5] Подробнее о работе комиссаров: РГВИА. Ф. 442. Оп. 1. Д. 26; АВПРИ. Ф. 1: Адм. дела II-6. Д. 75, ч. 1; RA, UD3C/18, pk. 5213 (Архив Пребенсена).
[6] АВПРФ. Ф. 06. Оп. 27. П. 127. Д. 6; АВПРФ. Ф. 0116. Оп. 27. П. 127. Д. 5; АВПРФ. Ф. 0116. Оп. 39. П. 156. Д. 10.

фундаментальном труде, охватывающем период 1814–1917 гг., впервые была предпринята попытка представить историю сближения России и Норвегии как взаимосвязанный процесс, однако акцент сделан преимущественно на дипломатической и экономической истории, тогда как проблема восприятия соседа и трансформации образов осталась на периферии исследовательского внимания.

Отдельным вопросам истории российско-шведско-норвежского пограничья, его политическим аспектам посвящены работы О.А. Йонсена, А. Подвысоцкого[7], Н. Голубцова (Johnsen, 1923; Голубцов, 1910). Классический труд Йонсена «Finmarkens politiske historie» (1923) остаётся важнейшим источником по ранней истории пограничья, однако он написан в русле традиционной политической истории и не учитывает современные подходы к изучению границ как социокультурных конструктов. Публикации российских авторов конца XIX — начала XX в., таких как Подвысоцкий и Голубцов, ценны как источники, отражающие общественные настроения того времени, но страдают излишней публицистичностью и тенденциозностью, в частности, в оценке роли подполковника Галямина, который в российской традиции представал «крайним» за территориальные уступки 1826 г. (Никольский, 1914; Nielsen, 2014).

Среди норвежских авторов, изучающих проблемы восприятия России и российско-норвежские отношения на Крайнем Севере, выделяются Э. Ниеми и Т. Кристиансен, чьи работы посвящены, соответственно, этнической истории Финнмарка и раннему этапу российско-норвежских контактов до 1820 г. (Niemi, 1983; Кристиансен, 2010). Ниеми, в частности, убедительно показал, что корни идеи о «русской угрозе» восходят к 1810–1820-м гг. и связаны с расширением хозяйственной активности поморов на Севере Норвегии, а не только со шведским или английским влиянием, что ставит под сомнение популярный в историографии тезис об иностранном происхождении этого мифа (Niemi, 1992).

В российской историографии проблема образа России в Норвегии и Швеции долгое время оставалась на периферии исследовательского внимания. Отдельные аспекты этой темы затрагивались в работах Р.А. Давыдова и О.В. Чернышёвой, однако эти исследования, как правило, носят либо фрагментарный, либо публицистический характер (Давыдов, 2009; Чернышева, 2003). Исключение составляет работа В.В. Похлёбкина «Признание Россией норвежского независимого государства» (1958 г.), которая, будучи сборником документов, содержит ценные сведения о российско-норвежских отношениях в 1905 г. и позволяет проследить, как «образ угрозы» использовался в дипломатической борьбе накануне распада унии между Швецией и Норвегией[8]. Важным вкладом в историографию являются также исследования А.И. Рупасова и А.Н. Чистикова по истории советско-финляндской границы, в которых рассматривается, в том числе, и северный участок, что позволяет понять контекст

[7] Подвысоцкий А. Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877; 96: 6–7.
[8] Признание Россией норвежского независимого государства (сборник документов) / Под ред. В.В. Похлебкина. Москва: Соцэкгиз, 1958. 106 с.

утраты и восстановления линии 1826 г. в 1920–1940-х гг. (Рупасов, Чистиков, 2016).

Современная российская историография, представленная работами В.И. Голдина, К.С. Зайкова, А.М. Тамицкого, рассматривает проблемы российско-норвежского пограничья в контексте асимметричного соседства и роли саамов как «третьей силы» между империей и национальным государством (Голдин, Зайков, Тамицкий, 2015a; Голдин, Зайков, Тамицкий, 2015b; Зайков, Тамицкий, 2016). Эти исследования, хотя и фокусируются на отдельных аспектах — роли карт в конструировании границ, финского фактора в истории Северного фронтира — последовательно проводят мысль о том, что понимание границы как социокультурного конструкта является необходимым условием для адекватной реконструкции истории двусторонних отношений.

Отметим, что существующая историография вопроса, к сожалению, не представлена исследованиями, комплексно реконструирующими российско-норвежские отношения на Крайнем Севере в контексте асимметричного соседства империи и малой нации на протяжении всей траектории — от фронтира до восстановления границы в 1947 г. Большинство работ либо ограничиваются хронологическими рамками XIX в., либо сосредоточены исключительно на дипломатической истории, либо рассматривают отдельные аспекты в отрыве от общей динамики восприятия соседа. Настоящая статья призвана заполнить этот пробел, предлагая реконструкцию ключевых этапов и механизмов трансформации образа границы и соседа — от средневековых «общих округов» до восстановления линии 1826 г. в 1947 г. и её символического значения для современности.

Результаты

«Общие округа»: логика фронтира и двоеданничество

История российско-норвежского пограничья до 1826 г. представляет собой уникальный пример сосуществования трёх различных парадигм пространственного воображения на одной и той же физической территории. В терминах нашей концептуальной рамки это был период доминирования ***«гибких границ»*** — воображаемых рубежей, которые существовали в сознании акторов, но не были закреплены институционально. Отсутствие «жёсткой границы» не означало отсутствия территориальности — скорее, она была организована на иных, догосударственных принципах, где фискальная юрисдикция доминировала над политическим суверенитетом.

Восточные саамы (скольты) с их полукочевым образом жизни, основанным на сезонных миграциях между летними тонями и зимними пастбищами, не признавали государственных границ в их современном понимании. Их пространственное воображение определялось границами наследственных угодий погостов, которые — как показали комиссары Галямин и Спёрк в 1825 г. — были хорошо известны местному населению, но

никогда не фиксировались на картах в качестве межгосударственных рубежей[9]. Для скольтов, принявших в XVII в. православие, пространство было непрерывным и функциональным: оно делилось на участки, используемые в зависимости от времени года для рыбной ловли, охоты, пастьбы оленей и овец[10]. Эта архаичная парадигма территориальности не знала «жёстких» политических рубежей — только «гибкие» границы коллективного владения.

Российская империя, чьё присутствие на Крайнем Севере обеспечивалось главным образом лояльностью саамских общин, имевших широкую автономию, была заинтересована скорее в сохранении экстерриториальных форм хозяйствования скольтов, нежели в проведении чёткой границы. Это был классический пример имперской терпимости к «гибким границам»: для огромной многонациональной империи открытые пограничные зоны были скорее преимуществом, чем проблемой, и она продолжала мыслить категориями фронтира. Как показал анализ переписки между архангельским генерал-губернатором С.И. Миницким и центральными властями, российская региональная администрация считала все три погоста — Нявдемский, Пазрецкий и Печенгский — неоспоримой частью Российской империи, несмотря на отсутствие документальных подтверждений этого статуса. Губернатор Миницкий сообщал в Санкт-Петербург в 1823 г., что необходимости в демаркации нет, поскольку имеются серьёзные основания полагать, что весь так называемый общий округ фактически принадлежит России[11]. Он представил в МИД четыре группы аргументов: картографические свидетельства (старые французские карты XVIII в., на которых территория изображалась частью России), Жалованную грамоту Ивана Грозного монастырю Св. Трифона, факты духовной юрисдикции (церковь Св. Бориса и Глеба на р. Паз, православные часовни в Нявдемском погосте и становище Песчаном) и показания самих скольтов, утверждавших, что граница проходит по западной окраине Нявдемского погоста[12]. Как выяснилось позже, скольты имели в виду таможенную, а не государственную границу, установленную в 1784–1785 гг. Кольским исправником Шестаковым и землемером Киселевым, но какие-либо картографические материалы этого разграничения не сохранились (Palmstierna, 1932). Этот эпизод показывает, как «гибкая граница» локального воображения (таможенный рубеж) была ошибочно интерпретирована как «жёсткая» государственная граница.

Норвежская сторона, напротив, ещё с XVIII в. стремилась к чёткой демаркации — к трансформации «гибких границ» в «жёсткие рубежи». Именно отсутствие «жёстких рубежей» создавало условия для будущего конфликта, когда норвежское национальное государство, формируясь, начало требовать определённости. Уже в 1775 г. амтман Т. Фьельстед предупреждал датского канцлера в Копенгагене, что Финнмарк легко может быть

[9] Об экономической адаптации саамов, требовавшей экстенсивного использования территории, и о локальном знании скольтов см.: Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 129; Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 125; Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 127.
[10] О православных скольтах и их образе жизни см.: ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 8. Д. 44; ГААО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 147. Л. 17-18.
[11] ГААО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3; ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87, часть I.
[12] ГААО. Ф. 1367. Оп. 3. Д. 87, часть I.

поглощён Россией, и описывал ситуацию как «важнейший предмет, который в настоящее время интересует правительство, поскольку дошло уже до того, что деятельная и предприимчивая соседняя нация одна использует и владеет общими округами»[13]. Переговоры 1789, 1793 и 1797 гг. не привели к результату: Россия, находившаяся в войне с Турцией и Швецией, уклонялась от разграничения, ссылаясь на военное время и большие расходы. Как писал министр иностранных дел Екатерины II Александр Безбородко, претензии Норвегии на Кольский полуостров были чисто номинальными, поскольку Россия издавна осваивала этот регион[14]. Тем не менее, эти переговоры стали важным этапом: предмет обсуждения был географически очерчен «тремя округами», и Кольский полуостров перестал использоваться в качестве козыря в дальнейшей дипломатической игре.

Таким образом, к началу XIX в. сложилась парадоксальная ситуация: три группы акторов — скольты, российские региональные власти и норвежская администрация — имели принципиально различные представления о статусе общей территории. Эта асимметрия восприятия станет фундаментальной характеристикой двусторонних отношений на протяжении всего XIX в. Хотя после 1809 г., когда Россия присоединила Финляндию, а Норвегия вошла в унию со Швецией, уже стали возникать предпосылки для пересмотра этого статус-кво. Присоединение Финляндии существенно удлинило общее пограничье, увеличив его почти в три раза, и теперь Финляндия и финские иммигранты на территории Норвегии олицетворяли русское присутствие, поэтому образ границы среди норвежской элиты стал приобретать всё большее военно-политическое значение. «**Гибкая граница**» (образ восточного соседа) начала трансформироваться в требование «**жёсткой границы**» (демаркации) на уровне политической элиты.

1826 год: дипломатическая драма рождения границы

Официальные переговоры о разграничении северного фронтира начались в 1823 г., после того как годом ранее, в мае–июне 1822 г., в МИД Швеции-Норвегии поступили ноты российского посланника Петра Сухтелена с жалобами русских подданных — коренных жителей общих округов, скольтов, на промыслы подданных Швеции-Норвегии на территории их погостов[15].

В течение 1823–1824 гг. в Норвегии и России было подготовлено несколько проектов разграничения, которые дают ясную картину асимметричного восприятия пограничной проблемы. Проект Финансового департамента Швеции-Норвегии, подготовленный по запросу Госсовета в 1824 г., исходил из того, что, поскольку скольтов было немного, Россия не будет препятствовать передаче меньшей части общей территории Норвегии; граница должна

[13] Fieldsted, PM av 06.05.1775 til Det Kgl. Danske Cancelli // Riksarkivet (RA). UD, boks 5405, Prebensens avskriftsamling.
[14] АВПРИ. Ф. 53. Оп. 3. Дд. 661, 662.
[15] АВПРИ. Ф. 1: Адм. дела, II-6, часть I.

была следовать по р. Паз от её устья до истока (Johnsen, 1923; [16]). Однако этот проект был подвергнут критике депутатами стортинга, которые в мае 1824 г. учредили «Комитет по развитию Финнмарка» под председательством бывшего амтмана Финнмарка Х.М. Крога. Проект Крога, представленный 31 июля 1824 г., предлагал провести границу от устья р. Ворьемы до её истока, затем к озеру Салмиярви на р. Паз и далее вдоль реки на юг до пограничного пункта Гелзомио[17]. Аргументировалось это тем, что норвежские поселения Вардё и Вадсё окажутся на грани выживания, если граница пройдёт по р. Паз, поскольку они лишатся доступа к ресурсам между реками Паз и Ворьема. 6 августа 1824 г. проект Крога был направлен королю и 11 декабря утверждён правительством как руководство к разграничению. Этот проект был попыткой объективировать локальное знание в политическую программу: Крог, хорошо знавший условия Финнмарка, стремился сбалансировать интересы колонистов и центральной власти.

Однако шведско-норвежский министр иностранных дел граф Веттерстедт, опасаясь пассивности России, решил взять инициативу в свои руки. 6 декабря 1824 г., в тот же день, когда стортинг представлял пограничный план Крога Карлу Юхану, шведский поверенный в делах в Санкт-Петербурге барон Н.Ф. Пальмшерна вручил в российском МИД ноту, основанную на проекте Финансового департамента, предлагая принять р. Паз в качестве пограничной линии[18]. В это же время архангельский генерал-губернатор Миницкий, находившийся в Петербурге, пытался переубедить Нессельроде и уговорить царя принять пограничную линию, предлагаемую архангельской администрацией — по западной границе Нявдемского погоста. Ему это удалось в июле 1824 г., и российский МИД уже готовил соответствующий проект, но очередная нота Пальмшерны, содержавшая новые факты, нарушила планы российских властей: центральное правительство осознало, что не может в полной мере полагаться на информацию из Архангельска[19]. Мы видим здесь классический случай искажения информации на пути от локального уровня к центру: региональные чиновники, сами будучи заложниками локального знания, транслировали в столицу представления, не соответствовавшие действительности.

24 марта 1825 г. Александр I принял решение назначить специального уполномоченного офицера в общие округа для совместной со шведским офицером выработки единого плана разделения. Царь предложил принципы: не допускать отторжения территорий, ранее принадлежавших России; передать Норвегии заселённые территории, на которые она имеет бесспорные права; учитывать вероисповедание местного населения; позволить жителям общего округа, которые после разграничения станут подданными одного из государств, перемещаться на территорию другого для занятия промыслами; проявлять по

[16] RA, UD 3C/18, pk. 5213, Prebensens avskriftsamling.
[17] Stortingskomiteens foredrag av 31.07.1824 // D-RA/S-1076/F/Fb/L0001.
[18] АВПРИ. Ф. 1. Адм. дела II-6, часть I; ГААО. Ф. 1367. Оп. 3. Д. 37.
[19] Проект ноты Нессельроде – Веттерстедту, 07.1824; Донесение Нессельроде Александру I, 26.07.1824 // RA/PA-409, VI-1B.

отношению к норвежским коллегам вежливость и обходительность[20]. С российской стороны выбор пал на подполковника Валериана Емельяновича Галямина — тридцатилетнего опытного топографа российского Генерального Штаба, занимавшего должность заместителя директора при первом в России Топографическом училище. С норвежской стороны был назначен 47-летний полковник Юхан Хенрик Спёрк, участник войн со Швецией в 1808–1809 и 1814 гг., имевший боевой опыт[21].

4 июля 1825 г. комиссары встретились в г. Коле, а 13 июля прибыли в рыбачий посёлок Песчаное и разделились на группы для проведения топографической съёмки. На девятый день, 22 июля, комиссары встретились в рыбачьем посёлке Шапкино и начали переговоры[22].

В ходе переговоров Галямин не собирался оспаривать статус региона как общего, но хотел установить пограничную линию в соответствии с экономической деятельностью и религиозными предпочтениями различных групп. Он предлагал провести границу от р. Паз прямо до Гелзомио, отдав Норвегии Нявдемский погост и часть Пазрецкого с побережьем, где в основном жили лютеране. Спёрк отклонил это предложение и настаивал на проведении границы от устья р. Ворьемы до её истока, затем к Салмиярви и далее вдоль р. Паз к Гелзомио[23]. Аргументы Спёрка были таковы: временное право на заготовку леса для гарнизона Вардёхус не даёт гарантий, что русские власти со временем не отменят его; передача же территории между реками Паз и Ворьема Норвегии позволит горным саамам, потерявшим возможность пасти оленей на полуострове Рыбачий, продолжить хозяйственную деятельность на норвежской стороне. Галямин согласился с основными положениями проекта Спёрка, но выдвинул контрпредложение: провести границу не к Салмиярви, а к церкви Св. Бориса и Глеба на левом берегу р. Паз, а оттуда вдоль русла до Гелзомио, считая это компенсацией саамам за потерю обширного участка между реками Паз и Ворьема. Спёрк первоначально возражал, предлагая перенести церковь на российский берег, но Галямин настоял на её сохранении, заявив, что саамы не желают перенесения, поскольку земля, на которой стояла церковь, освящённая Преподобным Трифоном, была священной. В итоге Спёрк согласился перенести границу на север к церкви, отдав России территорию вокруг неё площадью в один квадратный километр, и стороны достигли полного согласия (Johnsen, 1923; [24]). Это решение было актом символической объективации: сохранение церкви как сакрального объекта становилось маркером российского присутствия на новой границе.

К концу переговоров Галямин поддержал проект Спёрка. Оба комиссара подразумевали возможность предоставить восточным саамам право заниматься рыболовством и охотой на территории соседнего государства, но обе стороны лишались

[20] Представление Александру I о границах в Лапландии, 24.03.1825 // RA/PA-1409, VII.
[21] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 2983; АВПРИ. Ф. 1: Адм. дела II–6, часть 3.
[22] АВПРИ. Ф. 1: Адм. дела II-6, ч. 1; RA, UD3C/18, pk. 5213 (Архив Пребенсена).
[23] РГВИА. Ф. 442. Оп. 1. Д. 26; АВПРИ. Ф. 1: Адм. дела II-6, ч. 1.
[24] АВПРИ. Ф. 1: Адм. дела II-6, ч. 1.

права выпасать оленей на территории другого государства. Комиссары дали жителям трёхлетний срок для окончательного выбора страны проживания — это была идея Галямина, который был уверен, что пазрецкие и нявдемские лопари решат стать российскими подданными[25]. 25 сентября 1825 г. норвежское правительство передало свой проект разграничения королю Карлу Юхану, а в Петербурге план был представлен Александру I, который дал указание известить шведско-норвежского короля о готовности России подписать конвенцию (Palmstierna, 1932).

Однако несколько недель спустя после одобрения проекта Александр I скоропостижно скончался в возрасте 48 лет по дороге на отдых к Чёрному морю, и норвежско-российский пограничный договор пришёлся на разгар восстания декабристов. Дело осложнялось тем, что Галямин оказался втянутым в события: его друг и коллега А. Корнилович участвовал в восстании и вечером 14 декабря заходил к Галямину с письмом, которое тот сжёг, узнав об аресте друга. Двое коллег-офицеров дали против Галямина ложные показания, и он был посажен под домашний арест на два с половиной месяца. Следственная комиссия не обнаружила других доказательств его участия в восстании, кроме уничтожения улик, и Галямин избежал судьбы Корниловича, но был переведён в Финляндский полк и находился под негласным наблюдением тайной полиции до 1832 г. (Palmstierna, 1932; [26]).

После восстания Николай I, глубоко разочарованный в офицерском корпусе, сначала отнёсся к новому договору скептически, возможно, под влиянием барона Дибича, главы Генерального штаба, выступавшего против проекта Галямина и Спёрка. Царь настаивал на проведении границы вдоль р. Паз на всём протяжении и даже хотел отказаться от церкви Св. Бориса и Глеба (Palmstierna, 1932;[27]). В марте 1826 г. Пальмшерне сообщили о позиции Николая I, но Карл Юхан, стремясь к быстрому продвижению, был готов принять предложение. Однако Пальмшерна, не собираясь следовать инструкциям королевского двора, выждал время, и 24 апреля 1826 г. получил неожиданный ответ: Николай I, желая сохранить политику «добрососедства» в отношении Швеции-Норвегии, решил одобрить проект Галямина–Спёрка (Palmstierna, 1932). В начале мая 1826 г. Пальмшерна и Ф.В. фон Остен-Сакен подготовили текст пограничной конвенции, которая была подписана 27 мая в Стокгольме и 11 июня — в Санкт-Петербурге. Окончательный вариант трактата содержал лишь некоторые изменения: право пересекать границу для рыболовства и охоты предоставлялось всем приграничным жителям, но только на шесть лет, а гарнизону крепости Вардёхус запрещалось заготавливать лес на восточном берегу р. Ворьемы[28].

Новая граница была проведена на местности летом 1826 г. комиссарами

[25] АВПРИ. Ф. 1: Адм. дела II-6, ч. 1; РГВИА. Ф. 442. Оп. 1. Д. 26.
[26] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109: 1. Экспедиция. Д. 61, ч. 189; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 107.
[27] РГВИА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 62.
[28] Там же.

Мейлэндером, Вибе, Тёндером с норвежской стороны и Галяминым с Вейкартом — с российской. Однако при проведении линии Нявдемский погост был ошибочно разделён практически пополам. Как это могло произойти, когда комиссия имела при себе людей из местного населения? Самым очевидным объяснением является то, что у комиссаров были старые шведские карты Лапландии Валленберга (1804 г.), на которых граница погоста изображалась слишком далеко на севере. Таким образом, локальные знания уступили место академическим, но ошибочным взглядам (Johnsen, 1923). Этот эпизод иллюстрирует конфликт между «гибкими границами» локального знания и «жёсткими границами» картографической абстракции: комиссары предпочли академическую карту устным свидетельствам местных жителей.

Пограничная конвенция оказалась достаточно выгодной для Норвегии: она получила наиболее важные в экономическом плане прибрежные районы. Однако недовольство конвенцией в большей степени проявилось в России. Тот факт, что точка зрения архангельских властей была отвергнута царём, привёл к незатихающему недовольству новой границей на протяжении всего XIX в. вплоть до революции 1917 г. Фигура Галямина стала естественным «козлом отпущения» — в народной традиции он выступал как предатель; ходили слухи, что он получил от норвежцев золотую табакерку с бриллиантами или даже мешок со специдалерами, в котором под тонким слоем серебра оказались медные монеты, после чего он осознал свою измену и повесился (Никольский, 1914). Однако эти слухи не соответствовали действительности: Галямин прожил долгую жизнь, в 1829 г. ему вернули должность в Генеральном штабе, он отличился в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и подавлении Польского восстания 1830–1831 гг., а в 1832 г. стал директором Императорского фарфорового завода в Санкт-Петербурге, завершив карьеру в 1848 г. действительным статским советником (Johnsen, 1923; [29]). Миф о предательстве Галямина вписывался в концепцию русского народного монархизма, всегда готового простить и оправдать царя и выставить виноватым чиновника. На самом деле решение пойти навстречу шведско-норвежским пожеланиям было принято на высшем уровне в Санкт-Петербурге, и Галямин следовал полученным инструкциям.

Эскалация «лопарского вопроса» и мифов об угрозе (1830–1905)

Основным спорным моментом конвенции 1826 г. оставался вопрос о промысловых правах части приграничных погостов скольтов — земель пазрецких саамов на территории Швеции-Норвегии. Традиционные представления о пространстве и рубежах полукочевой культуры скольтов не соответствовали политическому воображению пространства молодого норвежского государства, озабоченного достижением полной независимости и потому стремившегося поскорее очертить границы собственной территории[30]. Частичным решением

[29] ГАРФ. Ф. 109: 1. Экспедиция. Д. 61, ч. 189.
[30] АВПРИ. Ф. II Деп. I-3 Оп. 446. Д. 104 – л. 238-243; RA/UD, Prebensen samling, G05/10/boks 5213.

проблемы стал так называемый «дополнительный протокол 1834 г.», согласно которому пазрецкие саамы сохранили право сёмужьего промысла в бывших своих угодьях — рыбных тонях на территории, отошедшей к Швеции-Норвегии. Все остальные промыслы на территории Норвегии запрещались. Однако эта частичная поблажка не делала договор 1826 г. в глазах скольтов менее несправедливым, а узаконенный протоколом сервитут тяготил норвежскую сторону и воспринимался как доказательство готовности России нарушить суверенитет соседнего государства[31]. В терминах нашей концепции, сервитут стал зоной пересечения «гибких границ» (традиционных прав саамов) и «жёстких границ» (государственного суверенитета), создавая постоянный источник напряжённости.

В 1840–1850-е гг. притязания финляндской стороны постоянно расширялись. Сенат Великого княжества Финляндского настойчиво требовал изменить линию границы, утверждённую в 1826 г., или произвести обмен территориями. Стокгольм интерпретировал российские претензии как потенциальное стремление России расширить суверенитет и аннексировать незамерзающие гавани в норвежском Финнмарке (Зайков, Тамицкий, 2016). «Русская угроза», обрисованная британским консулом Джоном Райсом Кроу ещё в конце 1830-х гг., нашла плодотворную почву. Кроу, вице-консул Великобритании в Хаммерфесте, в 1836 г. доложил лорду Пальмерстону, что «норвежский Финнмарк будет в скором времени захвачен Россией» (Давыдов, 2009). Эта доктрина стала классическим примером объективации «гибкой границы» — локальный страх перед русской промысловой экспансией был трансформирован на уровне центральной политики в доктрину военной угрозы. В результате Стокгольм предпочёл закрыть норвежско-финский участок границы для трансграничных промыслов, что и было сделано в 1852 г. (Palmstierna, 1932). Это стало крупнейшим поражением российской дипломатии на Крайнем Севере первой половины XIX в. и показало, как асимметрия восприятия — когда локальные конфликты интерпретируются как имперские амбиции — приводит к ужесточению «жёстких границ» и ограничению «гибких».

Окончательный поворот к политике сдерживания России на Крайнем Севере был сделан в 1855 г. с подписанием «ноябрьского трактата» между Швецией-Норвегией с одной стороны и Великобританией и Францией — с другой. Швеция-Норвегия обязалась не вступать в союз с Россией, а Великобритания и Франция гарантировали неприкосновенность границ Королевства[32]. Этот договор стал своеобразным рубежом в контексте восприятия соседства малого национального государства и большой империи, имея далеко идущие последствия: он закрепил асимметрию восприятия как структурную характеристику двусторонних отношений.

Во второй половине XIX в. образ «русской угрозы» стал одним из факторов выстраивания внутренней приграничной политики Норвегии. Преобладание ненорвежского

[31] О сервитуте и проблеме «лопарских промыслов» см.: RA/UD, Prebensen samling; ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 2) – л. 232-233об.; РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 910 – л. 1-2, 107.
[32] Там же.

населения в Восточном Финнмарке, особенно в районе российско-норвежской границы, воспринималось как иностранное вторжение — проникновение России на норвежскую землю (Niemi, 2008). Здесь мы наблюдаем процесс символической объективации: культурное доминирование интерпретируется как политическая угроза, и «гибкая граница» этнического пространства трансформируется в требование «жёсткой границы» государственного суверенитета. Активное строительство национального государства и страх перед огромной многонациональной Российской империей привели к тому, что незначительные промыслы скольтов на норвежской территории представлялись символом российского присутствия.

В России, пусть и с опозданием на несколько десятилетий, также наблюдалось переосмысление проблемы. На рубеже XIX–XX вв. на территории империи начала кристаллизоваться идеология русского этнического национализма, постепенно проникая и в Архангельскую губернию (Tolz, 2001; Hosking, 1998). Многие официальные лица и журналисты, путешествовавшие вдоль российско-норвежской границы, обращали внимание на странный «выступ», не соответствовавший принципу естественных границ; «искусственный характер» границы на участке от церкви Бориса и Глеба до р. Ворьема, по их мнению, привёл к потере сёмужьих тоней пазрецких саамов[33].

Рост взаимного недоверия и обвинений в экспансионистских планах привёл к переговорам между российскими и норвежскими дипломатами в 1896–1903 гг. МИД России поддерживал позицию архангельской общественности, сформулировавшей программу реванша за «территориальную уступку» 1826 г.: оформить сёмужьи тони скольтов на норвежской территории в частную собственность, включающую запрет на промыслы в тонях для подданных Норвегии. Норвежская сторона, стремившаяся к ликвидации сервитутов, попыталась прощупать возможности одностороннего выхода из протокола 1834 г. или максимального ограничения промысловой деятельности российских саамов. Переговоры закончились ничем: идея добиться экстерриториальности промысловых угодий на территории соседнего суверенного государства не нашла понимания[34]. Этот эпизод показал предел возможностей политической объективации — даже при наличии сильных общественных настроений пересмотр установленной «жёсткой границы» оказался невозможным без риска масштабного конфликта.

Таким образом, к началу XX в. сложилась парадоксальная ситуация: «жёсткая граница», установленная в 1826 г., оставалась неизменной, но «гибкие границы» восприятия — мифы о «русской» и «норвежской» угрозе — продолжали эволюционировать. Эта двойственная функция «гибких границ» — как инструментов мобилизации и как механизмов сдерживания — стала одной из ключевых особенностей российско-норвежского пограничья. С одной стороны, мифы об угрозе выполняли функцию внутренней консолидации: для

[33] РГИА. Ф. 1286. Оп. 31. Д. 452; РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 520 – л. 1-13; ГААО. Ф. 4. оп. 16 т. 1. д. 988 – л. 4–14.
[34] Архив института Гувера (HIA). HI/Russian Missia; Norway/Missia; Sweden/Lapps/box127/14; box127/15.

Норвегии — формирование национальной идентичности в противовес «восточному варварству»; для России — консолидация имперского пространства вокруг идеи защиты «исконных русских земель». С другой стороны, взаимный страх предотвращал радикальные действия и удерживал стороны в рамках институциональных соглашений: каждая боялась, что ревизия границы приведёт к ещё большим потерям. «Жёсткая граница» оказалась защищена «гибкими границами» взаимного страха.

Испытание катастрофами: утрата и возвращение границы (1920–1949 гг.)

Согласно постановлениям Тартуского (Юрьевского) мирного договора между РСФСР и Финляндией, подписанного 14 октября 1920 г., Советская Россия добровольно уступила область Петсамо Финляндии, что дало Финляндии выход к незамерзающему Баренцеву морю. Таким образом, существовавшая с 1826 г. граница между Норвегией и Российской империей исчезла. Как охарактеризовали эту перемену российские историки А.И. Рупасов и А.Н. Чистиков, «государственная граница, определенная Тартуским договором, образно говоря, подвела черту под одним из этапов в развитии отношений между РСФСР и Финляндией. Наступал новый этап, как впоследствии оказалось, не менее сложный и трудный, чем предыдущий» (Рупасов, Чистиков, 2016). В терминах нашей концепции, «жёсткая граница» 1826 г. была деинституционализирована, но «гибкая граница» — образ «старой» линии в сознании местного населения и политических элит — сохранялась. Этот образ окажется важным фактором в 1944–1947 гг., когда встанет вопрос о восстановлении границы.

Двум граничащим государствам предстояло пройти ещё через две войны: советско-финляндскую войну 1939–1940 гг. и советско-финляндскую войну 1941–1944 гг. 12 марта 1940 г. был подписан Московский мирный договор между СССР и Финляндией, по которому советско-финляндская граница изменилась и на Крайнем Севере: в состав СССР были возвращены западные части полуостровов Рыбачий и Средний, уступленные в 1920 г. Однако, несмотря на то что район Петсамо был занят советскими войсками, СССР вывел их из этой области, и за Финляндией сохранились как выход к Баренцеву морю, так и незамерзающий порт Лиинахамари.

Вскоре вопрос о Петсамо приобрел международное измерение, связанное с интересами Германии и Советского Союза. Немецкая экономическая потребность в никеле, добываемом в Петсамо, стала важным фактором финско-германских отношений. Переговоры между Финляндией, Германией и Советским Союзом о никелевых месторождениях в Петсамо в 1940–1941 гг. показали, как ресурсный вопрос переплетался с геополитическими интересами (Паасикиви, 2021; Кросби, 2025). В рассматриваемый период концессия на разработку никелевых месторождений в Петсамо принадлежала англо-канадской компании «Монд Никель». Советский Союз, после того как Германия оккупировала Норвегию, стал рассматривать Петсамо как стратегически важную зону. 23

июня 1940 г. Молотов встретился с посланником Финляндии в СССР Паасикиви и заявил ему, что «советское правительство заинтересовано в никелевых рудниках района Петсамо и желало бы получить на них концессию»[35]. Советско-финляндские переговоры по этому вопросу продолжались до начала Великой Отечественной войны, но к успеху не привели.

Эта многосторонняя дипломатическая игра вокруг Петсамо показала, как ресурсный вопрос может служить катализатором геополитических изменений. В терминах нашей концепции, экономические интересы Германии и стратегические интересы Советского Союза создавали конкурирующие «жёсткие границы» влияния, в то время как Финляндия пыталась маневрировать между ними, используя «гибкие границы» дипломатических обещаний и договорённостей.

После нападения нацистской Германии на Советский Союз Финляндия выступила на стороне Германии, и 29 июня 1941 г. финские войска перешли советскую границу. Область Петсамо превратилась в ключевой плацдарм для наступления немецко-фашистских и финских войск на Мурманском направлении. Очередная советско-финляндская война (в финляндской историографии — «война-продолжение») завершилась 19 сентября 1944 г. подписанием Соглашения о перемирии между СССР и Великобританией с одной стороны и Финляндией с другой. На этот раз в соответствии с Соглашением область Петсамо была возвращена СССР. Статья 7 Соглашения гласила: «Финляндия возвращает Советскому Союзу область Петсамо (Печенга), добровольно уступленную Финляндии Советским Государством по Мирным Договорам от 14 октября 1920 года и 12 марта 1940 года …»[36]. В связи с возвращением области Петсамо (Печенга) Советскому Союзу англо-канадским владельцам компании «Монд Никель» советское правительство выплатило компенсацию в размере 20 млн долл. США.

Область Петсамо и Восточный Финнмарк были освобождены от немецких войск в результате Петсамо-Киркенесской операции, начавшейся 7 октября 1944 г. Границу с Норвегией Красная армия пересекла 18 октября, а 25 октября был взят город-порт Киркенес. Правовой базой пересечения государственной границы Норвегии являлось «Соглашение о гражданской администрации и юрисдикции на норвежской территории после её освобождения союзными экспедиционными силами», подписанное 16 мая 1944 г. в Лондоне министром иностранных дел эмигрантского правительства Норвегии Трюгве Ли и послом Советского Союза В.З. Лебедевым[37]. В тот же день Норвегия заключила аналогичные соглашения с Великобританией и США, причём Трюгве Ли подчеркнул, что в этих соглашениях «норвежский суверенитет полностью признан, и целостность страны

[35] Документы внешней политики. 1940-22 июня 1941. Том XXIII: В 2-х кн. Кн. 1. 1 января — 31 октября 1940 г. Москва: Международные отношения; 1995: 363–364.
[36] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. 1 января — 31 декабря 1944 г.: Док. и материалы / Ред.-сост. С. Майоров. Москва: Госполитиздат; 1946: 214–229.
[37] Советско-норвежские отношения 1917–1955. Сборник документов. Москва; 1997: 344–347; Правда. 1944. 18 мая.

обеспечена»[38]. Это был важный дипломатический сигнал: даже в условиях военного присутствия союзных войск на норвежской территории суверенитет Норвегии оставался неприкосновенным.

7 ноября 1944 г. в Москву прибыла норвежская делегация во главе с Трюгве Ли. Целью визита было обсуждение вопроса о норвежско-советском военном сотрудничестве на Севере, а также просьба о содействии в организации посещения министром юстиции Терье Вольдом освобождённых районов Финнмарка для инспекции и сбора информации (Комаров, 2020). 27 марта 1945 г. советский дипломат П.Д. Орлов предложил норвежскому послу Рольфу Андворду создать норвежско-советскую комиссию для демаркации границы. Андворд счёл предложение преждевременным, но Орлов отметил, что официальное заявление о восстановлении «старой границы» имело бы важное значение как противовес немецкой пропаганде[39]. Здесь мы видим, как «гибкая граница» — память о линии 1826 г. — целенаправленно используется советской дипломатией для политической объективации и легитимации нового статус-кво.

Норвежское правительство поставило вопрос о демаркации после освобождения всей страны от немецкой оккупации. Это предложение было выдвинуто в памятной записке от 6 августа 1945 г., однако уже 16 августа временный поверенный Крог-Хансен сообщил о желательности отложить демаркацию до 1946 г.[40] 24 октября 1945 г. замнаркома В.Г. Деканозов принял норвежского посла Андворда, который вручил памятную записку о демаркации и передал советской стороне семь документов по пограничному режиму, существовавшему между Норвегией и Финляндией[41]. Норвежская сторона была заинтересована в том, чтобы соглашения о пограничном режиме, существовавшие прежде между Норвегией и Финляндией, были признаны имеющими силу и в отношениях между СССР и Норвегией. Как пояснялось в телеграмме МИД Норвегии послу Андворду, норвежское правительство предпочитало переподтвердить действие трактатов, подписанных в своё время с Финляндией, нежели решать пограничные вопросы «с помощью новых договоров»: «В поддержку норвежской точки зрения просим посольство ссылаться на желание обеих сторон быть добрыми соседями, подчёркивать то, сколь неблагоприятное впечатление возникнет, если положение норвежского населения в приграничных районах станет хуже, когда Советский Союз стал соседом, чем оно было, когда Норвегия соседствовала с Финляндией»[42]. Эта позиция отражала стремление сохранить существовавшие «гибкие границы» (отраслевые соглашения с Финляндией) и минимизировать изменения в

[38] Там же.
[39] Советско-норвежские отношения 1917–1955. Указ. соч. С. 377.
[40] АВПРФ. Ф. 06. Оп. 27. П. 127. Д. 6. Л. 12.
[41] АВПРФ. Ф. 0116. Оп. 27. П. 127. Д. 5. Л. 43; из дневника В.Г. Деканозова. Прием норвежского посла Андворда 24 октября 1945 г. / АВПРФ. Ф. 0116. Оп. 27. П. 127. Д. 6. Л. 21.
[42] Телеграмма МИД Норвегии послу Норвегии в СССР Р.О. Андворду о сохранении традиционного пограничного режима на новой советско-норвежской границе // Советско-норвежские отношения 1917–1955. Указ. соч. С. 392–393.

повседневной жизни приграничного населения.

НКИД, со своей стороны, считал, что по некоторым из этих соглашений необходимы консультации с компетентными ведомствами, и предлагал заключить одну общую конвенцию о пограничном режиме, содержащую отраслевые разделы [43]. Здесь мы наблюдаем процесс политической объективации на двух уровнях: Норвегия стремится сохранить существовавшие «гибкие границы» (отраслевые соглашения), тогда как СССР настаивает на новой системной «жёсткой границе» (единая конвенция).

2 июля 1946 г. МИД СССР уведомил норвежскую сторону о готовности провести демаркацию. 1 августа в Москву прибыла Норвежская правительственная делегация в Смешанной Комиссии по демаркации государственной границы между СССР и Норвегией — председателем Норвежской Делегации стал губернатор провинции Финнмарк Х. Габриельсен, а председателем Советской Делегации — советник МИД И.В. Маевский[44]. Комиссия, заседавшая в Москве со 2 по 16 августа 1946 г., утвердила порядок работ и решила провести их летом 1947 г. В основу демаркационных работ было решено положить документы демаркации Русско-Норвежской границы 1826 г. и уточнённую карту этой границы 1896 г.[45] Это решение имело глубокий символический смысл: аннулированная четверть века назад «жёсткая граница» восстанавливалась именно в своём первоначальном виде. «Гибкая граница» памяти оказалась сильнее «жёсткой границы» политических изменений. Сама демаркация была проведена с 1 июня по 4 сентября 1947 г., а 18 декабря 1947 г. в Москве были подписаны протокол-описание, карты и другие документы. В советских газетах появилось сообщение: «Все работы по демаркации советско-норвежской границы проходили в духе полного взаимопонимания и согласия между обеими сторонами»[46].

Однако послевоенное восприятие границы в Норвегии было осложнено старыми страхами, связанными с «финской угрозой». Как показали исследования норвежских историков К.Э. Эриксена и С. Бунеса, в послевоенные годы норвежские власти сохраняли подозрительное отношение к финскому населению Северной Норвегии (квенам). Специальный список подозреваемых лиц («финский список»), содержащий около 2 000 человек, в основном финнов и лиц финского происхождения, вёлся с 1955 по 1970-е гг. Норвежские военные и полицейские власти опасались, что через Финляндию может осуществляться советское влияние, и что финское население Северной Норвегии может быть использовано в интересах СССР. Как отмечал начальник полицейской службы наблюдения (POT), финны могли легче вербоваться советской разведкой из-за близости к советско-финской границе (Eriksen, 2017; Bones, 2017). В результате в 1950-е гг. паспортный контроль для финских граждан в Тромсе и Финнмарке был значительно усилен, а вплоть до 1975 г.

[43] АВПРФ. Ф. 0116. Оп. 27. П. 127. Д. 5. Л. 43–44.
[44] Правда. 1946. 2 августа; Известия. 1946. 2 августа.
[45] Известия. 1946. 30 августа.
[46] Правда. 1947. 23 декабря; Известия. 1947. 23 декабря.

действовал особый режим для финских граждан в этих двух фюльке (Там же). Это был яркий пример того, как «гибкие границы» восприятия — страх перед внешней угрозой — трансформировались в дискриминационную политику на уровне «жёстких границ» государственного контроля. Только в середине 1970-х гг., после публичных выступлений редактора газеты Finnmarken Сверре Нильсена и министра юстиции Ингер Луизы Валле, эти дискриминационные меры были отменены (Там же). Этот сюжет показывает, как старые страхи могут быть перенесены на новые геополитические реалии, и как «гибкие границы» этнического восприятия могут сохраняться даже после того, как «жёсткие» политические границы были пересмотрены. Он также демонстрирует, что преодоление «образов угрозы» требует не только политических, но и культурных усилий — публичного осуждения дискриминационной политики и политической воли для её отмены.

После появления демаркированной границы стороны приступили к выработке советско-норвежского документа о пограничном режиме. Договор между Правительством СССР и Королевским Норвежским Правительством о режиме советско-норвежской границы был подписан в Осло 29 декабря 1949 г.[47] Однако советско-норвежские отношения в 1949 г. переживали период резкого охлаждения, обусловленного вступлением Норвегии в апреле 1949 г. в военно-политический блок НАТО. В отчёте советского посольства в Норвегии за 1949 г. подчёркивалось, что правительство Герхардсена развернуло «провокационную антисоветскую пропаганду, распространяя клеветнические измышления об агрессивности Советского Союза, об угрозе Северной Норвегии со стороны СССР, о советском империализме»[48]. По мнению посла С.А. Афанасьева, норвежское правительство, опасаясь, что оно взяло слишком крутой курс в отношениях с СССР, стало искать удобного случая, чтобы получить от Советского правительства подтверждение его дружественного отношения к Норвегии. Норвежский МИД предложил особо отметить в коммюнике о подписании договора «дружественную атмосферу», в которой протекали переговоры. Советская сторона отклонила это предложение, чтобы не «давать норвежским властям повод успокаивать общественность Норвегии тем, что всё якобы в советско-норвежских отношениях обстоит по-прежнему благополучно»[49]. В сообщении «Известий» от 31 декабря 1949 г. в отличие от сообщения, опубликованного в 1947 г., не было сказано о наличии «духа взаимопонимания и согласия» — это маркер наступившей Холодной войны. Применяя концепцию асимметричного восприятия, мы видим здесь, как объективное техническое соглашение о «жёсткой границе» становится заложником политической конфронтации: обе стороны отказываются от символической объективации добрососедства, и «гибкие границы» (образы

[47] Johanson Bodil B. Overenskomsten mellom den Kongelige Norske Regjering og Regjeringen for Samveldet av Sovjetiske Sosialistiske Republikker om forskjellige forhold ved den norsk-sovjetiske grense og om fremgangsmåten ved ordningen av konflikter og hendinger på grensen. 50 år 1949–1999. Kirkenes: Norges Grensekommissariat; 1999. 70 s.
[48] Политический отчет Посольства СССР в Норвегии за 1949 год / АВПРФ. Ф. 0116. Оп. 39. П. 156. Д. 10. Л. 8.
[49] Сопроводительное письмо к отчету Посольства СССР в Норвегии за 1949 г. 21 февраля 1950 г. / АВПРФ. Ф. 0116. Оп. 39. П. 156. Д. 10. Л. 3-4.

угрозы) вновь начинают доминировать над институциональными соглашениями.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1950 г. договор был ратифицирован, а 7 ноября в соответствии с королевским постановлением вступил в силу и в Норвегии (Heger, 2015; [50]).

Заключение

История российско-норвежского пограничья, рассмотренная нами в контексте двухсотлетнего юбилея трактата 1826 г., представляет собой уникальный пример того, как линия, проведённая на карте почти случайно (в условиях неполноты знаний, ограниченного времени работы комиссаров и доминирования имперской логики над локальной целесообразностью), оказалась удивительно устойчивой и жизнеспособной. Эта устойчивость, как мы показали, определялась не столько географической логикой или военной силой, сколько сложным переплетением асимметричных восприятий, взаимных страхов и институциональных компромиссов, которые парадоксальным образом создавали условия для долгосрочной стабильности даже в периоды острой конфронтации.

Изучая эволюцию российско-норвежской границы, мы выделили четыре ключевых этапа, каждый из которых характеризовался определённым соотношением «гибких» (воображаемых) и «жёстких» (институциональных) рубежей.

Первый этап — от средневековья до начала XIX в. — был временем доминирования фронтирного мышления, когда «общие округа» представляли собой пространство сосуществования трёх парадигм территориального воображения: саамской (архаичной, основанной на сезонных миграциях и коллективном владении), имперской (российской, терпимой к открытым зонам и не требующей чётких рубежей) и модерной (норвежской, стремившейся к герметичным национальным границам). Этот период показал, что отсутствие «жёсткой границы» не означало отсутствия территориальности — скорее, она была организована на иных, догосударственных принципах, где фискальная юрисдикция доминировала над политическим суверенитетом. Однако именно отсутствие «жёстких рубежей» создавало условия для будущего конфликта, когда норвежское национальное государство, формируясь, начало требовать определённости, а имперская Россия продолжала мыслить категориями фронтира. Эта асимметрия восприятия стала фундаментальной характеристикой двусторонних отношений.

Второй этап — рождение границы в 1826 г. — стал результатом дипломатических переговоров, в которых переплелись региональные конфликты (жалобы скольтов, промысловые споры), личные амбиции (Миницкий vs. Пальмшерна, Галямин vs. Спёрк) и макрополитические соображения (союз Александра I с Карлом Юханом, стремление

[50] Johanson Bodil B. Overenskomsten mellom den Kongelige Norske Regjering og Regjeringen for Samveldet av Sovjetiske Sosialistiske Republikker om forskjellige forhold ved den norsk-sovjetiske grense og om fremgangsmåten ved ordningen av konflikter og hendinger på grensen. 50 år 1949–1999. Kirkenes: Norges Grensekommissariat; 1999. 70 s.

Николая I сохранить «добрососедство»). Мы показали, что конвенция 1826 г., выгодная для Норвегии, была воспринята в России как «территориальная потеря», что породило устойчивый миф о предательстве Галямина — миф, который, как мы установили, не имел под собой реальных оснований, но выполнял важную социально-психологическую функцию, позволяя сохранить образ «доброго царя» и переложить вину на «продажного чиновника». Этот миф, будучи «гибкой границей» (образом несправедливости), стал объективироваться в политической сфере, влияя на российскую пограничную политику на протяжении всего XIX в.

Третий этап — эволюция «лопарского вопроса» и эскалация мифов об угрозе в 1830–1905 гг. — продемонстрировал, как локальные промысловые конфликты постепенно политизировались, становясь символами экспансионистских устремлений соседа. С одной стороны, сервитут 1834 г. для пазрецких саамов стал для Норвегии доказательством готовности России нарушить суверенитет, а для России — инструментом защиты традиционных прав коренного населения. С другой стороны, доктрина Кроу о захвате незамерзающих гаваней, подхваченная шведской и норвежской элитами, создала устойчивый образ «русской угрозы», который, как показал анализ, был не столько отражением реальной политики России, сколько проекцией собственных страхов малого национального государства. Зеркально, в России, особенно в Архангельской губернии, сформировался образ «норвежской угрозы» — результата «хитроумной» дипломатической игры и «беспечности» центральных властей. Эта двойная асимметрия восприятия стала структурной характеристикой двусторонних отношений, при которой обе стороны видели друг в друге угрозу, но эта взаимная подозрительность также и удерживала их от радикальных действий: каждая боялась, что ревизия границы приведёт к ещё большим потерям. «Жёсткая граница» оказалась защищена «гибкими границами» взаимного страха.

Четвёртый этап — утрата и восстановление границы в 1920–1949 гг. — стал уникальным историческим прецедентом. Тартуский договор 1920 г. аннулировал линию 1826 г., передав область Петсамо Финляндии. Однако после Второй мировой войны, когда советские войска освободили Восточный Финнмарк и Печенга была возвращена в состав СССР, стороны приняли сознательное решение восстановить именно «старую» границу — ту самую, которая была установлена более века назад. Этот выбор, как мы показали, не был механическим: он отражал не только техническую целесообразность (наличие документов и карт 1826 и 1896 гг.), но и символическое значение — линия 1826 г. воспринималась как «историческая» и «естественная», даже несмотря на то, что её «искусственный характер» критиковался в России на протяжении всего XIX в. Демаркация 1947 г. и подписание договора о пограничном режиме в 1949 г. завершили этот процесс, но в условиях начавшейся Холодной войны и вступления Норвегии в НАТО символическая риторика «дружбы и согласия» ушла в тень, что стало маркером новой конфронтационной эпохи.

Обобщая результаты исследования, мы можем сформулировать несколько ключевых выводов, имеющих не только историческое, но и современное значение.

Первый вывод касается природы устойчивости границы. Устойчивость линии 1826 г. определялась не столько её географической «справедливостью» или «естественностью» — напротив, и в России, и в Норвегии существовали влиятельные силы, считавшие её несправедливой. Скорее, устойчивость обеспечивалась институциональной инерцией и взаимным страхом, так как обе стороны боялись, что пересмотр границы приведёт к непредсказуемым последствиям: для Норвегии — к утрате незамерзающих гаваней, для России — к ослаблению позиций на севере и потере контроля над стратегически важным регионом. Эта асимметричная взаимная сдержанность, подкреплённая международными договорами (ноябрьский трактат 1855 г., договор об интегритете 1907 г.), создала условия, при которых граница стала «застывшим» компромиссом, который никто не решался оспаривать.

Второй вывод касается роли локальных сообществ. Саамы — скольты, поморы, норвежские колонисты — были не просто пассивными объектами государственной политики, но активными субъектами «пространственной социализации». Их повседневные практики (промыслы, миграции, торговля) создавали «гибкие границы», которые влияли на восприятие соседа и в конечном счёте на формирование «жёстких» институциональных рубежей. В этом смысле история российско-норвежского пограничья опровергает классическую нисходящую модель «центр определяет периферию»: региональные конфликты и локальные инициативы неоднократно определяли повестку двусторонних отношений, а центральные власти вынуждены были реагировать на вызовы «снизу»: будь то жалобы скольтов в 1822 г., промысловые споры в 1860-х гг. или давление архангельской прессы в начале XX в. В то же время, как показал анализ мифа о Галямине, локальная память о «несправедливой» границе могла существовать десятилетиями, не перерастая в политические требования до тех пор, пока не создавалась благоприятная внешнеполитическая конъюнктура.

Третий вывод касается динамики «образов угрозы». Мы показали, что мифы о «русской» и «норвежской» угрозе были не просто результатом пропаганды, а сложными социокультурными конструктами, в которых переплетались реальные экономические и военные опасения, культурные стереотипы и политические манипуляции. Эти мифы выполняли важную функцию внутренней консолидации: для Норвегии — формирование национальной идентичности в противовес «восточному варварству»; для России — консолидация имперского пространства вокруг идеи защиты «исконных русских земель» от посягательств. Однако, как показала эволюция этих мифов, они могли как обострять отношения, так и парадоксально способствовать их стабилизации: взаимный страх предотвращал радикальные действия и удерживал стороны в рамках институциональных соглашений.

Четвёртый вывод касается уникальности восстановления границы в 1947 г. Этот прецедент, когда аннулированная линия была восстановлена в том же виде через четверть

века, не имеет аналогов в европейской истории. Он свидетельствует о том, что граница может обладать не только политическим, но и символическим ресурсом — она становится частью коллективной памяти и идентичности, которую даже радикальные политические изменения не могут полностью стереть. Для России и Норвегии линия 1826 г. стала «общим историческим достоянием», хотя каждая из сторон интерпретировала её по-своему: для Норвегии — как результат умелой дипломатии, для России — как «вынужденную уступку», которую, однако, не решались пересматривать.

В заключение, обращаясь к современному контексту — двухсотлетнему юбилею границы и новой геополитической конфронтации, в которой Россия и Норвегия оказались по разные стороны баррикад, — мы можем извлечь несколько уроков из исторического опыта.

Во-первых, даже самая «несправедливая» граница может быть стабильной, если стороны признают её институциональную легитимность и не поддаются соблазну реваншизма. Исторический опыт показал, что попытки пересмотра (обмен территориями в 1840-х гг., требования архангельской общественности в 1890-х гг.) не приводили к успеху, а лишь обостряли взаимное недоверие. Напротив, признание статус-кво — даже если оно воспринималось как выгодное для одной стороны — создавало условия для долгосрочной стабильности.

Во-вторых, «образы угрозы» — это не просто пропагандистские клише, а реальные факторы, влияющие на политику. Игнорирование асимметрии восприятия — того, что одна сторона видит в действиях другой угрозу, а другая не осознаёт этого, — ведёт к ошибочным решениям и эскалации конфликтов. Российские власти в XIX в. не раз оказывались в ситуации, когда их действия (ультиматум 1851 г., поддержка ревизионистских настроений) воспринимались Норвегией как подтверждение «русской угрозы», хотя на самом деле были реакцией на локальные проблемы. И наоборот, норвежская политика норвегизации и колонизации, воспринимавшаяся в России как экспансия, была для Норвегии лишь инструментом внутренней консолидации.

В-третьих, локальное знание и местные инициативы остаются важнейшим ресурсом для поддержания добрососедства. В XIX в. именно промысловые контакты поморов, саамов и норвежских колонистов создавали «гибкие границы» взаимопонимания, которые смягчали остроту политической конфронтации. В современном контексте, когда официальные каналы коммуникации сужены, приграничное сотрудничество на уровне регионов, университетов, культурных институтов может выполнять ту же функцию — поддерживать каналы взаимодействия, которые не зависят от политической конъюнктуры.

В-четвёртых, юбилей границы — это не только повод для исторической рефлексии, но и возможность переосмыслить символический ресурс общей истории. Граница 1826 г. — это не линия разъединения, а «общее наследие», которое может быть осмыслено как совместный проект управления пространством. Уроки XIX–XX вв. показывают, что даже асимметричные соседи способны находить modus vivendi, если не подменяют реальность

идеологическими конструктами и сохраняют институциональные каналы диалога.

Двухсотлетняя история российско-норвежской границы — это история не только конфликтов и напряжённости, но и институциональной изобретательности, способности сторон удерживать различия в рамках договорённостей и не допускать эскалации. Этот опыт, как мы полагаем, может быть востребован не только историками, но и политиками, стремящимися понять, как даже в условиях геополитической конфронтации можно сохранять элементы взаимодействия и взаимного уважения к исторически сложившимся рубежам. Граница 1826 г., которую Галямин и Спёрк наносили на карту в тяжёлых походных условиях, располагая скудными данными, оказалась не просто линией, но «архитектурным проектом», пережившим империи, войны и идеологии. И в этом смысле она — не только исторический факт, но и напоминание о том, что даже случайные компромиссы могут становиться прочным фундаментом для долгосрочного сосуществования, если стороны готовы видеть в «жёсткой границе» не рубеж разъединения, а линию совместной ответственности.

Список источников

Голдин В.И., Зайков К.С., Тамицкий А.М. Роль карт и населения Крайнего Севера России и Норвегии XVIII в. в конструировании границ внутреннего суверенитета // Былые годы. 2015a; 38 (4): 849–864.

Голдин В.И., Зайков К.С., Тамицкий А.М. Саамы в истории норвежско-российского пограничья: фактор напряженности или региональной интеграции? // Былые годы. 2015b; 37 (3): 519–535.

Голубцов Н. К истории разграничения России с Норвегией. Архангельск: Архангельский губернский статистический комитет; 1910. 44 с.

Давыдов Р.А. Миф о русской угрозе Северной Норвегии и его влияние на мероприятия властей Российской империи в Евро-Арктическом регионе (вторая половина XIX — начало XX в.) // Империи и империализм Нового и Новейшего времени: сборник статей / Отв. ред.: Бодров А.В., Борисенко В.Н. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета. 2009: 356–361.

Ефимова В.В. Генерал-губернаторы Европейского Севера и русско-норвежская конвенция 1826 г. // Живущие на Севере. 2010; 1: 65–78.

Зайков К.С., Куприков Н.М., Куприков М.Ю. Северный фронтир России и Норвегии XIII–XVII вв. // Былые годы. 2020; 58 (4): 2272–2279. https://doi.org/10.13187/bg.2020.4.2272

Зайков К.С., Тамицкий А.М. Финский фактор в истории Северного Фронтира Российской империи 1809–1855 гг. // Былые годы. 2016; 41 (3): 629–641.

Комаров А.А. Европейский Север в 1944–1945 гг.: война и дипломатия // Заполярье 1944–1945: война, повседневность, память / Отв. ред. А.А. Комаров. Москва: Политическая энциклопедия. 2020: 12–24.

Кристиансен Т. «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию»: Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 г. // Русский Сборник: Исследования по истории России / Под ред. О.Р. Айрапетова, М. Йовановича, М.А. Колерова, Б. Меннинга, П. Чейсти. Т. VIII. Москва: Модест Колеров. 2010: 26–52.

Кристоман Б.Б. История научно-промыслового освоения Европейского Севера в контексте политических интересов Российской Империи в XIX — начале XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Архангельск. 2003; 195 с.

Кросби П. Борьба Финляндии, Германии и Советского Союза за стратегический регион Петсамо. 1940–1941. Москва: Центрполиграф. 2025; 257 с.

Никольский В.Н. На русско-норвежской границе. Архангельск: Губернская типография. 1914; 9 с.

Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. Москва: Новое издательство. 2004; 336 с.

Паасикиви Ю.К. Моя работа в Москве и Финляндии в 1939–1941 гг. Москва: Издательство «Весь Мир». 2021; 772 с.

Попов Г.П., Давыдов Р.А. Мурман. Очерк истории края XIX — начала XX в. Екатеринбург: Уро РАН. 1999; 223 с.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Выпуск 1. Ведомства внешней политики и их руководители. Москва: Международные отношения. 1992; 288 с.

Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. Санкт-Петербург: Аврора. 2016; 240 с.

Чернышева О.А. Шведы о русских. По материалам начала XX века (1900–1920) // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 4. Москва: Наука. 2003: 102–125.

Andresen A. Sii'daen som forsvant: Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes: Sør-Varanger Museum. 1989; 192 s.

Andvord R. Med hånden på hjertet. Oslo: J.W. Cappelen. 1964; 374 s.

Åselius G. The «Russian menace» to Sweden. The belief system of a small power security elite in the age of imperialism. Stockholm: Almqvist & Wiksell International. 1994; 455 p.

Bones S. Om «den finske fare» — en kommentar // Septentrio Conference Series. Septentrio Academic Publishing. 2023: 203–205. https://doi.org/10.7557/5.7335

Eriksen K.E. Gjensyn med den finske fare — nordlig overvåking og sikkerhetspolitikk i etterkrigstid [Review of the Finnish Threat — Northern Surveillance and Security Policy in the Post-War Period] // Septentrio Conference Series. 2023; 2: 196–202.

Heger N. Mer enn en diplomat? Grensekommissærens rolle 1947–2002. Masteroppgave i historie. Oslo: Universitetet i Oslo, Institutt for arkeologi, konservering og historie. 2015; 130 s.

Hosking G. Can Russia Become a Nation-State? // Nations and Nationalism. 1998; 4 (4): 449–462. https://doi.org/10.1111/j.1354-5078.1998.00449.x

Ishizuka M. Norwegian-Russian borderland in transition: spatial perception among Norwegian elites 1826–1852 // Russia-Norway: Physical and symbolic borders / Ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow: Languages of Slavonic Culture. 2005: 95–104.

Johnsen O.A. Finmarkens politiske historie aktmæssig fremstillet. Kristiania: Dybwad. 1923; 357 p.

Lähteenmäki M. The Peoples of Lapland: Boundary Demarcations and Interaction in the North Calotte from 1808 to 1889. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters. 2006; 335 p.

Russland kommer nærmere: Norge og Russland, 1814–1917 / Nielsen J.P., ed. Oslo: Pax Forlag AS. 2014; 643 p.

Niemi E. Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid // Grenser og grannelag i Nordens historie / Ed. by S. Imsen. Oslo: Cappelen akademisk forlag. 2005: 387–415.

Niemi E. Kirka som grensefesting: kirkebyggning, religiøs spenning og grensesikring i Finnmark. 1850–1940 // Forpost mot øst: fra Vardø og Finmarks historie 1307–2007: rapport fra det XXXII nordnorske historieseminar, Vardø, 21–23 september 2007 / Ed. by R.R. Balsvik, J.P. Nielsen. Stamsund. 2008: 153–158.

Niemi E. Pomor: Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen ar. Oslo: Gyldendal. 1992; 192 s.

Niemi E. Vadsøs historie. Bind 1: Fra øyvaer til kjøpstad (inntil 1833). Vadsø: Vadsø kommune. 1983; 621 s.

Palmstierna C.F. Sverige, Ryssland och England, 1833–1855: Kring Novembertraktatens förutsättningar. Stockholm: Kungl. boktryckeriet. P. A. Norstedt & söner. 1932; 408 s.

Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: a Diplomatic Challenge // Russia —Norway: Physical and Symbolic Borders / Ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow: Languages of Slavonic Culture. 2005: 162–168.

Tolz V. Russia (Inventing the Nation). London: Bloomsbury Academic. 2001; 320 p.

Wikan S. Grensebygda Neiden: Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Nordkalott-forlaget. 1995; 473 s.

Zaikov K. Between the empire and the nation state: the problem of the Russian-Norwegian frontier and Sami occupation in the 19th–early 20th centuries // The Polar Journal. 2019; 9 (1): 154–174. https://doi.org/10.1080/2154896X.2019.1618560

References

Andresen A. *Sii'daen som Forsvant: Østsamene i Pasvik etter Den Norsk-Russiske Grensetrekningen i 1826*. Kirkenes, Sør-Varanger Museum; 1989. 192 p.

Andvord R. *Med Hånden på Hjertet*. Oslo, J.W. Cappelen; 1964. 374 p.

Åselius G. *The "Russian Menace" to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism*. Stockholm, Almqvist & Wiksell International; 1994. 455 p.

Bones S. Om "Den Finske Fare" — en Kommentar. *Septentrio Conference Series*. 2023: 203–205. https://doi.org/10.7557/5.7335

Chernysheva O.A. Swedes about Russians. Based on Materials from the Early 20th Century (1900–1920). In: *Northern Europe. Problems of History.* Iss. 4. Moscow, Nauka Publ.; 2003: 102–125.

Crosby P. *The Struggle of Finland, Germany, and the Soviet Union for the Strategic Region of Petsamo. 1940–1941*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ.; 2025. 257 p. (In Russ.)

Davydov R.A. The Myth of the Russian Threat to Northern Norway and Its Influence on the Activities of the Authorities of the Russian Empire in the Euro-Arctic Region (the Second Half of the 19th – Early 20th Century). In: *Empires and Imperialism in Modern and Contemporary History: A Collection of Articles*. Saint-Petersburg, SPbU Publ.; 2009: 356–361.

Efimova V.V. Governors-General of the European North and the Russian-Norwegian Convention of 1826. *Zhivushchie na Severe*. 2010; 1: 65–78.

Eriksen K.E. Review of the Finnish Threat — Northern Surveillance and Security Policy in the Post-War Period. *Septentrio Conference Series*. 2023; 2: 196–202.

Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? *Bylye Gody*. 2015b; 37 (3): 519–535.

Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty. *Bylye Gody*. 2015a; 38 (4): 849–864.

Golubtsov N. *On the History of the Delimitation of Russia with Norway*. Arkhangelsk, Arkhangelskiy Gubernskiy Statisticheskiy Komitet Publ.; 1910. 44 p. (In Russ.)

Heger N. *Mer enn en Diplomat? Grensekommissærens Rolle 1947–2002. Masteroppgave i Historie*. Oslo, Universitetet i Oslo, Institutt for Arkeologi, Konservering og Historie. 2015. 130 p.

Hosking G. Can Russia Become a Nation-State? *Nations and Nationalism*. 1998; 4 (4): 449–462. https://doi.org/10.1111/j.1354-5078.1998.00449.x

Ishizuka M. Norwegian-Russian Borderland in Transition: Spatial Perception among Norwegian Elites 1826–1852. In: *Russia-Norway: Physical and symbolic borders*. Moscow, Languages of Slavonic Culture; 2005: 95–104.

Johnsen O.A. *Finmarkens Politiske Historie Aktmæssig Fremstillet*. Kristiania, Dybwad; 1923; 357 p.

Komarov A.A. The European North in 1944–1945: War and Diplomacy. In: *The Arctic 1944–1945: War, Everyday Life, Memory*. 2020: 12–24.

Kristiansen T. "The Russians Are Ruining Us; They Are Depriving Us of Our Livelihood": Russian-Norwegian Relations in the Far North Before 1820. In: *Russian Collection: Studies in Russian History.* Vol. VIII. Moscow, Modest Kolerov Publ.; 2010: 26–52.

Kristoman B.B. *The History of Scientific and Commercial Development of the European North in the Context of the Political Interests of the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries:* Cand. Hist. Sci. Diss. Arkhangelsk. 2003. 195 p. (In Russ.)

Lähteenmäki M. *The Peoples of Lapland: Boundary Demarcations and Interaction in the North Calotte from 1808 to 1889*. Helsinki, Finnish Academy of Science and Letters; 2006; 335 p.

Neumann I. *Using the "Other". Images of the East in the Formation of European Identities*. Moscow, Novoe Izdatelstvo Publ.; 2004. 336 p. (In Russ.)

Nielsen J.P., ed. *Russland Kommer Nærmere: Norge og Russland, 1814–1917*. Oslo, Pax Forlag AS; 2014. 643 p.

Niemi E. Etnisitet, Nasjonalitet og Grenseforhold i Det Nordligste Skandinavia fram til Vår Tid. In: *Grenser og Grannelag i Nordens Historie*. Oslo, Cappelen Akademisk Forlag; 2005: 387–415.

Niemi E. Kirka som Grensefesting: Kirkebyggning, Religiøs Spenning og Grensesikring i Finnmark. 1850–1940. In: *Forpost mot Øst: Fra Vardø og Finmarks Historie 1307–2007: Rapport fra Det XXXII*

Nordnorske Historieseminar. Stamsund. 2008: 153–158.

Niemi E. *Pomor: Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen ar*. Oslo, Gyldendal; 1992; 192 p.

Niemi E. *Vadsøs Historie. Bind 1: Fra Øyvaer til Kjøpstad (Inntil 1833)*. Vadsø, Vadsø Kommune; 1983; 621 p.

Nikolskiy V.N. *On the Russian-Norwegian Border*. Arkhangelsk, Gubernskaya Tipografiya Publ.; 1914. 9 p. (In Russ.)

Paasikivi J.K. *My Work in Moscow and Finland in 1939–1941*. Moscow, Ves Mir Publ.; 2021. 772 p. (In Russ.)

Palmstierna C.F. *Sverige, Ryssland och England, 1833–1855: Kring Novembertraktatens förutsättningar*. Stockholm, Kungl. Boktryckeriet. P. A. Norstedt & Söner; 1932; 408 p.

Pokhlebkin V.V. *Foreign Policy of Rus, Russia, and the USSR for 1,000 Years in Names, Dates, and Facts. Part 1. Foreign Policy Agencies and Their Leaders*. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ.; 1992. 288 p. (In Russ.)

Popov G.P., Davydov R.A. *Murman. An Essay on the History of the Region in the 19th — Early 20th Century*. Ekaterinburg, UB RAS Publ.; 1999. 223 p. (In Russ.)

Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: a Diplomatic Challenge. In: *Russia —Norway: Physical and Symbolic Borders*. Moscow, Languages of Slavonic Culture; 2005: 162–168.

Rupasov A.I., Chistikov A.N. *The Soviet-Finnish Border. 1918–1938. Historical Essays*. Saint Petersburg, Avrora Publ.; 2016. 240 p. (In Russ.)

Tolz V. *Russia (Inventing the Nation)*. London, Bloomsbury Academic; 2001. 320 p.

Wikan S. *Grensebygda Neiden: Møte mellom Folkegrupper og Kampen om Ressursene*. Nordkalott-Forlaget. 1995; 473 p.

Zaikov K. Between the Empire and the Nation State: The Problem of the Russian-Norwegian Frontier and Sami Occupation in the 19th–Early 20th Centuries. *The Polar Journal*. 2019; 9 (1): 154–174. https://doi.org/10.1080/2154896X.2019.1618560

Zaikov K.S., Kuprikov N.M., Kuprikov M.Yu. Northern Frontier of Russia and Norway in the 13th-17th Centuries. *Bylye Gody*. 2020; 58 (4): 2272–2279. https://doi.org/10.13187/bg.2020.4.2272

Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809-1855. *Bylye Gody*. 2016; 41 (3): 629–641.

Статья поступила в редакцию 20.07.2026; принята к публикации 27.07.2026

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 202–228
Научная статья
УДК [94(470.1/.2)(48)"1990/2020":327](045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.202

Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество: результаты и последствия для России

Соколова Флера Харисовна [1]✉, доктор исторических наук, профессор
Труфанова Елизавета Андреевна [2], ассистент

[1, 2] Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия
[1] f.sokolova@narfu.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3063-6128
[2] e.trufanova@narfu.ru, ORCID: https://orcid.org/0009-0007-9460-1497

Аннотация. В статье выявляются результаты Баренцева Евро-Арктического сотрудничества, прежде всего трансграничного, декларируемые и реальные интересы участников взаимодействия и их последствия в контексте влияния на национальные интересы России. Исследование опирается на концепцию неоклассического реализма, что позволяет рассматривать формирование и развитие данного многостороннего формата взаимодействия как результат сочетания внешних условий постбиполярного мира и внутриполитических и экономических трансформаций в России 1990-х гг. и через призму национальных интересов стран — участниц объединения. Исследование базируется на официальных документах Совета Баренцева Евро-Арктического региона, статистических материалах профильных институтов, а также внешнеполитических документах стран Северной Европы и, прежде всего, Норвегии, как инициатора данного формата сотрудничества. Установлено, что в развитии Баренцева Евро-Арктического сотрудничества были заинтересованы все страны-участницы. Однако декларируемые официально и реальные цели членов данного формата взаимодействия существенно разнились. Сотрудничество фактически свелось к гуманитарной сфере. Наряду с позитивными результатами были очевидны негативные последствия для национальных интересов России. Данное сотрудничество на несколько десятилетий снизило международную напряжённость в регионе, позволило поддержать социально-культурную и научно-образовательную сферу северных российских регионов в условиях глубочайшего кризиса 1990-х — начала 2000-х гг. в стране. Однако лишь на время была отложена проблема обеспечения военной безопасности России в регионе. В общественном сознании жителей северных субъектов России проявлялись результаты «мягкосилового» воздействия. Существенно упал престиж России и её политическое влияние в мире и регионе. В связи с низкой платёжеспособностью и отсутствием возможностей для пропорционального софинансирования, Россия играла ведомую роль в данном формате многостороннего международного взаимодействия.
Ключевые слова: *Баренцев Евро-Арктический регион, Баренцево сотрудничество, Россия, трансграничное сотрудничество, неоклассический реализм, национальные интересы стран Баренцева Евро-Арктического сотрудничества*

Barents Euro-Arctic Cooperation: Results and Consequences for Russia

Flera H. Sokolova [1]✉, Dr. Sci. (Hist.), Professor
Elizaveta A. Trufanova [2], Research Assistant

* © Соколова Ф.Х., Труфанова Е.А., 2026
Для цитирования: Соколова Ф.Х., Труфанова Е.А. Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество: результаты и последствия для России // Арктика и Север. 2026; 64: 202–228. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.202
For citation: Sokolova F.H., Trufanova E.A. Barents Euro-Arctic Cooperation: Results and Consequences for Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 202–228. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.202
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

[1, 2] Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia
[1] f.sokolova@narfu.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3063-6128
[2] e.trufanova@narfu.ru, ORCID: https://orcid.org/0009-0007-9460-1497

Abstract. This article examines the outcomes of the Barents Euro-Arctic cooperation, particularly its cross-border dimension, analyzing both the declared and the actual interests of the participating actors and their consequences in the context of Russia's national interests. The study is based on the concept of neoclassical realism. This approach allows for the examination of the formation and development of this multilateral format as the result of a combination of external conditions in the post-bipolar world and domestic political and economic transformations in Russia during the 1990s, and through the prism of the national interests of the member states. The study is based on official documents of the Barents Euro-Arctic Council, statistical materials from relevant institutions, and foreign policy documents of Nordic countries, primarily Norway as the initiator of the cooperation format. It is established that all participating states had an interest in developing the Barents Euro-Arctic cooperation. However, the officially declared goals and the actual objectives of the members of this framework differed significantly. The cooperation de facto narrowed to the humanitarian sphere. Alongside the positive results, there were obvious negative consequences for Russia's national interests. This cooperation reduced international tensions in the region for several decades and made it possible to sustain the socio-cultural, scientific, and educational sectors in Russia's northern regions during the country's deepest crisis of the 1990s and early 2000s. However, the issue of ensuring Russia's military security in the region was only postponed. The outcomes of this "soft power" influence manifested in the public consciousness of residents in Russia's northern territories. The prestige and political influence of Russia globally and in the region declined substantially. Due to low solvency and a lack of capacity for proportional co-financing, Russia played a subordinate role in this format of multilateral international cooperation.
Keywords: *Barents Euro-Arctic region, Barents cooperation, Russia, cross-border cooperation, neoclassical realism, national interests of the Barents Euro-Arctic cooperation states*

Введение

Кардинальная трансформация современных международных отношений, нарастание политической конфронтации и линия поведения западных государств по отношению к России вынуждают к переосмыслению форм, механизмов и результатов многостороннего международного взаимодействия с западными странами на Севере и в Арктике, в которое была вовлечена наша страна. В этом контексте особый интерес представляет Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество, которое на протяжении длительного времени воспринималось как один из наиболее успешных примеров диалога между Россией и странами Северной Европы. Однако международные процессы последних десяти лет в Арктике, обострение отношений со странами Северной Европы, вступление Швеции и Финляндии в НАТО вынуждают взглянуть на этот формат международного взаимодействия сквозь призму соотношения с национальными интересами стран — участниц объединения. Обращение к данному опыту позволит дать взвешенную оценку результатов этого сотрудничества и оценить пределы допустимого в гуманитарном воздействии в сфере внешней политики.

Тема формирования и развития Баренцева Евро-Арктического региона довольно подробно проанализирована специалистами, среди которых следует выделить В.И. Голдина (Голдин, 2019; Голдин, 2015; Голдин, Зайков, Нильсен, 2015), К. Циммербауэра

(Zimmerbauer, 2013), Ю.Ф. Лукина (Лукин, 2010), К. Хоссейн и Д. Камбу (Hossain, Cambou, 2018), Г. Хеннеланда (Hønneland, 2017; Hønneland, 1998), Й. Эрикссона (Eriksson, 1995). Многие из представленных авторов стояли у истоков Баренц-сотрудничества и способствовали его развитию, что позволяет рассматривать их работы как свидетельства непосредственных участников процесса формирования региона и реконструировать логику его создания. В то же время значительная часть данных исследований создавалась в условиях доминирования неолиберальной парадигмы во внешней политике России, что во многом определяло акценты на позитивных аспектах сотрудничества и его интерпретацию как равноправного партнёрства.

Взаимодействию в разных сферах в рамках Баренц-региона посвящены исследования Ю.П. Окунева (Окунев, 2012), Е.Ю. Терещенко (Терещенко, 2018), И.А. Медби (Medby, 2022), Е. Кортениеми[1]. В этих работах Баренцево сотрудничество, как правило, рассматривается вне контекста соперничества национальных интересов и интерпретируется преимущественно как инструмент стабилизации и роста доверия в североевропейском регионе. Интерпретация БЕАР как преимущественно деполитизированного и ценностно нейтрального пространства взаимодействия оставляет без должного внимания вопрос соотношения гуманитарных практик и внешнеполитических интересов государств-участников. Это обусловливает необходимость дополнительного анализа Баренцева сотрудничества и его результатов в контексте влияния на национальные интересы России.

В свете вышеизложенного цель статьи заключается в анализе результатов сотрудничества в БЕАР, которое преимущественно охватывало гуманитарную сферу, и выявлении их последствий для национальных интересов России в регионе.

Методы и материалы

На протяжении многих лет Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество рассматривалось исследователями сквозь призму неолиберализма, что соответствовало внешнеполитической парадигме России 1990-х — начала 2000-х гг. Авторы настоящей статьи попытаются представить результаты этого взаимодействия сквозь призму неоклассического реализма, согласно которому государства на мировой арене руководствуются, прежде всего, национальными интересами, а внешнеполитическая деятельность формируется под воздействием, с одной стороны, внешних системных факторов международной среды (характер международных отношений, расстановка сил на мировой арене), с другой — внутренних политических, институциональных и персональных переменных (восприятия элитами внешних угроз и возможностей, внутреннее социально-экономическое состояние государства, характер принимаемых политических решений) (Конышев, 2020).

Применительно к формированию и развитию Баренцева Евро-Арктического региона

[1] Korteniemi E. Nordic Cooperation with Russia in Education and Research. Copenhagen: Nordic Council of Ministers. 2011; 109. URL: http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:701620/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 29.11.2025).

неоклассический реализм позволяет объяснить стратегию стран Северной Европы, прежде всего Норвегии, как рациональный ответ на трансформацию международной системы. Завершение холодной войны и ослабление России в начале 1990-х гг. создали новую структурную конфигурацию безопасности в мире и в Северной Европе, которая воспринималась норвежскими политическими элитами как окно возможностей для расширения своего политического влияния на Россию ненасильственными средствами, что выразилось в инициативе формирования Баренцева Евро-Арктического региона. В условиях снижения военных рисков и отсутствия прямой угрозы со стороны России Норвегия сделала ставку на институционализацию гуманитарного и регионального сотрудничества как инструмента долгосрочного воздействия и стабилизации периферийного пространства.

В свою очередь, и сама Россия 1990-х гг. проявляла готовность к восприятию внешних ценностных и институциональных моделей, так как стремилась интегрироваться в европейское пространство и систему его политических и экономических ценностей, правда, на равных партнёрских условиях, что нашло отражение в Концепции внешней политики России 1993 г.[2] Таким образом, выбранная для исследования концепция позволяет реально оценить результаты сотрудничества в БЕАР и их последствия для России.

Реализация поставленной цели достигалась путём использования общенаучных методов исследования. В частности, метод анализа позволил в динамике представить результаты сотрудничества по ключевым направлениям взаимодействия и соотнести декларируемые цели участников объединения с их внешнеполитическими приоритетами. В свою очередь, метод синтеза позволил сделать обобщающие выводы и авторские заключения.

Источниковую базу исследования составили официальные документы Баренцева Евро-Арктического сотрудничества (Киркенесская декларация 1993 г. и «юбилейные» декларации 2003, 2013 и 2023 гг., программы председательства и другие документы), официальная статистика Баренцева Норвежского секретариата*. Особое внимание уделено источникам Норвегии как государства-инициатора сотрудничества: были использованы норвежские внешнеполитические документы (Белая книга 2008–2009 гг., где излагаются цели и логика внешнеполитических инициатив страны с 1990-х гг., и отчёт Норвежского научно-исследовательского института обороны). Совокупность представленных документов в целом позволяет реализовать поставленные цели и задачи исследования.

[2] Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. 2023; 122. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50481108 (дата обращения: 15.12.2025).

*Норвежская неправительственная организация «Норвежский Баренцев секретариат» (Barentssekretariatet IKS) была внесена в список нежелательных организаций в России 25 февраля 2026 года (по решению Генеральной прокуратуры РФ. Официально опубликовано/закреплено распоряжением Минюста № 293-р от 06.03.2026). URL: https://gogov.ru/articles/unwanted-orgs; https://tass.ru/politika/26731765

Историко-политический контекст создания Баренцева Евро-Арктического региона

В условиях биполярного противостояния Арктика рассматривалась как пространство высокой политики и стратегической конкуренции, что обусловило её интенсивную милитаризацию. В регионе размещались значительные вооружённые силы и элементы ядерной инфраструктуры, включая стратегические атомные подводные лодки (Heininen, Lomagin, 2016). Одновременно логика холодной войны стимулировала развитие хозяйственной деятельности и инфраструктуры, особенно в районе Баренцева моря, который превратился в объект стратегической безопасности и был включён в сферу национальных интересов ведущих держав (Hossain, Cambou, 2018).

Предпосылки изменения архитектуры международных отношений в регионе были обусловлены комплексными изменениями в Советском Союзе. В частности, начались реформы М.С. Горбачёва. Внешнеполитический курс государства претерпел существенные изменения, направленные на отказ от конфронтационной логики холодной войны. Политика «нового мышления», выдвинутая М.С. Горбачёвым, предполагала демократизацию общественной жизни, снижение идеологической напряжённости и признание взаимозависимости в международных отношениях.

Одним из ключевых факторов активизации контактов между СССР и странами Северной Европы стала «мурманская речь» М.С. Горбачёва, произнесённая 1 октября 1987 г. В обращении к международному сообществу, прежде всего к североевропейским государствам, советское руководство обозначило необходимость снижения военной напряжённости в Арктике и перехода к кооперативным форматам взаимодействия. В рамках так называемых «Мурманских инициатив» были предложены шесть направлений многостороннего сотрудничества, включая создание безъядерной зоны на севере Европы, ограничение военно-морской активности, совместное освоение арктических ресурсов, развитие научного взаимодействия и экологической повестки, открытие Северного морского пути для иностранных судов (Паникар, Соколова, 2026). Эти предложения задали новый вектор политики СССР в северных широтах и стали важным шагом к институционализации многостороннего сотрудничества в регионе.

Инициатива учреждения Баренцева Евро-Арктического региона (БЕАР) принадлежала Норвегии. В частности, министр иностранных дел Норвегии Торвальд Столтенберг (в 1979–1981 гг. занимал пост министра обороны) в ходе конференции в Тромсё 24 апреля 1992 г. предложил использовать понятие «Баренц-регион», выступив с инициативой институционализации взаимодействия между северными территориями североевропейских государств и России (Hønneland, 1998). Роль Торвальда Столтенберга в формировании данной концепции была определяющей, что закрепило за ним в историографии статус ключевого архитектора и «отца-основателя» Баренцева сотрудничества. Хотя интерес к развитию контактов проявляли и другие страны региона. Финляндия рассматривала возможность расширения формата Северного Калотта за счёт включения российских

территорий, однако норвежская сторона опередила Хельсинки, предложив собственную институциональную модель сотрудничества (Hønneland, 2017).

Официальное оформление Баренцева Евро-Арктического сотрудничества произошло 11 января 1993 г. с подписанием Киркенесской декларации в норвежском городе Киркенес. Документ был подписан министрами иностранных дел Норвегии, России, Швеции, Финляндии, Дании и Исландии, а также представителем Европейской комиссии, и заложил институциональную основу взаимодействия в регионе. Принятие Декларации привело к созданию Совета Баренцева Евро-Арктического региона и Баренцева регионального совета, окончательно закрепив многосторонний формат сотрудничества, участниками которого стали государства-подписанты документа[3].

Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество изначально позиционировалось как механизм обеспечения устойчивого развития региона, основанный на принципах, закреплённых в Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 года. В числе приоритетных задач были обозначены поддержание региональной стабильности и укрепление международного мира и безопасности посредством развития двустороннего и многостороннего взаимодействия в сферах экономики и торговли, науки и техники, туризма, экологии, инфраструктуры, образования и культуры, а также реализации специальных проектов, направленных на улучшение положения коренных народов Севера[4].

Субнациональный уровень взаимодействия первоначально охватывал провинцию Лапландия (Финляндия), губернии Нурланн, Тромс и Финнмарк (Норвегия), лен Норрботтен (Швеция), Архангельскую и Мурманскую области (Россия). В перспективе допускалась возможность его расширения за счёт включения других административных единиц. В рамках данного уровня взаимодействия предполагалось содействие социально-экономическому развитию регионов-участников, включая создание условий для торговли, привлечения иностранных инвестиций, совершенствование инфраструктуры транспорта и коммуникаций, развитие контактов между людьми и развитие культурных связей[5].

В целом участники рассматривали инициативу сотрудничества в Баренцевом регионе как часть процесса развёртывания европейского сотрудничества и интеграции с включением в эти процессы России и выражали всемерную «поддержку продолжающемуся процессу реформ, которые были направлены на укрепление демократии, рыночной экономики и местных институтов»[6].

Однако на основе анализа работ зарубежных экспертов, которые являлись непосредственными участниками процесса создания БЕАР, высказываний норвежских политических деятелей, а также официальных документов, определяющих

[3] Declaration on the Cooperation in the Barents Euro-Arctic region conference of foreign ministers in Kirkenes, 11.1.1993. URL: http://library.arcticportal.org/2810/ (дата обращения: 13.12.2025).
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.

внешнеполитические приоритеты Норвегии, попытаемся выявить истинные причины заинтересованности Норвегии в создании БЕАР.

Справедливо утверждение Л. Хайнинена и Д. Камбу, что после распада Советского Союза у государств Северной Европы «появилась возможность пересмотреть свою внешнюю политику, чтобы сотрудничать с Россией, а не противостоять ей, имея целью снизить военную напряжённость периода холодной войны и повысить политическую стабильность на европейском Севере» (Hossain, Cambou, 2018). На не менее важную задачу норвежского правительства — обеспечение экономического развития Северной Норвегии за счёт использования России как торгового партнёра — указывает Дж. М. Квистад[7].

Однако ключевой интерес Норвегии в создании БЕАР лежал в геополитической плоскости. В частности, после окончания холодной войны Норвегия, член НАТО, но не член Европейского союза, могла оказаться на задворках европейской политики. Второстепенную роль она играла и в Совете государств Балтийского моря, учреждённом в 1992 г. (Aalto, Aasland, Anker et al., 2008). Баренцев регион задумывался как связующее звено не только между Россией и североевропейскими странами, но и с Европой в целом, что позволило бы Норвегии занять новое, более значимое место в обновляющейся европейской системе международных отношений (Zimmerbauer, 2013). Таким образом, изначальная заинтересованность Норвегии в развитии сотрудничества в регионе была обусловлена стремлением увеличить своё влияние в Европе как транслятора ценностей Европы в Россию в условиях внешнеполитического курса России, ориентированного на кооперацию с Западом.

Очевидны были и попытки усиления политического влияния на Россию «мягкими» методами. Основатели БЕАР стремились создать общее самосознание среди жителей и превратить его из «региона на бумаге» в «регион живой идентичности» (Brown-Leonardi, 2010), что было отражено и в Киркенесской декларации 2003 г., где подчёркивалась необходимость укрепления «баренцевой культурной идентичности»[8].

Значительный вклад в создание образа Баренц-региона и продвижение идеи общей идентичности вносила активно продвигаемая норвежской стороной концепция «поморской торговли», под которой понимаются традиционные формы обмена товарами между жителями северной Норвегии и российскими поморами в XVIII–XX вв.[9] Экспертно-аналитические центры, деятельность которых сопровождала формирование и развитие Баренцева Евро-Арктического региона, анализировали историю Севера и Арктики, чтобы отдельно выделить «те фрагменты добрососедских отношений России со странами

[7] Kvistad J.M. The Barents Spirit. A Bridge-Building Project in the Wake of the Cold War. Forsvarsstudier. 1995; 49. URL: https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:227493/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[8] BEAC 10 Year Anniversary Declaration. 2003. URL: https://barents-council.org/document/462_doc_BarentsSummitDeclaration.pdf (дата обращения: 13.12.2025).

[9] Россия в норвежской политике памяти. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/arcticpolicy/rossiya-v-norvezhskoy-politike-pamyati (дата обращения: 12.11.2025).

Северной Европы, которые представляют наибольший интерес для формирования северной идентичности»[10]. Апелляция к общему историческому опыту служила символическим основанием для «возрождения» трансграничных связей и подчёркивала культурную близость регионов. Тему поморской торговли и поморов в целом активно продвигали политические деятели. Так, на церемонии присуждения звания почётного доктора в Северном (Арктическом) федеральном университете в 2011 г. Торвальд Столтенберг заявил, что он — помор, отметив исторические связи Архангельска и Норвегии[11]. Вклад истории поморской торговли в формирование Баренц-идентичности проявлялся в различных культурных инициативах: в Норвегии проходили Поморские фестивали, в г. Вардё был открыт Поморский музей и др. Нельзя отрицать факт осуществления экономического взаимодействия между норвежцами и русскими, однако активно продвигаемые норвежские нарративы о «поморах» и «поморской торговле» создавали почву для развития идей сепаратизма и национализма в регионах (Корниленко, 2023), например, среди населения Архангельской области обсуждались идеи отделения от России[12]. Стремление к формированию общей региональной идентичности для людей, которые на протяжении веков жили по разные стороны границы, имея различные политические, культурно-религиозные традиции, являлось потенциальным полем для воздействия «мягкой силы», особенно со стороны Норвегии.

Подтверждают вышеизложенное и официальные внешнеполитические документы Норвегии, в частности Белая книга 2008–2009 гг., где дан ретроспективный анализ внешнеполитических приоритетов страны в 1990-е г.[13] Анализ документа позволяет констатировать, что формирование БЕАР стало инструментом для решения конкретных национальных задач в новой постбиполярной реальности. После распада Советского Союза прямая военная угроза, по мнению норвежских военных экспертов, сменилась более сложной и неопределённой средой безопасности, в которой краткосрочные риски связывались с внутренней нестабильностью в России, а долгосрочные — с возможным восстановлением её военного потенциала[14]. Вовлечение России в сотрудничество было призвано минимизировать угрозу военного противостояния. Более того, такая «мягкая стабилизация» создавала предсказуемую среду, необходимую для защиты ключевого национального интереса Норвегии — суверенного контроля над морскими ресурсами

[10] Carrillo J.L.M. Regional security-building in Europe: the Barents Euro-Arctic region. Umeå: Umeå universitet. 1998; 55. URL: https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:227493/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 12.11.2025).
[11] Thorvald Stoltenberg: «Ja — Pomor». 16.02.2011. URL: https://www.thebarentsobserver.com/news/thorvald-stoltenberg-ja-pomor/383152 (дата обращения: 15.12.2025).
[12] Кто такие поморы и почему они хотят отделиться. 11.06.2012. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1947315 (дата обращения: 02.01.2026).
[13] Report No. 15 to the Storting (2008-2009). Interests, Responsibilities and Opportunities The main features of Norwegian foreign policy Recommendation from the Ministry of Foreign Affairs, 13.03.2009. URL: https://www.regjeringen.no/en/documents/report-no.-15-to-the-storting-2008-2009/id548673/ (дата обращения: 13.01.2026).
[14] Norwegian Defence Reforms of the 1990s, FFI rapport, 2002. URL: https://kudos.dfo.no/documents/50944/files/33391.pdf (дата обращения: 13.01.2026).

(нефть, газ, рыбные ресурсы) на основе международного права[15]. Однако эта повестка никогда не заменяла, а лишь дополняла жёсткую архитектуру безопасности, неизменным краеугольным камнем политики Осло оставались НАТО и трансатлантическая связь как гарантия сдерживания[16]. Таким образом, Баренцев регион изначально проектировался как прагматичный элемент внешнеполитической стратегии Норвегии, где институты «мягкой» безопасности связывались с вполне реалистичными целями по защите суверенитета и национальных интересов.

Об этом свидетельствует и анализ оборонной политики стран Северной Европы, которые рассматривали Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество как элемент более широкой архитектуры региональной безопасности, в которой «жёсткие» и «мягкие» инструменты были институционально разведены. В позициях стран Северной Европы наблюдается чёткая ориентация на евроатлантические механизмы коллективной обороны и сдерживания. Так, после окончания холодной войны Финляндия и Швеция постепенно интегрировали свои военные стратегии в рамки сотрудничества с НАТО и коллективной обороны, отказываясь от прежнего нейтралитета в пользу усиленной кооперации и проведения совместных операций под эгидой альянса (Friis, Tamnes, 2024; Межевич, Ногаев, 2024). Военно-политическое измерение стратегий стран Северной Европы значительно развилось в сторону углубления интеграции с Североатлантическим альянсом, в то время как Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество вписывалось в модель североевропейской политики как элемент «мягкой стабилизации» приграничного пространства, сознательно отделённый от сферы военной безопасности, но функционально дополнявший её.

Причины активного включения России в североевропейское сотрудничество были обусловлены рядом факторов, сложившихся в стране в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Во-первых, распадом биполярной системы международных отношений и развалом Советского Союза. Во-вторых, наивной верой в то, что радикальные преобразования в стране позволят России интегрироваться в европейское пространство на условиях равного партнёрства. В-третьих, сменой политических элит, которые нередко в своих действиях руководствовались не национальными интересами страны, а личными властными амбициями. В-четвёртых, глубочайшим социально-экономическим кризисом в стране. И наконец, последствиями радикальных либеральных реформ, которые проводились по западным образцам, без учёта специфики страны. Курс на экономическую самостоятельность субъектов Российской Федерации и ослабление государственной поддержки имели пагубные последствия для дотационных регионов. Территории, ранее зависевшие от централизованного снабжения и планового распределения ресурсов, оказались в условиях институционального вакуума и

[15] Report No. 15 to the Storting (2008-2009). Interests, Responsibilities and Opportunities The main features of Norwegian foreign policy Recommendation from the Ministry of Foreign Affairs, 13.03.2009. URL: https://www.regjeringen.no/en/documents/report-no.-15-to-the-storting-2008-2009/id548673/ (дата обращения: 13.01.2026).
[16] Там же.

экономической изоляции. В частности, многие субъекты Севера России были вынуждены формировать стратегии приспособления к новым условиям и искать пути самостоятельного выживания и развития. Вариантом решения данной проблемы стало установление с соседними странами партнёрских отношений, которые нередко переходили в плоскость спонсорства. Так, в декабре 1991 г. Норвегия в рамках акции «Помощь соседу» выделила 20 млн крон для развития северо-западных регионов России (Eriksson, 1995).

Таким образом, оформление Баренцева Евро-Арктического сотрудничества было обусловлено, с одной стороны, кардинальной трансформацией системы международных отношений и распадом биполярной системы в связи с развалом Советского Союза, а с другой — процессами, происходившими внутри России. Формально Баренцев Евро-Арктический регион конструировался как неолиберальный проект, однако за кадром стояли национальные интересы европейских государств, прежде всего — Норвегии. России он предоставлял краткосрочный положительный результат, но в среднесрочной и долгосрочной перспективе нанёс ущерб национальным интересам России и содействовал падению престижа и политического веса страны на мировой арене. Не снял он с повестки и актуальную проблему обеспечения национальной безопасности в военной сфере, на что надеялась Россия на старте этих инициатив.

Результаты Баренцева трансграничного сотрудничества[17]

После институционального оформления в 1993 г. сотрудничество в Баренцевом регионе развивалось по широкому спектру направлений. Официально взаимодействие охватывало экономику, экологию, транспорт, гуманитарные и культурные обмены и другие сферы, что было закреплено в стратегических документах (см. рис. 1).

Киркенесская декларация, 1993	Киркенесская декларация, 2003	Киркенесская декларация, 2013	Баренцева программа, 2019-2023	Программа председательства Финляндии, 2021-2023
окружающая среда	устойчивое развитие	экономика	международная конкурентоспособность	устойчивое развитие
экономика	экономика	финансы	климат и окружающая среда	окружающая среда
наука и технологии	наука и технологии	контакты между людьми	культура	контакты между людьми
инфраструктура	инфраструктура	знания	контакты между людьми	транспорт и логистика
коренные народы	коренные народы	окружающая среда	молодежь	
контакты между людьми	контакты между людьми	культура	инфраструктура	
культурные связи	культурные связи	здоровье	транспорт и коммуникация	
туризм	туризм	туризм		

Рис. 1. Цели, заявленные в документах Баренцева сотрудничества[18].

[17] В соответствии с Рекомендацией Комитета министров к государствам — членам Совета Европы по развитию трансграничного сотрудничества между территориальными сообществами и властями в сфере культуры, под трансграничным сотрудничеством понимались любые совместные действия, направленные на укрепление и развитие добрососедских отношений между территориальными сообществами и властями в рамках юрисдикции двух и более договаривающихся сторон, и заключение любого договора или соглашения, необходимого для этой цели. Источник: Рекомендация № R (2000) 1 Комитета Министров к государствам — членам Совета Европы, 12.01.2000. URL: https://docs.cntd.ru/document/902012239 (дата обращения: 03.02.2026).

Однако уже на начальном этапе взаимодействия, несмотря на широту официально заявленных направлений, проявлялась тенденция к приоритету гуманитарных и социально-культурных инициатив, поскольку именно они были наиболее гибкими, на первый взгляд менее политизированными и лучше всего позволяли воздействовать на общественное сознание жителей региона. Как справедливо отмечает Ю.Ф. Лукин, в случае Баренцева Евро-Арктического региона «наибольшее развитие получили культурные связи, контакты в сфере образования и науки» (Лукин, 2010).

В рамках Баренцева региона активно развивалось культурное сотрудничество, повестка которого охватывала широкий спектр инициатив. Именно эта сфера оказалась наиболее восприимчивой к трансграничным формам взаимодействия, создавая пространство для регулярных обменов, совместных проектов и прямого диалога между жителями северных территорий России и стран Северной Европы. Культурная сфера стала одним из наиболее эффективных инструментов конструирования транснационального регионального сообщества, где акцент на общей культуре и истории служил фундаментом для дальнейшего углубления сотрудничества и укрепления гуманитарных связей.

Одно из центральных направлений сотрудничества составляли массовые культурные мероприятия и фестивали, например, ежегодный Баренц-спектакль, проводимый с 2004 г., объединял артистов, музыкантов и деятелей современного искусства из России, Норвегии, Финляндии и Швеции, создавая устойчивые профессиональные контакты. Мероприятие проходило в норвежском Киркенесе, что дало городу возможность экономического развития после закрытия градообразующих шахт. Ежегодное проведение различных фестивалей (Баренц-спектакль, фестиваль «Птица Баренц», Поморский фестиваль и др.) способствовало развитию культурного многообразия и формированию представления о северном пространстве как едином культурно-историческом ареале (Окунев, 2012).

Ключевым институциональным инструментом поддержки гуманитарных инициатив в Баренцевом Евро-Арктическом регионе выступал Норвежский Баренцев секретариат*, обеспечивавший организационное и финансовое сопровождение трансграничных проектов (Тевлина, 2012). При этом явно преобладал российско-норвежский вектор в структуре Баренц-сотрудничества (Бестужева, 2014), что предопределило фокус именно на двусторонних программах. С момента учреждения в 1993 г. Секретариат содействовал реализации свыше 60 тыс. проектов, общий объём софинансирования которых превысил 300

[18] Составлено авторами по данным: Declaration on the Cooperation in the Barents Euro-Arctic region conference of foreign ministers in Kirkenes, 11.1.1993. URL: http://library.arcticportal.org/2810/, free access (дата обращения: 13.12.2025); BEAC 10 Year Anniversary Declaration, 2003. URL: https://barents-council.org/document/462_doc_BarentsSummitDeclaration.pdf (дата обращения: 13.12.2025); Declaration on the 20th Anniversary of the Barents Euro-Arctic Cooperation, 2013. URL: https://barents-council.org/document/Barents_Summit_Declaration_2013.pdf (дата обращения: 13.12.2025); The Barents Program 2019 — 2023. URL: https://barents-council.org/files/Barents-Programme/Barents_program_2019-2023_adopted_24_May_2018.pdf (дата обращения: 13.12.2025); Program of the Finnish chairmanship. The Finnish Presidency of the Barents Euro-Arctic Council 2021–2023. URL: https://barents-council.org/document/Barents_esite_en_A4.pdf (дата обращения: 13.12.2025).

млн норвежских крон (см. рис. 2).

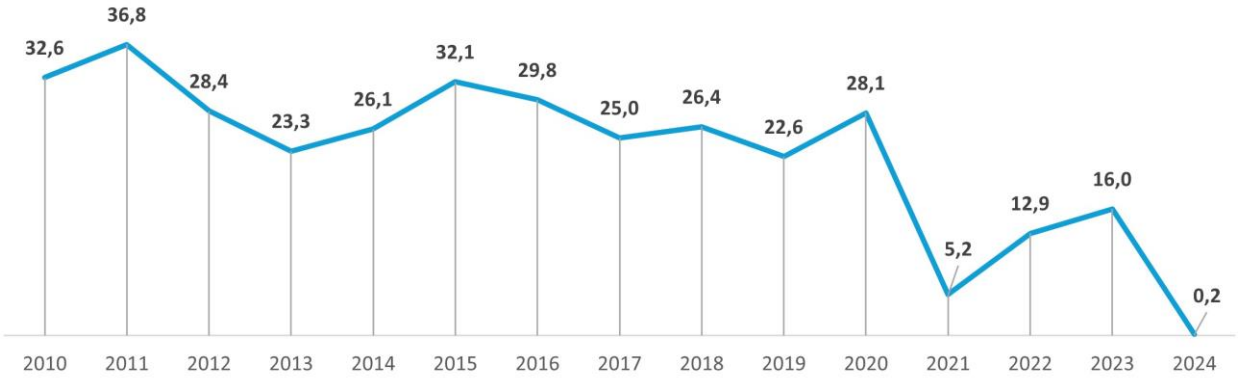

Рис. 2. Объёмы финансирования проектов Норвежским Баренцевым секретариатом*, 2010–2024 гг., млн норвежских крон[19].

Одним из наиболее ранних практических результатов институционализации Баренцева сотрудничества стало оформление академических каналов взаимодействия. Активно развивалось сотрудничество в сфере образования и науки, в рамках которого осуществлялся обмен студентами, создавались программы языковых курсов, началась реализация программ двух дипломов. Так, в апреле 1993 г. при Поморском государственном университете (ПГУ) в Архангельске начал работу Норвежско-Поморский центр, который выполнял функции информационной и координационной площадки для студентов и преподавателей, способствуя реализации программ академической мобильности, проведению совместных научных мероприятий и развитию партнёрских связей с университетами Северной Европы[20]. Основными форматами сотрудничества стали обмены обучающимися и преподавателями. С 1995 г. начала действовать программа «Баренц плюс», нацеленная на развитие обменов студентами и преподавателями между высшими учебными заведениями российской и норвежской частей Баренцева региона (Salo, Vasaliev, 2016). Ежегодно (до прекращения сотрудничества в 2022 г.) финансировалось около 80 студенческих и 15 преподавательских обменов между Россией и странами Северной Европы[21]. Между университетами северо-западной России и северной Норвегии также реализовывалась программа «North2North». Формирование общеевропейского пространства высшего образования после подписания Болонской декларации в 1999 г.

*Норвежская неправительственная организация «Норвежский Баренцев секретариат» (Barentssekretariatet IKS) была внесена в список нежелательных организаций в России 25 февраля 2026 года (по решению Генеральной прокуратуры РФ. Официально опубликовано/закреплено распоряжением Минюста № 293-р от 06.03.2026). URL: https://gogov.ru/articles/unwanted-orgs; https://tass.ru/politika/26731765

[19] Составлено авторами по данным: Statistics on Projects. URL: https://barents.no/en/prosjekt (дата обращения: 13.12.2025).

[20] История АГПИ-ПГУ. URL: https://library.narfu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=562&Itemid=627&lang=ru дата обращения: 24.01.2026).

[21] Korteniemi E. Nordic Cooperation with Russia in Education and Research. Copenhagen: Nordic Council of Minister. 2011; 109. URL: http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:701620/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 29.11.2025).

нашло отражение и в повестке Баренцева сотрудничества. В этих условиях профильная рабочая группа БЕАР инициировала обсуждения по поводу создания согласованного научно-образовательного пространства региона, а данное предложение получило поддержку со стороны университетов стран Баренц-региона (Голдин, 2019).

Масштабы сотрудничества в Баренц-регионе на более поздних этапах можно рассмотреть на примере Северного (Арктического) федерального университета (САФУ) — крупнейшего российского учебного заведения в БЕАР, куда в 2010 г. влился ПГУ. Данные о студентах, принявших участие в мероприятиях академической мобильности, представлены на рис. 3. Как можно видеть, подавляющее число студентов университета, принимающих участие в программах академического обмена, выезжали в страны Баренцева Евро-Арктического региона.

Рис. 3. Участие студентов САФУ в программах академической мобильности, 2015–2020 гг., количество студентов[22].

Важную роль в Баренцевом Евро-Арктическом сотрудничестве играло академическое взаимодействие исследователей Северо-Запада России и северных регионов Норвегии, Швеции и Финляндии (Насонова, 2013), результатом которого стало появление ряда совместных научных работ по истории и культуре региона. Одним из наиболее значимых итогов этого сотрудничества стал фундаментальный труд «Баренц-регион. Транснациональная история субарктической Северной Европы», опубликованный в 2015 г.

[22] Составлено авторами по данным: Отчёт о реализации программы развития в 2015 году Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. URL: https://narfu.ru/upload/medialibrary/884/safu-otchet-2015-rasshirennyy.pdf (дата обращения: 12.12.2025); Отчёт о реализации программы развития в 2016 году Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. URL: https://narfu.ru/upload/medialibrary/d46/safu-otchet-pr-2016.pdf (дата обращения: 12.12.2025); Реализация Программы развития САФУ имени М.В. Ломоносова в 2017 году. URL: https://narfu.ru/upload/medialibrary/f64/Programma-Otchet-Rasshirennyy-2017.pdf (дата обращения: 12.12.2025); Отчёт о реализации программы развития в 2018 году Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. URL: https://narfu.ru/upload/medialibrary/997/SAFU-Otchet-2018-dlya-sayta.pdf (дата обращения: 12.12.2025); Отчёт о реализации программы развития в 2019 году Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. URL: https://narfu.ru/upload/medialibrary/249/SAFU-Otchet-o-realizatsii-PR-za-2019-god.pdf (дата обращения: 12.12.2025); Отчёт о реализации программы развития Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в 2020 году. URL: https://narfu.ru/upload/medialibrary/2a4/SAFU-imeni-M.V.Lomonosova.-Otchet-o-realizatsii-Programmy-razvitiya-v-2020-godu.pdf (дата обращения: 12.12.2025).

(Elenius, 2015). Монография стала результатом продолжительной коллективной работы международной исследовательской группы, объединившей 27 авторов, включая представителей России, Норвегии, Финляндии и Швеции (Голдин, 2015).

Сотрудничество в сфере науки и высшего образования способствовало формированию устойчивых долгосрочных связей между университетами Баренцева региона, важным результатом чего стал ряд крупных совместных исследовательских проектов. В частности, в 2007 г. Университет Тромсё и Поморский государственный университет поддержали реализацию норвежско-российского проекта «Асимметричное соседство: Россия и Норвегия. 1814–2014 гг.», к которому были привлечены ведущие исследователи двух стран (Голдин, Зайков, Нильсен, 2015; Голдин, Соколова, 2022). В работе был проанализирован общий исторический опыт, формы контактов и сотрудничества на Севере на протяжении двух столетий. К числу значимых академических достижений относится и выпуск двухтомной энциклопедии Баренцева региона, включающей 415 статей, посвящённых историческим, социально-культурным, экономическим и политическим аспектам развития БЕАР (Olsson M.-O., 2016a; Olsson M.-O., 2016b).

Существенным элементом сотрудничества стал и финансовый вклад стран Северной Европы в развитие российских вузов. В течение длительного времени Секретариат Баренцева Евро-Арктического региона выступал ключевым международным партнёром Поморского государственного университета. В 2000–2004 гг. более 70% средств, получаемых от международных источников, приходилось на учреждения и организации стран Северной Европы. От Секретариата БЕАР на реализацию научно-исследовательских проектов ПГУ получил 11,7 млн рублей[23], что составляло около 35% всех средств, привлечённых университетом от международных институтов. Данный пример свидетельствует, что образовательное и научное сотрудничество в рамках БЕАР носило выраженно прикладной и взаимовыгодный характер, одновременно способствуя укреплению гуманитарных связей и развитию российской науки, а также расширению влияния североевропейских партнёров на российское академическое пространство.

Одним из наиболее активно декларируемых направлений взаимодействия в Баренцевом Евро-Арктическом регионе стало молодёжное сотрудничество. Программы молодёжных обменов, совместные образовательные проекты, летние школы, культурные и спортивные мероприятия способствовали развитию контактов между молодыми людьми из стран региона. Особую роль сыграла деятельность Баренцева регионального молодёжного совета, созданного в 2004 г. и функционировавшего преимущественно как дискуссионный и представительный орган. Одной из целей Совета является «укрепление Баренц-идентичности среди молодёжи региона путём установления контактов через культурные и

[23] Архив ПГУ. Научно-исследовательская деятельность в Поморском государственном университете имени М.В. Ломоносова в 2000–2004 годах; 32.

географические границы» [24], что отражает стремление к формированию символического пространства общности. На практике это реализовывалось главным образом в форме коммуникации и экспертного взаимодействия, а не через масштабные прикладные проекты. Вместе с тем даже в таком формате молодёжное сотрудничество выполняло определённую функцию. Регулярное общение, участие во встречах, а также включённость в общеевропейское дискуссионное пространство способствовали расширению культурных и профессиональных горизонтов участников, формированию устойчивых трансграничных контактов и закреплению позитивного восприятия стран Северной Европы как открытого и привлекательного пространства для самореализации, стимулируя образовательную и миграционную мобильность. Стоит отметить, что финансирование молодёжного сотрудничества в БЕАР имело асимметричную структуру. Основной вклад обеспечивала Норвегия, МИД которой ежегодно выделял северным губерниям более 20 млн крон на трансграничные проекты (Аверьянова, 2014).

Проведённый анализ культурного, молодёжного и научно-образовательного сотрудничества в рамках БЕАР позволяет сделать вывод о высокой интенсивности гуманитарных взаимодействий. Форматы сотрудничества способствовали формированию устойчивых трансграничных контактов, развитию сетевых взаимодействий между субнациональными и негосударственными акторами, а также созданию благоприятной среды для диалога в северных регионах России и Северной Европы.

Несмотря на то, что наиболее интенсивное сотрудничество в Баренцевом Евро-Арктическом регионе происходило в социально-культурной и научно-образовательной сферах, нельзя не отметить наличие взаимодействия по другим направлениям. Экологическое измерение стало одним из приоритетных направлений Баренцева Евро-Арктического сотрудничества в силу возрастания экологических рисков. В официальных документах, включая Киркенесскую декларацию [25], подчёркивается необходимость реабилитации территорий, пострадавших в результате эксплуатации ядерных объектов. Наибольшее внимание при этом уделялось российской части Баренцева Евро-Арктического региона, где в середине XX в. сформировался значительный объём радиоактивного загрязнения, обусловленный атмосферными ядерными испытаниями, затоплением атомных подводных лодок, а также захоронением реакторов в Баренцевом море и у архипелага Новая Земля (Heininen, 2016).

Практическим инструментом экологического взаимодействия в Баренцевом Евро-Арктическом регионе стала работа по выявлению и устранению так называемых экологических «горячих точек», под которыми понимаются загрязнённые промышленные объекты и локальные очаги экологического ущерба, представляющие угрозу для здоровья

[24] The Barents Youth Program 2021–2024. URL: https://www.barentsyouth.org/the-barents-youth-program-2021-2024.6512651-575768.html (дата обращения: 11.12.2025).
[25] Declaration on the Cooperation in the Barents Euro-Arctic region conference of foreign ministers in Kirkenes, 11.01.1993. URL: http://library.arcticportal.org/2810/ (дата обращения: 13.12.2025).

населения и экосистем[26]. В 2003 г. совместная экспертная группа представила доклад, посвящённый экологическим проблемам российской части Баренц-региона, в результате были идентифицированы 42 «горячие точки». Реализация очистных мероприятий финансировалась за счёт средств собственников предприятий, федеральных и региональных органов власти России, а также при дополнительной поддержке профильной подгруппы по исключению «горячих точек»[27]. По состоянию на 2020 г. 12 проблемных объектов были полностью выведены из перечня, 3 — частично исключены, тогда как ещё 27 «горячих точек» и 3 частичных объекта продолжали сохранять статус экологически неблагополучных территорий[28]. В целом данный формат взаимодействия демонстрировал прикладной характер Баренцева сотрудничества и ограничивался только территорией России. С 2022 г. работа по данному направлению была приостановлена.

Несмотря на значительный природно-ресурсный потенциал Баренцева Евро-Арктического региона, экономическое направление сотрудничества так и не стало его устойчивой основой. Уже к концу XX в. внимание участников взаимодействия постепенно сместилось с экономических задач на «человеческое измерение», тогда как трансграничное бизнес-партнёрство, на которое возлагались высокие ожидания в 1990-е гг., оказалось труднореализуемым (Elenius, 2015). Одной из причин этого, по мнению североевропейских исследователей, стала структура экономик регионов, вовлечённых в Баренц-сотрудничество: преобладание крупных промышленных производств и сферы услуг снижало востребованность институтов межрегионального экономического взаимодействия[29]. Крупные предприятия, как правило, не нуждались в посредничестве при установлении внешнеэкономических связей, тогда как сектор услуг был значительно более развит в североевропейских странах, чем в российских регионах, что дополнительно ограничивало потенциал кооперации. Российские исследователи к причинам слаборазвитого экономического сотрудничества в регионе относят торгово-административные барьеры: сложный визовый режим для бизнеса, неэффективные таможенные процедуры, а также усложнённое импортное регулирование, что объективно требовало перехода к более либерализованному и преференциальному торговому режиму между странами региона (Пластинин, Силуанова, 2012). Реализация масштабных инвестиционных проектов также носила ограниченный характер. Фактически единственным примером стала попытка освоения Штокмановского месторождения, в рамках которого 24% акций совместной

[26] Hot Spots Tour. URL: https://storymaps.arcgis.com/stories/8a14b67ba90f4f06bb6b38f80488ded3 (дата обращения: 24.01.2026).
[27] Рабочая программа. Подгруппа по исключению горячих точек 2020. URL: https://barents-council.org/files/Working-Groups/SHE_Work_Programme_2020-23_RU.pdf (дата обращения: 24.01.2026).
[28] Archive material: Environmental Hot Spots excluded from the Barents List. URL: https://barents-council.org/working-groups/environment/hot-spots/barents-environmental-hot-spots/check-out-environmental-hot-spots-excluded-from-the-barents-list (дата обращения: 24.01.2026).
[29] Barents 2050 — Impacts, opportunities, and risks of climate change and climate change mitigation — presentation, 2017. URL: https://publications.vtt.fi/pdf/technology/2017/T316.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

компании принадлежало норвежской StatoilHydro (сейчас — Equinor), однако проект так и не был запущен[30]. В результате, как отмечает Ю.Ф. Лукин, экономические и политические отношения в регионе в большей степени характеризовались конкуренцией и стремлением к получению односторонних выгод, чем устойчивым партнёрством (Лукин, 2010).

В структуре экономического взаимодействия Баренцева Евро-Арктического региона особое место занимал трансграничный туризм, рассматриваемый как одно из немногих практических направлений сотрудничества. С середины 2010-х г. фиксируется рост туристических поездок граждан России в североевропейские страны БЕАР, тогда как туристический поток из Норвегии, Швеции и Финляндии в Россию, напротив, демонстрировал тенденцию к снижению (Терещенко, 2018). При этом развитие туристических связей сохраняло значимый потенциал для региона, способствуя модернизации транспортной инфраструктуры, расширению культурных контактов между жителями северных территорий и привлечению дополнительных инвестиций.

Элементом туристического сотрудничества в Баренцевом Евро-Арктическом регионе стало обсуждение визового режима как инструмента облегчения трансграничных контактов. В практическом плане был предпринят ряд шагов по либерализации передвижения. В 2008 г. была введена Поморская виза, упростившая получение виз жителями Архангельской и Мурманской областей, а в 2012 г. установлен безвизовый режим для населения 30-километровой приграничной зоны, что привело к росту трансграничной мобильности (Zaretskaya, 2016). Параллельно развивалась и политическая дискуссия по вопросу о дальнейшей либерализации визового режима. Впервые идея его смягчения была озвучена в 2008 г. на встрече министра иностранных дел Норвегии Й.Г. Стёре с губернатором Мурманской области Ю. Евдокимовым, а позднее, в 2018 г., норвежская провинция Финнмарк в период своего председательства в Баренцевом региональном совете выступила с инициативой введения безвизового режима в БЕАР[31]. С учётом ограничений, вытекающих из Шенгенского соглашения, предлагался компромиссный вариант 72-часового безвизового пребывания на территории региона[32]. Несмотря на активность обсуждений, данные инициативы так и не привели к установлению полноценного безвизового режима в Баренцевом Евро-Арктическом регионе.

Важным дополнением к межгосударственному и межрегиональному сотрудничеству в Баренцевом Евро-Арктическом регионе стало развитие межмуниципальных контактов и партнёрских отношений между городами и муниципалитетами. Административные единицы

[30] Штокман наконец поделили. URL: https://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2007/10/26/135051 (дата обращения: 05.01.2026).
[31] Баренцево сотрудничество ставит целью безвизовый режим. Критики считают это авантюрой. URL: https://thebarentsobserver.com/ru/granicy-obshchestvennost/2018/10/barencevo-sotrudnichestvo-stavit-celyu-bezvizovyy-rezhim-kritiki (дата обращения: 24.01.2026).
[32] Норвежцы предлагают ввести безвизовый режим на всей территории Баренц-региона. URL: https://nao24.ru/obshestvo/9480-norvezhcy-predlagayut-vvesti-bezvizovyy-rezhim-na-vsey-territorii-barenc-regiona.html (дата обращения: 24.01.2026).

России совместно с норвежскими, финскими и шведскими регионами участвовали в проектных и диалоговых инициативах, направленных на укрепление практических связей, обмен опытом и развитие инфраструктуры регионов. С 1993 г. Архангельская область заключила 11 соглашений с североевропейскими регионами (8 с Норвегией, 2 с Финляндией и 1 со Швецией)[33], а Мурманская — 19 соглашений (13 с Норвегией, 4 с Финляндией и 2 со Швецией) [34]. Региональные советы и рабочие группы способствовали согласованию совместных проектов и укреплению доверия на уровне местных властей, а отдельные территории участвовали в побратимских отношениях с зарубежными городами, что открывало дополнительные возможности для культурных, образовательных и социальных обменов (Болдырева, Болдырев, Чередникова, 2023). Деятельность на уровне муниципалитетов дополняла формальные рамки Баренц-сотрудничества и отражала активное международное региональное взаимодействие, выходившее за пределы межправительственных соглашений. Инициативы в основном были ориентированы на развитие культурных и общественных связей, а также на обмен практиками в различных сферах деятельности. На практике активное побратимское сотрудничество в полной мере сохранялось преимущественно в региональных столицах (Архангельск, Мурманск и др.), тогда как в других муниципалитетах оно сводилось к поддержанию контактов и информационному обмену, а в ряде территорий было приостановлено по финансовым причинам [35]. Таким образом, внутри российских регионов, участвовавших в Баренц-сотрудничестве, развитие побратимских и межмуниципальных связей носило неравномерный характер, отражая различия в финансовых возможностях, административных ресурсах и степени вовлечённости отдельных муниципалитетов в международное взаимодействие.

В целом Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество характеризовалось преобладанием гуманитарного измерения, тогда как экономическое взаимодействие носило ограниченный и фрагментарный характер. Наиболее устойчивые и институционально оформленные способы взаимодействия сложились в сферах культуры, образования, науки и молодёжных обменов, где трансграничные проекты способствовали формированию плотных горизонтальных связей между регионами и населением стран Баренц-региона. Для России участие в Баренцевом сотрудничестве в 1990–2000-е гг. имело заметные социальные и экономические эффекты, прежде всего на региональном уровне. Архангельская область и другие северо-западные регионы получили доступ к образовательным программам, академическим обменам, грантовому финансированию и инфраструктурным инициативам,

[33] Международные и межрегиональные связи Архангельской области. URL: https://dvinaland.ru/foreign/ (дата обращения: 25.01.2026).
[34] Реестр международных соглашений о сотрудничестве. URL: https://npa.gov-murman.ru/soglasheniya/reg_international_coop/ (дата обращения: 25.01.2026).
[35] О роли и значении побратимских связей городов Архангельской области (Справка). URL: https://www.mid.ru/upload/archive/bd59164cfcf3a5d20486be8385214921.docx (дата обращения: 25.01.2026).

что способствовало развитию человеческого капитала, повышению мобильности молодёжи и включённости регионов в международные сети. Так, по программе приграничного сотрудничества «Коларктик»[36] в период с 2010 по 2015 гг. проектные заявки Архангельской области получили финансирование в объёме более 19 млн евро, из которых около 700 тыс. евро были привлечены на реализацию задач Северного (Арктического) федерального университета (Кудряшова, Зарубина, 2018). В целом Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество на протяжении нескольких десятилетий выполняло для северных регионов России компенсаторную и стабилизирующую функцию, обеспечивая приток финансовых и экспертных ресурсов и способствуя сохранению научно-образовательного и культурного потенциала. Оно поддерживало включённость российских территорий в международные гуманитарные и академические сети, особенно в периоды ослабления федеральной поддержки.

Существенный вклад был внесён и в улучшение экологической ситуации, в том числе за счёт реализации проектов по ликвидации экологических «горячих точек» и снижению трансграничных экологических рисков. Значительную роль в формировании плотной сети взаимодействий сыграли межмуниципальные связи и побратимские отношения городов, которые позволяли переводить рамочные договорённости Баренцева сотрудничества в конкретные культурные, образовательные и социальные инициативы на уровне местных сообществ. В совокупности механизмы Баренцева сотрудничества способствовали поддержке социально-культурной и научно-образовательной сферы в российских северных регионах в постсоветский период, содействовали формированию доверия между жителями приграничных территорий и укреплению устойчивости и предсказуемости взаимодействия на Севере Европы.

В то же время анализ практик сотрудничества в БЕАР выявляет его двойственный характер. Наряду с очевидными взаимовыгодными результатами, ряд инициатив выполнял функцию инструментов «мягкой силы», прежде всего со стороны североевропейских государств (Соколова, Труфанова, 2025). Асимметрия финансовых и институциональных ресурсов, доминирующая роль Норвегии в формировании повестки и приоритетное внимание к гуманитарному и «человеческому измерению» сотрудничества способствовали формированию благоприятного образа Северной Европы и закреплению нормативных и ценностных ориентиров, не всегда совпадавших с интересами российской стороны. В результате не все формы взаимодействия приводили к устойчивым взаимовыгодным эффектам, а часть проектов носила характер одностороннего влияния, замаскированного под деполитизированное региональное сотрудничество.

[36] Хотя программа «Коларктик» не входила в институциональную структуру Баренцева Евро-Арктического сотрудничества и реализовывалась в рамках политики приграничного сотрудничества ЕС, на практике она развивалась в тесной связке с Баренц-сотрудничеством. Участие российских северных регионов в «Коларктик» стало возможным благодаря ранее сформированным в рамках БЕАР трансграничным сетям, институциональному доверию и накопленному опыту гуманитарного и научно-образовательного взаимодействия.

В качестве примера стоит отметить асимметричную выездную мобильность студентов в Баренц-регионе (рис. 3). Образование (а конкретнее — академические обмены и предоставление образовательной возможности иностранным студентам) является важным механизмом реализации мягкой силы. Студенты, обучаясь по обмену в другом государстве, «вместе с изучением языка будут постепенно знакомиться с достижениями науки и культуры принимающей страны, вернувшись с приобретёнными знаниями и личными отношениями» (Манукян, 2023), после чего они могут стать трансляторами культуры и ценностей той страны, где они проходили обучение. Такую возможность в БЕАР отмечал и Г. Хеннеланд, называя таких студентов — молодых россиян, владеющих североевропейскими языками и знакомых с западной деловой практикой — «Баренц-поколением» (Hønneland, 1998). Примечательно, что к такому «поколению» автор причисляет только жителей России, что указывает на прямое влияние со стороны североевропейских государств, а не наоборот.

Общеизвестно, что «мягкосиловое» воздействие направлено прежде всего на усиление влияния на другое государство путём создания привлекательного образа собственной культуры, ценностей и политических идей для реализации своих национальных интересов. Одновременно оно формирует у населения страны, подвергающейся воздействию, чувство несоответствия собственной страны предлагаемым ценностям. О том, в какой мере Норвегии удалось воздействовать на общественное сознание жителей северных российских регионов, прежде всего молодёжи и работников интеллектуального труда, свидетельствует ряд исследований профессора САФУ им. М.В. Ломоносова (в 1990-е — первом десятилетии 2000-х гг. — профессор ПГУ), выполненных на основе анализа публикаций в СМИ (Репневский, 2010; Репневский, 2013). Автор небезосновательно утверждает, что «последние полтора десятилетия XX века и начало века нынешнего… благодаря активной деятельности учёных и журналистов, множественным личным деловым и дружественным контактам… появилось ощущение общности, сопричастности двух стран ко всему, что происходит в Арктике» (Репневский, 2010). Автор пишет, что у жителей российских регионов появилось «восхищение, что столь долгий исторический период Норвегия обеспечивает благополучие своих граждан» (Репневский, 2010), что в региональном общественном сознании Норвегия воспринималась как «страна демократическая, которая помогает развивать демократию всем желающим за границей» (Репневский, 2013). Хотя сам автор справедливо признаёт идеалистичность этого образа (Репневский, 2013).

Однако эффекты «мягкосилового» воздействия не были односторонними. Привлекательный образ «общества всеобщего благоденствия» манил россиян и имел следствием увеличение числа мигрантов из России в Норвегию (см. рис. 4). Увеличение числа выходцев из России в странах Северной Европы способствовало росту численности и институционализации российских диаспор. Расширение русскоязычных сообществ, реализация культурных инициатив, образовательных проектов и развитие

профессиональных сетей способствовали тому, что российские граждане оказывали определённое влияние на социально-культурное и научно-образовательное пространство Северной Европы.

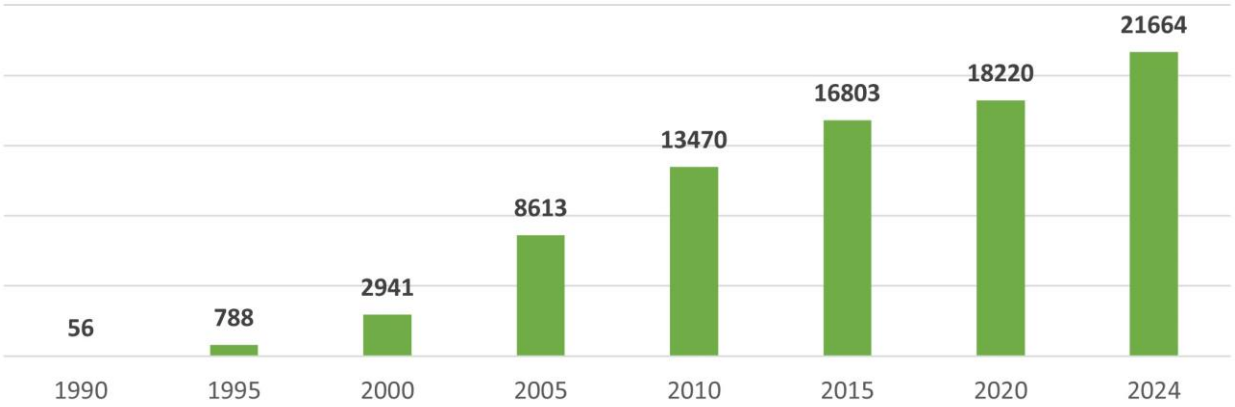

Рис. 4. Мигранты из России в Норвегию, 1990–2024 гг., чел.[37]

В целом сотрудничество в рамках Баренцева региона, способствуя формированию позитивного образа стран Северной Европы, в большей степени стимулировало отток человеческого капитала из России, нежели обеспечивало его профессиональную самореализацию или формирование устойчивого канала «мягкосилового» воздействия на Россию.

Кроме того, по мере длительного проживания в странах Северной Европы россияне начинали более реалистично воспринимать ценности принимающих сообществ и транслировали своё видение жизни в этих странах на Россию. Прежде всего, оказались несостоявшимися их надежды на полноценную интеграцию в профессиональное пространство этих стран в контексте Болонского процесса. Так, русскоязычное сообщество в Норвегии в середине 2000-х гг. отличалось высоким уровнем образования — 47% мигрантов имели высшее образование, однако лишь незначительная часть устраивалась на работу по специальности (Багреева, 2014). Большинство было занято в сфере услуг, гостиничном и ресторанном бизнесе, социальной сфере, нередко начиная трудовую деятельность с низкоквалифицированных позиций или длительное время оставаясь вне рынка труда (Багреева, 2014).

Постепенно более реалистичный взгляд на Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество и истинные намерения его учредителей складывался под воздействием практической деятельности стран Северной Европы в военной сфере. Как отмечалось ранее, Норвегия стояла у истоков создания НАТО и продолжала в своей политике безопасности опираться на ведущие атлантические государства. Уже в начале 1990-х гг. Швеция и Финляндия последовательно включались в евроатлантические структуры безопасности. В 1992 г. они стали наблюдателями в Совете североатлантического сотрудничества, а в 1994 г.

[37] Составлено авторами по данным: Immigrants and Norwegian-born to immigrant parents. URL: https://www.ssb.no/en/statbank/table/05184/tableViewLayout1/ (дата обращения: 19.12.2025).

присоединились к программе НАТО «Партнёрство ради мира», что открыло путь к регулярным консультациям и углублению военного взаимодействия с альянсом. В дальнейшем обе страны участвовали в операциях и миссиях под эгидой НАТО, а также в Силах реагирования, что способствовало повышению их оперативной совместимости с НАТО. Помимо институционального сближения с НАТО, страны Северной Европы в 1990–2000-е гг. активно развивали практическое военно-политическое взаимодействие, что выражалось в регулярном участии в совместных учениях, росте оперативной совместимости и закупке продукции американского военно-промышленного комплекса [38]. Швеция, Финляндия и Норвегия последовательно участвовали в многонациональных учениях под эгидой НАТО, а также адаптировали свои оборонные доктрины к логике коллективной безопасности, что свидетельствовало о приоритете евроатлантического вектора в сфере «жёсткой» безопасности (Friis, Tamnes, 2024). На этом фоне Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество сохраняло выраженно гуманитарный характер и сознательно выводилось за рамки военной повестки.

В целом Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество отличалось двойственностью результатов как для России, так и для стран-инициаторов данного проекта.

Заключение

Резюмируя, следует отметить, что в развитии Баренцева Евро-Арктического сотрудничества были заинтересованы все страны-участницы, однако общность их интересов заключалась лишь в одном — снизить международную напряжённость в регионе. Россия в рамках реализуемого неолиберального курса была заинтересована в комплексной интеграции в европейское пространство на равноправных условиях и содействии этого сотрудничества социально-экономическому развитию страны и северных регионов за счёт получения доступа к новейшим технологиям. В свою очередь, страны Северной Европы, и прежде всего Норвегия как инициатор создания регионального объединения, были заинтересованы в ресурсной базе России, в усилении своего политического влияния в регионе и на Россию, а также в обеспечении своей безопасности не только жёсткими, но и мягкими средствами. В связи с чем с повестки БЕАР изначально были выведены вопросы сотрудничества в военной сфере, и фактически взаимодействие свелось к гуманитарной сфере, а именно к вопросам культуры, экологии, науки, образования и молодёжи.

Рассматривая результаты сотрудничества, следует признать, что регион получил импульс к международному многостороннему и двустороннему сотрудничеству на Севере и в Арктике, в которое наряду с государствами были вовлечены субнациональные и негосударственные акторы международных отношений. Заметно снизилась международная напряжённость. Практически на протяжении 25 лет Север и Арктика ассоциировались с

[38] Позиции Швеции и Финляндии по вступлению в НАТО. 19.04.2022. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/v-gramolin/pozitsii-shvetsii-i-finlyandii-po-vstupleniyu-v-nato/ (дата обращения: 05.01.2025).

территорией «диалога и сотрудничества». В связи с развитием трансграничного сотрудничества был дан определённый импульс развитию северных территорий стран-участниц объединения за счёт развития социально-культурной и научно-образовательной сферы. Нельзя не признать, что на уровне региональных сообществ расширились деловые и межличностные контакты, возросло взаимопонимание и взаимопроникновение культур, доверие друг к другу.

Однако не оправдались надежды России на развитие сотрудничества в экономической сфере и окончательное решение проблем обеспечения военной безопасности. Как реципиент финансовых средств, Россия была вынуждена признавать навязанные правила игры. В свою очередь, страны Северной Европы, прежде всего Норвегия, частично смогли оказать определённое воздействие мягкими средствами на общественное сознание жителей северных субъектов России, особенно среди молодёжи, работников культуры и научно-образовательной сферы. Страны Северной Европы, преимущественно Норвегия, нередко воспринимались как «общество всеобщего благоденствия». Однако в целом североевропейским государствам не удалось в полной мере через «мягкосиловые» механизмы сформировать внутри России устойчивую прослойку сторонников, способных активно продвигать их ценности или политические установки. Напротив, наблюдалась обратная динамика: российские граждане, мигрировавшие в Норвегию, Финляндию и Швецию, а также российские культурные и профессиональные сообщества, участвовавшие в трансграничных проектах, в ряде случаев оказывали влияние на гуманитарную повестку североевропейских стран: от развития русскоязычных культурных инициатив до расширения профессиональных и образовательных обменов.

Реалистично оценивая влияние этого сотрудничества на национальные интересы России, следует выделить ряд положений. Лишь на время, пока не стало столь очевидным продвижение НАТО на Восток, была отложена проблема обеспечения военной безопасности России в регионе. В условиях ослабления связи между федеральным центром и её субъектами возникали риски нарастания сепаратистских настроений, особенно среди тех этнических групп, которые имели сородичей в странах Северной Европы (саамы, карелы, финны), а также приверженцев общности российских и норвежских поморов. Эти настроения потенциально могли подпитываться частью регионального интеллектуального сообщества, которое весьма позитивно и одновременно нередко идеалистично воспринимало североевропейские ценности. Наконец, Россия наивно полагала, что холодная война завершилась по обоюдному согласию, тогда как западные страны изначально считали, что она эту войну проиграла. В связи с чем существенно упал престиж России и её политическое влияние в мире и регионе, что дополнительно явилось следствием финансово-экономической слабости страны.

Список источников

Аверьянова С.А. Процессы институционализации молодёжного сотрудничества в Баренцевом Евро-Арктическом регионе // Арктика и Север. 2014; 15: 6–14.

Багреева Е.В. Русскоязычное сообщество в Норвегии: история формирования и специфика адаптационных процессов // Гуманитарий Юга России. 2014; 3: 106–120.

Бестужева К.Г. «Человеческое измерение» международных отношений на Севере Европы: к 20-летию Баренцева региона // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014; 4: 181–183.

Болдырева С.Ю., Болдырев Р.Ю., Чередникова А.Ю. История международных связей городов Архангельской области в 1990–2010-е годы: попытка перехода от социально-гуманитарного к торгово-экономическому сотрудничеству // Научный диалог. 2023; 12 (7): 254–287. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-254-287

Голдин В.И. Вхождение университетов в международное научно-образовательное пространство: опыт и проблемы (на материалах Европейского Севера России) // Поволжский педагогический поиск. 2019; 2 (28): 15–19. https://doi.org/10.33065/2307-1052-2019-2-28-15-19

Голдин В.И. Новый труд по истории Баренцева региона // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015; 5: 159–163.

Голдин В.И., Зайков К.С., Нильсен Й.П. Диалог в Осло: Норвегия и Россия. Вехи пройденного пути // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015; 4: 172–175.

Голдин В.И., Соколова Ф.Х. Архангельская область в системе подготовки специалистов в области международных отношений // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022; 5: 126–131. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V215

Конышев В.Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений // Полис. Политические исследования. 2020; 4: 94–111. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.07

Корниленко А.В. Поморский индигенный сепаратизм на Русском Севере: истоки, угрозы, тенденции // Философия права. 2023; 3 (106): 187–192.

Кудряшова Е.В., Зарубина Л.А. Международная проектная деятельность как инструмент регионального развития и стимулирования сотрудничества (на примере участия Архангельской области в программе приграничного сотрудничества «Коларктик») // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018; 6: 88–97. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.6.88

Лукин Ю.Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет. 2010; 400 с.

Манукян А.Р. Роль образования в «мягкой силе» современного государства // Социально-гуманитарные знания. 2023; 3: 133–137. https://doi.org/10.34823/SGZ.2023.3.52986

Межевич Н.М., Ногаев И.В. Финляндия в НАТО. Генезис современной ситуации и перспективы ее эволюции // Современная Европа. 2024; 7 (128): 134–144. https://doi.org/10.31857/S0201708324070118

Насонова Н.П. Страны Баренцева региона — пример успешного инновационного развития // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013; 2: 51–56.

Окунев Ю.П. Социокультурный потенциал Архангельской области в проектах сотрудничества стран Баренцева региона // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012; 3: 115–121.

Паникар М.М., Соколова Ф.Х. «Мурманские инициативы» М.С. Горбачева и их реализация в Арктическом регионе как элемент политики «нового мышления» // Арктика и Север. 2026; 62: 148–169. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.148

Пластинин А.В., Силуанова Л.С. Потенциал и перспективы развития сотрудничества бизнеса в Баренцевом Евро-Арктическом регионе // Экономика и управление. 2012; 7 (81): 109–114.

Репневский А.В. Норвежцы в северных водах прежде и теперь: взгляд русских поморов // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010; 1: 25–32.

Репневский А.В. Российский взгляд на Норвегию в «розовых очках» и без них // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные

науки. 2013; 1: 32–40.
Соколова Ф.Х., Труфанова Е.А. Процессы регионализации в Северной Европе: истоки становления и динамика развития // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025; 5: 5–20. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V456
Тевлина В.В. Социально-культурное направление в трансграничной политике Норвегии и России на Крайнем Севере // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012; 3: 23–34.
Терещенко Е.Ю. Динамика развития приграничного туризма в Баренцевом Евро-Арктическом регионе // Арктика и Север. 2018; 33: 56–65. https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.33.56
Brown-Leonardi C. Encountering the Changing Barents — Research Challenges and Opportunities. Rovaniemi: Arctic Centre, University of Lapland; 2010. 131 p.
Encyclopedia of the Barents Region. Volume 1: A-M / Ed. by M.-O. Olsson. Oslo: PAX; 2016. 559 p.
Encyclopedia of the Barents Region. Volume 2: N-Z / Ed. by M.-O. Olsson. Oslo: PAX; 2016. 593 p.
Eriksson J. Security in the Barents Region: Interpretations and Implications of the Norwegian Barents Initiative // Cooperation and Conflict. 1995; 30 (3): 259–286. https://doi.org/10.1177/0010836795030003003
Friis K., Tamnes R. The defence of northern Europe: new opportunities, significant challenges // International Affairs. 2024; 100(2): 813–824. https://doi.org/10.1093/ia/iiae019
Heininen L. Nuclear problems / Encyclopedia of the Barents Region: In 2 Vols. Vol. II. N–Y / Ed. by M.-O. Olsson. Oslo: PAX. 2016; 109–112.
Heininen L., Lomagin N.A. Geopolitics, security, and globalization. In: Encyclopedia of the Barents Region: In 2 Vols. Vol. I. A–M / Ed. by M.-O. Olsson. Oslo: PAX; 2016: 269–274.
Hønneland G. Arctic Euphoria and International High North Politics. Singapore: Palgrave Macmillan; 2017. 103 p. https://doi.org/10.1007/978-981-10-6032-8
Hønneland G. Identity Formation in the Barents Euro-Arctic Region // Cooperation and Conflict. 1998; 33 (3): 277–297. https://doi.org/10.1177/0010836798033003003
Medby I.A. A ‘peopled’ account of political agency in the Arctic: Professional practice and people-to-people participation // The Geographical Journal. 2022; 189 (3): 412–421. https://doi.org/10.1111/geoj.12486
Salo M., Vasiliev V.N. Education / Encyclopedia of the Barents Region: In 2 Vols. Vol. I. A–M / Ed. by M.-O. Olsson. Oslo: PAX; 2016: 159–170.
Society, Environment and Human Security in the Arctic Barents Region / Ed. by K. Hossain, D. Cambou. London: Routledge; 2018. 238 p. https://doi.org/10.4324/9781351171243
The Barents Region. A Transnational History of Subarctic Northern Europe / Ed. by L. Elenius. Oslo: PAX; 2015. 518 p.
The New Northern Dimension of the European Neighbourhood / Ed. by P. Aalto, A. Aasland, M. Anker, et al. Brussels: Centre for European Policy Studies; 2008. 247 p.
Zaretskaya O.V. Diplomatic relations / Encyclopedia of the Barents Region: In 2 Vols. Vol. I. A–M / Ed. by M.-O. Olsson. Oslo: PAX; 2016: 137–139.
Zimmerbauer K. Unusual Regionalism in Northern Europe: The Barents Region in the Making // Regional Studies. 2013; 47 (1): 89–103. https://doi.org/10.1080/00343404.2011.644236

References

Aalto P., Aasland A., Anker M., eds. *The New Northern Dimension of the European Neighbourhood*. Brussels, Centre for European Policy Studies; 2008. 247 p.
Averianova S.A. Processes of Institutionalization of Youth Cooperation in the Barents Euro-Arctic Region. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2014; 15: 6–14.
Bagreeva E.V. The Russian Speaking Community in Norway: The History of Its Formation and the Particularities of Its Adaptation Processes. *Humanities of the South of Russia*. 2014; 3: 106–120.
Bestuzheva K.G. “The Human Dimension” of International Relations in Northern Europe: On the 20th Anniversary of the Barents Region. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series “Humanitarian and Social Sciences”*. 2014; 4: 181–183.
Boldyreva S.Yu., Boldyrev R.Yu., Cherednikova A.Yu. History of International Relations of Cities of

Arkhangelsk Region in 1990s — 2010s: Transition from Social-Humanitarian to Trade-Economic Cooperation. *Nauchnyi Dialog*. 2023; 12 (7): 254–287. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-254-287

Brown-Leonardi C. *Encountering the Changing Barents — Research Challenges and Opportunities*. Rovaniemi: Arctic Centre, University of Lapland; 2010. 131 p.

Elenius L., ed. *The Barents Region. A Transnational History of Subarctic Northern Europe*. Oslo, PAX; 2015. 518 p.

Eriksson J. Security in the Barents Region: Interpretations and Implications of the Norwegian Barents Initiative. *Cooperation and Conflict*. 1995; 30 (3): 259–286. https://doi.org/10.1177/0010836795030003003

Friis K., Tamnes R. The Defence of Northern Europe: New Opportunities, Significant Challenges. *International Affairs*. 2024; 100(2): 813–824. https://doi.org/10.1093/ia/iiae019

Goldin V.I. A New Work on the History of the Barents Region. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2015; 5: 159–163.

Goldin V.I. Universities Joining the International Scientific and Educational Space: Experience and Problems (Experience of the European North of Russia). *Volga Region Pedagogical Search*. 2019; 2 (28): 15–19. https://doi.org/10.33065/2307-1052-2019-2-28-15-19

Goldin V.I., Sokolova F.Kh. Arkhangelsk Region in the System of Training Specialists on International Relations. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2022; 5: 126–131. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V215

Goldin V.I., Zaykov K.S., Nilsen Y.P. Dialogue in Oslo: Norway and Russia. Milestones along the Way. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2015; 4: 172–175.

Heininen L. Nuclear Problems. In: *Encyclopedia of the Barents Region: In 2 Vols. Vol. II. N–Y*. Oslo, PAX; 2016: 109–112.

Heininen L., Lomagin N.A. Geopolitics, Security, and Globalization. In: *Encyclopedia of the Barents Region: In 2 Vols. Vol. I. A–M*. Oslo, PAX; 2016: 269–274.

Hønneland G. *Arctic Euphoria and International High North Politics*. Singapore, Palgrave Macmillan; 2017. 103 p. https://doi.org/10.1007/978-981-10-6032-8

Hønneland G. Identity Formation in the Barents Euro-Arctic Region. *Cooperation and Conflict*. 1998; 33 (3): 277–297. https://doi.org/10.1177/0010836798033003003

Hossain K., Cambou D., eds. *Society, Environment and Human Security in the Arctic Barents Region*. London, Routledge; 2018. 238 p. https://doi.org/10.4324/9781351171243

Konyshev V.N. Neoclassical Realism in the Theory of International Relations. *Polis. Political Studies*. 2020; 4: 94–111. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.07

Kornilenko A.V. Pomeranian Indigenous Separatism in the Russian North: Origins, Threats, Trends. *Philosophy of Law*. 2023; 3 (106): 187–192.

Kudryashova E.V., Zarubina L.A. International Projects as a Tool of Regional Development and Cooperation Enhancement (Case of Arkhangelsk Region Participation in Kolarctic CBC Programme). *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2018; 6: 88–97. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.6.88

Lukin Yu.F. *Great Repartition of Arctic Regions*. Arkhangelsk, Northern (Arctic) Federal University. 2010. 400 p. (In Russ.)

Manukyan A.R. The Role of Education in the "Soft Power" of the Modern State. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2023; 3: 133–137. https://doi.org/10.34823/SGZ.2023.3.52986

Medby I.A. A 'Peopled' Account of Political Agency in the Arctic: Professional Practice and People-to-People Participation. *The Geographical Journal*. 2022; 189 (3): 412–421. https://doi.org/10.1111/geoj.12486

Mezhevich N.M., Nogaev I.V. Finland in NATO. Genesis of the Current Situation and Prospects for Its Evolution. *Contemporary Europe*. 2024; 7 (128): 134–144. https://doi.org/10.31857/S0201708324070118

Nasonova N.P. The Barents Region Countries — An Example of Successful Innovative Development. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2013; 2: 51–56.

Okunev Yu.P. Sociocultural Potential of the Arkhangelsk Region in Cooperation Projects of the Barents Region Countries. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2012; 3: 115–121.

Olsson M.O., ed. *Encyclopedia of the Barents Region. Volume 1: A-M*. Oslo, PAX; 2016. 559 p.

Olsson M.O., ed. *Encyclopedia of the Barents Region. Volume 2: N-Z*. Oslo, PAX; 2016. 593 p.

Panikar M.M., Sokolova F.H., Vilken V.V. "Murmansk Initiatives" by M. Gorbachev and Their Implementation in the Arctic Region as an Element of the "New Thinking" Policy. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2026; 62: 148–169. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.148

Plastinin A.V., Siluanova L.S. Potential and Prospects for Development of Business Cooperation in the Barents Euro-Arctic Region (BEAR). *Economics and Management*. 2012; 7 (81): 109–114.

Repnevsky A.V. Norwegians in the Northern Waters Before and Now: The View of the Russian Pomors. *Vestnik of Pomor University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2010; 1: 25–32.

Repnevsky A.V. The Russian View on Norway through Rose-Coloured Glasses and without Them. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2013; 1: 32–40.

Salo M., Vasiliev V.N. Education. In: *Encyclopedia of the Barents Region: In 2 Vols. Vol. I. A–M*. Oslo, PAX; 2016: 159–170.

Sokolova F.Kh., Trufanova E.A. Regionalization in Northern Europe: Origins and Development Dynamics. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2025; 5: 5–20. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V456

Tereshchenko E.Yu. Dynamics of Border Tourism in the Barents Euro-Arctic Region. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2018; 33: 56–65. https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.33.56

Tevlina V.V. Sociocultural Area of Trans-Border Policy of Norway and Russia in the Far North. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2012; 3: 23–34.

Zaretskaya O.V. Diplomatic Relations. In: *Encyclopedia of the Barents Region: In 2 Vols. Vol. I. A–M*. Oslo, PAX; 2016: 137–139.

Zimmerbauer K. Unusual Regionalism in Northern Europe: The Barents Region in the Making. *Regional Studies*. 2013; 47 (1): 89–103. https://doi.org/10.1080/00343404.2011.644236

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; принята к публикации 27.02.2026

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 229–250.
Научная статья
УДК 327.5(430)(481)(485)(480)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.229

Сотрудничество Германии с Норвегией, Швецией и Финляндией в сфере безопасности и обороны в середине 2020-х гг.

Трунов Филипп Олегович [1]✉, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник

[1] Институт научной информации по общественным наукам РАН, Нахимовский пр., 51/21, Москва, Россия
[1] 1trunov@mail.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7092-4864

Аннотация. На начало 2020-х гг. ФРГ стала заметно наращивать военное присутствие в передовой части зоны ответственности НАТО — прежде всего, в Восточной, а также в Северной Европе. В статье рассмотрена современная эволюция отношений Германии с Норвегией, Швецией и Финляндией в сфере безопасности и обороны. Использованы методы хронологического и сравнительного анализа, положения теории неореализма. Исследуются шаги ФРГ по стратегическому проникновению в Арктику с опорой на сотрудничество с Норвегией в середине 2010-х — начале 2020-х гг. и постепенно вырабатываемая Берлином поддержка вступления Швеции и Финляндии в НАТО. Все эти решения рассматриваются в контексте плавного и одновременно последовательного ужесточения подхода Германии к «сдерживанию» России. Изучаются три арктических стратегии ФРГ (2013 г.; 2019 г.; 2024 г.), увеличение в них значимости и удельного веса вопросов по безопасности и обороне. Раскрываются особенности функционирования формата *N5+1* (пять стран Северной Европы и ФРГ) на высшем уровне, секьюритизация содержания переговоров. При развитии двусторонних политических контактов Берлин в середине 2020-х гг. уделял наибольшее внимание Стокгольму, рассматривая Швецию как потенциального лидера в Северной Европе. Главной причиной снижения интенсивности контактов на высшем уровне с Норвегией стала ограниченность военных ресурсов ФРГ. Это обусловлено как медленным ростом мощи бундесвера в целом, так и сложностью интенсификации использования его контингентов одновременно в зоне Балтийского моря и в Арктике. Исследован набор конкретных решений с рациональным по времени и месту использованием корветов, фрегатов, горных стрелков и истребителей ФРГ. Делается вывод о неизменности на перспективу бинарности сотрудничества Германии одновременно со Швецией и Норвегией как фокусными региональными партнёрами.

Ключевые слова: *Германия, Норвегия, Швеция, Финляндия, НАТО, Арктика, Балтийский регион, «сдерживание», Россия, политическое сотрудничество, N5+1, бундесвер, военные учения*

Germany’s cooperation with Norway, Sweden and Finland in the field of security and defense in the mid-2020s

Philipp O. Trunov [1]✉, Dr. Sci (Polit.), Leading Researcher

[1] Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky pr., 51/21, Moscow, Russia
[1] 1trunov@mail.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7092-4864

* © Трунов Ф.О., 2026
Для цитирования: Трунов Ф.О. Сотрудничество Германии с Норвегией, Швецией и Финляндией в сфере безопасности и обороны в середине 2020-х гг. // Арктика и Север. 2026; 64: 229–250. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.229
For citation: Trunov Ph.O. Germany’s cooperation with Norway, Sweden and Finland in the field of security and defense in the mid-2020s. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 229–250. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.229
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

Abstract. By the early 2020s, Germany had begun to significantly increase its military presence in the forward part of NATO's area of responsibility — primarily in Eastern and Northern Europe. This article examines the recent evolution of Germany's relations with Norway, Sweden and Finland in the field of security and defense. The methods of chronological and comparative analysis are used, along with the principles of neorealist theory. The author explores Germany's steps towards strategic penetration into the Arctic, based on cooperation with Norway in the mid-2010s to early 2020s, and Berlin's gradually developing support for Sweden and Finland's accession to NATO. All the decisions were considered in the context of a gradual yet consistent tightening of Germany's approach to "containing" Russia. The study analyzes three Germany's Arctic strategies (2013; 2019; 2024) and the increasing importance and share of security and defense issues within them. The paper discusses the specific features of the functioning of the *N5+1* format (five Nordic countries and Germany) at the highest level, and the securitization of the content of the negotiations. In developing bilateral political contacts in the mid-2020s, Berlin paid the greatest attention to Stockholm, viewing Sweden as a potential leader in Northern Europe. The main reason for the decline in the intensity of high-level contacts with Norway was the limited military resources of Germany. This was due to both the slow growth of the Bundeswehr's overall strength and the difficulty of intensifying the deployment of its forces simultaneously in the Baltic Sea region and the Arctic. The study analyzed a range of specific solutions involving the rational deployment, in terms of timing and location, of German corvettes, frigates, mountain infantry and fighter aircraft. The author concludes that Germany's bilateral cooperation with both Sweden and Norway as key regional partners will remain unchanged in the long term.

Keywords: *Germany, Norway, Sweden, Finland, NATO, Arctic, Baltic region, "containment", political cooperation, N5+1, Bundeswehr, military exercises*

Введение

В первой половине 2020-х гг. система стратегического присутствия Германии оказалась в состоянии кризиса на направлениях, отдалённых от Евро-Атлантического сообщества[1], особенно в конфликтогенных странах Глобального Юга. Символами этого процесса стали вынужденные эвакуации из Афганистана (к июлю 2021 г.) и Мали (к маю 2024 г.) контингентов ФРГ (как части многонациональных миссий). Если к середине 2010-х гг. бундесвер единовременно использовал вне зоны ответственности НАТО[2] порядка 7 тыс. человек личного состава (в отдельные моменты — до 10 тыс.) (Glatz, Hansen, Kaim et al., 2018), то десятилетие спустя этот показатель упал до 1 тыс. военнослужащих[3], то есть почти кратно.

Качественно иная ситуация наблюдалась в передовой, обращённой на восток, части зоны ответственности Североатлантического альянса. Здесь ФРГ наращивала объёмы использования бундесвера. Наиболее яркими иллюстрациями тому стали прецедентные для европейских государств — членов НАТО решения Берлина поэтапно реорганизовать многонациональную батальонную тактическую группу (БТГ) с ведущей ролью бундесвера в Литве в бригаду (от июня 2022 г.), укомплектовать её почти целиком германскими военнослужащими и разместить на постоянной, а не на ротационной основе (от ноября 2023 г.)

[1] В статье под Евро-Атлантическим сообществом понимается совокупность государств — членов ЕС и НАТО, сами данные институты.

[2] Под зоной ответственности НАТО в статье понимается совокупность территорий и территориальных вод государств — членов Североатлантического альянса.

[3] Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr. Statista.de. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/ (дата обращения: 10.06.2024).

(Трунов, 2024a). Параллельно ФРГ развила стратегическую активность по другую, внешнюю, сторону от границ зоны ответственности НАТО. С февраля 2022 г. Берлин стал поставлять вооружения и военную технику для Украины, а также участвовать в подготовке её кадров (Schaller, 2023; Трунов, 2023a). Процесс заметного роста военной активности ФРГ как в передовой части зоны ответственности Альянса, так и вблизи неё с внешней стороны получили развитие не только на восточно-, но и североевропейском направлении, особенно в акваториях Балтийского и Норвежского морей (Трунов, 2025).

Перечисленные тенденции отражали изменение ключевого целеполагания в использовании ВС ФРГ: вместо попыток стать гарантом безопасности для стран происхождения вооружённого конфликта (особенно для ряда акторов на Глобальном Юге) — участие в «сдерживании» системных для «западных демократий» оппонентов: прежде всего — РФ.

Стремясь ослабить Россию, Германия и её партнёры по НАТО надеются сделать тождественными геостратегические понятия «коллективный Запад» и «глобальный Север». Неотъемлемая часть последнего, геостратегическая и экономическая ценность которой заметно возрастает в современных реалиях, — Арктика. Способность присутствовать в Северном Ледовитом океане (как военно-политически, так и в торгово-хозяйственном плане) неизбежно становится одним из индикаторов наличия глобальной субъектности для ключевых международных акторов (Paul, 2023; Трунов, 2024b). Обрести такие возможности большинство заинтересованных в этом государств мира, особенно из числа не имеющих выхода к СЛО, смогут лишь путём тесного сотрудничества с государствами, которые имеют побережье в Арктике (Россия, а также Дания, Норвегия, Канада, США). Для Германии, как и для ряда других не имеющих прямого выхода в СЛО стран — участниц НАТО, особой ценностью обладает Королевство Норвегия: прежде всего в силу того, что у Осло арктические владения расположены в континентальной Европе, а не на значительном удалении от неё.

Германия, чья промышленность критически зависима от импорта энергоресурсов, весьма мотивирована участвовать в добыче нефти, газа, обрести доступ к биологическим ресурсам в Северном Ледовитом океане. Не менее важно для ФРГ на регулярной основе обеспечивать присутствие ВМС бундесвера в СЛО, особенно в Норвежском и Баренцевом морях, в сочетании с использованием различных родов германских войск на субарктических пространствах (прежде всего, на Скандинавском п-ове). Тем самым и в практическом, и в имиджевом плане Берлин пытается компенсировать масштабные утраты влияния и присутствия на Глобальном Юге, демонстрируя свою растущую субъектность в рамках Глобального Севера.

Логично, что Берлин заинтересован в том, чтобы Норвегия максимально полно использовала свои возможности для совместного с западными партнёрами укрепления позиций в СЛО. В числе государств — членов НАТО Германия своё фактическое стратегическое проникновение в Арктику осуществляет, декларируя необходимость

«сдерживать» Россию. В данной связи для ФРГ является весьма важным, чтобы Швеция и Финляндия частично «разгрузили» Норвегию при выстраивании конфронтации, взяли на себя существенную практическую нагрузку, тем самым позволив Осло предельно сосредоточиться на решении задач в Арктике. Стокгольм и Хельсинки весьма ценны для Берлина и в другом отношении, особенно после вступления Швеции и Финляндии в Североатлантический альянс (4 апреля 2023 г. и 7 марта 2024 г. соответственно). Вклад двух этих североевропейских стран заметно увеличивает возможность превратить Балтийское море во «внутреннее озеро» НАТО, предельно ограничив здесь возможности России (См., например: (Смирнов, 2023)).

Задача статьи — исследовать особенности и перспективы кооперации ФРГ с Норвегией, Швецией, Финляндией в политической и военной областях по состоянию на середину 2020-х гг. Отечественные и зарубежные исследователи создали корпус исследований по изменениям стратегической обстановки в Северной Европе в целом (Paul, 2023; Конышев, Сергунин, 2024), непосредственно по внешней политике Норвегии, а также Финляндии и Швеции, особенно процессу и последствиям вступления каждого из этих двух государств в НАТО в 2023–2024 гг. (Смирнов, 2023; Чеков, Воротников, Чечевишников и др., 2023). Сотрудничество Германии изучалось либо применительно к конкретной стране (Трунов, 2023b), либо ко всем странам Северной Европы, но лишь до начала 2020-х гг. (Трунов, 2021). Статья представляет собой попытку восполнить данный пробел в исследованиях.

В статье нашли применение методы хронологического и сравнительного анализа. Методологически использована теория неореализма (структурного реализма). Её ключевое положение — успешной внешняя политика того или иного государства может быть только тогда, когда она соответствует ожиданиям других игроков (Waltz, 1979) — осмысляется на примере учёта Германией обеспокоенностей истеблишмента Норвегии, Швеции, Финляндии при реализации мер по укреплению и расширению стратегических позиций в Скандинавии и Балтийском регионе.

Эволюция отношений ФРГ и трёх североевропейских стран (2014–2022)

В первое десятилетие после начала конфронтации Евро-Атлантического сообщества с Россией (март 2014 г.) наблюдался заметный рост политического сотрудничества Германии как с Норвегией, государством — членом НАТО, так и со Швецией и Финляндией, которые входили в ЕС и считались носителями условного нейтралитета. Кооперация в рамках многосторонних структур (в частности, Совета государств Балтийского моря) была важна, но наибольшее значение сохраняли двусторонние межгосударственные контакты, особенно на высшем уровне. Их содержание отражало значительное число пунктов сотрудничества у Берлина с Осло (Трунов, 2023b) и Стокгольмом, точечное количество — с Хельсинки.

В ноябре 2014 г. был создан новый переговорный формат *N3+1* в составе трёх

североевропейских стран, объединённых членством в ЕС (Дания, Финляндия, Швеция), и Германии. Через два года, в ноябре 2016 г., состоялась вторая встреча [4]. ФРГ стремилась не только продемонстрировать учёт обеспокоенностей Стокгольма и Хельсинки в сфере безопасности и обороны, но и готовность учитывать их в контексте выполнения обязательств по линии ЕС. Тем самым Берлин ненавязчиво показывал двум условно нейтральным странам, что изменение их статуса на блоковый, то есть вступление в НАТО, пока не требуется. Кроме того, площадка *N3+1* использовалась для проработки вопросов многосторонней кооперации лишь в Балтийском регионе, но отнюдь не в Арктике. Показательно, что в формат не входили обе североевропейские страны — участницы Альянса — Исландия и Норвегия.

С конца 2010-х гг. бундесвер стал активно участвовать в манёврах на норвежской территории и в прибрежных водах. Один из первых эпизодов –задействование в крупнейших учениях *Trident Juncture 18* (октябрь 2018 г.) — оказался масштабным. ФРГ направила в Норвегию межвидовой контингент численностью в 8 тыс. военнослужащих (третий по численности после принимающей стороны и США), притом наземная компонента была представлена «ядром» войсковой бригады бундесвера (41-й мотопехотной). Функционально эти подразделения стали основой контрударной группы, которая по легенде манёвров отражала нападение вторгшегося через северные губернии «противника». Впервые после окончания Второй мировой войны Германия отработала переброску крупных масс войск в Норвегию, причём даже рассматривался вопрос о временной передислокации сюда военно-логистического управления бундесвера (Трунов, 2025). Одновременно за год до этого, в сентябре 2017 г., ФРГ воздержалась от участия в манёврах вооружённых сил Швеции *Aurora 17*, на которых были задействованы контингенты от США и Франции.

Чем обусловлены данные различия? Прежде всего, основами подхода Германии к выстраиванию конфронтации, то есть «сдерживанию» оппонента: осуществлять реализацию практических шагов, особенно военных, одновременно плавно и последовательно. Тем самым должен был предупреждаться (или сводиться к минимуму) риск неконтролируемой эскалации, а оказываемое в целом давление на оппонента, наоборот, возрастать и становиться более эффективным. Чем дольше длился период конфронтации (особенно без состояния «разрядки»), тем более чувствительные по своей недружественности шаги в отношении оппонента была готова реализовать ФРГ. И наоборот: на первых (в данном случае до конца 2010-х гг. включительно), особенно самых ранних (2014–2015 гг.), этапах «сдерживания» Германия весьма осторожно подходила к использованию своих политических и особенно военных возможностей. Более отчётливой эта линия была в Балтийском регионе, где ФРГ изначально обладала мощными позициями и возможностями

[4] Außenminister Steinmeier lädt Außenminister Dänemarks, Finnlands und Schwedens nach Berlin ein. Auswärtiges Amt. 07.11.2016. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/161107-bm-dk-fin-swe-284942 (дата обращения: 10.06.2024).

наращивать присутствие, несколько менее заметной — в Арктике, где процесс стратегического проникновения Германии только разворачивался.

В ***середине 2010-х гг.*** Германия практически не применяла бундесвер в обоих регионах, демонстрируя тогдашнюю незаинтересованность во вступлении Швеции и Финляндии в НАТО, особенно скорейшем.

В ***2017–2019 гг.*** Берлин уже стал использовать в Норвегии в ходе учений бундесвер, притом в больших объёмах (пример манёвров *Trident Juncture 18*) и неоднократно[5]. Одновременно контингент ФРГ образовал основу для многонациональной БТГ сил передового развёртывания (СПР) Альянса в Литве, то есть в южной части Балтийского региона; одним из других комплектаторов этой БТГ стала Норвегия[6]. Вновь следует подчеркнуть, что официальные Осло и Вильнюс входили в НАТО. В случае Швеции и Финляндии Берлин воздерживался от участия войск в учениях на их территории (ключевой пример — *Aurora 17*). Однако с 2017 г. встречи в формате *N3+1* уже не проходили, что свидетельствовало о повышении готовности Германии видеть две пока условно нейтральные североевропейские страны в НАТО в будущем. В пользу этого свидетельствовал также запуск в августе 2019 г. формата *N5+1*, то есть впервые уже всех пяти североевропейских стран и ФРГ. Прецедентная встреча, проходившая в Исландии, была посвящена в основном вопросам не из сферы безопасности и обороны[7], однако здесь для Германии был важен именно сам факт запуска площадки.

В ***самом начале 2020-х гг.*** ФРГ продолжала увеличивать масштаб и число реализуемых мер по «сдерживанию» России. В Норвегии бундесвер участвовал в военно-морских учениях НАТО (с использованием первого в ВМС ФРГ новейшего фрегата типа 125)[8], а также манёврах *Cold Response 2020*, где были задействованы подразделения горных стрелков и военно-транспортной авиации (Трунов, 2025). 15 февраля 2022 г., ещё до начала СВО, Германия нарастила свой вклад в комплектование БТГ СПР блока в Литве (с порядка 0,5 тыс. до почти 0,9 тыс. человек личного состава)[9].

В июне 2021 г. группа из 10 истребителей и порядка 200 человек лётного и обслуживающего состава (из состава 31-й воздушной эскадры люфтваффе) были задействованы в военно-воздушных учениях *Arctic Challenge 2021* вблизи г. Рованиеми в

---

[5] См., например: „Sachsen“ erhält Nikolaus-Preis in Sonderform. BMVg. 18.03.2019. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/sachsen-erhaelt-nikolaus-preis-in-sonderform-5022470 (дата обращения: 10.06.2024).

[6] NATO battlegroups in Baltic nations and Poland fully operational. NATO. 28.08.2017. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_146557.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 10.06.2024).

[7] "Der Klimawandel ist inzwischen sichtbar". Bundeskanzleramt. 20.08.2019. URL: https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/merkel-in-island-1661974 (дата обращения: 10.06.2024).

[8] Manöver: Die „Sachsen-Anhalt“ bei FLOTEX SILVER 2021. BMVg. 14.12.2021. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/fregatte-sachsen-anhalt-manoever-flotex-silver-2021-5314338 (дата обращения: 10.06.2024).

[9] NATO-Staaten verstärken Nordostflanke des Bündnisses. BMVg. 02.03.2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/aktuelles/nato-staaten-verstaerken-nordostflanke-des-buendnisses-5364278 (дата обращения: 10.06.2024).

северной Финляндии[10]. Поддержку авиационной компоненте оказывали 8 установок РЭБ бундесвера (30 военнослужащих), которые были переброшены в район гг. Йокмокк и Видсель на севере Швеции[11]. Тем самым различные компоненты люфтваффе отрабатывали своё применение вблизи Полярного круга в летнее время года. Теоретически учения *Arctic Challenge 2021* с развёртыванием бундесвера в Финляндии и Швеции могут быть объяснены как сотрудничество трёх стран — участниц ЕС. Однако под эгидой Европейского союза, в отличие от Североатлантического альянса, отсутствовала практика проведения военно-воздушных манёвров (См.: (Белинский, 2024)). Более того, на сайте Министерства обороны ФРГ *Arctic Challenge 2021* недвусмысленно обозначались как манёвры государств — членов и партнёров НАТО. При этом учения проходили вне тогдашней зоны ответственности Альянса, в тот момент — на территории и воздушном пространстве двух ещё условно нейтральных стран. Тем самым почти за год до начала СВО Германия своими практическими шагами показывала, что она поддерживает дальнейшее сближение Швеции и Финляндии в НАТО, а главное — потенциальное их присоединение к Альянсу.

Начало СВО РФ (24 февраля 2022 г.) стало не только и не столько причиной, но прежде всего поводом, особенно информационным, для обоснования дальнейшего увеличения сотрудничества Германии с Норвегией, Швецией, Финляндией в контексте «сдерживания» России. Консультации ФРГ с двумя условно нейтральными странами о пересмотре их внеблокового статуса весной 2022 г. состояли из следующих фаз. Уже в первый месяц после начала СВО канцлер О. Шольц провёл двусторонние переговоры с премьер-министрами Финляндии С. Марин (16 марта)[12] и Швеции М. Андерссон (28 марта)[13]. В обоих случаях принимающей стороной выступила Германия, а гости посещали её по степени удалённости их стран от России. О. Шольц подчеркнул готовность оказывать поддержку по линии ЕС, выступил за углубление сотрудничества с НАТО. ФРГ фактически выступала за вхождение Швеции и Финляндии в блок, но пока формально избегала обозначать это открыто.

Эта же схема была повторена уже на трёхсторонних переговорах О. Шольца одновременно с М. Андерссон и С. Марин 3 мая 2022 г. Встреча вновь прошла в Германии, а местом стала резиденция канцлера — замок Мезеберг, что должно было отражать роль ФРГ

---

[10] Kurze Wege, kilometerweise Kabel. BMVg. 08.06.2021. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/aktuelles/kurze-wege-kilometerweise-kabel-5092258 (дата обращения: 10.06.2024).

[11] Polygone in der Arktis. BMVg. 03.06.2021. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/aktuelles/polygone-in-der-arktis-5090458 (дата обращения: 10.06.2024).

[12] Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und der Ministerpräsidentin der Republik Finnland Marin zu ihrem Besuch in Berlin am 16. März 2022. Bundeskanzleramt. 16.03.2022. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-der-ministerpraesidentin-der-republik-finnland-marin-zu-ihrem-besuch-in-berlin-am-16-maerz-2022-2016788 (дата обращения: 10.06.2024).

[13] Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und der Ministerpräsidentin des Königreichs Schweden Andersson zu ihrem Besuch in Berlin am 28. März 2022. Bundeskanzleramt. 28.03.2022. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-der-ministerpraesidentin-des-koenigreichs-schweden-andersson-zu-ihrem-besuch-in-berlin-am-28-maerz-2022-2021168 (дата обращения: 10.06.2024).

как старшего в обоих межгосударственных диалогах. Большая часть длительной пресс-конференции по итогам переговоров была посвящена характеристике некоей «российской угрозы»[14]. Именно на переговорах 3 мая 2022 г. Германия окончательно согласовала со Швецией и Финляндией принципиальную поддержку их вступления в НАТО, тем самым выступила одним из проводников Стокгольма и Хельсинки в Альянс. Ровно через две недели, 17 мая 2022 г., позиция официального Берлина была публично озвучена в виде государственного заявления[15].

Ещё через три недели, 7 июня 2022 г., канцлер ФРГ на встрече с главами государств и правительств стран Балтии заявил о решении постепенно реорганизовать БТГ СПР в Литве в бригаду в контексте планов по созданию Германией крупнейших конвенциональных (обычных) ВС среди всех европейских стран-участниц НАТО[16]. Перечисленные заявления официального Берлина означали, что он стал одним из инициаторов милитаризации со стороны Альянса региона Балтийского моря — как северной его части, так и южной.

Параллельно Германия заметно нарастила активность в Арктике, особенно сотрудничество с Норвегией. В 2022 г. состоялись сразу три раунда двусторонних переговоров на личном уровне[17], несмотря на смену высшего руководства в обеих странах. Вклад бундесвера в учения *Cold Response 22* более чем вдвое превышал таковой в предыдущие *Cold Response 20.* При этом на манёврах марта 2022 г. ФРГ задействовала подразделения не только горных стрелков (из 23-й горнопехотной бригады), но и морскую пехоту (из отдельного батальона), парашютистов (от 1-й воздушно-десантной бригады), а также наземную робототехнику (Трунов, 2025).

Политическое сотрудничество: доктринальные приоритеты и практика

Первую региональную стратегию по Северному Ледовитому океану — «Руководящие принципы политики в Арктике» — Германия приняла ещё в 2013 г.[18], до начала конфронтации с Россией. Данный факт означал безусловное наличие намерений у ФРГ

[14] Pressestatements von Bundeskanzler Scholz, der finnischen Ministerpräsidentin Marin und der schwedischen Ministerpräsidentin Andersson am 3. Mai 2022 in Schloss Meseberg. Bundeskanzleramt. 3.05.2022. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressestatements-von-bundeskanzler-scholz-der-finnischen-ministerpraesidentin-marin-und-der-schwedischen-ministerpraesidentin-andersson-am-3-mai-2022-in-schloss-meseberg-2030188 (дата обращения: 10.06.2024).

[15] Nationale Erklärung Deutschlands zum NATO-Beitrittsbegehren Finnlands und Schwedens. Bundeskanzleramt. 17.05.2022. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/nationale-erklaerung-deutschlands-zum-nato-beitrittsbegehren-finnlands-und-schwedens-2040396 (дата обращения: 10.06.2024).

[16] Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš. Bundeskanzleramt. 7.06.2022. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-nausėda-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-kariņš-am-7-juni-2022-in-wilna-2048428 (дата обращения: 10.06.2024).

[17] Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem Ministerpräsidenten des Königreichs Norwegen Støre am 30. November 2022 in Berlin. Bundeskanzleramt. 30.11.2022. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-ministerpraesidenten-des-koenigreichs-norwegen-støre-am-30-november-2022-in-berlin-2147548 (дата обращения: 10.06.2024).

[18] Leitlinien deutscher Arktispolitik. Verantwortung übernehmen, Chancen nutzen. Berlin: Auswärtiges Amt; 2013. 20 S.

обеспечить стратегическое проникновение в СЛО в модульном (абсолютном) значении, то есть без привязки к необходимости «сдерживать» РФ. Переход к конфронтации, таким образом, Берлин использовал как удобные рамочные условия для обоснования своих наступательных целей.

На концептуальном уровне арктическому вектору Германия уделяла исключительное внимание. Следует отметить, что у ФРГ отсутствовали региональные стратегии по многим направлениям, в частности, по зоне Балтийского моря. По СЛО официальный Берлин принял к 2025 г. три таких документа: в 2013, 2019 и 2024 гг. Одним из объяснений служит рост внимания Германии на концептуальном уровне к океанам в целом. Это объяснялось не только зависимостью экономики ФРГ от импорта сырья и экспорта высокотехнологичной продукции морским путём. В представлении германского истеблишмента возрастала важность стратегического присутствия в океанах для составляющей такового в мире в целом. Так, в сентябре 2020 г., несмотря на фактор COVID-19, официальный Берлин опубликовал документ «Руководящие принципы политики в Индо-Тихоокеанском регионе» (Арзаманова, 2024). Однако на середину 2025 г. эта региональная стратегия ещё не обновлялась, а также она охватывала пространства сразу двух океанов, а не одного.

Тем самым можно говорить о наличии повышенного внимания к СЛО на доктринальном уровне внешней политики ФРГ. Ещё более оно возрастает конкретно к вопросам безопасности и обороны. Если в региональной стратегии 2013 г. этим сюжетам было уделено точечное внимание — один абзац, притом в самом конце текста[19], то в «Руководящих принципах политики в Арктике» 2019 г. — раздел, поставленный на четвёртое место[20]. В документе 2024 г. он уже оказался на второй позиции, сразу после блока о значении Арктики для Германии[21]. Обновление региональной концепции в среднем в пятилетие, секьюритизация повестки сочетались с повышением уровня государственной структуры, от имени которой публиковались очередные «Руководящие принципы политики в Арктика». Если в 2013 и 2019 гг. это был МИД ФРГ, то в 2024 г. — уже федеральное правительство.

В 2019 г. Германия, не будучи арктическим государством, обозначила готовность стать гарантом мира и безопасности в Северном Ледовитом океане[22]. Это своё стремление официальный Берлин прописал намного отчётливее в арктической стратегии (2024 г.), объясняя необходимость использовать бундесвер в регионе для «сдерживания» России, учитывая мощь её потенциала в Арктике[23]. Тем самым ФРГ позиционировала те военные ресурсы, которые она была готова задействовать на данном направлении, как ценное

[19] Leitlinien deutscher Arktispolitik. Verantwortung übernehmen, Chancen nutzen. Berlin: Auswärtiges Amt; 2013. 20 S.
[20] Leitlinien deutscher Arktispolitik. Verantwortung übernehmen, Vertrauen schaffen, Zukunft gestalten. Berlin: Auswärtiges Amt, 2019. S. 22–25.
[21] Leitlinien deutscher Arktispolitik. Deutschland und die Arktis im Kontext von Klimakrise und Zeitenwende. Berlin: Bundesregierung, 2024. S. 14–18.
[22] Leitlinien deutscher Arktispolitik... Berlin: Auswärtiges Amt, 2019. S. 23–24.
[23] Leitlinien deutscher Arktispolitik… Berlin: Bundesregierung, 2024. S. 15–16.

дополнение к потенциалам североевропейских партнёров по НАТО. Наступательную по своей сути военную активность Берлин пытался информационно представить как оборонительную.

Приветствуя вступление Финляндии и Швеции в НАТО, Берлин подчеркнул готовность к сотрудничеству с североевропейскими государствами как по линии Альянса (в меньшей степени ЕС), так и региональных структур (прежде всего, *NORDEFCO*). На каждом из треков отмечалось наличие у Германии интереса к участию в военных манёврах[24]. Особое внимание в «Руководящих принципах политики в Арктике» (2024 г.) ФРГ уделяла возможности сотрудничества со всеми пятью североевропейскими странами, особенно по схеме *N5+1*. В документе отмечался факт встреч в таком формате на уровне глав военных ведомств[25].

На практике ключевую роль играли встречи по формуле *N5+1* на уровне глав правительств. В середине 2020-х гг. интенсивность данных переговоров возросла, что отражало рост взаимного интереса и укрепление позиций ФРГ в Северной Европе в целом. За первой встречей в Исландии 20 августа 2019 г. последовали таковые в Норвегии (15 августа 2022 г.), Швеции (13 мая 2024 г.) и Финляндии (27 мая 2025 г.). Закономерно происходила секьюритизация переговорной повестки: если первые консультации (2019 г.) были почти целиком посвящены лишь экологическим вопросам, то вторые (2022 г.) — обеспечению западноцентричности миропорядка в условиях его смены, вопросам вступления Финляндии и Швеции в НАТО, согласованию усилий с целью увеличить объёмы и номенклатуру ВиВТ (вооружения и военной техники) для Украины[26]. На третьей встрече (2024 г.) фокус был на обсуждении мер по укреплению сотрудничества в связи со вступлением официальных Хельсинки и Стокгольма в Альянс, особенно в акватории Балтийского моря[27]. Эта проблематика, в том числе защита подводной инфраструктуры в Балтийском море, инициированная профильная операция НАТО *Baltic Sentry* (с января 2025 г.), стала первоочередной на переговорах в формате *N5+1* в 2025 г. Кроме того, рассматривался вопрос нелегальной миграции в Финляндию (со стороны России) и дальнейшее согласование мер по оказанию Украине поддержки поставками ВиВТ, обучением её личного состава [28]. В 2024 и 2025 гг. очерёдность переговорных сюжетов определялась прежде всего обеспокоенностями принимающей стороны, то есть Швеции и Финляндии соответственно. На встречах *N5+1* почти не обсуждались вопросы, не связанные с общим развитием конфронтации с Россией (прежде всего, на украинском направлении) и самой Северной Европой. Например, стороны не рассматривали детально ситуацию на Ближнем Востоке

[24] Ibid, S. 17.
[25] Ibidem.
[26] „Wir sind mehr als nur Nachbarn“. Bundeskanzleramt. 15.08.2022. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/kanzler-in-norwegen-und-schweden-2071104 (дата обращения: 10.06.2024).
[27] Mehr als nur Nachbarn. Bundeskanzleramt. 13.05.2024. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/kanzler-nordischer-rat-stockholm-2281682 (дата обращения: 10.06.2024).
[28] Partnerschaft zwischen Deutschland und „Nordic 5“ richtungsweisend für EU. Bundeskanzleramt. 27.05.2025. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pk-merz-finnland-2350434 (дата обращения: 10.06.2024).

после «разморозки» палестино-израильского конфликта (с 7 октября 2023 г.). Данные особенности означали, что встречи в формате *N5+1* прежде всего представляли проработку обеспокоенностей истеблишмента стран Северной Европы с Германией как безусловно старшим партнёром; на это указывала и сама формула шестисторонних переговоров — с выделением ФРГ в отдельную категорию. Берлин стремился позиционировать себя как гаранта региональной безопасности.

Переговоры по схеме *N5+1* канцлер дополнял двусторонними консультациями с премьер-министром принимающей стороны. В 2022 г. они были проведены не только с главой правительства Норвегии, но и Швеции, притом О. Шольц специально прилетел в Стокгольм, чтобы уже там встретиться с М. Андерссон[29]. Данный шаг иллюстративен: в середине 2020-х гг. в системе политических контактов с североевропейскими странами важнейшую роль Германия отводила ***Швеции***. В первой половине 2020-х гг. двусторонние переговоры с ней на высшем уровне стали проходить чаще, чем раз в год. При этом на развитие диалога не оказала какого-либо влияния смена правительства в Королевстве: 18 октября 2022 г. по итогам выборов премьер-министром вместо социал-демократки М. Андерссон стал председатель умеренной либеральной партии У. Кристерссон.

Германия стремилась скорее расширить спектр пунктов сотрудничества со Швецией, в том числе задать рамочные политические условия для качественно новой кооперации вооружённых сил в условиях вступления Королевства в НАТО. Берлин позиционировал себя как одного из основных проводников Стокгольма в Альянс. Это стало особенно важно и одновременно сложно в ситуации, когда Турция в 2022–2023 гг. блокировала вступление Швеции в НАТО. Берлин пытался оказывать влияние на Анкару, о чём информировал Стокгольм[30], но не добивался заметных успехов, итоговый результат был достигнут благодаря усилиям США при администрации Дж. Байдена.

Главной причиной повышенного внимания к Швеции видится то, что Берлин воспринимал её как будущего лидера в Северной Европе в военном отношении, а предпосылками для этого — вступление Королевства в НАТО и взятый с рубежа 2010-х — 2020-х гг. долгосрочный курс на заметное усиление всех имевшихся параметров военной мощи. Если Германия уже со второй половины 2010-х гг. демонстрировала настойчивое стремление стать наиболее крупным комплектатором для группировки НАТО (Glatz, Zapfe, 2017), то Швеция с высокой долей вероятности будет стремиться к этой роли для

[29] Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsidentin Andersson zum Besuch des Bundeskanzlers im Königreich Schweden am 16. August 2022 in Stockholm. Bundeskanzleramt. 16.08.2022. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesidentin-andersson-zum-besuch-des-bundeskanzlers-im-koenigreich-schweden-am-16-august-2022-2073552 (дата обращения: 10.06.2024).

[30] Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem Ministerpräsidenten des Königreichs Schweden Kristersson am 15. März 2023 in Berlin. Bundeskanzleramt. 15.03.2023. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-ministerpraesidenten-des-koenigreichs-schweden-kristersson-am-15-maerz-2023-2171296 (дата обращения: 10.06.2024).

североевропейского сегмента данной линейки.

Этой роли Германии и Швеции способствовало их срединное положение в европейской части зоны ответственности НАТО и Северной Европе соответственно. Уже вследствие такого географического положения вооружённые силы каждой из стран представляли собой потенциально мощный резерв для подкрепления войск в приграничных странах — участницах НАТО. Однако реализация державных амбиций требовала от Берлина и Стокгольма конкретных шагов: применительно к середине 2020-х гг. таковыми в НАТО считались меры по поддержке властей в Киеве.

На весну 2025 г. Германия являлась крупнейшим поставщиком ВиВТ для Украины среди европейских государств — членов НАТО в целом (ФРГ уступала лишь США), Швеция — среди североевропейских стран. В 2022–2024 гг. Берлин оказал военную поддержку Киеву на 13,7 млрд евро[31] (порядка 14,8 млрд долл.), Стокгольм — на 8,2 млрд долл.[32] Обе стороны активно поставляли бронетехнику: Германия выделила ВСУ 18 танков *Leopard 2A6*, 103 *Leopard 1A5*, 140 БМП *Marder*, а Швеция — 10 танков *Strv 122* (модернизированные *Leopard 2* с усиленной защитой), 90 БМП *CV90*. Берлин в 2023 г. взял на себя ключевую нагрузку по вооружению и подготовке 47-й механизированной бригады (*мехбр*) ВСУ, Стокгольм играл аналогичную роль для 21-й механизированной бригады. Оба соединения считались элитными; после значительных потерь обеих в летне-осеннем наступлении Украины (2023) 21-ая *мехбр* получила танковый парк 47-ой *мехбр*, а последняя — единственный в ВСУ батальон танков производства США *Abrams M1*.

С ***Финляндией*** в 2023–2025 гг. двусторонние переговоры на высшем уровне Германия проводила ежегодно. Вновь избранный президент А. Стубб (с 1 марта 2024 г.) занимал весьма жёсткую позицию по «сдерживанию» России, и здесь очевидна близость его позиции с канцлером Ф. Мерцем (в должности с 6 мая 2025 г.). Вступление Хельсинки в НАТО расширило потенциальное «окно возможностей» для практического сотрудничества, однако в реальности его объёмы оставались невелики[33]. Например, в ближайшее время на практике германская сторона едва ли сможет оказать партнёру действенную помощь в усилении системы его пограничного контроля вдоль границы с Россией протяжённостью 1 271,8 км.

На фоне высокой, как минимум ежегодной, частотности двусторонних переговоров на высшем уровне Германии со Швецией и Финляндией показательна динамика соответствующих контактов с ***Норвегией***: в 2022 г. прошло три раунда переговоров, но в

[31] Diese Waffen und militärische Ausrüstung liefert Deutschland an die Ukraine. Bundeskanzleramt. 17.04.2025. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/waffenlieferungen-ukraine-2054514 (дата обращения: 10.06.2024).

[32] Посол РФ в Стокгольме указал на серьезность шведской поддержки Украины. 28.05.2025. URL: https://iz.ru/1894034/2025-05-28/posol-rf-v-stokgolme-ukazal-na-sereznost-shvedskoi-podderzhki-ukrainy (дата обращения: 10.06.2024).

[33] См., например: Pressestatements von Bundeskanzler Scholz und dem Präsidenten der Republik Finnland, Stubb, am 8. Mai 2024 in Berlin. Bundeskanzleramt. 8.05.2024. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressestatements-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-praesidenten-der-republik-finnland-stubb-am-8-mai-2024-in-berlin-2281396 (дата обращения: 10.06.2024).

2023–2024 гг. — ни одного (лишь король Харальд V совершил визит в ФРГ). Чем это обусловлено?

Фактор смены руководства, состоявшейся почти одновременно в Норвегии (октябрь 2021 г.) и Германии (декабрь 2021 г.), не оказал какого-либо негативного влияния. В ходе встреч 2022 г. канцлер О. Шольц и премьер-министр Й. Стёре (оба представители социал-демократов) демонстрировали преемственность по уровню взаимного доверия, объёму содержания переговорной повестки относительно А. Меркель и Э. Сульберг соответственно (Трунов, 2025).

Определённое значение имел фактор новизны членства в НАТО Финляндии (с 4 апреля 2023 г.) и Швеции (с 7 марта 2024 г.); с Норвегией устоявшаяся схема сотрудничества в Альянсе оставалась в основе неизменной. Она требовала лишь частных корректировок, которые интенсивно проводились в 2022 г. на фоне начала СВО РФ и подготовки к вступлению в блок двух соседей официального Осло. На двусторонних переговорах в Осло 15 августа 2022 г. (на полях встречи *N5+1*) и во время Берлинской конференции по безопасности 30 ноября 2022 г. О. Шольц и Й. Стёре уточнили планы, особенно по сотрудничеству ВС на севере Норвегии и оказанию помощи Украине[34]. Символично, что на знаковую для германского руководства Берлинскую конференцию по безопасности 30 ноября 2022 г., проходившую на фоне декларируемой Берлином *Zeitenwende*, были приглашены не только премьер-министр Й. Стёре, но и генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг, норвежец, в прошлом занимавший пост главы правительства в Королевстве. Тем самым Берлинская конференция была «норвегизирована» в плане представительства на высшем уровне. Этот факт отчётливо указывал на огромный интерес ФРГ к межгосударственному сотрудничеству и созданию с опорой на него весомых позиций в СЛО.

Уже отмечалось, что Берлин стал воспринимать Стокгольм как вновь укреплявшегося лидера в Северной Европе. Вместе с тем это не умаляло стратегической ценности для ФРГ Норвегии: лишь с опорой на сотрудничество с ней, а не её соседом по Скандинавскому п-ову, Германия могла обеспечить стратегическое проникновение в СЛО. Приоритетность этой цели подтверждали содержание и сам факт издания трёх концептуальных документов по Арктике (2013 г.; 2019 г.; 2024 г.). Кроме того, Германия, особенно в условиях отказа от дешёвых российских углеводородов, остро нуждалась в поставках газа из Норвегии[35].

Значимая причина отмеченного уменьшения частотности германо-норвежских переговоров на высшем уровне — нехватка у Берлина военных возможностей. Вследствие

[34] Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem Ministerpräsidenten des Königreichs Norwegen Støre am 30. November 2022 in Berlin. Bundeskanzleramt. 30.11.2024. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-ministerpraesidenten-des-koenigreichs-norwegen-støre-am-30-november-2022-in-berlin-2147548 (дата обращения: 10.06.2024).

[35] Rede von Bundeskanzler Scholz anlässlich der Berlin Security Conference am 30. November 2022 in Berlin. Bundeskanzleramt. 30.11.2022. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/rede-von-bundeskanzler-scholz-anlaesslich-der-berlin-security-conference-am-30-november-2022-2149770 (дата обращения: 10.06.2024).

этого для Германии, которая стала наращивать активность бундесвера в Балтийском море, оказалось сложно быстро увеличивать её одновременно на севере Норвегии и прилежащих акваториях. В результате реальные темпы роста практического сотрудничества оказывались меньшими, чем в межгосударственных планах 2022 г.

Особенности кооперации вооружённых сил в Северной Европе

Скорость увеличения численности личного состава, обновления парка вооружений и военной техники бундесвера в первой половине 2020-х гг. была низкой (табл. 1). Стокгольм, претендовавший на лидерство в Северной Европе, наращивал свои ВС быстрее, чем Берлин, декларировавший с июня 2022 г. создание крупнейших конвенциональных ВС среди европейских государств — членов НАТО в целом.

Таблица 1

Численность личного состава ВС ФРГ и ряда стран Северной Европы (тыс. военнослужащих)[36]

Страна / год	2014	2017	2019	2020	2021	2022	2023[37]	2024
Германия	178,8	179,8	183,8	183,9	183,9	183,2	181,7	185,6
Норвегия	21,0	20,2	19,2	20,6	23,1	23,5	24,0	24,3
Финляндия	32,5	31,0	31,1	31,3	31,1	30,5	31,0	30,8
Швеция	14,7	15,9	19,1	20,1	21,1	20,9	21,5	23,1

На отрезке 2014–2022 гг. Швеция превзошла Германию по приросту численности личного состава не только в удельном отношении (42% и около 3% соответственно), но и в абсолютном (4,4 тыс. и 6,2 тыс. военнослужащих соответственно), что видно из табл. 1. Вопреки планам конца 2010-х гг., на середину 2025 г. не было создано новых формирований: так, сухопутные войска не получили ни одной новой бригады, тем более дивизии. При этом ФРГ декларировала весьма объёмные обязательства по комплектованию сил передового развёртывания и в целом в условиях перехода к новой модели сил НАТО (*New NATO Force Model*, *NNFM*).

NNFM предполагала передачу в подчинение Альянса больших масс войск общей численностью свыше 800 тыс. человек личного состава; почти всех их выделяли европейские страны — участницы, то есть вклад США в плане предоставления контингентов был минимальным (Biscop, 2022), но оставался решающим в управлении данными войсками. Силы в рамках *NNFM* разделялись на три категории. Первая (заметно более 100 тыс. военнослужащих) и вторая (как минимум 200 тыс. человек личного состава) должны были достигать полной боевой готовности в срок до 10 и 30 суток соответственно; к первой категории эксперты относили формирования СПР на угрожаемом направлении (Deni, 2024). ФРГ раньше других государств-членов НАТО детализировала свой вклад в комплектование двух первых компонент *NNFM*, который оказался весьма крупным. Это почти 35 тыс.

[36] Построено автором на основе: Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2024). Brussels: NATO, 2024. P. 13.
[37] На 2023 и 2024 гг. данные предварительные.

военнослужащих, свыше 200 самолётов и кораблей с 2025 г.[38], притом из числа наиболее боеспособных сил бундесвера. В целом войска *NNFM*, особенно силы союзнического реагирования (созданы с 1 июля 2024 г. на базе сил быстрого реагирования, *NRF*), могли выдвинуться на любое угрожаемое направление, в том числе на Скандинавском п-ове. Так, на демонстрацию этого были нацелены учения *Trident Juncture 18* (октябрь 2018 г.), особенно использование бундесвера в составе группировки *NRF* (Трунов, 2024с). Вместе с тем к середине 2020-х гг. на практике безусловный приоритет при использовании *NNFM*, особенно двух её наиболее боеспособных первых категорий, отдавался именно восточноевропейской части зоны ответственности НАТО (от стран Балтии до Румынии), а североевропейской поддержка должна была оказываться скорее по остаточному принципу. Эта схема использования контингентов в передовой части зоны ответственности НАТО во многом относилась к ФРГ, особенно к её силам общего назначения. Из числа государств — партнёров наибольшее внимание в плане увеличения военного присутствия Берлин уделял Литве, позиционируя это как инвестиции в безопасность и оборону одновременно стран Восточной и Северной Европы (стратегической поддержки последних с юга) (См.: (Трунов, 2024а)).

Так, в деле развёртывания новых соединений важнейший приоритет для бундесвера — должная завершиться в 2027 г. реорганизация БТГ СПР в Литве в 45-ю танковую бригаду бундесвера (4,8 тыс. военнослужащих[39]). *С одной стороны*, с высокой долей вероятности уже в её составе останутся норвежские подразделения как компонента имеющейся многонациональной БТГ с 2017 г. (на июнь 2022 г. контингент королевских войск насчитывал почти 190 солдат и офицеров[40], то есть усиленную роту). В январе 2025 г. Швеция направила около 600 военнослужащих (танковый батальон)[41] в состав многонациональной боевой группы СПР НАТО в Латвии (ведущий комплектатор — Канада). Соответственно, постепенно растущее формирование бундесвера в Литве будет тактически взаимодействовать с контингентами Норвегии, а также Швеции.

С другой стороны, как минимум на 2025 г. ФРГ не обозначила планов стать одним из комплектаторов боевой группы СПР в финляндской Лапландии. Данное формирование будет развёрнуто с 2026 г. к югу от граничащей с РФ норвежской губернией Финнмарк, тесно сотрудничать с расположенными здесь войсками и тем прикрывать с востока базы в Финнмарке, Тромсе и Нурланне. Именно эти объекты наиболее ценны как опорные точки

[38] NATO als Grundlage für gemeinsame Sicherheit. Bundeskanzleramt. 4.11.2024. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/scholz-empfaengt-rutte-2318720 (дата обращения: 10.06.2024).

[39] The Bundeswehr in Lithuania: Major steps towards the German manoeuvre brigade. BMVg. 2025. URL: https://www.bundeswehr.de/en/news/bundeswehr-lithuania (дата обращения: 10.06.2024).

[40] NATO's Forward Presence // NATO. June 2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/2206-factsheet_efp_en.pdf (дата обращения: 10.06.2024).

[41] Sweden Deploys Mechanized Battalion in Latvia Near Russian Border in Historic First for NATO. 20.01.2025. URL: https://armyrecognition.com/news/army-news/2025/sweden-deploys-mechanized-battalion-in-latvia-near-russian-border-in-historic-first-for-nato (дата обращения: 10.06.2024).

для многостороннего стратегического присутствия стран-участниц НАТО в Арктике к северу от Скандинавского п-ова. Планируется, что ведущую нагрузку в функционировании боевой группы СПР в Лапландии (кадрированная бригада, способная оперативно развернуться в полноценное соединение) будет нести Швеция, а помогать ей станет Норвегия (не исключено также участие англосаксонских держав)[42]. Учитывая, что данное формирование весьма важно для реализации многосторонних планов европейских стран — участниц НАТО в Арктике, в том числе самой ФРГ, её отсутствие в списке комплектаторов показательно. Оно обусловлено нехваткой личного состава, особенно в сухопутных войсках, с учётом уже принятых обязательств.

Вместе с тем Германия преодолевала эту принципиальную трудность на большинстве ценных для неё направлений дву- и многостороннего сотрудничества вооружённых сил с Норвегией, Швецией и Финляндией.

При взаимодействии с ними, особенно с двумя вновь вступившими в НАТО, в акватории Балтийского моря Германия в середине 2020-х гг. основную нагрузку стала возлагать не на фрегаты (самые крупные корабли в составе ВМС ФРГ, предназначенные для обеспечения присутствия на дальних рубежах, особенно в океанской зоне), а на корветы (меньшие по размерам; они использовались прежде всего в прибрежных морских акваториях). Показателен в этой связи корабельный состав германской компоненты на военно-морских манёврах *BALTOPS*, которые ежегодно, обычно в июне, проходили в Балтийском море (табл. 2). На данных учениях, особенно с 2022 г., фактически шла отработка различных мер по превращению балтийской акватории во «внутреннее озеро» Североатлантического альянса. Происходило оперативное слаживание крупного многонационального объединения ВМС на основе двух оперативных групп НАТО — 1-й постоянной[43] морской (*Standing NATO Maritime Group* 1, *SNMG* 1) и 1-й постоянной контрминной (*Standing NATO Mine Countermeasures Group* 1, *SNMCMG* 1).

Таблица 2

Ряд характеристик учений BALTOPS (2021–2025 гг.)

Год / задействуемые силы	Количество кораблей и судов	Численность личного состава (чел.)	Число стран — участниц НАТО	Корабельный вклад ФРГ
2021 г.[44]	свыше 40	4 тыс.	16	фрегат, корвет
2022 г.[45]	свыше 45	7 тыс.	16	фрегат, корвет

[42] Sweden Announces Ambition to Lead NATO Force in Finland. High North News. 17.09.2024. URL: https://www.highnorthnews.com/en/sweden-announces-ambition-lead-nato-force-finland (дата обращения: 10.06.2024).

[43] Эпитет «постоянный» означает факт наличия, а не состав: он обновлялся на ротационной основе каждые пол-года.

[44] BALTOPS 2021 hat begonnen. BMVg. 07.06.2021. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/baltops-2021-begonnen-5091832 (дата обращения: 10.06.2024).

[45] BALTOPS 2022: US und NATO-Großübung in der Ostsee. BMVg. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/baltops-2022-us-nato-grossuebung-ostsee-5441864 (дата обращения: 10.06.2024).

2023 г.[46]	свыше 50	6 тыс.	19	фрегат
2024 г.[47]	свыше 50	9 тыс.	20	2 корвета
2025 г.[48]	свыше 50	9 тыс.	17	2 корвета

Германия принимала в этих манёврах активное участие, выделяла помимо кораблей (обычно два вымпела) катера, самолёты морской авиации, иногда — подразделения морской пехоты. В 2023 г. на борту фрегата ФРГ присутствовал канцлер, причём данный корабль в тот момент был флагманом для *SNMG* 1. Учения неоднократно завершались в германских портах (например, в 2023 г. в Киле), а в 2025 г. впервые начались сбором сводного объединения кораблей в Ростоке.

Корветы стали основным классом надводных кораблей, которые Германия задействовала в середине 2020-х гг. под флагом НАТО в Балтийском море не только в ходе учений *BALTOPS*, но и в составе *SNMG* 1 и *SNMCMG* 1. Такое решение следует признать рациональным: оно позволяло ФРГ задействовать фрегаты как корабли дальней зоны в океанах, в том числе в морях СЛО, прежде всего в Норвежском; здесь же активно использовались подводные лодки (ПЛ) ФРГ. Вместе с тем конкретно в 2023–2024 гг. интенсивность использования фрегатов к западу и северу от Норвегии временно снизилась. Здесь ограничителем выступало растущее по объёмам использование фрегатов в акваториях, омывающих Ближний Восток, а также обширного Индо-Тихоокеанского региона (Трунов, 2024d).

Данная трудность также лимитировала использование подразделений морской пехоты из единственного профильного батальона и парашютистов из также единственной в бундесвере воздушно-десантной бригады (1 *вдбр*) на севере Норвегии (См.: (Трунов, 2024d)). Вместе с тем здесь главную нагрузку от бундесвера несли горные стрелки из 23 *гпбр*, для которых на середину 2020-х гг. задействование в военно-тренировочной деятельности в губерниях Тромс и Финнмарк являлось основным заграничным. Основной упор при применении 23 *гпбр* делался на участии в учениях *Cold Response*, которые с 2024 г. стали именоваться *Nordic Response,* с проведением в северных владениях уже не только Норвегии, но также Швеции и Финляндии. Манёвры *Cold Response* / *Nordic Response* проходили раз в два года по чётным датам (2020, 2022, 2024 гг.). При этом в организуемые обычно в нечётные даты учениях *Viking* бундесвер был вовлечён скорее точечно [49]. Их масштаб и стратегическая

[46] BALTOPS 23: Fazit und wichtigste Teilübungen. BMVg. 20.06.2023. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/baltops-23-fazit-5639390 (дата обращения: 10.06.2024).

[47] Unter Nachbarn: Deutsche Korvetten üben in der Ostsee. BMVg. 27.06.2024. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/baltops-2024-deutsche-korvetten-ostsee-5809050 (дата обращения: 10.06.2024).

[48] Präsenz zeigen und abschrecken — das Marinemanöver BALTOPS hat begonnen. BMVg. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/start-marinemanoever-baltops-5952850 (дата обращения: 10.06.2024).

[49] Joint Viking 2025: 10,000 Soldiers From 9 Nations Exercise Defending Northern Norway. High North News. URL: https://www.highnorthnews.com/en/joint-viking-2025-10000-soldiers-9-nations-exercise-defending-northern-norway (дата обращения: 10.06.2024).

ценность были меньшими, чем в случае *Cold Response* / *Nordic Response*. Тот факт, что ФРГ направляла контингенты (обычно от 150 до 400 военнослужащих) (Трунов, 2025) на север Норвегии раз в два года, а не ежегодно, вновь отражал ограниченность её возможностей. Тем не менее, в 2020–2024 гг. подразделения от всех войсковых батальонов 23 *гпбр* накопили опыт применения в приарктической части Скандинавских гор. В 2022 г. Германия и Норвегия на севере последней отработали развёртывание межвидовой (с участием сухопутных войск, ВВС и ВМС, сил поддержки) тактической группы численностью 1,2 тыс. человек личного состава[50].

В Финляндии в середине 2020-х гг. Германия использовала в ходе многосторонних учений наземные комплексы ПВО[51] и истребительную авиацию. Так, в 2023 г. 31-я воздушная эскадра люфтваффе вновь выделила 10 самолётов Eurofighter для участия в манёврах *Arctic Challenge*[52].

В целом на территориях трёх североевропейских стран и прилежащих к ним акваториях ФРГ в середине 2020-х гг. стремилась рационально использовать ряд компонентов сил общего назначения (прежде всего, корветы на Балтийском море, ПЛ в Норвежском), а в основном — контингенты от сил кризисного реагирования (СКР). Последние, в отличие от СОН, должны были действовать на большом удалении от ФРГ, автономно и обычно небольшими отрядами (до нескольких сотен человек). В основном СКР не были задействованы в составе *NNFM*, то есть оставались только в национальном подчинении Германии. В Северной Европе это проявлялось в использовании наземных подразделений 23 *гпбр*, истребителей 31-й воздушной эскадры, кораблей из 2-й и 4-й фрегатных эскадр. Географически они использовались прежде всего на севере Норвегии и Финляндии, в Норвежском море, то есть выполняли функции военных составляющих стратегического проникновения Германии в Арктику.

На ближнесрочную и особенно на среднесрочную перспективу следует ожидать увеличения объёмов использования сил указанных формирований армии, ВВС и ВМС. Географически зона использования последних с высокой долей вероятности расширится на Баренцево море. Функционально следует также ожидать резкого углубления сотрудничества ВС Германии и Норвегии по линии подводных флотов. Предпосылки для этого созданы решением Королевства закупить 4 субмарины производства ФРГ типа *212CD* (начало поставок планируется в 2029 г., завершение — в 2035 г.). С 2032 г. перспективные подлодки

[50] Rede von Bundeskanzler Scholz anlässlich der Berlin Security Conference. 30.11.2022. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundeskanzler-olaf-scholz-2149916 (дата обращения: 10.06.2024).

[51] Binationale Luftverteidigungsübung bei NATONorth Atlantic Treaty Organization-Mitglied Finnland. BMVg. 24.05.2024. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/aktuelles/binationale-luftverteidigungsuebung-nato-mitglied-finnland-5785650 (дата обращения: 10.06.2024).

[52] Arctic Challenge Exercise 2023 — Im Norden wird gemeinsam trainiert. BMVg. 31.05.2023. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/aktuelles/arctic-challenge-exercise-2023-im-norden-wird-trainiert-5630136 (дата обращения: 10.06.2024).

этого типа должны поступать на вооружение бундесвера, то есть произойдёт унификация парков ПЛ двух стран. Это позволяет им в будущем задуматься о создании совместной группы подводных лодок для развёртывания её в Норвежском или, более вероятно, Баренцевом море (Трунов, 2025).

Развитию сотрудничества, в том числе военно-технического, способствует заметное увеличение профильных бюджетов (табл. 3). По предварительным данным за 2024 г., ежегодные военные расходы Германии приблизились к отметке в 100 млрд долл.; по этому показателю Берлин вышел на второе место после Белого дома, став опережать Лондон. В свою очередь, Норвегия и Швеция каждая оценочно преодолели показатель в 10 млрд долл. в 2024 г.

Таблица 3

Военные расходы ФРГ и ряда североевропейских стран (млн долларов)[53]

Страна / год	2019	2020	2021	2022	2023[54]	2024
Германия	52 549	58 652	62 054	61 405	73 138	97 686
Норвегия	7 536	7 228	8 438	8 694	8 799	10 606
Финляндия	3 900	4 156	4 145	4 726	6 266	7 308
Швеция	5 560	5 984	9 071	8 562	9 848	13 428

Заключение

Внешняя политика ФРГ в отношении трёх рассмотренных государств Северной Европы в основе отвечает логике неореализма (структурного реализма): при распространении или расширении стратегического влияния и присутствия последовательно демонстрировать учёт обеспокоенностей и интересов истеблишмента партнёров. Так, взглядам официальных Хельсинки и Стокгольма соответствовала постепенно возникавшая фактическая, а с 2022 г. и формальная поддержка Германией вступления Швеции и Финляндии в НАТО. Используя этот успех, Берлин в 2023–2025 гг. попытался резко увеличить содержание сотрудничества со Швецией, а с Финляндией выйти на качественно новый уровень доверия. Ради достижения данных задач ФРГ посчитала возможным временно сократить интенсивность контактов с Норвегией, оценивая отношения с ней как продвинутые, учитывая отлаженность схем межгосударственной кооперации в рамках НАТО.

Важнейшей переговорной площадкой в системе контактов с североевропейскими партнёрами для ФРГ в середине 2020-х гг. стал формат *N5+1*. Само его название, а также содержание переговорной повестки свидетельствовали о наличии заметной поддержки германских планов по увеличению стратегического влияния и присутствия в различных частях региона.

На перспективу ориентированность ФРГ в регионе останется бинарной, сфокусированной на сотрудничестве одновременно с двумя ключевыми партнёрами —

[53] Построено автором на основе: Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2024). Brussels: NATO, 2024. P. 9.
[54] На 2023 и 2024 гг. данные предварительные.

Стокгольмом и Осло; кооперация с Финляндией будет иметь заметно меньший объём.

Сотрудничество со Швецией, которую в Берлине де-факто рассматривают как восходящее государство-лидера в Северной Европе, ценно для ФРГ в следующих отношениях. Это реализация совместных усилий с целью превращения Балтийского моря во «внутреннее озеро» НАТО и использование шведских военных на севере Финляндии, чтобы прикрыть войсками с суши систему баз на севере Норвегии (в Финнмарке и Тромсе), с которых ведётся стратегическое проникновение в Арктику. Германия и Швеция будут стремиться обеспечить оперативную совместимость бригады бундесвера в Литве, шведских контингентов в Латвии и Финляндии (как составляющих единой цепи наземных формирований СПР Альянса), контингентов ВМС в составе постоянных групп (*SNMG* 1, *SNMCMG* 1), специальных миссий (прежде всего, *Baltic Sentry*) в Балтийском море. Германо-шведская кооперация будет заметной, учитывая, что каждая из сторон должна иметь к концу 2020-х гг. в перечисленных передовых странах — участницах НАТО и на Балтике порядка 5–7 тыс. военнослужащих.

Однако сотрудничество с Норвегией для ФРГ является ещё более ценным, позволяя создать расширяющееся к северу (в сторону Баренцева моря) стратегическое присутствие бундесвера в СЛО. На особую важность этой задачи указывает сам факт публикации и содержание трёх арктических стратегий Германии (2013 г.; 2019 г.; 2024 г.).

В целом контингенты бундесвера, используемые на арктическом направлении (особенно) и в зоне Балтийского моря (в меньшей мере), заметно усиливают потенциал вооружённых сил Норвегии, Швеции и Финляндии. Здесь следует также учитывать, что ценность (и сложность) использования одного и того же формирования на Крайнем Севере намного выше, чем в любом другом регионе с более мягкими природно-климатическими условиями. Кроме того, мощь интегрированного потенциала больше, чем совокупность возможностей его отдельно взятых элементов. Например, в плане фрегатов, ПЛ, горных стрелков и компонентов поддержки бундесвер существенно увеличивает возможности норвежских войск на севере страны, в Норвежском и Баренцевом морях.

Используя бундесвер географически широко и в различных формах в кооперации с Норвегией, Швецией и Финляндией, ФРГ тем самым задаёт рамочные условия для заметного роста торгово-хозяйственной активности в Арктике. Последняя цель для Берлина неизменно имеет особую приоритетность, исходя из арктических стратегий (2013 г.; 2019 г.; 2024 г.). Не менее важно другое: свою военную активность Германия представляет как на практике ценное дополнение к ресурсам двух стран Скандинавского п-ова (прежде всего) и Финляндии, которое должно повысить эффективность «сдерживания» России в Арктике и в зоне Балтийского моря, помогая выигрывать «гонку потенциалов» с РФ на обоих данных направлениях.

Поэтому фактор растущего по объёмам и формам использования бундесвера в Скандинавии и Балтийском регионе требует учёта в организационно-штатной структуре

Ленинградского военного округа, Северного и Балтийского флотов России. При этом соответствующие изменения их ОШС не обязательно должны быть симметричными, они могут быть и асимметричными, связанными с технико-технологическими возможностями высокоточных вооружений. Только при таком варианте возможна реальная безопасность в исследуемых регионах, особенно в Арктике, где наступательную активность проявляет Германия, неарктическое государство.

Список источников

Арзаманова Т.В. Китайская головоломка в контексте «смены эпох» (Zeitenwende) // Актуальные проблемы Европы. 2024; 4: 240–259. https://doi.org/10.31249/ape/2024.04.13

Белинский А.В. Гипотеза Пуанкаре на «великой шахматной доске»: сможет ли ЕС стать полюсом силы в XXI столетии? // Актуальные проблемы Европы. 2024; 1: 131–151. https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.07

Конышев В.Н., Сергунин А.А. О новой военной стратегии США в Арктике // Арктика и Север. 2024; 57: 226–243. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.226

Смирнов П.Е. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО: геополитические последствия для позиционирования России в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2023; 15 (4): 42–61. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-3

Трунов Ф.О. Германо-норвежские отношения во второй половине 2010-х гг.: политические и военные аспекты // ЭНОЖ «История». 2023; 14 (8). https://doi.org/10.18254/S207987840027794-2

Трунов Ф.О. Особенности и перспективы стратегического проникновения НАТО в Арктику: норвежское направление // Арктика и Север. 2024; 54: 117–139. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.117

Трунов Ф.О. Особенности и результаты диалога ФРГ и стран Северной Европы в общеполитической и военной сферах в 2010-е гг. // ЭНОЖ «История». 2021; 12 (11). https://doi.org/10.18254/S207987840017776-2

Трунов Ф.О. Особенности сотрудничества Германии и Литвы в конце 2010-х — начале 2020-х годов: военные и политические аспекты // Балтийский регион. 2024; 16 (1): 61–80. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-4

Трунов Ф.О. Особенности сотрудничества Германии и Норвегии в военно-политической сфере (конец 2010-х — первая половина 2020-х гг.) // Арктика и Север. 2025; 58: 136–158. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.58.136

Трунов Ф.О. Подход ФРГ к противостоянию США — КНР к середине 2020-х гг.: политические и военные аспекты // Актуальные проблемы Европы. 2024; 4: 223–239. https://doi.org/10.31249/ape/2024.04.12

Трунов Ф.О. Россия как объединительное начало для Глобального Востока и Глобального Севера: препятствия и возможности // Международная жизнь. 2024; 8: 8–19.

Трунов Ф.О. Эволюция поставок Германией вооружений и военной техники официальному Киеву (февраль 2022 г. — август 2023 г.) // Постсоветские исследования. 2023; 6: 98–107.

Чеков А.Д., Воротников В.В., Чечевишников А.Л., Якутова У.В. Последствия вступления Финляндии и Швеции в НАТО для национальной безопасности России // Мировая экономика и международные отношения. 2023; 67 (10): 19–29. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29

Biscop S. The New Force Model: NATO’s European Army? // Egmont Policy Brief. 2022; 285. 6 p.

Deni J.R. The new NATO Force Model: ready for launch? // NATO Defence College Outlook. 2024; 4. 7 p.

Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel. Berlin: German Institute for International and Security Affairs SWP. 2018; 52 p.

Glatz R., Zapfe M. Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO — die Fähigkeitsplanung der Bundeswehr und das «Framework Nations Concept» // SWP-Aktuell. 2017; 62. 8 S.

Paul M. Die arktische Sicherheitspolitik der USA: Amerikanische Arktisstrategien, russische Hybris und

chinesische Ambitionen // SWP-Aktuell. 2023; 26. 8 S. https://doi.org/10.18449/2023A26
Schaller C. Waffenlieferungen an die Ukraine: «Fahren auf Sicht» — auch was das Völkerrecht angeht // SWP-Aktuell. 2023; 9. 5 S. https://doi.org/10.18449/2023A09
Waltz K. Theory of International Politics. Reading, Menlo Park: Addison-Wesley Publishing Company. 1979; 250 p.

References

Arzamanova T.V. Chinese Conundrum in the Context of “Change of Eras” (Zeitenwende). *Current Problems of Europe*. 2024; 4: 240–259. https://doi.org/10.31249/ape/2024.04.13
Belinsky A.V. The Poincaré Equation on “The Grand Chessboard”: Can the EU Become a Pole of Power in the 21st Century? *Current Problems of Europe*. 2024; 1: 131–151. https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.07
Biscop S. The New Force Model: NATO’s European Army? *Egmont Policy Brief*. 2022; 285.
Chekov A.D., Vorotnikov V.V., Chechevishnikov A.L., Yakutova U.V. Finland and Sweden Joining NATO: Consequences for Russia's National Security. *World Economy and International Relations*. 2023; 67(10): 19–29. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29
Deni J.R. The New NATO Force Model: Ready for Launch? *NATO Defence College Outlook*. 2024; 4.
Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel*. Berlin, German Institute for International and Security Affairs SWP; 2018. 52 p.
Glatz R., Zapfe M. Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO — die Fähigkeitsplanung der Bundeswehr und das “Framework Nations Concept”. *SWP-Aktuell*. 2017; 62.
Konyshev V.N., Sergunin A.A. On the New US Military Strategy in the Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 57: 226–243. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.226
Paul M. Die arktische Sicherheitspolitik der USA: Amerikanische Arktisstrategien, russische Hybris und chinesische Ambitionen. *SWP-Aktuell*. 2023; 26. https://doi.org/10.18449/2023A26
Schaller C. Waffenlieferungen an die Ukraine: “Fahren auf Sicht” — auch was das Völkerrecht angeht. *SWP-Aktuell*. 2023; 9. https://doi.org/10.18449/2023A09
Smirnov P.E. The Accession of Finland and Sweden to NATO: Geopolitical implications for Russia’s position in the Baltic Sea region. *Baltic Region*. 2023; 15(4): 42–61. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-3
Trunov F.O. Russia as a Unifying Principle for the Global East and the Global North: Obstacles and Opportunities. *International Affairs*. 2024; 8: 8–19.
Trunov F.O. The Evolution of Germany's Supply of Armaments to Official Kiew (February, 2022 – August, 2023). *Post-Soviet Studies*. 2023; 6: 98–107.
Trunov P.O. Features and Perspectives of NATO’s Strategic Penetration into the Arctic: The Norwegian Dimension. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 54: 117–139. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.117
Trunov Ph.O. FRG’s Approach to the US-China Rivalry by the Mid-2020s: Political and Military Aspects. *Current Problems of Europe*. 2024; 4: 223–239. https://doi.org/10.31249/ape/2024.04.12
Trunov Ph.O. German-Norwegian Relations in the Second Half of 2010s: Political and Military Aspects. *Istoriya*. 2023; 14(8). https://doi.org/10.18254/S207987840027794-2
Trunov Ph.O. Military and Political Cooperation between Germany and Lithuania in the Late 2010s to Early 2020s. *Baltic Region*. 2024; 16 (1): 61–80. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-4
Trunov Ph.O. Peculiarities of German-Norwegian Cooperation in the Military-Political Sphere (Late 2010s — First Half of 2020s). *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2025; 58: 136–158. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.58.136
Trunov Ph.O. The Features and Results of the Dialogue between Germany and the Nordic Countries in the Political and Military Spheres in the 2010s. *Istoriya*. 2021; 12 (11). https://doi.org/10.18254/S207987840017776-2
Waltz K. *Theory of International Politics*. Reading, Menlo Park, Addison-Wesley Publishing Company; 1979. 250 p.

Статья поступила в редакцию 11.06.2025; принята к публикации 30.06.2025
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ
NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 251–274.
Научная статья
УДК [342+332.1](985)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.251

Федеральная и региональные стратегии и программы развития Арктической зоны Российской Федерации в контексте защиты прав на традиционную хозяйственную деятельность аборигенов Севера: актуализация на начало 2026 г.

Задорин Максим Юрьевич [1]✉, кандидат юридических наук, доцент
Зайков Константин Сергеевич [2], доктор исторических наук, доцент

[1, 2] Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия
[1] m.y.zadorin@yandex.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2080-6752
[2] k.zaikov@narfu.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6479-416X

Аннотация. Статья посвящена системному анализу рамочных документов по стратегическому планированию в сфере защиты конституционных гарантий прав коренных малочисленных народов Севера на традиционную хозяйственную деятельность. На федеральном уровне дана оценка Арктической стратегии 2035 и Программе социально-экономического развития АЗРФ, которые корреспондируют Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера 2036. На уровне регионов были рассмотрены стратегические и программные документы девяти арктических субъектов. На основании проведённой оценки были сделаны следующие выводы: 1. На федеральном уровне поддержка коренных малочисленных народов фокусируется на следующих вопросах: социальные, медицинские и строительные услуги для лиц из числа коренного населения, а также поддержка традиционной хозяйственной деятельности через государственные программы. Особое внимание уделяется обеспечению мобильными источниками электроснабжения. 2. На региональном уровне основной фокус, прямо или косвенно связанный с традиционной хозяйственной деятельностью, приходится на следующие приоритетные направления: Мурманская область: оленеводческая продукция класса премиум; Республика Карелия: этнографический туризм (вепсы); Архангельская область: этнографический туризм («Северная деревня»); НАО: традиционная хозяйственная деятельность (ненцы) — всесторонняя поддержка; Республика Коми: оленеводство (городской округ Воркута); ХМАО: оленеводство и традиционные промыслы коренных малочисленных народов включаются в единый агропромышленный комплекс; ЯНАО: традиционная хозяйственная деятельность КМНС как вклад в «неэнергетический экспорт», оленеводство и рыболовство в системе агропромышленного комплекса; Красноярский край: оленеводство, возведение «этнодеревень» в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной

* © Задорин М.Ю., Зайков К.С., 2026
Для цитирования: Задорин М.Ю., Зайков К.С. Федеральная и региональные стратегии и программы развития Арктической зоны Российской Федерации в контексте защиты прав на традиционную хозяйственную деятельность аборигенов Севера: актуализация на начало 2026 г. // Арктика и Север. 2026; 64: 251–274. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.251
For citation: Zadorin M.Yu., Zaikov K.S. Federal and Regional Development Strategies and Programs of the Russian Arctic in the Context of Protecting the Rights of Indigenous Peoples of the North to Their Traditional Economic Activities: Update for the Beginning of 2026. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 251–274. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.251
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

деятельности коренных малочисленных народов; Республика Саха (Якутия): всесторонняя поддержка КМНС, северных якутов и русских арктических старожилов, всесторонняя поддержка традиционной хозяйственной деятельности, в том числе через проекты и гранты, включая «Молодой оленевод», «Арктические инновационные биотехнологии» и т. д.; ЧАО: оленеводство и морской зверобойный промысел.
Ключевые слова: *Российская Арктика, АЗРФ, коренные малочисленные народы, традиционная хозяйственная деятельность, Федерация, регионы, стратегии развития*

Благодарности и финансирование

Статья выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания № FSRU-2023-004.

Federal and Regional Development Strategies and Programs of the Russian Arctic in the Context of Protecting the Rights of Indigenous Peoples of the North to Their Traditional Economic Activities: Update for the Beginning of 2026

Maksim Yu. Zadorin [1]✉, Cand. Sci. (Law), Associate Professor
Konstantin S. Zaikov [2], Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor

[1, 2] Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia
[1] m.y.zadorin@yandex.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2080-6752
[2] k.zaikov@narfu.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6479-416X

Abstract. The article is devoted to a systematic analysis of policy documents in the field of strategic planning at the federal and regional levels concerning the protection of constitutional guarantees of the rights of Indigenous Minorities of the North (IMN) to engage in traditional economic activities. At the federal level, the study evaluates the Arctic Strategy 2035 and the Program for Socio-Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF). These documents are consistent with the Concept for Sustainable Development of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North until 2036. At the regional level, strategic and program documents of nine Arctic constituent entities were examined. Based on this assessment, the following conclusions were drawn: 1. At the federal level, support for Indigenous Minorities focuses on the following areas: social, healthcare and construction services for members of indigenous communities; support for traditional economic activities through state programs; special emphasis on the provision of mobile power supplies. 2. At the regional level, the main priorities, directly or indirectly related to traditional economic activities, are as follows: Murmansk Oblast: premium-quality reindeer products; Republic of Karelia: ethnographic tourism (Vepsian community); Arkhangelsk Oblast: ethnographic tourism focused on northern rural heritage (“Northern Village”); Nenets Autonomous Okrug (NAO): comprehensive support for traditional economic activities of the Nenets people; Republic of Komi: reindeer herding in the Vorkuta Urban District; Khanty-Mansi Autonomous Okrug (KhMAO): integration of reindeer herding and traditional crafts of IMN into a unified agro-industrial complex; Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (YaNAO): promotion of IMN traditional economic activities as a contribution to non-energy exports; development of reindeer herding and fishing within the agro-industrial complex; Krasnoyarsk Krai: reindeer herding and construction of “ethno-villages” in areas of traditional residence and economic activity of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North; Republic of Sakha (Yakutia): comprehensive support for IMN, Northern Yakuts, and Russian Arctic old-timers; promotion of traditional economic activities, including through projects and grants such as “Young Reindeer Herder” and “Arctic Innovative Biotechnologies”; Chukotka Autonomous Okrug (ChAO): reindeer herding and marine mammal hunting.
Keywords: *Russian Arctic, AZRF, indigenous small-numbered peoples, traditional economic activities, Federation, regions, development strategies*

Введение

Стратегическое планирование играет важнейшую роль в формировании прогнозных сценариев развития государства, стабилизируя внутриполитическую и законодательную систему и предотвращая неоправданные риски в сфере управленческих решений, которые могут приводить к разбалансировке общественных отношений. Согласно части 3 статьи 80 Конституции Российской Федерации, руководящая роль в стратегическом планировании принадлежит главе государства, определяющей ключевые направления внешней и внутренней политики страны. «Вертикализация» государственного управления является естественным условием эффективного функционирования государственных и муниципальных институтов власти в рамках исторически сложившейся «централизованной федерации». Именно поэтому в Арктической зоне Российской Федерации (далее — АЗРФ) аналогичным образом соблюдён иерархический порядок принятия решений с широкой автономией девяти арктических регионов, но в рамках установленных федеральных стандартов. Данный принцип наиболее чётко отражён в части 1 статьи 1 Федерального закона № 414-ФЗ «О региональных органах публичной власти»[1] в следующей формуле: «Органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». В этом плане АЗРФ является особенным «макрорегионом», так как часть 4 статьи 60 вышеупомянутого закона устанавливает, что особенности осуществления отдельных полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации в АЗРФ устанавливаются федеральным законом. В настоящее время таким законом является Федеральный закон № 193-ФЗ «О государственной поддержке арктического бизнеса»[2]. В соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 2 Федерального закона № 193-ФЗ определён уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере развития АЗРФ. При этом часть 2 статьи 35 Федерального закона № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития»[3] устанавливает, что в отношении территорий опережающего развития, расположенных на территориях Дальневосточного федерального округа и АЗРФ, уполномоченным федеральным органом является Минвостокразвития и Арктики.

[1] Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изменениями на 28 декабря 2025 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/727632736 (дата обращения: 19.02.2026).
[2] Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». URL: https://docs.cntd.ru/document/565285996 (дата обращения: 19.02.2026).
[3] Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (с изменениями на 31 июля 2025 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/420243009 (дата обращения: 19.02.2026).

Именно поэтому так важно сформировать комплексное представление о том, в каком направлении работают федеральные и региональные стратегии и программы развития одного из самых важных стратегических регионов страны. При этом особое внимание следует уделить применению стратегического планирования и программного развития в отношении наиболее уязвимой и в то же время уникальной части населения данного региона — коренных малочисленных народов, присутствие которых обеспечивает не только пространственно-территориальный фактор утверждения российской государственности в Арктике, но и формирует уникальный арктический этнокультурный код.

Материалы и методы

Прежде всего, необходимо отметить, что вопросы стратегического планирования в Арктике прямо или косвенно отражены в научных публикациях следующих авторов по соответствующим темам исследований: научное планирование и агрегация общественных интересов для модернизации механизмов государственного управления в Арктике (Морозов, Кондраль, 2014), роль арктических регионов в реализации новой Арктической стратегии России (Подоплекин, Бестужева, 2014), реализация проекта «Белкомур» для активного позиционирования Архангельской области в реализации Арктической политики России (Журавлев, 2012), продвижение языкового многообразия в Арктике наравне с балансом между интеграционными процессами и сохранением этнокультурной идентичности локальных арктических сообществ (Соколова, 2017), схожесть моделей государственного управления приарктических государств, связанных с устойчивым развитием, балансом между экономической эксплуатацией ресурсов и экологической безопасностью, а также приоритет международной кооперации (Паникар, Шапаров, 2016), успех международной проектной деятельности на примере реализации проекта Kolarctic в Архангельской области (Кудряшова, Зарубина, 2018), арктическая идентичность как динамичный интегрирующий феномен, вбирающий в себя традиции коренных народов, опыт русских первопроходцев и современных социально-экономических процессов освоения Севера (Шачин, 2019), усиление информационной безопасности АЗРФ за счёт развития защищённых систем связи и навигации в СМП, совершенствования нормативно-правовой базы, а также учёта специфики арктического региона (Тамицкий, 2013), Арктическая стратегия России как система опорных координат, связанных с укреплением правовой позиции в контексте расширения континентального шельфа, развития инфраструктуры СМП и модернизации арктического флота, поддержки научных исследований и кооперации заинтересованных регионов (Залывский, 2013), интеграция канадского опыта развития СЗП в контексте развития СМП и укрепления национальных интересов России (Голдин, 2024), осмысление «Северо-Восточного текста» в связи с архетипическими основаниями русской идентичности и специфики отношения к Северу как к «священной периферии», играющей особую роль в духовной и геополитической истории

России (Теребихин, 2023), оценка роли гуманитарных связей для устойчивой основы долгосрочного партнёрства России и Норвегии в рамках проекта «БЕАР» (Тевлина, 2012), ретроспективный анализ системы организации арктических исследований в 1920-х гг. в СССР в контексте централизации, планирования и координации (Сабуров, 2016), выделение основных драйверов изменений в арктической геополитике: таяние льдов из-за климатических сдвигов, расширение доступа к ресурсам и транспортным маршрутам, усиление интереса азиатских стран к полярному региону, обострение конкуренции и контроль над стратегическими коридорами и энергоресурсами континентального шельфа (Паникар, 2023), сущность процесса «регионализации» в Северной Европе (Соколова, Труфанова, 2025), вопросы адаптации федеральных программ развития к региональной специфике как важнейший инструмент аккумулирования развития Российской Арктики (Голдин, 2024).

Основной фокус исследований сосредоточен на экономике и индустриальном развитии региона, что составляет львиную долю большинства статей. Вместе с тем правовые исследования также представлены в отечественной науке и сфокусированы на следующих направлениях: правовое регулирование развития Северного морского пути (Белбородова, 2024; Баттахов, 2025; Ланцов, 2025), защита прав коренных малочисленных народов Севера (Kryazhkov, 2025; Слепцов, 2024), сохранение культурного наследия Арктики (материального и нематериального) (Новикова, 2024; Дорофтей, 2024), особенности трудовых отношений в АЗРФ (Крылов, Зыкина, 2020; Зыкина, 2018), правовое регулирование климатической адаптации в регионах АЗРФ (Задорин, 2023; Задорин, Гладун, 2024), правовое обеспечение инвестиционной деятельности в Арктике (Баттахов, 2024; Баттахов, 2025).

В зарубежной, преимущественно англоязычной, литературе основное внимание в отношении Российской Арктики уделено главным образом микробиологическим, океанографическим и в целом экологическим исследованиям, а основные авторы — русскоязычные. Тем не менее в рамках мониторинга соответствующих академических источников можно назвать следующие актуальные работы, посвящённые: статистическому учёту территорий АЗРФ (Glinskiy, Serga, Zaykov, 2017), развитию арктической железнодорожной сети (Lagerev, Lagerev, 2021), арктической логистике в целом и грузоперевозкам в частности (Sergeev, Ilin, Fadeev, 2021; Vlasov, Kurganov, Bogumil et al., 2021), правовому регулированию развития СМП (Liu, Fan, Dang, Zhang, 2021; Gricius, 2026) и т.д. Непосредственно анализ стратегических и программных документов в области социально-экономического развития российского сектора Арктики в англоязычном сегменте наукометрических показателей не выявлен либо носит ситуационный характер в рамках упоминания в комплексных обзорах по релевантной проблематике.

Отслеживание отечественных публикаций, касающихся традиционных видов хозяйственной деятельности арктических аборигенов[4], свидетельствует о достаточно

[4] Слово «абориген» применительно к КМНС является устоявшимся в отечественной академической мысли и рассматривается как синоним слова «индиген» (либо «коренной»), используется в сборниках публикаций на

большой палитре тем, которые затрагивают как 13 официально признанных традиционных видов хозяйственной деятельности (Canosa, Biesbroek, Ford et al., 2023), начиная с оленеводства (Куделькин, 2022), так и вопросы, касающиеся фундаментальной правовой и управленческой задачи — порядка проведения «этнологической экспертизы» (Мартынов, 2020).

В зарубежном сегменте внимание уделено взаимоотношениям коренных общин и горнодобывающего сектора (Novoselov, Potravny, Novoselova et al., 2023), принципу «свободного, предварительного и информированного согласия» (Novoselov, Potravny, Novoselova et al., 2023) со стороны коренных малочисленных народов при реализации инфраструктурных энергетических проектов, правовому регулированию индигенного китобойного промысла (York, Zdor, BurnSilver et al., 2022) и др.

В рамках проведённого исследования были использованы формально-юридический метод познания, а также методы системного и политико-правового анализа. Таким образом, объектом данного исследования являются общественные отношения, связанные с правовым регулированием традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера в рамках государственного стратегического планирования и финансового обеспечения на уровне государственных программ развития (на уровне федерации и субъектов).

Результаты

Стратегический уровень федерального регулирования

На федеральном уровне ключевым нормативным правовым актом в сфере регулирования стратегических направлений развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности страны до 2035 года является Указ Президента России от 26.10.2020 № 645[5] (далее — Арктическая стратегия 2035; Стратегия).

Подпунктом «б» пункта 4 раздела I Арктической стратегии 2035 к числу особенностей «Русской Арктики», которые определяют специальные подходы к её социально-экономическому развитию и обеспечению национальной безопасности, отнесена в том числе высокая чувствительность арктической экосистемы к внешним воздействиям, особенно в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов России.

Именно поэтому к числу основных опасностей, вызовов и угроз, формирующих риски для развития Арктической зоны и обеспечения нацбезопасности, Стратегия относит и низкий уровень доступности качественных социальных услуг и благоустроенного жилья как раз в тех населённых пунктах, расположенных в отдалённых местностях, где коренные

уровне Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и не связано с масштабной дискриминационной политикой расизма со стороны австралийских властей в отношении коренного населения, что нашло отражение в публикациях на сайте ООН. См.: First Person: Aboriginal Australians suffer from ‘violent history’ and ongoing ‘institutional racism’. URL: https://news.un.org/en/story/2023/04/1135827 (дата обращения: 19.02.2026).

[5] Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 года № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (с изменениями на 27 февраля 2023 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/566091182 (дата обращения: 19.02.2026).

малочисленные народы традиционно осуществляют свою сложившуюся испокон веков хозяйственную деятельность (подпункт «г» пункта 7 раздела II).

Особое внимание в Стратегии уделено выполнению задач в сфере социального развития арктического пространства, и как минимум четыре подпункта пункта 11 данного документа фокусируют внимание на социальной поддержке коренных малочисленных народов: от медицинского обслуживания (оснащение медиков, первичная медико-санитарная помощь, логистика в труднодоступные места и стойбища оленеводов) и сохранения культурного наследия аборигенов (традиционная культура и индигенные языки) до господдержки жилищного строительства (деревянное домостроение в местах проживания коренных народов, объекты социальной и инженерной инфраструктуры) и инвестирования в инфраструктуру труднодоступных территорий (подпункты «б», «с», «ц», «ш» пункта 11 раздела III).

Господдержка традиционной хозяйственной деятельности коренных народов должна осуществляться в форме разработки и реализации государственных программ (подпункт «в» пункта 12 раздела III), а инфраструктурное развитие связано с обеспечением мобильными источниками энергоснабжения и средствами связи (подпункт «т» пункта 13 раздела III).

Стратегия не оставляет без внимания и международное сотрудничество в сфере «индигенной повестки», предусматривая содействие «укреплению связей» между коренными народами АЗРФ и проживающими за рубежом, в том числе путём проведения международных форумов (подпункт «и» пункта 16 раздела III).

Доступность качественных социальных услуг для лиц, относящихся к коренным народам, в том числе в контексте интенсификации их традиционной хозяйственной деятельности, предусмотрена на заключительном этапе реализации Стратегии с 2031 г. (подпункт «в» пункта 32 раздела V).

Общефедеральная программа развития

Любая стратегия предполагает развитие сопутствующих инструментов реализации её положений. Именно поэтому Правительством России в марте 2021 г. была утверждена госпрограмма социально-экономического развития АЗРФ[6].

Абзац 2 раздела 1 Госпрограммы устанавливает, что «национальные интересы», оценка обеспечения нацбезопасности, а также основные вызовы и угрозы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в Арктике определены в «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года», утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». Также в документе определены цели государственной политики Российской

[6] Постановление Правительства РФ от 30 марта 2021 г. № 484 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации”». URL: https://docs.cntd.ru/document/603154509 (дата обращения: 19.02.2026).

Федерации в Арктике, направленные в целом на повышение качества жизни населения Арктической зоны Российской Федерации, в том числе коренных малочисленных народов АЗРФ.

Абзац 24 раздела 1 Госпрограммы определяет, что для повышения уровня социально-экономического развития АЗРФ, повышения качества жизни и защищённости населения Минвостокразвития и Арктики совместно с экспертным сообществом, представителями федеральных, региональных и муниципальных органов исполнительной и законодательной власти разработана и утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2021 г. № 978-р Программа государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в АЗРФ.

Абзац 8 раздела 2 Госпрограммы закрепляет, что основным инструментом реализации Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности является комплексная государственная программа, которая обеспечивает реализацию этой стратегии по одному из следующих приоритетов государственной политики Российской Федерации в Арктике — содействие укреплению связей между малочисленными народами и коренными народами, проживающими на арктических территориях зарубежных государств, в рамках проведения соответствующих международных форумов по данной тематике.

Региональный уровень

Мурманская область

«Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года» (далее — Мурманская стратегия 2025)[7] содержит целый диапазон положений, связанных как с «этнонацом», так и с сугубо практическими вопросами реализации экономических инициатив на основе поддержки «традиционной экономики».

В частности, в разделе «Общие положения» Мурманской стратегии 2025 отмечается, что этнографический туризм является не только перспективным направлением увеличения турпотока, но и одним из важнейших средств сохранения самобытности коренных малочисленных народов Севера.

Раздел «Открывающиеся возможности» Мурманской стратегии 2025 прогнозирует возможность привлечения инвестиций в Мурманскую область на международные проекты в области охраны окружающей среды, а также на сохранение и развитие жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, что позитивно скажется и на развитии сервисной и туристической инфраструктуры в Мурманской области. Предполагается использование политических, институциональных и экономических «инструментов» в рамках деятельности «Арктического совета».

[7] Постановление от 25 декабря 2013 года № 768-ПП/20 «О Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года» (с изменениями на 6 июня 2024 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/465602093 (дата обращения: 19.02.2026).

Пункт 1.9 Мурманской стратегии 2025 устанавливает, что укрепление гражданского единства и гармонизация межнациональных отношений, содействие сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов России связано с таким приоритетом государственной политики, как «сохранение культурной самобытности и уникального уклада жизни коренных малочисленных народов Севера Мурманской области». Предполагается, что результатами решения данной задачи станут укрепление единства российской нации и развитие единого этнокультурного пространства как важного фактора устойчивого развития, снижение прямого и косвенного экономического ущерба от межнациональной и межконфессиональной напряжённости и конфликтов, улучшение этнокультурного и социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера Мурманской области.

Пункт 1.10 Мурманской стратегии 2025 концентрирует внимание исполнителей на аграрном факторе, отмечая, что обеспечение населения региона высококачественной сельскохозяйственной продукцией и продовольствием местного производства основано, в том числе, на таком государственном приоритете, как сохранение и развитие северного оленеводства, являющегося основой жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, включая стимулирование производства продукции класса премиум.

Пункт 3.8 Мурманской стратегии 2025, посвящённый развитию рыбохозяйственного комплекса региона, к приоритетам развития рыбохозяйственного комплекса относит совершенствование организации традиционного рыболовства коренных малочисленных народов Севера.

Пункт 3.9 Мурманской стратегии 2025 даёт представление о повышении роли туризма в экономическом и социокультурном развитии региона, относя обеспечение рационального природопользования и развитие экологически безопасных видов туризма в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера к числу приоритетов.

Примечательно, что саамы и кольские поморы упоминаются в связке как представители коренного населения региона. При этом важно отметить, что этнографическая группа кольских поморов не является официально признанным коренным малочисленным народом на федеральном уровне. Правовой статус этой этнографической группы схож с коми-ижемцами и связан с правом на создание национально-культурной автономии в рамках федерального законодательства о защите прав национальных (этнических) меньшинств.

Также важнейшими стратегическими приоритетами названы оленеводство и рыболовство, чему соответствует выделение в среднесрочной или долгосрочной перспективе из рыбохозяйственного кластера отдельного экспортно ориентированного продовольственного кластера с мощностями по производству, переработке и вывозу экологически чистой продукции. Отдельно отмечено, что данные приоритеты могут стать действенными точками роста региональной экономики и повлиять на появление новых

производств глубокой переработки биологической продукции и выпуска конкурентоспособной пищевой продукции (класса премиум, а также недорогой, но биологически полноценной), а также фармакологической продукции с высокой добавленной стоимостью, проведение технологических инноваций, развитие сопутствующей транспортно-логистической инфраструктуры (раздел: «Мурманская область — центр развития Арктической зоны Российской Федерации»)[8].

Отдельно хочется отметить инновационный кластер арктических технологий, связанный, в том числе, с такими перспективными направлениями, как создание арктического технопарка для технологий глубокой и безотходной переработки водных биоресурсов (включая недоиспользуемые и нетрадиционные виды гидробионтов, а также продукцию, получаемую вследствие развития марикультуры), морских генетических ресурсов (в том числе водорослей) и продукции традиционного оленеводства, ориентированного на выпуск товарной пищевой продукции, биоактивных веществ и добавок, ферментативных белковых гидролизатов, лечебно-профилактических средств и других товаров класса премиум (раздел: «Профиль Мурманской области»)[9].

К классу премиум относят продукцию оленеводства, обладающую следующими характеристиками: высококачественная (отборное сырьё, строгий контроль производства); премиальная по цене (выше среднерыночной за счёт уникальных свойств и затрат на производство); с добавленной ценностью (не просто базовое сырье, а продукты с глубокой переработкой, научно обоснованной пользой или эксклюзивными характеристиками).

К премиуму в перечне продукции относятся следующие виды товаров по категориям:

- товарная пищевая продукция — мясо и субпродукты высшей категории, сертифицированные как экологически чистые, с особыми вкусовыми качествами или способами заготовки (например, вяление по традиционным рецептам, премиальная нарезка);
- биоактивные вещества и добавки — концентраты из пантов, крови, органов оленя, прошедшие очистку и стандартизацию; продукты с доказанной эффективностью для здоровья (например, иммуномодуляторы, адаптогены);
- ферментативные белковые гидролизаты — высокоочищенные белковые фракции, полученные с помощью ферментной обработки; используются в спортивном питании, диетических продуктах или фармацевтике;
- лечебно-профилактические средства — препараты на основе оленьего сырья (например, мази с экстрактами пантов, БАДы с коллагеном), имеющие клинические подтверждения пользы и оформленные по стандартам фармацевтики.

[8] Постановление от 25 декабря 2013 года № 768-ПП/20 «О Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года» (с изменениями на 6 июня 2024 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/465602093 (дата обращения: 19.02.2026).
[9] Там же.

К ключевым признакам премиум-сегмента относятся следующие показатели:

- научное обоснование: исследования, подтверждающие биологическую активность или терапевтический эффект;
- сертификация: соответствие стандартам органической продукции, GMP (для фармпрепаратов) или другим престижным нормативам;
- эксклюзивность: ограниченные партии, ручной отбор сырья, традиционные технологии обработки;
- маркетинг: позиционирование как «элитной», «арктической», «аутентичной» продукции для взыскательных потребителей.

Как итог: премиум класс здесь — не просто маркетинговый термин, а указание на высокий уровень переработки, контроля качества и целевую аудиторию (например, премиум-розница, специализированные аптеки, экспорт в страны с требовательными стандартами).

Таким образом, традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Мурманской области преимущественно сконцентрирован вокруг наращивания промышленной переработки оленины для самых различных целей.

В целях обеспечения стратегических приоритетов в области действует региональная программа «Мурманская область — стратегический центр Арктической зоны Российской Федерации»[10].

Республика Карелия

В Республике Карелии принята «Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года» (далее — Карельская стратегия 2030)[11].

Пункт 22 Карельской стратегии 2030 к числу стимулирующих инструментов развития различных видов туризма относит содействие в разработке программ сохранения и развития местных сообществ и коренных народов, их вовлечение в туристскую деятельность.

Пункт 43 Карельской стратегии 2030 к числу основных мероприятий, направленных на этнокультурное развитие народов и обеспечение межнационального и межконфессионального согласия, относит:

- «привлечение субсидий из федерального бюджета на поддержку этносоциального и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, вепсов, проживающих в Республике Карелия;

[10] Постановление от 27 августа 2014 года № 126-ПГ «Об утверждении региональной программы социально-экономического развития “Мурманская область — стратегический центр арктической зоны Российской Федерации”». URL: https://docs.cntd.ru/document/412386353 (дата обращения: 19.02.2026).
[11] Распоряжение Правительства Республики Карелия от 29 декабря 2018 года № 899р-П «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года» (с изменениями на 26 ноября 2025 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/465420565 (дата обращения: 19.02.2026).

- обеспечение этносоциального и этнокультурного развития территорий традиционного проживания коренных народов в Республике Карелия».

Однако нет упоминания «традиционного природопользования» или «традиционных видов хозяйствования и промыслов». Основной фокус сделан на этнографии.

Помимо региональной программы развития туризма [12], которая обеспечивает стратегические инициативы, для республики утверждена федеральная целевая программа «Развитие Республики Карелия на период до 2030 года»[13].

Архангельская область

По аналогии с большинством арктических регионов в Архангельской области также принята региональная «Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года» (далее — Архангельская стратегия 2035)[14].

Раздел II Архангельской стратегии 2035, определяющий факторы социально-экономического развития Архангельской области, содержит таблицу 3 о влиянии внешней среды на социально-экономический потенциал и конкурентоспособность Архангельской области и подчёркивает усугубление положения коренных малочисленных народов Севера вследствие активизации хозяйственной деятельности в Арктике.

Раздел III к конкурентным преимуществам Архангельской области относит:

- агропромышленный комплекс: «Сельское хозяйство, основанное на молочном скотоводстве, является традиционной отраслью Архангельской области. В настоящее время на юге Архангельской области отмечается активное восстановление и развитие молочного скотоводства»;
- культурное наследие: «Архангельская область обладает богатым культурным наследием, представленным историческими поселениями, архитектурными ансамблями, а также духовным культурным наследием и традиционными промыслами. Это способствует развитию туризма, который в настоящее время получил наибольшее развитие на Соловецких островах и в городе Архангельске».

Перспективным представляется проект «Северная деревня» за счёт сохранения традиционного уклада жизни в деревнях области, который формировался на протяжении многих веков. Кроме того, русское деревянное зодчество представляет собой уникальное мировое явление. Как результат: «сформированы туристские маршруты, включающие объекты историко-культурного наследия и места традиционного бытования народных

[12] Государственная программа Республики Карелия «Развитие туризма». URL: https://economy.gov.karelia.ru/about/15208/ (дата обращения: 19.02.2026).

[13] Постановление Правительства Российской Федерации от 09 июня 2015 года № 570 «Об утверждении федеральной целевой программы «Развитие Республики Карелия на период до 2030 года» (с изменениями на 1 декабря 2025 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/420280470 (дата обращения: 19.02.2026).

[14] Закон Архангельской области от 18 февраля 2019 года № 57-5-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/462642024 (дата обращения: 19.02.2026).

художественных промыслов, на сельских территориях Архангельской области» (раздел V. Ключевые проекты и задачи социально-экономического развития Архангельской области)[15].

Вместе с тем традиционная хозяйственная деятельность коренных малочисленных народов не упоминается совсем, несмотря на проживание ненецкого населения в трёх районах области: Мезенском, Приморском и Лешуконском. Как и в Карелии, в Архангельской области основное внимание уделено поддержке этнографического туризма (северная русская деревня).

Как и в других регионах, в Архангельской области приняты государственные региональные программы развития, и конкретно в области их насчитывается не менее 25[16].

Ненецкий автономный округ

«Стратегия социально-экономического развития Ненецкого автономного округа до 2030 года» (далее — Ненецкая стратегия 2030)[17] содержит важнейший пункт 5.14 под названием «Поддержка традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Ненецком автономном округе».

К числу основных направлений экономического развития Ненецкого автономного округа относится развитие сельского хозяйства и переработка сельхозпродукции, в том числе в рамках оленеводства. Ставится цель формирования и поддержания расширенного воспроизводства домашних северных оленей, развития системы заготовки, переработки и реализации продукции для сохранения традиций ненцев. На фоне этой цели поставлены задачи улучшения качества поголовья домашних северных оленей, развития глубокой переработки отраслевой продукции, организации подготовки и переподготовки квалифицированных кадров для данной отрасли народного хозяйства, а также концентрации мер государственной поддержки на целевой и адресной помощи, направленной на модернизацию инфраструктуры (от заготовителей до переработчиков и сетей сбыта) (раздел «Основные направления экономического развития Ненецкого автономного округа»)[18]. К числу проблем отнесены низкий уровень технологического обеспечения (от выпаса до убоя), деградация оленьих пастбищ (а значит, и снижение кормовой базы), кадровый дефицит, экономическая нестабильность (из-за «динамики рынка» и вплоть до экологических факторов).

Помимо сугубо оленеводства и мясопереработки в округе в качестве приоритета определено направление по поддержке традиционного образа жизни ненецкого народа, где в качестве цели заявлено создание условий для формирования устойчивого развития

[15] Там же.
[16] Государственные программы Архангельской области. Сайт Правительства Архангельской области. URL: https://dvinaland.ru/budget/programs/ (дата обращения: 19.02.2026).
[17] Постановление Собрания депутатов Ненецкого автономного округа от 07 ноября 2019 года № 256-сд «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ненецкого автономного округа до 2030 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/561620008 (дата обращения: 19.02.2026).
[18] Там же.

КМНС на основе укрепления их социально-экономического потенциала при сохранении исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей (пункт 9.2).

Таким образом, в НАО наиболее ярко проявляет себя индигенный фактор, связанный со всесторонней поддержкой традиционной хозяйственной деятельности КМНС. На территории округа действует не менее 26 государственных программ[19].

Республика Коми

«Стратегия социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года» (далее — Комятская стратегия 2035)[20] наряду с Мурманской областью и НАО ставит одной из своих задач сохранение оленеводства как традиционного вида хозяйственной деятельности, образа жизни и культуры КМНС, проживающих на территории Республики Коми. Юридические и канцелярские формулировки в стратегии буквально повторяют аналогичные обороты соседних регионов.

Приложение 2 Комятской стратегии 2035 под названием «Стратегический анализ социально-экономического развития Республики Коми» отражает результаты комплексного анализа социально-экономического развития и макроэкономических пропорций региона, где к числу долгосрочных перспектив развития интегративного функционала хозяйственных и транспортных проектов отнесено и поддержание традиционных форм природопользования КМНС, а также, что немаловажно, «укрепление многосторонних связей на долгосрочной основе в целях консолидации усилий арктических субъектов при реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике».

Таблица 47 Комятской стратегии 2035 даёт характеристику Воркуте как одному из крупнейших оленеводческих муниципалитетов республики, в связи с чем, в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 08 мая 2009 года № 631-р, городской округ «Воркута» отнесён к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных народов, основным традиционным видом хозяйствования которых наряду с собирательством, охотой и рыболовством остаётся оленеводство. Отмечено, что в Воркуте действуют единственная зарегистрированная в республике родовая община «Тыбертя», а также 4 фактории «Сырь-Яга», «Буредан», «Западная», «Балбанты», находящиеся на содержании производственно-сельскохозяйственного кооператива «Оленевод».

Интересно, что нередко «территории традиционного природопользования» не совпадают с границами административно-территориальных единиц и регионов, поэтому оленеводческие хозяйства НАО, ЯНАО, ХМАО осуществляют свою деятельность на

[19] Государственные программы НАО. URL: https://dfei.adm-nao.ru/celevye-programmy-byudzhetnye-investicii-subsidii-yuridicheskim-licam/perechen-gosudarstvennyh-programm-nao/ (дата обращения: 31.12.2025).
[20] Постановление Правительства Республики Коми от 11 апреля 2019 года № 185 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года» (с изменениями на 7 февраля 2024 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/553237768 (дата обращения: 19.02.2026).

территории Республики Коми, а хозяйства Республики Коми используют оленьи пастбища, находящиеся в составе земель данных регионов (см.: Таблица 47 «Характеристика муниципального образования городского округа “Воркута”»).

В итоге именно оленеводство представлено в качестве объекта поддержки традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов.

Как и в случае с Республикой Карелией, в Коми, помимо региональной программы «Комплексное развитие сельских территорий» [21], действует федеральная программа развития до 2028 года[22].

ХМАО

«Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры до 2036 года с целевыми ориентирами до 2050 года» (далее — Ханты-Мансийская стратегия 2036–2050) [23] в пункте 2.1 раздела II даёт характеристику этнонациональной политике региона, отмечая, что формирование гражданского общества Югры обусловлено региональными особенностями, где многонациональный состав населения обусловлен высоким удельным весом прибывших, в первую очередь русских, украинцев и татар, а также наличием коренных малочисленных народов Севера (хантов, манси, ненцев). Традиции и обычаи последних названы «преимущественным потенциалом».

Помимо нефтедобычи как «точки роста» заявлен агропромышленный комплекс, включая оленеводство и традиционные промыслы, реализация продукции традиционной хозяйственной деятельности КМНС.

Пункт 2.5. Ханты-Мансийской стратегии 2036–2050 закрепляет, что повышение привлекательности муниципальных образований должно осуществляться в том числе за счёт региональной поддержки развития традиционной экономики и традиционного уклада жизнедеятельности КМНС, включая государственную поддержку проектов в сфере этнографического туризма и традиционной хозяйственной деятельности через предоставление грантов.

В целом мониторинг документа продемонстрировал значительный объём информации, посвящённой КМНС (свыше 60 упоминаний в тексте).

Следует выделить по меньшей мере две государственные программы ХМАО,

[21] Постановление Правительства Республики Коми от 01 ноября 2023 года № 512 «Об утверждении Государственной программы Республики Коми “Комплексное развитие сельских территорий”» (с изменениями на 2 октября 2025 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/406942731 (дата обращения: 19.02.2026).

[22] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2024 года № 967-р «Программа социально-экономического развития Республики Коми на период до 2028 года». URL: http://static.government.ru/media/files/pVKlcIuSSnOKEMsi3s8e7xLpA0rAT6Iz.pdf (дата обращения: 19.02.2026).

[23] Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 03 ноября 2022 года № 679-рп «О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры до 2036 года с целевыми ориентирами до 2050 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/406285990?marker (дата обращения: 19.02.2026).

непосредственно затрагивающие традиционный образ жизни КМНС: «Развитие экономического потенциала»[24] и «Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера»[25].

Красноярский край

«Стратегия социально-экономического развития северных и арктических территорий и поддержки коренных малочисленных народов Красноярского края до 2035 года»[26] к числу стратегических этапов и ожидаемых результатов реализации документа относит «реализацию мер, направленных на сохранение традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, включая проекты по возведению этнодеревень в местах их традиционного проживания, созданию перерабатывающих производств и заготовительных пунктов для заготовки, переработки и упаковки промысловой продукции» (пп. 7 п. 5.2 раздела 5).

К трём основным районам обеспечения традиционной охоты и оленеводства отнесены Таймырский Долгано-Ненецкий, Эвенкийский и Туруханский муниципальные районы. При этом оленеводство носит «этнообразующий характер» для сохранения культуры и быта свыше 500 семей кочевников из числа КМНС. На официальном портале Красноярского края представлены 22 государственные программы развития[27].

Ямало-Ненецкий автономный округ

«Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2035 года» (далее — Ямальская стратегия 2035)[28] отмечает, что в округе сложилось два экономических уклада: традиционный (основанный на жизнедеятельности КМНС) и промышленный. При этом регион — глобальный лидер по количеству северных домашних оленей (свыше 800 тыс. голов). При этом АПК (агропромышленный комплекс) развивается в двух основных направлениях: оленеводство и рыболовство. Также округ экспортирует пушнину, кожевенное сырье, обувь, текстильную и сувенирную продукцию, львиная доля

[24] Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 10 ноября 2023 года № 557-п «О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры “Развитие экономического потенциала”» (с изменениями на 14 января 2026 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/406926975 (дата обращения: 19.02.2026).

[25] Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 31 октября 2021 года № 478-п «О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры “Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера”» (с изменениями на 8 декабря 2023 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/577930683 (дата обращения: 19.02.2026).

[26] Распоряжение Правительства Красноярского края от 03 февраля 2023 года № 81-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития северных и арктических территорий и поддержки коренных малочисленных народов Красноярского края до 2035 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/406495269 (дата обращения: 19.02.2026).

[27] Перечень государственных программ Красноярского края. Официальный портал Красноярского края. URL: http://krskstate.ru/realization/gosprog/0/id/24063 (дата обращения: 19.02.2026).

[28] Постановление Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 июня 2021 года № 478 «О Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2035 года» (с изменениями на 18 декабря 2025 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/574785875 (дата обращения: 19.02.2026).

которой — результат традиционной хозяйственной деятельности КМНС.

В пункте 1.4 Ямальской стратегии 2035, всецело посвящённом коренным малочисленным народам Севера, отмечено, что каждый четвёртый житель округа — коренной, а свыше 72% лиц, относящихся к КМНС, — ненцы. Незначительная часть — 4% — относится к селькупам.

К региональным мерам государственной поддержки КМНС относятся следующие права и гарантии: «выплаты на приобретение горюче-смазочных материалов для мини-электростанций, закупка спутниковых телефонов; обеспечение благоприятных условий традиционного природопользования, содействие производству и реализации продукции традиционной хозяйственной деятельности, содействие занятости и самозанятости, информационное обеспечение (в том числе на родных языках), экспертно-консультативная помощь, создание факторий, создание условий для сохранения и возрождения самобытной социальной организации проживания, содействие подготовке кадров для ведения традиционной хозяйственной деятельности».

Для категорий лиц, относящихся к нуждающимся слоям населения (от пенсионеров до ветеранов и инвалидов) из числа КМНС, в том числе «тундровиков», предусмотрено предоставление жилых помещений, а для представителей КМНС (включая организации) — гранты и премии. С 2017 г. кочевникам предоставляется дополнительное ежемесячное пособие в размере 5 000 рублей, а также специальные выплаты на определённый срок для ведения традиционного образа жизни («региональный стандарт минимальной материальной обеспеченности»). Также в местах каслания оленей организованы «фактории» (образовательные, медицинские, культурные, социальные) для обеспечения государственными и муниципальными услугами.

Сохранение традиционных видов деятельности и культуры КМНС является ключевым приоритетом государственной политики на долгосрочную перспективу, а неблагоприятные климатические изменения, напрямую влияющие на «оленеёмкость» пастбищ, требуют содействия в профессиональной ориентации коренных жителей, их переподготовке и обеспечении рабочими местами на перспективу.

Народная программа коренных малочисленных народов Севера в ЯНАО была принята в 2017 г.[29]

Республика Саха (Якутия)

«Стратегия социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года» (далее — Якутская стратегия 2035)[30] к числу ключевых

[29] Постановление Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа от 28 декабря 2017 года № 132-ПГ «Об утверждении Народной программы коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» (с изменениями на 24 марта 2023 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/543538580 (дата обращения: 19.02.2026).

[30] Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 14 августа 2020 года № 1377 «О Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/574612682 (дата обращения: 19.02.2026).

определяющих конкурентных преимуществ АЗРС(Я) относит государственную политику поддержки, сохранения и развития традиционных видов хозяйствования КМНС, северных якутов и русскоязычного старожильческого населения — русскоустьинцев и походчан (оленеводство, рыболовство, охотничий промысел).

Якутия имеет одно из самых развитых региональных законодательств, посвящённых проблемам Арктики: от ответственного недропользования до этнологической экспертизы.

Пункт 3.1.5 Якутской стратегии 2035 предусматривает поддержку и развитие проекта «Молодой оленевод», в рамках которого устанавливается единовременная компенсационная выплата гражданам России в возрасте до 35 лет, проработавшим в сфере оленеводства в арктических районах республики не менее 4 лет, в размере 1 млн руб. на улучшение жилищных условий.

При этом в большинстве районов сельское население имеет сильные традиции и трудовые навыки для развития оленеводства, охотничьего и рыбного промыслов, а в таких улусах как Абыйский, Верхоянский и Среднеколымский — для развития преимущественно скотоводства и коневодства.

Сделан вывод о том, что сравнительно низкая экологическая нагрузка, уровень развития традиционных видов хозяйства северных якутов, коренных малочисленных народов Севера, русских арктических старожилов и возможности применения новых технологий создают потенциал комплексного развития прибрежного рыболовства, расширения сети инновационных предприятий по глубокой переработке водных биоресурсов и продукции оленеводства. Комплексные мероприятия, реализуемые на этих территориях, полностью отвечают основным направлениям государственной политики в области сохранения и развития исконной среды обитания и традиционного образа жизни народов Севера.

Пункт 3-3.5.5 Якутской стратегии 2035 демонстрирует следующие перспективные проекты в регионе:

- Проект 1. «Фактория»: принятие комплекса мер, способствующих созданию баз переработки и хранения продукции традиционных отраслей, торгово-закупочных баз, пунктов по приему продукции в рамках реализации проекта «Торгово-логистический центр»;
- Проект 2. «Международный стандарт ISO»: сертификация продукции традиционного природопользования в целях улучшения качества и безопасности продукции и дальнейшего продвижения продукции на экспорт;
- Проект 3. «Арктические инновационные биотехнологии»: стимулирование глубокой безотходной переработки продукции оленеводства, организации сбора эндокринного ферментного сырья в оленеводческих стадах: выделение сертифицированным предприятиям субсидий на приобретение убойных цехов;
- Проект 4. «Тепло Арктики»: производство меховых изделий и изделий из кожи

оленя по технологии «wet blue», инициатором которого является ОАО ФАПК «Сахабулт». Основная задача — вовлечение оленеводческих и звероводческих хозяйств в процесс производства кожевенного сырья высокого качества, обладающего экспортным потенциалом;

- Проект 5. «Все дело в пантах»: возмещение части затрат хозяйствам, осуществляющим экспорт пантов и боя рогов, а также продукцию их переработки.

Главная цель всех этих проектов — вывод традиционного природопользования КМНС и северных якутов из дотационного режима, перевод в режим экономической самостоятельности и устойчивого развития, а также выработка инновационной модели традиционного хозяйствования для «репликации» по всем регионам АЗРФ.

Развитие Арктической зоны республики и коренных малочисленных народов АЗРС(Я) заложено в соответствующей республиканской программе от июля 2022 г.[31]

Чукотский автономный округ

«Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года» (далее — Чукотская стратегия 2030)[32] раскрывает суть традиционных отраслей экономики округа, где оленеводство обеспечивает 45–50% потребностей жителей округа в мясной продукции, а морской зверобойный промысел (в том числе китобойный) — потребности коренного населения прибрежных сёл в мясе морского зверя. При этом идёт постепенное снижение поголовья оленей, что связано с аномальными погодными условиями и организационными мероприятиями внутри оленеводческих предприятий. Морской зверобойный промысел является регулируемым видом деятельности, охота разрешена, и, как следствие, квоты выделяются только коренным народам Чукотки в целях сохранения национальной самобытности. Перечень из 21 программы развития округа можно найти на сайте аппарата губернатора и правительства региона[33].

Заключение

Таким образом, на федеральном уровне поддержка коренных малочисленных народов сосредоточена на следующих вопросах: предоставление социальных, медицинских и строительных услуг лицам из числа коренного населения, а также поддержка традиционной хозяйственной деятельности в рамках государственных программ. Особое внимание уделяется обеспечению мобильными источниками электроснабжения.

[31] Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 18 июля 2022 года № 431 «О государственной программе Республики Саха (Якутия) “Развитие Арктической зоны Республики Саха (Якутия) и коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)”» (с изменениями на 30 декабря 2025 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/406188533 (дата обращения: 19.02.2026).

[32] Распоряжение Правительства Чукотского автономного округа от 16 июля 2014 года № 290-рп «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/446123709 (дата обращения: 19.02.2026).

[33] Государственные программы Чукотского АО. URL: https://xn--80atapud1a.xn--p1ai/ekonomika/gosudarstvennye-programmy-chukotskogo-ao/ (дата обращения: 19.02.2026).

На региональном уровне основной акцент, прямо или косвенно связанный с традиционной хозяйственной деятельностью, приходится на следующие приоритетные направления:

- Мурманская область: оленеводческая продукция класса премиум;
- Республика Карелия: этнографический туризм (вепсы);
- Архангельская область: этнографический туризм (северная деревня);
- НАО: традиционная хозяйственная деятельность (ненцы) — всесторонняя поддержка;
- Республика Коми: оленеводство (городской округ Воркута);
- ХМАО: оленеводство и традиционные промыслы коренных малочисленных народов включаются в единый агропромышленный комплекс;
- ЯНАО: традиционная хозяйственная деятельность КМНС как вклад в «неэнергетический экспорт», оленеводство и рыболовство в системе агропромышленного комплекса;
- Красноярский край: оленеводство, возведение «этнодеревень» в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов;
- Республика Саха (Якутия): всесторонняя поддержка КМНС, северных якутов и русских арктических старожилов, всесторонняя поддержка традиционной хозяйственной деятельности, в том числе через проекты и гранты, среди которых: «Молодой оленевод», «Арктические инновационные биотехнологии» и т. д.;
- ЧАО: оленеводство и морской зверобойный промысел.

Список источников

Баттахов П.П. Инвестиции в Арктику: правовые аспекты // Проблемы экономики и юридической практики. 2024; 20 (3): 95–99. https://doi.org/10.33693/2541-8025-2024-20-3-95-99

Баттахов П.П. Северный завоз в Арктической зоне России: правовой ракурс // Аграрное и земельное право. 2025; 5: 286–289. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_5_286

Белобородова А.А. Особенности организации морских перевозок в полярных районах // Океанский менеджмент. 2024; 4 (28): 47–51.

Голдин В.И. Арктика — Регионы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024; 24 (5): 143–146. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V383

Голдин В.И. От Северо-Восточного прохода к Северному морскому пути: осмысление сквозь тысячелетие // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024; 24 (4): 32–40. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V359

Дорофтей А.С. Поддержка традиционных промыслов коренных народов Арктики как способ сохранения их культурного наследия // Вестник магистратуры. 2024; 12-1 (159): 42–45.

Журавлев П.С. Арктическая политика Архангельской области // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012; 6: 54–60.

Задорин М.Ю. Обзор международных стандартов и российского законодательства по климатической адаптации // Арктика и Север. 2023; 53: 273–290. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.53.273

Задорин М.Ю., Гладун Е.Ф. Государственная политика зарубежных арктических стран в области

адаптации к изменениям климата: на примере «национальных адаптационных планов» // Правоприменение. 2024; 8 (4): 54–62. https://doi.org/10.52468/2542-1514.2024.8(4).54-62

Залывский Н.П. Геополитика национальных интересов России в Арктике в условиях рецессии экономики арктических стран // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013; 3: 88–96.

Зыкина Т.А. Модели регулирования социально-трудовых отношений в странах Арктического региона // Образование и право. 2018; 1: 197–203.

Крылов К.Д., Зыкина Т.А. Влияние трудового права стран Арктического региона на модель международного взаимодействия в сфере социально-трудовых отношений // Ежегодник трудового права. 2020; 10: 188–202.

Куделькин Н.С. Правовое регулирование оленеводства // Сельское хозяйство. 2022; 1: 27–36. https://doi.org/10.7256/2453-8809.2022.1.38547

Кудряшова Е.В., Зарубина Л.А. Международная проектная деятельность как инструмент регионального развития и стимулирования сотрудничества (на примере участия Архангельской области в программе приграничного сотрудничества «Коларктик») // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018; 6: 88–97. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.6.88

Ланцов А.Ю. Роль статьи 234 Конвенции ООН по морскому праву в правовом регулировании Северного морского пути // Океанский менеджмент. 2025; 1 (30): 8–12.

Мартынов Е.Л. Этнологическая экспертиза как элемент обеспечения прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях промышленного освоения Севера России // Вестник Сургутского государственного университета. 2020; 2 (28): 50–62. https://doi.org/10.34822/2312-3419-2020-2-50-62

Морозов Н.А., Кондраль Д.П. Арктический вектор стратегического развития политического пространства России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014; 4: 42–51.

Новикова Н.И. Антропологизация права (на примере законов о коренных малочисленных народах Севера) // Сибирские исторические исследования. 2024; 4: 59–77.

Паникар М.М. Процессы трансформации международного арктического региона: новые геополитические контуры // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023; 23 (6): 17–26. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V310

Паникар М.М., Шапаров А.Е. Императивы современной государственной политики стран Арктического региона по освоению территорий Крайнего Севера // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016; 6: 33–44. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.6.33

Подоплекин А.О., Бестужева К.Г. Арктическая стратегия России как политика нового типа: региональный потенциал, вызовы и научное обеспечение // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014; 6: 35–46.

Сабуров А.А. Организация советских арктических исследований в 1920-х годах: планирование и координация научной деятельности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016; 3: 41–48. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.3.41

Слепцов А.Н. Новеллы правового режима традиционной охоты народов Севера // Право и государство: теория и практика. 2024; 5 (233): 199–202. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_199

Соколова Ф.Х. Языковая политика арктических регионов Российской Федерации в конце XX — начале XXI века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017; 6: 37–50. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.6.37

Соколова Ф.Х., Труфанова Е.А. Процессы регионализации в Северной Европе: истоки становления и динамика развития // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025; 25 (5): 5–20. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V456

Тамицкий А.М. Информационная безопасность как фактор международных отношений в

Арктическом регионе // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013; 6: 63–70.

Тевлина В.В. Социально-культурное направление в трансграничной политике Норвегии и России на Крайнем Севере // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012; 3: 23–34.

Теребихин Н.М. Северо-Восточный текст русской геоисториософии, геопоэтики и сакральной географии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023; 23 (4): 104–113. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V274

Шачин С.В. К вопросу об арктической идентичности: анализ истории Севера и его современности с позиции диалектической методологии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019; 6: 121–131. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.6.121

Canosa I.V., Biesbroek R., Ford J., McCarty J.L., Orttung R.W., Paavola J., Burnasheva D. Wildfire adaptation in the Russian Arctic: A systematic policy review // Climate Risk Management. 2023; 39: 100481. https://doi.org/10.1016/j.crm.2023.100481

Glinskiy V., Serga L., Zaykov K. Identification Method of the Russian Federation Arctic Zone Regions Statistical Aggregate as the Object of Strategy Development and a Source of Sustainable Growth // Procedia Manufacturing. 2017; 8: 308–314. https://doi.org/10.1016/j.promfg.2017.02.039

Gricius G. Desecuritizing the arctic: Maritime governance in the Northern Sea Route and the Northwest Passage // Marine Policy. 2026; 185: 106990. https://doi.org/10.1016/j.marpol.2025.106990

Kryazhkov V. Traditional Reindeer Herding in Russia: Legal Issues of Land Provision and Rational Use // BRICS Law Journal. 2025; 12(1): 161–183. https://doi.org/10.21684/2412-2343-2025-12-1-161-183

Lagerev R., Lagerev S. Issues of railway operation and maintenance in the land areas of the Russian Arctic zone // Transportation Research Procedia. 2021; 57: 332–340. https://doi.org/10.1016/j.trpro.2021.09.058

Liu C.-Y., Fan H.-M., Dang X.-J., Zhang X. The Arctic policy and port development along the Northern Sea Route: Evidence from Russia's Arctic strategy // Ocean & Coastal Management. 2021; 201; 105422. https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2020.105422

Novoselov A., Potravny I., Novoselova I., Gassiy V., Sharkova A. Harmonization of interests during Arctic industrial development: The case of mining corporation and indigenous peoples in Russia // Polar Science. 2023; 35: 100915. https://doi.org/10.1016/j.polar.2022.100915

Sergeev V., Ilin I., Fadeev A. Transport and Logistics Infrastructure of the Arctic Zone of Russia // Transportation Research Procedia. 2021; 54: 936–944.

Vlasov V., Kurganov V., Bogumil V., Filippova N., Trofimenko Y., Dorofeev A. Methodology of freight transport management in the Arctic zone of Russia with account for natural and climatic factors // Transportation Research Procedia. 2021; 57: 735–739.

York A.M., Zdor E., BurnSilver S., Degai T., Monakhova M., Isakova S., Petrov A.N., Kempf M. Institutional navigation of oceans governance: Lessons from Russia and the United States Indigenous multi-level whaling governance in the Arctic // Earth System Governance. 2022; 14: 100154. https://doi.org/10.1016/j.esg.2022.100154

References

Battakhov P.P. Investing in the Arctic: Legal Aspects. *Economic Problems and Legal Practice*. 2024; 20 (3): 95–99. https://doi.org/10.33693/2541-8025-2024-20-3-95-99

Battakhov P.P. Northern Delivery in the Arctic Zone of Russia: Legal Angle. *Agrarian and Land Law*. 2025; 5: 286–289. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_5_286

Beloborodova A.A. Features of Maritime Transportation Organization in Polar Regions. *Okeanskiy Menedzhment*. 2024; 4 (28): 47–51.

Canosa I.V., Biesbroek R., Ford J., McCarty J.L., Orttung R.W., Paavola J., Burnasheva D. Wildfire Adaptation in the Russian Arctic: A Systematic Policy Review. *Climate Risk Management*. 2023; 39: 100481. https://doi.org/10.1016/j.crm.2023.100481

Doroftey A.S. Supporting Traditional Trades of Indigenous Peoples of the Arctic as a Way to Preserve Their

Cultural Heritage. *Vestnik Magistratury*. 2024; 12-1 (159): 42–45.

Glinskiy V., Serga L., Zaykov K. Identification Method of the Russian Federation Arctic Zone Regions Statistical Aggregate as the Object of Strategy Development and a Source of Sustainable Growth. *Procedia Manufacturing*. 2017; 8: 308–314. https://doi.org/10.1016/j.promfg.2017.02.039

Goldin V.I. From Northeast Passage to Northern Sea Route: Reflecting through the Millennium. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2024; 24 (4): 32–40. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V359

Goldin V.I. The Arctic — Regions. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2024; 24 (5): 143–146. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V383

Gricius G. Desecuritizing the Arctic: Maritime Governance in the Northern Sea Route and the Northwest Passage. *Marine Policy*. 2026; 185: 106990. https://doi.org/10.1016/j.marpol.2025.106990

Kryazhkov V. Traditional Reindeer Herding in Russia: Legal Issues of Land Provision and Rational Use. *BRICS Law Journal*. 2025; 12(1): 161–183. https://doi.org/10.21684/2412-2343-2025-12-1-161-183

Krylov K.D., Zykina T.A. The Impact of Labor Law of the Arctic Region Countries on a Model of International Interaction in the Field of Social and Labor Relations. *Russian Journal of Labour & Law*. 2020; 10: 188–202.

Kudelkin N.S. Legal Regulation of Reindeer Husbandry. *Agriculture*. 2022; 1: 27–36. https://doi.org/10.7256/2453-8809.2022.1.38547

Kudryashova E.V., Zarubina L.A. International Projects as a Tool of Regional Development and Cooperation Enhancement (Case of Arkhangelsk Region Participation in Kolarctic CBC Programme). *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2018; 6: 88–97. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.6.88

Lagerev R., Lagerev S. Issues of Railway Operation and Maintenance in the Land Areas of the Russian Arctic Zone. *Transportation Research Procedia*. 2021; 57: 332–340. https://doi.org/10.1016/j.trpro.2021.09.058

Lantsov A.Yu. The Role of Article 234 of the UN Convention on the Law of the Sea in the Legal Regulation of the Northern Sea Route. *Okeanskiy Menedzhment*. 2025; 1 (30): 8–12.

Liu C.-Y., Fan H.-M., Dang X.-J., Zhang X. The Arctic Policy and Port Development along the Northern Sea Route: Evidence from Russia's Arctic Strategy. *Ocean & Coastal Management*. 2021; 201: 105422. https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2020.105422

Martynov E.L. Ethnological Expertise as Element of Ensuring Rights of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East in Conditions of Industrial Development of the North of Russia. *Surgut State University Journal*. 2020; 2 (28): 50–62. https://doi.org/10.34822/2312-3419-2020-2-50-62

Morozov N.A., Kondral D.P. Arctic Vector of Strategic Political Space Development in Russia. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2014; 4: 42–51.

Novikova N.I. Anthropologization of Law (On the Example of Laws on Small Indigenous Peoples of the North). *Siberian Historical Research*. 2024; 4: 59–77.

Novoselov A., Potravny I., Novoselova I., Gassiy V., Sharkova A. Harmonization of Interests During Arctic Industrial Development: The Case of Mining Corporation and Indigenous Peoples in Russia. *Polar Science*. 2023; 35: 100915. https://doi.org/10.1016/j.polar.2022.100915

Panikar M.M. The Processes of Transformation of the International Arctic Region: New Geopolitical Contours. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2023; 23 (6): 17–26. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V310

Panikar M.M., Shaparov A.E. Imperatives of the Current State Policy of the Arctic Countries on Far North Development. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2016; 6: 33–44. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.6.33

Podoplekin A.O., Bestuzheva K.G. Russia's Arctic Strategy as a New Type of Policy: Regional Potential, Challenges and Research Support. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2014; 6: 35–46.

Saburov A.A. Organization of Soviet Arctic Research in the 1920s: Planning and Coordination of Scientific Activities. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2016; 3: 41–48. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.3.41

Sergeev V., Ilin I., Fadeev A. Transport and Logistics Infrastructure of the Arctic Zone of Russia. *Transportation Research Procedia*. 2021; 54: 936–944.

Shachin S.V. On Arctic Identity: An Analysis of the History of the North and Its Present from the Position of Dialectical Methodology. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2019; 6: 121–131. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.6.121

Sleptsov A.N. Novels of the Legal Regime of Traditional Hunting of the Peoples of the North. *Law and State: The Theory and Practice*. 2024; 5 (233): 199–202. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_199

Sokolova F.Kh. Language Policy of the Arctic Regions of Russia in the Late 20th and Early 21st Centuries. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2017; 6: 37–50. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.6.37

Sokolova F.Kh., Trufanova E.A. Regionalization in Northern Europe: Origins and Development Dynamics. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2025; 25 (5): 5–20. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V456

Tamitsky A.M. Information Security as a Factor of International Relations in the Arctic Region. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2013; 6: 63–70.

Terebikhin N.M. The North-Eastern Text of Russian Geohistoriosophy, Geopoetics and Sacred Geography. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2023; 23 (4): 104–113. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V274

Tevlina V.V. Sociocultural Area of Trans-Border Policy of Norway and Russia in the Far North. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2012; 3: 23–34.

Vlasov V., Kurganov V., Bogumil V., Filippova N., Trofimenko Y., Dorofeev A. Methodology of Freight Transport Management in the Arctic Zone of Russia with Account for Natural and Climatic Factors. *Transportation Research Procedia*. 2021; 57: 735–739.

York A.M., Zdor E., BurnSilver S., Degai T., Monakhova M., Isakova S., Petrov A.N., Kempf M. Institutional Navigation of Oceans Governance: Lessons from Russia and the United States Indigenous Multi-Level Whaling Governance in the Arctic. *Earth System Governance*. 2022; 14: 100154. https://doi.org/10.1016/j.esg.2022.100154

Zadorin M.Yu. Overview of International Standards and Russian Legislation on Climate Change Adaptation. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2023; 53: 273–290. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.53.273

Zadorin M.Yu., Gladun E.F. Arctic States' Policy on Climate Change Adaptation: Examples of National Adaptation Plans. *Law Enforcement Review*. 2024; 8 (4): 54–62. https://doi.org/10.52468/2542-1514.2024.8(4).54-62

Zalyvskiy N.P. Geopolitics of Russia's National Interests in the Arctic Region During the Economic Recession in the Arctic Countries. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2013; 3: 88–96.

Zhuravlev P.S. Arctic Policy of the Arkhangelsk Region. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2012; 6: 54–60.

Zykina T.A. Model of Regulation of Social-Labor Relations in the Arctic Region. *Education and Law*. 2018; 1: 197–203.

Статья поступила в редакцию 31.01.2026; принята к публикации 10.03.2026

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 275–291.
Научная статья
УДК [314:311.1](470.13)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.275

Межпереписная динамика коми в регионах России с 1970 г.: тренды и факторы

Манаков Андрей Геннадьевич [1]✉, доктор географических наук, профессор
Владыкин Богдан Алексеевич [2], аспирант

[1, 2] Псковский государственный университет, пл. Ленина, 2, Псков, Россия
[1] region-psk@yandex.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3223-2688
[2] vladykinbogdan1927@yandex.ru, ORCID: https://orcid.org/0009-0004-7959-3503

Аннотация. Коми являются одними из лидеров среди титульных народов республик России по темпам сокращения численности, но при этом характеризуются высоким уровнем концентрации в пределах своей республики. Целью исследования является выявление трендов и основных факторов изменения концентрации коми в регионах России в межпереписные интервалы с 1970 по 2021 гг. Основным в работе является статистико-картографический метод исследования. С 1970 по 1989 гг. на динамику концентрации коми в регионах России влиял положительный естественный прирост коми в своей республике, что создавало ресурс для их миграционного распределения по другим регионам. В качестве основных центров миграционного притяжения коми выступали Ленинград и Москва с прилегающими областями, но в 1980-е гг. чётко обозначилась южная направленность миграций — через Поволжье на Юг России. Снижение концентрации коми происходило в Южной Сибири, где были представлены их достаточно многочисленные группы. В постсоветский период на динамику концентрации коми в регионах страны стали оказывать большее влияние ассимиляционные процессы, сопровождаемые естественной убылью представителей этого народа. В подавляющем большинстве регионов, расположенных за пределами основного ареала проживания коми, произошло снижение уровня их концентрации. Миграции коми в постсоветский период уже не играли такой важной роли в их распределении по территории страны, как в советский период, но Санкт-Петербург и Москва сохранили роль центров миграционного притяжения коми.
Ключевые слова: *этническая концентрация, финно-угорские народы, титульные этносы, перепись населения, миграция, ассимиляция*

Intercensal Dynamics of the Komi Population in the Regions of Russia since 1970: Trends and Factors

Andrey G. Manakov [1]✉, Dr. Sci. (Geogr.), Professor
Bogdan A. Vladykin [2], Post-Graduate Student

[1, 2] Pskov State University, pl. Lenina, 2, Pskov, Russia
[1] region-psk@yandex.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3223-2688
[2] vladykinbogdan1927@yandex.ru, ORCID: https://orcid.org/0009-0004-7959-3503

Abstract. The Komi are among the indigenous peoples of Russia's republics with the fastest-declining populations, yet they are characterized by a high level of concentration within their own republic. The aim

* © Манаков А.Г., Владыкин Б.А., 2026
Для цитирования: Манаков А.Г., Владыкин Б.А. Межпереписная динамика коми в регионах России с 1970 г.: тренды и факторы // Арктика и Север. 2026; 64: 275–291. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.275
For citation: Manakov A.G., Vladykin B.A. Intercensal Dynamics of the Komi Population in the Regions of Russia since 1970: Trends and Factors. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 275–291. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.275
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

of this study is to identify trends and the main factors influencing changes in the concentration of the Komi people in the regions of Russia during the intercensal periods from 1970 to 2021. The study primarily relies on a statistical and cartographic research method. From 1970 to 1989, the dynamics of Komi concentration in the regions of Russia were influenced by the positive natural increase of the Komi in their republic, which served as a source for their migratory distribution to other regions. Leningrad and Moscow, along with their surrounding regions, acted as the main centers of migration attraction for the Komi, but in the 1980s, the direction of migration through the Volga region to the South of Russia became evident. The concentration of the Komi people declined in Southern Siberia, where they had previously been represented by fairly large groups. In the post-Soviet period, assimilation processes, accompanied by a natural decline in the population of this ethnic group, began to influence the dynamics of Komi concentration across the country's regions to a greater extent. Their concentration levels decreased in most regions located outside the Komi's main area of habitation. Komi migration in the post-Soviet period no longer played as significant a role in their distribution across the country as it had during the Soviet era, but St. Petersburg and Moscow retained their role as centers of migration attraction for the Komi.
Keywords: *ethnic concentration, Finno-Ugric peoples, titular ethnic groups, population census, migration, assimilation*

Введение

Проживающие в европейской части России народы финно-угорской группы уральской языковой семьи характеризуются многовековой историей контакта со славянским населением, единой с русским населением традиционной религией — православием, определившим многие общие элементы материальной и духовной культуры. Близость культуры является одной из главных причин того, что эти народы в настоящее время подвержены ассимиляционным процессам, и это ведёт к быстрому сокращению их численности. Среди титульных народов финно-угорских республик по сокращению численности за последний межпереписной период на территории своей республики и Российской Федерации в целом коми уступают только карелам, при этом только их они превосходят в настоящее время по удельному весу в населении своей республики.

Вместе с тем коми отличаются самой высокой среди титульных народов финно-угорских республик России концентрацией в пределах своего национально-территориального образования. Лишь 11,4% коми ныне проживают за пределами своей республики, к тому же значительная их часть сконцентрирована в регионах, соседних с Республикой Коми, где представлены этноареальные группы коми (в Мурманской области, Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах). Это во многом объясняет, почему малоизученными остаются особенности территориального распределения коми за пределами основного ареала их проживания, а также динамика численности коми на уровне регионов России в разные межпереписные интервалы.

Целью исследования является выявление трендов и основных факторов изменения концентрации коми в регионах России в межпереписные интервалы с 1970 по 2021 гг.

В качестве *информационной базы* исследования выступает этническая статистика на уровне регионов России по итогам переписей населения с 1970 по 2021 гг., представленная

на сайтах Демоскоп Weekly[1] и Population statistics of Eastern Europe & former USSR[2].

Исходные предпосылки

В первую очередь нужно отметить проведённые ранее исследования, где динамика численности коми за длительный временной интервал (с 1897 г. или с 1926 г.) рассматривается в современных границах Республики Коми. Данный анализ осуществляется либо при изучении этнической структуры населения республики в целом (Рожкин, 2012), либо при изучении динамики различных этнических групп, имеющих значительное представительство в республике, например, уроженцев Кавказа (Жеребцов, Фаузер, 2023; Жеребцов, Фаузер, 2025). Также затрагиваются вопросы различий в естественном движении коми и русских, проживающих в Республике Коми (Жеребцов, Рожкин, 2012).

Изменение этнической структуры населения на территории Республики Коми за период с 1926 по 2021 гг. рассматривалось и в нашем исследовании (Владыкин, Алексеева, Теренина, 2024). Также с опорой на концепцию этноконтактных зон был осуществлён анализ этнической динамики в постсоветский период на уровне муниципальных образований республики (Манаков, Теренина, Владыкин, 2024; Теренина, Иванов, Владыкин и др., 2024). Во второй работе объектом исследования являлась контактная зона между славянским и финно-угорским населением на северо-востоке Европейской России, включая территорию Республики Коми.

Если говорить об изменениях численности коми в границах Российской Федерации, то обычно этого касаются работы, посвящённые демографической динамике современных финно-угорских народов страны (Фаузер, 2011; Логинова, Реброва, 2013; 10, Логинова, Кильдишова, Семина и др., 2013; Мясникова, 2015). Данная динамика обычно рассматривается за длительный временной интервал, но при этом больше внимания уделяется анализу изменения численности народов в последний межпереписной период, то есть с 2010 по 2021 гг.

На этом фоне достаточно мало исследований, где отдельно изучается динамика численности коми, проживающих за пределами своей республики. Такой анализ представлен, например, в работе А.Р. Хамидуллина (Хамидуллин, 2024), где с этой точки зрения рассмотрены коми-ижемцы и коми в целом, проживающие в Мурманской области, Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах. По сути, данное исследование является продолжением изданной в 1991 г. монографии Н.Д. Конакова и О.В. Котова (Конаков, Котов, 1991), посвящённой формированию и современному состоянию этноареальных групп коми. Также в этом плане нужно отметить статью В.П. Кривоногова (Кривоногов, 2023), где рассматриваются современные этнические процессы

[1] Демоскоп Weekly. Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=8 (дата обращения: 02.08.2025).
[2] Population statistics of Eastern Europe & former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org/ (дата обращения: 02.08.2025).

у коми-ижемцев Кольского полуострова.

Для анализа изменения численности коми в межпереписные интервалы на уровне всех регионов России, на наш взгляд, нужен показатель, который позволил бы визуализировать данную динамику на карте. З.А. Трифонова в одной из своих работ (Трифонова, 2008) предложила показатель, названный ей коэффициентом этнической концентрации (КЭК). В другой публикации (Трифонова, Лобастова, Ростовцева и др., 2016) данный показатель используется для оценки динамики расселения чувашей в России и сопредельных государствах с 1926 по 2010 гг. Суть КЭК состоит в выявлении доли каждого региона страны в общей численности представителей определённого этноса. Нами данный показатель был апробирован при определении этнодемографической динамики титульных этносов республик России с 1939 по 2010 гг. (Манаков, 2022).

Однако нужно отметить, что анализ этнической концентрации опирается на разные показатели, и обычно с их помощью решаются задачи, связанные с оценкой этнической неоднородности населения (Соколов, 2025). Так, например, аналогичное название, а именно коэффициент этнической концентрации (КЭК), носит показатель, предложенный Д.В. Житиным (Zhitin, 2024) для оценки локализации этнических групп в разных районах Санкт-Петербурга. Этот же показатель в более ранней работе автора назван коэффициентом этнической локализации (Zhitin, Krasnov, 2015). Данный показатель рассчитывается как отношение доли определённого этноса в численности населения городского района к доле данного этноса в населении города, что далеко не соответствует сути КЭК, предложенного З.А. Трифоновой.

В зарубежной науке понятие этнической концентрации обычно применяется при изучении особенностей расселения иммигрантов на территории развитых стран (Gang, Rivera-Batiz, Yun, 2002; de Graaff, de Groot, 2004; Guerra, Patuelli, Maggi, 2012) и зачастую связано с вопросами этнической сегрегации (Johnston, Manley, Jones, 2016; de Bézenac, Clark, Olteanu et al., 2022). Для изучения этнической концентрации в данных исследованиях используются различные показатели, например, индекс Херфиндаля-Хиршмана (Guerra, Patuelli, Maggi, 2012), индекс сегрегации (Johnston, Manley, Jones, 2016) и др.

Во избежание путаницы в нашем исследовании предложенный З.А. Трифоновой (Трифонова, Лобастова, Ростовцева и др., 2016) показатель не обозначается ни коэффициентом, ни индексом. В работах С.Я. Сущего, посвящённых геодемографической динамике русских в ближнем зарубежье (Сущий, 2020) и армян на Юге России (Sushchiy, 2018), используется полная формулировка показателя, которая без введения специальных обозначений отражает его достаточно простую суть. Это удельный вес (доля) отдельных регионов в общей численности определённого этноса в России. Именно такую формулировку мы будем использовать в нашей статье.

Методика исследования

Основным в работе является статистико-картографический метод исследования. Удельный вес регионов в общей численности коми, проживающих в современных (с 2022 г.) границах России, был рассчитан по итогам всех переписей населения, начиная с 1970 по 2021 гг. На картах показатель представлен в промилле, что связано с высокой долей Республики Коми (88,6% в 2021 г.) в общей численности данного народа, а значит, с низкой долей других регионов, а также с не очень значительной динамикой данного показателя, которую удобнее анализировать на уровне десятой доли процента.

В качестве базового в исследовании выбран 1970 г. Нужно отметить, что значительных изменений в административно-территориальном делении России не происходило с 1959 г., что важно для расчёта динамики показателя, который должен осуществляться в территориальных ячейках с неизменными границами. Однако в ходе переписи населения 1959 г. коми не были включены в список учтённых народов в большинстве регионов России, поэтому расчёт динамики показателя был осуществлён с 1970 г., по которому имеется полная этническая статистика по всем регионам страны.

На втором этапе работы была рассчитана динамика удельного веса регионов в общей численности коми в России по всем пяти межпереписным интервалам с 1970 по 2021 гг., однако результаты статистико-картографического анализа представлены нами по четырём интервалам, которые характеризуются схожими трендами динамики удельного веса Республики Коми и других регионов в общей численности коми, проживающих на территории России. Так, во временные интервалы с 1970 по 1979 гг. и с 1989 по 2010 гг. отмечалась положительная динамика данного показателя в Республике Коми, а с 1979 по 1989 гг. и с 2010 по 2021 гг. — отрицательная.

Результаты и обсуждение

Согласно итогам переписи населения, состоявшейся в 2021 г., на территории Российской Федерации проживало 143,5 тыс. коми, из них в Республике Коми — 127 тыс., или 88,6% от их общего количества в стране. За пределами Республики Коми тройку лидеров по удельному весу коми в их общей численности на территории страны составляли три смежных автономных округа (рис. 1): Ямало-Ненецкий (2,4%), Ненецкий (1,7%) и Ханты-Мансийский (1,1%). В пятёрку лидеров по данному показателю входили Мурманская область (0,8%) и Санкт-Петербург (0,6%). Относительно повышенной (более 0,2%) была доля Архангельской, Кировской, Ленинградской, Московской и Тюменской областей, Пермского и Краснодарского краев, а также Москвы.

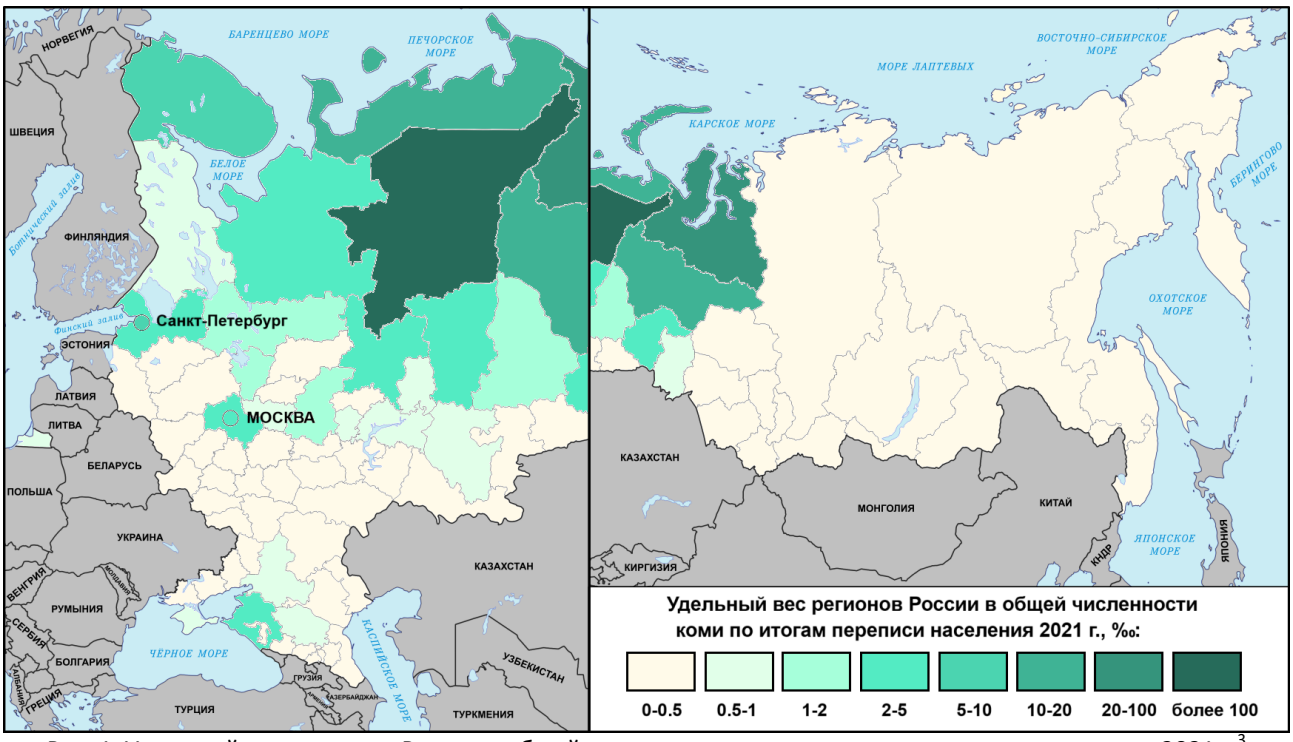

Рис. 1. Удельный вес регионов России в общей численности коми по итогам переписи населения 2021 г.[3]

Изменение численности коми на современной территории России и Республики Коми (рис. 2) характеризуется ростом в позднесоветский период (между переписями населения 1959 и 1989 гг.) и сокращением в постсоветский период (между 1989 и 2021 гг.). С 1959 по 1989 гг. их численность в России выросла на 19,6%, а на территории своей республики — на 19%, то есть наблюдалось небольшое увеличение их удельного веса в других регионах (с 13,3 до 13,8%). Между переписями населения 1989 и 2021 гг. сокращение численности коми в своей республике происходило менее быстрыми темпами, чем в стране в целом, из-за чего доля других регионов России в общей численности коми сократилась до 11,4%.

[3] Составлено авторами.

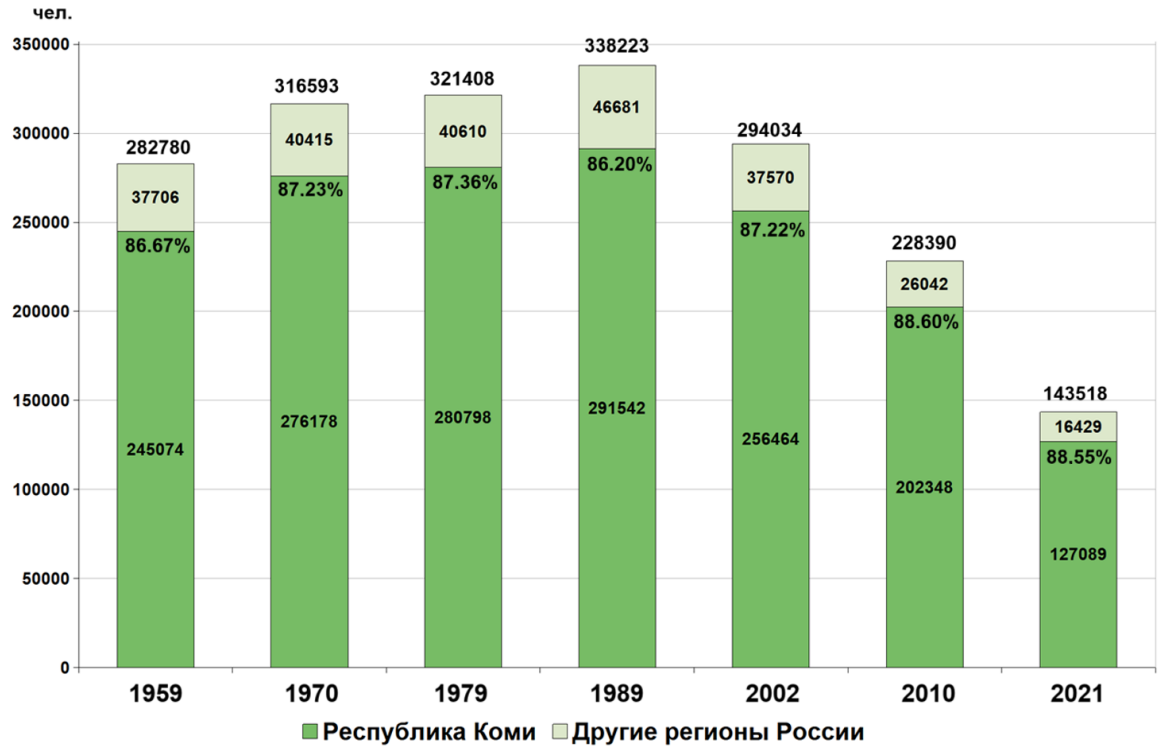

Рис. 2. Динамика численности коми на современной территории России и Республики Коми, а также их концентрация в своей республике (в %) по итогам переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 и 2021 гг.[4]

Динамика удельного веса регионов России в общей численности коми в период с 1970 по 1989 гг. представлена на рис. 3. Между переписями населения 1970 и 1979 гг. наблюдался значительный рост концентрации коми в Коми АССР и Московской области, менее значительный — в Архангельской, Мурманской, Ленинградской, Ярославской, Владимирской и Иркутской областях, а также в Ленинграде, Татарской АССР и Ямало-Ненецком автономном округе. В целом ряде других регионов произошло небольшое увеличение концентрации коми. Но всё же в России преобладали регионы с уменьшающейся концентрацией коми, среди которых особо выделялись соседние с Коми АССР Ненецкий автономный округ, Пермская, Свердловская области и Ханты-Мансийский автономный округ, а также расположенные на юге Сибири Омская, Новосибирская и Кемеровская области, Алтайский край, а на Дальнем Востоке — Читинская и Камчатская области. На юге европейской России немного уменьшился показатель концентрации коми в Краснодарском крае.

[4] Составлено авторами.

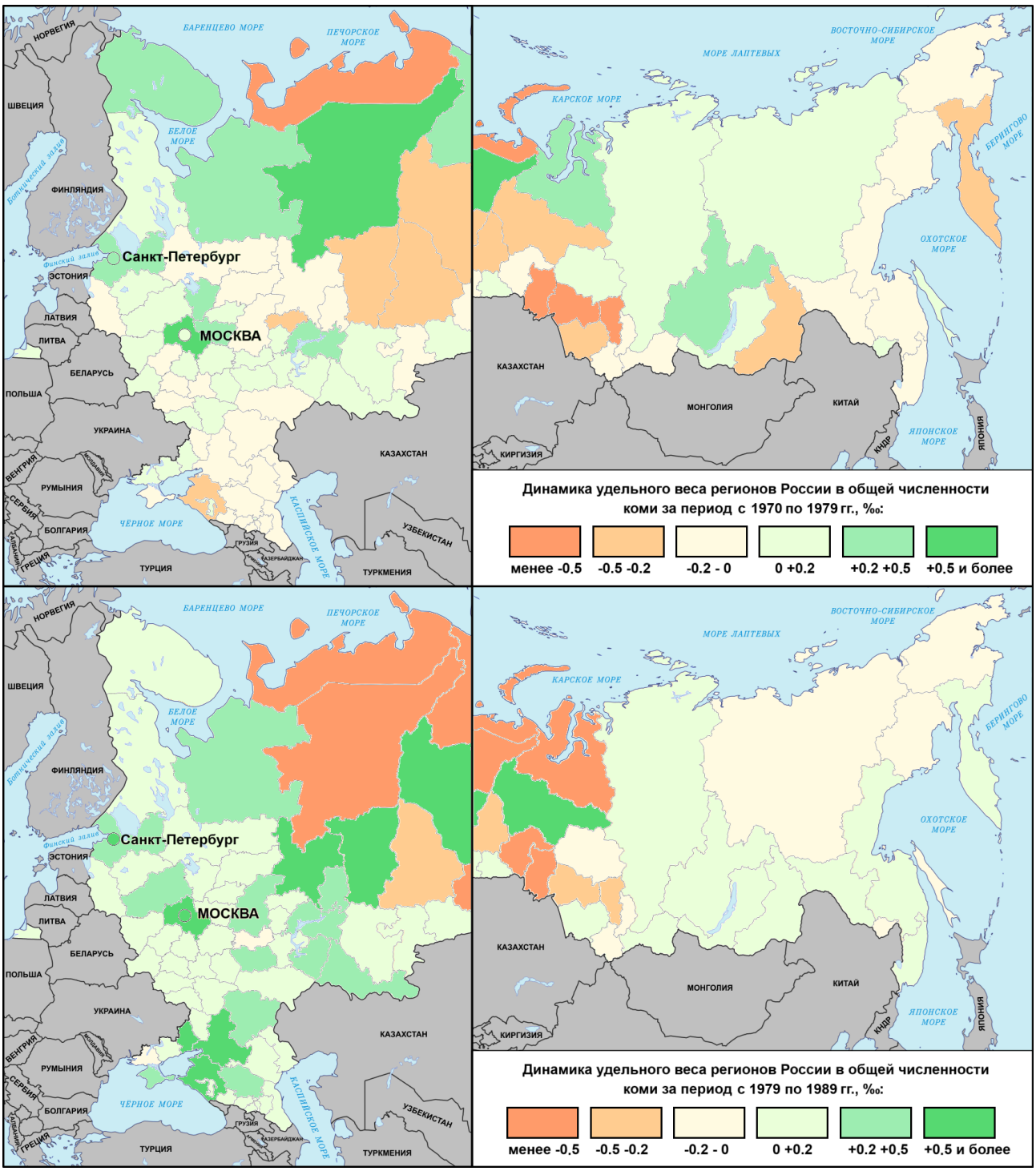

Рис. 3. Динамика удельного веса регионов России в общей численности коми за периоды с 1970 по 1979 гг. и с 1979 по 1989 гг., ‰[5].

В целом такая динамика показателя свидетельствует о наличии нескольких регионов миграционного притяжения коми, в первую очередь Москвы, Ленинграда и окружающих их областей. Нужно отметить, что в этот период отмечался достаточно высокий естественный прирост в Коми АССР (Жеребцов, Рожкин, 2012), чем можно объяснить, с одной стороны, рост концентрации коми в своей республике, а с другой стороны — наличие ресурса для их миграций в другие регионы России. При этом в азиатской части России преобладали

[5] Составлено авторами.

регионы с уменьшающейся численностью коми, что, скорее всего, является результатом не миграционного оттока, а ассимиляционных процессов.

В период с 1979 по 1989 гг. наблюдалось значительное уменьшение концентрации коми в своей республике, в меньшей степени — в двух соседних автономных округах (Ненецком и Ямало-Ненецком), а также в ряде областей, образующих единый пояс от Среднего Урала до Кузбасса. С другой стороны, чётко обозначилась южная направленность миграционных потоков коми, начиная от соседних с Коми АССР Кировской и Пермской областей, через многонациональное Поволжье в русские регионы Юга России. Во второй половине 1980-х гг. произошло резкое падение рождаемости в Коми АССР (Жеребцов, Рожкин, 2012), что, при сохранении миграционного оттока титульного этноса из своей республики в другие регионы страны, сказалось на снижении удельного веса республики в общей численности коми в России.

Динамика удельного веса регионов России в общей численности коми в постсоветский период представлена на рисунке 4. Между переписями населения 1989 и 2010 гг. значительным ростом показателя характеризовались Республика Коми и Ямало-Ненецкий автономный округ, менее значительным — Мурманская область и Ненецкий автономный округ. Но в подавляющем большинстве регионов страны наблюдалась отрицательная динамика показателя, при этом наиболее значительная — в соседних с Республикой Коми Архангельской и Свердловской областях, в Пермском крае, а также в ряде других регионов. Наиболее вероятной причиной роста концентрации коми в своей республике и на прилегающих к ней территориях традиционного проживания данного народа (к которым относятся три соседних автономных округа и Мурманская область) является ускорение ассимиляции коми на остальной территории страны. В этот период произошло резкое сокращение в общей численности коми доли регионов, расположенных на Урале, в южной и средней Сибири, на юге европейской России, а также в Москве и Санкт-Петербурге.

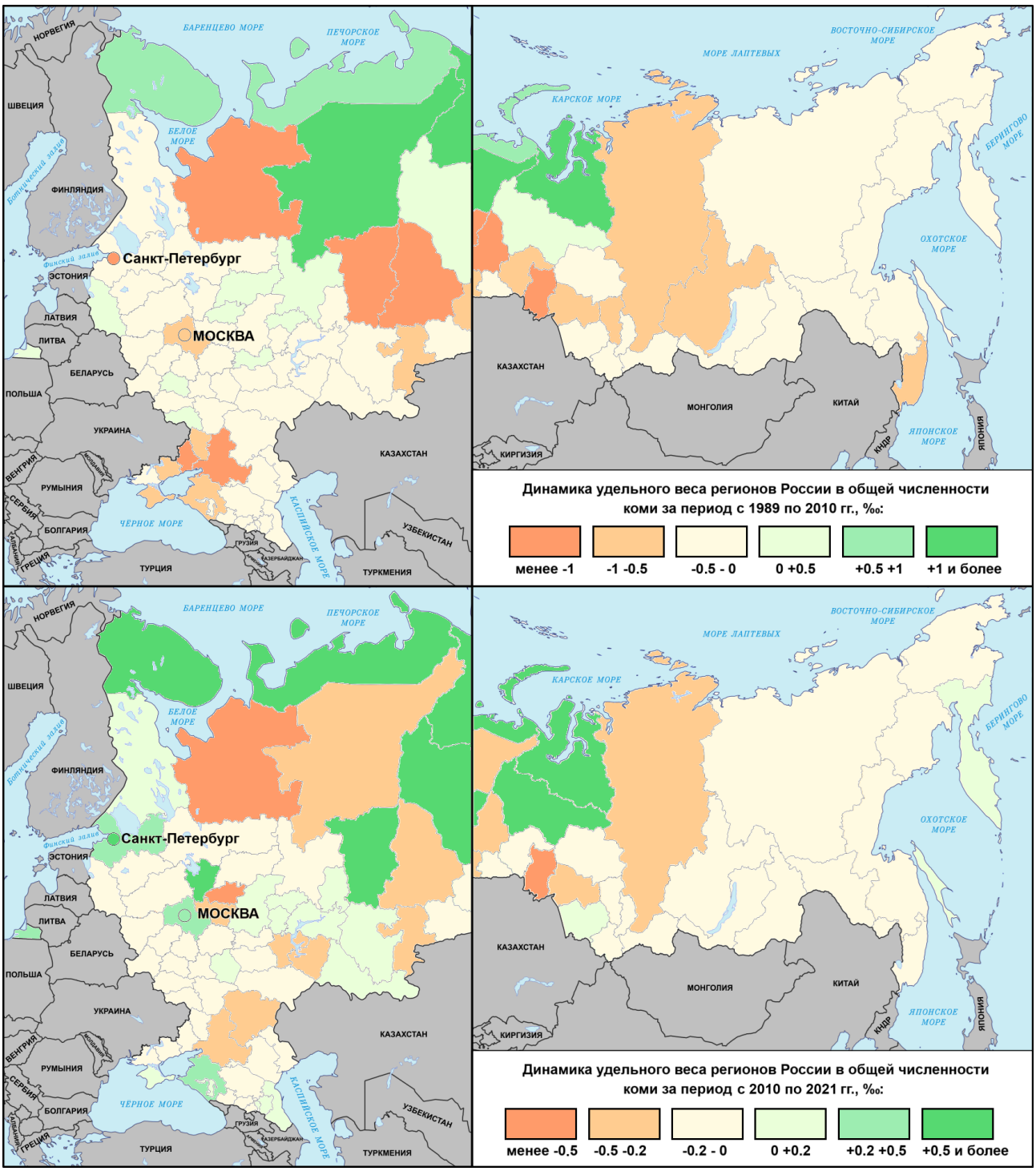

Рис. 4. Динамика удельного веса регионов России в общей численности коми за периоды с 1989 по 2010 гг. и с 2010 по 2021 гг., ‰[6].

Период между переписями населения 2010 и 2021 гг. характеризовался уменьшением концентрации коми в пределах своей республики, но более заметным падением показателя, как и в предыдущем периоде, в Архангельской области. Также повысилась концентрация коми на территориях давнего расселения коми — в трёх соседних с республикой Коми автономных округах и Мурманской области. В целом выросло количество регионов России с положительной динамикой показателя. В частности, вернулся данный тип динамики в

[6] Составлено авторами.

Пермский край, Санкт-Петербург, Москву и Московскую область. Тем не менее, в большинстве регионов страны продолжалось падение показателя концентрации коми, которое в полной мере объясняется ассимиляционными процессами.

Можно отметить три основных фактора значительного сокращения численности коми в постсоветский период, что повлияло и на особенности динамики показателя их концентрации в регионах России. Во-первых, это естественное движение коми, в первую очередь, в своей республике, где представители титульного этноса проживают преимущественно в сельской местности. В последнем десятилетии XX в. произошло сокращение рождаемости в сельских поселениях Республики Коми, тогда же значительно выросла смертность, естественный прирост титульного этноса республики с этого времени сменил знак с положительного на отрицательный (Жеребцов, Рожкин, 2012). Таким образом, естественная убыль стала одной из важных причин резкого снижения численности коми как в пределах своей республики, так и в России в целом.

Во-вторых, это ассимиляционные процессы, которые, на наш взгляд, стали главной причиной более чем двукратного за три постсоветских десятилетия сокращения численности коми. Сравнительную оценку подверженности разных народов ассимиляции со стороны русского населения можно дать с помощью показателя, который был рассчитан этнодемографом Е.Л. Сороко на основании частоты создания этнически смешанных семей между представителями разных народов (Сороко, 2014; Soroko, 2018). Данный показатель, который Е.Л. Сороко обозначал как «межэтнические расстояния», Н.К. Теренина предложила назвать коэффициентом этнической контрастности (КЭК) или же коэффициентом Сороко (КС) (Теренина, 2023).

На основе микроданных переписи 2010 г. и в соответствии с методикой Е.Л. Сороко нами был рассчитан КЭК (КС) в парах основных этнических групп по всем регионам Российской Федерации. Так, в частности, в парах, образуемых русскими и титульными народами финно-угорских республик России, коми оказались примерно на одном уровне с карелами и заметно ниже марийцев, мордвы и удмуртов. Это свидетельствует о более низких барьерах в создании супружеских пар между коми и русскими на фоне других титульных народов финно-угорских республик (кроме карелов). Косвенно это подтверждает высокую степень предрасположенности коми к ассимиляции в постсоветский период. В соседних с Республикой Коми регионах наиболее часто создают супружеские пары с русскими коми, проживающие в Архангельской области (что объясняет резкое снижение концентрации коми в этом регионе в постсоветский период), заметно реже — в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, и крайне редки такие межэтнические браки в Ненецком автономном округе.

В-третьих, что оказалось особенно актуально с точки зрения итогов переписи 2021 г., это высокая доля населения без указанной национальности. В соответствии с результатами переписи населения 2021 г., в Республике Коми по разным причинам без указанной

национальности оказалось 22,8% населения (28,5% в городских поселениях, 3,1% в сельской местности). В соседних с Республикой Коми регионах сложилась схожая ситуация: без указанной национальности оказалось 15,7% населения Архангельской области (19,6% в городских поселениях, 2,5% — в сельской местности), 9,9% населения Ненецкого автономного округа (соответственно, 13,1 и 0,9%), 21,3% населения Ямало-Ненецкого автономного округа (24,3 и 4,9%), 26,4% населения Ханты-Мансийского автономного округа (28,2 и 5,6%).

Но нужно учесть, что большая часть коми в своей республике и других отмеченных регионах, кроме Архангельской области, проживает в сельской местности (в Республике Коми — 62,6%, в Ненецком автономном округе — 56,9%, в Ямало-Ненецком автономном округе — 67,3%, в Ханты-Мансийском автономном округе — 61,4%). Так как у подавляющего большинства сельского населения обозначенных регионов в 2021 г. была зафиксирована национальность, данный фактор едва ли является ведущим в сокращении численности коми между переписями населения 2010 и 2021 гг. (Фаузер, 2023). Тем не менее, часть коми, особенно проживающих в городах, не могла избежать попадания в категорию «лиц без указанной национальности» (например, в случае учёта по административным источникам). Поэтому можно говорить о некотором занижении численности коми в своей республике и в целом на территории России в официальных итогах переписи населения 2021 г. (Хамидуллин, 2024). Возможно, что именно с этим связано уменьшение, хотя и небольшое, показателя концентрации коми в пределах своей республики с 2010 по 2021 гг.

Перераспределение населения между регионами, от которого также зависит динамика показателя этнической концентрации, происходит в результате миграции. Если в советский период миграция играла достаточно существенную роль в расселении коми по территории России, то в постсоветский период в стране уже не наблюдалось регионов с растущей численностью коми, то есть явно испытывающих миграционный приток коми. Даже если такой приток присутствовал, он тут же «съедался» ассимиляцией, которая стала доминирующим фактором динамики численности коми как в самой Республике Коми, так и за её пределами. Даже в советский период влияние миграции на изменение численности коми в большинстве регионов России было небольшим, так как рост показателя концентрации во многих из них достигался естественным приростом коми (и, соответственно, ростом их численности) на фоне более низкого прироста или даже небольшого сокращения численности коми сначала в некоторых соседних с Коми АССР регионах (между переписями 1970 и 1979 гг.), а затем и в самой республике (между переписями 1979 и 1989 гг.).

Заключение

Исследование показало, что основные тренды изменения концентрации коми на уровне регионов России в межпереписные интервалы советского периода, а точнее с 1970

по 1979 гг. и с 1979 по 1989 гг., в большей мере определялись положительным естественным приростом коми в России, и особенно в пределах своей республики, что создавало ресурс для миграционного распределения коми по другим регионам России. Основными направлениями миграций коми из основного ареала их проживания были Ленинград и Москва с прилегающими регионами, но в 1980-е гг. чётко обозначилась южная направленность миграций — через Поволжье на юг европейской России.

Вместе с тем в середине последнего советского десятилетия произошло «обвальное» сокращение рождаемости коми в пределах их основного ареала проживания, что привело, в условиях сохраняющихся миграций коми в другие регионы, к уменьшению их концентрации в Коми АССР и соседних регионах (особенно в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах). Также происходило снижение концентрации коми в некоторых азиатских регионах России, особенно на юге Сибири, где были представлены достаточно многочисленные группы коми. Вероятнее всего, что главной причиной этого стал не миграционный отток коми, а начавшиеся уже в советское время процессы их ассимиляции.

В постсоветский период в качестве ведущего фактора динамики концентрации коми в регионах страны стали выступать ассимиляционные процессы, которые стали более значимыми, чем естественная убыль представителей этого народа. В большей степени это коснулось регионов, расположенных за пределами основного ареала проживания коми, в подавляющем большинстве которых произошло снижение уровня концентрации коми. Однако внутри данного ареала сохранялся рост концентрации народа в период с 1989 по 2010 гг., и лишь во втором десятилетии XXI в. в Республике Коми также обозначилось уменьшение концентрации титульного этноса. Миграции коми в постсоветский период уже не играли такой важной роли в их распределении по территории страны, как в советский период, но нужно отметить сохранение Санкт-Петербурга и Москвы в качестве центров миграционного притяжения коми.

Также следует отметить фактор, который проявил себя в полной мере только в ходе переписи населения, проведённой в 2021 г., а значит, отразился на динамике численности коми и концентрации народа в регионах России в межпереписной интервал с 2010 по 2021 гг. В официальных итогах последней Всероссийской переписи населения оказалась крайне высокой доля лиц без указанной национальности. Причём некоторые регионы, входящие в основной ареал расселения коми, попали в число лидеров в стране по доле населения без обозначенной национальности. Хотя сельская местность, где проживает большая часть коми, в этом плане оказалась более охваченной переписью, часть коми, особенно проживающих в городах, могла попасть в данную категорию, тем самым несколько занизив официальные сведения о численности коми в Республике Коми, а значит, и удельный вес республики в общей численности коми в России.

Список источников

Владыкин Б.А., Алексеева О.С., Теренина Н.К. Изменение этнической мозаичности финно-угорских республик Предуралья и Поволжья с 1926 по 2021 год // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2024; 17 (2): 108–126.

Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Региональные и этнические особенности рождаемости и смертности в Республике Коми в конце XX — начале XXI в. (к постановке проблемы) // Историческая демография. 2012; 2 (10): 41–44.

Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Всероссийская перепись населения 2021 года о расселении народов Кавказа на территории Республики Коми // Известия Коми научного центра УРО РАН. Серия «Историческая демография». 2025; 10 (76): 60–70. https://doi.org/10.19110/1994-5655-2024-10-60-70

Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Кавказская компонента в динамике численности населения Европейского Севера и Республики Коми // Известия Коми научного центра УРО РАН. Серия «Историческая демография». 2023; 8 (66): 98–106. https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-8-98-106

Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. Москва: Наука; 1991. 228 с.

Кривоногов В.П. Современные этнические процессы у коми-ижемцев Кольского полуострова // Известия Коми научного центра УРО РАН. Серия «Историческая демография». 2023; 8 (66): 117–124. https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-8-117-124

Логинова Н.Н., Кильдишова Н.А., Семина И.А., Фоломейкина Л.Н. Изменения в динамике современных демографических процессов у финно-угорских народов России // Наука и мир. 2013; 4 (4): 271–273.

Логинова Н.Н., Реброва Т.П. Динамика численности финно-угорских народов России // Финно-угорский мир. 2013; 3 (16): 89–97.

Манаков А.Г. Титульные народы республик России: этнодемографические тренды с 1939 года // Псковский регионологический журнал. 2022; 18 (2): 43–64. https://doi.org/10.37490/S221979310019231-7

Манаков А.Г., Теренина Н.К., Владыкин Б.А. Динамика этноконтактных зон в финно-угорских республиках Предуралья и Поволжья в постсоветский период // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2024; 4: 60–70. https://doi.org/10.17308/geo/1609-0683/2024/4/60-70

Мясникова А.Б. Демографические потери финно-угорского мира в конце XX — начале XXI веков // Вестник Чувашского университета. 2015; 2: 96–101.

Рожкин Е.Н. Этническая динамика состава и структуры населения Республики Коми во второй половине XX — начале XXI в. Тенденции и закономерности // Историческая демография. 2012; 2 (10): 36–40.

Соколов А.С. Математико-картографические методы оценки этнической неоднородности (на примере Белоруссии) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2025; 18 (1): 53–75.

Сороко Е.Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014; 1 (4): 96–123. https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1804

Сущий С.Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020; 7 (2): 6–30. https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11137

Теренина Н.К. Расчет коэффициента этнической контрастности на примере республик Урало-Поволжья // Псковский регионологический журнал. 2023; 19 (4): 81–94. https://doi.org/10.37490/S221979310027528-3

Теренина Н.К., Иванов И.А., Владыкин Б.А., Алексеева О.С. Динамика контактной зоны между славянскими и финно-угорскими народами на северо-востоке Европейской России в 2010-е годы // Псковский регионологический журнал. 2024; 20 (4): 68–83.

https://doi.org/10.37490/S221979310032224-9

Трифонова З.А. Расселение этнических групп в России (1926–2002) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2008; 2: 62–67.

Трифонова З.А., Лобастова О.А., Ростовцева М.М., Викторов О.Н. Динамика расселения чувашей в России и сопредельных государствах с 1926 года по 2010 год // Вестник Чувашского университета. 2016; 4: 146–153.

Фаузер В.В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение. Ижевск: ООО «Принт»; 2023. 308 с.

Фаузер В.В. Финно-угорские народы в современном мире // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011; 3: 111–125.

Хамидуллин А.Р. Субрегиональная идентичность коми-ижемцев как аспект этнодемографических процессов // Этнография. 2024; 2 (24): 195–213. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2024-2(24)-195-213

de Bézenac C., Clark W.A.V., Olteanu M., Randon-Furling Ju. Measuring and visualizing patterns of ethnic concentration: the role of distortion coefficients // Geographical Analysis. 2022; 54 (1): 173–196. https://doi.org/10.1111/gean.12271

de Graaff T., de Groot H.L.F. Ethnic Concentration and Human Capital Formation // Tinbergen Institute Discussion Paper No. TI 04-081/3. 2004. https://doi.org/10.2139/ssrn.564882

Gang I.N., Rivera-Batiz F., Yun M. Economic Strain, Ethnic Concentration and Attitudes Towards Foreigners in the European Union // IZA Discussion Paper No. 578. 2002. https://doi.org/10.2139/ssrn.331475

Guerra G., Patuelli R., Maggi R. Ethnic Concentration, Cultural Identity and Immigrant Self-Employment in Switzerland // Migration Impact Assessment: New Horizons / Ed. by P. Nijkamp, J. Poot, M. Sahin. Publisher: Edward Elgar; 2012: 147–171. https://doi.org/10.4337/9780857934581.00011

Johnston R., Manley D., Jones K. Spatial scale and measuring segregation: illustrated by the formation of Chicago's ghetto // GeoJournal. 2016; 83 (1): 73–85. https://doi.org/10.1007/s10708-016-9756-5

Soroko E. How the methods of natural sciences can help in the studies of ethnically mixed families? // Journal of Physics: Conference. Ser. 2: Computer Simulations in Physics and Beyond (CSP2017), 9–12 October 2017. Moscow. 2018; 955: 012035. https://doi.org/10.1088/1742-6596/955/1/012035

Sushchiy S. Armenians of Russia: geo-demographic trends of the past, modern realities and prospects // Demographic Review. 2018; 5 (5): 85–106. https://doi.org/10.17323/demreview.v5i5.10180

Zhitin D.V. Spatial characteristics of ethnic group localisation in St. Petersburg // Baltic Region. 2024; 16 (3): 163–186. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-8

Zhitin D.V., Krasnov A.I. Territorial concentration of ethnic groups in St. Petersburg // Regional Research of Russia. 2015. Vol. 5 (4). Pp. 340–348. DOI: https://doi.org/10.1134/S2079970515040140

References

de Bézenac C., Clark W.A.V., Olteanu M., Randon-Furling Ju. Measuring and Visualizing Patterns of Ethnic Concentration: The Role of Distortion Coefficients. *Geographical Analysis*. 2022; 54 (1): 173–196. https://doi.org/10.1111/gean.12271

de Graaff T., de Groot H.L.F. Ethnic Concentration and Human Capital Formation. *Tinbergen Institute Discussion Paper No. TI 04-081/3*. 2004. https://doi.org/10.2139/ssrn.564882

Fauzer V.V. The Finno-Ugric People in the Modern World. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2011; 3: 111–125.

Fauzer V.V. *The Komi Republic at the Turn of the Century: Demography, Migration, and Settlement*. Izhevsk, Print Publ.; 2023. 308 p. (In Russ.)

Gang I.N., Rivera-Batiz F., Yun M. Economic Strain, Ethnic Concentration and Attitudes Towards Foreigners in the European Union. *IZA Discussion Paper No. 578*. 2002. https://doi.org/10.2139/ssrn.331475

Guerra G., Patuelli R., Maggi R. *Ethnic Concentration, Cultural Identity and Immigrant Self-Employment in Switzerland. In: Migration Impact Assessment: New Horizons*. Publisher, Edward Elgar; 2012: 147–171. https://doi.org/10.4337/9780857934581.00011

Johnston R., Manley D., Jones K. Spatial Scale and Measuring Segregation: Illustrated by the Formation

of Chicago's Ghetto. *GeoJournal*. 2016; 83 (1): 73–85. https://doi.org/10.1007/s10708-016-9756-5

Khamidullin A.R. The Subregional Identity of the Izhma Komi as an Aspect of its Ethnodemographic Dynamics. *Etnografiya*. 2024; 2 (24): 195–213. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2024-2(24)-195-213

Konakov N.D., Kotov O.V. *Ethnoareal Groups of the Komi: Formation and Current Ethnocultural State*. Moscow, Nauka Publ.; 1991. 228 p. (In Russ.)

Krivonogov V.P. Modern Ethnic Processes among the Komi-Izhma People of the Kola Peninsula. *Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography"*. 2023; 8 (66): 117–124. https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-8-117-124

Loginova N.N., Kildishova N.A., Semina I.A., Folomeykina L.N. Changes in Dynamics of the Modern Demographic Processes of the Finno-Ugric People of Russia. *Science and World*. 2013; 4 (4): 271–273.

Loginova N.N., Rebrova T.P. Population Dynamics of the Finno-Ugric Peoples in Russia. *Finno-Ugric World*. 2013; 3 (16): 89–97.

Manakov A.G. Title Peoples of the Republics of Russia: Ethno-Demographic Trends since 1939. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2022; 18 (2): 43–64. https://doi.org/10.37490/S221979310019231-7

Manakov A.G., Terenina N.K., Vladykin B.A. Dynamics of Ethno-Contact Zones in the Finno-Ugric Republics of the Urals and Volga Region in the Post-Soviet Period. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology*. 2024; 4: 60–70. https://doi.org/10.17308/geo/1609-0683/2024/4/60-70

Myasnikova A.B. Demographic Losses in Finno-Ugric World in Late XX — Early XXI Century. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*. 2015; 2: 96–101.

Rozhkin E.N. Ethnic Dynamics of the Composition and Structure of the Population of the Komi Republic in the Second Half of the 20th — Early 21st Centuries. Trends and Patterns. *Historical Demography*. 2012; 2 (10): 36–40.

Sokolov A.S. Mathematic and Cartographic Methods of Ethnic Heterogeneity Assessment (On the Example of Belarus). *Bulletin of the Pskov State University. Series "Natural and Physical and Mathematical Sciences"*. 2025; 18 (1): 53–75.

Soroko E. How the Methods of Natural Sciences Can Help in the Studies of Ethnically Mixed Families? *Journal of Physics: Conference. Ser. 2: Computer Simulations in Physics and Beyond (CSP2017)*. 2018; 955: 012035. https://doi.org/10.1088/1742-6596/955/1/012035

Soroko E.L. Ethnically Mixed Families in the Russian Federation. *Demographic Review*. 2014; 1 (4): 96–123. https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1804

Sushchiy S. Armenians of Russia: Geo-Demographic Trends of the Past, Modern Realities and Prospects. *Demographic Review*. 2018; 5 (5): 85–106. https://doi.org/10.17323/demreview.v5i5.10180

Sushchiy S.Ya. The Russian Population of the Near Abroad: Geodemographic Dynamics of the Post-Soviet Period. *Demographic Review*. 2020; 7 (2): 6–30. https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11137

Terenina N.K. Calculation of the Ethnic Contrast Coefficient on the Example of the Republic of the Ural-Volga Region. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2023; 19 (4): 81–94. https://doi.org/10.37490/S221979310027528-3

Terenina N.K., Ivanov I.A., Vladykin B.A., Alekseeva O.S. Dynamics of the Contact Zone between Slavic and Finno-Ugric Peoples in the North-East of European Russia in the 2010s. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2024; 20 (4): 68–83. https://doi.org/10.37490/S221979310032224-9

Trifonova Z.A. Patterns of Ethnic Groups Distribution in Russia (1926-2002). *Lomonosov Geography Journal*. 2008; 2: 62–67.

Trifonova Z.A., Lobastova O.A., Rostovtseva M.M., Viktorov O.N. The Dynamics of the Chuvashs Migration in Russia and Neighboring States between 1926 and 2010. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*. 2016; 4: 146–153.

Vladykin B.A., Alekseeva O.S., Terenina N.K. Changes in the Ethnic Fractionalization of the Finno-Ugrian Republics of the Cis-Ural and Volga Region from 1926 to 2021. *Bulletin of the Pskov State University. Series "Natural and Physical and Mathematical Sciences"*. 2024; 17 (2): 108–126.

Zherebtsov I.L., Fauzer V.V. 2021 All-Russian Population Census on the Settling of the Peoples of the Caucasus in the Komi Republic. *Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography"*. 2025; 10 (76): 60–70.

https://doi.org/10.19110/1994-5655-2024-10-60-70

Zherebtsov I.L., Fauzer V.V. The Caucasian Component in the Population Dynamics of the European North and the Komi Republic. *Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography"*. 2023; 8 (66): 98–106. https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-8-98-106

Zherebtsov I.L., Rozhkin E.N. Regional and Ethnic Characteristics of Fertility and Mortality in the Komi Republic at the End of the 20th — Beginning of the 21st Century (Towards the Formulation of the Problem). *Historical Demography*. 2012; 2 (10): 41–44.

Zhitin D.V. Spatial Characteristics of Ethnic Group Localisation in St. Petersburg. *Baltic Region*. 2024; 16 (3): 163–186. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-8

Zhitin D.V., Krasnov A.I. Territorial Concentration of Ethnic Groups in St. Petersburg. *Regional Research of Russia*. 2015; 5 (4): 340–348. https://doi.org/10.1134/S2079970515040140

Статья поступила в редакцию 19.08.2025; принята к публикации 01.09.2025

Вклад авторов: Манаков А.Г. — постановка научной проблемы исследования, разработка методологии исследования, интерпретация результатов, написание основной части текста, подготовка и оформление рукописи; Владыкин Б.А. — сбор данных, обработка данных, составление картосхем, статистико-картографический анализ данных, написание аналитической части текста.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 292–313.
Научная статья
УДК 338.48(985)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.292

Арктический туризм нового поколения: интеграция креативных индустрий, ИИ и традиционных знаний коренных народов

Карпова Галина Алексеевна [1], доктор экономических наук, профессор
Шматко Алексей Дмитриевич [2], доктор экономических наук, профессор
Михайлова Анна Викторовна [3]✉, кандидат экономических наук, доцент

[1] Санкт-Петербургский государственный экономический университет, набережная канала Грибоедова, 30-32, лит. А, Санкт-Петербург, Россия
[2] Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, ул. Белинского, 58, Якутск, Россия
[3] Институт проблем региональной экономики РАН, ул. Серпуховская, 38, Санкт-Петербург, Россия
[1] karpovaga@rambler.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6139-3336
[2] info@iresras.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7139-3276
[3] av.mikhailova@s-vfu.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3110-7017

Аннотация. Статья исследует перспективы развития креативного туризма в арктических регионах Российской Федерации, анализируя его роль в устойчивом социально-экономическом развитии. В работе рассматриваются уникальные туристические практики, связанные с этнокультурным наследием, природными особенностями и инновационными подходами. Особое внимание уделяется интеграции креативных индустрий, народного творчества, экологических проектов и цифровых платформ для создания новых ниш для локальных сообществ. Предложены рекомендации по созданию инфраструктуры, продвижению креативных туристических продуктов и использованию искусственного интеллекта для повышения привлекательности регионов. Анализируются вызовы, связанные с ограниченной транспортной доступностью и необходимостью сохранения экобаланса. В статье приводятся примеры успешных кейсов из других регионов России, таких как Ростовская область и Севастополь, где цифровые инструменты и креативные подходы влияют на развитие туризма. Авторы подчёркивают важность сохранения культурного наследия и традиций коренных народов, а также необходимость разработки комплексных организационных подходов и программ для поддержки малого бизнеса и развития цифровизации, что позволит повысить индекс туристической привлекательности арктических регионов РФ. Авторы акцентируют внимание на нереализованном потенциале Арктики и возможностях его использования для диверсификации региональной экономики и повышения качества жизни населения.
Ключевые слова: *креативный туризм, Арктические регионы РФ, устойчивое региональное развитие, этнокультурное наследие, туристическая инфраструктура, инновации, социально-экономический эффект, цифровизация, лучшие практики креативного туризма*

The New Generation of Arctic Tourism: Integration of Creative Industries, AI and Traditional Knowledge of Indigenous Peoples

Galina A. Karpova [1], Dr. Sci. (Econ.), Professor
Alexey D. Shmatko [2], Dr. Sci. (Econ.), Professor

* © Карпова Г.А., Шматко А.Д., Михайлова А.В., 2026
Для цитирования: Карпова Г.А., Шматко А.Д., Михайлова А.В. Арктический туризм нового поколения: интеграция креативных индустрий, ИИ и традиционных знаний коренных народов // Арктика и Север. 2026; 64: 292–313. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.292
For citation: Karpova G.A., Shmatko A.D., Mikhailova A.V. The New Generation of Arctic Tourism: Integration of Creative Industries, AI and Traditional Knowledge of Indigenous Peoples. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 292–313. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.292
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

Anna V. Mikhailova [3]✉, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor

[1] Saint Petersburg State University of Economics, Naberezhnaya Kanala Griboedova, 30-32, lit. A, Saint Petersburg, Russia
[2] North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, ul. Belinskogo, 58, Yakutsk, Russia
[3] Institute for Regional Economics Studies of the Russian Academy of Sciences, ul. Serpukhovskaya, 38, Saint Petersburg, Russia
[1] karpovaga@rambler.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6139-3336
[2] info@iresras.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7139-3276
[3] av.mikhailova@s-vfu.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3110-7017

Abstract. The article explores the prospects for the development of creative tourism in the Arctic regions of the Russian Federation, analyzing its role in sustainable socio-economic development. The paper examines unique tourism practices linked to ethno-cultural heritage, natural features, and innovative approaches. Particular attention is paid to the integration of creative industries, folk art, environmental projects, and digital platforms to create new opportunities for local communities. Recommendations on creating infrastructure, promoting creative tourism products, and using artificial intelligence to increase the attractiveness of regions are made. The article analyzes the challenges associated with the limited transport accessibility and the need to preserve the ecological balance. It provides examples of successful case studies from other regions of Russia, such as the Rostov Oblast and Sevastopol, where digital tools and creative approaches are contributing to the development of tourism. The authors emphasize the importance of preserving the cultural heritage and traditions of indigenous peoples, as well as the need to develop comprehensive organizational approaches and programs to support small businesses and advance digitalization, which will help to improve the tourism attractiveness index of the Arctic regions of the Russian Federation. The authors highlight the unrealized potential of the Arctic and the possibilities of using it to diversify the regional economy and improve the quality of life of the population.
Keywords: *creative tourism, Arctic regions of the Russian Federation, sustainable regional development, ethno-cultural heritage, tourism infrastructure, innovations, socio-economic effect, digitalization, best practices of creative tourism*

Введение

Арктика занимает особое место в стратегическом развитии Российской Федерации, что подтверждается рядом ключевых документов, таких как Указ Президента Российской Федерации от 20.10.2020 № 645 «О стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года»[1], Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.09.2020 № 2464-р «Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года»[2] и Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года»[3]. Эти и другие документы определяют приоритетные стратегические направления, включая освоение природных ресурсов, развитие транспортной инфраструктуры, повышение качества жизни населения и создание новых точек экономического роста в Арктике и на Дальнем Востоке России. При этом особое внимание уделяется развитию туризма, который рассматривается как драйвер

[1] Указ Президента РФ от 20.10.2020. URL: https://base.garant.ru/74810556/ (дата обращения: 12.04.2025).
[2] Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020. URL: https://docs.cntd.ru/document/565853199 (дата обращения: 12.04.2025).
[3] Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (дата обращения: 12.04.2025).

устойчивого развития арктических территорий (Kugiejko, 2025).

Квита Г.Н., Лучина Н.А. и Аршинова А.Н. отмечают, что в настоящее время важным становится вопрос экономической выживаемости и социальной защищённости людей на арктических территориях России (Квита, Лучина, Аршинова, 2022). В условиях ограниченности ресурсов конкурентное преимущество и поддержку получают креативные идеи.

Одной из таких идей является креативный туризм. Считается, что данный термин был введён в 2000 г. Ричардсом Г. и Рэймондом К. (Черевичко, Темякова, 2022). Это направление становится одним из перспективных и способствует не только привлечению туристов, но и сохранению культурного наследия коренных народов Севера, развитию локальных сообществ и популяризации уникального культурного ландшафта.

Исследователи (Квита, Лучина, Аршинова, 2022; Черевичко, Темякова, 2022; Цапук, Щегольков, 2024) в своих работах подчёркивают роль данного направления туризма для развития территорий, связывая его с цифровой и креативной экономикой. На наш взгляд, понятие «креативный туризм» для Арктики охватывает широкий спектр активностей: от участия в мастер-классах по традиционным ремёслам до создания современных арт-объектов, связанных с экстремальной природой регионов.

Однако, несмотря на значительный потенциал, развитие этого перспективного вида туризма в Арктике сталкивается с рядом вызовов, включая ограниченную транспортную доступность, недостаток инфраструктуры и необходимость обеспечения экологической безопасности.

Мы выделяем следующие проблемы, которые препятствуют этому развитию в арктических регионах:

- во-первых, недостаточная интеграция туристических практик с местными культурными и природными особенностями (Ren, Jóhannesson, Ásgeirsson et al., 2024);
- во-вторых, отсутствие комплексных программ, направленных на создание креативных туристических продуктов (Parding, Styvén, Lindström et al., 2023; Chen, Chen, 2016);
- в-третьих, высокие затраты на организацию туристической инфраструктуры в условиях сурового климата (Chen, Chen, 2015);
- в-четвёртых, необходимость баланса между развитием туризма и сохранением хрупкой экосистемы Арктики (Degteva, Bobretsov et al., 2021).

На современном этапе развития креативной экономики в арктических регионах Российской Федерации необходима новая парадигма туризма, основанная на синтезе инновационных технологий, креативных индустрий и традиционных знаний коренных народов арктических регионов Российской Федерации. Арктический креативный туризм нового поколения представляет собой сложный междисциплинарный феномен, требующий

комплексного научного осмысления в контексте глобальных вызовов устойчивого развития территорий.

Методология исследования

Мы опираемся на понимание того, что креативный туризм — это форма туризма, основанная на активном участии субъекта в совместных культурно обусловленных практиках, включающих создание, сотворчество, обучение с местными сообществами; на аутентичном взаимодействии и взаимном обмене знаниями, навыками и культурными ценностями. Туристы становятся как потребителями, так и участниками культурных процессов, а локальные сообщества — активными субъектами развития, что обеспечивает баланс между экономической целесообразностью и социально-культурной ответственностью.

Методология исследования основана на интегративном социокультурно-экономическом подходе (Рахмеева, Чеснюкова, 2024), влияющем на региональное развитие. Он базируется на принципах устойчивого развития (триединство экономики, экологии и социума) на микро-, макро- и глобальном уровнях (Дробот, Макаров, Почепаев, 2020), партисипаторного взаимодействия local governance (Одинцова, 2024), концепции интегрирования экономики и культуры, теории социального обмена (взаимная выгода туристов и сообщества (Бутова, Данченок, Егошина и др., 2021)), методологии оценки воздействия (SROI, возврат социальных инвестиций)[4].

Цель исследования — проанализировать возможности креативного потенциала арктических территорий России и разработать рекомендации по развитию креативного туризма как инструмента устойчивого социально-экономического развития региона. Объект исследования — туристические практики в арктических регионах России, предмет исследования — механизмы и инструменты развития туризма в условиях Арктики. Исследование опирается на методы теоретического анализа литературы и стратегических документов развития, системного и сравнительного анализа, а также на социально-экономические методы оценки потенциала.

Обсуждение

Исследователи (Желнина, Сизова, Хорева, 2023) отмечают, что в арктических регионах РФ креативный туризм усиливается за счёт интеграции народного творчества, экологических проектов и цифровых платформ, создавая новые ниши для локальных сообществ. Взаимодействие туризма и креативных индустрий способствует диверсификации экономики и укреплению культурной идентичности. На примере туристских дестинаций в Северо-Западном федеральном округе РФ показаны новые возможности для развития туризма через межрегиональную кооперацию, государственную поддержку развития инфраструктуры и брендинг территории (Карпова, Валеева, 2015).

[4] Методология SPOI. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/eurasia/Appendix-SROI-methodology_ENG.pdf (дата обращения: 12.04.2025).

В исследованиях (Карпова, Рыбальченко, Игнатова, 2020) отмечается, что развитие санаторно-курортного комплекса в России обладает потенциалом для медицинского туризма. При этом, на наш взгляд, Арктика может предложить не только классическое санаторное лечение, но и другие форматы, объединяющие оздоровление и получение уникальных впечатлений. Например, арт-терапия на фоне северного сияния (медитативные практики и творческие мастер-классы в Мурманской области или в арктических районах Республики Саха (Якутия)). Или практику криотерапии и этнотерапии (терапевтическое действие музыкального инструмента хомуса). Однако для продвижения таких практик необходимы цифровые инструменты, например, запуск агрегаторов медицинско-туристических услуг VR/AR (комбинация виртуальных и реальных объектов). Мы думаем, что Арктика имеет потенциал для инновационных форматов в туризме, сочетающих оздоровление, природный потенциал, культуру, искусство и традиции местного населения.

Особый интерес в арктических регионах Российской Федерации представляют этнографические программы, позволяющие погрузиться в традиционный уклад жизни, а также экстремальный туризм — путешествие к Полюсу холода, круизы по Севморпути и арктическим архипелагам. Несмотря на сложную логистику и высокую стоимость, арктический туризм развивается благодаря уникальности предложений: от подлёдной рыбалки до встречи с белыми медведями. Это создаёт предпосылки для формирования инновационных туристических практик (Сарафанова, Сарафанов, 2024), опирающихся на методологию устойчивого развития и концепции интегрирования экономики и культуры, теории социального обмена. Например, развитие креативных практик в Якутии опирается на уникальные этнокультурные традиции и локальные народные ремесла, интегрируя их в экономику через поддержку малого бизнеса и цифровизацию. Мы считаем, что ключевой эффект регионального развития достигается за счёт социальной сплочённости и сохранения культурного наследия.

Результаты

Для развития креативного туризма в арктических регионах РФ можно опираться на опыт других регионов. Так, например, Ростовская область обладает значительным потенциалом за счёт уникальных культурно-исторических объектов (музеи М.А. Шолохова, А.П. Чехова, археологический заповедник и событийные мероприятия). Для усиления привлекательности используются цифровые инструменты (платформы бронирования, VR, AR-гиды, QR-коды) и развитие инфраструктуры, транспортной доступности (Ханина, 2023).

Креативный туризм в малых городах (на примере Венева, Чекалина, Бежецка) базируется на создании локальных культурных центров (музеи, мастерские) и вовлечении туристов в аутентичные практики (ремёсла, фольклор). Ключевые инструменты — это, во-первых, создание комфортных общественных пространств; во-вторых, вовлекающие нарративы (использование историй, легенд, сказок коренных народов и природных

памятников, ландшафтов); в-третьих, сетевые проекты, которые укрепляют идентичность территорий и стимулируют малый бизнес и самозанятость (Цапук, Щегольков, 2024).

Мы согласны с исследователями (Сарафанова, Сарафанов, 2022), что для развития территорий надо трансформировать их основные факторы в активы с более высокой символической (знаковой) ценностью. Арктические регионы РФ обладают уникальным туристическим потенциалом благодаря своим природным ландшафтам, включая ледники, тундру, северное сияние, а также богатое культурное наследие и исторические объекты. При этом следует обратить внимание на процесс формирования комплексной системы экономической безопасности туристско-рекреационных зон (Карпова, Хмельницкий, 2023) в арктических регионах РФ.

Представляет интерес опыт города федерального значения Севастополя, который усиливает туристическую привлекательность через креативные проекты, связанные с военно-историческим наследием (военные реконструкции, квесты) и природные ресурсы (прибрежные маршруты) (Шабалина, Каширина, 2024). Важную роль играет брендирование территории с акцентом на уникальность (символика, эмоциональные нарративы) и вовлечение местных сообществ в создание туристских продуктов.

Мы согласны с (Красильников, 2024), что необходимо разработать концепции развития арктических креативных индустрий в АЗРФ в целях обеспечения единых подходов, согласованности действий и координации мер по развитию креативной экономики в Российской Арктике.

В условиях глобальных изменений, включая таяние ледников и развитие новых технологий, Арктика становится доступной для широкого круга туристов. В АЗРФ входит 9 регионов. Каждый регион обладает потенциалом для развития туризма (табл. 1).

Таблица 1

Анализ отраслевой структуры регионов Арктической зоны РФ[5]

Регион РФ	Территории, относящиеся к Арктической зоне РФ	Развиваемые отрасли экономики
1	2	3
Мурманская область	Весь регион	• добыча полезных ископаемых (никель, апатиты, медь и другие); • судостроительная отрасль (расположены несколько крупных верфей, специализирующихся на строительстве и ремонте морских судов различного класса); • рыболовство; • туризм (уникальная природа Кольского полуострова привлекает туристов со всего мира, что способствует развитию гостиничного бизнеса, сервисной инфраструктуры, других отраслей, связанных с туризмом); • сельское хозяйство
Ненецкий автономный округ	Весь регион	• добыча полезных ископаемых (преимущественно нефть и газ, регион обладает значительными запасами этих ресурсов, что делает его важным игроком на

[5] Составлено авторами на основе открытых данных (официальные сайты регионов, указанных в табл. 1).

Регион РФ	Территории, относящиеся к Арктической зоне РФ	Развиваемые отрасли экономики
1	2	3
		энергетическом рынке России); • металлообрабатывающая промышленность; • строительство и производство строительных материалов; • сельское хозяйство (оленеводство, молочное животноводство, рыболовство, выращивание овощей защищённого грунта); • туризм (уникальная природа, культура коренных народов и возможности для активного отдыха привлекают туристов со всего мира)
Чукотский автономный округ	Весь регион	• добыча природных ресурсов (золото, серебро, медь, алюминий, уголь, нефть и газ); • цветная металлургия; • горнодобывающая промышленность; • рыболовство; • оленеводство; • строительство; • транспортная отрасль (авиация)
Ямало-Ненецкий автономный округ	Весь регион	• добыча углеводородов (нефти и газа); • сельское хозяйство (оленеводство, охотпромысел, молочное животноводство разведение крупного рогатого скота, свиноводство, клеточное пушное звероводство, заготовка дикоросов); • развитие транспортной инфраструктуры (транспортная инфраструктура Ямала играет ключевую роль в обеспечении связности региона со всем миром; так как большинство населённых пунктов расположено в удалённых районах, развитие транспорта имеет большое значение для обеспечения доступности услуг и товаров для жителей округа)
Республика Карелия	1) МО «Беломорский муниципальный район»; 2) МО «Калевальский национальный муниципальный район»; 3) Кемский муниципальный район; 4) МО «Костомукшский городской округ»; 5) Лоухский муниципальный район; 6) МО «Сегежский муниципальный район»	• лесопромышленный комплекс (лесопромышленный комплекс занимает важное место в экономике республики благодаря богатству лесных ресурсов); • производство деревообрабатывающей продукции, целлюлозы и бумаги, а также деревянных конструкций и мебели; • добывающая промышленность; • сельское хозяйство; • туризм (туризм играет значительную роль в экономике Республики Карелии благодаря своему уникальному природному наследию: озёра, леса и горы привлекают туристов со всего мира)

Регион РФ	Территории, относящиеся к Арктической зоне РФ	Развиваемые отрасли экономики
1	2	3
Республика Коми	1) МО городского округа «Воркута»; 2) МО городского округа «Инта»; 3) МО городского округа «Усинск»; 4) Муниципальный район «Усть-Цилемский»	• добыча и переработка природных ресурсов (нефть, газ, минеральные ресурсы): нефтегазовый комплекс играет ключевую роль в экономике региона, Республика Коми располагает крупными месторождениями нефти и газа, что позволяет развивать нефтяную и газовую промышленность; местные предприятия занимаются как добычей сырья, так и его переработкой; экспорт этих продуктов приносит значительные доходы для региона; • лесная промышленность: лесопромышленный комплекс также имеет большое значение для экономики Республики Коми, в него входят лесозаготовительные предприятия, предприятия по производству древесной продукции (досок, фанеры, мебели), а также целлюлозно-бумажный сектор; • производство строительных материалов; • добывающая промышленность (камень, песок); • производство строительных материалов; • сельское хозяйство (животноводство, свиноводство, птицеводство, форелеводство, растениеводство, рыболовство) • туризм (экотуризм и рыбалка)
Республика Саха (Якутия)	1) Абыйский улус (район); 2) Аллаиховский улус (район); 3) Анабарский улус (район); 4) Булунский улус (район); 5) Верхнеколымский улус (район); 6) Верхоянский улус (район); 7) Жиганский улус (район); 8) Момский улус (район); 9) Нижнеколымский улус (район); 10) Оленекский эвенкийский национальный улус (район); 11) Среднеколымский улус (район); 12) Усть-Янский улус (район); 13) Эвено-Бытантайский национальный улус (район)	• добыча полезных ископаемых (уголь, алмазы, золото, серебро). Добыча алмазов является одной из важнейших отраслей промышленности региона; • пищевая промышленность; • лёгкая промышленность; • строительный комплекс; • деревообрабатывающая промышленность; • сельское хозяйство (разведение лошадей и оленей); • туризм (уникальная природа, культурное наследие народа якутов и возможности для активного туризма делают этот регион привлекательным для туристов со всего мира)
Красноярский край	1) МО город Норильск; 2) Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район; 3) МО Туруханский район; 4) Сельские поселения	• добыча полезных ископаемых (занимает ведущее место в экономике региона); • лесопромышленный комплекс (лес является одним из основных богатств региона); • машиностроение и металлообработка; • энергетика (благодаря наличию мощных гидроэлектростанций на реке Енисей и других

Регион РФ	Территории, относящиеся к Арктической зоне РФ	Развиваемые отрасли экономики
1	2	3
	Эвенкийского муниципального района: «Посёлок Суринда», «Посёлок Тура», «Посёлок Нидым», «Посёлок Учами», «Посёлок Тутончаны», «Посёлок Ессей», «Посёлок Чиринда», «Посёлок Эконда», «Посёлок Кислокан», «Посёлок Юкта»	водохранилищах, край является одним из крупнейших производителей электричества в России); • сельское хозяйство и пищевая промышленность
Архангельская область	1. МО «Город Архангельск»; 2. МО «Мезенский муниципальный район»; 3. МО городской округ «Новая Земля»; 4. МО «Город Новодвинск»; 5. МО «Онежский муниципальный район»; 6. МО «Приморский муниципальный район»; 7. городской округ «Северодвинск»; 8. МО «Лешуконский муниципальный район»; 9. МО «Пинежский муниципальный район»	• добыча полезных ископаемых (нефть и газ), производство нефтепродуктов; • лесопромышленный комплекс (лесозаготовительное производство, деревообрабатывающая промышленность, производство целлюлозно-бумажной продукции, производство пиломатериалов и строительных материалов на основе древесины); • судостроение и судоремонтная промышленность; • туризм (уникальная природа Севера, а также культурные достопримечательности делают Архангельскую область привлекательным направлением для туристов)

В табл. 1 отражены регионы, входящие в состав Арктической зоны РФ. Все они обладают уникальной экономической структурой, определяемой их природными ресурсами, промышленной специализацией и географическими особенностями.

Арктические регионы России предлагают уникальные возможности для креативного туризма, включая посещение национальных парков, заповедников и территорий ООПТ, наблюдение за дикой природой и знакомство с культурой коренных народов.

В табл. 2 обобщена характеристика туристического потенциала арктических регионов России. При составлении данных использована информация из «Индекс туристической привлекательности регионов России» [6] и данные государственной статистики (ЕМИСС)[7].

[6] Индекс туристической привлекательности регионов России, 2024. URL: https://russiacb.com/upload/iblock/e98/46p8eqt8qvn1b3083o3bgreav9im0exl.pdf (дата обращения: 09.04.2025).
[7] ЕМИСС. URL: www.fedstat.ru/indicator/62197 (дата обращения 10.04.2025).

Таблица 2

Характеристика туристического потенциала Арктических регионов РФ

Наименование региона	Направление	Характеристика	Индекс туристкой привлекательности (2024 г.)	Валовая добавленная стоимость туристской индустрии в экономике субъекта Российской Федерации (млн руб. на 01.01.2023 г.)	Доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации (01.01.2023 г.), %
1	2	3	4	5	6
Мурманская область	Арктический туризм	Лидер арктического туризма с развитой инфраструктурой для экотуризма: заповедники, саамские этнодеревни, круизы вдоль Баренцева моря и подлёдная рыбалка, наблюдение за северными сиянием	0,44	24 705,5	3,1
Ненецкий автономный округ	Этнографический туризм	Уникальные этнографические программы: кочевые стойбища ненцев, оленеводство, традиционные промыслы, природные объекты, эксклюзивные туры с акцентом на аутентичность	0, 30	3 672,8	0,9
Чукотский автономный округ	Научные экспедиции	Экспедиции к острову Врангеля для наблюдения за белыми медведями и моржами, посещение поселений коренного населения с обрядами и круизные туры	0,29	4 056,3	2,3
Ямало-Ненецкий автономный округ	Этнокультурный туризм	Этнокультурный туризм, посещение кочевых семей, оленьи упряжки, фестивали и национальные праздники коренных народов, посещение природных феноменов, таких как кратеры, тундровые ландшафты	0,34	27 660,2	0,5
Республика Карелия	Экотропы	Экотуризм (экотропы) в заповедниках и к Петроглифам Белого моря. На сегодняшний день самый посещаемый ООПТ России. Также водопады Кивач, национальный парк Паанаярви, музей-заповедник Кижи	0,33	12 758,3	3,7
Республика Коми	Активный туризм	Посещение национальных парков с нетронутой тайгой и горами. Этнографические туры к коми-зырянам с традициями охоты и рыбалки. Ограниченная доступность сохраняет эксклюзивность программ. Например, посещение водопада Буредан, а также одного из семи чудес России — знаменитых столбов на плато Маньпупунер	0,37	17 454,2	1,6

Наименование региона	Направление	Характеристика	Индекс туристкой привлекательности (2024 г.)	Валовая добавленная стоимость туристской индустрии в экономике субъекта Российской Федерации (млн руб. на 01.01.2023 г.)	Доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации (01.01.2023 г.), %
1	2	3	4	5	6
Республика Саха (Якутия)	Экстремальный туризм	Экстремальные туры к Полюсу холода (Оймякон), сплавы по рекам Лене, Амге и другим. Этнические праздники («Ысыах», встреча солнца), «Бакалдын» (обрядовый праздник эвенков), единственный в мире музей мамонта, музей «Царство вечной мерзлоты», креативные центры и креативные кварталы. Национальный парк «Ленские столбы», «Амгинские столбы», «Оленекские столбы»	0,34	43 218,6	2,0
Красноярский край	Природно-экологический туризм	Является одним из ключевых туристических регионов Сибири, сочетающих природные достопримечательности, культурное наследие и экстремальные виды туризма. Национальный парк «Красноярские столбы» с уникальными сиенитовыми скалами. Тропы плато Путорана, Тунгусский заповедник, Манская петля, также в крае песчаные пляжи с развивающейся инфраструктурой	0,38	67 980,4	2,1
Архангельская область	Исторический туризм, гастротуризм	Архипелаги Новая Земля и Земля Франца-Иосифа — исторические маршруты полярных экспедиций. Культурный брендинг через поморскую кухню	0,43	24 282,4	2,4
ИТОГО			Среднее значение 0,365	Сумма Арктических регионов РФ 225 788,7	Среднее значение 2,07

Итак, в табл. 2 мы видим, что Арктические регионы Российской Федерации демонстрируют значительный туристический потенциал, основанный на сочетании уникальных природных ландшафтов, этнокультурного наследия коренных народов и специализированных туристических практик.

Лидерами по туристической привлекательности среди арктических регионов РФ являются Мурманская область (индекс 0,44) и Архангельская область (индекс 0,43). Красноярский край также показывает высокий потенциал. Наибольшую валовую добавленную стоимость (ВДС) в экономике региона обеспечивает Красноярский край (67 980,4 млн руб.), значительный вклад вносят Республика Саха (Якутия) (43 218,6 млн руб.) и Ямало-Ненецкий автономный округ (27 660,2 млн руб.).

При этом наибольшую долю валовой добавленной стоимости (ВДС) туристской индустрии в валовом региональном продукте (ВРП) имеет Республика Карелия (3,7%), далее следуют Мурманская (3,1%) и Архангельская (2,4%) области. Это связано с развитой инфраструктурой, транспортной доступностью, наличием маршрутов и туроператоров. Средний индекс туристической привлекательности по арктическим регионам РФ составляет 0,365, что указывает на умеренный, но стабильный потенциал. Средняя доля ВДС туристской индустрии в ВРП составляет 2,07%, что свидетельствует о значительном, но не доминирующем вкладе туризма в экономику субъекта РФ. Ненецкий и Чукотский автономные округа имеют низкие показатели по доле ВДС туризма в ВРП, что связано с удалённостью и ограниченной инфраструктурой. Республика Коми и Республика Карелия привлекают туристов за счёт экологического и активного туризма, что подтверждает потенциал креативного туризма.

Анализ индекса привлекательности и вклада туризма в ВРП региона позволяет выделить регионы-лидеры, такие как Мурманская область, где развитая инфраструктура и разнообразие предложений обеспечивают устойчивый спрос. Туристы могут посетить малоизвестные районы Арктики, где они смогут не только насладиться красотами природы, но и принять участие в создании художественных инсталляций или разработке новых экологических проектов. В результате таких поездок возникают новые формы коммуникации между людьми разных культур, а также открываются новые перспективы для развития туристической индустрии в регионе.

Особенности развития туризма в российской Арктике обусловлены спецификой:

- экологичность, богатство и разнообразие природных ресурсов, бескрайние тундры и тайга, уникальная атмосфера территорий привлекает туристов, желающих насладиться природой в её первозданном виде. Благодаря этим природным ресурсам развивается креативный туризм, включающий в себя экотуризм, пешие прогулки и арктические круизы;
- культурное наследие арктических народов является важной составляющей развития в российской Арктике. Самобытная культура и традиции саамов, ненцев, хантов, эвенков и других коренных народов привлекают множество туристов из разных стран. Туристы имеют возможность познакомиться с историей и обычаями этих народов, посетить национальные фестивали и самостоятельно участвовать в национальных ремеслах. Это очень интересно и позволяет открыть для себя новые

миры и понять культурное наследие Арктики. Кроме того, проведение различных мастер-классов по изготовлению этнических изделий, одежды, гастрономических мероприятий вызовет особый интерес к креативному туризму;

- удалённость и климатические особенности Арктики создают препятствия для развития туризма, но в то же время стимулируют поиск его новых форм и направлений. В настоящее время всё больше туристов стремится открыть для себя уникальные места и испытать экстремальные впечатления. Такие формы туризма, как арктические экспедиции, водные и ледовые виды спорта, а также уникальные туры по арктическим глубинам, становятся всё более популярными среди любителей приключений.

На сегодняшний день креативный туризм в Арктике только начинает развиваться. В частности, организовываются туры в Ямало-Ненецкий автономный округ, Мурманскую область, Архангельскую область, Республику Карелию. Креативный аспект данным турам создают:

- погружение в традиционную среду обитания северных коренных народов;
- участие в праздничных мероприятиях;
- участие в гастрономических мастер-классах;
- интерактивное общение.

Одним из перспективных и важных с точки зрения туризма направлений может стать развитие гастрономии. Арктическая зона характеризуется суровыми зимами и короткими летними сезонами, когда доступность свежих овощей, фруктов и других продуктов ограничена. Однако Арктика обладает уникальным биоразнообразием, а также традиционными рыболовством и охотой, способствующими развитию гастрономии и созданию уникальных кулинарных блюд. Развитие гастрономического туризма в российской Арктике предоставляет возможность привлечения внимания к богатству местных продуктов и традиций кулинарии. В силу своей удалённости от основных сельскохозяйственных районов, регион зависит от производства пищевых продуктов на местных территориях, что создаёт возможности для развития уникальной кухни, основанной на арктических ингредиентах, таких как морепродукты, дикорастущие ягоды, грибы и травы. Эти продукты не только обладают особыми вкусовыми качествами, но и являются богатыми источниками питательных веществ, что делает их привлекательными для туристов и гурманов.

Проанализировав практики развития туризма на примере арктических стран и арктических регионов России (Lamers, Steins, van Bets, 2024; Сарафанова, Сарафанов, 2024; Квита, Лучина, Аршинова, 2022; Желнина, Сизова, Хорева, 2023; Бутова, Данченок, Егошина и др., 2021; Гресь, 2024), мы составили следующую классификацию туристических креативных практик (табл. 3).

Таблица 3

Классификация туристических креативных практик[8]

Наименование тура	Территория	Содержание тура
1	2	3
Тильтимская зима	Ямало-Ненецкий автономный округ	этнический тур с погружением в традиционную среду обитания северных хантов — одного из коренных народов Ямала
Кузъёль. Олений ручей	Ямало-Ненецкий автономный округ	этнический тур с посещением настоящего стойбища оленеводов
Кедровый тур	Ямало-Ненецкий автономный округ	проводы ямальского лета на фестивале «КедрФест», интерактивное общение с местными жителями, участие в мероприятиях
Девичник в Арктике	Мурманская область	активный отдых, интерактивное общение
Уикэнд в Арктике: знакомство с Чукоткой	Чукотский автономный округ	дегустация местных деликатесов; обучение ремеслу чукотского каюра, катание на собачьих упряжках; интерактивное общение
Вкусное Пинежье	Архангельская область	экскурсия; зелёный туризм; интерактивный мастер-класс «Печём калачи да шаньги»
Новогодние приключения в Мурманске	Мурманская область	активный отдых; выезд в саамскую деревню для знакомства с коренным народом и животными Севера; интерактивное общение
Карельские путешествия	Республика Карелия	экскурсии, карельская кухня, мастер-классы, аэропрогулки и подлёдная рыбалка, снегоходы, интерактивное общение

Представленная классификация креативных туристических практик в арктических регионах России демонстрирует их разнообразие, включая этнографические туры, экстремальный туризм, гастрономические и событийные программы. Ключевой особенностью является активное вовлечение туристов в аутентичные культурные практики в сочетании с цифровыми форматами, что в результате формирует уникальный туристический продукт новой парадигмы арктического туризма нового поколения, способствующий сохранению наследия и устойчивому развитию.

На сегодняшний день актуально использование потенциала ИИ (искусственного интеллекта) в арктическом туризме нового поколения. Также перспективным является использование ИИ для развития туризма в Арктических регионах РФ. Как мы уже отметили, ИИ открывает новые возможности для развития туризма, особенно в Арктике, учитывая сложную логистику для туристов. Например, внедрение ИИ-платформ для оптимизации логистики туристических маршрутов, персонализации предложений на основе анализа природно-культурных ресурсов и прогнозирования спроса с учётом фактора сезонности (динамическое ценообразование), для управления безопасностью туристов (дроны для мониторинга маршрутов, чат-боты). С помощью алгоритмов машинного обучения можно анализировать предпочтения туристов, их поведение и отзывы, чтобы предложить уникальные маршруты, учитывающие интересы каждого посетителя. Например, туристы со всего мира могут получить рекомендации по посещению этнографических комплексов, музеев под открытым небом или природных объектов. Так, ИИ может порекомендовать посетить Ленские столбы в Республике Саха (Якутия). Они представляют собой пример двух

[8] Составлено авторами на основе открытых данных.

редких природных явлений: это современный мерзлотный карст и последствия кембрийского взрыва, во время которого увеличилась популяция хордовых, членистоногих, моллюсков и иглокожих. Или посмотреть на полёт стерхов. У народа саха есть поверье: кто хоть раз увидит стерха (редкая птица, занесена в Международную Красную книгу), тот будет счастливым всю жизнь.

Ещё одним важным аспектом использования ИИ является улучшение взаимодействия с туристами. Виртуальные ассистенты, чат-боты на основе ИИ могут представлять информацию об истории, достопримечательностях, маршрутах, погодных условиях, культурных мероприятиях, о национальных блюдах в режиме реального времени, что особенно важно в условиях Арктики. Кроме того, ИИ может быть использован для создания виртуальных и дополненных реальностей, позволяя погрузиться в уникальную атмосферу региона. Это актуально для привлечения туристов из других стран, которые могут заранее оценить уникальность Арктики России и спланировать своё путешествие.

ИИ также способствует оптимизации управления туристическими потоками. С помощью аналитических платформ на основе ИИ можно прогнозировать нагрузку на инфраструктуру, оптимизировать логистику и распределение ресурсов, а также минимизировать воздействие на окружающую среду.

Кроме того, ИИ может быть использован для сохранения и популяризации культурного наследия Арктики. С помощью технологий распознавания изображений и обработки естественного языка можно создавать цифровые архивы, интерактивные музеи и образовательные программы. Это не только сохраняет культурное наследие, но и делает его доступным для широкой аудитории.

В целом использование искусственного интеллекта для развития туризма в Арктических регионах РФ открывает новые горизонты для создания уникального туристического опыта, повышения привлекательности региона и устойчивого развития туристической индустрии и креативных индустрий. Всё это может повысить конкурентоспособность туристического потенциала Арктических регионов РФ, несмотря на ограничение в инфраструктуре и данных. Цифровизация трансформирует креативный туризм через персонализацию услуг (ИИ-рекомендации, динамическое ценообразование) и создание цифровых экосистем, объединяющих локальных производителей на базе креативных пространств и туристов. При этом важен баланс технологий и аутентичного опыта, чтобы избежать «обезличивания» культурного контента.

Мы видим следующие направления внедрения искусственного интеллекта (табл. 4).

Таблица 4

ИИ в Арктическом туризме РФ: персонализация и инновации

Направление	Содержание
Умные рекомендации	ИИ-алгоритмы анализируют предпочтения туристов и предлагают индивидуальные маршруты. Например, если путешественник интересуется этнографией, система может порекомендовать мастер-классы у ненцев или саамов, а если его увлекает природа —

	спланировать тур к лежбищам моржей
Виртуальные гиды и дополненная реальность	С помощью AR-очков и мобильных приложений туристы могут «оживить» исторические места: увидеть 3D-реконструкции древних поселений или анимированные легенды северных народов. ИИ-переводчик в реальном времени поможет общаться с местными жителями
Экологичный туризм и прогнозирование	ИИ помогает минимизировать нагрузку на хрупкую арктическую экосистему, прогнозируя поток туристов и распределяя маршруты, определяя логистику. Также нейросети могут мониторить погоду и корректировать программы для безопасности людей
Генерация контента и бренд-продвижение	ИИ создаёт привлекательное описание туров, автоматически генерирует фото- и видеоматериалы, адаптирует рекламу под разные аудитории. Это особенно важно для удалённых арктических регионов РФ, где маркетинговые ресурсы и инфраструктурные решения ограничены

Интеграция ИИ в арктический креативный туризм нового поколения превращает Арктику РФ не просто в место для экстремальных путешествий, а в пространство для глубокого погружения в культуру, науку и природу. Технологии делают туризм более персонализированным, безопасным и экологичным, а креативные форматы повышают бренд территории, делают туры более увлекательными и запоминающимися. В будущем этот симбиоз может стать драйвером устойчивого развития Арктического региона.

Мы предлагаем проводить экономический анализ креативных туристических практик новой парадигмы арктического туризма нового поколения по следующим экономическим показателям, которые отражают их потенциал и экономическую целесообразность внедрения в условиях Арктики (табл. 5).

Таблица 5

Оценка креативных туристических практик[9]

Название	Формула	
Общий экономический эффект (E)	$E = D + M \cdot I + S$	E — общий экономический эффект D — прямые доходы от туризма (от проживания, питания, развлечений, приобретения сувенирной продукции и т. д.) M — мультипликатор экономического эффекта I — инвестиции в развитие туризма S — социальные и культурные эффекты (сохранение культурного наследия, развитие туристического потенциала, создание рабочих мест, повышение качества жизни)
Мультипликатор экономического эффекта (M)	$M = \frac{1}{1 - MPC}$	M — мультипликатор экономического эффекта MPC — предельная склонность к потреблению (доля доходов, которая тратится на потребление)
Оценка туристического потенциала региона (P)	$P = \frac{T \cdot A \cdot C}{C_t}$	P — оценка туристического потенциала региона T — количество туристов A — средний чек на одного туриста

[9] Составлено авторами.

		C — коэффициент доступности региона (логистика, инфраструктура) Ct — коэффициент сезонности
Оценка социальной эффективности (S)	$S = \frac{N_e + Q_l + C_c}{P_i}$	S — оценка социальной эффективности N_e — новые рабочие места Q_l — повышение качества жизни C_c — сохранение культурного наследия P_i — численность населения
Индекс устойчивого развития (Is)	$I_s = \frac{E_c + S_c + C_c}{A_r}$	I_s — индекс устойчивого развития E_c — экономический компонент S_c — социальный компонент C_c — культурный компонент A_r — административная поддержка

В табл. 5 представлены оценки общей эффективности креативных продуктов в рамках арктического туризма нового типа. Предложены формулы, включая расчёт общего экономического эффекта (E), мультипликатора экономического эффекта, туристического потенциала, социальной эффективности и индекса устойчивого развития. Эти метрики позволяют комплексно учитывать как прямые доходы от туризма, так и долгосрочные социально-культурные эффекты, такие как сохранение культурного наследия, создание новых рабочих мест и положительное изменение социально-экономических показателей.

Арктические регионы РФ строят свои стратегии на основе локальной идентичности как основы креативных программ, на активном использовании ИИ и цифровых инструментов для расширения доступности и персонализации, на основе событийного туризма и партисипаторных практик как драйверов экономики впечатлений. Развитие креативного туризма должно основываться на принципах устойчивого развития, учитывающих интересы местных сообществ, сохранение окружающей среды и создание туристической инфраструктуры. На основе исследования разработаны рекомендации по развитию креативного туризма (табл. 6).

Таблица 6

Рекомендации по развитию креативного туризма в Арктических регионах РФ

Направление	Содержание
Создание брендов и продвижение уникальных туристических продуктов	• разработка тематических маршрутов (например, этнографические туры, наблюдение за дикой природой, экспедиции к уникальным природным памятникам Всемирного наследия ЮНЕСКО); • использование цифровых технологий для продвижения креативных туров (виртуальные туры, ИИ, VR, AR-технологии)
Инвестиции в инфраструктуру	• строительство, модернизация экологичных отелей, гостевых домов, баз отдыха и т. д.; • развитие транспортной доступности (субсидирование авиа-, ж/д и водного транспорта)
Цифровизация	• персонализация услуг с помощью ИИ (сбор информации о потребителях, поставщиках и стейкхолдерах); • цифровизация услуг, настройка онлайн-оплаты; • разработка сайтов, лендинговых страниц, чат-ботов и т. д.
Поддержка местных сообществ	• вовлечение локальных сообществ в создание и реализацию туристических программ; • финансовая поддержка предпринимателей, самозанятых, работающих в сфере туризма (по ОКВЭД-2)
Экологическая ответственность	• разработка стандартов экологического туризма; • привлечение туристов к участию в экологических проектах
Государственно-частное партнёрство,	• создание специальных программ поддержки креативного туризма; • привлечение частных инвестиций через налоговые льготы и гранты; • обучение местного населения стандартам работы в туристической

грантовые программы	индустрии; • организация и проведение форумов, фестивалей

Арктические регионы Российской Федерации демонстрируют разнообразный туристический потенциал, связанный с природными, историческими и этнокультурными особенностями. Развитие инфраструктуры и продвижение уникальных туристических продуктов могут значительно повысить креативный потенциал, привлекательность и экономический вклад в бюджет регионов.

Креативный туризм в арктических регионах представлен в виде этнических туров и экскурсий с интерактивным общением посредством проведения мастер-классов. Данное направление развивается в Ямало-Ненецком автономном округе, Мурманской области, Чукотском автономном округе, Архангельской области, Республике Карелии. Однако малое количество туров и нерегулярность их проведения позволяют сделать вывод об отсутствии развитого сектора в Российской Арктике. На сегодняшний день Арктические регионы РФ обладают значительным нереализованным потенциалом для развития креативной экономики. Сохранение уникальной природы, культурного наследия и традиций коренных народов, а также использование инновационных подходов в различных отраслях экономики могут способствовать устойчивому и разностороннему развитию этого региона. Российская Арктика богата культурным наследием и традициями коренных народов, что является ценным ресурсом для развития культурной индустрии. Организация мастерских по национальным промыслам, проведение фестивалей и других мероприятий позволяют диверсифицировать экономику региона и повысить уровень и качество жизни населения Арктики.

Арктический туризм нового поколения — это модель туристической деятельности, которая сочетает традиционные формы путешествий с цифровыми технологиями, креативными индустриями и принципами устойчивого развития. В отличие от классического экотуризма или экстремальных экспедиций, арктический креативный туризм делает акцент на следующих ключевых особенностях (табл. 7).

Таблица 7

Особенности Арктического туризма нового поколения [10]

№№	Наименование	Содержание
1	Гибридность форматов	Онлайн-туризм (VR-туры, цифровые выставки, онлайн мастер-классы по ремеслам коренных народов)
		Офлайн-иммерсивные практики (этнографические программы, участие в традиционных обрядах, создание арт-объектов в коллаборации с местными сообществами)
2	Технологическая интеграция	Использование искусственного интеллекта для персонализации маршрутов (например, чат-боты с рекомендациями на основе предпочтений туристов)
3	Устойчивость	Минимизация углеродного следа за счёт зелёной логистики

[10] Составлено авторами.

		(водородный транспорт, электросани и т. д.)

Пример: Тур «Тильтимская зима» с проживанием в чуме и обучением оленеводству + VR-дневник для удалённых участников (видеоблог). В Мурманской области — фестиваль «Саамские игры» с AR-гидами, транслирующими мифы коренных народов через смартфоны, мобильные приложения. Чукотка — научно-туристические экспедиции на остров Врангеля с ИИ-анализом данных о миграции белых медведей.

Арктический туризм нового поколения — это не просто тренд, а стратегический инструмент для гармоничного развития регионов Российской Федерации. Успех зависит от синергии трёх элементов: технологий, традиционных знаний и государственно-частного партнёрства.

Заключение

Креативный арктический туризм нового поколения, являясь новым направлением в развитии туристической индустрии арктических регионов РФ, способствует привлечению туристов, сохранению культурного наследия коренных народов, развитию локальных сообществ и популяризации уникального культурного ландшафта. Интеграция креативных индустрий, народного творчества, экологических проектов и цифровых платформ создаёт новые ниши для местных жителей, способствуя диверсификации региональной экономики. Креативный туризм в арктических регионах РФ является драйвером устойчивого социально-экономического развития. Важно преодолеть ограничения, связанные с инфраструктурой, транспортной доступностью, экологической и экономической безопасностью. Развитие требует комплексного подхода, включая государственную поддержку, частные инвестиции и активное участие местных сообществ. Необходимо поддерживать баланс между экономическим ростом и сохранением уникальной природы и культуры региона. Внедрение цифровых технологий и искусственного интеллекта может стать ключевым фактором повышения привлекательности Арктики как туристического направления. АЗРФ обладает всеми необходимыми ресурсами для становления лидером в области креативного туризма.

Список источников

Бутова Т.Г., Данченок Л.А., Егошина О.Л., Климович Н.В., Мутовин С.И. Развитие научных подходов к исследованию творческих индустрий в современных условиях // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2021; 4 (57): 102–108.

Гресь Р.А. Этнокультурные аспекты арктической специфики в стратегиях социально-экономического развития регионов и муниципалитетов Арктической зоны Российской Федерации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2024; 3: 23–42. https://doi.org/10.5922/vestniknat-2024-3-2

Дробот Е.В., Макаров И.Н., Почепаев И.А. Концептуальные основы устойчивого развития в XXI веке: принцип триединства и подходы к оценке воздействия бизнеса // Лидерство и менеджмент. 2020; 7 (4): 643–658. https://doi.org/10.18334/lim.7.4.110931

Желнина З.Ю., Сизова И.А., Хорева Л.В. Взаимодействие туризма и креативных индустрий на арктических территориях: сферы пересечения // Современные проблемы сервиса и туризма. 2023; 17 (2): 7–20. https://doi.org/10.5281/zenodo.7997710

Карпова Г.А., Валеева Е.О. Развитие туризма как конкурентное преимущество территории (на примере субъектов СЗФО) // Известия СПбГЭУ. 2015; 1 (91): 44–51.

Карпова Г.А., Рыбальченко И.Е., Игнатова Е.В. Эволюция развития и перспективные направления совершенствования рынка медицинского туризма // Известия СПбГЭУ. 2020; 5 (125): 102–107.

Карпова Г.А., Хмельницкий Н.В. Методические подходы к формированию системы экономической безопасности туристской дестинации // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. 2023; 3 (19): 15–20. https://doi.org/10.18572/2686-858X-2023-19-3-15-20

Квита Г.Н., Лучина Н.А., Аршинова А.Н. Креативный туризм как фактор развития российского туристского бизнеса // Современная конкуренция. 2022; 16 (1 (85)): 29–40. https://doi.org/10.37791/2687-0657-2022-16-1-29-40

Красильников А.С. Законодательные аспекты развития креативных индустрий в регионах российской Арктики (на примере Мурманской области) // Арктика и Север. 2024; 56: 32–49. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.32

Одинцова А.В. К вопросу о реализации концепции Local governance в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024; 5: 21–40. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_5_21_41

Рахмеева И.И., Чеснюкова Л.К. Методология нравственной и социокультурной экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024; 245 (1): 165–175. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-245-1-165-175

Сарафанова А.Г., Сарафанов А.А. Концепция креативного туризма и его примеры в мире // Современные проблемы сервиса и туризма. 2024; 18 (1): 7–14. https://doi.org/10.5281/zenodo.11400162

Сарафанова А.Г., Сарафанов А.А. Теория и кейсы креативного туризма // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2022; 8 (3): 54–64. https://doi.org/10.18413/2408-9346-2022-8-3-0-5

Ханина А.В. Развитие креативного туризма в Ростовской области // Сервис в России и за рубежом. 2023; 17 (5 (107)): 125–133. https://doi.org/10.5281/zenodo.1048506

Цапук Д.А., Щегольков Ю.Ю. Креативный туризм: возможности и практики развития малых городов // Современные проблемы сервиса и туризма. 2024; 18 (1): 162–181. https://doi.org/10.5281/zenodo.11425238

Цапук Д.А., Щегольков Ю.Ю. Креативный туризм: возможности и практики развития малых городов // Современные проблемы сервиса и туризма. 2024; 1: 151–181. https://doi.org/10.5281/zenodo.11425238

Черевичко Т.В., Темякова Т.В. Креативный туризм и цифровизация общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022; 22 (2): 145–151. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-2-145-151

Шабалина Н.В., Каширина Е.С. Развитие креативного туризма как путь повышения туристской привлекательности города Севастополя // Современные проблемы сервиса и туризма. 2024; 18 (1): 112–124. https://doi.org/10.5281/zenodo.11408802

Chen J.S., Chen Ya-Ling. Tourism stakeholders' perceptions of service gaps in Arctic destinations: Lessons from Norway's Finnmark region // Journal of Outdoor Recreation and Tourism. 2016; 16: 1–6. https://doi.org/10.1016/j.jort.2016.04.006

Chen J.S. Tourism stakeholders' attitudes toward sustainable development: A case in the Arctic // Journal of Retailing and Consumer Services. 2015; 22: 225–230. https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2014.08.003

Degteva S., Bobretsov A., et al. Occurrences of threatened species included in the Third Edition of the Red Data Book of the Komi Republic (Russia) // Biodiversity Data Journal. 2021; 9: e73763. https://doi.org/10.3897/BDJ.9.e73763

Kugiejko M. Impacts of tourism on Arctic communities — the Spitsbergen example // Reference Module in Earth Systems and Environmental Sciences. Elsevier, 2025. https://doi.org/10.1016/B978-0-323-85242-5.00033-6

Lamers M., Steins N.A., van Bets L. Combining polar cruise tourism and science practices // Annals of Tourism Research. 2024; 107: 103794. https://doi.org/10.1016/j.a03794

Parding K., Styvén M., Lindström F., Näppä A. Workplace learning in transient workplaces: the tourism and hospitality industry in the Arctic region // Journal of Workplace Learning. 2023; 35 (9): 259–273.

https://doi.org/10.1108/JWL-02-2023-0032

Ren C., Jóhannesson G.T., Ásgeirsson M.H., Woodall S., Reigne N. Rethinking connectivity in Arctic tourism development // Annals of Tourism Research. 2024; 105: 103705. https://doi.org/10.1016/j.annals.2023.103705

References

Butova T.G., Danchenok L.A., Egoshina O.L., Klimovich N.V., Mutovin S.I. Developing Scientific Approach to Research Creative Industries in Modern Context. *Scientific Bulletin: Finance, Banking, Investment*. 2021; 4 (57): 102–108.

Chen J.S, Chen Ya-Ling. Tourism Stakeholders' Perceptions of Service Gaps in Arctic Destinations: Lessons from Norway's Finnmark Region. *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*. 2016; 16: 1–6. https://doi.org/10.1016/j.jort.2016.04.006

Chen J.S. Tourism Stakeholders' Attitudes toward Sustainable Development: A Case in the Arctic. *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2015; 22: 225–230. https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2014.08.003

Cherevichko T.V., Temyakova T.V. Creative Tourism and Digitalization of Society. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*. 2022; 22 (2): 145–151. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-2-145-151

Degteva S., Bobretsov A., et al. Occurrences of Threatened Species Included in the Third Edition of the Red Data Book of the Komi Republic (Russia). *Biodiversity Data Journal*. 2021; 9: e73763. https://doi.org/10.3897/BDJ.9.e73763

Drobot E.V., Makarov I.N., Pochepaev I.A. Conceptual Foundations of Sustainable Development in the 21st Century: The Triple Bottom Line Concept and Approaches to Business Impact Assessment. *Leadership and Management*. 2020; 7 (4): 643–658. https://doi.org/10.18334/lim.7.4.110931

Gres R.A. Ethno-Cultural Aspects of Arctic Specificity in Socio-Economic Development Strategies of Regions and Municipalities of the Russian Federation Arctic Zone. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*. 2024; 3: 23–42. https://doi.org/10.5922/vestniknat-2024-3-2

Karpova G.A., Khmelnitsky N.V. Methodological Approaches to the Formation of the System of Economic Security of a Tourist Destination. *The Professors' Magazine. Recreation and Tourism Series*. 2023; 3 (19): 15–20. https://doi.org/10.18572/2686-858X-2023-19-3-15-20

Karpova G.A., Rybalchenko I.E., Ignatova E.V. Evolution of Development and Prospective Directions for the Medical Tourism Market Improving. *Izvestia Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Ekonomiceskogo Universiteta*. 2020; 5 (125): 102–107.

Karpova G.A., Valeeva E.O. Tourism Development as the Competitive Advantage of the Territory (On the Example of the Northwest Federal District Subjects). *Izvestia Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Ekonomiceskogo Universiteta*. 2015; 1 (91): 44–51.

Khanina A.V. Creative Tourism Development in Rostov Region. *Services in Russia and Abroad*. 2023; 17 (5 (107)): 125–133. https://doi.org/10.5281/zenodo.10428506

Krasilnikov A.S. Legislative Aspects of Creative Industries Development in the Regions of the Russian Arctic (On the Example of the Murmansk Oblast). *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 56: 32–48. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.32

Kugiejko M. Impacts of Tourism on Arctic Communities — the Spitsbergen Example. *Reference Module in Earth Systems and Environmental Sciences*. Elsevier, 2025. https://doi.org/10.1016/B978-0-323-85242-5.00033-6

Kvita G.N., Luchina N.A., Arshinova A.N. Creative Tourism as a Factor in the Development of the Russian Tourism Business. *Journal of Modern Competition*. 2022; 16 (1 (85)): 29–40. https://doi.org/10.37791/2687-0657-2022-16-1-29-40

Lamers M., Steins N.A., van Bets L. Combining Polar Cruise Tourism and Science Practices. *Annals of Tourism Research*. 2024; 107: 103794. https://doi.org/10.1016/j.a03794

Odintsova A.V. Problems of Implementing Local Governance Concept in Russia. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2024; 5: 21–40. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_5_21_41

Parding K., Styvén M., Lindström F., Näppä A. Workplace Learning in Transient Workplaces: The Tourism

and Hospitality Industry in the Arctic Region. *Journal of Workplace Learning*. 2023; 35 (9): 259–273. https://doi.org/10.1108/JWL-02-2023-0032

Rakhmeeva I.I., Chesnyukova L.K. Methodology of Moral and Socio-Cultural Economics. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2024; 245 (1): 165–175. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-245-1-165-175

Ren C., Jóhannesson G.T., Ásgeirsson M.H., Woodall S., Reigne N. Rethinking Connectivity in Arctic Tourism Development. *Annals of Tourism Research*. 2024; 105: 103705. https://doi.org/10.1016/j.annals.2023.103705

Sarafanova A.G., Sarafanov A.A. The Concept of Creative Tourism and Its Examples in the World. *Service & Tourism: Current Challenges*. 2024; 18 (1): 7–14. https://doi.org/10.5281/zenodo.11400162

Sarafanova A.G., Sarafanov A.A. The Theory and Cases of Creative Tourism. *Research Result. Business and Service Technologies*. 2022; 8 (3): 54–64. https://doi.org/10.18413/2408-9346-2022-8-3-0-5

Shabalina N.V., Kashirina E.S. Creative Tourism Development as a Way to Increase Tourist Attractiveness of Sevastopol. *Service & Tourism: Current Challenges*. 2024; 18 (1): 112–124. https://doi.org/10.5281/zenodo.11408802

Tsapuk D.A., Shchegolkov Yu.Yu. Creative Tourism: Opportunities and Practices for Small Town Development. *Service & Tourism: Current Challenges*. 2024; 18 (1): 162–181. https://doi.org/10.5281/zenodo.11425238

Zhelnina Z.Yu., Sizova I.A., Khoreva L.V. Interaction of Tourism and Creative Industries in the Arctic Territories: Areas of Crossing. *Service & Tourism: Current Challenges*. 2023; 17 (2): 7–20. https://doi.org/10.5281/zenodo.7997710

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; принята к публикации 22.05.2025

Вклад авторов: Карпова Г.А. — научное руководство, концепция исследования, методология и дизайн исследования, итоговые выводы исследования;
Шматко А.Д. — работа над введением, заключением, научное редактирование текста
Михайлова А.В. — сбор материала, написание исходного текста;

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 314–331.
Научная статья
УДК 379.85(985)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.314

Проблемы и значимость развития туризма в Арктике

Морозов Арсений Аркадьевич [1]✉, младший научный сотрудник

[1] Институт экономики ФИЦ Карельского научного центра РАН, пр. А. Невского, 50, Петрозаводск, Россия
[1] morozov589@gmail.com ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0873-5071

Аннотация. В современных условиях развитие арктического туризма приобретает стратегическое значение для социально-экономического роста северных территорий. Данное исследование фокусируется на анализе потенциала и перспектив развития туристической деятельности в Арктическом регионе с учётом международного опыта и российской специфики. В статье рассматриваются ключевые направления развития арктического туризма: культурно-познавательное, гастрономическое, событийное и экологическое. Особое внимание уделяется институциональной среде и нормативно-правовому регулированию туристической деятельности на арктических территориях России в сравнении с зарубежными практиками. На основе комплексного анализа выявлены основные проблемы и барьеры развития арктического туризма, включая недостаточное развитие инфраструктуры, сезонность, транспортную доступность и необходимость сохранения хрупких экосистем. Проведена оценка туристического потенциала арктических территорий с учётом природно-климатических особенностей, культурного наследия коренных народов и уникальных природных объектов. В результате исследования предложены конкретные рекомендации для государственных органов и бизнес-структур по формированию эффективной системы развития арктического туризма. Особый акцент сделан на необходимости внедрения инновационных подходов к организации туристической деятельности, создании современной инфраструктуры и разработке уникальных туристических продуктов, отвечающих международным стандартам качества и безопасности. Материалы исследования могут быть использованы при разработке программ развития туризма в арктических регионах России.
Ключевые слова: *арктический туризм, депрессивные регионы, культурное наследие, региональное развитие, устойчивый туризм*

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00092, https://rscf.ru/project/24-28-00092/.

Problems and Importance of Tourism Development in the Arctic

Arseniy A. Morozov [1]✉, Research Assistant

[1] Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, pr. Nevskiy, 50, Petrozavodsk, Russia
[1] morozov589@gmail.com ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0873-5071

* © Морозов А.А., 2026
Для цитирования: Морозов А.А. Проблемы и значимость развития туризма в Арктике // Арктика и Север. 2026; 64: 314–331. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.314
For citation: Morozov A.A. Problems and Importance of Tourism Development in the Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 314–331. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.314
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

Abstract. In the current conditions, the development of Arctic tourism is becoming strategically important for the socio-economic growth of the northern territories. This study focuses on analyzing the potential and prospects for the development of tourism activities in the Arctic region, taking into account international experience and Russian specifics. The article discusses the key areas of development of Arctic tourism: cultural, educational, gastronomic, event and environmental. Particular attention is paid to the institutional environment and legal regulation of tourism activities in the Arctic territories of Russia in comparison with international practices. Based on a comprehensive analysis, the main challenges and barriers to the development of Arctic tourism have been identified, including insufficient infrastructure development, seasonality, transport accessibility and the need to preserve fragile ecosystems. An assessment of the tourism potential of the Arctic territories has been carried out, considering the natural and climatic features, the cultural heritage of indigenous peoples, and the unique natural sites. As a result of the research, specific recommendations have been proposed for government agencies and business structures on the formation of an effective system for the development of Arctic tourism. Special emphasis is placed on the need to introduce innovative approaches to the organization of tourism activities, the creation of modern infrastructure, and the development of unique tourism products that meet international standards of quality and safety. The research materials can be used in the formulation of tourism development programs in the Arctic regions of Russia.
Keywords: *Arctic tourism, economically depressed regions, cultural heritage, regional development, sustainable tourism*

Введение

Арктический туризм приобретает стратегическое значение для развития северных территорий России и других северных государств. Уникальные природные ландшафты, богатое культурное наследие коренных народов Севера, а также растущий интерес к экологическому и познавательному туризму формируют значительный потенциал для развития туристической отрасли в Арктической зоне. Современные тенденции развития туристической индустрии демонстрируют устойчивый рост интереса к арктическим территориям как со стороны российских, так и со стороны зарубежных путешественников. Природные феномены — северное сияние, полярные дни и ночи, уникальная флора и фауна — привлекают туристов со всего мира. При этом приграничное расположение многих арктических регионов создаёт дополнительные возможности для международного сотрудничества в сфере туризма (Убонова, 2024).

Специфика арктических территорий определяет необходимость особого подхода к организации туристической деятельности. Суровые климатические условия, удалённость от крупных населённых пунктов, особые требования к транспортной и туристической инфраструктуре формируют комплекс задач, требующих системного решения. Развитие арктического туризма способно стать драйвером социально-экономического развития северных регионов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления потенциала арктического туризма как инструмента развития депрессивных северных регионов. Анализ международного опыта, оценка российской практики и выработка рекомендаций по развитию данного направления представляют существенный интерес как для научного сообщества, так и для практиков туристической отрасли.

В условиях современных геополитических вызовов особую значимость приобретает

развитие внутреннего туризма в арктических регионах России. По оценкам Восточного центра государственного планирования, доля турпотока в регионы Арктики на 2023 г. не превышает 5% от общенационального показателя, что составляет 4,3 млн поездок. Формирование качественного туристического продукта, создание комфортных условий для путешественников и продвижение уникальных особенностей северных территорий становятся приоритетными задачами для всех участников туристического рынка (Акишева, 2025).

Комплексное исследование перспектив развития арктического туризма позволит определить ключевые направления работы, оценить имеющийся потенциал и сформулировать практические рекомендации по его эффективному использованию. Это особенно важно в контексте реализации государственной политики по развитию Арктической зоны Российской Федерации.

Научное сообщество демонстрирует растущий интерес к арктическому туризму, что подтверждается значительным увеличением публикационной активности за последнее десятилетие. Актуальные исследования концентрируются на нескольких ключевых направлениях развития туристической деятельности в Арктическом регионе.

Фундаментальные исследования последних лет обращают внимание на трансформацию туристического спроса на арктических территориях. Анализ потребительских предпочтений демонстрирует растущий интерес к экологическому и этнографическому туризму, формированию новых маршрутов на базе природного и культурного наследия коренных народов Севера.

Особое внимание исследователи уделяют вопросам устойчивого развития туристической инфраструктуры в условиях сурового климата. Научные работы последних лет фокусируются на поиске баланса между развитием туристического потенциала и сохранением хрупких арктических экосистем (Месаблишвили, 2023).

В современной научной литературе прослеживается тенденция к комплексному анализу туристического потенциала арктических территорий. Исследователи подчёркивают необходимость учёта климатических, логистических и социально-экономических факторов при планировании развития туристической отрасли (Секушина, 2021).

Научные публикации демонстрируют повышенный интерес к изучению международного сотрудничества в сфере арктического туризма. Особое внимание уделяется анализу успешных практик развития туристической инфраструктуры в циркумполярных регионах, формированию трансграничных туристических маршрутов (Морозов, 2024).

Современные исследования фокусируются на цифровизации туристических сервисов в Арктике. Научные работы последних лет раскрывают потенциал внедрения цифровых технологий для повышения доступности и безопасности арктического туризма, развития систем бронирования и информационного сопровождения туристов (Julianti, Pinpak, 2024).

Анализ публикаций показывает растущее внимание к вопросам подготовки квалифицированных кадров для арктического туризма. Исследователи подчёркивают

необходимость формирования специализированных образовательных программ, учитывающих специфику работы в условиях Крайнего Севера (Bitter, Nyurenberger, Petrenko et al., 2025).

Теоретическое осмысление арктического туризма базируется на нескольких фундаментальных концепциях, формирующих современное понимание этого феномена. Пространственная организация туристической деятельности в Арктике опирается на теорию поляризованного развития, адаптированную к специфике северных территорий.

Концептуальный анализ демонстрирует эволюцию подходов к изучению арктического туризма (см. табл. 1).

Таблица 1

Эволюция научных подходов к изучению арктического туризма (2014–2024 гг.)[1]

Период	Научный подход	Основные характеристики
2014–2016	Ресурсный	Оценка природного и культурного потенциала
2017–2019	Системный	Комплексное развитие туристской инфраструктуры
2020–2022	Устойчивого развития	Баланс экономических и экологических интересов
2023–2024	Цифровой трансформации	Интеграция современных технологий

Методологический базис современных исследований арктического туризма включает геосистемный подход, позволяющий рассматривать туристические дестинации как сложные природно-социальные комплексы. Данный подход обеспечивает понимание взаимосвязей между природными условиями, инфраструктурным развитием и социально-экономическими факторами.

Территориально-кластерная концепция развития арктического туризма акцентирует внимание на формировании туристских кластеров с учётом природно-климатических особенностей и транспортной доступности регионов. Данный подход предполагает создание «точек роста» туристической активности на базе уникальных природных и культурных объектов (Кузьмина, 2024).

Концепция устойчивого туризма применительно к арктическим территориям трансформируется в модель ответственного природопользования. Научное сообщество подчёркивает необходимость сохранения экологического баланса при развитии туристической инфраструктуры в условиях хрупких арктических экосистем.

Интеграция цифровых технологий в развитие арктического туризма формирует новое направление научных исследований — цифровую трансформацию туристского пространства. Современные концепции фокусируются на создании цифровых платформ для продвижения арктических туристических продуктов.

Современная научная мысль в области арктического туризма представлена работами учёных, сформировавших фундаментальные подходы к развитию туристической

[1] Составлено автором.

деятельности в полярных регионах. Научные изыскания последних лет раскрывают многогранность подходов к организации туристического пространства в Арктике.

Передовые исследования фокусируются на разработке методологии оценки туристического потенциала арктических территорий. Научное сообщество подчёркивает необходимость комплексного подхода, учитывающего природно-климатические особенности, транспортную доступность и этнокультурное своеобразие регионов (Тимошенко, 2021).

Отдельное направление исследований посвящено изучению механизмов государственной поддержки арктического туризма. Детальному анализу подвергаются инструменты стимулирования предпринимательской активности в сфере туризма, формирование специальных экономических режимов для развития туристической инфраструктуры.

Экологическая составляющая арктического туризма находит отражение в работах специалистов по природопользованию. Научные исследования раскрывают механизмы минимизации антропогенной нагрузки на арктические экосистемы при организации туристической деятельности.

Значительный вклад в развитие теории арктического туризма внесли исследования в области этнотуризма. Научные работы раскрывают потенциал интеграции традиционной культуры коренных народов Севера в современные туристические продукты, формирование уникальных туристических маршрутов на основе этнокультурного наследия (Masuku, 2025). С 2020 г. развитие внутреннего туризма усилилось, особенно в европейской части РФ. Одной из главных особенностей туризма в Арктике и на северных территориях является именно этнокультурный и познавательный туризм (Морозова, Белая, Козырева и др., 2024).

Актуальные научные исследования концентрируются на вопросах цифровой трансформации арктического туризма. Разработки в области информационных технологий открывают новые возможности для продвижения арктических туристических дестинаций, повышения качества обслуживания туристов в экстремальных условиях Севера. Мировая арктическая туристическая отрасль демонстрирует существенные достижения в организации путешествий в полярные регионы. Норвегия разработала уникальную модель развития арктического туризма, базирующуюся на принципах устойчивого развития и сохранения природного наследия. Норвежский опыт показывает эффективность создания туристических кластеров вокруг природных достопримечательностей, таких как фьорды и ледники (Tømmervik, Thuestad, Stien et al., 2025). Исландия успешно реализует программы по развитию геотермального туризма, интегрируя природные горячие источники в туристическую инфраструктуру. Страна создала сеть современных spa-комплексов, построенных с учётом экологических требований и традиций местного населения. Финляндия сформировала привлекательный туристический продукт на базе культуры саамов и природных феноменов Арктики. Лапландия превратилась в популярное

направление благодаря комплексному подходу к организации зимнего отдыха, включающему наблюдение за северным сиянием, катание на собачьих упряжках и знакомство с бытом коренных народов (см. рис. 1).

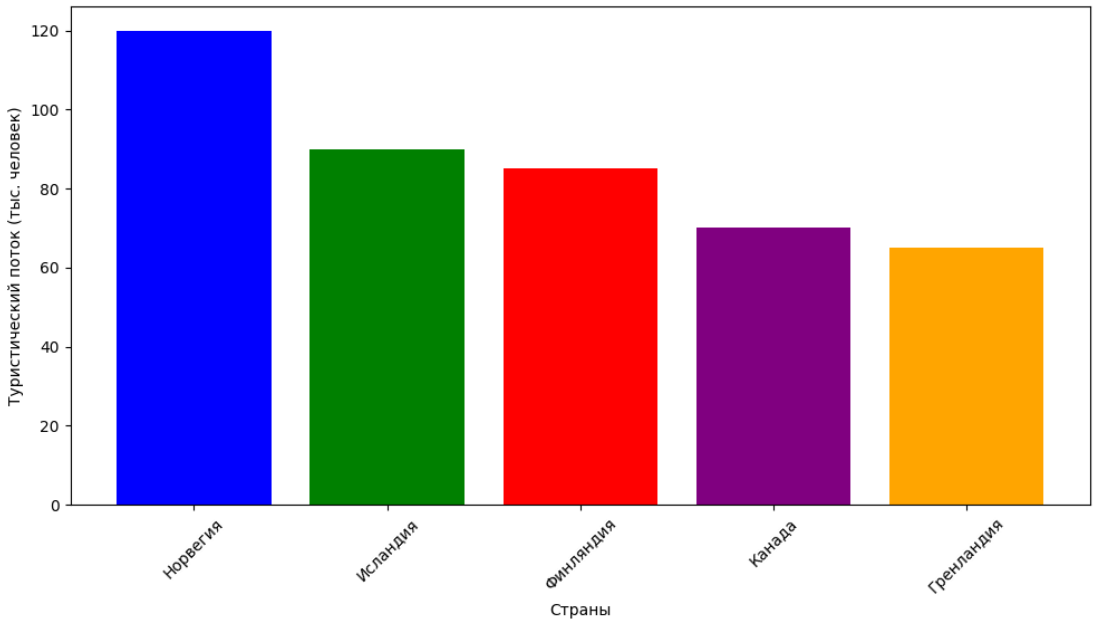

Рис. 1. Туристический поток в арктические регионы стран мира (Орлова, 2021).

Анализ статистических данных демонстрирует устойчивый рост туристического потока в арктические регионы. Лидирующие позиции занимает Норвегия, привлекающая путешественников разнообразием природных ландшафтов и развитой инфраструктурой. Исландия и Финляндия формируют уникальные туристические предложения, сочетающие природные и культурные достопримечательности.

Канада развивает арктический туризм через создание национальных парков и заповедников. Особое внимание уделяется сохранению культуры инуитов и вовлечению их в туристическую деятельность. Канадский опыт показывает эффективность государственно-частного партнёрства в развитии туристической инфраструктуры (Цыренов, 2024).

Гренландия успешно развивает круизный туризм, организуя экспедиционные маршруты вдоль побережья. Местные власти внедрили строгие экологические стандарты для круизных операторов, обеспечивая баланс между развитием туризма и защитой окружающей среды (Karlsdóttir, 2024).

Сопоставление практик развития арктического туризма в России и зарубежных странах демонстрирует значительные различия в подходах к организации туристической деятельности в полярных регионах. При анализе статистических показателей отмечается существенный разрыв в объёмах туристического потока (см. табл. 2).

Таблица 2

Сравнительные показатели развития арктического туризма 2019–2024 гг. (Ткаченко, 2023)

Показатель	Россия	Норвегия	Финляндия	Исландия
Количество турмаршрутов	45	120	85	95
Среднее время	5	8	7	9

пребывания				
Доля местных жителей в турбизнесе (%)	15	45	40	35

Исследование нормативно-правовой базы показывает различные подходы к регулированию туристической деятельности. Скандинавские страны разработали комплексную систему защиты природных территорий при одновременном обеспечении их доступности для посетителей. В России формирование правового поля для арктического туризма находится в стадии активного развития.

Особого внимания заслуживает опыт северных стран в создании туристической инфраструктуры. Финляндия и Норвегия реализовали концепцию «распределённых отелей», интегрированных в местные поселения. Данный подход позволяет минимизировать воздействие на окружающую среду и максимально вовлекать местное население в туристическую деятельность (Korvenkangas, 2024).

Транспортная доступность арктических территорий также демонстрирует различия в подходах. Зарубежные страны сформировали эффективную систему малой авиации и морского сообщения. Российская специфика характеризуется преобладанием сезонных маршрутов и зависимостью от погодных условий.

Анализ маркетинговых стратегий выявляет преимущество скандинавских стран в продвижении арктических туристических продуктов на международном рынке. Их опыт базируется на создании узнаваемых брендов и активном использовании цифровых технологий в продвижении.

Система подготовки кадров для арктического туризма в зарубежных странах включает специализированные программы обучения с обязательной практикой в полярных регионах. Российская система образования только начинает формировать подобные направления подготовки специалистов.

Анализ международных практик открывает широкие возможности для адаптации успешного опыта в российских условиях. Особенно перспективным направлением становится развитие экологического туризма в арктической зоне. Скандинавские страны разработали эффективные механизмы контроля антропогенной нагрузки на природные территории, внедрив систему квотирования посещений и сезонного регулирования туристических потоков.

Привлекательным для российской практики предстаёт опыт Исландии по развитию геотермального туризма. Создание современных комплексов на базе природных источников с применением энергоэффективных технологий позволит сформировать уникальное предложение для туристов в Российской Арктике (Пилясов, 2021).

Финский опыт этнокультурного туризма демонстрирует эффективность интеграции традиционного образа жизни коренных народов в современную туристическую индустрию. Создание культурных центров, организация мастер-классов по традиционным ремёслам и включение элементов национальной кухни в туристический продукт формируют основу для

развития устойчивого туризма. Норвежская модель круизного туризма предлагает решения для развития прибрежных маршрутов в Российской Арктике. Внедрение экологических стандартов для судоходных компаний и формирование береговой инфраструктуры создадут условия для расширения морского туризма. Канадский подход к организации научного туризма открывает возможности для создания специализированных туров с образовательным компонентом. Включение исследовательских станций и природных обсерваторий в туристические маршруты способствует развитию познавательного туризма (Бадарчи, Севек, Серээжикпей, 2022).

Развитие цифровых технологий в арктическом туризме, успешно реализованное в Швеции, позволит повысить доступность информации о туристических возможностях Российской Арктики. Создание интерактивных карт, виртуальных туров и мобильных приложений расширит возможности для планирования путешествий.

Анализ текущего состояния арктического туризма в России демонстрирует устойчивую тенденцию роста туристического потока в северные регионы страны. С 2019 по 2023 гг. количество туристов, посетивших арктические территории России, увеличилось на 45%. Популярными направлениями выступают архипелаг Земля Франца-Иосифа, Новая Земля, полуостров Таймыр и Чукотка. Динамика развития арктического туризма подтверждается статистическими данными (см. рис. 2) (Желюзина, Сизова, 2024).

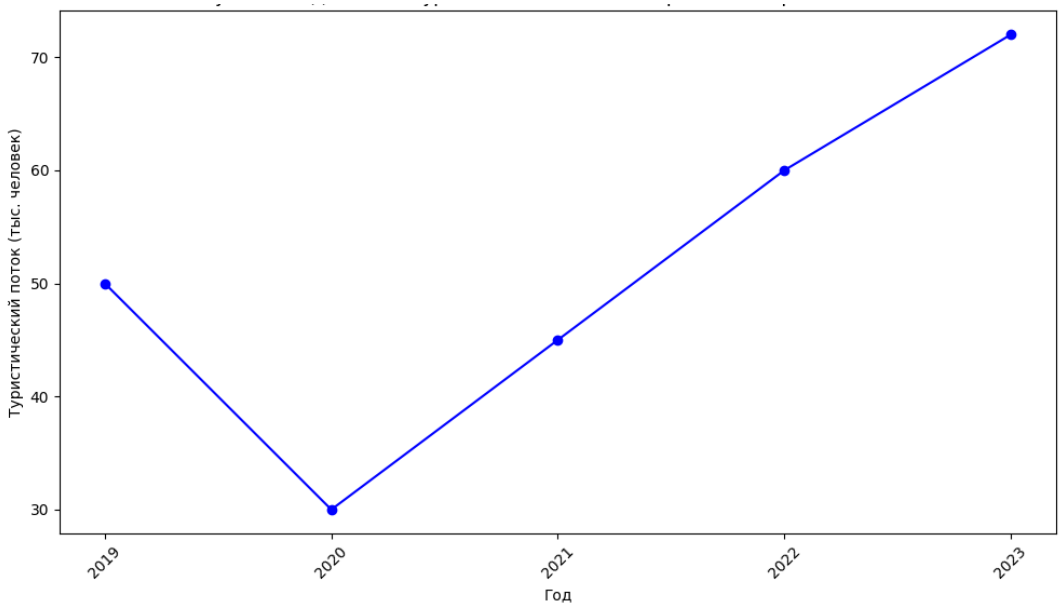

Рис. 2. Динамика туристического потока в арктические регионы России[2].

Турпоток в указанные регионы в период с 2014 по 2019 гг. рос в среднем на 5% в год, во время пандемии COVID-19 его величина снизилась на треть. В 2021 г. турпоток в регионы Арктики полностью восстановился и начал расти. Анализ представленных данных показывает, что после спада в 2020 г., вызванного пандемией COVID-19, туристический поток в арктические регионы России демонстрирует устойчивый рост. Этому способствует развитие транспортной инфраструктуры, включая модернизацию аэропортов в Мурманске,

[2] Составлено автором на основе данных Росстата.

Архангельске и Нарьян-Маре.

Специфика арктического туризма определяется сезонностью и особыми требованиями к инфраструктуре. Летний сезон характеризуется повышенным спросом на круизные маршруты по Северному морскому пути, в то время как зимний период привлекает туристов возможностью наблюдения за северным сиянием и участия в этнографических турах (Чхотуа, 2022).

Нормативно-правовая база арктического туризма в России формировалась поэтапно, отражая растущее внимание государства к развитию северных территорий (табл. 3). Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в РФ» дополнен специальными положениями о развитии арктического туризма. Стратегия развития Арктической зоны РФ до 2035 года определила туризм приоритетным направлением диверсификации экономики северных регионов. Модернизация существующих и создание новых объектов туристской инфраструктуры происходит в рамках федеральных и региональных программ развития (Давыборец, Владимирова, Радиков, 2022).

Таблица 3

Ключевые нормативные акты в сфере арктического туризма России[3]

Год	Документ	Основные положения
2014	Государственная программа «Социально-экономическое развитие АЗРФ»	Развитие туристской инфраструктуры
2020	Стратегия развития АЗРФ до 2035 года	Формирование туристских кластеров
2022	Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства»	Поддержка арктических туристских проектов
2023	Программа развития круизного туризма	Модернизация портовой инфраструктуры

В институциональной структуре управления арктическим туризмом задействованы федеральные и региональные органы власти, специализированные институты развития. Государственная комиссия по вопросам развития Арктики координирует межведомственное взаимодействие. Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики реализует механизмы поддержки инвестиционных проектов через режим территорий опережающего развития.

Региональные программы развития туризма арктических субъектов РФ предусматривают налоговые льготы, субсидирование процентных ставок по кредитам, возмещение части затрат на создание объектов туристской инфраструктуры. Особое внимание уделяется поддержке проектов этнографического туризма и сохранению культурного наследия коренных малочисленных народов Севера.

Сопоставление российской институциональной среды с международным опытом демонстрирует схожие подходы в части защиты природной среды и культурного наследия. При этом зарубежные страны активнее внедряют механизмы государственно-частного

[3] Составлено автором.

партнёрства в развитие туристской инфраструктуры, применяют более гибкие инструменты привлечения инвестиций. Эффективность институциональной среды подтверждается ростом частных инвестиций в туристские проекты арктических регионов. За период 2020–2023 гг. объём инвестиций увеличился в 2,5 раза, запущено более 30 новых туристских маршрутов, создано 5 визит-центров в национальных парках (Гусевская, Таскаева, 2023).

Оценка туристической инфраструктуры арктических регионов России демонстрирует неравномерное распределение объектов размещения и обслуживания туристов. Пространственный анализ позволил выделить несколько ключевых кластеров туристской инфраструктуры (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение объектов туристской инфраструктуры в Арктической зоне РФ[4]

Регион	Количество объектов размещения	Количество объектов питания	Транспортная доступность
Мурманская область	35	42	высокая
Архангельская область	28	35	средняя
НАО	12	15	низкая
ЯНАО	25	30	средняя
Таймырский район	8	12	низкая
Чукотский АО	15	18	низкая

Анализ инфраструктурного обеспечения арктического туризма выявил дифференциацию регионов по уровню развития. Западная часть Российской Арктики демонстрирует более высокую концентрацию объектов размещения и сервиса. Мурманская область лидирует по количеству гостиниц и предприятий общественного питания, что обусловлено развитой транспортной сетью и близостью к крупным городам европейской части России.

Транспортная доступность определяет специфику развития туристской инфраструктуры. Регионы с круглогодичным наземным сообщением формируют комплексные туристские продукты, включающие различные виды активностей. Территории с ограниченной транспортной доступностью ориентируются на сезонный туризм, развивая специализированные средства размещения: глэмпинги, этнодеревни, модульные гостиницы.

Модернизация существующей инфраструктуры происходит с учётом экологических требований и климатических особенностей Арктики. Внедряются энергоэффективные технологии, системы автономного жизнеобеспечения, применяются экологичные строительные материалы. Особое внимание уделяется созданию визит-центров в особо охраняемых природных территориях, оборудованию экологических троп и смотровых площадок (Нурматова, 2021). Качественный состав средств размещения характеризуется

[4] Составлено автором на основе данных Росстата, сборника «Арктика в цифрах» и региональных министерских отчётах, 2022–2023 гг.

преобладанием объектов экономкласса — 65% от общего числа. Гостиницы категории 4–5 звёзд составляют не более 10% номерного фонда и сконцентрированы в административных центрах регионов. Развитие получают альтернативные средства размещения: арктические дома-капсулы, модульные отели, позволяющие туристам наблюдать северное сияние в комфортных условиях [5].

Инфраструктура экологического туризма включает сеть визит-центров, экологических троп и наблюдательных пунктов в национальных парках «Русская Арктика», «Берингия», заповеднике «Большой Арктический» и других. Обустройство экологических маршрутов учитывает необходимость минимизации воздействия на хрупкие арктические экосистемы.

Сохранение и популяризация культурного наследия Арктики выступает стратегическим направлением развития туристической отрасли региона. В основе данного направления — уникальные археологические памятники, этнографические комплексы, исторические поселения и традиционные промыслы коренных народов Севера (Гусевская, Таскаева, 2023).

Центральное место в культурном туризме Арктики занимают объекты древнего наскального искусства: петроглифы Канозера, Беломорские петроглифы, наскальные рисунки полуострова Рыбачий. Эти памятники привлекают как российских, так и зарубежных туристов, стремящихся прикоснуться к многотысячелетней истории освоения северных территорий.

Этнографический потенциал арктического туризма раскрывается через знакомство с самобытной культурой коренных народов — саамов, ненцев, чукчей, эвенков. Туристические маршруты включают посещение традиционных стойбищ, знакомство с обрядами, ремёслами и бытом северных этносов. В Мурманской области функционируют этнодеревни «Саамская деревня» и «Снежная деревня», где гости могут погрузиться в атмосферу традиционного уклада жизни.

Историко-культурные ландшафты сёл и городов формируют особый пласт туристических объектов. Деревянное зодчество Русского Севера, представленное церквями, часовнями, жилыми домами, создаёт неповторимый архитектурный облик арктических территорий.

Традиционные промыслы и ремёсла — косторезное искусство, плетение из бересты, вышивка, ткачество — становятся основой для развития креативных индустрий и сувенирного производства. Мастер-классы по традиционным ремёслам включаются в туристические программы, позволяя гостям не только увидеть, но и освоить древние техники работы с природными материалами.

Таким образом, культурное наследие Арктики создаёт прочный фундамент для

[5] Министерство экономического развития Российской Федерации. В Арктике появится более 1 тыс. новых гостиничных номеров в современных отелях благодаря нацпроекту. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_v_arktike_poyavitsya_bolee_1_tys_novyh_gostinichnyh_nomerov_v_sovremennyh_otelyah_blagodarya_nacproektu.html (дата обращения: 10.04.2025).

формирования уникального туристического продукта, сочетающего познавательные, образовательные и творческие компоненты. Развитие данного направления способствует сохранению материального и нематериального наследия северных территорий, создаёт условия для межкультурного диалога и устойчивого развития арктических сообществ (Valkova, Glemeyda, 2023).

Кулинарные традиции Арктики представляют уникальный туристический потенциал, основанный на самобытных рецептах и методах приготовления северных продуктов. Гастрономическая карта региона включает блюда из северной рыбы, дикоросов, оленины и морепродуктов, которые становятся центральными элементами туристических программ.

Арктическая кухня привлекает внимание благодаря экологически чистым ингредиентам и уникальным способам заготовки продуктов. Фестивали северной кухни, проводимые в Мурманске, Архангельске, Кеми и Салехарде, демонстрируют богатство местных кулинарных традиций. Туристы получают возможность попробовать строганину из нельмы, копчёную оленину, морошковые десерты и другие региональные деликатесы.

Перспективным направлением выступает организация гастрономических туров с посещением традиционных рыболовецких артелей, оленеводческих хозяйств и мест сбора дикоросов. Туристы погружаются в процесс добычи и обработки местных продуктов, знакомятся с древними способами хранения и приготовления пищи в условиях Севера.

Ресторанный бизнес Арктического региона активно развивает концепцию «новой северной кухни», переосмысливая традиционные рецепты в современном формате. Шеф-повара создают авторские блюда на основе локальных продуктов, сочетая вековые традиции с инновационными кулинарными техниками.

Мастер-классы по приготовлению национальных блюд коренных народов Севера дополняют гастрономические программы. Туристы учатся готовить саамскую уху, ненецкие пироги с олениной, чукотские блюда из морского зверя, постигая секреты арктической кулинарии.

Интеграция гастрономического компонента в другие виды туризма — этнографический, экологический, круизный — расширяет возможности для создания комплексного туристического продукта. Дегустационные программы, кулинарные школы и фермерские туры формируют новые направления развития арктического туризма.

Фестивальное движение в Арктике формирует особый календарь туристических событий, привлекающих гостей со всего мира. Международный фестиваль «Териберка» в Мурманской области демонстрирует синтез современного искусства и традиционной культуры в условиях Заполярья. Программа включает музыкальные выступления, арт-инсталляции, гастрономические мастер-классы на фоне уникальных природных ландшафтов (Морозов, 2019).

Спортивные мероприятия создают дополнительные потоки туристов в арктический регион. Гонки на собачьих упряжках «Берингия» на Камчатке, соревнования по северному

многоборью, международные турниры по зимним видам спорта привлекают как профессиональных спортсменов, так и зрителей.

Традиционные праздники коренных народов Севера раскрывают богатство культурного наследия региона. День оленевода, фестиваль «Полярный день», праздник первой рыбы позволяют туристам погрузиться в атмосферу самобытных торжеств, познакомиться с обрядами и традициями северных этносов (табл. 5).

Таблица 5

Перспективные проекты развития событийного туризма в Арктике 2024–2030 гг. (Владимирова, Давыборец, Радиков, 2022)

Направление	Проекты	Ожидаемый турпоток
Фестивали	Арктический кинофестиваль, Фестиваль северного сияния	15 000
Спортивные мероприятия	Арктические игры, Марафон «Полярный круг»	12 000
Этнокультурные события	Фестиваль народов Севера, Праздник белых ночей	8 000
Деловые мероприятия	Арктический экономический форум, Конгресс полярных исследователей	5 000

Научные конференции и деловые форумы расширяют географию событийного туризма. Петербургский международный экономический форум, Арктический форум в Санкт-Петербурге становятся площадками для обсуждения перспектив развития региона, привлекая представителей бизнеса, науки и власти.

Арктические фестивали света и северного сияния открывают новые грани событийного туризма. Световые шоу, мультимедийные инсталляции, наблюдения за природными феноменами формируют уникальный туристический продукт, подчёркивающий природную специфику региона.

Модернизация транспортной инфраструктуры Арктики предусматривает развитие сети аэропортов малой авиации, морских портов и автодорог. В Мурманской области реализуется проект реконструкции аэропорта «Хибины», создающий условия для увеличения туристического потока в Хибинский горный массив. Модернизация портовой инфраструктуры Архангельска и Мурманска открывает новые возможности для развития круизного туризма.

Создание туристско-рекреационных кластеров формирует точки притяжения туристических потоков. Горнолыжный курорт «Большой Вудъявр» в Кировске, туристический комплекс «Териберка» на побережье Баренцева моря демонстрируют успешные примеры комплексного развития туристической инфраструктуры. Строительство визит-центров, глэмпингов, этнокультурных комплексов расширяет спектр услуг для различных категорий туристов (Баринова, Земцов, Михайлов и др., 2022).

Инженерная инфраструктура арктических территорий совершенствуется с учётом

экологических требований. Внедрение автономных систем энергоснабжения на основе возобновляемых источников энергии, современных технологий водоочистки и утилизации отходов обеспечивает устойчивое функционирование туристических объектов в условиях Крайнего Севера.

Цифровизация туристической инфраструктуры предполагает создание единой информационной системы бронирования, виртуальных туров, мобильных приложений для навигации и получения информации об объектах показа. Развитие телекоммуникационных сетей повышает доступность и комфорт арктического туризма.

Особое внимание уделяется созданию безбарьерной среды для маломобильных групп населения. Адаптация объектов размещения, транспортной инфраструктуры и туристических маршрутов к потребностям людей с ограниченными возможностями расширяет социальную направленность арктического туризма.

Заключение

Исследование развития арктического туризма позволило сформулировать ряд принципиальных положений и разработать практические рекомендации. Приоритетным направлением выступает трансформация туристской отрасли в Арктической зоне с учётом современных тенденций и вызовов. Анализ российского и международного опыта демонстрирует необходимость комплексного подхода к формированию туристского продукта.

Развитие регионов с низким уровнем социально-экономического развития способствует созданию условий для инвестиций, расширения бизнеса и увеличения потенциала территории. Фактическое взаимодействие уже происходит и оказывает влияние на социально-экономическое развитие в рамках институциональных и геополитических факторов. Однако показатели, отражающие потенциал сотрудничества, не всегда представляют большой интерес из-за необходимости реализации этого потенциала, которую могут затруднять институциональные и геополитические аспекты.

Проведённое исследование подтверждает значительный потенциал арктических территорий для развития различных видов туризма. Особую перспективу представляют культурно-познавательные, этнографические и экологические маршруты. Актуальным становится создание уникальных туристских продуктов на базе природного и культурного наследия коренных народов Севера.

Для эффективного развития арктического туризма целесообразно сосредоточить усилия на следующих направлениях:

- формирование комфортной туристской среды через модернизацию транспортной и инженерной инфраструктуры;
- разработка системы льгот и преференций для инвесторов в сфере туристской деятельности;

- создание единой информационной платформы арктического туризма;
- развитие государственно-частного партнёрства при реализации туристских проектов.

Органам государственной власти рекомендуется:

- совершенствовать нормативно-правовую базу в сфере арктического туризма;
- разработать механизмы поддержки малого и среднего бизнеса в туристской отрасли;
- внедрить систему экологического мониторинга туристской деятельности;
- обеспечить подготовку квалифицированных кадров для индустрии туризма.

Бизнес-сообществу предлагается:

- направить инвестиционную деятельность на создание современных средств размещения;
- развивать межрегиональное сотрудничество при формировании комплексных туристских маршрутов;
- внедрять инновационные технологии в обслуживание туристов;
- расширять спектр дополнительных услуг с учётом специфики арктических территорий.

Практическая реализация предложенных рекомендаций позволит сформировать конкурентоспособный туристский продукт, способствующий устойчивому развитию арктических территорий. При этом ключевым фактором успеха выступает баланс между экономической эффективностью туристской деятельности и сохранением уникальной природной среды Арктики. Формирование современной модели арктического туризма должно базироваться на принципах устойчивого развития территорий, обеспечивая сочетание экономических интересов с экологической безопасностью и социальной ответственностью. Такой подход гарантирует долгосрочные перспективы развития туристской отрасли в Арктической зоне.

В рамках проекта РНФ № 24-28-00092 группой исследователей, в числе которых автор данной статьи, была проведена работа по сбору эмпирических данных в области развития арктического туризма. Данные находятся на стадии анализа и обработки и будут представлены в ближайшее время в виде научных статей, аналитических записок и другой информации. В рамках проекта разрабатываются предложения по сотрудничеству, партнёрству, цифровизации и другим аспектам развития арктического туризма.

Список источников

Акишева В.Д. Региональные особенности архитектурно-планировочной идентичности Архангельска в концепции «природа-культура-архитектура» // Architecture and Modern Information Technologies. 2025; 1 (70): 189–205. https://doi.org/10.24412/1998-4839-2025-1-189-205

Бадарчи Х.Б.-о., Севек В.К., Серээжикпей А.А. Сравнительная оценка развития приграничных

регионов ряда зарубежных стран и России // Экономика Профессия Бизнес. 2022; 3: 24–31. https://doi.org/10.14258/epb202234

Баринова В.А., Земцов С.П., Михайлов А.А., Царёва Ю.В. Пересмотр долгосрочных трендов развития малого и среднего предпринимательства в России и регионах в постсоветский период // Экономическое развитие России. 2022; 29 (7): 29–44.

Владимирова Д.А., Давыборец Е.Н., Радиков И.В. Поворот России на Восток: новые вызовы и возможности в развитии дальневосточного региона // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022; 28 (3): 36–47. https://doi.org/10.21209/2227-9245-2022-28-3-36-47

Гусевская Н.Ю., Таскаева С.В. Внешнеэкономические связи и приграничное сотрудничество приграничных регионов Дальневосточного федерального округа как фактор обеспечения их динамичного развития // Общество: политика, экономика, право. 2023; 12: 15–22. https://doi.org/10.24158/pep.2023.12.1

Желнина З.Ю., Сизова И.А. Развитие арктического туризма и креативных индустрий как драйверов преобразования арктических городов и территорий: опыт проекта «Зеркальные лаборатории» // Россия: общество, политика, история. 2024; 1 (10): 91–118. https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-1(10)-91-118

Кузьмина А.А. Исследование арктического туризма как фактора экономического развития Арктики в России // Взгляд молодых ученых на подходы и алгоритмы управления пространственным развитием для повышения устойчивости, инновационности и конкурентоспособности экономики регионов: сб. ст. Санкт-Петербург; 2024: 345–354. https://doi.org/10.62994/mold/2024/Kuzmina.345-354

Месаблишвили Д.З. Генезис развития туризма в Арктике. Арктификация и туризм // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023; 12–2: 293–299. https://doi.org/10.17513/vaael.3170

Морозов А.А. Гастрономический туризм на Северо-Западе России (на примере Республики Карелия) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019; 15 (5): 851–869. https://doi.org/10.24891/ni.15.5.851

Морозов А.А. Современные туристские практики северных и арктических территорий // Арктика и Север. 2024; 57: 155–167. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.155

Морозова Т.В., Белая Р.В., Козырева Г.Б., Морозов А.А. Потребительский спрос и развитие рынка туризма приграничного и северного региона // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024; 27 (1 (83)). https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2024.83.004

Нурматова А.А. Зарубежный опыт по международному взаимодействию приграничных территорий // Евразийское Научное Объединение. 2021; 3-3 (73): 247–250.

Орлова В.С. Потенциал сферы туризма и рекреации Европейского Севера: оценка и направления развития в условиях освоения Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021; 14 (1): 141–153. https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.10

Пилясов А.Н. Инфраструктурные мегапроекты в глобальной Арктике / Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика: на перекрестке двух океанов и континентов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН; 2021: 68–97.

Секушина И.А. Сценарии развития малых и средних городов северного региона // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2021; 4 (32): 131–142.

Тимошенко Д.С. Сотрудничество России и стран Северной Европы в развитии арктического туризма // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021; 6: 87–95. https://doi.org/10.15211/vestnikieran620218795

Ткаченко А.А. Задачи пространственного развития России с точки зрения демографических процессов и национальной безопасности // Вестник Российской академии наук. 2023; 93 (2): 112–120. https://doi.org/10.31857/S0869587323020111

Убонова Д.З. Анализ институтов развития регионов с низким уровнем социально-экономического развития // Управленческий учет. 2024; 11: 546–553.

Цыренов Д.Д. Зарубежный опыт развития регионов и территорий // Вестник Академии знаний. 2024; 5 (64).

Чхотуа И.З. Стратегирование туризма на Дальнем Востоке России // Стратегирование: теория и

практика. 2022; 2 (3): 390–404. https://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-3-390-404

Bitter N., Nyurenberger L., Petrenko N., Tretyakova O. Modern approaches to personnel training and personnel management at tourism and recreation enterprises // Regional Economics: Theory and Practice. 2025; 3 (534): 186–196. https://doi.org/10.24891/re.23.3.186

Julianti L., Pinpak A. The Digitalization of Investment Impact on Developing Tourism Industry // Journal of Human Rights, Culture and Legal System. 2024; 4 (3): 655–681. https://doi.org/10.53955/jhcls.v4i3.289

Karlsdóttir A. Cruise Tourism and Sustainability Questions in Remote Arctic Regions — Ísafjörður and East Greenland // Nordic Coastal Tourism / Dragin-Jensen C., Kwiatkowski G., Oklevik O., eds. Springer, Cham.; 2024: 113–140. https://doi.org/10.1007/978-3-031-73187-7_8

Korvenkangas H. Tourism policymaking in Finland: A multilevel governance perspective // Tourism policy-making in the context of contested wicked problems: Politics, paradigm shifts and transformation processes (Advances in Culture, Tourism and Hospitality Research, Vol. 17B) / Pforr C., Pillmayer M., Joppe M., Scherle N., Pechlaner H., eds. Emerald Publishing Limited, Leeds; 2024: 49–63. https://doi.org/10.1108/S1871-31732024000017B004

Masuku X.R. Indigenizing Sustainable Tourism: Empowering Indigenous Voices in Tourism Education // Indigenous Teaching Disciplines and Perspectives for Higher Education / Kgari-Masondo M.C., ed. IGI Global; 2025: 221–240. https://doi.org/10.4018/979-8-3693-9296-6.ch011

Tømmervik H., Thuestad A., Stien J., Arneberg M.K., Bjerke J.W. High-arctic cultural heritage environments are deteriorated by cruise tourism: a case study from Svalbard // Journal of Land Use Science. 2025; 20 (1): 45–60. https://doi.org/10.1080/1747423X.2025.2476948

Valkova T., Glemeyda A. Gastronomic Tourism in the Russian Arctic: Territore Tourism Resorses // Geographical Environment and Living Systems. 2023; 4: 151–172. https://doi.org/10.18384/2712-7621-2023-4-151-172

References

Akisheva V.D. Regional Features of the Architectural and Planning Identity of Arkhangelsk within the “Nature-Culture-Architecture” Concept. *Architecture and Modern Information Technologies*. 2025; 1 (70): 189–205. https://doi.org/10.24412/1998-4839-2025-1-189-205

Badarchy K.B.-o., Sevek V.K., Sereezhikpei A.A. Comparative Assessment of the Development of Border Regions of a Number of Foreign Contries and Russia. *Economics Profession Business*. 2022; 3: 24–31. https://doi.org/10.14258/epb202234

Barinova V.A., Zemtsov S.P., Mikhaylov A.A., Tsareva Yu.V. Reconsidering Long-Term Trends in the Development of Small and Medium-Sized Enterprises in Russia and the Regions in the Post-Soviet Period. *Russian Economic Developments*. 2022; 29 (7): 29–44.

Bitter N., Nyurenberger L., Petrenko N., Tretyakova O. Modern Approaches to Personnel Training and Personnel Management at Tourism and Recreation Enterprises. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2025; 3 (534): 186–196. https://doi.org/10.24891/re.23.3.186

Chkhotua I.Z. Strategizing of Russian Far East Tourism. *Strategizing: Theory and Practice*. 2022; 2 (3): 390–404. https://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-3-390-404

Gusevskaya N.Yu., Taskaeva S.V. Foreign Economic Relations and Cross-Border Cooperation of the Boundary Regions of the Far Eastern Federal District as a Factor in Ensuring Their Dynamic Development. *Society: Politics, Economics, Law*. 2023; 12: 15–22. https://doi.org/10.24158/pep.2023.12.1

Julianti L., Pinpak A. The Digitalization of Investment Impact on Developing Tourism Industry. *Journal of Human Rights, Culture and Legal System*. 2024; 4 (3): 655–681. https://doi.org/10.53955/jhcls.v4i3.289

Karlsdóttir A. Cruise Tourism and Sustainability Questions in Remote Arctic Regions — Ísafjörður and East Greenland. In: *Nordic Coastal Tourism*. Springer, Cham.; 2024: 113–140. https://doi.org/10.1007/978-3-031-73187-7_8

Korvenkangas H. Tourism Policymaking in Finland: A Multilevel Governance Perspective. In: *Tourism Policy-Making in the Context of Contested Wicked Problems: Politics, Paradigm Shifts and Transformation Processes (Advances in Culture, Tourism and Hospitality Research, Vol. 17B)*.

Emerald Publishing Limited, Leeds; 2024: 49–63. https://doi.org/10.1108/S1871-31732024000017B004

Kuzmina A.A. Research of Arctic Tourism as a Factor of Economic Development of the Arctic in Russia. In: *The Young Scientists' Views on Approaches and Algorithms for Spatial Development Management to Increase the Sustainability, Innovation, and Competitiveness of the Regional Economy: A Collection of Articles*. Saint Petersburg; 2024: 345–354. https://doi.org/10.62994/mold/2024/Kuzmina.345-354

Masuku X.R. Indigenizing Sustainable Tourism: Empowering Indigenous Voices in Tourism Education. In: *Indigenous Teaching Disciplines and Perspectives for Higher Education*. IGI Global; 2025: 221–240. https://doi.org/10.4018/979-8-3693-9296-6.ch011

Mesablishvili D.Z. The Genesis of Tourism Development in the Arctic. Arctification and Tourism. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2023; 12–2: 293–299. https://doi.org/10.17513/vaael.3170

Morozov A.A. Culinary Tourism in the North West of Russia: Evidence from the Republic of Karelia. *National Interests: Priorities and Security*. 2019; 15 (5): 851–869. https://doi.org/10.24891/ni.15.5.851

Morozov A.A. Modern Tourist Practices of the Northern and Arctic Territories. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 57: 155–167. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.155

Morozova T.V., Belaya R.V., Kozyreva G.B., Morozov A.A. Consumer Demand and the Development of the Tourism Market in Northern Border Regions. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2024; 27 (1 (83)). https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2024.83.004

Nurmatova A.A. Foreign Experience in International Interaction of Border Territories. *Evraziyskoe Nauchnoe Obedinenie*. 2021; 3-3 (73): 247–250.

Orlova V.S. Potential of the Tourism and Recreation Sphere in the European North: Evaluation and Development Vector in Terms of the Arctic Development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021; 14 (1): 141–153. https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.10

Pilyasov A.N. Infrastructure Megaprojects in the Global Arctic. In: *Far Eastern and Pacific Arctic: At the Crossroads of Two Oceans and Continents*. Khabarovsk, IEI FEB RAS Publ.; 2021: 68–97. (In Russ.)

Sekushina I.A. Scenarios for the Development of Small and Medium-Sized Cities in the Northern Region. *Actual Problems of Economics and Management*. 2021; 4 (32): 131–142.

Timoshenko D.S. Russian and Northern European Countries International Cooperation in Developing Arctic Tourism. *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*. 2021; 6: 87–95. https://doi.org/10.15211/vestnikieran620218795

Tkachenko A.A. Tasks of Spatial Development of Russia from the Point of View of Demographic Processes and National Security. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2023; 93 (2): 112–120. https://doi.org/10.31857/S0869587323020111

Tømmervik H., Thuestad A., Stien J., Arneberg M.K., Bjerke J.W. High-Arctic Cultural Heritage Environments Are Deteriorated by Cruise Tourism: A Case Study from Svalbard. *Journal of Land Use Science*. 2025; 20 (1): 45–60. https://doi.org/10.1080/1747423X.2025.2476948

Tsyrenov D.D. Foreign Experience in Regional and Territory Development. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2024; 5 (64).

Ubonova D.Z. Analysis of Development Institutions in Regions with a Low Level of Socio-Economic Development. *Management Accounting*. 2024; 11: 546–553.

Valkova T., Glemeyda A. Gastronomic Tourism in the Russian Arctic: Territore Tourism Resorses. *Geographical Environment and Living Systems*. 2023; 4: 151–172. https://doi.org/10.18384/2712-7621-2023-4-151-172

Vladimirova D.A., Davyborets E.N., Radikov I.V. Russia's Turn to the East: New Challenges and Opportunities in the Development of the Far Eastern Region. *Transbaikal State University Journal*. 2022; 28 (3): 36–47. https://doi.org/10.21209/2227-9245-2022-28-3-36-47

Zhelnina Z.Yu., Sizova I.A. Development of Arctic Tourism and Creative Industries as Drivers for the Transformation of Arctic Cities and Territories. *Russia: Society, Politics, History*. 2024; 1 (10): 91–118. https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-1(10)-91-118

Статья поступила в редакцию 17.04.2025; принята к публикации 30.04.2025
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 332–363.
Научная статья
УДК [330.42+330.356+332](470.11)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.332

Показатели благосостояния населения и продолжительности жизни для Архангельской области и ряда регионов: анализ, моделирование

Степанов Владимир Сергеевич [1]✉, кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник

[1] Центральный экономико-математический институт РАН, пр. Нахимовский, 47, Москва, Россия
[1] vladstep0355@gmail.com ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4478-376X

Аннотация. В работе применяются две модели регрессии, построенные по панельным данным из регионов ЦФО, ПФО. Основной фокус внимания в их приложении направлен на Архангельскую область. На предварительном этапе методом главных компонент с анализом корреляции переменных строились два сводных индикатора: уровня благосостояния и развития транспортной инфраструктуры. Они рассчитывались для каждого региона по статистике из ЦФО за ряд лет, взятых до пандемии. На следующем этапе строились две модели регрессии с переменной структурой. Роль зависимой переменной в модели 1 играет индикатор уровня благосостояния населения, а в модели 2 — ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ). Обе эти модели являются новыми; для Поморья приводится спецификация модели 1. Новизной является и то, что формализована связь агрегата по благосостоянию с показателями инфраструктуры, оцифровки экономики и ОПЖ. Модели позволили найти информативные факторные переменные, которые исследовались подробнее. Наконец, они применялись к двум регионам Арктической зоны РФ (АЗРФ) и ряду прочих. Подробнее исследованы факторы модели 1, значимо влияющие на уровень благосостояния: инфраструктурная переменная, показатели цифровой экономики, ОПЖ и др. Кратко описывается модель 2, хорошо работающая для многих регионов РФ. После сопоставления показателей Архангельской области и других регионов предлагается иллюстративный пример прогнозирования в 2019, 2020 гг. В обсуждении выявляются проблемные места региона и сделан краткий обзор работ по вопросам инфраструктуры, информатизации, инноваций и ОПЖ. Вероятно, может быть интересным и ряд параллелей, выявленных в развитии регионов. Аналогичным образом методологию исследования можно применить к другим территориям АЗРФ и лежащим вблизи них, а также к прочим. Итоги исследования могут быть полезны для органов власти, управляющих региональным развитием территорий АЗРФ или ряда других регионов.

Ключевые слова: *модель регрессии с переменной структурой, уровень благосостояния, транспортная инфраструктура, цифровая экономика, ожидаемая продолжительность жизни, денежные доходы населения, инновации*

Indicators of Population Welfare and Life Expectancy for the Arkhangelsk Oblast and Several Other Regions: Analysis and Modelling

Vladimir S. Stepanov [1]✉, Cand. Sci. (Phys. and Math.), Leading Researcher

[1] Central Economics and Mathematics Institute of the RAS, pr. Nakhimovskiy, 47, Moscow, Russia

* © Степанов В.С., 2026

Для цитирования: Степанов В.С. Показатели благосостояния населения и продолжительности жизни для Архангельской области и ряда регионов: анализ, моделирование // Арктика и Север. 2026; 64: 332–363. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.332
For citation: Stepanov V.S. Indicators of Population Welfare and Life Expectancy for the Arkhangelsk Oblast and Several Other Regions: Analysis and Modelling. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 332–363. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.332

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

[1] vladstep0355@gmail.com ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4478-376X

Abstract. The article uses two regression models, previously constructed using panel data from the Central Federal District (CFD) and the Volga Federal District (VFD). The main focus of their application is on the Arkhangelsk Oblast. At the preliminary stage, two composite indicators were developed using principal component analysis combined with correlation analysis of the variables: the level of welfare and the development of transport infrastructure. They were calculated for each region using statistics from the CFD covering a number of years prior to the COVID-19 pandemic. In the next stage, two regression models with variable structures were constructed. The dependent variable in Model 1 is the indicator of the population's welfare, in Model 2 —the life expectancy at birth (LEB). Both of these models are new; the specification of Model 1 is provided for the Pomorye region. Another novel aspect is the formalization of the relationship between the aggregate welfare measure and indicators of infrastructure, the digitalization of the economy and life expectancy at birth. The models enabled the identification of informative factor variables, which were then examined in detail. Finally, they were applied to two regions of the Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF) and a number of others. The factors in Model 1 that significantly influence the level of welfare were examined more closely: the infrastructure variable, digital economy indicators, life expectancy at birth, and others. Model 2, which functions well for many regions of the Russian Federation, is briefly described. Following a comparison of indicators for the Arkhangelsk Oblast and other regions, an illustrative example of forecasting for 2019 and 2020 is presented. The discussion identifies the region's problem areas and provides a brief overview of work on infrastructure, digitalization, innovations, and LEB. A number of parallels identified in regional development may also be of interest. Similarly, the research methodology can be applied to other territories of the AZRF and neighboring areas, as well as to other regions. The findings of the study may be useful to the authorities responsible for managing the regional development of territories within the AZRF or a number of other regions.

Keywords: *regression model with variable structure, welfare level, transport infrastructure, digital economy, life expectancy, household income, innovation*

Введение

В соответствии с указом Президента РФ[1], важнейшими ориентирами для страны и её регионов были названы повышение качества жизни и увеличение продолжительности предстоящей жизни населения (в частности, ожидаемой продолжительности жизни при рождении — ОПЖ). Для решения демографических проблем в Архангельской области реализуется национальный проект «Демография»[2]. Небольшой обзор работ по анализу и оценке демографической ситуации в регионах сделан в статье (Кузнецова, Васильева, 2023). Здесь также кратко описаны важные документы стратегического характера в регионах, полностью или частично лежащих в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ): как сама стратегия, так и соответствующая программа по её реализации[3]. Одной из главных целей здесь является рост показателя ОПЖ в регионах.

В исследовании (Степанов, 2024) была описана модель регрессии, построенная автором по панельным данным из ПФО, которая связывает ОПЖ с рядом факторных

[1] Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями от 01.07.2014). URL: https://base.garant.ru/191961/ (дата обращения: 17.07.2025).

[2] Сайт Правительства Архангельской области. URL: https://dvinaland.ru/gov/national_projects/demogr/ (дата обращения: 24.07.2025).

[3] Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» от 30.03.2021 № 484 (ред. от 24.09.2024). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381261/ (дата обращения: 31.07.2025).

переменных (экономических, медико-социальных и др.). Она хорошо работает и для многих других регионов; так, для двух областей СЗФО это показано в сообщении[4] и аналогично — для ЦФО в (Степанов, 2024). После обработки данных 126 стран отчасти близкая ей модель создавалась в статье (Штунь, 2021).

Кроме того, в статье (Новиков, 2022) отмечалось, что «совместное и комплексное рассмотрение задач развития прибрежных арктических территорий в увязке с вопросами … улучшения социально-демографической ситуации и качества жизни населения, охраны окружающей среды» перспективно в проблематике развития АЗРФ. В этой связи стоит обратить внимание на другую модель, построенную по данным 17 областей ЦФО, взятых за 5 лет до недавней пандемии[5]; она получена в развитие результатов из (Степанов, Бобков, Шамаева и др., 2022). В ней зависимой переменной является агрегированная переменная сводного типа, которая характеризует уровень материального благосостояния населения (УБН) в региональном разрезе. Среди её факторных переменных были: сводная переменная по инфраструктуре, ряд показателей оцифровки деятельности организаций, ОПЖ для случая мужского пола и др.

Исходя из стратегической важности регионов, полностью или частично лежащих в АЗРФ, представляет интерес совместно применить эти модели, выбрав в качестве полигона Архангельскую область. В сопоставлении с ней полезно рассмотреть и другой регион, аналогичный по принадлежности к АЗРФ: Республику Карелию. А также два региона, граничащих с ними, и ещё несколько регионов из СФО, ДФО и др. Почти все эти регионы имели плотность населения, не сильно отличающуюся от аналогичной плотности в Поморье (табл. 4, см. ниже). При этом почти всегда, кроме карельского случая, доля этноса «русские» превышала 91,5%. В большинстве регионов, кроме тех, которые лежат восточнее Уральского горного хребта, температуры в январе или июле были близкими (в 2017, 2019 гг., исключая Приморье, где температуры почти равны поморским). Во многих случаях тип расселения по городам в них немного напоминает поморский случай: не слишком крупная по размеру столица региона, потом город, который по численности жителей в несколько раз меньше, а далее идут города, заметно убывающие по значениям этой численности. Также в семи регионах достаточно близка доля городского населения (выпадает вниз лишь Ленинградская обл.). Также была рассмотрена структура ВРП (табл. 3, см. ниже). Во всех восьми регионах доля сельского / лесного / рыбного сектора вносит в ВРП от 3,9 до 7,3%. Примерно одинаково развиты секторы строительства, энергетики (кроме двух регионов, выпадающих вверх), сектор торговли не превышает 16% (он выше в двух регионах ДФО), довольно хорошо развит транспортный сектор (немного выпадает лишь Костромская обл.). Также ИКТ-сектор

[4] Степанов В.С. О приложении моделей регрессии к данным территорий: качество и продолжительность жизни населения // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы X Международной научно-практической интернет-конференции, 19–21 мая 2025 г. Секция 1. Доклад 6. 5 с. Вологда: Вологодский научный центр. URL: http://econproblem.volnc.ru (раздел меню «Форум») (дата обращения: 24.07.2025).
[5] Там же.

часто лежит между 1,4 и 2,4%, вклад сектора с недвижимостью — между 7,5 и 11,5%, вклад научно-технического сектора — между 1,6 и 2,5% (выпадает вниз лишь Поморье), вклад сектора услуг вместе с показателями безопасности лежит между 8,8 и 14,5% (кроме Ленинградской и Вологодской областей). Наконец, в этих регионах неплохо развиты секторы образования и здравоохранения. А многие также имеют близкие значения душевого ВРП в 2019г.; то есть регионы похожи между собой по ряду своих свойств. Интересно, что и доля бедного населения в регионах немного отличалась в 2023 г.: от 8,7% для случая Костромской области до 10,2% для карельского случая (для ленинградских и томских жителей — 6,8% и 11,3%).

Это позволяет после сопоставления значений показателей выбрать ориентиры, близкие к реальности, применительно к Архангельской области. Затем, используя их, на численном примере показать, какие конкретные шаги могли бы привести в 2020 г. к небольшому росту её агрегированного показателя благосостояния и к росту ОПЖ в 2019 г. Этот пример носит чисто иллюстративный характер, а приращения выбраны так, чтобы поморский график за этот год прошёл бы почти параллельно ленинградскому графику.

Методологически похожим образом эти две модели можно применить к другим регионам из АЗРФ или расположенным поблизости: ЯНАО, ХМАО; Республикам Карелии и Коми; Тюменской, Томской и Иркутской областям; Красноярскому, Приморскому, Хабаровскому краям и др. Важно отметить, что обычно каждый российский регион уникален, поэтому такие рассуждения являются достаточно условными. Тем не менее, особенности разных регионов частично учитываются в моделях 1 и 2 через фиктивные переменные, входящие в их спецификации; поэтому значение константы в них часто отличается от региона к региону.

Целью исследования является описание результатов приложения двух моделей регрессии, созданных по панельным данным регионов Центральной России и Поволжья, в которых зависимыми переменными являются агрегированный показатель благосостояния населения и ОПЖ. Работа этих моделей, а также динамика их факторов рассмотрены на данных Архангельской области и ещё нескольких регионов России.

Новизна исследования заключается в применении улучшенной авторской модели по УБН к данным Росстата, собранным в Архангельской области и ряде других регионов РФ, с анализом влияния её факторных переменных на зависимую эндогенную переменную. Это улучшение заключается в учёте уточнённых официальных данных Росстата, что привело к небольшому изменению списка факторных переменных и всех *b*-коэффициентов модели, а также изменению некоторых лагов. В итоге несколько возросла её точность.

Также к этим регионам впервые применяется другая модель 2 с аналогичным анализом её факторов в этих регионах в случае ОПЖ. В итоге построен пример, иллюстрирующий работу моделей, а для поморского региона перечислен и ряд его узких мест. Описанная методология работы с данными может быть применена также к некоторым

из регионов АЗРФ или к их соседям, а также ко многим прочим: из ЦФО, СЗФО, ПФО и др.

Работа модели 2 была проверена автором на значительном числе регионов РФ в периоды 2011–2019 и 2021–2023 гг. Для большинства, кроме тех, что лежат в Заполярье, в северной части ДВО или среди ряда южных регионов (СКФО и др.), результаты были удачными по точности. Модель 1, для случая с 8-ю регионами исследования, применялась следующим образом: сначала получались фактические значения зависимой переменной Вологодской обл. за 2018–2020 гг. для предыдущего её варианта, а фиктивная переменная из модели выбиралась так, чтобы точка-прогноз оказалась бы вблизи значения по факту[6] (стр. 3, рис. 3). Затем для варианта модели 1 аналогичные операции выполнялись для Архангельской, Вологодской и Томской областей, Республики Карелии, Приморского и Хабаровского краёв в 2018–2019 гг.

Первая часть статьи посвящена описанию этапа, на котором была построена модель для агрегированного показателя уровня благосостояния населения (то есть ИИ УБН). Во второй её части описано применение этой модели к статистике, собранной в Поморье. Также здесь даются графики для нескольких регионов, два из которых частично лежат в АЗРФ, а также граничащих с ними. Третья часть статьи посвящена анализу факторных переменных, которые в рамках модели 1 могли бы повысить рассмотренный показатель качества жизни в этом поморском регионе, а также в значительном числе других регионов. В четвёртой части кратко рассмотрен показатель ОПЖ в региональном разрезе и описана модель 2, которая здесь применяется к ряду регионов АЗРФ и нескольких вблизи них, причём с фокусом внимания на Архангельскую область. Здесь же для случая Поморья предложен иллюстрирующий пример: в нём показано, насколько здесь увеличится показатель ОПЖ за 2019 г. и значение агрегированной переменной УБН за 2020 г., если улучшить ряд факторов из этих моделей, в основном, в предыдущие годы. Наконец, в последней части обсуждаются полученные результаты и перечисляются выявленные в этой области проблемные места.

Краткое описание этапа построения модели по УБН по данным из ЦФО

Сжато опишем модель по благосостоянию (то есть УБН), которое считается одним из направлений качества жизни населения. Сначала, согласно методологии (Айвазян, 2012), посредством свёртки совокупности переменных $x_1,\ldots, x_p$ находился интегральный индикатор (ИИ) УБН; сами переменные перечислены в исследовании (Степанов, Бобков, Шамаева и др., 2022), в котором $p = 15$. Перечень переменных также приводится нами ниже (табл. 1); справа показан результат группировки переменных, сделанной в процессе применения методологии, как это будет описано далее.

[6] Степанов В.С. О приложении моделей регрессии к данным территорий: качество и продолжительность жизни населения // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы X Международной научно-практической интернет-конференции, 19–21 мая 2025 г. Секция 1. Доклад 6. 5 с. Вологда: Вологодский научный центр. URL: http://econproblem.volnc.ru (раздел меню «Форум») (дата обращения: 24.07.2025).

Таблица 1

Список показателей для построения ИИ УЖН

№	Показатель (переменная)	№ блока
1	ВРП$_i$ за год *t* (на душу), который делился на число (ПМ$_i$ / ПМ$_{РФ}$), где *i* — номер региона *1)	3
2	Розничный товарооборот с объёмом платных услуг в регионе (считается аналогично)	3
3	ДД/ПМ — покупательная способность среднедушевых денежных доходов (ДД)	3
4	Доля расходов ДХ на покупку продуктов питания (с затратами на ЖКУ и топливо), %	2
5	Доля расходов на образование в домохозяйствах во всех их расходах на потребление, %	3
6	Средний депозит физических лиц на RUR-счетах в СБРФ, в доле от ПМ	3
7	Средняя обеспеченность населения общей площадью жилых помещений [м^2/чел.]	1
8	Ввод в действие общей площади жилых помещений в жилых домах на 1 тыс. населения	1
9	Доля ветхого и аварийного жилья в суммарном жилфонде региона, в процентах	1
10	Интегральный индикатор благоустройства жилого фонда региона –ИИ БЖ *2)	1
11	Средняя обеспеченность населения личными легковыми автомобилями (на 1 000 чел.)	3
12	Доля малоимущих — численность жителей региона со среднедушевыми ДД ниже ПМ, в %	2
13	Индекс уровня финансовой обеспеченности домохозяйств региона (ДХ) *3)	2
14	Коэффициент фондов Кф, рассчитанный по доходным группам с 10% богатых и бедных	4
15	Доля домохозяйств (ДХ) региона с доступом к *web*-сети (среди всех ДХ) к концу года t	2

** Примечания:* 1) *ПМ$_i$*, *ПМ$_{РФ}$* — величины прожиточного минимума в *IV*-м квартале для *i*-го региона и РФ; 2) показатель ИИ БЖ считается по методологии (Айвазян, 2012) на основе комплекса показателей по благоустройству жилья, как это было описано в (Степанов, 2022) (это 1-я главная компонента в виде линейной комбинации удельной доли из общей площади жилого фонда, которая была оборудована к концу года водопроводом, канализацией, отоплением, горячим водоснабжением, ваннами / душем и сетевым газом / напольными электроплитами); 3) индекс ДХ по уровню их финансовой обеспеченности (табл. 1, стр. 13) получается расчётом по распределению ДХ, опубликованному в таблицах, полученных Росстатом опросами среди глав ДХ (по аспектам их финансового положения в году t)[7].

Переменная ИИ УБН, имеющая агрегированный тип, рассчитывается по официальной статистике Росстата, собранной в 17 областях ЦФО за 5 лет[8]. Это выполнялось методами корреляционного и компонентного анализа, посредством их применения к данным с переменными $x_1,\ldots,x_p$. Они образуют таблицу исходных данных с наблюдениями, в которой *p* столбцов, *n* строк (у нас *n* = 85). В результате этого этапа расчётов все показатели $x_1,\ldots,x_p$ (табл. 1) были разбиты на *M* блоков; одновременно находится весовой вклад для *j*-го блока ω_j, где *j* = 1,..,*M*[9]. Величина ω_j берётся пропорциональной дисперсии переменной Y_j и числу показателей p_j из *j*-го блока, согласно формулам из (Айвазян, 2012). Переменная Y_j является «блочным» ИИ УБН; обычно это 1-я главная компонента, найденная по матрице ковариаций переменных *j*-го блока: $x_1,\ldots,x_{pj}$ (они сначала сводились к одному и тому же

[7] Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств: стат. бюлл. Москва, Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13271 (дата обращения: 15.08.2025).

[8] Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025).

[9] Степанов В.С. О приложении моделей регрессии к данным территорий: качество и продолжительность жизни населения // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы X Международной научно-практической интернет-конференции, 19–21 мая 2025 г. Секция 1. Доклад 6. 5 с. Вологда: Вологодский научный центр. URL: http://econproblem.volnc.ru (раздел меню «Форум») (дата обращения: 24.07.2025).

масштабу). Эти веса используются при расчёте сводного показателя; сумма всех ω_j равна 1. Технология работы с данными здесь близка к той, что приводится в (Степанов, Бобков, Шамаева и др., 2022). Этап разбиения на блоки необходим из-за того, что набор переменных $x_1,\ldots, x_p$ обычно неоднороден, и поэтому метод главных компонент применяется в таких задачах в блочном виде. Иначе говоря, предполагается, что матрицу коэффициентов корреляции для всех p переменных можно приближённо заменить её блочно-диагональным аналогом (как и матрицу ковариаций) (Степанов, Бобков, Шамаева и др., 2022). В результате число блоков $M = 4$, а значения весов $\omega_1,\ldots,\omega_4$ сначала были равны тем, что приведены в работе[10]. Однако в следующих публикациях Росстата[11] достаточно сильно изменились значения многих переменных уровня жизни (в его статистических сборниках), и после обработки этих уточнённых данных оказалось: $\omega_1 = 0{,}24$; $\omega_2 = 0{,}2544$; $\omega_3 = 0{,}373$ и $\omega_4 = 0{,}132$. Поясним: блок 1 связан с жилищным фондом и обеспеченностью граждан жильём, с учётом его качества (здесь $p_1 = 4$); блок 2 объединил показатели бедности ($p_2 = 4$); блок 3 формируют показатели доходов: ВРП и проч. ($p_3 = 6$); блок 4 содержит коэффициент фондов, после его нормировки ($p_4 = 1$) (см. табл.1). Иначе говоря, значимость блока 4 с мерой социального расслоения по доходам возросла согласно ω_4, вес ω_3 блока с ВРП снизился, вес ω_2 для жилищного блока изменился.

Веса ω_j используются в определении «сводного ИИ» УБН (Айвазян, 2012; Степанов, Бобков, Шамаева и др., 2022), обозначенного ниже как Y, а его оценка — как $Y^{(t)}$. А именно: для i-го набора наблюдений $x_1,\ldots, x_p$ над некоторым регионом страны величина Y находится в виде разности: $Y = 10 - \sqrt{\sum_{j=1}^{M} \omega_j \cdot \left(10 - Y_j\right)^2}$, согласно (Степанов, Бобков, Шамаева и др., 2022). Индекс i здесь, как и ниже, для упрощения записи не показывается. Под знаком корня стоит величина Y_j — индикатор для j-го блока, или «блочный ИИ» (Айвазян, 2012). Он получен линейной свёрткой всех p_j переменных $x_1,\ldots,x_{pj}$, сформировавших состав j-го блока, где $1 \le p_j < p$. Новые переменные Y_j и Y по построению принимают значения из [0, 10], согласно (Айвазян, 2012). Так, значение $Y = 10$ соответствует гипотетическому региону (эталону), который мог бы иметь наиболее благоприятные значения для каждого из $x_1,\ldots, x_p$. Одновременно, если $Y = 0$, то это соответствует тому, что все $x_1,\ldots, x_p$ могли бы оказаться наихудшими (уже для другого гипотетического региона). В итоге Y находится расчётом взвешенного расстояния Евклида между парой точек из пространства 4-D: $(10,\ldots,10)^T$ — для эталонного региона и $(Y_1,Y_2,Y_3,Y_4)^T$, полученной расчётами по значениям переменных $x_1,\ldots,x_p$ для i-го наблюдения. Ранее это наглядно иллюстрировалось в (Степанов, 2019) для варианта,

[10] Степанов В.С. О приложении моделей регрессии к данным территорий: качество и продолжительность жизни населения // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы X Международной научно-практической интернет-конференции, 19–21 мая 2025 г. Секция 1. Доклад 6. 5 с. Вологда: Вологодский научный центр. URL: http://econproblem.volnc.ru (раздел меню «Форум») (дата обращения: 24.07.2025).
[11] Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025).

в котором число блоков $M = 3$.

Исходным вектором наблюдений на этапе «построение модели» был набор значений $x_1,\ldots,x_p$ для некоторой области ЦФО, взятых здесь в год $t \in \{2015,\ldots,2019\}$. Каждая из этих переменных сначала сводилась к шкале [0,10] посредством простейшей операции линейного масштабирования. Кроме того, расчёт агрегированной переменной Y_j для j-го блока выполняется по методологии (Айвазян, 2012) на основе небольшой модификации, сделанной в одной из формул компонентного анализа (Степанов, Бобков, Шамаева и др., 2022). Другими словами, если $p_j > 1$, то величина Y_j чаще всего есть 1-я главная компонента для всех p_j переменных $x_1,\ldots, x_{pj}$ или (намного реже) — некоторое её приближение (Степанов, Бобков, Шамаева и др., 2022; Айвазян, 2012). В нашем случае это имело место для блоков 1–3, тогда как последний блок включает единственный показатель расслоения населения по доходам, рассчитанный по 10% группам (то есть «коэффициент фондов»)[12,13] (Степанов, Бобков, Шамаева и др., 2022).

Методологически весьма похожий расчёт сделан по 10 другим показателям, чем $x_1,\ldots,x_p$; они описывали развитие дорожно-транспортной инфраструктуры в регионе (Степанов, 2022). Эти инфраструктурные показатели также сформировали свои блоки. Эти блоки вместе с вариантом расчёта «весов» для регионов ПФО приводились в кратком сообщении[14]. Наибольший вес — около 0,47 — получил блок с густотой железных дорог общего пользования в регионе и аналогичных автодорог с твёрдым покрытием, долей дорог с таким покрытием улучшенного типа, а также густотой речных судоходных путей. Второй блок с весовым множителем около 0,3 включал автодороги регионального и межмуниципального значения, имевшие нормативный уровень, долю «асфальтированных дорог» и пропускную способность автодорог в регионе. Два других блока учитывают безопасность автодорог и обеспеченность населения автобусами общего пользования. В итоге для каждой области из ЦФО ежегодно рассчитывалась переменная агрегированного типа — индикатор развития дорожно-транспортной инфраструктуры, или ИИ ТИ. Он принимает значения из [0,10] и далее в спецификации модели выступает в роли факторной переменной X_1.

Построение сводных и блочных ИИ в вышеописанных вариантах для УБН и ТИ с последующим рассмотрением их динамики с ростом отсчёта года t для того или иного региона позволяет построить наглядные графики типа рис. 5–7 из (Степанов, 2019). Изучая

[12] Степанов В.С. О приложении моделей регрессии к данным территорий: качество и продолжительность жизни населения // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы X Международной научно-практической интернет-конференции, 19–21 мая 2025 г. Секция 1. Доклад 6. 5 с. Вологда: Вологодский научный центр. URL: http://econproblem.volnc.ru (раздел меню «Форум») (дата обращения: 24.07.2025).

[13] Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025).

[14] Степанов В.С. Эконометрическая модель для оценки агрегированной переменной по благосостоянию в регионах Поволжья // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы X Международной научно-практической интернет-конференции, 17–19 мая 2023 г. Вологда: Вологодский научный центр; 2024: 180–184. URL: https://elibrary.ru/nhydez (дата обращения: 31.07.2025).

динамику блочных индикаторов Y_j по t, можно обнаружить проблемные («узкие») места в списке показателей $x_1,\ldots, x_{pj}$ данного блока. Это предлагалось в методологии из (Айвазян, 2012). К примеру, применительно к республике Крым это было сделано в (Степанов, 2019). Аналогичное было реализовано и для случая Архангельской области (результаты приводятся в «Обсуждении»).

Затем была реализована важнейшая идея, высказанная в (Айвазян, 2012). А именно: на основе эконометрических методов здесь предлагалось установить связь между ИИ УБН и комплексом переменных, прямо или косвенно зависящих от политики, проводимой в регионе и / или стране. Такой подход может быть интересен для органов управления регионом, если он принимался ими во внимание при разработке стратегии его развития. В итоге по таблице с панельными данными из ЦФО была создана регрессионная модель с переменной структурой и 14-ю факторами в её спецификации. Для неё оказалось, что значение нормированного коэффициента детерминации $R^2_{adj} \approx 96{,}7\%$ со стандартной ошибкой $RMSE = 0{,}22$ и ошибкой аппроксимации $MAPE = 4{,}0(\pm 3{,}2)\%$ (где *MAPE* — от mean absolute percentage error (Карлберг, 2017)). Иначе говоря, эта модель регрессии объяснила высокую долю разброса Y вокруг среднего значения, найденного по всем областям ЦФО за эти 5 лет.

Результаты исследования и их обсуждение

Применение модели по благосостоянию к данным Архангельской области и др.

Архангельская область частично относится к АЗРФ, а развитие информационной инфраструктуры территорий из АЗРФ является одной из первостепенных задач (Куратова, 2023). Этот регион стратегически важен для руководства России из-за его геополитического и экономического положения (Кузнецова, Васильева, 2023). Применительно к данным из Архангельской области вышеописанную модель можно представить в виде:

$$Y^{(t)} = -8{,}834 + 0{,}364X_1 + 0{,}0285X_2 + 0{,}072X_3 + 0{,}14X_4 - 0{,}037X_5 + 0{,}77\left(X_6\right)^{0.5} + 0{,}139X_7, \quad (1)$$

где $Y^{(t)}$ — ИИ УБН за год t, созданный ранее посредством свёртки переменных $x_1,\ldots,x_p$;
X_1 — инфраструктурный фактор по ТИ, найденный похожим путём и взятый с лагом $\tau = 1$ год[15,16] (Степанов, 2022);
X_2 — число ПЭВМ на 100 работников организации с доступом в сеть Интернет[17] и с $\tau = 2$ года;
X_3 — доля организаций региона, где в году t-4 использовались специальные программы (типа *CRM,*

[15] Степанов В.С. О приложении моделей регрессии к данным территорий: качество и продолжительность жизни населения // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы X Международной научно-практической интернет-конференции, 19–21 мая 2025 г. Секция 1. Доклад 6. 5 с. Вологда: Вологодский научный центр. URL: http://econproblem.volnc.ru (раздел меню «Форум») (дата обращения: 24.07.2025).
[16] Степанов В.С. Эконометрическая модель для оценки агрегированной переменной по благосостоянию в регионах Поволжья // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы X Международной научно-практической интернет-конференции, 17–19 мая 2023 г. Вологда: Вологодский научный центр; 2024: 180–184. URL: https://elibrary.ru/nhydez (дата обращения: 31.07.2025).
[17] Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025).

ERP, *SCM*- систем, или кратко: *CES*[18,19,20]); здесь лаг $\tau = 4$ года, а сам этот фактор взят в %;
X_4 — доля организаций, в которых использовались *RFID*-технологии в году *t*-2[21,22], в %;
X_5 — уровень дотаций для консолидированного бюджета региона: *БП/ВРП* — взятый в % за год $t - \tau$, где БП — безвозмездные поступления в бюджет[23] (то есть лаг $\tau = 2$);
X_6 — переменная, которая считается по той части от душевого ВРП, которая относится к виду экономической деятельности «лесное, сельское хозяйство и рыбная отрасль» за год *t*; она взята в соотношении с прожиточным минимумом (ПМ)[24] населения рассматриваемого региона за год *t*;
X_7 — ожидаемая продолжительность жизни при рождении младенца мужского пола (или $ОПЖ_м$) в предыдущий год до года *t* (то есть здесь $\tau = 1$). Лишь X_6 входит в (1) синхронно с $Y^{(t)}$.

Показатели $X_2,\ldots,X_4$ без учёта лагов также были рассмотрены в (Куратова, 2023; Акбердина, Наумов, Красных, 2023). Показатель $ОПЖ_м$ оказался информативнее по сравнению с ОПЖ на этапе анализа регионов, то есть в процессе создания модели регрессии с фиксированными эффектами (с 14-ю факторами). Это выяснилось так: при включении переменной $ОПЖ_м$ вместо фактора ОПЖ значимо возрастает коэффициент детерминации R^2, а также *t*-статистика Стьюдента для случая $ОПЖ_м$ становится значимой. Высокий разрыв значений ОПЖ среди мужского и женского населения России обусловлен комплексом причин (последствия войны 1941–1945 гг. и ряд прочих). Такой разрыв между полами негативно влияет на экономику и социальную сферу в регионах РФ.

Работа модели (1) применительно к данным Архангельской области и Республики Карелии, а также двух граничащих с ними областей показана на рис. 1. Часть районов и городов этих регионов принадлежит к АЗРФ. Также здесь показаны фактические значения $Y^{(t)}$ в 2018–2019 гг., полученные по значениям переменных $x_1,\ldots, x_p$ в регионе с последующим расчётом, как это было описано выше, совместно с исходными 85-ю наблюдениями. При получении оценки $Y^{(t)}$ после подстановки значений $x_1,\ldots, x_p$ в (1) значения константы могут изменяться между регионами (то есть фактически использовалась модель с 14-ю переменными).

[18] Там же.
[19] Примечание: *ERP*-система интегрирует информацию и функции подразделений организации; *CRM*-система управляет отношениями с клиентами; *SCM*-система управляет заказами поставщиков организации; *RFID* — компьютерная технология автоматической идентификации объектов.
[20] Индикаторы цифровой экономики: 2021. Москва: ВШЭ, 2021. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2385-8
[21] Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025).
[22] Индикаторы цифровой экономики: 2021. Москва: ВШЭ, 2021. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2385-8.
[23] Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025).
[24] Там же.

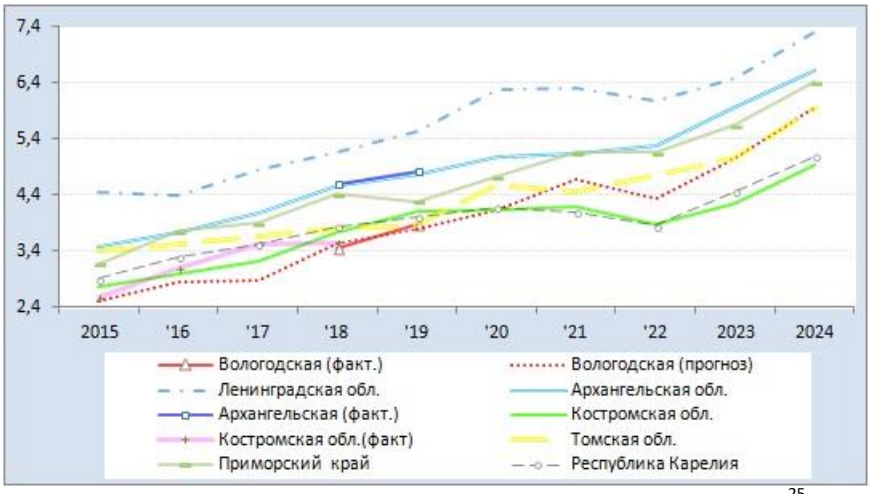

Рис. 1. Динамика ИИ УБН для 7 регионов СЗФО, ЦФО, СФО, ДФО[25].

Также приводятся графики с оценками $Y^{(t)}$ для Приморского края и Костромской области. Хотя оба эти региона имеют плотность населения, превышающую поморский случай в 4 раза или чуть более, они по ряду свойств похожи на этот северный регион (о чём сообщалось во введении). Ещё показан график Томской области, передовой по инновациям. Однако природно-климатические условия проживания здесь считаются дискомфортными.

Из сравнения графиков следует, что оценки $Y^{(t)}$ по модели для Архангельской области и Приморского края ведут себя похожим образом в динамике по t. Интересно, что ряд населённых пунктов и 4 района из Приморья относятся к территориям Крайнего Севера. Очевидно, что с 2018 г. карельский график почти совпадает с его костромским аналогом.

Исследование факторов, влияющих на $Y^{(t)}$: Архангельская область и др.

Из значений коэффициентов эластичности в исходной модели, из которой потом получена формула (1), следует, что главный вклад внесли факторы ОПЖ$_м$, X_1, X_6, а затем меры по оцифровке деятельности организаций: X_2, *CES*, *RFID*. Далее рассмотрим факторы X_1, X_2, *CES*, *RFID* и ОПЖ. В табл. 2, столбцы 2–5, приводится динамика фактора X_1 для Поморья за 4 года вместе с шестью регионами из СЗФО, ЦФО и др. округов.

Таблица 2

Динамика ИИ ТИ для 7 регионов и индекс транспортной доступности в 2018 г. [26]

Регион	2015	2016	2017	2018	*ИТД*	Ранг по *ИТД*
1	2	3	4	5	6	7
Архангельская обл.	3,0	3,0	3,0	3,0	7,0	62
Вологодская обл.	4,13	4,09	4,54	4,56	11,2	33
Республика Коми	4,1	4,04	4,07	4,02	7,03	61
Республика Карелия	4,9	4,95	5,17	5,22	7,73	58
Костромская обл.	3,78	3,78	3,756	3,77	13,0	17
Томская обл.	3,66	3,62	3,78	3,76	7,57	59
Приморский край	4,4	4,36	4,46	4,4	5,57	69

[25] Расчёты автора на основе официальных данных из публикаций Росстата: Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат), URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025) и их визуализация.

[26] Расчёты автора приводятся в столбцах 2–5; в столбцах 6, 7 приводятся результаты других авторов.

В столбцах 6, 7 здесь приведён индекс транспортной доступности (*ИТД*) из (Лавриненко, Ромашина, Степанов и др., 2019) и его место за 2018 г. Слева здесь показаны значения X_1 для ряда регионов, лежащих вблизи Архангельской области и АЗРФ, и ещё двух регионов, немного похожих на Поморье по ряду свойств, а именно: в них наблюдаются почти одинаковые температуры воздуха зимой и летом; были близки значения душевого ВРП: карельский случай — 31-е место, поморский — 33-е и вологодский — 34-е место в России за 2019 г. Плотности населения в карельском и поморском случаях отличаются сравнительно мало, причём оба эти региона частично лежат в АЗРФ; показатели урбанизации — близкие: карельский случай — 79,2% городских жителей; поморский — 77,4%, а вологодский — 72,4%. В наиболее крупных городах этих регионов проживало: Петрозаводск — 279, Архангельск — 350, Череповец — 318 (тыс. жителей; в начале 2018 г.); в каждом из регионов было от 20 до 22 городских поселений. В двух самых крупных городах Поморья проживает 523 тыс. жителей, а в вологодском случае — 630 (в карельском случае было лишь 309). Потом, начиная с 4-го города, в этих регионах следуют небольшие городские поселения (от 38 тыс. или менее). Если площадь карельской территории поделить на число её сельских поселений, то получится примерно 2,1 тыс. км^2, а если то же самое выполнить для Поморья, то получится 2,35 тыс. км^2. Если сравнить отраслевую структуру ВРП в 2019 г. в этих трёх регионах, то она не слишком сильно отличается (табл. 4, см. ниже). Правда, в вологодском случае вовсе нет добывающей промышленности, но этот регион успешно компенсирует её отсутствие за счёт 4 секторов: обработки, строительства, торговли и научно-технического. Ещё из-за того, что сектор обработки сфокусирован здесь на металлургии, химической промышленности, производстве лекарств и др. (табл. 5, см. ниже), данный регион в 2018 г. существенно опередил Поморье по величине ИЦР, а также по его позициям. Наконец, по уровню инновационной активности Вологодская область с 2013 г. всё сильнее и сильнее отрывается от соответствующих поморских значений (рис. 6, см. ниже).

Так, Ленинградская область вместе с северной столицей имеют значение *ИТД* = 15,1 и стояли бы в табл. 2 на 7-м месте, а Поморье располагается среди аутсайдеров. Регион-эталон по 10 переменным, свёрткой которых находился этот ИИ ТИ, имеет значение X_1, равное 10. Иначе говоря, в нём наблюдались бы самые благоприятные значения всех 10 переменных для рассмотренных в работе (Степанов, 2022) территорий статьи. А именно: его автодороги были бы в нормативном состоянии (или близком), привлекательной была бы густота автомобильных и железных дорог общего пользования, оптимально был бы развит водный транспорт и т. д.

Ранее отмечалось, что формализованный подход к исчислению того или иного ИТД важен для практических приложений (Лавриненко, Ромашина, Степанов и др., 2019). Здесь же даются ссылки на исследования по транспортной доступности территории. Она определяется как возможность достижения территории региона с использованием различных видов инфраструктуры. Другой обзор исследований в сфере транспортной

инфраструктуры приводится в (Степанов, 2022). Однако в обеих статьях не учитывался морской транспорт, а в (Степанов, 2022) не принимался во внимание ещё и воздушный. Другое отличие этих двух работ заключается в методологии расчёта *ИТД* при сопоставлении с аналогичной в случае *ИИ ТИ*. Так, в (Лавриненко, Ромашина, Степанов и др., 2019) величина ИТД оценивается посредством учёта всех транспортных затрат, которые включают фактические расходы денежных средств и время в пути до данного региона. Причём они учитываются для разных видов транспорта и берутся для граждан, проживающих во всех регионах РФ. Методология расчёта величины *ИИ ТИ* основана на построении интегральных индикаторов из (Айвазян, 2012). Этот подход использует комбинацию метода главных компонент в сочетании с корреляционным анализом и поэтому он является достаточно универсальным. Например, он применялся Дао Май Хань (2007) — аспиранткой ЦЭМИ из Вьетнама — при моделировании внешней торговли для этой республики (рыбная отрасль). Список переменных в статье (Степанов, 2022) ограничивался лишь региональными данными Росстата; если бы на его сайте приводились ежегодные данные по воздушному и морскому транспорту, они бы также использовались при расчёте *ИИ ТИ*.

Поэтому, если рассмотреть приморский случай в табл. 2, то этот регион ДФО удалён от центральной части РФ. Из-за этого поездка в Приморье обойдётся среднему россиянину недёшево и будет длиться долго, отчего ранг ИТД = 69. С другой стороны, этот регион отличается тем, что там всего 74 сельских поселения на 164,7 тыс. км^2 территории, а их соотношение равно 2,23, что лишь слегка меньше поморского случая. Однако территория Приморья лучше освоена в плане городов: в его столице 600 тыс. жителей, есть 3 города выше 100 тыс., 5 городов от 40 тыс. и т. д. Кроме того, из-за близости Японии (поэтому в Приморье доступнее по цене её надёжные автомобили, пусть и не новые) жители лучше обеспечены личным автотранспортом: 447 против 332 за 2019 г. Видимо, и поэтому состояние дорог здесь ближе к нормативам, а их густота — немалая. Ещё здесь есть много рек, большое озеро и развит водный транспорт; есть хорошая сеть железных дорог и т. д. Отсюда: $X_1 \approx$ 4,4–4,5 (это *ИИ ТИ).*

Если рассмотреть графики переменной X2 (с доступом к web-сети) для среднего значения по всем областям ЦФО за 9 лет совместно с аналогичными графиками для четырёх регионов СЗФО, Костромской и Томской областей, Приморского края, то можно увидеть следующее: костромской график очень близок к этому среднему, а томский аналог проходит намного выше: от 38 до 55 на 100 работников организаций (шт.) (рис. 2).

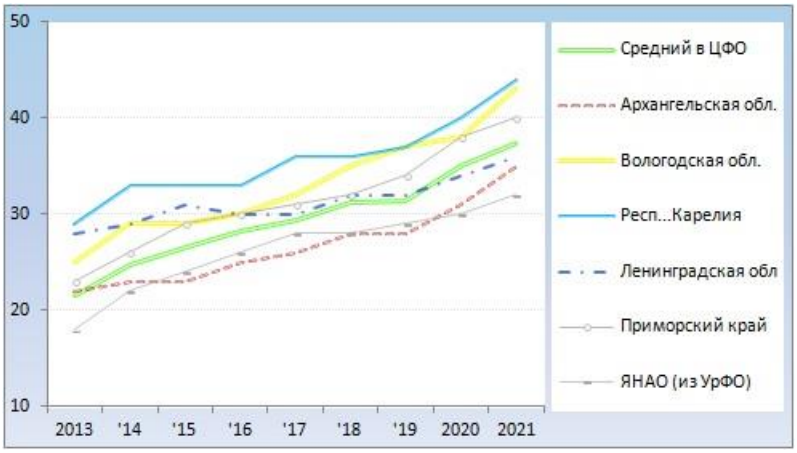

Рис. 2. Web-доступ в организациях из 6 регионов и средний уровень в ЦФО (штук ПЭВМ) [27].

Очевидно, что положение ЯНАО и Архангельской области было довольно слабым в период с 2013–2014 гг. по 2020 г. Эта переменная рассмотрена в регионах АЗРФ в (Куратова, 2023), где она обозначена как X_{20}. А также немного ниже — в (Куратова, 2023), табл. 5, где она называется X_2. Из приведённой информации и табл. 5 следует, что обеспечение каждых 100 работников компьютером с доступом к *web*-сети было узким местом Поморья, аналогично случаю ЯНАО. Попутно, по аспектам сети Интернет, можно отметить, что в организациях Поморья с 2016 г. практически не растёт использование этой сети. Более того, с 2015 г. здесь заметно снизился широкополосный доступ к ней при его сопоставлении со средним в ЦФО; это важно в разрезе сельских поселений Поморья. К этому среднему в 2013–2018 гг. был близок вологодский график, тогда как с 2015 г. его поморский аналог ежегодно отставал на 3–4%.

Если анализировать показатель CES в промежутке 2011–2019 гг., то можно увидеть, что в этом плане организации сравнительно мало варьировали в рассматриваемых регионах, причём часто доминировал график: для томских организаций или для среднего по ЦФО. В поморских организациях наблюдался временный спад использования CES в 2016–2017 гг. Однако после пандемии и начала спецоперации на Донбассе частота использования CES в семи регионах стала заметно отличаться, а поморские организации стали аутсайдерскими[28].

В плане динамики использования *RFID* ситуация в Поморье более благоприятная (рис. 3). Однако отрыв от инновационной Томской области и среднего по России заметный.

[27] Создано автором по стат. сб. «Регионы России. Социально-экономические показатели». Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025).
[28] Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025)

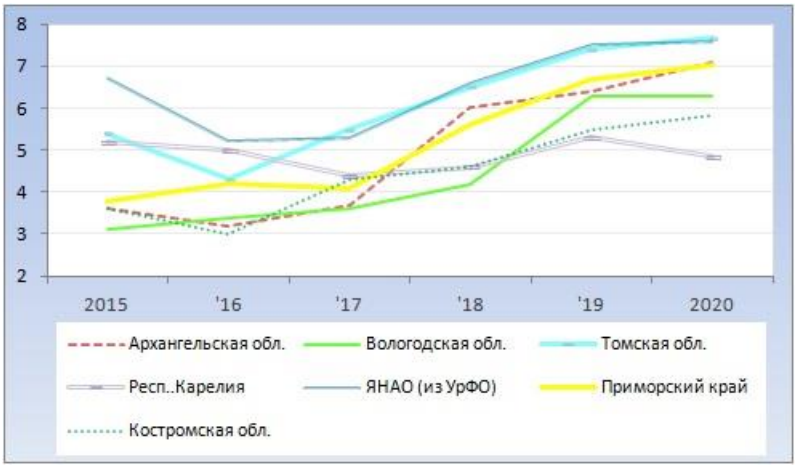

Рис. 3. Частота использования технологии *RFID* в регионах СЗФО и других округов; %[29].

Отметим, что Томская и Ленинградская области почти всегда доминировали; у последнего региона показатель *RFID* за 2015–2020 гг. изменяется от 5 до 6,5%. Тем более это относится к экономически мощным регионам Западной Сибири: ЯНАО и ХМАО; в последнем случае доля *RFID* была выше, чем в ЯНАО. Для сравнения, доля *RFID* в организациях из некоторых стран Европы в 2018 г. была в % такой: для Венгрии, Дании, Румынии, РФ — по 7; Чехии и Великобритании — по 8; Латвии — 9; Литвы — 10; Франции — 11; Эстонии — 12 и т. д.[30]

Сопоставляя значения фактора X_6 для рассматриваемых регионов, можно увидеть, что ситуация в Поморье является вполне благополучной. Только по показателю X_5 с мерой дотаций бюджета оно уступает указанным областям и этому краю в 2015–2023 гг. Так, в 2017 г. поморское значение X_5 было 3,4%, тогда как у Приморья — 2,64%, Томской области — 2,3%. При сравнении уровня дотаций бюджетов из Приморья и Поморья за период 2013–2021 гг. оказалось, что лишь в 2014 и 2018 гг. эта мера дотаций снижалась для Поморья. Однако в остальные 7 лет регион был дотационным в большей степени: примерно на 20%. Иначе говоря, консолидированный бюджет Поморья был обеспечен собственными средствами чаще всего хуже приморского. Тем не менее, в карельском и костромском случаях бюджетная обеспеченность была ещё хуже: значения X_5 были соответственно 5,27% и 3,97%. То есть слабее всех был обеспечен карельский бюджет и немного лучше него — костромской.

Далее приведём ряд сведений о показателе ОПЖ всего населения, близком к X_7.

Исследование факторов, влияющих на ОПЖ: Архангельская область и др.

Анализировать возможные причины изменения ОПЖ в регионах РФ помогает модель, исходно созданная по 84 наблюдениям над регионами ПФО и оценённая в варианте

[29] Создано автором по стат. сб. «Регионы России. Социально-экономические показатели». Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025).
[30] Таб. 2.1.21 «Информационное общество: основные характеристики субъектов Российской Федерации», 2019. Стат. сб. Росстат, 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/info-ob_reg2019_405742.pdf (дата обращения: 15.08.2025).

«сквозная регрессия». Это регрессионная модель с переменной структурой, имеющая лаги у ряда факторов; её константа изменяется от региона к региону в зависимости от изменения значений фиктивных переменных в этой модели. Позднее в список факторов вошли мера физической активности населения и инвестиции в здравоохранение, а объём выборки возрос: $n = 112$. Затем модель снова была улучшена: некоторые факторы заменились на другие, и теперь $n = 140$ (Степанов, 2024). Один из новых факторов лучше учитывает негативное влияние алкоголя и наркотиков, а среди прочих были коэффициент неестественной смертности (от внешних причин смерти), уровень урбанизации и др. То есть улучшение заключалось в увеличении объёма выборки панельных данных, небольшом изменении списка факторных переменных модели и значений некоторых их лагов. В результате показатель её качества возрос до $R^2_{adj} \approx 97\%$; стандартная ошибка, или $RMSE, = 0{,}29$, а ошибка аппроксимации $MAPE = 0{,}31(\pm 0{,}22)\%$ после расчётов по всем n наблюдениям.

Модель может быть полезной при разработке перечня мероприятий, направленных на рост ОПЖ во многих регионах страны. Так, для неё рассчитаны средние коэффициенты эластичности (Карлберг, 2017). Оказалось, что важнейшее значение для роста ОПЖ в регионах ПФО имеет снижение значений индекса *Gini* — меры социального расслоения по денежным доходам (*ДД*)[31,32]. Далее идёт заболеваемость алкоголизмом и наркоманией, после чего — показатель *med(ДД)/ПМ*[33,34] (Степанов, 2024). При расчёте числителя дроби здесь используется медианный доход, то есть фактически учитывается распределение ДД по 8 стратам населения в текущем году *t*. Далее следуют показатель физической активности граждан и доля городских жителей; за ними расположены обеспеченность территории врачами и коэффициент внешней смертности. Рост величины *med*(*ДД*)/*ПМ* вместе со снижением значений у *Gini* способствуют снижению уровня хронического стресса среди части граждан [35]. Это сильно снизит объёмы потребления сигарет, алкоголя / наркотиков; к нему чаще склонны мужчины (Степанов, 2024; Степанов, Рыбкина, Орлова, 2023).

На основе этих результатов были проанализированы данные из Поморья и ещё 7–8 регионов. Это сделано примерно аналогично тому, что описано выше. Затем для модельного примера предлагается вариант со значениями показателей в этой области, перечисленными в нижеследующей таблице, в её строках 1–9. При применении модели 2 предположим, что значение фактора X_7 из (1) станет немного выше, достигнув значения из строки 10. Работа

[31] Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025).
[32] «Богач — бедняк» (из беседы с проф. Шевяковым А.Ю.) // В мире науки. 2005; 7: 73–79.
[33] Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025).
[34] «Богач — бедняк» (из беседы с проф. Шевяковым А.Ю.) // В мире науки. 2005; 7: 73–79.
[35] Там же.

модели 2 для Вологодской и Ленинградской областей проиллюстрирована в сообщении[36]. Ниже приводится динамика ОПЖ в восьми регионах РФ за 10 лет до пандемии (рис. 4).

Рис. 4. Динамика ОПЖ в 8 регионах СЗФО, ЦФО, ДФО, Урала и Сибири; лет жизни[37].

Очевидно, что в период 2010–2019 гг. доминантами сверху и снизу были графики ЯНАО и Приморского края вместе с Республикой Карелией. На рис. 4 видно, как график Ленинградской области изредка догонял график ЯНАО, а также то, что значения ОПЖ в Вологодской и Архангельской областях были очень близкими начиная с 2014 г. Также видно, что поморский тренд имеет явно меньший угол наклона при росте отсчёта года t, начиная с 2014 г. Фактические значения ОПЖ за эти годы для регионов АЗРФ и всей страны приводились в табл. 2 из (Проворова, Смиренникова, Уханова, 2024). Отсюда ясно, что значение ОПЖ выше среднего уровня всей страны наблюдается лишь для жителей ЯНАО в промежутке 2005–2019 гг. Одновременно для случаев Мурманской и Архангельской областей показатель ОПЖ был немного ниже российского уровня, а все прочие регионы АЗРФ отставали ещё сильнее. Это, в частности, связано с негативным воздействием сурового климата на здоровье населения, постоянно проживающего в регионах АЗРФ или вблизи от них (Проворова, Смиренникова, Уханова, 2024).

Наконец, после анализа серии графиков и вышесказанного, приведём пример.

Пример: модельное изменение факторов в Поморье с оценками для 2019, 2020 гг.

В табл. 3 показано, как позитивные изменения в рассмотренном комплексе факторных переменных обеих моделей могли бы способствовать улучшению значения ОПЖ в Архангельской области за 2019 г., а также его значения ИИ УБН в 2020 г.

[36] Степанов В.С. О приложении моделей регрессии к данным территорий: качество и продолжительность жизни населения // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы X Международной научно-практической интернет-конференции, 19–21 мая 2025 г. Секция 1. Доклад 6. 5 с. Вологда: Вологодский научный центр. URL: http://econproblem.volnc.ru (раздел меню «Форум») (дата обращения: 24.07.2025).

[37] Создано автором по стат. сб. «Регионы России. Социально-экономические показатели». Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025).

Таблица 3

Пример с фактическими и прогнозными значениями для Архангельской области[38]

Факторные переменные		Значения переменных в двух моделях	
		Фактические	Модельные
1		2	3
1	Индекс *Gini* расслоения по доходам в 2019 г.	0,364	0,359
2	Значение *Ln*(*med*(ДД)/*ПМ*) в 2019 г.	0,79	0,82
3	Контингент лиц с алкоголизмом в 2017 г.	932,4	885,8
4	Заболеваемость алкоголизмом, наркоманией		спад на 5%
5	Объём выбросов СИЗ в атмосферу в 2016 г., кг/чел.		спад на 3%
6	Доля занятых с высшим образованием в 2018 г., %	27,4	28,77
7	Физическая активность на 1 тысячу жителей, 2019 г.	350,2	367,7
8	Коэффициент внешней смертности в 2019 г.	120,5	115,7
9	*Ln(BadWater)* — % проб некачественной воды (из сети)	2,6734	2,5665
10	Рост переменной X_7 (ОПЖ для мужчин) в 2019 г., лет	65,94	66,29
11	Индикатор транспортной инфраструктуры в 2019 г., балл	3,0	3,06
12	ПЭВМ с *Web*-доступом на 100 работников, шт., в 2018 г.	28	30
13	Показатель *CES* для организаций в 2016 г., %	13,5	15,2
14	Использование *RFID* в организациях в 2018 г., %	6,0	6,1
15	Мера дотационности бюджета региона в 2017 г., %	3,24	3,175
16	Оценка $Y^{(t)}$ для ИИ УБН после подстановки в формулу (1)	5,077	5,344

Таким образом, если бы в Поморье реализовать следующий комплекс мер: а) снизить индекс *Gini* в 2019 г. до среднего значения по Томской и Вологодской областям; б) на 5% уменьшить уровень алкоголизма; в) снизить на 4% логарифм от доли недоброкачественных проб воды, взятых в сети водоснабжения в 2017 г.; г) уменьшить на 3% логарифм объёма выбросов стационарных источников загрязнений (СИЗ) в атмосферу в расчёте на душу населения, то можно предполагать, что вследствие некоторых из этих действий коэффициент внешней смертности в Поморье снизится, например, на 4% (табл. 3, стр. 8). В результате реализации этих мер расчётное значение ОПЖ возросло бы здесь на 0,87% и в 2019 г. стало бы равным 72,54 вместо фактических 71,91 (лет жизни). Если предположить, что значение родственного показателя $ОПЖ_м$ вырастет в этой пропорции, то получится значение из строки 10 (табл. 3).

Перейдём теперь к моделированию переменной Y, или к оценке $Y^{(t)}$, если бы в регионе удалось осуществить следующий комплекс шагов, а именно: а) фактор X_1 увеличить на 2%; б) фактор X_2 повысить до уровня Республики Саха (Якутия); в) фактор X_4 (или *RFID)* слегка увеличить; г) фактор X_3 (*CES*) поднять до уровня Мурманской обл.; д) переменную X_5 с мерой дотаций бюджета Поморья снизить на 2%, доведя её до приморского уровня (строка 15). Если значения из столбца 3 (табл. 3) подставить в формулу (1), то $Y^{(t)}$ получит значение (табл. 3, стр. 16), и график Поморья пройдёт примерно параллельно ленинградскому графику (рис. 1).

Как было сказано выше, этот пример имеет чисто иллюстративный характер.

[38] Расчёты автора.

Обсуждение результатов и выявление проблемных мест для Архангельской обл.

Проблемами пространственного развития в соответствии со стратегией России являются [39] : несоответствие между уровнем развития магистральной транспортной инфраструктуры и потребностями экономики и населения; наличие ограничений по этой инфраструктуре; слабая транспортная связанность регионов с центрами экономического роста; недостаточная степень интеграции различных категорий транспорта и др.

Исследование (Заколюкина, 2023) было посвящено анализу показателей, мешающих эффективному функционированию транспортной инфраструктуры как фактора роста экономики региона. В обзоре литературы приводится ссылка на связь индексов этой инфраструктуры и качества жизни (Заколюкина, 2023). Описываются работы с расчётами интегральных индексов инфраструктуры.

Важность развития транспортной инфраструктуры, а также улучшения логистики вместе с прогрессом цифровой экономики отмечалась в обзорной статье (Лёвина, Дубгорн, Фадеев и др., 2024). Для этого необходимо развивать сети сухопутных дорог, а также судоходные пути: по Северному морскому пути (СМП) и для речного водного транспорта. Всё это позволит эффективнее перемещать грузы и трудовые ресурсы (Лёвина, Дубгорн, Фадеев и др., 2024). Обычно цифровой экономикой называют ту часть продукции, которая получена в экономике на основе цифровых навыков и цифрового оборудования (оборудования для телекоммуникаций, а также hardware и software), а также применения цифровых товаров и услуг. Кроме того, в статье приводится ряд ссылок на соответствующие исследования.

В работе (Кузнецова, Васильева, 2024) был оценён уровень развития транспортной инфраструктуры территорий в двух частях АЗРФ, а также сделан обзор нормативно-правовых документов, влияющих на экономическую деятельность. Отмечено, что параллельно с СМП будет развиваться инфраструктура морских портов АЗРФ, формироваться цифровая подсистема. Так, среди перспективных проектов выделен план развития порта Архангельска и его транспортного узла, создание узла для логистики с целью перевалки контейнерных грузов. Также в (Кузнецова, Васильева, 2024), табл. 2 было показано, что предложенный индекс развития транспортной инфраструктуры в Поморье был минимальным среди регионов, входящих в указанные части АЗРФ за 2019–2021 гг. Это соответствует и данным табл. 1 (см. выше). Наконец, далее в табл. 6 (Кузнецова, Васильева, 2024) приводились различные коэффициенты: по Энгелю и др. С учётом того факта, что плотность населения в Архангельской области ниже, чем в Мурманской, а также того, что она несколько слабее карельского случая, исходя из данных этой табл. 6 можно сделать следующий локальный вывод: эти коэффициенты в Поморье были на нормальном уровне при сравнении с

[39] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.: утв. Распоряжением Правительства РФ № 207-р от 13.02.2019 г. URL: http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf (дата обращения: 31.07.2025).

аналогами, имеющими близкие значения этой плотности: её автономного округа и Красноярского края. Также в табл. 7 этой работы приводятся данные по морским портам, причём Поморье находится здесь среди передовых регионов. К примеру, порт г. Архангельска является «большим», как и аналогичный мурманский порт; также у него имеется один важный плюс в виде наличия железнодорожной магистрали. Кроме того, в этих городах есть достаточно мощные воздушные порты, согласно (Кузнецова, Васильева, 2024), табл. 11–13. В итоге сделан вывод о том, что транспортная инфраструктура в Западной части АЗРФ способствует росту ВРП и улучшению условий жизни населения. Сейчас наблюдается недостаточный уровень транспортной обеспеченности в Поморье, что было объяснено в (Кузнецова, Васильева, 2024) особенностями размещения на территории, суровым климатом и низкой плотностью населения.

По нашим расчётам, относительно малое значение переменной ИИ ТИ (табл. 2, стр. 1) связано в Поморье с высокой долей местных, межрегиональных и межмуниципальных дорог, которые в 2015–2019 гг. находились в состоянии ниже нормативов, причём их качество было наихудшим в СЗФО. А также с тем, что по густоте сети железных дорог общего пользования этот северный регион также находится здесь на последнем месте. Кроме того, по доле дорог с твёрдым покрытием Поморье стоит на предпоследнем месте, опережая лишь вологодского аутсайдера, а по густоте этих дорог Поморье также находится позади многих; далее идут лишь Мурманская область и Республика Коми. Из других проблем Архангельской области в 2013–2019 гг. можно отметить рост уровня безработицы с 2016 г. (по рангам, рассчитанным по 85 регионам страны), а также несколько повышенный уровень бедности населения (на 24 месте в 2019 г., хотя он заметно снизился с 2015 г.). Многие её трудности лежат в области транспортной инфраструктуры и доступности территорий. Также в регионе высок уровень аварийного жилищного фонда, а в 2018 г. повышенной была и доля ветхого жилого фонда. Если рассматривать показатели благоустройства жилья в 2018 г. по всем регионам, то Поморье оказалось на 72 месте по обеспеченности домохозяйств (ДХ) водопроводом, а по централизованному отоплению — ещё ниже: 74 место. Также здесь было слабое 75 место по обеспеченности ДХ централизованным газом и / или напольными электроплитами. Да и по тройке других показателей — обеспеченности канализацией, ванной или душем, горячим водоснабжением — регион имеет низкие позиции: между 61 и 69. Наконец, здесь была сравнительно невелика доля хорошо образованного населения. Вероятно, это влияет на то, что *web*-доступ в ДХ снижался в динамике по *t*, а в сельских поселениях была слабой и доля широкополосного доступа в Internet. Заметим, что ранее в (Земцов, Демидова, Кичаев, 2022) с использованием методов эконометрики было выявлено, что web-доступ зависит от ДД и среднего возраста населения, уровня его образования, а применение ИКТ — от факторов доступа к глобальной web-сети и делового климата. Ещё Поморье отстаёт по инновациям.

В статье (Блинова, Былина, 2019) после исследования корреляционных связей

переменных по выборке 78 регионов РФ за 2015 г. для случая сельского населения обнаружился один важный факт: показатели благоустройства жилых помещений имели высокие корреляции с ОПЖ. А ещё выше они были с фактором «густота автодорог общего пользования с твёрдым покрытием».

В (Богданова, Сабуров, Минчук и др., 2024) выполнен анализ основных направлений оцифровки регионального развития, которые способствуют инновационному развитию сельских территорий западной части АЗРФ (на примере Поморья и его автономного округа). В частности, учитывается развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры, внедрение цифровых сервисов и формирование цифровых навыков у жителей. Подчёркнуто, что цифровая трансформация чаще позитивно будет влиять на ряд сфер жизни региона: экономику, состояние окружающей среды, социальную сферу, а также — на его органы управления. Особый акцент делается на рост качества жизни населения в связи с уровнем оцифровки территории. В приведённом здесь обзоре зарубежных работ говорится и о вероятном негативном влиянии на качество жизни (Богданова, Сабуров, Минчук и др., 2024). Ещё упоминается «Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 г.», где есть и ряд аспектов по оцифровке общества.

Если взять 42 региона из верхней части рейтинга «Цифровая Россия» к окончанию 2018 г.[40], опережающих Поморье по значениям индекса с аналогичным названием (ИЦР), и далее проанализировать их, то окажется следующее. После исключения двух столиц (Москва, Санкт-Петербург), которые сильно вырвались вперёд, для оставшихся территорий, включая Поморье, можно получить следующую диаграмму рассеяния (рис. 5).

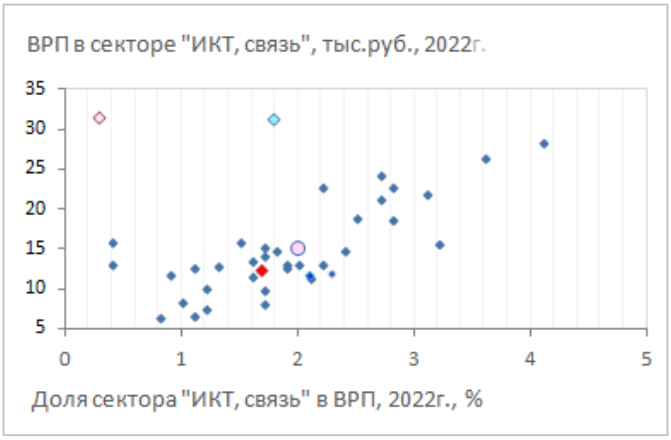

Рис. 5. Вклад ИКТ — сектора в экономику: Архангельская обл. и 40 регионов; тыс. руб.[41]

По оси ординат здесь показано, чему равен вклад сектора «ИКТ и связи» в величину валового регионального продукта (ВРП) в его душевом варианте за 2022 г. в тыс. руб. А по оси абсцисс отложено, какой была доля в ВРП у этого сектора экономической деятельности в данном году. Точки четырёх регионов здесь сильно выпадают из основной группы в виде

[40] Индекс «Цифровая Россия»: Приложение 1. Москва: Школа управления СКОЛКОВО. URL: https://www.skolkovo.ru/researches/indeks-cifrovaya-rossiya/ (дата обращения: 31.07.2025).

[41] Создано автором по стат. сб. «Регионы России. Социально-экономические показатели». Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025).

«облака точек с эллипсоидальной формой»: по две точки — сверху (ЯНАО, Мурманская область), а также — слева и ниже (ХМАО, Сахалинская обл.). Поморский регион помечен здесь ярко-красным цветом, а Самарская область из Поволжья — кружком розового цвета. Видно, что всё эллипсоидальное облако можно разбить на две подгруппы: 12 точек, лежащих справа и выше от этого кружка, и все остальные точки — левее и / или ниже. Между и вблизи точек этих двух областей лежат точки для регионов: ряд областей чернозёмной зоны ЦФО, Московская, Тюменская, Челябинская область, Республика Удмуртия и Приморский край. То есть положение точки Поморья по этим двум мерам уровня развития по «ИКТ и связи» было достаточно хорошим на фоне большого числа российских регионов за 2022 г.

Тем не менее, можно отметить, что среди 12 регионов из состава передовой по ИКТ подгруппы есть много таких, которые попадают в группу 1, сильнейшую по инновационному потенциалу (Нуреев, Симаковский, 2017). Да и по другому рейтингу инноваций 2018 / 2019 гг. большинство этих регионов вошли в список 14-ти лидеров страны (Абашкин, Абдрахманова, Бредихин и др., 2021). Также точки для некоторых таких инновационных регионов расположены неподалёку от розового кружка на рис. 5. Опираясь на это наблюдение, если взять 11 регионов этой подгруппы, исключив Калининградскую область, потом рассчитать среднее значение уровня инновационной активности за 2006–2023 гг.[42] и, наконец, взять средние значения за 3 года, то получится график (рис. 6).

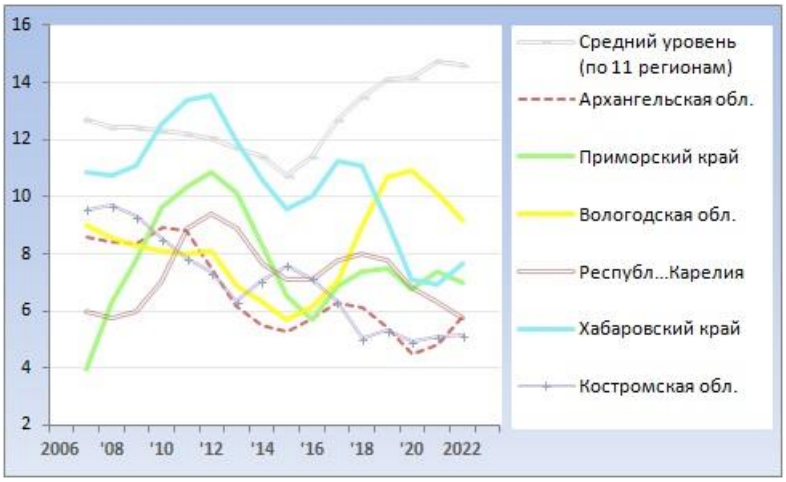

Рис. 6. Уровень инновационной активности организаций: динамика в ряде регионов, %[43].

Заметим, что этот показатель был информативным и ранее входил в перечень факторов модели из работы (Степанов, Бобков, Шамаева и др., 2022). Здесь же для сравнения показаны средние значения, взятые со скользящим окном шириной в 3 года, ещё для нескольких регионов: Поморья, Приморья; Вологодской и Костромской областей; Республики Карелии и Хабаровского края. По ряду своих свойств Поморье отчасти близко к

[42] Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025).
[43] Создано автором по стат. сб. «Регионы России. Социально-экономические показатели». Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025).

этим территориям России. Из этих графиков следует, что организации Поморья по уровню своей инновационной активности с 2012 г. стали отставать на фоне организаций из других регионов, связанных с рис. 6. Также можно заметить, что сильный спад уровня инноваций в Хабаровском крае после 2015 г., вероятно, негативно повлиял на динамику оценки края $Y^{(t)}$ на рис. 1. Так, в 2015–2018 гг. график для $Y^{(t)}$ в этом крае проходит вблизи от графика Поморья, однако хабаровский график $Y^{(t)}$ стал проходить в промежутке 2020–2023 гг. явно ниже: вблизи томского графика.

По мере приближения к красной точке Поморья на рис. 5, двигаясь сверху вниз по главной оси эллипса, чаще появляются точки регионов из группы 2, немного уступающей группе 1 по инновациям. Это были 4 региона из ЦФО, 5 регионов из ПФО, Тюменская и Омская области, Хабаровский край и др. А такие регионы, как Поморье, Красноярский и Приморский края, Республика Башкортостан, Ленинградская, Магаданская, Мурманская и Тверская области, относились к более слабой группе 3. Они требовали для роста инноваций сравнительно больших финансовых затрат и разработки специальных мер их господдержки (за 2011–2016 гг.). Кроме того, в передовую ИКТ-подгруппу из 12 регионов попали Томская и Вологодская области; обе они опережали Поморье по значениям ИЦР в 2017 и 2018 гг. При этом Томская область входит в группу 1 из (Нуреев, Симаковский, 2017), а Вологодская обл. — в группу 2. При интерпретации данных для Томской области, показанных выше, а также рис. 1–6, полезно помнить, что данный регион — устойчивый лидер рейтинга ВШЭ с 2015 по 2018 гг. из их доклада (Абашкин, Абдрахманова, Бредихин и др., 2021). Да и в рейтинге SMART он — на 4-м месте, а Поморье — в группе D: лишь на 70-м месте[44].

Для повышения уровня инноваций в организациях Поморья, вероятно, могли бы быть полезны результаты из статьи (Toomsalu, Tolmacheva, Vlasov et al., 2019), в которой по 776 наблюдениям исследуются детерминанты инноваций для малых и средних предприятий, часть которых взята из некоторых стран ЕС. Здесь устанавливается, что более сильная конкуренция, инвестиции в технологии, а также оптимизация бизнес-процессов на предприятиях способствуют инновациям. Одновременно: изношенное или устаревшее оборудование, инертный персонал, слабо повышающий свою квалификацию и общий уровень знаний, а также финансовые и административные барьеры — всё это в той или иной степени мешает им.

Обсудим теперь схожесть динамики графиков переменной $Y^{(t)}$ (то есть оценки величины ИИ УБН) на рис. 1. В случае пары Поморье — Приморье её можно попытаться объяснить тем, что структуры ВРП у них в какой-то степени похожи (табл. 4); кроме того, в этих регионах оказались близкими значения ряда показателей: ВРП, по ИКТ и оцифровке экономики.

[44] Рейтинг регионов SMART версии 2022 г. Ассоциация инновационных регионов. URL: https://i-regions.org/ (дата обращения: 15.08.2025).

Таблица 4

Отраслевая структура ВРП: вклады для 8 регионов за 2019 г. (%)[45]

Регион: область и др.	Порядковый номер сектора экономической деятельности														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	Плот-ность
Ленинградская (22)	4,4	0,6	28,9	6,7	9,1	9,7	13,6	0,7	9,2	2,5	5,9	2,1	3,6	3	22,4
Хабаровский край (25)	5,8	6,0	9,4	2,7	5,6	15,0	15,0	2,4	8,7	1,7	12,2	4,2	5,2	2	1,7
Томская обл. (30)	3,2	27,5	10,1	2,3	4,8	8,0	8,3	1,9	9,7	4,4	8,8	3,9	4,3	1	3,4
Приморский край (32)	7,3	1	9,2	2,2	4,4	15,9	18,3	2,0	11,3	2,5	14,2	3,2	4,7	3	11,5
Архангельская (33)	5,5	4,4	24,5	2,6	4,4	9,2	11,4	1,4	10,5	1,2	10,7	3,9	6,6	3	2,7
Вологодская (34)	3,9	0,0	38,4	2,3	6,3	11,2	10,8	1,7	7,5	2	6,6	2,3	4,0	4	8,0
Республика Карелия (31)	5,4	18,8	18,4	2,6	3,4	6,0	9,4	1,6	8,2	2	11,2	3,9	6,2	4	3,4
Костромская (69)	6,7	0,1	22,9	8,2	4,4	12,5	6,4	2,4	10,1	1,6	10,6	4,7	5,4	4	10,5

Примечание: А) 1 — сектор «сельское и лесное хозяйство, рыбная деятельность»; 2 — добывающая промышленность; 3 — обрабатывающая промышленность (ОП); 4 — энергетика; 5 — строительство; 6 — сектор торговли; 7 — транспорт; 8 — сектор «ИКТ и связь»; 9 — недвижимость, аренда; 10 — научно-техническая деятельность и др.; 11 — услуги, безопасность; 12 — образование; 13 — здравоохранение, социальные услуги; Б) столбец 14 — группа инновационного потенциала из (Toomsalu, Tolmacheva, Vlasov et al., 2019) *и 15 — плотность населения (на 1 января 2020г.); В) столбец 1, в скобках — место региона по величине душевого ВРП в 2019 г.*

Хотя оба региона по инновационному потенциалу оказались в более слабой группе 3 (Нуреев, Симаковский, 2017), по уровню инновационной активности Приморье с 2010 г. стало превосходить Поморье (рис. 6). По-видимому, это связано с тем, что в структуре ОП в Приморье сильно доминируют машиностроительный сектор 9 (табл. 5), а также секторы 6 и 8.

Таблица 5

Структура «отгруженных товаров, работ, услуг» в секторе ОП, %, в 2019 г. [46]

Регионы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Архангельская обл.	6,3	20	44,3		2,4		3,8		14,6		5,4
Вологодская обл.	7,7	5,4			19,4	2,0	58,4				
Ленинградская обл.	19,5	2,6	9,7	28,4	8,1	5,7	4,7	3,9	14,1	2,3	
Республика Карелия	12,7	16,6	47,5		2,7	2,7	6,3		3,4		6,7
Костромская обл.	8,6	21,9		4,5	3,7	2,1	18,9		13,8	21	
Приморский край	20,2	4,2				5,5	2,8	1,8	46,4	3,6	10,8
Томская обл.	18,5	8,7	2,6	19,3	15,1	3,0	6,5	18,3	2,5		4,4
Хабаровский край	11,5	3,8		15,9		2,8	36,8		23,5		3,8

Примечание: А) 1 — пищевое производство; 2 — деревообработка: ОП; 3 — целлюлозно-бумажное производство; 4 — нефтяное/кокс/рез./пластмасс. производство; 5 — мед.-химическое производство; 6 — неметалл. минер. производство; 7 — металлургия; 8 — электронн. / эл.-техн. производство; 9 — производство машин/обор.; 10 — производство мебели и др. изд.; 11 — ремонт, монтаж машин / оборудования. Б) если вклад был ниже 1,8%, в ячейках этой таблицы он не показывался (для упрощения).

[45] По табл. 9.4. из стат. сб. «Регионы России. Социально-экономические показатели». Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025).

[46] По табл. 13.5. из стат. сб. «Регионы России. Социально-экономические показатели». Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2025).

Примерно то же можно сказать, сопоставляя данные Костромской области с аналогичными карельскими данными. Также из строк табл. 5 видно, что структуры ОП в Поморье, Костромской обл. и Республике Карелии немного похожи. Отчасти похожа и поморская структура. В этих трёх регионах очень мала доля сектора 4 (производство нефтепродуктов, кокса, резиновых и пластмассовых изделий). Вероятно, наряду с другими факторами, это способствует тому, что графики переменной $Y^{(t)}$ на рис. 1 имеют похожую динамику: с точностью до сдвига вдоль оси ординат. Однако благодаря лучшей динамике у *RFID* (рис. 3) и немного лучшей динамике ОПЖ (рис. 4), лучшему месту по величине ИЦР в 2017–2018 гг. и ещё более сильному инновационному потенциалу (табл. 4, столб. 14) поморский регион после пандемии слегка увеличил свой отрыв от двух указанных регионов.

Кроме того, важно обратить внимание на то, что переменную X_5 с дотациями нужно правильно интерпретировать. Уменьшение величины БП в бюджете региона напрямую не приводит к росту величины ИИ УБН. Смысл здесь в том, что если социально-экономическое положение в регионе улучшается, в связи с чем органы его управления начинают меньше заимствовать денежные средства в федеральном казначействе, то величина БП будет снижаться, а агрегированный показатель ИИ УБН впоследствии будет склонен к некоторому росту.

Если говорить про корректность использования модели 1, построенной по панельным данным с областями ЦФО, применительно к территориям из АЗРФ или вблизи них, то этот вопрос требует специального изучения. По-видимому, правильнее было бы взять совокупность регионов АЗРФ и / или близлежащих (либо взять часть из АЗРФ, которые лежат здесь целиком, а часть — частично) и создать базу панельных данных за 2015–2019 гг. вместе с 2022–2025 гг., а затем рассчитать по этой базе фактические значения *Y* по методологии, описанной выше и в публикациях (Степанов, Бобков, Шамаева и др., 2022; Айвазян , 2012; Степанов, 2022; Степанов, 2019). После этого построить модель панельной регрессии, используя найденные выше значения *Y* и собрав данные для кандидатов в список факторных объясняющих переменных. Для этого также весьма полезно изучить международный опыт.

Если кратко обсуждать аспекты, связанные с ОПЖ, то можно отметить следующее. Показатель ОПЖ часто используется в сопоставлениях стран (Штунь, 2021) или российских регионов (Степанов, 2024; Родионова, Копнова, 2020; Блинова, Былина, Русановский, 2020; Лопаева, Лопаева, 2022), а также при статистическом моделировании. Кроме того, этот показатель — важная часть индекса развития человеческого капитала, который популярен в различных сопоставлениях стран или регионов России. На практике показатель ОПЖ рассчитывается по таблице смертности на основе данных о численности и возрасте умерших лиц, полученных из ЗАГС; поэтому он характеризует уровень здоровья населения. Также ОПЖ играет роль одной из мер социально-экономических условий проживания населения (Штунь, 2021). В качестве факторов в моделях ОПЖ часто использовались: индекс *Gini*

социального расслоения; доля жителей, потребляющих безопасную воду; употребление алкоголя взрослыми (после пересчёта к 95°); другие факторы, связанные с алкоголем; курение сигарет; объём выбросов CO_2; разные индексы образованности жителей территории и многие др. (Степанов, 2024; Штунь, 2021; Amos, Smirnov, 2022; Владимирская, Колосницына, 2023; Перова, Корчемный, 2021; Родионова, Копнова, 2020; Блинова, Былина, Русановский, 2020).

В исследовании (Лопаева, Лопаева, 2022) делается вывод, что в странах мира: «смертность, в первую очередь, зависит от условий проживания и обстоятельств, которые провоцируются в основном … конфликтами и пониженным статусом социальной ответственности государства». Также здесь приводятся вклады для разных групп факторов по степени их влияния на показатель ОПЖ: согласно оценке ВОЗ и по мнению проф. Г.Э. Улумбековой.

Кроме того, западные учёные доказали положительный эффект от реализации комплекса мер, направленных на увеличение ОПЖ на территории (Nguyen, Li, Wang et al., 2023). Среди них: полный отказ от курения, лишь малое и редкое употребление алкоголя, достаточный уровень физической активности, снижение уровня стрессов, сбалансированная диета и др. Их реализация может сильно повысить показатель ОПЖ независимо от пола граждан, их этнической принадлежности и ряда других факторов. Отметим, что проблема снижения потребления табачных изделий особенно актуальна для населения АЗРФ из регионов, представленных в таблице в (Куратова, 2023). Например, распространённость курения среди взрослых жителей, за исключением трёх автономных округов с высокими доходами, была выше среднего уровня; исключение составляет также Карелия, где этот показатель равен среднему по России за первое полугодие 2025 г.[47]

Группа учёных, в основном из Гарвардского университета, ранее основательно исследовала влияние пяти факторов образа жизни на риск ранней смертности и продолжительность жизни населения для случая среднего жителя США в возрасте от 50 лет и привела свои результаты в (Li, Pan, Wang et al., 2018). Были рассмотрены случаи смерти от всех причин, а также из-за главных хронических неинфекционных заболеваний. Сначала по данным более 0,5 млн человек из 17 стран было выявлено, что около 60% случаев преждевременной смертности было приписано пяти показателям нездорового образа жизни: курение сигарет, избыточное потребление алкоголя, гиподинамия, несбалансированная диета и ожирение. Также была взята статистика за 40 лет по данным ≈ 79 тыс. американских медсестёр (на рубеже XX–XXI в.), а также, чуть позднее, для ≈ 44 тыс. медиков разного пола, аналогично за 30 лет. У каждого наблюдения фиксировалось 5 градаций изменения каждого фактора; к примеру: «никогда не курил», «ранее курил, но бросил», «от 1 до 14 сигарет в день», то же для «15–24 сигарет в день» и «от 25 сигарет в

[47] Межведомственная информационная статистическая система ЕМИСС: Распространенность курения табака в возрасте 15 лет и более. URL: https://fedstat.ru/indicator/63004 (дата обращения: 18.08.2025).

день». Затем были выбраны референтные значения у пациента с минимальным риском смертности для этих факторов: он «никогда не курил», потребляет «от 5 до 15 г алкоголя» в день, имеет «от 3,5 часов в неделю» физической нагрузки нужной интенсивности, его индекс массы тела — «от 23 до 25» (кг/м^2), а индекс качества диеты — «оптимальный». Кроме того, для каждого из этих пациентов в национальной базе данных США был взят общий балл по здоровому образу жизни с 6 градациями: от 0 до 5. Затем авторы этого исследования обработали ≈ 42 тыс. случаев смерти среди этой популяции за 34 года наблюдений из официальной базы *WONDER* и затем рассчитали данные по продолжительности жизни. На основе использования мощного статистического пакета SAS и модели пропорциональных рисков Кокса они оценили отношение шансов и построили 95%-е доверительные интервалы для рассмотренных переменных. Они приводят несколько таблиц и ряд графиков, из которых ясно, каким образом разные сочетания градаций перечисленных пяти факторов влияют на риск преждевременной смертности у среднего гражданина США в возрасте от 50 лет. Это сделано для трёх вариантов: все причины смерти, смертность из-за новообразований и болезней системы кровообращения. Так, если пациент — американка 50 лет и все эти факторы принимают референтные значения, то она в среднем может выиграть благодаря такому образу жизни 14 лет с 95%-м доверительным интервалом (11,8; 16,2) относительно другого среднего жителя США, для которого каждый из 5 факторов имел наихудшую градацию. Также приводятся весьма полезные графики для каждого пола, которые показывают, на какое количество лет такой человек (в возрасте от 50 лет) в среднем сокращает свою жизнь из-за нездорового образа жизни (в зависимости от числа сигарет, выкуриваемых в день, объёма алкоголя, выпитого за неделю, уровня физической активности и др.). Очевидно, что после небольшой корректировки эти результаты были бы полезны при разработке мер профилактики в регионах АЗРФ, включая и многие другие территории.

Заключение

Объектом исследования выбрана Архангельская область, частично входящая в АЗРФ.

Методологической основой исследования является применение алгоритмов, взятых из двух разделов статистики: методов главных компонент и корреляционно-регрессионного анализа. Эти алгоритмы применялись к данным с панельной структурой, созданным по регионам Центральной России или Поволжья. Кроме того, используется методология анализа качества жизни из монографии С.А. Айвазяна (2012), в частности, при конструировании агрегированной переменной, являющейся мерой благосостояния населения. Две построенные модели регрессии применяются к статистике из Поморья и ещё нескольких регионов, собранной за ряд лет. Полученные результаты хорошо иллюстрируются.

Сделана попытка обосновать выбор регионов, с которыми сопоставляются значения ряда показателей Поморья. Также предложен иллюстрирующий пример, в рамках которого

показано, какими мерами можно улучшить агрегированный показатель благосостояния за 2020 г., а также ожидаемую продолжительность жизни населения Поморья в 2019 г. В обсуждении приводится небольшой обзор работ по развитию транспортной инфраструктуры и информационных технологий в ряде регионов АЗРФ, а также по ожидаемой продолжительности жизни и её моделированию. Здесь же обращается внимание на инновационные аспекты развития и на прогресс западных учёных в направлении роста ОПЖ.

Впервые приводится спецификация модели 1, которая применялась к данным из Поморья, и анализируется динамика её важнейших факторных переменных. Среди них были инфраструктурная переменная, несколько показателей оцифровки в разрезе организаций, показатель человеческого капитала (типа ОПЖ) и др. Изучение динамики факторных и агрегированных переменных позволяет выявить ряд проблемных мест в Поморье по нескольким направлениям. Некоторые из таких мест ярко освещаются на диаграммах или графиках и сопоставляются с 7–8 регионами, похожими по ряду свойств на Поморье. Новизной является и то, что в формальном виде установлена статистическая связь между переменными дорожно-транспортной инфраструктуры, а также показателями оцифровки деятельности организаций с агрегированной переменной по благосостоянию. А также к вышеописанным данным впервые применена новая модель регрессии для ОПЖ. Обе модели позволили выявить наиболее сильно влияющие факторные переменные.

Самостоятельный интерес может представлять и методология анализа данных, которую можно использовать для других регионов из АЗРФ и / или расположенных вблизи от них, а также для прочих регионов, взятых из разных округов страны. Вероятно, может быть интересен и ряд параллелей, выявленных при анализе социально-экономического развития регионов. Итоги исследования могут быть полезны для органов власти, управляющих региональным развитием территорий АЗРФ и других регионов России, при разработке мероприятий по реализации их стратегических программ.

Список источников

Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения (эконометрический подход). Москва: Наука; 2012. 432 с.

Акбердина В.В., Наумов И.В., Красных С.С. Цифровое пространство регионов Российской Федерации: оценка факторов развития и взаимного влияния на социально-экономический рост // Journal of Applied Economic Research. 2023; 22 (2): 294–322. https://doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.2.013

Блинова Т.В., Былина С.Г. Корреляционный анализ факторов, влияющих на продолжительность жизни сельского населения // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2019; 4: 119–125.

Блинова Т.В., Былина С.Г., Русановский В.А. Ожидаемая продолжительность жизни сельского населения России: оценка влияния социально-экономических факторов / Материалы II Всероссийского демографического форума с международным участием. Москва: Объединенная редакция; 2020: 11–13.

Богданова Е.Н., Сабуров А.А., Минчук О.В., Никифоров А.С. Цифровая трансформация сельских территорий в условиях инновационного развития Западного сектора российской Арктики // Арктика и Север. 2024; 57: 5–33. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.5

Владимирская А.А., Колосницына М.Г. Факторы ожидаемой продолжительности жизни: межстрановой анализ // Вопросы статистики. 2023; 30 (1): 70–89. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-1-70-89

Заколюкина Е.С. Транспортная инфраструктура региона как фактор пространственного развития территории // Проблемы развития территории. 2023; 27 (5): 79–95. https://doi.org/10.15838/ptd.2023.5.127.6

Земцов С.П., Демидова К.В., Кичаев Д.Ю. Распространение интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии // Балтийский регион. 2022; 14 (4): 57–78. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-4

Карлберг К. Регрессионный анализ в MS Excel. Москва: Диалектика; 2017. 396 с.

Кузнецова М.Н., Васильева А.С. Демографическая ситуация в Архангельской области: анализ, пути решения // Арктика и Север. 2023; 51: 212–232. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.212

Кузнецова М.Н., Васильева А.С. Транспортная инфраструктура регионов Западной и Центральной Арктики Российской Федерации: анализ, перспективы // Арктика и Север. 2024; 56: 49–73. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.49

Куратова Л.А. Особенности цифровизации пространства арктических регионов России // Арктика и Север. 2023; 50: 154–174. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.154

Лавриненко П.А., Ромашина А.А., Степанов П.С., Чистяков П.А. Транспортная доступность как индикатор развития региона // Проблемы прогнозирования. 2019; 6 (177): 136–146.

Лёвина А.И., Дубгорн А.С., Фадеев А.М., Калязина С.Е. Цифровая и логистическая инфраструктуры Арктической зоны: современное состояние исследований и пути развития // Арктика и Север. 2024; 56: 128–145. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.128

Лопаева В.А., Лопаева М.С. Факторы продолжительности жизни в российских регионах // Социальное пространство. 2022; 8 (2). https://doi.org/10.15838/sa.2022.2.34.1

Новиков А.В. Экономика прибрежных территорий Арктики: анализ состояния и тенденции развития // Арктика: экология и экономика. 2022; 12 (2 (46)): 200–210. https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-2-200-210

Нуреев Р.М., Симаковский С.А. Сравнительный анализ инновационной активности российских регионов // Terra Economicus. 2017; 15 (1): 130–147. https://doi.org/ 10.23683/2073-6606-2017-15-1-130-147

Перова В.И., Корчемный П.В. Анализ влияния сферы здравоохранения на развитие человеческого капитала как фактора экономического роста стран ЕАЭС // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021; 1 (61): 22–32. https://doi.org/10.52452/18115942_2021_1_22

Проворова А.А., Смиренникова Е.В., Уханова А.В. Здоровье населения российской Арктики: проблемы, вызовы и пути их решения // Арктика и Север. 2024; 55: 161–181. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.161

Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 7 / Под ред. Л.М. Гохберга. Москва: НИУ ВШЭ; 2021. 274 с. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2390-2

Родионова Л.А., Копнова Е.Д. Гендерные и региональные различия в ожидаемой продолжительности жизни в России // Вопросы статистики. 2020; 27 (1): 106–120. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-1-106-120

Степанов В.С. Индикатор развития дорожно-транспортной инфраструктуры в регионах и его применение для оценки уровня благосостояния // Труды II Гранберговской конференции: Сб. докладов Всероссийской конференции с межд. участием, посвященной памяти академика А.Г. Гранберга «Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность», Новосибирск, 11-15 октября 2021 г. Новосибирск: ИЭОПП РАН; 2022: 432–445. https://doi.org/10.53954/9785604607893_432

Степанов В.С. Индикатор уровня благосостояния населения Крыма и близких ему регионов: связь с факторными переменными // Вестник ЦЭМИ 2019; 2. https://doi.org/10.33276/S265838870004976-6

Степанов В.С. О применении моделей регрессии к статистике территорий с целью улучшения средней продолжительности жизни // III Международный демографический форум

«Демография и глобальные вызовы»: Т. 2: секция 2–5. Воронеж: Цифровая полиграфия; 2024: 765–776. https://doi.org/10.58168/978-5-907669-62-8

Степанов В.С., Бобков В.Н., Шамаева Е.Ф., Одинцова Е.В. Построение модели, связывающей индикатор уровня жизни населения с комплексом показателей социально-экономической политики в регионах России // Уровень жизни населения регионов России. 2022; 18 (4): 450–465. https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.3

Степанов В.С., Рыбкина И.Д., Орлова Е.С. Факторы окружающей среды и вредных привычек в моделях распространенности онкопатологии в муниципальных образованиях Алтайского края и других регионов // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2023; 11(4). https://doi.org/10.26102/2310-6018/2023.43.4.022

Штунь В.А. Моделирование ожидаемой продолжительности жизни в мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2021; 12 (458): 70–77. https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-11208

Amos B.K., Smirnov I.V. Determinants factors in predicting life expectancy using machine learning // Advanced Engineering Research. 2022; 22 (4): 373–383. https://doi.org/10.23947/2687-1653-2022-22-4-373-383

Toomsalu L., Tolmacheva S., Vlasov A., Chernova V. Determinants of innovations in small and medium enterprises: a European and international experience // Terra Economicus. 2019; 17 (2): 112–123. https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-112-123

Xuan-Mai Nguyen, Yanping Li, Dong Wang, Whitbourne S., Houghton S., Hu F., Willett W., M.J. Gaziano, Cho K., Wilson P.W.F. PTFS07-07-23 Eight Modifiable Lifestyle Factors Associated With Increased Life Expectancy Among 719,147 U.S. Veterans // Current Developments in Nutrition. 2023; 7 (1): 100200. https://doi.org/10.1016/j.cdnut.2023.100200

Yanping Li, An Pan, Dong D. Wang, Xiaoran Liu, Dhana K., Franco O.H., Kaptoge S., Di Angelantonio E., Stampfer M., Willett W.C., Hu F.B. Impact of healthy lifestyle factors on life expectancies in the US population // Circulation. 2018; 138 (4): 345–355. https://doi.org/10.1161/CIRCULATIONAHA.117.032047

References

Akberdina V.V., Naumov I.V., Krasnykh S.S. Digital Space of Regions: Assessment of Development Factors and Influence on Socio-Economic Growth. *Journal of Applied Economic Research*. 2023; 22 (2): 294–322. https://doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.2.013

Amos B.K., Smirnov I.V. Determinants Factors in Predicting Life Expectancy Using Machine Learning. *Advanced Engineering Research*. 2022; 22 (4): 373–383. https://doi.org/10.23947/2687-1653-2022-22-4-373-383

Ayvazyan S.A. *Analysis of the Quality and Lifestyle of the Population (Econometric Approach)*. Moscow, Nauka Publ.; 2012. 432 p. (In Russ.)

Blinova T.V., Bylina S.G. Correlation Analysis of Factors Influencing the Life Duration of Rural Population. *Regional Agrosystems: Economics and Sociology*. 2019; 4: 119–125.

Blinova T.V., Bylina S.G., Rusanovskiy V.A. Life Expectancy of the Rural Population of Russia: Assessment of the Impact of Socio-Economic Factors. In: *Proceedings of the II All-Russian Demographic Forum with International Participation*. Moscow, Obedinennaya Redaktsiya Publ.; 2020: 11–13.

Bogdanova E.N., Saburov A.A., Minchuk O.V., Nikiforov A.S. Digital Transformation of Rural Areas in the Conditions of Innovative Development of the Western Sector of the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 57: 5–33. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.5

Gokhberg L.M., ed. *Russian Regional Innovation Scoreboard. Issue 7*. Moscow, HSE University Publ.; 2021. 274 p. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2390-2

Karlberg K. *Regression Analysis in MS Excel*. Moscow, Dialektika Publ; 2017. 396 p. (In Russ.)

Kuratova L.A. Features of Digitalization of the Arctic Regions of Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2023; 50: 154–174. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.154

Kuznetsova M.N., Vasilyeva A.S. Demographic Situation in the Arkhangelsk Oblast: Analysis and Solutions. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2023; 51: 212–232. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.212

Kuznetsova M.N., Vasilyeva A.S. Transport Infrastructure of the Western and Central Arctic Regions of the Russian Federation: Analysis and Prospects. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 56: 49–73. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.49

Lavrinenko P.A., Romashina A.A., Stepanov P.S., Chistyakov P.A. Transport Accessibility as an Indicator of Regional Development. *Studies on Russian Economic Development*. 2019; 6 (177): 136–146.

Levina A.I., Dubgorn A.S., Fadeev A.M., Kalyazina S.E. Digital and Logistical Infrastructures of the Arctic Zone: Current State of Research and Ways of Development. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 56: 128–145. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.128

Lopaeva V.A., Lopaeva M.S. Life Expectancy Factors in Russian Regions. *Social Area*. 2022; 8 (2). https://doi.org/10.15838/sa.2022.2.34.1

Novikov A.V. Economy of the Arctic Coastal Territories: Analysis of the State and Development Trends. *Arctic: Ecology and Economy*. 2022; 12 (2 (46)): 200–210. https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-2-200-210

Nureev R.M., Simakovsky S.A. Comparative Analysis of Innovation Activity of Russian Regions. *Terra Economicus*. 2017; 15 (1): 130–147. https://doi.org/ 10.23683/2073-6606-2017-15-1-130-147

Perova V.I., Korchemny P.V. Analysis of the Impact of the Health Sector on Development Human Capital as an Economic Factor Growth of the EAEU Countries. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2021; 1 (61): 22–32. https://doi.org/10.52452/18115942_2021_1_22

Provorova A.A., Smirennikova E.V., Ukhanova A.V. Population Health in the Russian Arctic: Problems, Challenges, Solutions. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 55: 161–181. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.161

Rodionova L.A., Kopnova E.D. Gender and Regional Differences in the Life Expectancy in Russia. *Voprosy Statistiki*. 2020; 27 (1): 106–120. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-1-106-120

Shtun V.A. Modelling of Life Expectancy in the World. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021; 12 (458): 70–77. https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-11208

Stepanov V.C. Indicator of the Development of the Road Transport Infrastructure in Russia's Region and Its Application to Estimate Welfare of the Population. In: *Proceedings of the 2nd Granberg Conference: Collection of Papers of the 2nd National Conference with International Participation "Spatial Analysis of Socio-Economic Systems: the History and Current State"*. Novosibirsk, IEIE SB RAS Publ.; 2022: 432–445. https://doi.org/10.53954/9785604607893_432

Stepanov V.S. Integral Indicator of the Living Conditions at the Crimea Republic and Some Other Territories: Dependence from Factorial Variables. *Vestnik CEMI*. 2019; 2. https://doi.org/10.33276/S265838870004976-6

Stepanov V.S. On the Application of Regression Models to Statistics of Territories in Order to Improve the Average Life Expectancy. In: *III International Demographic Forum "Demography and Global Challenges"*. 2024: 765–776. https://doi.org/10.58168/978-5-907669-62-8

Stepanov V.S., Bobkov V.N., Shamaeva E.F., Odintsova E.V. Building a Model Linking the Indicator of the Standard of Living of the Population with a Set of Indicators of Socio-Economic Policy in the Regions of Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022; 18 (4): 450–465. https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.3

Stepanov V.S., Rybkina I.D., Orlova E.S. Environmental Factors and Bad Habits in Models of the Malignancy. *Modeling, Optimization and Information Technology*. 2023; 11 (4). https://doi.org/10.26102/2310-6018/2023.43.4.022

Toomsalu L., Tolmacheva S., Vlasov A., Chernova V. Determinants of Innovations in Small and Medium Enterprises: A European and International Experience. *Terra Economicus*. 2019; 17 (2): 112–123. https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-112-123

Vladimirskaya A.A., Kolosnitsyna M.G. Factors in Life Expectancy: A Cross-Country Analysis. *Voprosy Statistiki*. 2023; 30 (1): 70–89. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-1-70-89

Xuan-Mai Nguyen, Yanping Li, Dong Wang, Whitbourne S., Houghton S., Hu F., Willett W., M.J. Gaziano, Cho K., Wilson P.W.F. PTFS07-07-23 Eight Modifiable Lifestyle Factors Associated with Increased Life Expectancy among 719,147 U.S. Veterans. *Current Developments in Nutrition*. 2023; 7 (1): 100200. https://doi.org/10.1016/j.cdnut.2023.100200

Yanping Li, An Pan, Dong D. Wang, Xiaoran Liu, Dhana K., Franco O.H., Kaptoge S., Di Angelantonio E.,

Stampfer M., Willett W.C., Hu F.B. Impact of Healthy Lifestyle Factors on Life Expectancies in the US Population. *Circulation*. 2018; 138 (4): 345–355. https://doi.org/10.1161/CIRCULATIONAHA.117.032047

Zakolyukina E.S. Transport Infrastructure as a Factor in the Territory's Spatial Development. *Problems of Territory's Development*. 2023; 27 (5): 79–95. https://doi.org/10.15838/ptd.2023.5.127.6

Zemtsov S.P., Demidova K.V., Kichaev D.Yu. Internet Diffusion and Interregional Digital Divide in Russia: Trends, Factors, and the Influence of the Pandemic. *Baltic Region*. 2022; 14 (4): 57–78. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-4

Статья поступила в редакцию 01.08.2025; принята к публикации 15.09.2025

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 364–386.
Научная статья
УДК [338.48:327](470.21)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.364

Российский арктический туризм в эпоху санкционного давления стран «коллективного Запада»: новое окно возможностей для Мурманской области. Часть I

Тимошенко Диана Сергеевна [1]✉, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

[1] Институт Европы РАН, ул. Моховая, 11, стр. 3, Москва, Россия
[1] artemideus@gmail.com ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2780-6464

Аннотация. Санкции Запада внесли коррективы в социально-экономическое развитие регионов России и способствовали системной трансформации отечественного туристского рынка. Ответом на новую напряжённую реальность международных отношений и экономики стало широкомасштабное обновление отечественных нацпроектов, в том числе в туризме, что затронуло арктические регионы. Целью исследования явилось выявление конкурентоспособных преимуществ, определение перспектив и ключевых проблем развития арктического туризма России на примере Мурманской области (МО) в условиях санкционного давления стран «коллективного Запада». В статье определена ключевая проблема социально-экономического развития МО — отток населения. Вместе с тем дана оценка развития МО как дестинации, благоприятной и перспективной для развития внутреннего, въездного и международного арктического туризма. На основе анализа данных Росстата и Мурманскстата определена динамика туристских прибытий в ряд стран Балтийско-Скандинавского макрорегиона (БСМ), Россию и МО. Выявлены проблемы и обозначены перспективы развития въездного туризма региона в условиях санкционного давления. Применение системного и комплексного подходов, абстрактно-логического и статистического методов исследования позволило сделать вывод: в связи с ежегодно увеличивающимся въездным турпотоком, стратегическим и социально-экономическим положением региона, необходимо рассматривать туризм как эффективный способ долгосрочного, системного и цивилизационного развития МО, опирающийся на передовые технологии для Севера и защиту национальных интересов и стратегических приоритетов РФ. Вынесено предложение об осторожной стабилизации международных отношений со странами Запада в двустороннем формате, в рамках официальных арктических и туристских организаций. С целью повышения конкурентоспособности туристского продукта МО, увеличения доли туризма в ВРП региона и повышения уровня кадрового обеспечения туриндустрии рекомендуется создать на базе ИКИП МАУ арктический туристский научно-образовательный кампус международного уровня, расширить научное сотрудничество с НИИ РАН и ведущими вузами России. Результаты исследования могут быть использованы при стратегическом планировании туризма АЗРФ.

Ключевые слова: *Арктика, АЗРФ, Финляндия, Норвегия, Швеция, Мурманская область, Мурманский арктический университет, туризм, санкции, туристские дестинации*

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и

* © Тимошенко Д.С., 2026

Для цитирования: Тимошенко Д.С. Российский арктический туризм в эпоху санкционного давления стран «коллективного Запада»: новое окно возможностей для Мурманской области. Часть I // Арктика и Север. 2026; 64: 364–386. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.364
For citation: Timoshenko D.S. Russian Arctic Tourism in the Era of Sanctions Pressure from the “Collective West”: A New Window of Opportunity for the Murmansk Oblast. Part I. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 364–386. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.364

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

высшего образования Российской Федерации (тема НИР № FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).

Russian Arctic Tourism in the Era of Sanctions Pressure from the "Collective West": A New Window of Opportunity for the Murmansk Oblast. Part I

Diana S. Timoshenko [1]✉, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher

[1] Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, ul. Mokhovaya, 11-3, Moscow, Russia
[1] artemideus@gmail.com ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2780-6464

Abstract. Western sanctions have affected the socio-economic development of Russia's regions and contributed to a systemic transformation of the domestic tourism market. The response to the new, tense reality of international relations and the economy has been a large-scale restructuring of domestic national projects, including in the tourism sector, which has impacted the Arctic regions. The aim of the study was to identify competitive advantages, determine the prospects and key challenges for the development of Arctic tourism in Russia against the backdrop of sanctions pressure from the "collective West", using the Murmansk Oblast (MO) as a case study. The article identifies the key problem of the MO's socio-economic development as population outflow. At the same time, it assesses the development of the MO as a destination that is favorable and promising for the advancement of domestic, inbound and international Arctic tourism. Based on an analysis of data from Rosstat and Murmanskstat, the dynamics of tourist arrivals in a number of countries within the Baltic-Scandinavian macro-region (BSM), Russia and the MO have been determined. Problems and prospects for the development of inbound tourism under the sanctions pressure are outlined. The application of systemic and comprehensive approaches, as well as abstract-logical and statistical research methods, has led to the conclusion: due to the annually increasing inflow of tourists and the region's strategic and socio-economic position, tourism should be regarded as an effective means of long-term, systematic, and cultural development for the Murmansk Oblast, supported by advanced technologies for the North and the protection of the Russian Federation's national interests and strategic priorities. A proposal has been put forward for the cautious stabilization of international relations with Western countries on a bilateral basis, within the framework of official Arctic and tourism organizations. In order to enhance the competitiveness of the tourist product of the Murmansk Oblast, increase the share of tourism in the region's GRP, and improve staffing levels in the tourism industry, it is recommended to create an international-level Arctic tourism research and educational campus on the basis of the Institute of Creative Industries and Entrepreneurship of Murmansk Arctic University (ICIE MAU) and to expand scientific cooperation with research institutes of the Russian Academy of Sciences and leading universities of Russia. The results of the study can be used in strategic planning of tourism in the Russian Arctic.

Keywords: *Arctic, AZRF, Finland, Norway, Sweden, Murmansk Oblast, Murmansk Arctic University, tourism, sanctions, tourism destinations*

Введение

Особенности развития туристской индустрии России

Туристская индустрия прямо и косвенно влияет на социальное, экономическое и политическое развитие территорий на макро-, мезо- и микроуровнях. Туризм обладает высоким мультипликативным эффектом, оказывает существенное влияние на культуру, традиции, образ жизни, здоровье нации, определяет инвестиционную привлекательность территорий, выходя за рамки административного деления субъектов государства, развивая межрегиональные и международные связи, формируя комплексные дестинации, определяя туристскую идентичность территорий, социально-культурных и социально-экономических

объединений.

Как и в советское время, Правительство России уделяет большое внимание туриндустрии, эффективному освоению территорий, в том числе депрессивных и малозаселённых, развитию малых городов, созданию и совершенствованию существующей туристской инфраструктуры, повышению качества жизни локального населения, созданию рабочих мест для кадров туристского и гостиничного бизнеса на местах, развитию санаторно-курортного направления с целью оздоровления и лечения нации. На федеральном и региональном уровнях создаются условия для развития малого и среднего бизнеса в области туризма и гостеприимства, что обусловлено благоприятным социально-экономическим климатом и ростом инвестиционной привлекательности регионов, в том числе и в Арктике.

Постоянные перемены в структурной иерархии исполнительной власти в сфере туризма последних 20 лет не позволяли вести реальное долгосрочное и среднесрочное планирование в государственном масштабе, при этом на уровне регионов команды исполнительной власти в туризме не могли обеспечить слаженную и преемственную работу по реализации федеральных целевых программ (ФЦП) развития регионов, особенно в начале 2010-х гг. Многие регионы показали неэффективность ФЦП. Туризм финансировался по остаточному принципу, что крайне негативно сказалось на реализации федеральных планов.

Санкции запада 2014 г. нарастили давление в 2022 г. и внесли свои коррективы после начала СВО, закрыв возможность выезда за рубеж для большинства граждан РФ, что, однако, помогло восстановиться внутреннему туризму после пандемии COVID-19 и одновременно способствовало системной трансформации отечественного туристского рынка России.

Однако стоит отметить, что большой вклад в устойчивость Российской Арктики, развитие экономики и туризма арктических регионов на протяжении последних 15 лет вносят добывающие, энергетические и транспортные компании. Данная политика не зависела от санкционного давления или какого-либо влияния российских недоброжелателей, а была продиктована потребностью лидерства в соответствующих сегментах рынка на международном уровне, внутренней потребностью создания необходимых и комфортных условий труда для работников предприятий наравне с экологической безопасностью и социально-экономической устойчивостью местного населения, что отражено в миссиях российской промышленности. Так, например, ПАО «ГМК

«Норильский никель»[1], АО «Зарубежнефть», ПАО «Т Плюс», ПАО «Новатэк», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Газпром», ПАО «Газпром нефть» входят, согласно рейтингу Полярного индекса, в группу предприятий категории «А», демонстрирующих активную политику в области устойчивого развития[2]. Вклад в сохранение экологии и биоразнообразия, улучшение качества жизни местного населения, научное сотрудничество, развитие делового и промышленного туризма вносят также «Росатом», «Алроса», «Росморпорт», «Совкомфлот», «Сибур», «Ямал СПГ» и другие отечественные предприятия, модернизируя производственные площадки, сокращая выбросы, внедряя практики экологически нейтрального производства, стимулируя генерацию на основе возобновляемых источников энергии, повышая условия труда для сотрудников предприятий. Санкции Запада и Европейского Союза (ЕС) в случае с российским арктическим бизнесом только подчеркнули необходимость для российских компаний в стратегическом планировании опираться на устойчивое развитие, не зависящее от зарубежных партнёров, и на собственную самодостаточность, указали новые пути международного сотрудничества и заставили переосмыслить поиск рынков сбыта.

Ряд правительственных решений помог относительно быстро восстановить показатели внутреннего туризма «доковидного» периода (рынок туризма показал *40%-й спад*) и значительно их превзойти, дав опору бизнесу в виде налоговых преференций, инвесторам и энтузиастам — поле для вложений и самореализации, а путешественникам — реальный внутренний туризм «с человеческим лицом» в виде прогрессивной системы скидок и льгот (Тимошенко, 2022).

В 2024 г. В.В. Путин отметил динамичное развитие туристских центров, среди которых Карелия и Русский Север, подчеркнул, что общее число ежегодных путешествий по стране предстоит увеличить до 140 млн к 2030 г. Ожидается, что вклад туризма в ВВП России удвоится и составит 5%[3]. На совещании по вопросу создания федеральных круглогодичных курортов 28.03.2024 г. Президент отметил, что к реализации обновлённого национального

[1] Что было заложено ещё при Владимире Игоревиче Стржалковском (кандидат экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса) в его бытность в 2008–2012 гг. генеральным директором и председателем правления «Норникеля». Ранее Владимир Игоревич внёс большой личный вклад в развитие туризма и экономики регионов России, когда в период 1999–2008 гг. на государственной службе занимал в разное время должности заместителя министра Российской Федерации по физической культуре, спорту и туризму, заместителя министра экономического развития и торговли Российской Федерации, руководителя Федерального агентства по туризму. Обширный опыт операционного управления масштабной туроператорской компанией, организации выставочной туристской деятельности мирового уровня, подготовки правовых актов и положений, вошедших в основу российского туристского законодательства, развития особых экономических зон позволили сосредоточиться на принципиально новом подходе к управлению северными предприятиями и арктическими территориями на основе принципов устойчивости, в том числе дать толчок развитию сопутствующего делового и промышленного туризма, а также социально ориентированной рабочей миграции, обеспечивающих работу арктической промышленности.

[2] Полярный индекс. Компании — 2025. URL: https://polarindex.ru/ratings/polar-index-companies/2025/ (дата обращения: 12.07.2025).

[3] Послание Президента РФ от 29.02.24. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431/page/5 (дата обращения: 12.11.2024).

проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» (далее — Нацпроект) необходимо приступить в начале 2025 г. Также к 2030 г. в рамках экологического нацпроекта должно завершиться создание туристской инфраструктуры во всех национальных парках страны. С целью полноценного и комплексного развития туризма будет осуществляться расширение внутри- и межрегионального, в том числе воздушного, сообщения, модернизация опорной сети автомобильных дорог, внутренних водных путей, строительство новых скоростных ж/д и автомагистралей[4].

18 ноября 2024 г. Минэкономразвития сообщило о завершении формирования обновлённого Нацпроекта[5]. 25 ноября 2024 г. под председательством Д.Н. Чернышенко состоялось заседание Правительственной комиссии по развитию туризма в Российской Федерации. Ключевыми целями обновлённой программы Нацпроекта станет обеспечение к 2030 г. роста доли туризма в ВВП страны до 5% (по итогам 2023 г. доля туризма в ВВП России составила 2,8%), числа туристских поездок — до 140 млн, экспорта туристских услуг — в 3 раза по сравнению с 2023 г. (2023 г. — 3,6 млрд долл.). На реализацию мероприятий Нацпроекта направлено более 200 млрд руб. Фактически в 2023 г. количество поездок по РФ составило 84 млн (45 млн в 2020 г.). По итогам 2024 г. ожидается около 92 млн туристских поездок. Отмечается увеличение инвестиций в туриндустрию. За I полугодие 2024 г. бизнес привлёк 377 млрд руб. (на 60% больше, чем в 2023 г.). В декабре 2024 г. объявлен принципиально важный для туризма конкурс проектов модульных гостиниц (из федерального бюджета было выделено 15 млрд руб. на период 2025–2027 гг.)[6].

По мнению Е.В. Онищенко, В.Н. Шарафутдинова и А.Б. Крыловского, «в технологическую основу отечественной системы управления развитием туризма в регионах должно закладываться решение задач, связанных с созданием туристской технологической экосистемы, в основе которой — формирование цифровой экосистемы туристского сектора экономики с целью моделирования основных воспроизводственных пропорций региональных турпродуктов, а в конечном счёте, и параметров странового турпродукта» (Онищенко, Шарафутдинов, Крыловский, 2023). Можно утверждать, что одним из наиболее важных решений для микро- и мезоуровня экономики туризма стало освобождение от НДС услуг по размещению в гостиницах до 2027 г., а также по решению Президента продление

[4] Совещание по вопросу создания федеральных круглогодичных курортов. 28.03.24. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73754 (дата обращения: 12.11.2024).
[5] Минэкономразвития завершило формирование нацпроекта «Туризм и гостеприимство». 18.11.24. URL: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_zavershilo_formirovanie_nacproekta_turizm_i_gostepriimstvo.html (дата обращения: 18.11.2024).
[6] Дмитрий Чернышенко: положительная динамика есть по всем показателям нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства». 25.11.2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_chernyshenko_polozhitelnaya_dinamika_est_po_vsem_pokazatelyam_nacproekta_turizm_i_industriya_gostepriimstva.html (дата обращения: 25.11.2024).

до 2030 г. нулевого НДС для гостиниц, освобождение до 2027 г. от НДС туроператоров[7].

Важным шагом к укреплению Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), снятию социально-экономической напряжённости и благоустройству среды для проживания стало утверждение в 2023 г. перечня закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) и городов Арктики.

Среди всех макрорегионов европейский рынок обладает наиболее высокой конкурентоспособностью и на протяжении многих лет лидирует по абсолютным показателям прибытий и экспорта туристских услуг. Арктический туризм России, в сравнении с туристским предложением дестинаций Скандинавского региона, БСМ и других стран Запада, находится на этапе становления.

Установлено, что развитие туризма в АЗРФ зависит от комплексного подхода и согласованности с государственной стратегией, привлечения органов власти, общественных и научных организаций, бизнеса. Туризм рассматривается как инструмент снижения конфликтогенного потенциала и элемент цивилизационного развития на Севере (Timoshenko, 2021).

Предполагаем, что в совокупности с обновлённым арктическим законодательством федерального уровня и мощной комплексной господдержкой Арктики (в частности, туриндустрии) у АЗРФ есть все шансы через 5–10 лет составить конкуренцию лидерам арктического туризма. Для мощного прорыва необходимо расширение сети профессионалов на местах и подъём совокупности факторов, определяющих рост инвестиционной привлекательности АЗРФ. Необходимо продолжать популяризировать среди населения идею путешествий и жизни на Севере, повышая при этом культуру туристского потребления. В вопросе привлечения иностранных туристов и инвесторов в АЗРФ можно опираться на страны, которые являются сторонниками отечественного вектора развития Арктики в целях устойчивого развития.

Характеристика турпотока между Финляндией, Норвегией, Швецией и Россией

По оценкам научной группы исследователей Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, представленным в работе, посвящённой сравнительному анализу развития туризма Мурманской области и Норвегии, центральное правительство России не поддерживает местную туристскую отрасль так же адекватно, как правительства Фенноскандии (Kikkas, Sosnina, Rubtsova, 2021). По сравнению с другими частями Арктики конкурентная слабость туризма в Российской Арктике на данный момент очевидна.

Для оценки современной конкурентоспособности России в арктическом туризме на внутреннем и международном туристских рынках необходимо провести анализ динамики туристских прибытий и туристского обмена дестинаций арктического туризма.

[7] Александр Чернов. В России одобрили паспорт нового национального проекта «Туризм и гостеприимство». Газета.Ru. 25.11.2024. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2024/11/25/24470791.shtml (дата обращения: 25.11.2024).

Финляндия и Норвегия являются европейскими арктическими соседями России и имеют общую сухопутную границу. Швеция, официально вступившая в НАТО 7 марта 2024 г., долгое время до этого привлекала туристов из России своими северными округами, арктическими территориями Вестерботтен и Норрботтен, а также городами Кируна и Лулео. Швеция, Финляндия и Норвегия имеют развитый и организованный этнографический продукт, широко используют элементы богатой скандинавской культуры, мифологию, которая вызывает интерес и формирует высокий туристский спрос у россиян. На рис. 1 и 2 отражена динамика туристских прибытий между Норвегией, Швецией, Финляндией и Россией в 2016–2023 гг., а также представлены показатели общего въезда и выезда (рис. 1 и рис. 2). Применение диаграммы торнадо для обоих графиков позволило акцентировать внимание на показателях туристских прибытий по отдельным странам за год, а также дать наглядное отображение показателя суммарного туристского потока за исследуемый период[8].

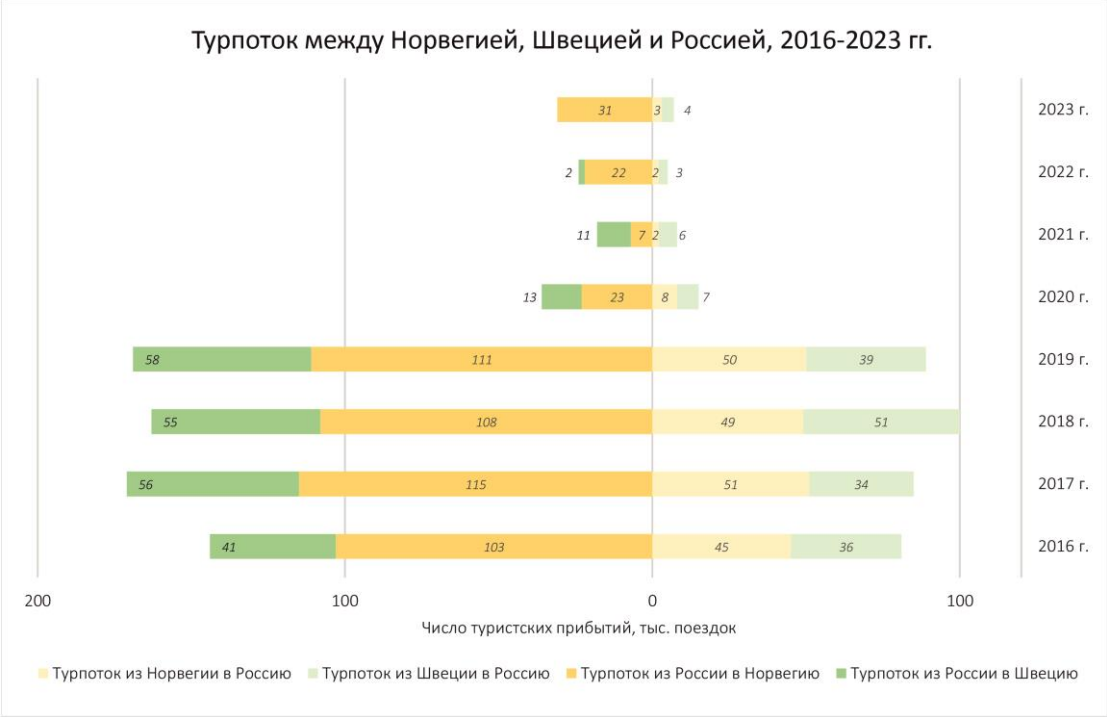

Рис. 1. Туристский поток между Норвегией, Швецией и Россией в 2016–2023 гг.[9]

На обоих графиках отчётливо видно, что туристский выезд из России в арктические страны, такие как Норвегия, Швеция и Финляндия, превышает показатели въезда туристов из этих стран в Россию. Из анализа представленных данных следует вывод: туризм в зарубежные арктические дестинации достаточно популярен у россиян, при этом предпочтение отдаётся соседним с Россией странам — Финляндии и Норвегии. Снижение динамики на диаграмме также наглядно демонстрирует резкий спад туристского рынка и

[8] Анализ взаимных туристских потоков «Дания — Россия» и «Исландия — Россия» не проводится в настоящем исследовании ввиду низких показателей или полного их отсутствия в официальных данных Росстата за выбранный период — прим. автора.

[9] Составлено автором на основе данных Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Poezdki_05-2025.xlsx (дата обращения: 10.07.2025).

спроса в период пандемии COVID-19 (2020–2022 гг.) относительно «доковидного» периода, переходящий в низкие показатели периода, который коррелирует с началом специальной военной операции (СВО) на Украине.

Существенные различия в тройке групп показателей между Финляндией, Норвегией и Швецией исторически обусловлены международными, дипломатическими и торговыми отношениями СССР и России с Финляндией. В связи с высоким уровнем конкуренции Финляндии и Мурманской области, обусловленной схожей спецификой туристского предложения и рядом исторических факторов, в настоящем разделе исследования с целью определения перспектив развития Мурманской области более подробно рассматривается современный финский туристский трек.

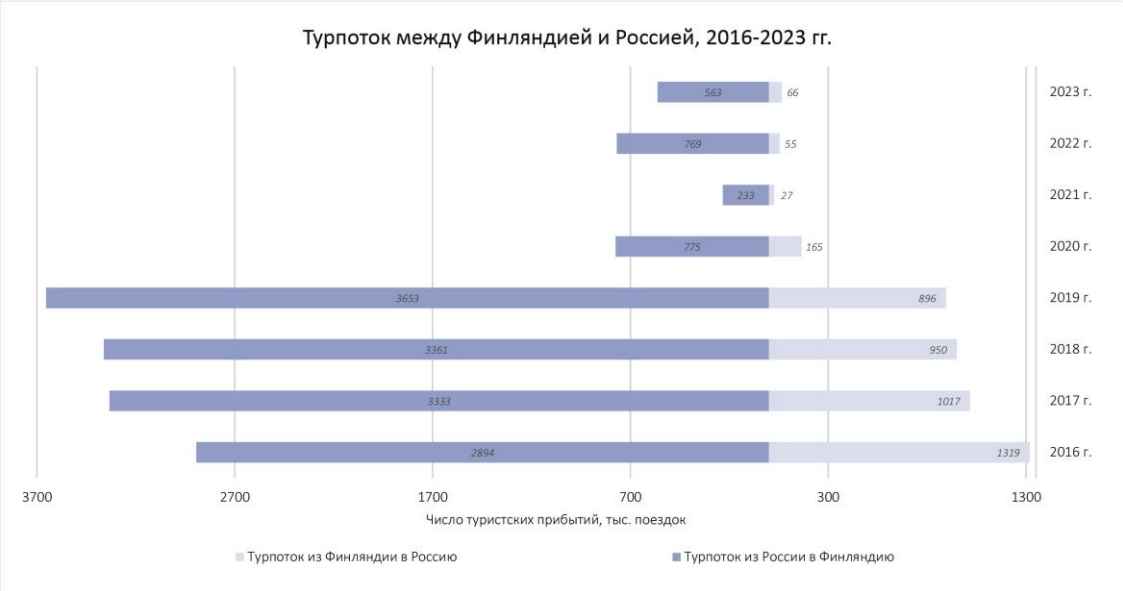

Рис. 2. Туристский поток между Финляндией и Россией в 2016–2023 гг.[10]

Для России и Финляндии двусторонние туристские отношения были наиболее прочными и стабильными, что объяснялось как ближайшим соседством, так и историческим прошлым, экономическими связями, торговым сотрудничеством и социальными факторами. В 2009 г. региональный директор национального туристского бюро *Visit Finland* в России Сари Ламменсало отмечала, что Россия в целом и Москва в частности являются для Хельсинки первым туристическим рынком и необходимо продолжать эффективный маркетинг в РФ[11]. В 2010-х гг. Финляндия была особенно популярна среди россиян ввиду лёгкой транспортной доступности, активных бизнес-поездок предпринимателей и экспертов разных сфер обеих стран, привлекательной стоимости организации групповых и индивидуальных горнолыжных и экотуров с лесным отдыхом и рыбалкой в сравнении с российскими арктическими регионами, сложившейся традиции активных поездок

[10] Составлено автором на основе данных источника Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Poezdki_05-2025.xlsx (дата обращения: 10.07.2025).
[11] Финский офис по туризму из-за кризиса прекращает свою работу в России. Турпром. 17.12.2009. URL: https://www.tourprom.ru/news/7658/ (дата обращения: 25.12.2024).

«выходного дня» на железнодорожном транспорте из Санкт-Петербурга, развитого направления «шоп-туров» в Финляндию и «гастро- и алкогольных» туров финнов в Россию, а также большого числа международных семейных связей граждан Финляндии и РФ, что, безусловно, стимулировало дополнительный туристский поток с личными целями.

Определённое охлаждение международного и экономического сотрудничества наступило в 2014 г., когда Финляндия, как член ЕС, присоединилась к экономическим и политическим санкциям «коллективного Запада» в связи с событиями в Крыму и на Донбассе, введённым в отношении России, на которые Москва ответила зеркально. Туристская сфера при этом практически не была затронута. Однако очередной виток дипломатического и экономического напряжения был связан с началом СВО, когда Хельсинки прекратил выдачу туристических виз россиянам и ограничил въезд российских туристов в страну с 30 сентября 2022 г., в том числе через сухопутную границу. Национальное туристское бюро *Visit Finland* прекратило свою маркетинговую деятельность в России. Финляндия, наряду с другими странами БСМ, стала поставлять Украине всё больше вооружения и другой военной помощи, параллельно наращивая при этом свой ВПК. В 2023 г. финансирование Финско-российского общества дружбы было остановлено. Россияне, проживающие в Финляндии, столкнулись с дискриминацией, в том числе и в ходе допуска к объектам туристского осмотра во время внутренних поездок[12]. Однако Финляндия начала испытывать острую нехватку российских туристов. В общей сложности государство не досчиталось около миллиона человеко-ночей из России, а число туристских прибытий из-за рубежа сократилось примерно на пятую часть от показателя 2019 г. Снизился показатель числа гостей азиатского рынка, которые в основном прилетали в Хельсинки через российский транзит. В лучшие для туризма времена перелёт из Токио осуществлялся над Россией и занимал около девяти часов. В 2023 г. путешествие из Токио до Хельсинки увеличилось до 14 часов, что существенно сократило возможность повторных прибытий. По оценкам Статистического управления Финляндии, в 2023 г. дефицит составил около 1 млрд евро, что вызвано отрицательной динамикой въездного туризма (16,3 млрд евро в 2019 г. против 15,3 млрд евро в 2023 г.). Предпринимательская активность на востоке и юго-востоке Финляндии начала приходить в упадок из-за отсутствия целевого рынка — туристов из России. Финские туристские компании предпринимают попытки переориентации на европейских и североамериканских туристов. Например, *Finnair*, стратегия которой прежде основывалась на Азии, инвестировала бюджеты в Соединённые Штаты[13].

4 апреля 2023 г. Финляндия официально вступила в НАТО, тем самым обострив геополитическую напряжённость БСМ. 1 мая 2023 г. посольство РФ в Хельсинки отметило, что база некогда тесного и взаимовыгодного двустороннего сотрудничества между Россией

[12] Lukiolainen ei päässyt retkelle ydinvoimalaan — Olkiluoto pitää Suomen ja Venäjän kaksoiskansalaisuutta turvallisuusuhkana. 31.01.2025. URL: https://yle.fi/a/74-20135843 (дата обращения: 31.01.2025).
[13] Suomen matkailu on jäänyt surkeaan jamaan — tulijoiden ja lähtijöiden välillä entistä isompi ero. 26.04.2024. URL: https://yle.fi/a/74-20085245 (дата обращения: 05.12.2024).

и Финляндией практически полностью разрушена[14].

В результате двухлетнего отсутствия российских туристов осенью 2024 г. власти Финляндии приняли решение о выделении порядка 7 млн евро на развитие туристской индустрии и повышение конкурентоспособности предприятий в восточных регионах страны, граничащих с Россией, чтобы вернуть добрососедские отношения в туризме[15]. При этом в октябре 2024 г. власти Финляндии наложили арест на участок пляжа, принадлежащий российскому государству и использовавшийся для отдыха дипломатов (17,3 га земли и 3,5 га морских акваторий). В Хельсинки и на Аландских островах конфисковано минимум пять других объектов недвижимости, принадлежащих россиянам, среди которых Российский центр науки и культуры в Хельсинки[16]. Данные действия вызывают скорее удивление, нежели желание идти навстречу в вопросах международной дипломатии и укрепления добрососедства. Для сравнения, 31 января 2025 г. президент Финляндии Александр Стубб подписал распоряжение о предоставлении Украине 27-го пакета военной помощи стоимостью 198 млн евро, а общая стоимость военной техники, уже поставленной Финляндией Украине, на конец января 2025 г. составила 2,5 млрд евро[17].

В настоящее время наибольший спад международного туризма Финляндии зафиксирован в области Южная Карелия. Если в 2019 г. в регионе было зарегистрировано более 230 тысяч ночёвок иностранных туристов, в том числе российских, то в 2024 г. их количество составило чуть более 30 тысяч. Локальные компании теряют доходы от туризма, приносимого иностранными туристами. В Южной Карелии в рекордном для туризма 2019 г. внутренний и въездной международный туризм принёс туркомпаниям области более 35,5 млн евро. Сокращение международного туризма означает для Хельсинки сокращение доходов области от туризма на 9 млн евро. Отмечается, что внутренних туристов недостаточно, чтобы удержать на плаву все туркомпании Восточной Финляндии. По мнению Сюзанны Марккола, руководителя проекта национального туристского офиса Финляндии *Visit Finland*, турфирмы в регионе Саймы находятся в тяжёлом положении, многие из них испытывают трудности, отмечаются случаи закрытия, что связано с отсутствием спроса на услуги[18].

Норвегия, по сравнению с Финляндией, отличалась более высоким «средним чеком», однако российские любители спортивного, горнолыжного, экологического, экстремального

[14] Товароповорот: что происходит с торговлей России и Финляндии. Эльнар Байназаров. 01.05.2023. URL: https://iz.ru/1505818/elnar-bainazarov/tovaropovorot-chto-proiskhodit-s-torgovlei-rossii-i-finliandii (дата обращения: 15.05.2025).

[15] Восточной Финляндии выделили три миллиона евро на поддержку туризма. 11.10.2024. URL: https://yle.fi/a/74-20117387 (дата обращения: 02.02.2025).

[16] Финляндия арестовала участок пляжа, принадлежащий РФ. 29.10.2024. URL: https://www.interfax.ru/world/989117 (дата обращения: 22.12.2024).

[17] Финляндия поставит Украине военную помощь на 198 млн евро. 31.01.2025. URL: https://www.interfax.ru/world/1005700 (дата обращения: 02.02.2025).

[18] Saksalainen matkanjärjestäjä perui kesän lennot Saimaalle — ulkomaalaiset turistit karttavat nyt Itä-Suomea. YLE. URL: https://yle.fi/a/74-20164150 (дата обращения: 12.07.2025).

туризма и рыбалки стремились получить уникальный туристский опыт в стране викингов и троллей. Этому способствовали активная маркетинговая и рекламная деятельность норвежского офиса по туризму Visit Norway в Москве и Санкт-Петербурге, наличие действовавшего на тот момент Генерального консульства Норвегии в Мурманске, транспортная доступность, а также поддержка на межгосударственном и международном экспертном уровне в рамках деятельности профильных рабочих групп Российско-норвежской межправительственной комиссии и специализированных туроператоров скандинавского направления. По данным опроса туристов, проведённого в Норвегии в 2014 г., более 80% граждан России приезжали в страну с целью отдыха на природе. На втором месте по популярности — осмотр природных достопримечательностей, знакомство с местной кухней и историей. Более трети опрошенных туристов являлись повторными туристами. Около 40% туристов из России приезжали самостоятельно, порядка 30% прибегали к помощи турфирм[19].

В период начала СВО и активного санкционного давления стран БСМ обострился вопрос блокады деятельности России на Шпицбергене, однако в настоящее время российское экономическое и научное присутствие на архипелаге расширяется и наращивается. В мае 2024 г. Норвегия прекратила выдачу виз российским туристам. Стоит отметить, что Швеция не прибегала к подобной мере.

В 2025 г. страны Балтии и всего «коллективного Запада» продолжают дискриминировать российских туристов в нарушение основ Хартии туризма и Кодекса туриста 1985 г., а именно ст. 1, ст. 2, ст.3, ст. 4, ст. 5 и других статей[20]. Министр внутренних дел Латвии Рихардс Козловскис призвал страны Европейского Союза последовать примеру Латвии и запретить выдачу шенгенских туристических виз гражданам России, ссылаясь на угрозу для внутренней безопасности ЕС. Выступая на заседании Совета ЕС по юстиции и внутренним делам в Брюсселе, он заявил, что государства-члены «морально обязаны отказать в такой услуге»[21].

По линии сотрудничества Совета Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР), Арктического совета, «Северного измерения» ЕС в БСМ происходят необратимые процессы. С 9 марта 2022 г. страны Северной Европы и ЕС приостановили сотрудничество с Россией в рамках СБЕР, Арктического совета и «Северного измерения» Евросоюза[22]. РФ как арктическая держава и Мурманская область как один из ключевых арктических регионов

[19] Количество ночёвок россиян в Норвегии сократилось на 35%. Rata-News. 31 августа 2015. URL: https://ratanews.ru/news/news_31082015_2.stm (дата обращения: 01.12.2024).
[17] Resolutions Adopted by the General Assembly at its Sixth Session — A/6/RES. URL: https://www.e-unwto.org/doi/abs/10.18111/unwtogad.1985.1.x5m4720x34646807 (дата обращения: 01.07.2025).
[21] Kozlovskis aicina ES dalībvalstis pārtraukt izsniegt Šengenas tūristu vīzas Krievijas pilsoņiem. 06.03.2025. URL: https://www.iem.gov.lv/lv/jaunums/kozlovskis-aicina-es-dalibvalstis-partraukt-izsniegt-sengenas-turistu-vizas-krievijas-pilsoniem (дата обращения: 10.03.2025).
[22] Joint Statement on Arctic Council Cooperation following Russia's Invasion of Ukraine. 03.03.2022. URL: https://um.fi/current-affairs/-/asset_publisher/gc654PySnjTX/content/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russia-s-invasion-of-ukraine (дата обращения: 01.07.2025).

играли значительную роль в международной деятельности упомянутых объединений в целях устойчивого развития всей Арктики. 27 марта 2025 г. Хельсинки сообщил, что Финляндия прекратила действие соглашения между Финляндией, Норвегией, Россией и Швецией о создании международного Баренцева секретариата по сотрудничеству в Баренцевом / Евроарктическом регионе с 1 января 2025 г. (вступит в силу с 1 января 2026 г.), что подрывает и сотрудничество в области туризма[23].

В июле 2025 г. Генеральный секретарь НАТО Марк Рютте в беседе с Президентом США Дональдом Трампом сообщил, что страны, среди которых Дания, Швеция, Финляндия, Канада и Германия, готовы продолжать оказывать усиленную финансовую поддержку Киеву: «Украина сможет получить действительно огромное количество военной техники, как для ПВО, так и для ракет, боеприпасов и так далее», — отмечая, что переброска оборудования из Европы на Украину будет осуществляться быстро[24].

В августе норвежское правительство выпустило заявление о поставке приоритетной американской военной техники для Украины через НАТО, в соответствии с которым Швеция, Норвегия и Дания планируют совместно финансировать очередную инициативу «Список приоритетных потребностей Украины» (Prioritised Ukraine Requirement List, PURL). Общая стоимость пакета обозначенной поддержки составит 500 млн долларов США, из которых около 135 млн долларов США (1,5 млрд норвежских крон) — прямой вклад Осло[25]. При этом 19 августа 2025 г. было опубликовано Совместное заявление министров иностранных дел стран Северной Европы и Канады о поддержке Украины, которое было сделано в Нууксио, Финляндия. В нём говорится о продолжении и усилении давления на военную экономику России, сохранении действующих ограничительных мер, введении дополнительных санкций. «Россия представляет долгосрочную угрозу европейской безопасности», — сказано в совместном заявлении министров иностранных дел «Северной пятёрки» (Nordic Five, N5) Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Исландии и Канады[26].

С начала СВО Швеция направила около 83 млрд шведских крон (примерно 7,4 млрд евро или 8,6 млрд долларов США) на военную поддержку Украины[27]. Норвегия направила Киеву около 141,6 млрд норвежских крон (приблизительно 11,9 млрд евро или 13,8 млрд

[23] Valtioneuvoston asetus UM/2025/30 Valtioneuvoston asetus Suomen, Norjan, Venäjän ja Ruotsin välillä kansainvälisen Barents-sihteeristön perustamisesta Barentsin euroarktisen alueen yhteistyötä varten tehdyn sopimuksen voimaansaattamisesta annetun tasavallan presidentin asetuksen kumoamisesta. URL: https://valtioneuvosto.fi/paatokset/paatos?decisionId=3460 (дата обращения: 01.07.2025).

[24] Remarks by NATO Secretary General Mark Rutte with the President of the United States of America, Donald J. Trump at the White House. 14.07.2025. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/fr/natohq/opinions_237051.htm (дата обращения: 15.07.2025).

[25] Går sammen om støtte til Ukraina. 05.08.2025. Regjeringa.no. URL: https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/gar-sammen-om-stotte-til-ukraina/id3115344/ (дата обращения: 06.08.2025).

[26] Joint Statement by the Foreign Ministers of the Nordic countries and Canada on their support to Ukraine. 19.08.2025. Regjeringa.no. URL: https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/joint-statement-by-the-foreign-ministers-of-the-nordic-countries-and-canada-on-their-support-to-ukraine/id3116292/ (дата обращения: 19.08.2025).

[27] Government Office of Sweden. Military support to Ukraine. 05.08.2025. URL: https://www.government.se/government-policy/swedens-support-to-ukraine/military-support-to-ukraine/ (дата обращения: 06.08.2025).

долларов США), при этом в 2025 г. партии Стортинга договорились увеличить поддержку Украины на 50 млрд норвежских крон. Общий объём финансирования Украины Норвегией был увеличен до 205 млрд норвежских крон[28]. Военная помощь Финляндии Киеву составила примерно 2,7 млрд евро, гуманитарная — около 1 млрд евро[29].

Широкомасштабное спонсирование и поддержка врага России, усиленные санкционным давлением на Москву, перечёркивают многолетние усилия России и стран Балтийско-Скандинавского макрорегиона по налаживанию добрососедских отношений и сотрудничества в сфере международного политического и экономического взаимодействия.

Все вышеперечисленные факторы ставят вопрос о бесспорной своевременности и высокой актуальности срочной выработки новых стратегий и тактики в отечественном туризме на национальном и региональном уровнях, разработке эффективных практических шагов и методических решений по замещению зарубежных туристских предложений недружественных России стран отечественным конкурентоспособным турпродуктом. Сложившаяся экономическая и внешнеполитическая ситуация позволяет предположить, что при должном уровне сервиса, инфраструктуры, ценовой политики и повышении качества предлагаемого туристского продукта дестинации Российской Арктики, среди которых большое стратегическое и геополитическое значение имеет Мурманская область, обладают высоким потенциалом для перенаправления потока россиян, стремившихся в зарубежные страны за арктическим туризмом, в российскую Фенноскандию, предложив им неповторимый отдых и богатый ассортимент конкурентоспособных туристских продуктов у себя на Родине.

Законодательная база туристского развития Мурманской области

Амбициозные цели развития АЗРФ нашли своё отражение в серии правительственных документов. Вектор социально-экономического, туристского и инфраструктурного развития Мурманской области как форпоста АЗРФ и Северного морского пути — мощнейшей транспортной артерии — просматривается в реализации задач, изложенных в п. 20 Стратегии развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года.

Мурманская область (далее — МО) расположена на северо-западе европейской части РФ и составляет 144,9 тыс. км^2. С запада на восток протяжённость составляет около 550 км, с севера на юг — 400 км. Практически вся территория области лежит за Северным полярным кругом и располагается на Кольском полуострове. Границы области: на юго-

[28] Norwegian support to Ukraine and neighbouring countries. 29.04.2025. URL: https://www.regjeringen.no/en/topics/foreign-affairs/humanitarian-efforts/neighbour_support/id2908141/ (дата обращения: 30.04.2025).
[29] Ministry of Foreign Affairs of Finland. Finland supports Ukraine. 19.05.2025. URL: https://um.fi/finland-s-support-to-ukraine (дата обращения: 05.06.2025).

западе — Республика Карелия, на западе — Норвегия и Финляндия[30]. Данное положение делает регион, с одной стороны, привлекательным для развития туризма и активных путешествий, а с другой — обязывает укреплять позиции, обеспечивая безопасность на границах, проявлять неустанную бдительность по отношению к силам внешнего воздействия, служить форпостом Российской Федерации.

В мае 2020 г. была создана территория опережающего социально-экономического развития «Столица Арктики» (ТОР «Столица Арктики»). В Стратегии развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. комплексному инфраструктурному развитию Мурманской области посвящён п. 20, каждый из подпунктов определяет туристский вектор экономики (пп. а, ж, з, к). Помимо законодательства федерального уровня, на территории МО сложилась региональная нормативно-правовая база индустрии туризма и гостеприимства, действуют стратегически важные распоряжения правительства региона.

В 2021 г. в рамках Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года[31] была утверждена «Стратегия развития туристско-рекреационного кластера Мурманской области на 2021–2025 годы» (далее — Стратегия). В ней обозначены цели и задачи развития туристско-рекреационного кластера Мурманской области (далее — ТРК МО), выделены опорные пункты развития туризма, локальные субкластеры, проведён анализ целевых рынков сбыта. Так, стратегической целью развития ТРК МО отмечено развитие туристской индустрии Мурманской области путём повышения её конкурентоспособности[32]. К целевым видам Стратегия относит активный природный туризм, предполагающий использование природных ресурсов Мурманской области, культурно-познавательный, гастрономический, лечебно-оздоровительный, промышленный (индустриальный) туризм.

Состояние развития туристского рынка Мурманской области

В соответствии с целевыми показателями развития туристско-рекреационного кластера Мурманской области в 2023 г. общий туристский поток должен был составить 35 423 чел. (из них 4 535 иностранных и 30 888 российских туристов), количество коллективных средств размещения — 144 ед., общий объём платных туристских услуг и услуг средств

[30] Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Мурманской области от 15.04.2021 № 72-РП. URL: https://murmancluster.ru/upload/photo/%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%8F%20%D0%A2%D0%A0%D0%9A%202021-2025.pdf (дата обращения: 25.11.2024).

[31] Стратегия социально-экономического развития МО до 2020 г. и на период до 2025 г. URL: https://minec.gov-murman.ru/ppmo-ot-25.12.13-_-768_pp_20-_v-red.-ot-10.07.17_.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

[32] Распоряжение Правительства МО от 15.04.21 №72-РП «Об утверждении стратегии развития туристско-рекреационного кластера МО на 2021–2025 гг. URL: https://murmancluster.ru/upload/photo/%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%8F%20%D0%A2%D0%A0%D0%9A%202021-2025.pdf (дата обращения: 25.11.2024).

размещения — 1 735,73 млн руб.[33] Фактически объём платных услуг превысил отметку в 5 996,00 млн руб. уже в 2022 г. По данным Росстата, турпоток в 2023 г. составил 492 213 поездок, среди которых 469 275 были совершены россиянами и 22 938 иностранными туристами. После резкого спада в «ковидный» 2020 г. темпы туристских прибытий соотечественников в Мурманскую область стали резко наращиваться, а темпы прибытий иностранных туристов в 2022 г. достигли минимума за последние 10 лет. Динамика въездного туристского потока в Мурманскую область периода 2012–2023 гг. отражена на рис. 3.

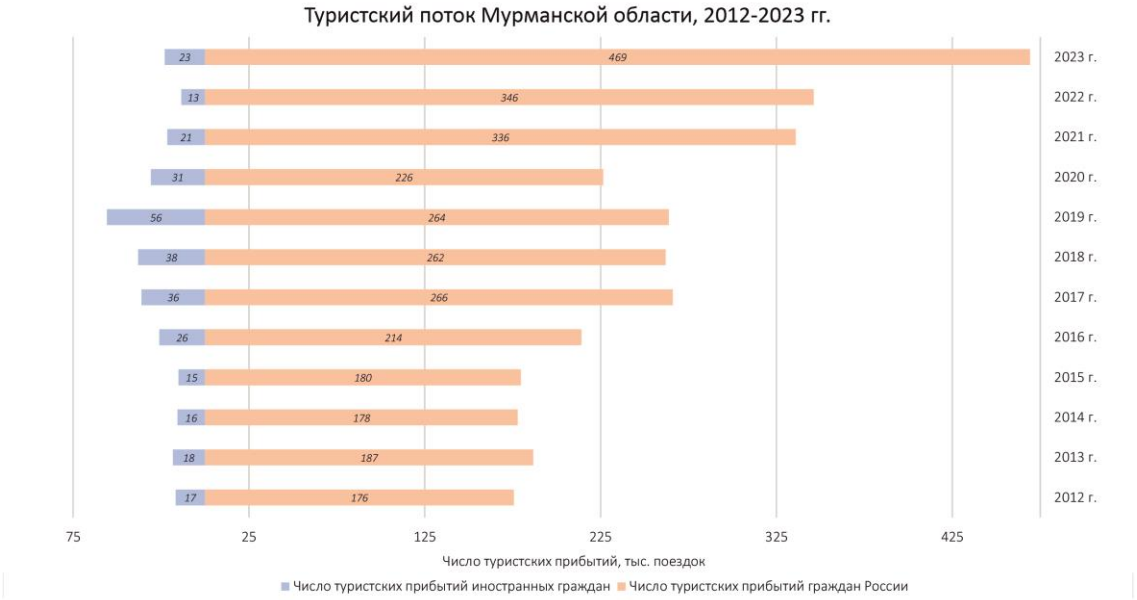

Рис. 3. Въездной туристский поток Мурманской области 2012–2023 гг., тыс. прибытий[34]

Отметим, что Стратегия принималась до начала СВО, при высоком уровне конкуренции скандинавских стран и большом числе частых и регулярных поездок россиян к своим родственникам и друзьям, находящимся в странах Балтийско-Скандинавского макрорегиона.

Согласно данным Росстата, в 2023 г. объём платных услуг населению в сфере туризма в МО составил около 6 млрд рублей, что на 36,4% больше, чем в 2022 г. В 2020 г. данный показатель составил 1,9 млрд руб., в 2021 г. — 4,2 млрд руб., в 2022 г. — 4,4 млрд руб.[35]

На 1 декабря 2024 г. на территории Мурманской области действует 70 туроператоров въездного и внутреннего туризма.

---

[33] Там же.

[34] Составлено автором на основе данных Росстат. Источник: https://51.rosstat.gov.ru/. Файлы баз данных Росстат. URL: https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/01001_2024.pdf#page=57; https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04045+_2017_311180.xls; https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/06099_2013_311186.xls; https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/06099_2014_311184.xls; https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%9A%D0%A1%D0%A0.xls; https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04045+_2016_311181.xls; https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04045+_2017_311180.xls; https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04045_2018_311179.xls; https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04045_2019_311178.xls; https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04114_2020(1)_311177.xls; https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04114_2021.xls; https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04114_2022.xls; https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04114_2023.xls; https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04114_2024.xls (дата обращения: 01.06.2025).

[35] Комитет по туризму МО. URL: https://tourism.gov-murman.ru/documents/statisticheskie-dannye/ (дата обращения: 01.12.2024).

По данным экспертных исследований, основными посетителями МО являются молодые люди (18–34 лет) из Москвы и Санкт-Петербурга с доходами среднего или выше среднего уровня. Основные цели посещения: природа и животный мир (35%), визит к родственникам и друзьям (28%), осмотр достопримечательностей (26%). Средняя продолжительность поездки — 12 дней. Средняя стоимость поездки — 69 369 руб.[36]

Стоимость туров в МО на 2025 г. на 5 дней / 4 ночи при условии проживания в гостинице 3* варьируется от 70 тыс. руб. до 220 тыс. руб. за человека. С помощью технологий анализа big data определено, что в сезон 2022–2023 гг. было направлено 1,9 млн поисковых запросов на категорию «северное сияние», в 2023–2024 гг. — 2,4 млн запросов, т. е. отмечается 25%-й рост интереса россиян к наблюдению авроры, за которой туристы отправляются чаще всего в МО и Архангельскую область, Республику Коми, Карелию, Красноярский край, Ямал и Якутию[37].

Динамика ВРП и объём платных услуг туризма и гостеприимства Мурманской области отражены на рис. 4. Отмечаем положительную динамику увеличения доли туризма в ВРП региона, усиление социально-экономических позиций и влияния на инвестиционный климат региона.

Рис. 4. ВРП и объём платных услуг туризма и гостеприимства Мурманской области (в основных ценах, млрд руб.)[38].

С введением национальной программы развития туризма и оказания господдержки в виде субсидий, налоговых ставок и прочих мер, отмечается положительная динамика в росте количества коллективных средств размещения (КСР) в Мурманской области. В 2024 г. общее число КСР МО, включая предприятия общего и специального назначения, среди

[36] Исследование туристической привлекательности Мурманской области. URL: https://www.tutu.ru/c/wp-content/uploads/2023/07/murmanskaja_oblast_issledovanie_turisticheskoj_privlekatelnosti.pdf (дата обращения: 05.12.2024).
[37] Интерес россиян к северному сиянию вырос на 25%. 17.10.2024. URL: https://www.trn-news.ru/news/207841 (дата обращения: 30.11.2024).
[38] Составлено автором. Источник: URL: https://tourism.gov-murman.ru/documents/statisticheskie-dannye/ (дата обращения: 14.03.2025).

которых гостиницы, базы отдыха, кемпинги, санаторно-курортные организации, туристические базы и т. д., составило 262 единицы[39]. Для сравнения, в 2012 г. аналогичный показатель по всем видам КСР составил 122 единицы. Таким образом, за последние 12 лет Мурманская область удвоила количество средств размещения в сфере туризма и гостеприимства (рис. 5).

Исследуя вопросы социально-экономического развития Мурманской области, эксперты выделяют негативные факторы: проблемы на рынке труда, в сфере охраны здоровья, отсутствие качественного и доступного медицинского обслуживания, низкое качество образования, высокие потребительские расходы, низкий уровень безопасности, а также недостаточное количество культурно-досуговых учреждений и спортивных сооружений (Самарина, Скуфьина, Серова, 2024). Решение этих проблем способно наиболее благоприятно повлиять на повышение качества жизни населения и качества рекреационных услуг для гостей Мурманской области.

Рис. 5. Коллективные средства размещения в Мурманской области, 2012–2023 гг., (ед.)[40].

В настоящее время актуальным является вопрос необходимости разработки концепции развития арктических креативных индустрий в АЗРФ (Красильников, 2024), без которых невозможно прогрессивное и устойчивое развитие туризма в современном и будущем его понимании. Эффективная реализация госпрограмм[41] позволит существенно улучшить как комплексную туристскую инфраструктуру, так и укрепить туристский имидж региона.

Туристская транспортная система Мурманской области

Наличие ж/д, автотранспортного и авиасообщения делает порт Мурманск первым

[39] Росстат. Деятельность коллективных средств размещения в Мурманской области за 2024 год. URL: https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04114_2025.xls (дата обращения: 10.07.2025).
[40] Составлено автором. Источник: URL: https://51.rosstat.gov.ru/folder/72871 (дата обращения: 14.03.2025).
[41] Перечень действующих госпрограмм МО, утверждённый распоряжением Правительства МО от 01.02.2013 № 30-РП (в ред. от 01.03.2024 № 53-РП). URL: https://minec.gov-murman.ru/activities/devel_city/sub05/instruction/rasporyazhenie-v-redaktsii-ot-05.10.22-_-241_rp-_1_.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

мультимодальным арктическим хабом (Васёха, Яроцкая, Никифорова и др., 2022). В 2023 г. пассажиропоток международного аэропорта «Мурманск» имени Николая II, одного из важнейших авиатранспортных узлов на севере РФ и самого крупного аэропорта за Полярным кругом, составил 1,4 млн чел.[42] За 10 месяцев 2024 г. пассажиропоток составил 1,2 млн чел., что на 3,9% больше показателя 2023 г., обработано 2 599,865 т грузов и почты (рост грузооборота составил 42,1% по сравнению с 2023 г.). Наиболее востребованные направления: Москва, СПб, Архангельск, Казань, Калининград, Сочи, Череповец[43]. Белавиа и Smartavia обеспечивают прямое сообщение с Минском[44]. Регулярная пассажирская перевозка осуществляется компаниями Nordwind Airlines, Pegas Fly, S7 Airlines, Smartavia, Аэрофлот, ООО «ДЖЕТИКА», «Победа», «Россия», «Северсталь». Nordwind Airlines активно расширяет географию прямых и трансферных полетов в Казань, Уфу, другие города[45]. В 2024 г. пассажиропоток составил 1,5 млн человек, введено в эксплуатацию 4 новых аэровокзальных комплекса. В аэропорту «Мурманск» разрабатывается новый терминал, архитектура которого будет отражать Русский Север, продвигать туристский имидж региона[46].

В 2024 г. Мурманский ж/д вокзал, услугами которого ежегодно пользуются порядка 310 тыс. пассажиров, отметил 70-летие[47]. География железнодорожной перевозки широка: СПб, Москва, Смоленск, Псков, Саратов, Новороссийск, Адлер, Анапа, Севастополь (перевозчики ООО «РЖД/ФПК» и «Гранд Сервис Экспресс» (Таврия)).

ООО «РЖД» активно популяризирует арктический туризм. С 31.01.2024 по 02.09.2024 г. осуществлялся ж/д круиз «В Арктику на Поезде Деда Мороза». Маршрут Москва — СПб-Петрозаводск — Мурманск — Сортавала — Москва составил 5 дней / 6 ночей[48]. В 2025 г. «РЖД» предлагает 7-дневный ж/д круиз «Русский Север» (запуск 30.05.2025 г.). Кольцевой маршрут из Москвы идёт через Великий Устюг, Архангельск, Беломорск, Мурманск (Териберка), Петрозаводск, Сортавала и Выборг, объединив в себе жемчужины туризма АЗРФ[49]. На 31.10.2025 г. запланирован запуск 5-дневного ж/д круиза по северным городам через Мурманск «К северному сиянию», соединяющего экскурсионным маршрутом Москву,

[42] Пассажирам аэропорта «Мурманск» станут доступны трансферные полёты в столицу Республики Башкортостан. 13.09.2024. URL: https://airport-murmansk.ru/mediacenter/news/382936/ (дата обращения: 05.12.2024).
[43] С начала года пассажиропоток аэропорта Мурманск превысил 1,2 миллиона человек. 08.11.2024. URL: https://airport-murmansk.ru/mediacenter/news/385215/ (дата обращения: 05.12.2024).
[44] «Белавиа» открывает прямой рейс в Мурманск. 19.04.2024. URL: https://belavia.by/novosti/4880746/ (дата обращения: 30.11.2024).
[45] Nordwind запускает прямые рейсы Мурманск — Казань. 03.06.2024. URL: https://nordwindairlines.ru/ru/news/458 (дата обращения: 05.12.2024).
[46] Губернатор Андрей Чибис оценил ход строительства нового аэровокзального комплекса в аэропорту «Мурманск». 13.01.2025. URL: https://gov-murman.ru/info/news/538897/ (дата обращения: 02.02.2025).
[47] Мурманский ж/д вокзал отмечает 70-летие. 30.04.2024. URL: https://murman.tv/news-n-21975--murmanskij-zheleznodorozhnyj-vokzal-otmechaet-70-letie (дата обращения: 05.12.2024).
[48] «В Арктику на Поезде Деда Мороза». URL: https://www.rzd.ru/ru/10419/page/103290?id=20347 (дата обращения: 05.12.2024).
[49] Путешествуй с РЖД. «Русский Север». 05.12.2024. URL: https://www.rzd.ru/ru/10428/page/103290?id=19504 (дата обращения: 05.12.2024).

Петрозаводск, Мурманск, Беломорск и Вологду[50]. Также РЖД начали перевозить автомобили пассажиров на еженедельном поезде № 92/91 (Москва — Мурманск), с максимальным размещением 4 автомашин или 14 мотоциклов[51], что также расширяет возможности организации авто- и мототуризма на территории МО.

Серьёзными препятствиями для межрегионального развития железнодорожного и авиационного сообщения Мурманской области в настоящее время являются атаки и диверсионная работа противника, поставки его сторонниками дальнобойных видов оружия, а также связанные с ними нарушения в штатной работе графиков поездов, следующих в Мурманск, и в работе отправляющих и принимающих аэропортов. Это особенно характерно, начиная с 2022 г., для всей западной части России: атаки дронов и БПЛА на гражданские объекты, подрывы критически важной инфраструктуры, различного рода диверсии в европейских регионах России и террористические акты со стороны Украины.

Транспортное обслуживание населения и гостей Мурманской области осуществляется транспортными средствами по маршрутам регулярных перевозок автобусного парка, пригородного железнодорожного транспорта, а также с помощью теплохода «Клавдия Еланская»[52].

В 2025 г. в период с 22 по 29 июля стоимость 8-дневных круизных туров на теплоходе «Ленин» из Санкт-Петербурга составила от 115 320 руб. на человека, однако посещение Мурманска в маршруте предполагает трансфер на поезде из Свири[53].

При этом высокоширотный туризм и арктические круизные туры являются крайне дорогостоящими. Стоимость 12-дневного круиза «На ледоколе к вершине планеты» на атомном ледоколе «50 лет Победы» на даты 02–14 июля и 13–25 июля 2025 г. с отправлением из Мурманска начиналась от 3,2 млн руб. и доходила до 5 млн руб.[54] В июле 2024 г. тур на 12 дней в каюте «люкс» составил 6,96 млн руб.

Финансовая поддержка развития туристской инфраструктуры Мурманской области

В 2022–2024 гг. был принят ряд мер поддержки туриндустрии. Правительство области в 2022 г. обеспечило субсидии субъектам туриндустрии, дополнительно — субъектам на развитие придорожного сервиса, экотуризма, а также на поддержку общественных инициатив, направленных на создание модульных некапитальных средств размещения.

---

[50] Архив путешествий. «Огни Севера». 05.12.2024. URL: https://www.rzd.ru/ru/10418/page/103290?id=19609 (дата обращения: 05.12.2024).

[51] Из Москвы в Мурманск можно доехать на поезде со своим автомобилем. 15.06.2024. URL: https://www.trn-news.ru/digest/207203 (дата обращения: 30.11.2024).

[52] Министерство транспорта и дорожного хозяйства Мурманской области. Транспортное обслуживание населения. URL: https://mintrans.gov-murman.ru/activities/trans_service/ (дата обращения: 05.12.2024).

[53] На встречу с Арктикой: круиз-тур в Мурманск и Териберку. URL: https://vodohod.com/cruises/2025/teplohod-lenin-22-jul-29-jul-2025-2/ (дата обращения: 23.12.2024).

[54] Экспедиционный круиз: на ледоколе к вершине планеты. URL: https://polartravelclub.ru/severnyj-poljus/na-ledokole-k-vershine-planety/297/ (дата обращения: 23.12.2024).

В 2023 г. правительством региона был организован запрос предложений от юридических лиц и ИП на финансовое обеспечение части затрат по поддержке инвестиционных проектов по созданию модульных некапитальных средств размещения; осуществлялась финансовая поддержка в форме субсидии из областного бюджета субъектам туриндустрии внутреннего и въездного туризма Мурманской области; выделена федеральная субсидия на приобретение и монтаж модульных некапитальных средств размещения при реализации инвестиционных проектов.

В 2024 г. в рамках реализации национального проекта субъектам внутреннего и въездного туризма Мурманской области выделена субсидия из областного бюджета (от 3 до 7 млн руб.) при условии софинансирования собственными средствами в проекте не менее 50% от запрашиваемой суммы. Целевое использование: развитие национальных туристских маршрутов «Заполярный калейдоскоп» и «От Баренцева до Белого», создание объектов кемпинг-размещения и приобретение туристского оборудования.

Заключение

Подводя промежуточные итоги, стоит отметить, что на протяжении многих лет Российская Арктика не была конкурентоспособной в вопросах организации качественного отдыха, уступая своим соседям и странам Балтийско-Скандинавского макрорегиона (Финляндия, Норвегия, Швеция и др.)

Туристские дестинации Балтийско-Скандинавского макрорегиона обладают богатой историей развития, многолетними целевыми инвестициями на микро-, мезо- и макроуровнях. Они характеризуются высоким уровнем профессионализма специалистов на местах, развитой инфраструктурой туризма и гостеприимства, значительным опытом оказания туристских услуг и подготовки высококвалифицированных туристских кадров.

Туризм способен внести весомый вклад в изменение образа Мурманской области как исключительно поставщика сырья и периферийного региона.

Несмотря на активное продвижение Мурманской области как туристской дестинации и повышенный интерес со стороны потенциальных потребителей туристских услуг арктического региона, ключевыми проблемами туриндустрии Мурманской области, как и других северных регионов, остаются кадровый дефицит, неравномерный уровень туристского и гостиничного сервиса, недостаточная развитость туристской инфраструктуры и недостаточный опыт качественного обслуживания российских и иностранных путешественников.

Анализ экономических показателей демонстрирует увеличение потенциального сегмента арктического туризма и рост интереса к нему на отечественном рынке, однако не свидетельствует об однозначной готовности граждан к высоким тратам. В Мурманской области растёт число средств размещения, количество туроператоров, работающих в сфере внутреннего и въездного международного туризма. Уверенный рост показывает также

количество туристских прибытий россиян и иностранных гостей в Российскую Арктику. Растёт доля туризма и сопутствующих услуг в валовом региональном продукте. Повышается прозрачность туристской экономики в арктических регионах.

В связи со сложившейся внешнеполитической обстановкой и санкциями европейских стран, являющихся ближайшими соседями, рассматривается вопрос о взвешенном и осторожном налаживании связей и стабилизации международных отношений с северными соседями в двустороннем формате в сфере туризма, а также в рамках официальных арктических и туристских организаций. Необходимо максимально эффективно использовать подходящий момент для развития внутреннего, въездного и международного туризма Мурманской области.

Список источников

Архипов А.Е., Васильева В.Б. Туристический потенциал Мурманской области // Экономика XXI века: Сб. материалов III Междунар. науч.-практич. конф., Новосибирск, 07–08 декабря 2023 г. Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации; 2023: 174–179.

Васеха М.В., Яроцкая А.А., Никифорова Е.С., Попов М.М. Сравнительное исследование арктических портов Мурманска и Киркенеса // Известия высших учебных заведений. Арктический регион. 2022; 1: 94–100.

Данилина В.Г. Этнотуризм и его роль в развитии туристической отрасли Мурманской области // Региональная экономика и управление. 2024; 2 (78).

Желнина З.Ю. Потенциал этнографического туризма в развитии культурной идентичности этносов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018; 4 (70(2)): 136–144.

Желнина З.Ю., Сизова И.А. Развитие арктического туризма и креативных индустрий как драйверов преобразования арктических городов и территорий: опыт проекта «Зеркальные лаборатории» // Россия: общество, политика, история. 2024; 1 (10): 91–118. https://doi:10.56654/ROPI-2024-1(10)-91-118

Красильников А.С. Законодательные аспекты развития креативных индустрий в регионах российской Арктики (на примере Мурманской области) // Арктика и Север. 2024; 56: 32–48. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.32

Онищенко Е.В., Шарафутдинов В.Н., Крыловский А.Б. О технологическом суверенитете туристского сектора экономики России // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2023; 9(4): 37–58. https://doi.org/10.18413/2408-9346-2023-4-0-4

Панин А.Н., Чихичин В.В. Пульсация городов Арктики: экономико-географические и геоинформационные подходы к изучению (на примере Мурманска) // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2024; 30 (2): 396–411. https://doi.org/10.35595/2414-9179-2024-2-30-396-411

Пилясов А.Н, Путилова Е.С. Оспаривая очевидное: арктические города // Городские исследования и практики. 2020; 5 (1): 9–29. https://doi.org/10.17323/usp5120209-32

Пилясов А.Н., Котов А.В. Российская Арктика-2035: полимасштабный прогноз // Экономика региона. 2024; 20 (2): 369–394. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-3

Русанова Е.А., Маркелова Я.Д. Стратегия архитектурно-ландшафтной организации рекреационных пространств г. Мурманска // Architecture and Modern Information Technologies. 2024; 4 (69): 292–305. https://doi.org/10.24412/1998-4839-2024-4-292-305

Самарина В.П., Скуфьина Т.П., Серова Н.А., Яковчук А.А. Качество жизни населения Мурманской области: субъективные оценки и объективные характеристики // Арктика и Север. 2024; 56: 190–209. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.190

Сирченко А.А. Роль этнокультурного фактора в развитии въездного и внутреннего туризма в Российской Федерации // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2012; 3: 11–16.

Тимошенко Д.С. Новый вектор развития арктического туризма в период санкционной политики ЕС

и США против России // Современная Европа. 2022; 4 (111): 50–65. https://doi.org/10.31857/S0201708322040040

Трофимов Е.Н. Развитие этнографического туризма в России // Вестник РМАТ. 2013; 4: 3–13.

Heininen L. Thematic Network on Geopolitics and Security: A Brainstorming Session on How to Maintain Peace & Stability, and Continue Constructive Cooperation in the Arctic // Arctic yearbook. 2022: 14–16.

Heininen L., Everett K., Padrtova B., Reissell A. Arctic Policies and Strategies — Analysis, Synthesis, and Trends. Laxenburg, International Institute for Applied Systems Analysis. 2019; 265. https://doi.org/10.22022/AFI/11-2019.16175

Kikkas K., Sosnina M., Rubtsova A. Arctic tourism development: comparative study of Murmansk region and Norway // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2021; 625: 012002. https://doi:10.1088/1755-1315/625/1/012002

Timoshenko D.S. Tourism 4.0: Education, pedagogy and digital learning solutions for the Russian Arctic // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2021; 816: 012020. https://doi.org/10.1088/1755-1315/816/1/012020

Timoshenko D.S. Tourism branding of the Russian Arctic destinations // IOP Conference Series Earth and Environmental Science. 2021; 625: 012020. https://doi.org/10.1088/1755-1315/625/1/012020

Varnajot A., Saarinen J. Emerging post-Arctic tourism in the age of Anthropocene: case Finnish Lapland // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. 2022; 22 (4–5): 357–371. https://doi.org/10.1080/15022250.2022.2134204

References

Arkhipov A.E., Vasileva V.B. Tourism Potential of the Murmansk Oblast. In: *Economy of the XXI Century: Collection of Materials of the III International Scientific and Practical Conference*. Novosibirsk, SibUCC Publ.; 2023: 174–179.

Danilina V.G. Ethnotourism and Its Role in the Development of the Tourism Industry of the Murmansk Region. *Regional Economics and Management*. 2024; 2 (78).

Heininen L. Thematic Network on Geopolitics and Security: A Brainstorming Session on How to Maintain Peace & Stability, and Continue Constructive Cooperation in the Arctic. *Arctic Yearbook.* 2022: 14–16.

Heininen L., Everett K., Padrtova B., Reissell A. *Arctic Policies and Strategies — Analysis, Synthesis, and Trends*. Laxenburg, International Institute for Applied Systems Analysis; 2019; 265 p. https://doi.org/10.22022/AFI/11-2019.16175

Kikkas K., Sosnina M., Rubtsova A. Arctic Tourism Development: Comparative Study of Murmansk Region and Norway. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2021; 625: 012002. https://doi:10.1088/1755-1315/625/1/012002

Krasilnikov A.S. Legislative Aspects of Creative Industries Development in the Regions of the Russian Arctic (On the Example of the Murmansk Oblast). *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 56: 32–48. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.32

Onishchenko E.V., Sharafutdinov V.N., Krylovskiy A.B. Technological Sovereignty of the Tourism Sector of the Russian Economy. *Research Result. Business and Service Technologies*. 2023; 9(4): 37–58. https://doi.org/10.18413/2408-9346-2023-4-0-4

Panin A.N., Chikhichin V.V. Pulsation of Arctic Cities: Economic, Geographical and Geoinformation Approaches to the Study (On the Example of Murmansk). *InterCarto. InterGIS*. 2024; 30 (2): 396–411. https://doi.org/10.35595/2414-9179-2024-2-30-396-411

Pilyasov A.N, Putilova E.S. Challenging the Obvious: Arctic Cities. *Urban Studies and Practices*. 2020; 5(1): 9–29. https://doi.org/10.17323/usp5120209-32

Pilyasov A.N., Kotov A.V. Russian Arctic-2035: Multi-Scale Forecast. *Economy of Regions*. 2024; 20 (2): 369–394. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-3

Rusanova E.A., Markelova Y.D. Strategy for Architectural and Landscape Organization of Recreational Spaces in Murmansk. *Architecture and Modern Information Technologies*. 2024; 4 (69): 292–305. https://doi.org/10.24412/1998-4839-2024-4-292-305

Samarina V.P., Skufina T.P., Serova N.A., Yakovchuk A.A. Quality of Life of the Murmansk Oblast

Population: Subjective Assessments and Objective Characteristics. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 56: 190–209. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.190

Sirchenko A.A. The Role of the Ethnocultural Factor in the Development of Inbound and Domestic Tourism in the Russian Federation. *Universities for Tourism and Service Association Bulletin*. 2012; 3: 11–16.

Timoshenko D.S. A New Vector of the Arctic Tourism and the EU and the US Sanctions against Russia. *Contemporary Europe*. 2022; 4 (111): 50–65. https://doi.org/10.31857/S0201708322040040

Timoshenko D.S. Tourism 4.0: Education, Pedagogy and Digital Learning Solutions for the Russian Arctic. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2021; 816: 012020. https://doi.org/10.1088/1755-1315/816/1/012020

Timoshenko D.S. Tourism Branding of the Russian Arctic Destinations. *IOP Conference Series Earth and Environmental Science*. 2021; 625: 012020. https://doi.org/10.1088/1755-1315/625/1/012020

Trofimov E.N. Development of Ethnographic Tourism in Russia. *Vestnik RIAT*. 2013; 4: 3–13.

Varnajot A., Saarinen J. Emerging Post-Arctic Tourism in the Age of Anthropocene: Case Finnish Lapland. *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2022; 22 (4–5): 357–371. https://doi.org/10.1080/15022250.2022.2134204

Vasekha M.V., Yarotskaya A.A., Nikiforova E.S., Popov M.M. Comparative Study of the Arctic Ports of Murmansk and Kirkenes. *News of Higher Educational Institutions. Arctic Region*. 2022; 1: 94–100.

Zhelnina Z.Y. The Potential of Ethnographic Tourism in the Development of the Cultural Identity of the Ethnos. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University Philosophy. Political science. Cultural Studies*. 2018; 4 (70(2)): 136–144.

Zhelnina Z.Yu., Sizova I.A. Development of Arctic Tourism and Creative Industries as Drivers for the Transformation of Arctic Cities and Territories. *Russia: Society, Politics, History*. 2024; 1 (10): 91–118. https://doi:10.56654/ROPI-2024-1(10)-91-118

Статья поступила в редакцию 29.04.2025; принята к публикации 25.08.2025

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

При написании настоящей научной статьи Автор не использовал искусственный интеллект (ИИ)

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 387–400.
Научная статья
УДК 341.232.7(98)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.387

Культурное сотрудничество как инструмент формирования региональной идентичности в Баренцевом Евро-Арктическом регионе до трансформации многостороннего взаимодействия в 2022 г.

Шалтаева Людмила Александровна [1]✉, стажёр-исследователь

[1] Институт экономики Карельского научного центра РАН, пр. А. Невского, 50, Петрозаводск, Россия
[1] mila.shaltaeva@gmail.com ✉, ORCID: https://orcid.org/0009-0006-6121-3175

Аннотация. Настоящее исследование посвящено рассмотрению роли культурного сотрудничества в развитии идентификационных механизмов в Баренцевом Евро-Арктическом регионе (БЕАР) в период до трансформации многостороннего взаимодействия, связанной с прекращением участия России в сотрудничестве в 2022 г. и выходом из Совета Баренцева Евро-Арктического региона в 2023 г. Баренцев регион рассматривается как конструкт, сформированный политическими элитами, существование которого поддерживалось в том числе благодаря реализации политики идентичности посредством культурного взаимодействия участников межрегионального сотрудничества. В ходе исследования выявлено, как именно культурное взаимодействие способствовало становлению региональной идентичности Баренцева региона. В статье анализируется ряд культурных проектов, посредством реализации которых проводилась политика идентичности в БЕАР. Методом качественного контент-анализа культурных инициатив были установлены ключевые символические нарративы, лежащие в основе политики идентичности в БЕАР. Так, выявлены категории, используемые для репрезентации Баренцева региона для внутренней и внешней аудитории. При этом подчёркивается, что формирование региональной идентичности в БЕАР в большей степени являлось сопутствующим результатом многостороннего взаимодействия, нежели официально оформленной стратегической целью участников сотрудничества. Полученные результаты особенно актуальны в условиях последних политических изменений. Проведённое исследование представляет интерес как для дальнейших академических изысканий, так и для практического планирования регионального развития.

Ключевые слова: *Баренцев Евро-Арктический регион, БЕАР, идентичность, культурное сотрудничество, контент-анализ, конструктивизм*

Cultural Cooperation as a Tool for Shaping Regional Identity in the Barents Euro-Arctic Region Prior to the Transformation of Multilateral Cooperation in 2022

Ludmila A. Shaltaeva [1]✉, Research Assistant

[1] Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, pr. A. Nevskogo, 50, Petrozavodsk, Russia
[1] mila.shaltaeva@gmail.com ✉, ORCID: https://orcid.org/0009-0006-6121-3175

Abstract. This study examines the role of cultural cooperation in the development of identification

* © Шалтаева Л.А., 2026

Для цитирования: Шалтаева Л.А. Культурное сотрудничество как инструмент формирования региональной идентичности в Баренцевом Евро-Арктическом регионе до трансформации многостороннего взаимодействия в 2022 г. // Арктика и Север. 2026; 64: 387–400. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.387
For citation: Shaltaeva L.A. Cultural Cooperation as a Tool for Shaping Regional Identity in the Barents Euro-Arctic Region Prior to the Transformation of Multilateral Cooperation in 2022. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 387–400. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.387

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

mechanisms in the Barents Euro-Arctic Region (BEAR) prior to the transformation of multilateral interaction, associated with Russia's termination of its participation in 2022 and its withdrawal from the Barents Euro-Arctic Council in 2023. The Barents Region is considered a construct formed by political elites, the existence of which was sustained, amongst other things, by the implementation of identity policies through cultural interaction between participants in interregional cooperation. The study reveals how cultural interaction contributed to the formation of the Barents Region's identity. The article analyses a number of cultural projects through which identity politics were implemented in the BEAR. Using qualitative content analysis of cultural initiatives, the study identified the key symbolic narratives underpinning identity politics in the BEAR. These narratives include categories used to represent the Barents Region to both internal and external audiences. It is emphasized that the formation of regional identity in BEAR has been largely a by-product of broader multilateral cooperation, rather than a formally defined strategic objective of the cooperation partners. The findings are particularly relevant in the context of recent political changes. This study is of interest both for further academic research and for practical regional development planning.
Keywords: *Barents Euro-Arctic Region, BEAR, identity, cultural cooperation, content analysis, constructivism*

Введение

Баренцев Евро-Арктический регион (БЕАР), учреждённый в 1993 г., охватывал северные приграничные территории Финляндии, Норвегии и Швеции, а также северо-западные регионы Российской Федерации, объединив таким образом в своём составе 14 административно-территориальных единиц указанных государств. Это пространство стало общей платформой для взаимодействия различных народов с самобытными культурными кодами, историческим опытом и ценностными ориентирами. В 1993 г. по инициативе Норвегии для координации сотрудничества в Баренцевом Евро-Арктическом регионе были созданы два ключевых института: Совет Баренцева Евро-Арктического региона (СБЕР), отвечающий за межгосударственное взаимодействие, и Баренцев Региональный Совет (БРС), координирующий сотрудничество между регионами [1].

Следует отметить, что одной из ключевых целей, зафиксированных в Киркенесской декларации о сотрудничестве 1993 г., стало обеспечение большей стабильности и снижение уровня напряжённости в Баренцевом регионе, что также подчёркивалось в деятельности СБЕР (Heininen, 2024). В то же время в академическом дискурсе возникло понятие *баренцевой региональной идентичности* (Honneland, 1998). Так, в Баренцевой программе сотрудничества на 2019–2023 гг. создание региональной идентичности отмечалось в качестве одной из целей регионального сотрудничества [2].

С точки зрения конструктивистского подхода, социальные явления не обладают изначальной объективностью, а формируются и закрепляются в коллективном восприятии и дискурсе, представляя собой результат социальных соглашений и интерпретаций (Carlsneas, Risse, Simmons, 2002). Идентичность подразумевает «чувство принадлежности человека к определённой социальной группе, которое позволяет ему определить своё место в

[1] Barents Euro-Arctic Cooperation. Cooperation in the Barents Euro-Arctic Region // Barents Euro-Arctic Cooperation. URL: https://barents-council.org/about-us/cooperation-in-the-barents-euro-arctic-region (дата обращения: 17.07.2025).
[2] The Barents Regional Council. The Barents Program 2019–2023. Kirkenes: The Barents Secretariat, 2018. URL: https://barents-council.org/files/Barents-Programme/Barents_program_2019-2023_adopted_24_May_2018.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

социокультурном пространстве и окружающем мире» (Павлова, 2011), и представляет собой феномен, проявляющийся как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, охватывая такие социальные образования, как нации и регионы. Следует отметить, что чувство региональной принадлежности представляет собой один из ключевых ресурсов, обеспечивающих устойчивость и развитие регионального сообщества, так как оно приводит к росту и укреплению лояльности людей к данному сообществу (Hall, 1999).

Следуя теории Кая Циммербауэра, БЕАР рассматривается как проект региональных и национальных элит («a top-down construction»), который, помимо обеспечения целей безопасности, создавался для реализации экономических интересов и бизнес-инициатив участников сотрудничества (Zimmerbauer, 2013). Таким образом, в рамках конструктивистского подхода культурное сотрудничество как форма институционализированного трансграничного взаимодействия способствует конструированию образа региона как единого социального и символического пространства. Через культурные проекты, инициативы в сфере искусства и межкультурного обмена создаётся и транслируется представление о БЕАР как о связанной региональной общности.

Данное представление согласуется с концепцией политики идентичности, которая предполагает активность политических элит, направленную на формирование коллективной идентичности (Цумарова, 2012). Политика идентичности используется как средство для формирования определённых групп и сообществ (Paasi, 2003). В данном исследовании под политикой идентичности понимается формирование дискурса о БЕАР и распространение определённого образа региона, осуществляемые акторами, непосредственно вовлечёнными в региональное сотрудничество, в частности, в рамках культурной кооперации.

Пример успешного формирования общей идентичности в трансграничных районах Баренцева региона представлен в исследовании Анастасии Роговой. Согласно выводам автора, активное трансграничное взаимодействие способствовало трансформации восприятия приграничных территорий Норвегии жителями приграничных территорий России. Так, город Киркенес перестал восприниматься ими как заграничное пространство, приобретая черты общей социокультурной среды (Rogova, 2009).

Однако на текущий момент исследования баренцевой региональной идентичности согласуются с идеей, высказанной Хоннеландом: «Риторика о баренцевой идентичности — не более чем риторика; инструмент в руках властей, с помощью которого они пытаются создать «воображаемое сообщество» между Востоком и Западом на определённой территории» (Honneland, 1998). Таким образом, можно сделать вывод, что Баренцев Евро-Арктический регион изначально представлял собой политико-социальный конструкт, чьё устойчивое существование в значительной степени зависело от признания и поддержки со стороны местного населения, в связи с чем вопросы идентичности имели существенное значение для региона.

При рассмотрении процесса формирования сообщества важно учитывать дихотомию

«мы — они». В соответствии с подходом И. Нойманна, становление коллективной идентичности невозможно без одновременного обозначения «других» — группы, противопоставляемой своему сообществу (Нойманн, 2004). Томас Х. Эриксен различает два уровня групповой идентичности — «мы как субъект» («*we-hood*») и «мы как объект» («*us-hood*»), подчёркивая, что первая категория отражает внутреннее самоощущение сообщества, основанное на сплочённости вокруг общих задач, характеристик и вызовов, в то время как вторая категория формирует восприятие группы, противопоставляя её внешним акторам (Eriksen, 1995). В целях отражения подхода Т. Эриксена в рамках данного исследования используются следующие формулировки ключевых понятий: «*we-hood*» — репрезентация «мы-сообщества» для внутренней аудитории, «*us-hood*» — репрезентация «мы-сообщества» для внешней аудитории.

Культурные практики представляют собой один из самых действенных способов репрезентации сообщества как для его участников, так и для внешних акторов, способствуя таким образом созданию коллективной региональной идентичности. История и культура предлагают «соответствующее отношение к переживаемой реальности», что способствует формированию идентичности (Paasi, 2003). Культурный потенциал также может быть использован для «формирования представления о регионе не только как о политическом образовании, но и как о культурном и экономическом субъекте с уникальной историей и миссией» (Syssner, 2009).

Основным координирующим механизмом в сфере культурного взаимодействия в рамках Баренцева Евро-Арктического региона (БЕАР) является Совместная рабочая группа по культуре (СРГК). Её деятельность ориентирована на укрепление культурной самобытности, а также на содействие развитию межкультурного диалога и расширению культурных связей между государствами и регионами, входящими в состав БЕАР [3].

С 2003 по 2018 гг. Совместной рабочей группой по культуре были разработаны и приняты четыре программы культурного сотрудничества в БЕАР. В 2019 г. был принят стратегический рамочный документ Creative Barents (2019–2023 гг.), который продолжил линию развития культурного взаимодействия и дополнил общую программу развития региона в этой сфере. Приоритетными задачами сотрудничества в сфере культурного взаимодействия являлись распространение информации о регионе на международной арене, укрепление взаимопонимания и доверительных отношений между участниками партнёрства, интенсификация взаимодействия [4], а также формирование образа БЕАР как

[3] Barents Euro-Arctic Cooperation. Culture // Barents Euro-Arctic Cooperation. URL: https://barents-council.org/working-groups/culture (дата обращения: 17.07.2025).
[4] New Wind in the Barents Region: The Second Programme of Cultural Cooperation 2008–2010. Barents Euro-Arctic Council, 2008. URL: https://barents-council.org/files/Working-Groups/New_Winds_in_the_Barents_Region_Second_Program_of_Cultural_Cooperation_2008-2010.pdf (дата обращения: 17.07.2025).

самобытного и уникального региона Северной Европы [5]. Таким образом, культурные практики могут быть рассмотрены в качестве инструмента репрезентации «мы-сообщества» как для внутренней, так и для внешней аудитории.

Обзор кейсов и методология исследования

Методом исследования выбран качественный контент-анализ документов, который позволяет выявить не только явно выраженные, но и скрытые значения, заложенные в текстах (Mayring, 2000). Данный метод особенно эффективен в тех случаях, когда основное внимание уделяется содержанию и контекстуальному значению источников (Hsieh, Shannon, 2005). Контент-анализ предполагает систематическое кодирование текстов, направленное на выявление ключевых идей, понятий и дискурсов, значимых для поставленных исследовательских задач. В данном случае код представляет собой слово или короткую фразу, отражающую важное смысловое содержание в рамках изучаемой тематики (Saldaña, 2013).

В соответствии с концепцией Салданьи (Saldaña, 2013), структура анализа строится поэтапно. На основе выделенных кодов осуществляется формирование подкатегорий, категорий и выводов (см. рис. 1). Под подкатегориями понимается дополнительная классификация кодов, позволяющая провести более глубокий и всесторонний анализ исходных данных (Saldaña, 2013).

Анализ текстов включал тщательное изучение всего собранного материала для получения целостного представления об их содержании. Были извлечены ключевые идеи, на основе которых были сгенерированы первые коды. Предполагается, что данные коды отражают основные идеи и «часто берутся непосредственно из текста, а затем становятся исходной схемой кода» (Hsieh, Shannon, 2005). В результате применения метода качественного анализа к собранным данным были выделены две основные категории: репрезентация «мы-сообщества» для внешней аудитории и репрезентация «мы-сообщества» для внутренней аудитории. Каждая из них была дополнена подкатегориями, уточняющими характер идентичностных нарративов.

[5] Voices in the Barents Region: Cultural Cooperation Programme 2003–2006. Barents Euro-Arctic Council, 2003. URL: https://barents-council.org/document/Voices_in_the_Barents_Region_2003-2006.pdf (дата обращения: 17.07.2025).

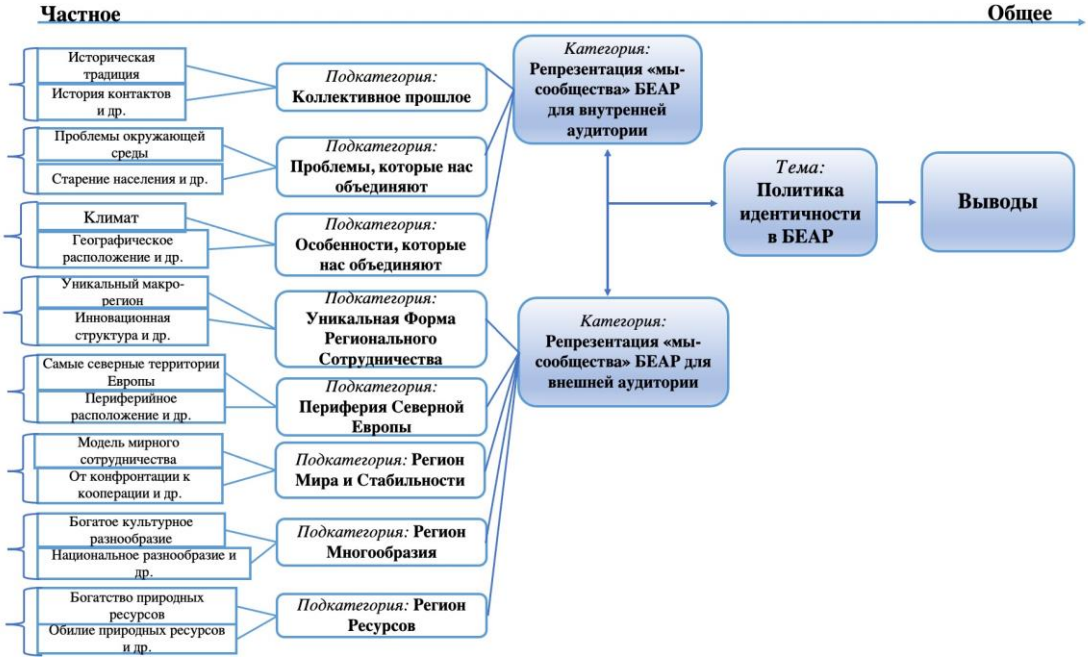

Рис. 1. Качественный анализ политики идентичности в БЕАР.

Таким образом, выбор контент-анализа как метода обусловлен спецификой исследовательского фокуса. Поскольку речь идёт о выявлении и интерпретации смыслов, передаваемых через тексты, практики и культурные формы, контент-анализ позволяет системно выявить ключевые семантические структуры, повторяющиеся мотивы и категории, используемые для описания сообщества и региона. Это делает его наиболее эффективным инструментом для анализа репрезентаций, связанных с идентичностью и символическим включением участников в трансграничное сообщество.

В рамках исследования был проведён анализ трёх практических проектов в сфере культуры, включающих два академических проекта, в числе которых издание книги об истории БЕАР «Баренцев Регион: Транснациональная история Субарктической Северной Европы» («The Barents Region: a Transnational History of Subarctic Northern Europe») и издание «Энциклопедии Баренцева Региона» («Encyclopedia of the Barents Region»), а также культурный проект, не имеющий отношения к академической сфере культурного сотрудничества в БЕАР, — фестиваль «Баренц Спектакль» («Barents Spektakel»).

Выбор кейсов для анализа обусловлен их значимостью в контексте формирования коллективной идентичности в БЕАР. Проект «Баренцев Регион: Транснациональная история Субарктической Северной Европы» акцентирует роль общей исторической памяти как основы для сплочения трансграничного сообщества. Цель подготовки и издания «Энциклопедии Баренцева региона» заключалась в сборе, систематизации и распространении знаний о жизни в северных транснациональных обществах (Olsson, 2016).

Фестиваль «Баренц Спектакль» был направлен на развитие трансграничных связей между жителями региона в сферах культуры, политики и бизнеса (Viken, 2016). Авторами проекта отмечалось, что «идея его развития состояла в том, чтобы строить мосты поверх

границ Баренцева региона с помощью культуры и современного искусства…»[6]. Таким образом, проект также может рассматриваться как релевантный пример в контексте анализа культурного сотрудничества как инструмента конструирования идентичности сообщества БЕАР.

Все три проекта представляют собой совокупность материалов, содержащих как текстовые, так и визуальные и символические формы репрезентации. Благодаря детализированным описаниям содержания, целей и структуры, они предоставляют обширную и многоуровневую основу для анализа, позволяя рассматривать их как значимые примеры культурного взаимодействия в контексте формирования идентичности в Баренцевом регионе.

Проекты охватывали широкий спектр тем, касающихся БЕАР: от исторических и политических нарративов до культурной практики и выражения идентичности через символические формы, что позволяет всесторонне рассмотреть процессы формирования региональной идентичности. Кроме того, проекты включали в себя всех ключевых участников трансграничного сотрудничества. Важно и то, что поддержка проектов осуществлялась при участии структур Совета Баренцева региона (СБЕР), а также национальных и региональных органов власти, что делает их репрезентативными примерами реализации политики идентичности. Так, инициаторами издания книги «Баренцев Регион: Транснациональная история Субарктической Северной Европы» выступили Международный центр имени Улофа Пальме и Административный совет шведского округа Норрботтен (Elenius, 2015). Финансирование проекта «Баренц Спектакль» по настоящее время продолжает осуществляться, в частности, такими институциональными акторами, как Норвежский Баренцев секретариат*, Министерство культуры Норвегии и региональными органами власти Норвегии. Таким образом, на институциональном уровне мы можем наблюдать интерес к формированию определённых идентичностных нарративов и их распространению в публичном пространстве. При этом необходимо отметить, что авторы и инициаторы проектов не заявляли о наличии баренцевой идентичности на момент их реализации (Elenius, 2015).

В то же время стоит отметить, что наблюдения за фестивалем «Баренц Спектакль» в период после 2022 г. позволяют констатировать изменения в риторике и тематическом наполнении данного культурного проекта, которые могут свидетельствовать о трансформации политики идентичности в Баренцевом Евро-Арктическом регионе. В частности, фестиваль 2024 г. под названием «Мягкие щиты» затрагивал вопросы, связанные с военным ландшафтом и гражданской обороной[7]. Вместе с тем, учитывая, что настоящее

[6] Федоренко М. Люба Кузовникова и «Девушки на мосту». 2010. URL: http://citycelebrity.ru/citycelebrity/Post.aspx?PostId=3890 (дата обращения: 14.07.2025).

*Норвежская неправительственная организация «Норвежский Баренцев секретариат» (Barentssekretariatet IKS) была внесена в список нежелательных организаций в России 25 февраля 2026 года (по решению Генеральной

исследование сосредоточено на анализе периода до трансформации многостороннего сотрудничества, углублённое рассмотрение данных изменений выходит за рамки данной работы и представляется перспективным направлением для будущих исследований.

Результаты исследования

Репрезентация «мы-сообщества» БЕАР для внутренней аудитории

Согласно Т. Эриксену, формирование образа «мы-сообщества» для внутренней аудитории связано с развитием чувства принадлежности и солидарности между членами группы. Эта сплочённость формируется через совместное участие в определённых практиках, включающих взаимную заботу и ориентацию на общую цель (Eriksen, 1995). В результате проведённого контент-анализа проектов было выявлено, что представление «мы-сообщества» для внутренней аудитории осуществляется через продвижение таких элементов регионального дискурса, как: *«коллективное прошлое», «проблемы, которые нас объединяют»* и *«особенности, которые нас объединяют».*

Коллективное прошлое

Наличие исторических связей в регионе действительно служило важным фактом для обоснования официального создания БЕАР в 1993 г. В частности, подчёркивается *историческая традиция трансграничного сотрудничества*. Утверждается, что создание БЕАР стало закономерным и естественным результатом существования исторических контактов в пределах общего географического пространства (Elenius, 2015). В ходе анализа культурных проектов было выявлено, что одна из ключевых идей, лежащих в основе концепции Баренцева региона, заключалась в демонстрации *исторически сложившихся трансграничных взаимодействий* между людьми. Эти взаимодействия основывались на *горизонтальных связях* местного уровня и носили взаимовыгодный характер для всех вовлечённых сторон.

Проблемы, которые нас объединяют

Среди ключевых вызовов, с которыми сталкивается Баренцев Евро-Арктический регион, выделяются *экологические проблемы*, такие как загрязнение окружающей среды и глобальное потепление, *климатические особенности*, включая суровые и экстремальные погодные условия. Также в качестве общей региональной проблемы отмечается *демографическая ситуация*, а именно устойчивое сокращение численности населения и более высокая доля пожилых людей по сравнению с южными и центральными территориями стран БЕАР (Gassen, Heleniak, 2016). В качестве значимого вызова подчёркивается *периферийное расположение* региона, поскольку оно зачастую связано с

прокуратуры РФ. Официально опубликовано/закреплено распоряжением Минюста № 293-р от 06.03.2026). URL: https://gogov.ru/articles/unwanted-orgs; https://tass.ru/politika/26731765

[7] Barents Spektakel 2024 / Pikene på Broen. URL: https://www.pikene.no/barents-spektakel-2024-2/ (дата обращения: 22.07.2025).

ограниченными возможностями для устойчивого развития. В целом можно заключить, что жители региона сталкиваются с аналогичными трудностями и вынуждены решать похожие задачи.

Особенности, которые нас объединяют

В ходе анализа культурных инициатив было выявлено, что к числу объединяющих черт Баренцева региона относятся его географическое положение, климатические условия, особенности рельефа, а также богатые запасы природных ресурсов (Лагутина, 2019). Эти характеристики не только формируют материальную основу жизни в регионе, но и активно используются в культурных нарративах, направленных на создание чувства общности и уникальности территории. Отмечается, что даже в период идеологического противостояния страны региона БЕАР подвергались влиянию схожих процессов, в числе которых — стремительное развитие и модернизация (Elenius, 2015), а также высокий уровень урбанизации. В контексте географической идентификации региона встречаются такие характеристики, как: *северное пространство, удалённость, арктическая зона, периферийность*. Кроме того, БЕАР часто позиционируется как общее жизненное пространство для жителей Севера (Elenius, 2015). Это подчёркивает прочную связь местного населения с северной территориальной идентичностью. Отмечается, что Баренцев регион является исключительной территорией Европы, на которой проживают коренные малочисленные народы (саамы, вепсы, ненцы).

Репрезентация «мы-сообщества» БЕАР для внешней аудитории

Создание регионального образа, основывающегося на характерных особенностях территории, опирается на противопоставление сообщества региона внешним акторам, формируя контраст между «своими» и «чужими», тем самым усиливая чувство принадлежности к определённой социальной группе, что становится ключевым фактором в формировании общей идентичности населения региона. В рамках анализа были выделены главные стратегии представления сообщества БЕАР для внешней аудитории. К ним относятся: форма регионального сотрудничества, географическое положение региона, а также позиционирование БЕАР как региона мира и стабильности, пространства культурного и социального многообразия и территории, обладающей значительными природными ресурсами.

Уникальная форма регионального сотрудничества

В рамках рассмотренных культурных инициатив Баренцев Евро-Арктический регион предстает как пример нового подхода к межрегиональному взаимодействию, оспаривающего устоявшиеся модели формирования национальных и региональных систем. Одним из главных отличий сотрудничества в Баренцевом регионе являлась взаимосвязь между *национальным*, *региональным* и *индивидуальным* уровнями сотрудничества. БЕАР

стал одним из первых международных институтов, предоставивших возможность представительства коренным народам региона. Отмечается, что включение негосударственных акторов представляло уникальный пример сотрудничества с точки зрения политической безопасности. Особый акцент делается на том, что создание БЕАР произошло в период интенсивных трансформационных процессов, связанных с глобализацией, что подчёркивает его своеобразие как социально-политического и экономического образования. БЕАР представлялся как современный трансграничный макрорегион с *новой моделью политической организации*, как уникальный проект, *объединивший народы и территории*, которые ранее находились по разные стороны от железного занавеса (Лагутина, 2019).

Периферия Северной Европы

Географические характеристики играли важную роль в формировании образа Баренцева региона, в том числе посредством культурного сотрудничества. В описаниях региона акцентировалось внимание на таких характеристиках, как *«северные территории», «самые северные части четырёх национальных государств», «северное измерение Европы». Периферийное расположение* региона также являлось ключевой отличительной чертой БЕАР, подчёркиваемой в рамках сотрудничества и являющейся важным ресурсом регионального брендинга. Таким образом, регион противопоставлялся территориям, расположенным в центральных и южных частях стран-участниц сотрудничества, а также, в более широком смысле, территориям Европы, находящимся южнее географических границ БЕАР.

Регион мира и стабильности

Баренцев регион также пропагандировался как образец мирного сосуществования и трансграничного сотрудничества. Образ Баренцева региона основывался на идее преодоления исторических конфликтов, показывая, что даже глубоко укоренившиеся различия могут быть превращены в движущую силу совместного развития. В рамках культурных инициатив регион описывался как пространство, успешно превратившееся из зоны геополитической напряжённости в зону регионального партнёрства. Как первый макрорегион, преодолевший разногласия времён холодной войны, он рассматривался как прецедент регионального сотрудничества между ранее враждовавшими государствами. Отмечается, что развитие сотрудничества в Баренцевом регионе на межгосударственном и межрегиональном уровнях стало сигналом о переходе от «жёсткой безопасности» к альтернативным и более гибким подходам в обеспечении безопасности (Rafaelsen, 2013).

Регион культурного и социального многообразия

Одной из ключевых характеристик, активно использовавшихся при формировании образа Баренцева Евро-Арктического региона, стало его социальное и культурное

многообразие. В рамках анализа культурных проектов было выявлено, что в качестве ключевых характеристик региона, имеющих отношение к категории «региональное многообразие», подчёркиваются следующие: *«открытое и динамично развивающееся культурное пространство»*, *«самобытная социально-культурная среда»* и *«активный мультикультурный диалог»*. Так, в «Энциклопедии Баренцева региона» отмечается, что «на протяжении всей истории многонациональное общество Баренцева региона является одной из его наиболее характерных особенностей» (Niemi, 2016).

Регион ресурсов

Одной из наиболее часто упоминаемых характеристик Баренцева региона был его богатый ресурсный потенциал (Westin, Druzhinin, 2016). Богатство природных ресурсов неоднократно подчёркивалось в культурном и политическом дискурсе, что способствовало позиционированию БЕАР в качестве богатой ресурсами периферии, имеющей важное стратегическое значение, а также укрепляло уникальный имидж регионального образования. Таким образом, можно утверждать, что ресурсный потенциал БЕАР служил основой для его противопоставления другим европейским регионам и формирования баренцевой идентичности.

Заключение

Результаты проведённого анализа позволяют заключить, что идея формирования особой баренцевой идентичности находила своё отражение в коммуникационных стратегиях и риторике, сопровождавших региональное взаимодействие в рамках БЕАР. Установлено, что культурные формы сотрудничества играли ключевую роль в конструировании и закреплении идентификационных практик в регионе. Продвижение межрегиональных культурных инициатив способствовало укреплению образа коллективного «мы», формируемого как в целях внутренней консолидации, так и для внешней символической репрезентации региона.

Репрезентация «мы-сообщества» БЕАР для внутренней аудитории строилась на таких ключевых особенностях региона, как коллективное прошлое, схожие проблемы, с которыми сталкиваются его жители, включая экологические вызовы, суровый климат и демографические трудности, а также уникальные региональные характеристики, такие как климат, топография, географическое положение. В свою очередь, репрезентация «мы-сообщества» БЕАР для внешней аудитории основывалась на продвижении дискурса об уникальной форме регионального сотрудничества, особом географическом расположении региона (периферия Северной Европы), эффективном поддержании мирных взаимоотношений между участниками сотрудничества, а также на культурном, социальном и ресурсном разнообразии региона.

В то же время следует признать, что реализация отдельных проектов в сфере культурного сотрудничества не могла оказать существенного влияния на создание регионального сообщества. Процесс формирования региональной идентичности БЕАР был скорее результатом более широкого спектра сотрудничества, чем стратегической целью

взаимодействия в регионе. Это подтверждает утверждение о том, что формирование идентичности, как правило, является «побочным продуктом» усилий, направленных на популяризацию региона (Zimmerbauer, 2018). Формирование устойчивой региональной идентичности БЕАР требовало более систематических, долгосрочных и всесторонних усилий. Учитывая значительную зависимость региона от международно-политического контекста взаимоотношений между странами-участницами сотрудничества, изменения во внешнеполитическом курсе государств-членов БЕАР оказывают непосредственное воздействие не только на общую динамику региональной кооперации, но также на процесс формирования региональной идентичности.

Следует отметить, что после 2022 г. в БЕАР произошли значительные изменения, связанные с прекращением участия России в межрегиональных инициативах и выходом из Совета Баренцева Евро-Арктического региона в 2023 г. Кроме того, Финляндией было также принято решение о выходе из Совета Баренцева Евро-Арктического региона после 2025 г. Эти события сопровождались трансформацией публичной риторики некоторых культурных проектов региона, включая, например, фестиваль «Баренц Спектакль», рассмотренный в данном исследовании. Однако анализ этих изменений выходит за рамки настоящей статьи и может стать предметом отдельного исследования.

На этом фоне результаты исследования дают возможность для анализа и интерпретации эволюционной динамики политики идентичности и сотрудничества в Баренцевом регионе. Подход, используемый для понимания «мы-сообщества», может быть применён в будущих исследованиях, посвящённых изучению других трансграничных регионов, испытывающих политический стресс, а также при переоценке сотрудничества в условиях новых геополитических реалий.

Список источников

Лагутина Л.А. Культурное сотрудничество как инструмент конструирования идентичности в БЕАР: выпускная квалификационная работа. Петрозаводск. 2019; 88 с.

Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова, И.А. Пильщикова. Москва: Новое издательство. 2004; 336 с.

Павлова О.Д. Идентичность в системе межкультурного взаимодействия // Вестник Челябинского государственного университета. 2011; 30 (245): 81–84.

Цумарова Е.У. Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского государственного университета. Политология. 2012; 2: 5–16.

Carlsnaes W., Risse T., Simmons B.A. Handbook of International Relations. London: SAGE, 2013. https://doi.org/10.4135/9781446247587

Eriksen T.H. We and us: Two modes of group identification // Journal of Peace Research. 1995; 32 (4): 427–436. https://doi.org/10.1177/0022343395032004004

Gassen N. S., Heleniak T. The impact of migration on projected population trends in Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden: 2015–2080 // Stockholm: Nordregio. 2016; 5: 43 p.

Hall R.B. National Collective Identity: Social Constructs and International Systems. New York: Columbia University Press. 1999; 397 p.

Heininen L. New external political structures in Northern cooperation and Northern governance: From quantity to quality // Arctic governance / Ed. by T. Koivurova, T. Joona, R. Shnoro. The Northern

Institute and Rovaniemi. 2004; 27–42.
Honneland G. Identity Formation in the Barents Euro-Arctic Region // Cooperation and Conflict. 1998; 33 (3): 277–297. https://doi.org/10.1177/0010836798033003003
Hsieh H.-F., Shannon S.E. Three approaches to qualitative content analysis // Qualitative Health Research. 2005; 15 (9). https://doi.org/10.1177/1049732305276687
Mayring P. Qualitative content analysis // Forum: Qualitative Social Research. 2000; 1 (2). https://doi.org/10.17169/fqs-1.2.1089
Niemi E. Multiculturalism // Encyclopedia of the Barents Region. Vol. II / Ed. by Olsson M.-O. et al. Oslo: PAX. 2016: 517–520.
Olsson M.O. Preface // Encyclopedia of the Barents Region. Vol. II / Ed. by Olsson M.-O. et al. Oslo: PAX. 2016: 19–22.
Paasi A. Region and place: Regional identity in question // Progress in Human Geography. 2003; 27 (4): 475–485. https://doi.org/10.1191/0309132503ph439pr
Rafaelsen R. The Barents cooperation: region building and new security challenges // Strategic Analysis. 2013; 37 (4): 486–488.
Rogova A. 'Chicken is not a bird—Kirkenes is not abroad': Borders and territories in the perception of the population in a Russian-Norwegian borderland // Journal of Northern Studies. 2009; 3 (1): 31–42. https://doi.org/10.36368/jns.v3i1.592
Saldaña J. The Coding Manual for Qualitative Researchers. London: SAGE. 2013.
Syssner J. Conceptualizations of Culture and Identity in Regional Policy // Regional & Federal Studies. 2009; 19 (3): 437–458. https://doi.org/10.1080/13597560902957518
The Barents Region: A Transnational History of Subarctic Northern Europe / Ed. by Elenius L. et al. Oslo: PAX. 2015; 528 p.
Viken A. Barents Spektakel // Encyclopedia of the Barents Region. Vol. II / Ed. by Olsson M.-O. et al. Oslo: PAX. 2016: 80–83.
Westin L., Druzhinin P.V. Economic Development // Encyclopedia of the Barents Region. Vol. I / Ed. by Olsson M.-O. et al. Oslo: PAX. 2016: 151–158.
Zimmerbauer K. Supranational identities in planning // Regional Studies. 2018; 52 (7): 911–921. https://doi.org/10.1080/00343404.2017.1360481
Zimmerbauer K. Unusual regionalism in Northern Europe: The Barents Region in the making // Regional Studies. 2013; 47 (1): 89–103. https://doi.org/10.1080/00343404.2011.644236

References

Carlsnaes W., Risse T., Simmons B.A. *Handbook of International Relations*. London, SAGE; 2013. https://doi.org/10.4135/9781446247587
Elenius L. ed., *The Barents Region: A Transnational History of Subarctic Northern Europe*. Oslo, PAX; 2015. 528 p.
Eriksen T.H. We and Us: Two Modes of Group Identification. *Journal of Peace Research*. 1995; 32 (4): 427–436. https://doi.org/10.1177/0022343395032004004
Gassen N. S., Heleniak T. *The Impact of Migration on Projected Population Trends in Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden: 2015–2080*. Stockholm, Nordregio; 2016; 5: 43 p.
Hall R.B. *National Collective Identity: Social Constructs and International Systems*. New York, Columbia University Press; 1999. 397 p.
Heininen L. New External Political Structures in Northern Cooperation and Northern Governance: From Quantity to Quality. In: *Arctic Governance*. The Northern Institute and Rovaniemi. 2004: 27–42.
Honneland G. Identity Formation in the Barents Euro-Arctic Region. *Cooperation and Conflict*. 1998; 33(3): 277–297. https://doi.org/10.1177/0010836798033003003
Hsieh H.-F., Shannon S.E. Three Approaches to Qualitative Content Analysis. *Qualitative Health Research*. 2005; 15 (9). https://doi.org/10.1177/1049732305276687
Lagutina L.A. *Cultural Cooperation as a Tool for Constructing Identity in BEAR: Final Qualifying Work*. Petrozavodsk. 2019; 88 p. (In Russ.)
Mayring P. Qualitative Content Analysis. *Forum: Qualitative Social Research*. 2000; 1 (2). https://doi.org/10.17169/fqs-1.2.1089

Neumann I. *Using the "Other": Images of the East in the Formation of European Identities*. Moscow, Novoe Izdatelstvo Publ.; 2004; 336 p. (In Russ.)

Niemi E. Multiculturalism. In: *Encyclopedia of the Barents Region. Vol. II*. Oslo, PAX; 2016: 517–520.

Olsson M.O. Preface. In: *Encyclopedia of the Barents Region. Vol. II*. Oslo, PAX; 2016: 19–22.

Paasi A. Region and Place: Regional Identity in Question. *Progress in Human Geography*. 2003; 27 (4): 475–485. https://doi.org/10.1191/0309132503ph439pr

Pavlova O.D. Identity in the System of Cross-Cultural Interaction. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2011; 30 (245): 81–84.

Rafaelsen R. The Barents Cooperation: Region Building and New Security Challenges. *Strategic Analysis*. 2013; 37 (4): 486–488.

Rogova A. "Chicken Is Not a Bird—Kirkenes Is Not Abroad": Borders and Territories in the Perception of the Population in a Russian-Norwegian Borderland. *Journal of Northern Studies*. 2009; 3 (1): 31–42. https://doi.org/10.36368/jns.v3i1.592

Saldaña J. *The Coding Manual for Qualitative Researchers*. London, SAGE; 2013.

Syssner J. Conceptualizations of Culture and Identity in Regional Policy. *Regional & Federal Studies*. 2009; 19 (3): 437–458. https://doi.org/10.1080/13597560902957518

Tsumarova E.U. The Politics of Identity: Politics or Policy? *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2012; 2: 5–16.

Viken A. Barents Spektakel. In: *Encyclopedia of the Barents Region. Vol. II*. Oslo, PAX; 2016: 80–83.

Westin L., Druzhinin P.V. Economic Development. In: *Encyclopedia of the Barents Region. Vol. I*. Oslo, PAX; 2016: 151–158.

Zimmerbauer K. Supranational Identities in Planning. *Regional Studies*. 2018; 52 (7): 911–921. https://doi.org/10.1080/00343404.2017.1360481

Zimmerbauer K. Unusual Regionalism in Northern Europe: The Barents Region in the Making. *Regional Studies*. 2013; 47 (1): 89–103. https://doi.org/10.1080/00343404.2011.644236

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; принята к публикации 12.08.2025

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ
REVIEWS AND REPORTS

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 401–424.
Научная статья
УДК [378.1:327.7](470)(510)(045)
DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.401

Трансформация образа Российской Арктики в сознании студенческой молодёжи КНР: потенциал языковых программ

Зашихина Инга Михайловна [1]✉, кандидат философских наук, доцент
Грива Ольга Евгеньевна [2], кандидат филологических наук, доцент
Лэ Сюй[3], аспирант

[1, 2, 3] Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия
[1] zashikhinaim@mail.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8217-2302
[2] o.griva@narfu.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4423-7945
[3] 178090128@qq.com, ORCID: https://orcid.org/0009-0007-8092-2222

Аннотация. В условиях сопряжения стратегий развития Северного морского пути и китайской инициативы «Полярный Шёлковый путь» гуманитарное измерение двустороннего партнёрства приобретает характер императива. В статье исследуется потенциал краткосрочных интенсивных образовательных программ как инструмента «мягкой силы», направленного на преодоление когнитивного разрыва в восприятии Российской Арктики китайской студенческой молодёжью. Целью работы является оценка эффективности данных форматов в трансформации образа региона и формировании системы верифицированных знаний об Арктике у граждан КНР. Исследование проведено в рамках методологии качественного кейс-стади, материалы собраны в ходе летней школы русского языка и культуры, проведённой на базе Северного (Арктического) федерального университета. Сбор данных реализован в два этапа по трём тематическим блокам: физико-географическому, историко-культурному и геополитическому. Дополнительно применён психолингвистический ассоциативный эксперимент для выявления латентных сдвигов в восприятии. Образовательная среда вуза рассматривалась как контролируемая экспериментальная база для оценки эффективности инструментов образовательной дипломатии; исследование проведено с соблюдением этических стандартов добровольности и деперсонализации данных. Результаты фиксируют рост уровня осведомлённости респондентов с 32% до 79% и качественный сдвиг в ассоциативном поле: от природных стереотипов к пониманию геоэкономической и технологической уникальности региона. Практическая значимость работы заключается в верификации образовательной дипломатии как эффективного механизма формирования пула лояльных международных экспертов.

Ключевые слова: *Арктика, российско-китайское сотрудничество, мягкая сила, образовательная дипломатия, когнитивная трансформация, кейс-стади,* Северный (Арктический) федеральный университет*, Северный морской путь*

---

* © Зашихина И.М., Грива О.Е., Лэ Сюй, 2026
Для цитирования: Зашихина И.М., Грива О.Е., Лэ Сюй. Трансформация образа Российской Арктики в сознании студенческой молодёжи КНР: потенциал языковых программ // Арктика и Север. 2026; 64: 401–424. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.401
For citation: Zashikhina I.M., Griva O.E., Le Xu. Transforming the Perception of the Russian Arctic among Chinese University Students: The Potential of Language Courses. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 401–424. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.401
Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии CC BY-SA

Transforming the Perception of the Russian Arctic among Chinese University Students: The Potential of Language Courses

Inga M. Zashikhina [1]✉, Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor
Olga E. Griva [2], Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor
Xu Le [3], Postgraduate Student

[1, 2, 3] Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia
[1] zashikhinaim@mail.ru ✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8217-2302
[2] o.griva@narfu.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4423-7945
[3] 178090128@qq.com, ORCID: https://orcid.org/0009-0007-8092-2222

Abstract. In the context of aligning development strategies for the Northern Sea Route and China's "Polar Silk Road" initiative, the humanitarian dimension of the bilateral partnership has become an imperative. The article explores the potential of short-term intensive educational programs as a "soft power" tool aimed at bridging the cognitive gap in the perception of the Russian Arctic among Chinese students. The study aims to assess the effectiveness of these formats in transforming the regional image and establishing a system of verified knowledge about the Arctic among PRC citizens. The study was conducted within the framework of a qualitative case study methodology. The materials were collected during a summer school of the Russian language and culture held at the Northern (Arctic) Federal University. Data collection was carried out in two stages across three thematic blocks: physical-geographical, historical-cultural, and geopolitical. Additionally, a psycholinguistic association experiment was used to identify latent shifts in perception. The university's educational environment was regarded as a controlled experimental base for evaluating the effectiveness of educational diplomacy tools; the study was conducted in accordance with ethical standards of voluntary participation and data depersonalization. The results indicate an increase in respondent awareness from 32% to 79% and a qualitative shift in the associative field: moving from environmental stereotypes to an understanding of the region's geo-economic and technological uniqueness. The practical significance of the work lies in the verification of educational diplomacy as an effective mechanism for developing a pool of loyal international experts.
Keywords: *Arctic, Russian-Chinese cooperation, soft power, educational diplomacy, cognitive transformation, case study, Northern (Arctic) Federal University, Northern Sea Route*

Введение

Сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Арктике в текущем десятилетии приобрело черты устойчивого практического вектора, выйдя за рамки декларативных заявлений. Данная динамика детерминирована совпадением долгосрочных национальных интересов, что находит подтверждение в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей (Рекец, 2024; Погодин, Лун, 2024). Процесс сопряжения стратегий развития Северного морского пути и инициативы «Полярный Шёлковый путь» формирует конфигурацию евразийской экономики, в рамках которой арктические транспортные коридоры начинают выступать конкурентной альтернативой традиционным южным маршрутам (Зуенко, 2023). Как справедливо отмечается в современной политической аналитике, интерес Пекина к высокоширотным территориям носит не ситуативный, а доктринально оформленный характер и подкрепляется активной интеллектуальной работой элит по обоснованию особого статуса КНР в регионе (Ли Бо, 2024; Юнюшкина, 2025). Как следствие, ресурсы превращаются в фактор безопасности, а страна нацеливается на участие в глобальном управлении Арктикой (Рекец, 2024).

В условиях беспрецедентной трансформации миропорядка, начавшейся в 2022 г., и частичной заморозки деятельности Арктического совета со стороны западных государств российско-китайское взаимодействие приобрело характер стабилизирующего фактора в регионе (Харичкин, Шамаров, 2024). Однако успешная реализация макроэкономических проектов невозможна без формирования соответствующей социальной базы и комплексного гуманитарного обеспечения. Инструментарий «мягкой силы» в российско-китайском диалоге сегодня всё чаще базируется на синтезе рационального прагматизма и культурной эмпатии, что представляется критически важным для снижения турбулентности в системах межгосударственной коммуникации (Чжан, Керимов, 2024). Закономерным следствием данного тренда становится смещение акцентов двустороннего партнёрства с сугубо технократических и ресурсных параметров (объёмы добычи, инфраструктурные объекты) в сторону развития человеческого капитала и углубления межличностной коммуникации (Николаев, 2022). В экспертном дискурсе научно-образовательное взаимодействие всё чаще позиционируется как «четвёртое стратегическое направление» арктической политики КНР, дополняющее исследовательскую, экономическую и управленческую деятельность (Питухина, Белых, 2024). В контексте теорий «мягкой силы» экспорт образовательных услуг интерпретируется не как коммерческая деятельность, а как действенный геополитический механизм, направленный на формирование лояльных зарубежных элит, инкорпорированных в российское ценностно-смысловое поле (Лебедева, Фор, 2009; Зевелева, Кокунов, 2024). Именно образовательные обмены, в отличие от конъюнктурных торговых соглашений, создают фундамент долговременного стратегического партнёрства, сохраняющий устойчивость в периоды геополитической нестабильности (Рекец, 2024; Люй Пэйин, 2024).

Однако, несмотря на фиксируемый политологами высокий уровень межгосударственного диалога, на микроуровне наблюдается существенный когнитивный диссонанс. Эмпирические исследования демонстрируют, что для значительной части китайской аудитории, включая студенческую молодёжь, Российская Арктика продолжает оставаться terra incognita (Николаев, 2022; Зашихина, 2024). Репрезентация региона зачастую фрагментарна и мифологизирована, ограничена либо климатическими стереотипами, либо ресурсными клише, транслируемыми через массовую культуру и социальные медиа (Ли Юецзяо, Васильева, 2025). Данный разрыв между доктринальными установками элит и реальным уровнем информированности специалистов генерирует системные риски для долгосрочной эффективности двустороннего взаимодействия.

В сложившихся условиях особую значимость обретают краткосрочные интенсивные образовательные форматы, в частности, летние и зимние школы, позволяющие оперативно транслировать актуальную повестку и корректировать образ региона в сознании китайской молодёжи (Зевелева, Кокунов, 2024; Марьянчик, Попова, 2022). Уникальным полигоном для апробации данных технологий «мягкой силы» выступает Северный (Арктический)

федеральный университет имени М.В. Ломоносова, чьё геостратегическое положение и развитая научно-образовательная инфраструктура создают необходимые предпосылки для подобной деятельности (Андрейченко, 2022).

Теоретические подходы к осмыслению образования как ресурса «мягкой силы»

Концептуальное оформление феномена «мягкой силы», восходящее к фундаментальным трудам Джозефа Ная, базируется на понимании способности национального государства добиваться реализации внешнеполитических приоритетов не столько методами силового принуждения, сколько за счёт привлекательности собственного культурного кода, ценностно-мировоззренческих установок и модели институциональной организации (Nye, 2004). В канве современной внешнеполитической стратегии Российской Федерации институт высшей школы квалифицируется в качестве одного из наиболее действенных каналов трансляции данных ценностей, при котором академический авторитет государства органично проецируется на его международный престиж (Торкунов, 2012). Подготовка иностранных специалистов формирует долгосрочные социальные связи, способные эволюционировать в политикообразующий ресурс по мере инкорпорирования выпускников российских вузов в национальные элиты стран исхода (Лебедева, Фор, 2009).

Образовательная дипломатия в рамках настоящего исследования трактуется как многосоставной геополитический инструментарий «мягкой силы», ориентированный на формирование лояльного сегмента зарубежных элит, интегрированных в российское ценностно-смысловое пространство (Гутенев, Лагутина, Сергунин, 2023). В системе арктической политики обозначенное направление обретает статус её «четвертой стратегической опоры», органично дополняя научно-исследовательский, хозяйственно-экономический и административно-управленческий векторы деятельности (Рыжкова, 2012). В периоды геополитической турбулентности устойчивость партнёрства, развиваемого с помощью образовательной дипломатии, обеспечивается нематериальным активом — глубинным, на уровне индивидуального переживания интериоризированным эмоциональным капиталом участников академических обменов (Nye, 2004).

В контексте развития теоретических представлений о «мягкой силе» необходимо подчеркнуть, что российская политологическая школа вносит в эту концепцию существенные коррективы, акцентируя внимание не столько на пассивной привлекательности, сколько на активной деятельности государства по конструированию позитивного образа (Панова, 2012). В развитие данного тезиса исследователи отмечают, что эффективность такой деятельности сегодня всё меньше зависит от централизованного идеологического ресурса и всё больше — от способности региональных вузов выстраивать горизонтальные академические связи, основанные на принципах научного этоса, а не политической конъюнктуры (Сычев, Фофанова, 2025). Как справедливо пишет А.В. Торкунов, в современной системе международных отношений «мягкая сила» трансформируется в универсальный язык

международно-политической коммуникации (Торкунов, 2012). Применительно к высшей школе это означает, что университеты выступают не просто трансляторами знаний, а полноценными акторами-ретрансляторами «мягкой силы», генерирующими доверие к национальной модели развития через академическую мобильность и совместные исследовательские проекты. Данный подход позволяет рассматривать образовательную дипломатию как механизм формирования долгосрочного когнитивно-аксиологического фундамента международного сотрудничества, что особенно значимо в контексте высококонкурентной арктической повестки (Ефименко, 2025).

Достижение результативности в арктическом измерении напрямую сопряжено со способностью системы высшего образования осуществить трансформацию перцепции региона: сместить фокус восприятия с трактовки Арктики как природного феномена в сторону осмысления её как пространства геополитических ресурсов и стратегических возможностей (Кефели, Николаенко, 2021). Подобная переориентация установок диктует насущную необходимость отказа от примата экстенсивных количественных метрик в пользу качественных сдвигов в когнитивной сфере, где абстрактные геополитические конструкты уступают место конкретному знанию, обретаемому посредством иммерсивного погружения в региональный контекст (Knight, 2023).

Эмпирические данные последних лет свидетельствуют, что, вопреки санкционному давлению и политике культуры отмены в западных странах, интерес граждан КНР к получению российского образования сохраняет устойчивую динамику, а руководство вузов осваивает новые инструменты привлечения абитуриентов (Чжан, Керимов, 2024). Результативность данного вектора подтверждается тем обстоятельством, что образовательные обмены создают условия для глубинного погружения в культуру страны-партнёра, формируя кадровый резерв для профессиональной коммуникации на площадках международного взаимодействия (Таланов, 2024).

Лингвистическое измерение сотрудничества: язык как ресурс суверенитета и влияния

В современном политическом дискурсе язык конституируется как фундаментальная основа нации, обеспечивающая воспроизводство национального самосознания в повседневных практиках. В условиях глобализации КНР рассматривает распространение китайского языка через сеть Институтов Конфуция в качестве инструмента сохранения собственной идентичности, а также для наращивания влияния в мире (Чжан, Керимов, 2024). По аналогичному вектору выстраивается деятельность фонда «Русский мир» и Россотрудничества, направленная на укрепление позиций русского языка как универсального транслятора российских ценностных ориентаций.

В контексте арктического взаимодействия русский язык обретает статус языка профессиональной коммуникации в сферах научной и логистической дипломатии. Как справедливо отмечается в литературе, обучение китайских специалистов русскому языку с

акцентом на арктическую проблематику способствует формированию общего терминологического пространства, что приобретает критическое значение при реализации мегапроектов уровня «Ямал СПГ» (Погодин, Лун, 2024). Эмпирические наблюдения на приграничных территориях (Забайкалье, Маньчжурия) фиксируют высокий латентный спрос на изучение русского языка: до 60% китайской молодёжи декларируют готовность к его освоению при наличии соответствующих условий (Топоркова, Чжоу Лися, 2015). С теоретико-методологической точки зрения, овладение языком представляет собой процесс формирования вторичной языковой личности, когнитивная картина мира которой обогащается дополнительными культурными кодами, что создаёт предпосылки для более глубокого взаимопонимания (Владимирова, Шарри, 2025).

Этнопсихологический профиль китайского студенческого контингента и специфика организации образовательной среды

Продуктивность образовательных инициатив в значительной степени детерминирована учётом социокультурных и психологических характеристик целевой аудитории. Когнитивные стратегии китайских учащихся формируются под воздействием национальной образовательной парадигмы и многовековых культурных традиций, что накладывает отпечаток на восприятие учебного материала и модели взаимодействия в академической среде (Денисов, Юань, Марченко, 2024). Среди характерных черт данной категории обучающихся исследователи выделяют доминирование визуального и аудиального каналов восприятия, выраженную ориентацию на коллективные формы деятельности, а также устойчивое уважение к академической иерархии и фигуре преподавателя.

Эмпирические наблюдения свидетельствуют, что наибольшая учебная мотивация у китайских студентов фиксируется при использовании мультимедийного контента, в особенности кинематографических и музыкальных произведений. Подобные форматы позволяют нивелировать языковой барьер и способствуют установлению эмоциональной связи с изучаемым материалом, что приобретает особую значимость в условиях межкультурной коммуникации. Показательным примером успешной адаптации образовательной среды выступает опыт Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, где была апробирована концепция «искусственно созданной языковой среды». В рамках данной модели взаимодействие с носителями языка интегрируется в повседневные практики обучающихся, что создаёт эффект естественного погружения в лингвокультурный контекст (Юн, Дубаков, Дубакова, 2025). Коррелирующие результаты получены в ходе работы Самарского государственного социально-педагогического университета: использование аутентичных материалов и технологий виртуальных путешествий продемонстрировало высокую эффективность в снижении культурных барьеров и ускорении процессов аккультурации (Кислова, Шалифова, Клюшина, 2022).

Применительно к арктической повестке обозначенные подходы обретают

дополнительную значимость. Формирование образовательных траекторий для китайских студентов в рамках сезонных школ САФУ требует учёта описанных этнопсихологических особенностей (табл. 1). Интеграция мультимедийных компонентов, репрезентирующих «северный текст» русской культуры, а также создание условий для коллективного освоения материала и выстраивания иерархически организованной коммуникации с ведущими специалистами в области арктических исследований способны существенно повысить эффективность программ «мягкой силы» и закрепить позитивные установки в отношении Российской Арктики (Марьянчик, Попова, 2022).

Таблица 1

Этнопсихологический профиль китайских обучающихся

Характеристика китайских студентов	Влияние на образовательный процесс
Визуальная ориентация	Высокая эффективность видеоматериалов и инфографики
Традиция заучивания	Склонность к запоминанию больших объёмов данных
Межкультурный анализ	Желание сравнивать чужую культуру со своей
Эмоциональный капитал	Важность личного доверия к преподавателю / региону
Прагматизм в планах	Обучение как этап карьеры в глобальном контексте (Таланов, 2024)

Эмпирические исследования последних лет фиксируют устойчивый тренд: китайские студенты, проходящие обучение в российских вузах, в большинстве своём не разделяют установки политики культуры отмены в отношении России, оценивая её как иррациональную. Более того, значительная доля респондентов демонстрирует солидаризацию с позицией РФ по ключевым вопросам международной повестки и не испытывает дискомфорта в связи с санкционным давлением (Чжан, Керимов, 2024). Данный феномен может интерпретироваться как свидетельство формирования глубокого уровня доверия и лояльности, продуцируемого самой образовательной средой.

Согласно данным исследований 2024 г., для большинства граждан КНР обучение в России исходно позиционируется как этап построения глобальной карьерной траектории, нередко с ориентацией на последующую релокацию в США, Канаду или Великобританию. Однако в процессе академической социализации в российских вузах фиксируется существенная трансформация первоначальных намерений: порядка 33% выпускников бакалавриата принимают решение о продолжении обучения в российской магистратуре, а 20% магистрантов — о поступлении в аспирантуру (Давыдова, 2024). Приведённые данные свидетельствуют о том, что качественные характеристики образовательной среды обладают потенциалом модификации карьерных стратегий иностранных учащихся. Показательно также, что, несмотря на инфляционные процессы и волатильность валютного курса, лишь незначительная часть китайского студенческого контингента отказывается от продолжения обучения в РФ, что подтверждает устойчивость бренда российского образования (Кушнарев, 2024).

Программы сезонных школ, реализуемые в Северном (Арктическом) федеральном

университете, выстраиваются на принципах этнометодики, предполагающей сопряжение языковой подготовки с освоением северного текста русской культуры (Zashikhina, Griva, 2024). Такой подход позволяет преодолевать стереотипные репрезентации Арктики как «ледяной пустыни», репрезентируя регион как живое культурное пространство (Марьянчик, Попова, 2022). Для китайских студентов, принадлежащих к поколению Z, значимыми факторами при выборе образовательной траектории выступают не только академическая составляющая, но и уровень безопасности, качество инфраструктуры, а также степень цифровизации сервисов вуза.

Методология исследования

Дизайн настоящего исследования выстраивался в логике междисциплинарного подхода, предполагающего сопряжение количественных методов оценки педагогической эффективности с качественным анализом социокультурных трансформаций. Эмпирическая база сформирована в ходе реализации краткосрочной летней школы русского языка и культуры, проводившейся на базе Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в период с июня по июль 2025 г.

Обоснование структуры выборки и её содержательной насыщенности

Эмпирическую основу работы составили сведения, полученные от 25 слушателей из Китайской Народной Республики (N=25). Контингент испытуемых был представлен обучающимися уровней бакалавриата и магистратуры ряда высших учебных заведений КНР, в число которых вошли:

- Шаньдунский педагогический университет;
- Шанхайский второй политехнический университет;
- Даляньский океанический университет;
- Шанхайский университет;
- Чанчуньский университет;
- Шэньянский технологический университет;
- Юйлиньский университет;
- Хэйлунцзянский университет;
- Шанхайский университет иностранных языков.

В анализируемую совокупность были включены лишь те участники программы, чей показатель посещаемости превысил порог в 75% от общего объёма академических часов, кто демонстрировал вовлечённость в дискуссионные формы работы и своевременно выполнил установленный объём контрольных мероприятий.

Следует отдельно остановиться на аргументации объёма исследуемой когорты. Анализируя теоретическую полноту выборки, мы обратились к опыту качественных социогуманитарных изысканий. Исследователи отмечают, что основная масса

семантических единиц и кодовых категорий (до 80–90%) проявляется уже при обработке корпуса из 12–15 протоколов или транскриптов интервью (Guest, Bunce, Johnson, 2006; Hennink, Kaiser, Marconi, 2017). Вовлечение в анализ более ста единиц наблюдения неизбежно повлекло бы за собой утрату герменевтической глубины и формализацию интерпретативных процедур. Опираясь на концептуальные положения К. Мальтеруд, можно утверждать, что при условии гомогенности изучаемой совокупности (единая страна происхождения, тождественная образовательная программа) ценность данных, извлекаемых из каждого отдельного случая, возрастает кратно (Malterud, Siersma, Guassora, 2016). Для задач фиксации трансформации когнитивных структур на временном отрезке в три недели массив данных объёмом 25 респондентов представляется вполне достаточным, поскольку позволяет избежать эффекта смыслового перенасыщения (Sandelowski, 1995; Malterud, Siersma, Guassora, 2016). Представленная группа обладает высокой степенью информационной ёмкости и сохраняет свойства репрезентативности именно в парадигме качественного подхода.

Образовательное пространство Северного (Арктического) федерального университета рассматривалось как верифицируемая экспериментальная площадка, предназначенная для апробации ресурсов «мягкого влияния». Процедура исследования реализовывалась с неукоснительным соблюдением этических императивов: респонденты принимали участие в опросе на добровольной основе, полученный массив сведений был анонимизирован и представлен в агрегированной форме.

Процедура сбора и структурная композиция эмпирических материалов

Фиксация сведений производилась в два этапа (входной и итоговый контроль). Исследовательский инструментарий (анкета) структурно включал три содержательных раздела:

- Раздел А (физико-географический): посвящён вопросам делимитации арктических территорий РФ и функционирования Северного морского транспортного коридора;
- Раздел Б (историко-культурологический): охватывал сюжеты, связанные с традициями поморского населения, летописью хозяйственного освоения региона и ролью М.В. Ломоносова в этом процессе;
- Раздел В (геополитический): затрагивал аспекты совмещения стратегических приоритетов России и Китая в высоких широтах, а также особенности нормативно-правового регулирования.

Применённый методологический аппарат был дополнен процедурой психолингвистического ассоциативного тестирования, нацеленной на экспликацию неочевидных трансформаций в сфере индивидуального и группового восприятия.

Качественные методы и ассоциативный эксперимент

С целью выявления глубинных трансформаций в восприятии региона, предполагающих переход от декларативных знаний к личностно присвоенным смыслам, в исследовательский инструментарий были интегрированы методы психолингвистики и визуальной социологии (Ли Юецзяо, Васильева, 2025; Владимирова, Шарри, 2025).

Метод свободных ассоциаций реализовывался через предъявление респондентам понятия-стимула «Российская Арктика» с инструкцией зафиксировать первые три существительных или прилагательных, возникающих в сознании. Сопоставление ассоциативных ядер (наиболее частотных реакций) на входном и итоговом этапах позволило объективировать динамику трансформации образа территории.

Творческая интерпретация как исследовательский приём нашла воплощение в финальном задании, предполагавшем разработку мини-презентаций на тему «Моя Арктика». Контент-анализ презентационных материалов проводился по критериям наличия маркеров эмоциональной вовлечённости и использования специфических региональных кодов (лексические единицы, визуальные образы), что в теоретической перспективе выступает индикатором эффективности реализуемых стратегий «мягкой силы» (Таланов, 2024; Давыдова, 2024).

Обработка эмпирических данных

Количественные показатели, полученные в ходе тестирования, подвергались обработке методами описательной статистики с расчётом процентных распределений и динамики прироста (в процентных пунктах). Качественные данные, репрезентированные ассоциативными рядами, были обработаны посредством процедуры семантической кластеризации. Все зафиксированные реакции классифицированы по категориям («Природно-климатические», «Ресурсно-экономические», «Культурно-гуманитарные»), что позволило визуализировать сдвиг фокуса внимания студентов под влиянием образовательного воздействия.

Результаты исследования

Когнитивная динамика: количественная оценка уровня подготовки

Входное тестирование, проведённое на начальном этапе реализации образовательной программы, позволило констатировать недостаточный уровень компетенций китайских студентов в отношении различных аспектов функционирования Российской Арктики. Средний показатель правильных ответов по выборке составил лишь 32%. Наибольшие затруднения у респондентов вызвали вопросы, связанные с исторической ретроспективой освоения северных территорий, административно-территориальным устройством Арктической зоны РФ, а также с узкоспециальными деталями эксплуатации Северного морского пути. Полученные результаты свидетельствуют о том, что до начала обучения Арктический регион воспринимался большинством учащихся как terra incognita, концептуализируясь исключительно сквозь призму климатических стереотипов, при

игнорировании исторического контекста и социокультурной специфики региона.

После завершения трёхнедельного образовательного цикла была зафиксирована выраженная положительная динамика: средний уровень верных ответов достиг 79%, что соответствует приросту в 47 процентных пунктов. Данный показатель является статистически значимым и наглядно демонстрирует эффективность методологии интенсивного погружения в лингвокультурную среду для формирования предметных знаний о регионе. Более детальный анализ динамики приращения знаний по тематическим блокам представлен в табл. 2.

Таблица 2

Когнитивная динамика знаний студентов КНР о Российской Арктике

Тематический блок	До программы (%)	После программы (%)
Географическое положение и климат	44	92
История полярных исследований	16	68
Геополитика и СМП	36	92
Культура и традиции народов Севера	28	64
Экология и устойчивое развитие	36	80
Среднее значение	**32**	**79**

Если посмотреть на цифры в табл. 2 подробнее, видно, что рост знаний по разным темам шёл неравномерно. Сильнее всего — на 56 процентных пунктов — выросли показатели в разделе «Геополитика и Северный морской путь». Это, скорее всего, говорит о том, что китайским студентам особенно интересны практические вещи: как устроены транспортные потоки, коммерческое судоходство. Они явно видят в этих знаниях базу для своей будущей работы. Хороший прирост — плюс 52 пункта — дал и блок по истории полярных исследований. Получается, нам удалось донести до аудитории российский взгляд на историю освоения Арктики, хотя на входе у большинства студентов этих знаний практически не было.

Показательно и другое: после окончания программы 92% участников могли без ошибок рассказать, где проходит Северный морской путь и в чём его плюсы по сравнению с традиционными южными маршрутами. Хотя вначале многие путали Севморпуть с Транссибом или имели очень смутное представление о его географии (например, не знали, что он тянется от Новой Земли до Берингова пролива). Значит, даже короткая образовательная программа смогла заполнить этот пробел и дать участникам первые профессиональные знания об Арктике.

Трансформация ассоциативного поля: от мифологизированных репрезентаций к концептуализации реальности

Качественный анализ результатов ассоциативного эксперимента позволил зафиксировать глубинные изменения в структуре восприятия региона, выходящие за рамки простого приращения фактических знаний. Ассоциативное поле, реконструированное на этапе входного тестирования, характеризовалось доминированием абстрактных и климатически детерминированных концептов. В ядро ассоциаций (наиболее частотные

реакции) входили лексемы: «холод» (92%), «лёд» (88%), «белый медведь» (76%), «снег» (64%) и «далеко» (52%). Подобная конфигурация ассоциативного поля позволяет заключить, что Арктика репрезентировалась в сознании китайских студентов как враждебная, малозаселённая и статичная территория, лишённая исторической динамики и экономической конкретики.

По завершении летней школы структура ассоциативного ядра претерпела радикальную трансформацию. На доминирующие позиции выдвинулись концепты, репрезентирующие геоэкономическую значимость региона и его культурно-историческую уникальность. Структура ассоциативного ядра на итоговом этапе исследования представлена в табл. 3.

Таблица 3

Структура ассоциативного ядра «Российская Арктика» (по итогам программы)

Ассоциация (после программы)	Частотность (%)	Категория
Северный морской путь	92	Геоэкономика / Логистика
Поморы	84	Культура / История
Дружба	80	Эмоциональный капитал
Ледокол	76	Технологии
Ломоносов	68	Наука / Образование
Перспектива	60	Будущее

Тот факт, что понятие «Северный морской путь» появилось в итоговых ассоциациях у 92% участников, говорит о многом. По сути, Севморпуть стал для них главным символом Российской Арктики — именно таким, каким он и должен восприниматься после знакомства с реальным положением дел. Не менее показательно и другое: 84% респондентов назвали среди первых ассоциаций «поморов». Это как раз тот случай, когда регион перестаёт быть безликим. Через знакомство с историей и культурой людей, которые веками осваивали эти суровые земли, Арктика обрела для студентов человеческое лицо, перестала быть просто холодным пространством на карте (Марьянчик, Попова, 2022). Данный результат может рассматриваться как эмпирическое подтверждение успешного преодоления стереотипной репрезентации Арктики в качестве безлюдного, статичного пространства и формирования её образа как территории жизни и трудовой деятельности уникальной этнокультурной общности. Данный вывод коррелирует с положениями работ, посвящённых роли историко-культурного компонента в структуре региональной идентичности (Марьянчик, Попова, 2022).

Эмоционально-ценностный сдвиг в восприятии объективирован появлением в ядре ассоциаций «дружба» (80%) и «перспектива» (60%). Подобная динамика может интерпретироваться как свидетельство формирования устойчивого позитивного эмоционального капитала в отношении Российской Арктики. Произошла трансформация восприятия региона с негативно окрашенного (угроза, экстремальность) на позитивно заряженное (возможности для профессиональной самореализации и межкультурного диалога). Высокий ранг ассоциации «ледокол» (76%) акцентирует уважительное отношение китайской аудитории к технологическому потенциалу России, что, согласно концепции

«мягкой силы», выступает значимым фактором привлекательности государства как партнёра в реализации сложных инфраструктурных проектов (Погодин, Лун, 2024; Лебедева, Фор, 2009).

Анализ периферийных зон ассоциативного поля фиксирует его качественное усложнение. Наряду с доминирующими концептами в ответах респондентов были зафиксированы такие образы, как «Малые Корелы», «арктическая кухня», «атомный флот», «научная станция». Подобная детализация свидетельствует о переходе от одномерного, климатически детерминированного образа к многомерной и фактурной репрезентации российского Севера, включающей культурно-этнографические, технологические и научно-исследовательские компоненты. Именно из таких — на первый взгляд периферийных, но очень ярких и личных — деталей и складывается то самое уникальное восприятие, которое невозможно получить из книг или статей в Интернете. Оно рождается только через собственный опыт, через живые впечатления. Значит, можно сказать, что программа сделала нечто большее, чем просто заполнила пробелы в знаниях. Она дала участникам основу для того, чтобы Арктика стала для них чем-то близким и лично значимым, а не просто ещё одной темой из учебника (см. рис. 1).

Рис. 1. Ассоциативная карта участницы школы[1].

Демифологизация Арктики как образовательная стратегия

В основу программы летней школы была заложена идея последовательной демифологизации Арктики. Речь шла о том, чтобы шаг за шагом заменять стереотипные образы, которые обычно транслируют медиа, на знания, подтверждённые наукой. Если говорить о структуре, то этот процесс можно разделить на три этапа. Каждый из них был рассчитан на определённый уровень восприятия и решал свои задачи по изменению того, как студенты думают и что чувствуют по отношению к региону.

Климатическая демифологизация. На данном этапе решалась задача деконструкции

[1] Источник: карта разработана участницей летней школы русского языка и культуры-2025.

устойчивого мифа об Арктике как о пространстве исключительно «вечной мерзлоты», сопряжённом с экзистенциальными угрозами. В ходе образовательных мероприятий студенты актуализировали знания о ландшафтном разнообразии арктических территорий, знакомились с урбанистической спецификой современных северных городов (Архангельск, Мурманск), обладающих развитой инфраструктурой, а также получали эмпирические подтверждения тому, что климатические условия Арктики в летний период могут характеризоваться как комфортные. Подобная репрезентация способствовала снижению биологически детерминированного страха перед регионом и, как следствие, повышению его туристической и образовательной аттрактивности в восприятии китайской аудитории.

Технологическая демифологизация. На этом этапе главной задачей стало разрушение ещё одного устойчивого мифа — будто Арктика представляет собой технологически отсталую окраину. В противовес этому стереотипу студентам показывали реальный облик российского присутствия в высоких широтах, где используются самые современные разработки. Речь шла об атомном ледокольном флоте, цифровых системах, которые обеспечивают навигацию по Северному морскому пути, а также о строительных решениях, позволяющих возводить объекты в условиях вечной мерзлоты. Для китайской молодёжи, которая очень чутко реагирует на всё, что связано с технологическими новинками, такая информация стала весомым аргументом в пользу того, что Россия действительно занимает лидирующие позиции в освоении Арктики и обладает уникальными компетенциями, которых больше нет ни у кого в мире.

Геополитическая демифологизация. Третий этап программы был посвящён пересмотру западных трактовок, которые представляют Арктику как зону неизбежного противостояния. Арктика концептуализировалась как пространство диалога, в котором интересы Российской Федерации и Китайской Народной Республики могут быть гармонизированы на принципах взаимной выгоды и долгосрочного стратегического партнёрства. Данный подход согласуется с концепцией «позитивной секьюритизации», предполагающей акцентирование кооперативного потенциала региона в противовес конфликтным сценариям (Рекец, 2024).

Эффективность реализованной стратегии демифологизации находит эмпирическое подтверждение в данных итогового тестирования: 80% участников выразили несогласие с утверждением, редуцирующим Арктику до «ледяной пустыни». В качественных ответах респондентов регион определялся как «территория будущего», «ресурсная сокровищница» и «ключевое звено глобальной логистики». Полученные результаты позволяют заключить, что образовательное воздействие способствовало переводу восприятия Арктики из плоскости сугубо «природного феномена» в плоскость «геополитического ресурса» и «пространства возможностей», что соответствует задачам формирования у иностранной аудитории адекватного понимания российских национальных интересов в регионе.

Роль Северного (Арктического) федерального университета в реализации стратегий «мягкой силы» на арктическом направлении

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова занимает особое место в институциональной архитектуре образовательной дипломатии Российской Федерации. Позиционируя себя как «ворота в Арктику», университет аккумулирует и адаптирует лучшие практики работы с иностранным студенческим контингентом применительно к специфике северного макрорегиона. Опыт реализации летней школы 2025 г. продемонстрировал, что интеграция лингвистической подготовки с профильным регионоведческим компонентом создаёт выраженный синергетический эффект, позволяя достигать результатов, недоступных при изолированном применении данных подходов.

Для китайского студенческого контингента САФУ выступил не только в роли образовательной институции, но и как институциональный гарант надёжности двустороннего партнёрства. Китайская культурная традиция, как известно, придаёт существенное значение статусу учебного заведения и его аффилированности с государственной повесткой. Тот факт, что САФУ имеет статус федерального университета, на который возложены задачи кадрового обеспечения Арктической зоны Российской Федерации, существенно повышает легитимность транслируемых знаний в восприятии китайской молодёжи, что согласуется с выводами исследователей, фиксирующих значимость институционального фактора в структуре образовательной привлекательности (Давыдова, 2024).

Накопленный в университете опыт включает обширную практику применения экспедиционных форматов обучения. В частности, проект «Арктический плавучий университет» можно квалифицировать как одну из наиболее иммерсивных методик образовательного погружения. При этом, даже в случае реализации программы на стационарной базе, обучающиеся получают возможность прямого диалога с научными сотрудниками, недавно завершившими полевые работы в высоких широтах. Подобная педагогическая архитектура придаёт транслируемым знаниям повышенную достоверность и способствует ощущению сопричастности к актуальным научным изысканиям.

Помимо этого, САФУ выполняет функцию консолидирующей платформы, где инициируются профессиональные контакты и прокладываются траектории долгосрочного сотрудничества. По завершении Летней школы 2025 г. значительная часть студентов выразила намерение продолжить своё академическое развитие в магистратуре или аспирантуре. Это следует рассматривать как маркер формирования стабильного канала привлечения одарённых иностранных абитуриентов — по сути, воронки рекрутинга. В данной парадигме краткосрочные образовательные модули выполняют функцию первичного апробирования российской системы высшего образования, что позволяет кандидатам сформировать обоснованные ожидания и минимизировать вероятность последующей социокультурной дезадаптации. Таким образом, подобные форматы способствуют расширению экспортного потенциала отечественного образования и, в стратегической перспективе, укреплению

гуманитарного влияния Российской Федерации на территории КНР.

Обсуждение результатов исследования

Полученные в ходе эмпирического исследования данные, фиксирующие трансформацию восприятия Арктического региона у китайских студентов — участников летней школы САФУ 2025 г., позволяют выйти на уровень концептуального осмысления потенциала краткосрочных образовательных форматов как инструмента реализации стратегий «мягкой силы» Российской Федерации. В условиях современной геополитической динамики, характеризующейся переориентацией векторов международного сотрудничества с западного на восточное направление (Погодин, Лун, 2024; Николаев, 2022), интенсивные образовательные программы обретают не только педагогическое, но и стратегическое измерение. Работа с иностранным студенческим контингентом сегодня конституируется как неотъемлемый компонент имиджевой политики государства и механизм формирования лояльных пророссийских элит (Махмутова, 2019). Опыт САФУ демонстрирует, что переход от абстрактных, мифологизированных репрезентаций Арктики к конкретным профессионально ориентированным концептам становится возможным именно благодаря адаптации образовательных стратегий к «новой реальности» в сфере экспорта образовательных услуг.

Когнитивная трансформация: от информационного вакуума к стратегической осведомлённости

Зафиксированная в ходе исследования когнитивная динамика — статистически значимый прирост уровня знаний с 32% до 79% — свидетельствует о преодолении того критического «когнитивного разрыва», который ранее идентифицировался исследователями в качестве существенного барьера для продвижения российского образовательного присутствия (Николаев, 2022). Тот факт, что максимальный прирост (+56 п.п.) был достигнут в блоке «Геополитика и Северный морской путь», позволяет интерпретировать данный результат как индикатор высокой прагматической мотивации китайской аудитории. Выявленная закономерность коррелирует с общей стратегической линией КНР, направленной на углубление вовлечённости в арктические процессы и практическую реализацию инициативы «Полярный Шёлковый путь» (Рекец, 2024).

Студенческая молодёжь КНР, принадлежащая к поколению Z, демонстрирует отчётливую ориентацию на получение знаний, обладающих прикладной значимостью для будущей профессиональной карьеры в условиях глобальной конкуренции. Результат, согласно которому 92% участников по завершении программы оказались способны корректно оценить роль Северного морского пути как альтернативной глобальной транспортной артерии, подтверждает эффективность образовательного формата в качестве канала трансляции стратегических приоритетов Российской Федерации. Принципиально важным представляется то обстоятельство, что, в отличие от декларативных политических заявлений, образовательный интенсив создаёт условия, в которых студенты самостоятельно приходят к

выводу о взаимовыгодности российского контроля над трассами Севморпути, интернализуя соответствующие установки на уровне личностных смыслов.

Качественная трансформация восприятия: от стереотипа к образу

Качественный анализ результатов ассоциативного эксперимента выявил фундаментальную реструктуризацию ассоциативного ядра — переход от доминирования природно-климатических концептов («холод», «лёд») к социокультурным и геоэкономическим репрезентациям. Появление в ядре ассоциаций концепта «поморы» с частотностью 84% может интерпретироваться как ключевой индикатор успешной демифологизации региона: Арктика обрела антропологическое измерение, будучи персонифицированной через историю и культуру конкретного субэтноса (Андрейченко, 2022). Данная трансформация отвечает задачам формирования репутационного капитала страны через погружение в локальный контекст, или, пользуясь терминологией исследователей, через актуализацию «гения места». Смещение фокуса ассоциативного поля на «Северный морской путь» и «ледокол», как символ технологического присутствия, подтверждает, что в восприятии студентов регион начал концептуализироваться как сложная технологическая система, в рамках которой Россия обладает уникальными компетенциями, не имеющими аналогов в мировой практике (прежде всего в сфере атомного ледокольного флота). Подобная репрезентация представляется критически значимой для формирования у будущих представителей китайской элиты устойчивой уверенности в надёжности России как стратегического партнёра в высокоширотных проектах.

Полученные результаты в определённой мере контрастируют с выводами более ранних исследований, фиксировавших серьёзные трудности социокультурной адаптации китайских студентов, связанные с их склонностью к изоляции внутри национальных групп и высоким уровнем аккультурационного стресса, усугубляемого языковым барьером. Успех программы, выразившийся в том числе в появлении ассоциации «дружба» в ядре итогового ассоциативного поля (80%), доказывает, что краткосрочные интенсивные форматы обладают потенциалом для преодоления замкнутости национальных «пузырей».

Принципы интенсивного обучения — коммуникативная направленность, ситуативность, индивидуализация — позволяют в сжатые сроки сформировать атмосферу доверия и межличностной близости. Ускоренное погружение в рамках летней школы выступает своего рода «тест-драйвом» российской образовательной среды, существенно снижая порог вхождения в инокультурный контекст и формируя первичную лояльность, которая в дальнейшем может стать основой для выстраивания долгосрочных образовательных и профессиональных траекторий.

Стратегические измерения образовательной дипломатии в Арктике

Анализ полученных результатов позволяет заключить, что реализуемые в арктическом регионе образовательные программы успешно вписываются в обновлённые стратегии

«мягкой силы» обеих стран. Для Китая участие в подобных форматах выступает элементом реализации концепции двойной циркуляции, предполагающей качественное обогащение внутренних ресурсов через призму культурной уверенности и международного взаимодействия (Зиневич, Селезнева, 2022). Для России образовательная дипломатия в Арктике конституируется как действенный инструмент защиты национального суверенитета, реализуемый через формирование пула лояльных международных экспертов, способных выступать проводниками российских интересов в своих странах (Харичкин, Шамаров, 2021).

Проведённое исследование подтвердило, что для эффективной работы на китайском образовательном рынке недостаточно простого перевода контента на китайский язык; требуется глубокая смысловая адаптация содержания под ценности концепции «сообщества единой судьбы». Успех программы в САФУ стал возможен именно благодаря такой адаптации, в рамках которой российские интересы в Арктике были репрезентированы не как эгоистические устремления, но как органичная часть общего будущего двух держав, выстраиваемого на принципах взаимной выгоды и долгосрочного стратегического партнёрства.

Переход от «ресурсного» образа России в Арктике к образу технологического и научного лидера, способного обеспечить устойчивое развитие региона в интересах всего человечества, требует системных усилий со стороны государства, университетского сообщества и институтов гражданского общества по продвижению национальных интересов в глобальном гуманитарном пространстве. Для закрепления достигнутых результатов вузам необходимо усиливать цифровую составляющую продвижения, осваивая инструментарий SMM в китайских социальных сетях и мессенджерах (Baidu, WeChat), что позволит выстраивать непрерывную коммуникацию с целевой аудиторией за пределами краткосрочных образовательных интенсивов (Николаев, 2022).

Заключение

Проведённое исследование позволило осуществить комплексный анализ роли и результативности образовательной дипломатии в качестве инструмента формирования региональной идентичности и укрепления гуманитарного присутствия Российской Федерации в контексте российско-китайского сотрудничества в Арктической зоне. Эмпирические данные, полученные в ходе реализации краткосрочной летней школы на базе Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, подтверждают, что интенсивные образовательные форматы, как сезонные языковые школы, выступают статистически верифицируемым механизмом преодоления когнитивного разрыва и деконструкции стереотипных репрезентаций Российской Арктики в сознании китайской студенческой аудитории.

Научная новизна исследования заключается в теоретическом обосновании и эмпирической верификации перехода от экстенсивных, количественных, показателей

образовательной активности к качественным трансформациям в структуре восприятия региона. Посредством применения психолингвистического инструментария и метода ассоциативного эксперимента зафиксирована фундаментальная реструктуризация ассоциативного ядра: от доминирования природно-климатических концептов («холод», «лёд», «белый медведь») к геоэкономическим и социокультурным репрезентациям («Северный морской путь», «поморы», «ледокол», «дружба»). Установлено, что успешная трансформация образа Арктики из «ледяной пустыни» в «регион будущего и ключевое логистическое звено» достигается лишь при условии глубокой смысловой адаптации образовательных программ под ценностные ориентации китайской молодёжи, и прежде всего — под концепцию «сообщества единой судьбы», интегрирующую российские стратегические интересы в более широкий контекст двустороннего партнёрства.

Практическая значимость работы определяется доказательством высокой эффективности интенсивных образовательных форматов, реализуемых на базе САФУ, для решения задач «мягкой силы» в арктическом регионе. Выявленные в ходе исследования закономерности — доминирование визуального канала восприятия, критическая значимость эмоционального капитала для формирования устойчивых позитивных установок, выраженный прагматический интерес китайской аудитории к инфраструктурным проектам Северного морского пути — могут быть использованы при оптимизации экспортной стратегии российского высшего образования, а также при разработке целевых программ по привлечению и адаптации иностранных студентов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Чтобы укрепить гуманитарное присутствие России в китайском направлении, в дальнейшем стоит сосредоточиться на нескольких вещах. Во-первых, важно развивать цифровые каналы связи с целевой аудиторией — например, активнее работать в китайских соцсетях и мессенджерах вроде Baidu и WeChat. Это позволит не терять контакт со студентами после того, как краткосрочные программы заканчиваются. Во-вторых, нужно встраивать научно-образовательную деятельность в долгосрочную логику стратегического партнёрства двух стран. Речь о том, чтобы переходить от разовых мероприятий к выстраиванию целых образовательных маршрутов: от бакалавриата к магистратуре, затем к аспирантуре и дальше — к совместным исследовательским проектам. И в-третьих, требуется более глубокая смысловая адаптация учебных материалов под ценности китайской аудитории, но без потери фокуса на российских национальных интересах.

Если смотреть на результаты исследования в целом, становится понятно: образовательная дипломатия сегодня — это не просто педагогика, а полноценный стратегический ресурс. С его помощью формируется пул лояльных России зарубежных экспертов. Это создаёт основу для преемственности российско-китайского диалога в Арктике, выступает своего рода институциональной памятью и гарантирует устойчивость сотрудничества даже в случае геополитических колебаний. В будущем имеет смысл заняться сравнительным анализом разных моделей образовательной дипломатии, а также изучить, как

краткосрочные программы влияют на карьерные траектории иностранных выпускников и их готовность участвовать в совместных с Россией проектах.

Список источников

Андрейченко Н.Н. Образовательное сотрудничество в арктическом регионе: опыт исследования // Россия: общество, политика, история. 2022; 2 (2): 2–11.

Владимирова С.С., Шарри Т.Г. Культурные коды России в практике обучения иностранных студентов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2025; 217: 3–12. https://doi.org/10.33910/1992-6464-2025-217-61-73

Гутенев М.Ю., Лагутина М.Л., Сергунин А.А. Российские университеты как акторы арктической научной дипломатии // Высшее образование в России. 2023; 32 (8–9): 70–88. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-70-88

Давыдова Т.Е. Опыт и перспективы использования «мягкой силы» образования в национальных интересах современного государства // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2024; 15 (1 (42)): 11–16. https://doi.org/10.24412/2587-6236-2024-142-11-16

Денисов Н.Г., Юань Цзяли, Марченко Н.О. О роли традиционной культуры в укреплении этнической идентичности в Китае и России // Культурная жизнь Юга России. 2024; 2 (93): 7–15. https://doi.org/10.24412/2070-075X-2024-2-7-15

Ефименко А.М. Концептуальные и прикладные аспекты реализации российской «мягкой силы» в современных международных отношениях // Via in tempore. История. Политология. 2025; 52 (3): 754–764. https://doi.org/10.52575/2687-0967-2025-52-3-754-764

Зашихина И.М. Медиаобраз Арктики: решение задачи кадрового обеспечения региона // Арктика и Север. 2024; 57: 115–135. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.115

Зевелева Е.А., Кокунов К.А. Мягкая сила как инструмент внешней политики современной России // Человек. Общество. Инклюзия. 2024; 15 (2): 17–24. https://doi.org/10.24412/2412-8139-2024-2-17-24

Зиневич О.В., Селезнева Н.В. Новая стратегия «мягкой силы» Китая // Вестник МГИМО-Университета. 2022; 15 (6): 36–54. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54; https://www.elibrary.ru/LWTBHQ

Зуенко И.Ю. Российско-китайское сближение в контексте соперничества КНР и США: поиск отправной точки и оценка перспектив // Мировая экономика и международные отношения. 2023; 67 (11): 24–34. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-11-24-34

Кефели И.Ф., Николаенко А.В. Арктическая стратегия России в Большом Евразийском партнерстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021; 15 (4): 109–121. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-04-109-121

Кислова Н.Н., Шалифова О.Н., Клюшина А.М. Международная летняя школа по русскому языку как иностранному в Самарском Государственном Социально-Педагогическом Университете (23.06.2021 — 4.08.2021) // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. 2022; 21: 181–183. https://doi.org/10.18778/1731-8025.21.16

Кушнарев Ф.Ю. Образование как элемент «мягкой силы» во внешней политике России в условиях динамики политических изменений // Мир русскоговорящих стран. 2024; 4 (22): 24–36. https://doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-24

Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009; 6 (9): 6–12.

Ли Бо. Формирование арктической политики Китая // Социально-политические науки. 2024; 14 (2): 106–112. https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-2-106-112

Ли Юецзяо, Васильева Г.М. Образ Арктики в языковом сознании российских и китайских студентов (по данным психолингвистических экспериментов) // Мир науки, культуры, образования. 2025; 3 (112): 3–7.

Люй Пэйин. Создание и сотрудничество китайско-российских арктических мозговых центров в вузах: контекст, позиционирование и пути развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024; 4 (50): 120–129. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-130-140

Марьянчик В.А., Попова Л.В. Знакомство с Арктикой и Русским Севером (опыт проведения дистанционных школ) // Арктика и Север. 2022; 47: 268–276. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.47.268

Махмутова Е.В. Анализ опыта работы с иностранными студентами в России и Китае // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019; 9 (6): 24–29. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-24-29

Николаев В.К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // Высшее образование в России. 2022; 31 (2): 149–166. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166

Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. Москва: МГИМО (У). 2012; 197.

Питухина М.А., Белых А.Д. Карельская Арктика в направлениях арктической политики Китая на современном этапе // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2024; 1 (35): 115–129. https://doi.org/10.25587/2310-5453-2024-1-115-129

Погодин С.Н., Лун Ц. Китайско-российское сотрудничество в Арктике на современном этапе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024; 18 (4): 120–129. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-120-129

Рекец М.О. Курс на Север: арктическая политика Китая в контексте глобальных геополитических изменений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2024; 24 (3): 371–384. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-371-384

Рыжкова И.В., Сергеев А.М. Образовательное пространство Баренцева Евро-Арктического региона // Научный диалог. 2012; 10: 34–52.

Сычев А.А., Фофанова К.В. Образовательная дипломатия: формирование новой модели (на примере взаимодействия России и Юго-Восточной Азии) // Интеграция образования. 2025; 29 (4): 610–625. https://doi.org/10.15507/1991-9468.029.202504.610-625

Таланов С.Л. Экспорт российского высшего образования как инструмент «мягкой силы» // Социально-политические исследования. 2024; 1 (22): 68–83. https://doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-68

Топоркова Е.П., Чжоу Лися. К вопросу исследования восприятия имиджа территорий России в Китае: приграничный аспект // Региональные проблемы. 2015; 18 (1): 48–51.

Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012; 4 (25): 85–93.

Харичкин И.К., Шамаров П.В. Гуманитарная деятельность как мягкая геополитическая сила современной России // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2021; 1 (842): 35–52. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_1_842_35

Чжан Ю., Керимов А.А. «Мягкая сила» во взаимоотношениях Китая и России: направления и механизмы реализации // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024; 47: 100–110. https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.100

Юн Л.Г., Дубаков Л.В., Дубакова А.А. Лингводидактические возможности использования кинофильмов в аспекте преподавания русского языка как иностранного китайским учащимся в условиях неязыковой среды // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2025; 1: 3–11. https://doi.org/10.24412/2225-8264-2025-1-944

Юнюшкина А.С. Арктическая стратегия Китая: внешняя политика при Си Цзиньпине (в период с 2013 по 2024 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2025; 4: 204–210. https://doi.org/10.24158/fik.2025.4.27

Guest G., Bunce A., Johnson L. How Many Interviews Are Enough?: An Experiment with Data Saturation and Variability // Field Methods. 2006; 18 (1): 59–82. https://doi.org/10.1177/1525822X05279903

Hennink M.M., Kaiser B.N., Marconi V.C. Code Saturation Versus Meaning Saturation: How Many Interviews Are Enough? // Qualitative Health Research. 2017; 27 (4): 591–608. https://doi.org/10.1177/1049732316665344

Knight J. Knowledge diplomacy: the role of international higher education, research and innovation in international relations. In book: International Encyclopedia of Education (Fourth Edition). Elsevier. 2023; 202–209. https://doi.org/10.1016/b978-0-12-818630-5.02035-2

Malterud K., Siersma V.D., Guassora A.D. Sample Size in Qualitative Interview Studies: Guided by Information Power // Qualitative Health Research. 2016; 26 (13): 1753–1760. https://doi.org/10.1177/1049732315617444

Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs. 2004; 191.

Sandelowski M. Sample size in qualitative research // Research in Nursing & Health. 1995; 18 (2): 179–183. http://dx.doi.org/10.1002/nur.4770180211

Zashikhina I., Griva O. Evaluating the impact of short-term Russian language and culture programmes on adult learners // Training, Language and Culture. 2024; 8 (4): 74–85. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2024-8-4-74-85

References

Andreychenko N.N. Educational Cooperation in the Arctic Region: Research Experience. *Russia: Society, Politics, History*. 2022; 2 (2): 2–11.

Davydova T.E. Experience and Prospects of Using the “Soft Power” of Education in the National Interests of the Modern State. *Bulletin of the University of World Civilizations*. 2024; 15 (1 (42)): 11–16. https://doi.org/10.24412/2587-6236-2024-142-11-16

Denisov N.G., Yuan Jiali, Marchenko N.O. On the Role of Traditional Culture in Strengthening Ethnic Identity in China and Russia. *Cultural Studies of Russian South*. 2024; 2 (93): 7–15. https://doi.org/10.24412/2070-075X-2024-2-7-15

Efimenko A.M. Conceptual and Practical Aspects of Implementing Russia's “Soft Power” in Contemporary International Relations. *Via in Tempore. History and Political Science*. 2025; 52 (3): 754–764. https://doi.org/10.52575/2687-0967-2025-52-3-754-764

Guest G., Bunce A., Johnson L. How Many Interviews Are Enough?: An Experiment with Data Saturation and Variability. *Field Methods*. 2006; 18 (1): 59–82. https://doi.org/10.1177/1525822X05279903

Gutenev M.Yu., Lagutina M.L., Sergunin A.A Russian Universities as Actors of Arctic Science Diplomacy. *Higher Education in Russia*. 2023; 32 (8–9): 70–88. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-70-88

Hennink M.M., Kaiser B.N., Marconi V.C. Code Saturation Versus Meaning Saturation: How Many Interviews Are Enough? *Qualitative Health Research*. 2017; 27 (4): 591–608. https://doi.org/10.1177/1049732316665344

Kefeli I.F., Nikolaenko A.V. Russia’s Arctic Strategy in the Greater Eurasian Partnership. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2021; 15 (4): 109–121. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-04-109-121

Kharichkin I.K., Shamarov P.V. Humanitarian Activities as a Soft Geopolitical Power of Modern Russia. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2021; 1 (842): 35–52. https://doi.org/10.52070/2500-347Kh_2021_1_842_35

Kislova N.N., Shalifova O.N., Klyushina A.M. Russian Language Course at International Summer School of Samara State University of Social Sciences and Education (23.06.2021 – 4.08.2021). *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica*. 2022; 21: 181–183. https://doi.org/10.18778/1731-8025.21.16

Knight J. Knowledge Diplomacy: The Role of International Higher Education, Research and Innovation in International Relations. In: *International Encyclopedia of Education (Fourth Edition)*. Elsevier, 2023: 202–209. https://doi.org/10.1016/b978-0-12-818630-5.02035-2

Kushnarev F.Yu. Education as an Element of “Soft Power” in Russia’s Foreign Policy in the Context of Dynamic Political Changes. *World of Russian-Speaking Countries*. 2024; 4 (22): 24–36. https://doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-24

Lebedeva M.M., Fort J. Higher Education as Soft Power Potential of Russia. *MGIMO Review of International Relations*. 2009; 6 (9): 6–12.

Lee Bo. Shaping China’s Arctic Policy. *Sociopolitical Sciences*. 2024; 14 (2): 106–112. https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-2-106-112

Li Yuejiao, Vasileva G.M. Environmental Concepts in the Linguistic Consciousness of Russian and Chinese Students (Based on the Data of Psycholinguistic Experiments). *The World of Science, Culture and Education*. 2025; 3 (112): 3–7.

Lv Peiying. Establishment and Cooperation of Sino-Russian Arctic Think Tanks in Universities: Context,

Positioning, and Pathways. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2024; 4 (50): 120–129. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-130-140

Makhmutova E.V. Analysis of Work Experience with International students in Russia and China. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019; 9 (6): 24–29. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-24-29

Malterud K., Siersma V.D., Guassora A.D. Sample Size in Qualitative Interview Studies: Guided by Information Power. *Qualitative Health Research*. 2016; 26 (13): 1753–1760. https://doi.org/10.1177/1049732315617444

Maryanchik V.A., Popova L.V. Learning about the Arctic and the Russian North (Experience of Distance Schools). *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2022; 47: 268–276. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.47.268

Nikolaev V.K. Exporting Russian Higher Education in the Conditions of a New Reality. *Higher Education in Russia*. 2022; 31 (2): 149–166. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166

Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs; 2004. 191 p.

Panova E.P. *"Soft Power" as a Way of Influencing World Politics: Cand. Polit. Sci. Diss*. Moscow, MGIMO Publ.; 2012. 197 p. (In Russ.)

Pitukhina M.A., Belykh A.D. The Karelian Arctic in the Directions of China's Arctic Policy at the Present Stage. *Arctic XXI Century. Humanitarian Sciences*. 2024; 1 (35): 115–129. https://doi.org/10.25587/2310-5453-2024-1-115-129

Pogodin S.N., Long C. Chinese-Russian Cooperation in the Arctic at the Present Stage. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2024; 18 (4): 120–129. https://doi.org/ 10.22394/2073-2929-2024-04-120-129

Rekets M.O. China's Arctic Policy in a Time of Global Geopolitical Transformation: A Northern Orientation. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2024; 24 (3): 371–384. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-371-384

Ryzhkova I.V., Sergeev A.M. Educational Space of Barents Euro-Arctic Region. *Nauchnyi Dialog*. 2012; 10: 34–52.

Sandelowski M. Sample Size in Qualitative Research. *Research in Nursing & Health*. 1995; 18 (2): 179–183. http://dx.doi.org/10.1002/nur.4770180211

Sychev A.A., Fofanova K.V. Educational Diplomacy: Shaping a New Model (Based on the Interaction between Russia and Southeast Asia). *Integration of Education*. 2025; 29 (4): 610–625. https://doi.org/10.15507/1991-9468.029.202504.610-625

Talanov S.L. Export of Russian Higher Education as a Tool of "Soft Power". *Social and Political Researches*. 2024; 1 (22): 68–83. https://doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-68

Toporkova E.P., Chzhow L. Image of Russian Territories in China. *Regional Problems*. 2015; 18 (1): 48–51.

Torkunov A.V. Education as a Soft Power Tool in Russian Foreign Policy. *MGIMO Review of International Relations*. 2012; 4 (25): 85–93.

Vladimirova S.S., Sharri T.G. Cultural Codes of Russia in the Practice of Teaching Foreign Students. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2025; 217: 3–12. https://doi.org/10.33910/1992-6464-2025-217-61-73

Yun L.G., Dubakov L.V., Dubakova A.A. Lingvodidactic Possibilities of Using Films in the Aspect of Teaching Russian as a Foreign Language to Chinese Students in a Non-Linguistic Environment. *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2025; 1: 3–11. https://doi.org/10.24412/2225-8264-2025-1-944

Yunyushkina A.S. China's Arctic Strategy: Foreign Policy under Xi Jinping (From 2013 to 2024). *Society: Philosophy, History, Culture*. 2025; 4: 204–210. https://doi.org/10.24158/fik.2025.4.27

Zashikhina I., Griva O. Evaluating the Impact of Short-Term Russian Language and Culture Programmes on Adult Learners. *Training, Language and Culture*. 2024; 8 (4): 74–85. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2024-8-4-74-85

Zashikhina I.M. Media Image of the Arctic: Towards Qualified Human Resources. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 57: 115–135. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.115

Zeveleva E.A., Kokunov K.A. Soft Power as a Tool of Modern Russian Foreign Policy. *Human. Society. Inclusion*. 2024; 15 (2): 17–24. https://doi.org/10.24412/2412-8139-2024-2-17-24

Zhang Yu., Kerimov A.A. "Soft Power" in China-Russia Relations: Directions and Implementation

Mechanisms. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. 2024; 47: 100–110. https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.100

Zinevich O.V., Selezneva N.V. China's New Soft Power Strategy. *MGIMO Review of International Relations*. 2022; 15 (6): 36–54. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54; https://www.elibrary.ru/LWTBHQ

Zuenko I.Yu. Russia-China Partnership in the Context of US-China Rivalry: Search of Starting Point and Assessment of Prospects. *World Economy and International Relations*. 2023; 67 (11): 24–34. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-11-24-34

Статья поступила в редакцию 29.03.2026; принята к публикации 20.05.2026

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Редакционный совет

Alfred Colpaert (Альфред Кулпарт), доктор географических наук, профессор физической географии и геоинформатики, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии
Arild Moe (Арилд Мое), кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Фритьофа Нансена, Норвегия
Jens Petter Nielsen (Йенс Петтер Нильсен), доктор исторических наук, профессор отделения истории и религиоведения, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии
Lassi Heininen (Ласси Хайнинен), доктор социальных наук, заслуженный профессор Лапландского университета (Финляндия), приглашенный профессор САФУ имени М.В. Ломоносова, редактор «Арктического ежегодника»
Maria Lähteenmäki (Мария Лахтенмаки), доктор философских наук, профессор кафедры географии и истории, Университет Восточной Финляндии
Andrey N. Petrov (Петров Андрей Николаевич), доктор географических наук, доцент кафедры географии, директор Центра междисциплинарных исследований Арктики, отдаленных и холодных территорий, Университет Северной Айовы, США
Øyvind Ravna (Ойвинд Равна), доктор юридических наук, профессор права юридического факультета, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии
Paul Josephson (Пол Джозефсон), доктор политических наук, профессор, отделение истории, Колби Колледж, США
Белозёров Василий Клавдиевич, доктор политических наук, профессор. Заведующий кафедрой политологии Института международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет
Голохваст Кирилл Сергеевич, доктор биологических наук, профессор, профессор РАН, член-корреспондент РАО, Сибирский федеральный научный центр агробиотехнологий РАН
Ерохин Василий Леонидович, кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики и управления, Харбинский инженерный университет, Харбин, КНР
Зайков Константин Сергеевич, доктор исторических наук, главный редактор журнала «Арктика и Север», Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Кефели Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; вице-президент Академии геополитических проблем, эксперт Российской академии наук. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
Конышев Валерий Николаевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой сравнительных политических исследований факультета международных отношений и политического анализа, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
Котляков Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор, научный руководитель Института географии РАН. Почётный президент Русского географического общества. Действительный член Российской Академии наук, член Европейской академии наук, иностранный член Французской и Грузинской академий наук. Учёная степень Doctor Honoris Causa Тбилисского государственного университета. Почётный член Американского, Мексиканского, Итальянского, Грузинского, Эстонского и Украинского географических обществ, Почётный президент Русского географического общества. Член Межправительственной группы экспертов по проблеме изменения климата, удостоенной (2007) Нобелевской премии мира. Лауреат 11 золотых медалей и премий, в том числе Государственной премии РФ в области науки и техники (2001)
Куприков Никита Михайлович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, доцент. Директор АНО Научно-информационный центр «Полярная инициатива». Почетный полярник, лауреат Премии Правительства Российской Федерации в области туризма (2023), Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Липина Светлана Артуровна, доктор экономических наук, заместитель председателя Совета по изучению производительных сил, Всероссийская академия внешней торговли (СОПС ВАВТ) Минэкономразвития России
Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических наук, профессор, советник председателя ФИЦ «Кольский научный центр РАН», научный руководитель Института проблем промышленной экологии Севера ФИЦ КНЦ РАН, почетный доктор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова
Пилясов Александр Николаевич, доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Генеральный директор АНО «Институт регионального консалтинга». Председатель российской секции Европейской ассоциации региональной науки. Член Экспертного совета по Арктике и Антарктике при Совете Федерации Федерального Собрания РФ. Член рабочей группы Экспертного совета по вопросам законодательного обеспечения развития районов Крайнего Севера при заместителе Председателя Государственной Думы Федерально Собрания РФ
Питухина Мария Александровна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела региональной экономической политики Института экономики КарНЦ РАН, главный научный сотрудник Центра бюджетного мониторинга ПетрГУ, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Петрозаводский государственный университет
Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, внешний совместитель кафедры мировой политики МГИМО МИД РФ
Сизова Ирина Леонидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет
Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России
Ульяновский Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России
Фадеев Алексей Михайлович, доктор экономических наук, профессор Высшей школы управления и бизнеса, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук». Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Приказ об утверждении состава редакционного совета сетевого издания «Арктика и Север» № 266 от 08 апреля 2021 года,
«О внесении изменений в Приказ от 08.04.2022 № 266» от 02 ноября 2022 года,
«О назначении главного редактора средства массовой информации сетевого издания «Арктика и Север» № 519 от 25 июня 2024 года,
«О внесении изменений в приказ от 08.04.2022 № 266» от 28 ноября 2024 года
Веб-версия доступна по ссылке: http://www.arcticandnorth.ru/DOCS/redsovet.php

Выходные данные
Output data

АРКТИКА и СЕВЕР. 2026. № 64

DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64

Главный редактор — Зайков Константин Сергеевич
Ответственный секретарь — Кузнецова Елена Геннадьевна (e.g.kuznetsova@narfu.ru)
Редактор — Грошева Татьяна Евгеньевна (t.grosheva@narfu.ru)
Художественный редактор (английская версия) — Ковалёва Мария Николаевна (m.kovaleva@narfu.ru)
Размещение на сайте — Кузнецова Е.Г.

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ: Регистрационный номер Эл № ФС77-78458 от 08 июня 2020 года
Учредитель, издатель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»
Адрес учредителя, издателя: Россия, 163002, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17
Адрес для корреспонденции: Россия, 163002, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17, редакция журнала «Арктика и Север»
Электронный адрес редакции: aan@narfu.ru
Телефон: 8 (8182) 218979

Подписано «в печать» для размещения на сайте http://www.arcticandnorth.ru — 11.09.2026

ARCTIC and NORTH, 2026, no. 64

DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64

Editor-in-Chief — Konstantin S. Zaikov
Assistant Editor — Elena G. Kuznetsova (e.g.kuznetsova@narfu.ru)
Editor — Tatyana E. Grosheva (t.grosheva@narfu.ru)
Art Editor (English version) — Mariya N. Kovaleva (m.kovaleva@narfu.ru)

Extract from the Register of registered media Registration number Эл No. ФС77-78458 dated June 08, 2020
Founder and Publisher — Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
Address of the Founder and Publisher: Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia
Postal address: “Arctic and North” journal, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia
E-mail: aan@narfu.ru
Phone: +7 (8182) 218979

Online publishing (http://www.arcticandnorth.ru) on September 11, 2026